Переводы святых отцов
по структуре

Славянского Добротолюбия
(на русском языке)

ТОМ 4

ОГЛАВЛЕНІЄ

ТОМ 4

Иоанн Карпафский

1. Краткое сведение о св. Иоанне Карпафском…….. 5
2. Преподобного отца нашего Иоанна Карпафского к монахам, находившимся в индии, писавшим к нему, сто увещательных глав…… 6
3. Слово подвижническое и очень утешительное к обратившимся [к нему] монахам из Индии…… 25

Диадоха, епископ Фотикийский

4. Краткое сведение о блаженном Диадохе…… 30
5. Указание последних пределов или верха совершенства главнейших добродетелей…… 31
6. Подвижническое слово, разделенное на сто глав деятельных, исполненных ведения и рассуждения духовного..... 32

Преподобный Никита Стифат

7. Краткое сведение о нем……. 70
8. 1-ая сотница деятельных глав……..…… 71
9. 2-ая сотница глав о очищении ума…….. 91
10. 3-ья сотница глав о любви и совершенстве жизни……. 114

Каллист Катафагиот

11. Краткое сведение о его жизни……. 127
12. Главы обдуманные и весьма высокие о божественном единении и созерцательной жизни…….. 128

Каллист, патриарх Константиноградский

13. Образ внимания и молитвы…….. 192
14. Того же слово краткое о молитве……. 194

Авва Филимон

15. Крастки сведения о нем…….. 195

16. Многополезное сказание об авве Филимоне…….. 196

Феодор Едесский

17. Краткое сведение о св. Феодоре Едесском……. 207
18. Преподобного отца нашего Феодора сто душеполезнейших глав……. 209
19. Преподобного отца нашего Феодора слово умозрительное…… 228

Илия пресвитер и Екдик

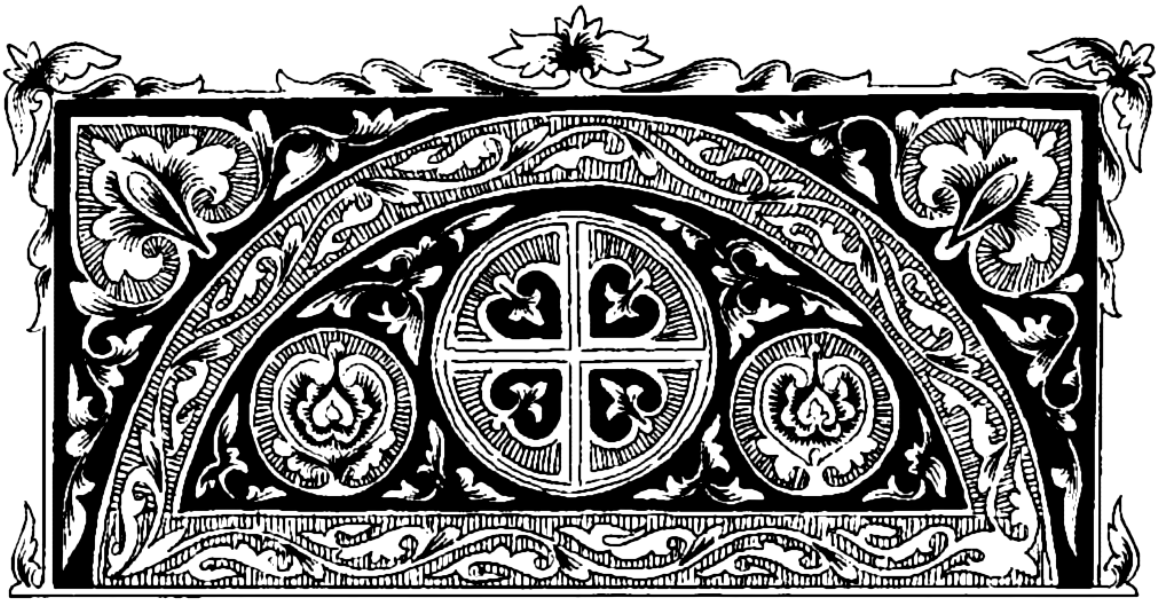
20. Краткое сведение об Илии Екдике…….. 236
21. Цветособрание излюбомудрствованное Илиею, малейшим пресвитером и Екдиком…… 237

Кассиан Римлянин

22. О преподобном Кассиане краткое сведение…… 251
23. Святого Кассиана Римлянина, слово о восьми страстных помыслах…… 252
24. Преподобного отца Иоанна Кассиана к епископу Леонтию, слово большой пользы исполненное……. 302

Нил Постник

25. Краткие сведения о нем…… 314
26. Слово о молитве……. 315
27. Слово постническое (подвижническое)…….. 330

Преподобный отец наш Иоанн Карпафский

Краткое сведение о св. Иоанне Карпафском [1]

О св. отце нашем Иоанне Карпафском, кто он был, в какое время процветал, где совершал течение подвижничества, и все прочее, касающееся его, ничего не известно. Вот только что свидетельствует о нем блаженный Фотий, в 201-м чтении: «Прочитал книгу, в коей, после десяти определений главных добродетелей и ста глав Диадоха, епископа Фотики, что в Эпире, и нескольких писаний Нила Преподобного содержится и писание Иоанна Карпафского, которому он дает такое оглавление: утешительное слово к монахам, обратившимся к нему за утешением из Индии. И это слово состоит также из ста глав». – Судя по сему сопоставлению св. Иоанна с Диадохом и Нилом, можно заключить, что он почитался современником их и жил в пятом веке. Карпаф – большой остров между Родосом и Критом. Св. Иоанн был или родом оттуда, или там подвизался. – Сим словом св. отец отечески намащает читающих мужеством к перенесению скорбей и претерпению находящих искушений.

[1] Переведено из славянского Добротолюбия.

Преподобного отца нашего Иоанна Карпафского к монахам, находившимся в индии, писавшим к нему, сто увещательных глав [2]

Земным царям весенние цветы преподнося, некие из просителей не только не бывали отвергаемы, но иной раз сподоблялись и особенных даров. Так и я, по вашему желанию, заимствованную негде сотницу благих словес принося вам, жительство на Небесах имущим, да буду благосклонно принят и дара молитв от вас да сподоблюсь.

1) Поколику присносущен есть Царь всяческих, не имея ни начала ни конца Царствию Своему: потолику сердечнейшему подобает быть тщанию у тех, кои положили поработать ради Него и ради добродетелей, – благоугодных Ему. Ибо почести настоящей жизни, как ни будь они блестящи, пресекаются вместе с настоящею жизнию, те же, какие Бог разделяет достойным, пребывают вовеки, так как даются вместе с бессмертием.

2) Блаженный Давид, песнь творя Богу от лица всей твари, помянув Ангелов и все Небесныя Силы, снизошел даже и до земли и не пропустил ни зверей, ни скотов, ни пернатых, ни пресмыкающихся, почитая такую песнь от лица их поклонением Сотворшему их, и как бы желая, чтобы всякая тварь имела в сем подобающий ей вклад. Как же монаху, сравниваемому с златом Сапфирским, можно позволить себе ослабеть когда-либо в псалмопении или полениться на него.

3) Как огнь обнимал купину, но не опалял, так и жар тела не беспокоит и не сквернит ни плоти ни ума в тех, кои получили дар бесстрастия, хотя бы они носили тело очень тяжелое и горячее: *ибо глас Господень пресекает пламень* (Пс. 28, 7) естества, и хотение Божие и слово Его разделяют соединенное по естеству.

4) Луна, то увеличиваясь, то умаляясь, изображает состояние человека, то добре действующего, то грешащего, и опять чрез покаяние вступающего на путь добродетели. Ум у согрешившего не погиб, – как некие из вас думают, так же как и у луны не тело умалилось, а свет. Так

[2] Взято из 3-го тома Добротолюбия в переводе Феофана Затворника.

чрез покаяние человек опять возвращает себе свойственную ему светлость, как и луна, после умаления, опять облекается обычным светом. *Веруяй во Христа аще и умрет, оживет* (Ин. 11, 25). *Иувесте, яко Аз Господь: глаголах и сотворю* (Иез. 37, 14).

5) Когда восстанет на тебя мысленно рой вражеских воображений, и ты, поддавшись им, побежден будешь, ведай, что ты на время отделился от божественной благодати; почему по праведному суду и предан в руки падения своего. Подвизайся же, чтоб благодать никогда, даже на мгновение времени, не оставляла тебя за нерадение твое. Когда же, став выше поскользновения, возможешь ты прейти стену страстных помыслов и друг за другом толпящихся скверных прилогов вражеской злокозненности, не окажись неблагодарен, не признав в сем дара, свыше тебе данного; но исповедуй с Апостолом, говоря: *не аз, но благодать Божия, яже со мною* (1 Кор. 15, 10), соделала во мне сию победу, поставила меня выше восставших на меня нечистых помышлений, и *от мужа неправеднаго,* т. е. от диавола и от ветхого человека *избавила меня* (Пс. 17, 49). Почему крылами Духа поднятый горе, и отрешившись как бы от тела, силен я был парить выше охотящихся за мною бесов, обычно уловляющих ум человеческий сетью сластолюбия, избавление от которого вымоливший себе, взывает: изведший меня из земли Египетской, т. е. из душегубительного мира, Сей, рукою тайною ратуя за меня, поразил Амалика и обнадежил меня, что и прочие непотребных страстей народы истребит Господь от лица нашего (Исх. 17, 14–16). Сей Бог наш даст премудрость и силу: ибо некие премудрость получили, но не и силу Духа на побеждение врагов. Сей вознесет главу твою над врагами твоими, и даст тебе *крыле, яко голубине,* и полетишь и почиешь у Бога (Пс. 54, 7). Положит Господь *лук медян мышцы твои,* показывая тебя твердым, скорым и сильным противостоять со-противоборцу, и под ноги твои повергая всех восставших на тебя (Пс. 17, 35–40). Воздай убо благодарение Господу за сохранение чистоты твоей, что не затворил Он тебя в руках похотей плоти твоей и крови и действующих чрез них нечистых и тлетворных духов, но как стеною, оградил тебя десницею Своею. Созижди Ему алтарь, как Моисей по обращении в бегство Амалика (Исх. 17, 15), и воспой Ему: *сего ради исповемся Тебе* и восхвалю Тя, Господи, *и имени Твоему пою, величая* силы Твои (Пс. 17, 50), что избавил Ты от тли живот мой и похитил меня из сетей и уловлений удобообстоятельной, многообразной и многоискусной злобы.

6) Возжигают в нас нечистые страсти, обновляют их, возвышают и размножают злые бесы; а размышления о божественном слове, особенно с излиянием слез бывающие, умерщвляют их и истребляют, хотя бы они были закоренелы, и мало-помалу как бы несущими делают пагубные греховные действия, душевные и телесные: только не поленимся молитвою и упованием, неослабными и бесстудными, приседеть Господу.

7) Для чего Христос из уст младенчествующих злобою верных совершает хвалу? Конечно для того, чтоб псалмопением сокрушить врага и мстителя, тиранствующего без меры, – врага добродетелей, мстителя злобного, диавола. Ибо, говорится, *множеством славы Твоея стерл еси сопротивных* (Исх. 15, 7) и супостатов, ратующих против нас.

8) Всякий от плодов своего пути вкушает, – одну половину ныне, а другую в будущем веке.

9) Монах должен держаться всегда добрейшего пощения, не прельщаться страстями и великое возделывать безмолвие.

10) Ненавистники душ наших, бесы, внушают неким воздать нам какую-либо ничтожную похвалу, а потом и нас подущают порадоваться о том. Если после сего расслабев от самомнения, дадим место и тщеславию, то врагам нашим не много уже будет труда совсем забрать нас в плен.

11) Принимай лучше поносящего тебя, чем хвалящего, который, по Писанию, ничем не разнится от кленущего (Притч. 27, 14).

12) Когда, ревностно проходя подвиг пощения, по немощи послабишь себя в нем; тогда, сокрушив сердце, обратись с благодарением к Промыслителю и Судии всех. Если так будешь всегда смиренным являть себя пред Господом, то никогда ни пред одним человеком не вознесешься.

13) Враг, зная, что молитва есть самое победоносное для нас оружие и для него сокрушительное, и стараясь всячески отторгнуть нас от нее, влагает в нас иногда желание заняться эллинскими писаниями, от которых мы отстали. Но не будем слушаться его внушений; чтоб не уклониться от законов и порядков нашего делания духовного и не собрать, вместо смокв и гроздий виноградных, терний и волчцев. *Премудрость бо мира сего буйство у Бога есть* (1 Кор. 3, 19).

14) *Радость велию,* говорит Ангел, *благовествую вам, яже будет всем людям* (Лк. 2, 10), а не части некоей. И еще: *вся земля да поклонится тебе и поет тебе* (Пс. 65, 4), а не часть земли. Петь же свойственно не слезно молящимся получить что, а радующимся о получении желаемого. Если это так, то не будем отчаиваться, но, радуясь, будем проводить настоящую жизнь, из сказанного заимствуя побуждение к такой радости и благодушию. Однако ж страхом Божиим растворим сие радование, как говорится в другом месте: *радуйтеся Господу с трепетом* (Пс. 2, 11). Так жены, бывшие с Мариею, со страхом и радостию великою бежали от гроба (Мф. 28, 8). Может быть и мы когда-нибудь со страхом и радостию от мысленного устремимся гроба. И дивно будет, если без страха; потому что никто не безгрешен, хоть будь Моисей, хотя Петр Апостол. Однако ж в таковых Божественная любовь, победив, вон изгоняет страх в час исхода.

15) О том, что страстный, уверовав от всего сердца и со всем смирением, получает дар бесстрастия, имеешь свидетельство в Писании. *Днесь* говорит Господь благоразумному *разбойнику, со Мною будешь в раи* (Лк. 23, 43); жене кровоточивой: *вера твоя спасе тя; иди в мире* блаженнейшего бесстрастия (Мр. 5, 34).

Есть и других подобных мест немало, как: *по вере вашей буди вам* (Мф. 9, 29).

16) Когда, строго относясь к страстям, сильнее от бесов бываем стужаемы срамными помышлениями; тогда наипаче да утверждаемся в вере Господу, и крепчайшее да восставляем в себе упование обетованных вечных благ, которых лишить и от которых отчуждить нас стараются враги наши по зависти. Ибо если бы блага сии не были крайне велики, то бесы не горели бы такою к нам завистию и не устреляли бы нас так часто скверными помыслами, чая хоть этим удовлетворить злобе своей и думая вогнать нас в отчаяние многократным этим и несносным стужанием.

17) Некоторые определяют, что истиннейшее знание есть действование (по истине узнанной). И так старайтесь паче делами показывать и веру и знание; ибо кичащийся одним знанием услышит: *Бога исповедают ведети, а делы отмещутся Его* (Тит. 1, 16).

18) Большею частию во время празднеств и святых собраний, особенно же когда кто намеревается приступить к таинственной трапезе, бесы стараются осквернить подвижника срамными мечтаниями и истечением семени. Но и этим не успевают они сокрушить или расслабить навыкшего все переносить терпеливо и мужественно. И пусть не хвастают на наш счет эти в дугу сгибающиеся (подобно змиям), будто прямые.

19) За постоянство и ревность враги отмщают, заушая душу различными и несказанными искушениями. Но мужайся! Этими скорбями великими и неисчетными сплетается тебе венец. К тому же *в немощах совершается сила Христова* (2 Кор. 12, 9), и в печальнейших состояниях обыкла процветать благодать Духа, как уверяет слово пророческое: *возсия* бо говорит, *во тьме свет правым* (Пс. 111, 4); конечно, *если только дерзновение и упование, которым хвалимся, твердо сохраним до конца* (Евр. 3, 6).

20) Ничто так не расстроивает обычно доброго настроения, как смехи, шутки и празднословие. И опять ничто так не обновляет обветшавшую душу и не уготовляет к сближению с Богом, как страх Божий, доброе внимание, непрестанное поучение в словесах Божиих, вооружение себя молитвою и взыскание доброплодного бдения.

21) И удобно и вместе душеполезно твердо переносить всякую скорбь, людьми ли она причиняется или бесами, зная, что мы заслуженно подлежим всякой тяготе и никого при том кроме себя самих за то не

укоряя. Другого укоряющий в своих прискорбностях уклоняется от правого подобающего суждения.

22) Бывает, что человек сдвигается с правого стояния, хотя он и старателен, выступая из своего чина по причине умножившихся искушений, которыми, как говорит Писание, *поглащается вся мудрость его* и все искусство (Пс. 106, 27). Попускается сие, *да не надеющеся будем на ся* (2 Кор. 1, 9), *и да не похвалится Израиль, говоря: рука моя спасла меня* (Суд. 7, 2). Но уповай, что опять восстановлен будешь в прежнее прекрасное состояние, когда повелением Божиим отпадет от тебя и отогнан будет лукавый, который заставляет все и видеть и слышать страстно и на грех подвигает; одебелив же ум, как бы облаком густым, и плоти дает чувствовать неизреченную тяготу и бремя; и врожденный помысл, который сам по себе прост и не лукав, подобно новорожденным младенцам, делает многосоставным и очень искусным во всяком грехе, растлив его и извратив склонением то туда, то сюда.

23) Великое нечто есть человек, возрастающий внутри и величаемый за добродетели. И однако ж сей великий боится греха, как слон мыши, *да не како, иным проповедуя, сам неключим будет* (1 Кор. 9, 27).

24) Не только пред скончанием мира диавол *возглаголет словеса на Вышняго,* как говорит Даниил (7, 25); но и ныне бывает, что он чрез наши помыслы тяжкие воссылает хулы на самое Небо, и Самого Вышнего бесславит, и создания Его и Святые Христовы таинства. Мы же, твердо стоящие на камне ведения, не должны бояться сего и дивиться дерзости этого нечестивца, но верою и теплейшею молитвою вооружась и вышнего сподобясь пособия, смело отвещать врагу.

25) С угрозою и бранью дерзко нападает враг на душу, только что исшедшую из тела, являясь горьким и страшным обличителем в падениях ее. Но можно видеть тогда и то, как боголюбивая и верная душа, хотя многократно прежде уязвлена была грехами, не боится его нападений и угроз, а паче его является сильною в Господе, окрыляется радостию, воодушевляется мужеством, видя сопровождающие ее Небесные Силы и как стеною ограждающий ее свет веры, и с великим дерзновением взывает против злого диавола: что тебе и нам, чуждый Богу? Что тебе и нам, сверженный с Неба и раб лукавый? Не имеешь ты власти над нами; власть над нами и над всем имеет Христос, Сын Божий; Ему мы согрешили, Ему и ответ дадим, имея ручательством милосердия Его к нам и спасения в Нем честный Его Крест. Ты же беги дальше от нас, окаянный. Ничтоже тебе и рабам Христовым. – От таких дерзновенных слов души хребет наконец даст диавол, раздирающий испуская крик, в бессилии устоять против имени Христова; душа же превыше его сущи и паря над врагом, заушает его, как так называемый быстрокрыл ворону. – По-

сле сего она в радовании переносится божественными Ангелами в определенное ей по ее состоянию место.

26) Что и малое некое искушение иногда по попущению полагает препону в преуспеянии ревнителю, да удостоверит тебя в сем Ехениис, малейшая рыбица, одним прикосновением своим останавливающая тьмами вещей нагруженный корабль и не дающая ему подвигаться вперед; припомни при том и того, кто говорит о себе: *я Павел, – толикий, однажды и дважды хотех прийти к вам, и возбранил мне сатана* (1 Сол. 2, 18). Однако ж не приходи от сего в смятение, но паче подвизайся против сего с терпением и получишь благодать.

27) Когда богатый добродетелями по разленению уклонится от достодолжного, тогда восстают на него сыны злых востоков от Амалика, наипаче же Мадиам (Суд. гл. 6), – блудолюбивая сила, – с верблюдами их, т. е. страстными воспоминаниями, коим нет числа, и растлевают все плоды земли, т. е. плоды добрейшего действования и обычая; вследствие чего обнищавает наконец Израиль, впадает в малодушие и понуждается воззвать к Господу. Тогда посылается ему свыше благий помысл, подражатель Гедеону в великой вере и смиренномудрии [ибо он говорил: *тысяча моя хуждша в Манасии* (Суд. 6, 15)]; и он ополчается против такого множества нападающих с тремя стами человек немощных, и при споборстве благодати преславно воздвигает трофей победы над врагами.

28) Не возможешь ты *на аспида и василиска наступить и попрать льва и змея* (Пс. 90, 13), если, долгим молением умолив Бога, не получишь в споборники себе Ангелов, чтоб они, подъяв тебя на своих руках, соделали тебя высшим всякого вещественолюбивого мудрования.

29) Когда кто из крепко подвизающихся будет побежден, да не падает он духом и да не расслабляется нравом, но под действием слов Исаии выпрямясь, да благодушествует, такую воспевая песнь: *могущии покаряйтеся,* о лукавые бесы! *Аще бо и паки возможете, паки побеждени будете: и иже аще совет совещаете, разорит Господь, яко с нами Бог* (Ис. 8, 9. 10), – Бог, восставляющий низверженных и заставляющий врагов наших раздираться скорбию и досадою, коль скоро покаемся.

30) Невозможно миновать печали тому, кто обучается искушениями; но после сего великой сподобляются радости таковые, и слез сладких и помышлений божественных за то, что болезнование и сокрушение возделали в сердцах своих.

31) Если ни хотящий Исаак, ни текущий Исав к желанному благословению, не получили чаемого (Рим. 9, 16), – так как Бог милует, благословляет и Духом помазует не того, кого мы восхотели, но того, кого Он Сам, прежде создания, предопределил в служение Себе; то отнюдь не будем смущаться или завидовать, когда увидим каких-либо братий, жалких и последнейших, преуспевающими в добродетели. Слышал ты

конечно и то, что говорит Господь в притче: *даждь сему место* (Лк. 14, 9), – чтоб возлег тут тот, кто выше тебя. Подивимся же паче при сем Судии, премудро и неизреченно присудившему, чтобы тот, малейший и последнейший, первенствовал и предводительствовал, а мы были последними, хотя первенствуем над ним и подвигами и летами. Какую меру Господь дал каждому человеку, с тою и да соображаемся. *Аще живем Духом, Духом и да ходим,* как написано (Гал. 5, 25).

32) Никак не соглашайся, когда находящийся у тебя на послушании скажет тебе: дай мне власть некоторое время, для добродетели, попытать то или другое дело и совершать его так и так. Ибо говорящий так, явно, свою волю исполнять хочет, а заветы добрейшего послушания отметает.

33) Страсти плотские и душевные, как увидишь, временем и Божиим мановением истребятся, хотя бы их и много было; милость же Христова никогда не пресечется. Ибо *милость Господня от века* сего *и до века* грядущего *на боящихся Его* (Пс. 102, 17).

34) Сокровищницы царские наполнятся златом; а умы истинных монахов исполнятся ведения.

35) Бывает иной раз, что учитель предается бесчестию и подвергается искушениям за получивших от него духовную пользу. Ибо, говорит, *мы безчестны,* – бесчестимы будучи пакостником плоти, – *и немощны; вы же славны и крепки во Христе* (1 Кор. 4, 10).

36) Источник и опора растления чрез плоть – страстный помысл. Но отрезвившийся после падения изгоняет его из души покаянием. Ибо говорится, – лучше бы было, если б вы поплакали, да измется из среды вас настроивший вас сделать дело сие, злой и непотребный помысл (1 Кор. 5, 2). Так плач противостоит духу растления.

37) Кто возвестит угнетенному бесславием и бессилием к добродетелям, что он узрит Иисуса не только в будущем, но еще здесь, с силою и славою многою грядущего к нему чрез бесстрастие? Так что, подобно Сарре, душа его, состаревшаяся в бесплодии и по обетованию родившая наконец сына правды, скажет: смех мне сотворил Бог, т. е. великую даровал радость, столь много лет в печали пребывшей по причине многострастия; или по другому переводу: младость сотворил мне Бог, – *и обновилась, как орля, юность моя* (Пс. 102, 5). Ибо состаревшись прежде во грехах и страстях бесчестных, ныне снова родилась я, и стала юною и нежною, прежде бывши огрубелою от вещества, и легко уже ныне смотрю на мирские вещи, восприяв свойственную мне по естеству простоту и безразличность, после того как по многоблагоутробию Божию здравым соделался ум мой, и плоть моя стала, как у Неемана Сирианина, подобною плоти младенцев чрез омытие мое в Иордане ведения; теперь я единонравна, по благодати Божией избавившись от мудрования змиева и от полчища злых помыслов, многоискусных во зле и многовещественных (погруженных в чувственность).

38) Предположи, что Сам Господь говорит тебе: «в одно время Я отнял у тебя такой-то и такой-то дар, в которых ты удовлетворялся умом и упокоевался; и дал тебе вместо них другое равносильное им дарование такое и такое. Ты же, думая об отнятом и не обращая внимания на данное вместо того, стенаешь, болезнуешь и печалию уязвляешься; но радуешь Меня, приемля скорбь от Меня (2 Кор. 2, 2), ибо Я скорбь причиняю на пользу, спасти паче, а не погубить заботясь почитаемого сыном Мне».

39) Наложи на себя заповедь не есть рыбы, и смотри, как враг после того начнет неустанно гнать тебя к похотению рыбы, и как равно и ты сам неистово начнешь устремляться ко вкушению того, чего и желать тебе не следует, да испытаешь примерно случившееся с Адамом; ибо и он услышав: вот от этого древа не ешь, на это одно запрещенное и устремился со всем похотением.

40) Иного Бог спасает разумностию, а иного простотою и незлобием; ибо ведать тебе надлежит, что Бог не отринет незлобивого.

41) Которые сильнее налегают на молитву, те подвергаются более страшным и свирепым искушениям.

42) Если облещись в бесстрастие предызбран ты, не предавайся беспечности, но сколько сил есть старайся достигнуть ее. Ибо *воздыхаем в жилище наше небесное облещися желающе; да пожер-то будет мертвенное животом* (2 Кор. 5, 2. 4), не только телесно вместе со скончанием мира, но и еще здесь духовно, как залог. Ибо *пожерта бысть смерть победою* (1 Кор. 15, 54). И пожерты будут волнами с небес посланной нам силы все египтяне, которые, гонясь вслед нас, оскорбляют нас.

43) Если забыл ты сказавшего: *боюся, да не како иным проповедуя, сам неключим буду* (1 Кор. 9, 27), и: *мняйся стояти, да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10, 12), – еще: *блюдый себе* (слово к духовным), *да не и ты искушен будеши* (Гал. 6, 1), – если забыл ты об уклонении с правого пути и беззакониях Соломона, после толикой благодати, – если предал ты забвению неожиданное отречение великого Петра: то понадейся на свой разум, повеличайся образом жизни своей, похвались длительностию твоего подвижничества великого, и дай место гордыне. – Но, о брате, – отнюдь не разленивайся (развалившись навзничь), и не предавайся беспечности, – но паче бойся, пока есть дыхание в ноздрях твоих, хотя ты достиг числа лет Моисееевых, и молись, говоря: *Господи, не отвержи мене во время старости моей: внегда оскудевати крепости моей, не остави мене Боже, Спасителю мой! О Тебе пение мое выну* (Пс. 70, 9, 6).

44) Говорит тебе Господь, как Матфею: *по Мне гряди* (Мф. 9, 9). – Если теперь ты, усердно теча вслед своего многовожделенного Владыки по пути жизни, преткнешься о камень страсти ногою своею и внезапно

падешь в грех, или встречая тинистые места, почасту и нехотя будешь поскользаться и упадать; то сколько раз случится тебе пасть и боль мучительную причинить телу своему, столько же вставши опять с прежнею ревностию теки вслед Господа своего, пока не достигнешь Его. Тако *во святем* помышлении *явихся Тебе, видити* спасающую меня *силу Твою и славу Твою, и о имени Твоем воздежу руце мои,* и возмню себя *от тука и масти исполненным быть и возрадуются уста мои,* поя песнь Тебе (Пс. 62, 3–6). Великое для меня достоинство в том, что я получил имя Христианина, как говорит мне Господь устами Исаии: *велие ти есть, еже назватися тебе рабом Моим* (Ис. 49, 6).

45) Где говорится, что *Отец даст блага просящим у Него* (Мф. 7, 11), а где, что *даст Духа Святаго просящим у Него* (Лк. 11, 13): каковыми речениями внушается, что не только оставления грехов, но и подаяния небесных даров сподобляются молитвенники Божии, укрепляемы бывая в своем искании тою мыслию, что не праведникам, а грешникам обетовал Господь такие блага. Итак проси неотступно и с несомненным расположением, хотя несовершен ты в добродетельной жизни, немощен и ничего не достоин, – и получишь великое.

46) Да помыслит невер или маловер, как муравей окрыляется, и еще, как червь некий делается пернатым, и много других дивных явлений совершается среди тварей; чтоб хоть таким образом отложив недуг неверия и нечаяния, окрылить наконец и прорастить, как древо, преславное ведение. Ибо *Аз есмь,* говорит Господь, *древо сухое прорицающий и кости изсохшия оживотворяющий* (Иез. 17, 24; 37, 4 и 9).

47) Отнюдь да не восхощем ради потребностей телесных истаявать в заботах; но всею душою будем веровать Богу, как некий некогда говорил благий муж: вверьтесь Господу, и Он вверится вам, – и как пишет блаженный Петр апостол: *уцеломудритеся и трезвитеся в молитвах* (1 Пет. 4, 7), – всю печаль вашу возверзше на Бога, яко Той печется о вас (1 Пет. 5, 7). Если еще сомневаешься и не веришь, что Он печется о тебе, чтоб препитать тебя, посмотри на паука и рассуди, сколько разнствует человек от паука, паука, говорю, которого слабее и бессильнее ничего нет. А он ни стяжаний не имеет, ни повсюдных хождений не совершает, не судится и не гневается, и кладовых не имеет, в совершенной кротости и целомудрии и крайнем безмолвии проводит жизнь свою, о том, что касается ближних, не любопытствует, одно свое делает и своим делом тихо и безмятежно занимается, чем и не говоря говорит любителям бездействия, что нехотящий трудиться не должен и есть, молчалив же он столько, что много превзошел самого Пифагора, которому больше всех философов эллины дивятся за его подвиг воздержания языка. Пифагор не со всеми говорил, но с приятелями своими говаривал по временам тайком, также к быкам и орлам обращал иногда речь, делая нечто смеха достойное и бессмысленное; вина совсем он не употреблял, и пил одну

воду. Такое Пифагорово воздержание языка паук превзошел совершенным своим безгласием; воздержание же его от винопития – тем, что чуждается и водопития. В таком безмолвном состоянии пребывает слабый и смиренный паук, не любя выходить наружу и блуждать там и сям, ни безмерно предаваться труду и утомлению; и в вышних Живый и на смиренные призираяй (а ничего нет смиреннее паука), простирая даже до него Свое промышление, посылает ему каждодневно питаньице некое, по близости скиниицы его, давая попадаться в сети его для потребы его малым насекомым.

48) Может быть, кто из порабощенных гортанабесию скажет: я много ем, и как много потому трачусь, то мне нельзя не вплетаться во многие житейские хлопоты и сделки. Но и этот пусть посмотрит на китов великих, пасомых в Атлантическом океане, как изобильно питаемы они бывают от Бога и никогда голода не испытывают, хотя каждый из этих зверей столько поедает рыб, сколько даже самый многолюдный город в день потребить не может. *Вся к Тебе чают, дати пищу им во благо время,* поет св. пророк (Пс. 107, 27). Почему много ли кто съедает или мало, того и другого питает Бог. Слыша сие и ты, широкое и пространное чрево имеющий, всего себя возложи на Бога и веру, отрясши всякую мирскую заботу и ум многопопечительный, и не будь неверен, но верен.

49) Если желаем воистину угодить Богу и блаженнейшею возлюблены быть от Него любовию, представим Богу ум наш нагим, ничего от века сего не влекущим с собою и в себе, ни искуства, ни знания, ни софистического мудрования, хотя бы мы изучили всю премудрость мирскую. Ибо Бог отвращается от того, кто приступает с самомнительным нравом, упитан тщеславием и надмен. Добро некоторые истолкователи назвали суетное самомнение упитанием себя собою и дмением.

50) Как можем мы преодолеть укоренившийся прежде грех? Нужно самопринуждение (или насилие делать желаниям воли своей). Ибо говорится: *муж в трудех трудится собою, и изнуждает* (насильно прогоняет) *погибель свою* (Притч. 16, 26), всегда любопряся возводить помыслы свои горе к святыне. Насилие насилием разрушать не воспрещено законами (т. е. насилие греха насилием добрых стремлений). Когда вносим самопринуждение к какому-либо доброму тщанию (т. е. сами себя насильно заставляем в дело произвести доброе стремление), тогда ожидаем прочее имеющую приити к нам с высоты силу, сидя во Иерусалиме (Лк. 24, 49), т. е. в непрестанной пребывая молитве и в прочих добродетелях, пока придет к нам сия сила державная, действующая не как наши немощные усилия, но такая, которой нельзя выразить телесными устами, мощно побеждающая и одолевающая и греховный нрав и злобу бесов, побеждающая и наклонность наших душ к худому, побеждающая и все непотребные движения телесные. *Бысть,* говорит, *шум с неба, яко*

носиму дыханию бурну (Деян. 3, 2), чтоб нудительно изгнать из нас зло, всегда нудительно нас влекущее к худому.

51) *Приседит* враг *в ловитве, яко лев во ограде своей* (Пс. 9, 30), скрывая для нас сети и мрежи помыслов нечистых и нечестивых. Но и мы, если не спим, можем еще большие и опаснейшие для него поставить сети, тенета и засады. Ибо молитва и псалом, бдение и смиренномудрие, послужение ближним и милость, благодарение и божественных словес слушание – вот засада врагу; и сеть, и яма, и бичи, и тенета, и удавление.

52) Исполненный лет многих, божественный Давид, благодаря Бога, избравшего его, говорит к концу своего исповедания благословений Божиих: ныне обрел раб Твой сердце свое помолитися Тебе молитвою сею. Это сказано, чтоб дать нам уразуметь, что требуется великий подвиг и много потребно времени провести в молитвах, чтоб достигнуть начатков безмятежного устроения сердца, сего другого некоего Неба сердечного, – где обитает Христос, как говорит Апостол: *или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть* (2 Кор. 13, 5)?

53) Если Христос *бысть нам премудрость от Бога, правда же, и освящение и избавление* (1 Кор. 1, 30); то явно, что и упокоение. Ибо говорит: *приидите ко Мне, вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28). Добре потому говорить можно, что Он соделался для человека субботою, т. е. упокоением. Ибо род человеческий только в Едином Христе покой обрести может.

54) Как есть чаша падения и чаша гнева, так есть и чаша немощи, которую прияв от нас Господь, в подобающее время дает в руки врагов наших, чтобы прочее не мы, а бесы немоществовали и падали.

55) Как во внешних делах есть менялы, ткачи, птицеловы, воины, строители: так разумей и о внутренних делах, что есть и в помыслах азартные игроки, отравители, морские разбойники, звероловы, блудники, убийцы и подобные; каковых надлежит тотчас изгонять вон благочестивым противоречием и молитвою, особенно блудных сквернителей, чтоб не сквернили святого места и не делали мерзким человека Божия.

56) Не только словом преклоняется Господь на дарование спасения, как было с разбойником, вопиявшим к Нему со креста, но и помыслом. Так кровоточивая оказала в себе (т. е. помыслила с верою): *аще точию прикоснуся воскрилию риз Его, спасена буду* (Мф. 9, 21); и раб Авраамов *в уме своем глаголал к Богу* о Ревекке (Быт. 24, 15).

57) Содеянный грех почти тотчас сам гонит кающегося к Богу, как только он примет в чувство зловоние, тяготу и неистовство греха. Кто же не хочет преклониться на покаяние, того не гонит он к Богу, а удерживает при себе и вяжет его неразрешимыми узами, делая сильнейшими и лютейшими пагубные пожелания.

58) Блюди себя от чар Иезавелиных (4 Цар. 9, 22), из коих лютейшие суть помыслы кичения и суетной славы. Избавиться же от них мо-

жешь ты, благодатию Божиею, если будешь уничижать и охуждать душу свою и повергать себя пред Господом, призывая Его помочь тебе и исповедуя, что искомое тобою избавление есть небесное дарование. Почему и говорится: *не может человек приниматы ничесоже, аще не будет дано ему с небесе* (Ин. 3, 27).

59) Бывает иногда, что во время учреждения братии прорывается тщеславный помысл сказать что-либо не вовремя; ангельские же помыслы внушают тебе прогнать этот болтливый безвременный помысл. – Итак если ты не прогонишь его добрым молчанием, а позволишь ему прейти наружу, напыщен быв кичением; то должен будешь понести худые от того последствия, – праведно предан будучи или большему еще греху, или внешним каким прискорбностям, или тяжелым неприятностям со стороны братий, или мучению в будущем веке: ибо и о праздном и тщеславном слове, произнесенном по необученности языка, отдадим мы отчет; почему тщательно должно блюсти язык свой.

60) Которые искушаются чувственными утехами, гневом, славолюбием и другими страстями, о тех говорится, что они днем жегомы бывают солнцем, а ночью луною (Пс. 120, 6). Итак молись, да осенит тебя божественное росоиспускательное облако, чтоб избежать вражеского жжения.

61) Отнюдь не давай смелого к себе доступа любителям пьянства и рабам бесчинных трапез, ни тем, кои охочи говорить бесстыдные речи, хотя бы они были убелены сединами, и хотя бы долгое время вели монашескую жизнь; чтоб их гнилость не покрыла и тебя, и ты не причтен был к нечистым и необрезанным сердцем.

62) Прежде Петру вручаются ключи, а потом попускается ему впасть в отречение от Христа Господа, чтоб падением таким уцеломудрить его о себе мудрование. Так и ты, если, получив ключ разумения, подпадаешь разным искушениям, не дивись сему; но прославляй Единого Премудрого Господа, падениями обуздывающего самомнение, находящее вслед за Божественнейшим ведением: ибо искушения суть узда, по Божию промышлению могущая обуздать человеческое надмение.

63) Если Господь часто отнимает у нас блага, как, например, богатство у Иова; ибо Господь его дал, Господь и взял (Иов. 1, 21): то конечно взято будет из рук наших и зло, которое навел на нас Вечный; ибо, как говорит премудрый, *благая и злая от Господа суть* (Сир. 11, 14). И наводящий на нас злое, Он же дарует нам и вечную радость со славою вечною. Как я бдел, говорит Господь, чтоб разорить вас и зло сотворить вам, так и воссозижду и уже не разорю, насажду и уже не исторгну. Да умолкнет же народное присловие, гласящее: коль скоро стало недобре, не будет уже добре. Ибо изменивший дела наши на худшее, конечно может опять неожиданно преложить их в светлейшее состояние.

64) Сильнее и победолюбнее нападающий на бесов воздержанием, или молитвою, иди другою какою добродетелию, и сам от них получит глубочайшие раны до того, что даже в безнадежие придет, подозревая, не лежит ли на душе его осуждение мысленной смерти, и вынужден бывая взывать: *кто мя избавит от сего тела смерти* (Рим. 8, 24); потому что враг против воли заставляет меня повиноваться законам своим.

65) Не просто написано прежде, как некоторые говорили друг к другу: *востаните, пойдем к народу живущему со упованием, и в покое пребывающему* (Суд. 18, 9. 10); и еще: придите *взыдем во Иудею, и собеседовавше с ними* языком лукавым, *отвратим я к нам* от истины (Ис. 7, 5. 6). Так обыкновенно и злые бесы против тех, кои избрали безмолвное пребывание, во всю жизнь их точат мечи искушений, и на тех, кои более благоговейны, и богобоязненны, с большим неистовством нападают, увлекая их на грех по поводу самых дел благочестия, бранями неизреченными; чтоб хоть таким образом отклонить их от веры во Христа, от молитвы и благоупования, препобедив их. Но мы, Господи, говоря с Давидом (Пс. 79, 19), не отступим от Тебя, дондеже ущедришь нас, и удалятся от нас поглощающие нас; не отступим от Тебя, пока не повелишь отойти от нас искушающим нас, и мы не оживотворимся терпением и твердым бесстрастием. Ибо искушение есть житие человеческое, и часто, во время определенное, от Самого Подвигоположника попускается нам падать под ноги чуждых; но душе великой и доблестной свойственно не отчаиваться в прискорбных случайностях.

66) Если столько силен бес, что может, и когда не хочет человек, преклонять его и перетягивать на свою волю по причине выступления его из истинного своего по естеству чина; то сколь более силен Ангел, в определенное время прияв повеление от Бога, все расположение человека перевесть на лучшее? И если север всехладный столько силен, что мягчайшее естество воды превращает в твердость каменную, то чего не может сделать теплейший юг? Если воздух, крайне охлажденный, все себе подчиняет и своим холодом исполняет: ибо *кто постоит против лица мраза* (Пс. 147, 6)? То как теплоте не преложить всего по свойству своему? Ибо и против лица теплоты кто постоит? Будем же веровать, что и хладный и черный угль ума нашего, позже когда-нибудь или скорее, станет горячим и световидным от прикосновения божественного огня.

67) Есть и в настоящем веке с верным свидетельством и признаками, проявляющееся в сокровенном нашем Иосифе, состояние бесстрастия, в коем ум наш, исшедши из Египта, отстает от страстных влечений и скрытного срамнейшего рабства, и слышит язык, которого не знал, не язык бесов, нечистый и растлевающий здравое разумение, но святой язык Ангелов, преобразующих ум из телесного в бестелесный, – язык, просветительный для приемлющей его души.

68) Слышал я некоторых братий, тяжко болящих телом и немогущих держать пощения, обратившихся ко мне с вопросом: как можем мы без пощения избавиться от диавола и страстей? Таковым надобно отвечать, что не одним воздержанием от яств, но и воплем к Богу из сердца можете вы истреблять и прогонять недобрые движения и тех, кои возбуждают их. Ибо говорится: *воззваша к Господу, внегда скорбети им, и от нужд их избави я* (Пс. 106, 6); и еще написано: из чрева адова вопль мой, услышал еси глас мой: *и да взыдет из истления живот мой* (Иона 2, 3, 7). Почему *дондеже прейдет,* говорит, *беззаконие* т. е. стужение греха, *воззову к Богу вышнему* (Пс. 56, 23), да подая мне величайшее благодеяние, истребит Он самый прилог греха властию Своею и изгладит идолов страстного ума и безъидольным покажет наши полные идолов немощи. Итак, если ты не получил дара воздержания, то ведай, что Господь ради молитвы твоей и упования хощет услышать тебя, когда воззовешь к Нему. Узнав теперь такое Господне о тебе присуждение, не тужи о своем бессилии к подъятию подвига пощения, но паче потщися избавиться от врага молитвою и благодушным терпением. *Если* помыслы немощи и злострадания *гонят вас из града* пощения, *бегите в другой* (Мф. 10, 23) т. е. в град молитвы и благодарения.

69) Говорит фараон моляся: да отымет Бог от меня смерть сию, – и был услышан; также и бесы, просившие Господа, да не повелит им идти в бездну, получили просимое. Не тем ли паче услышан будет человек христианин, молящийся об избавлении от мысленной смерти.

70) Время некое просвещаемый и упокоеваемый божественною благодатию, по умалении же ее впадающий в парения ума и влечения неподобные, и ропщущий за то, или бесполезному унынию предающийся, а не ревнующий мужественно молитвою опять восстановить в себе спасительное то настроение; подобен бедному, который, получив милостыню из палаты царской, негодует, что не введен был внутрь, чтоб возлежать за царскою трапезою.

71) *Блажени не видевшии, и веровавшие* (Ин. 20, 29), как блаженны и те, которые, по умалении действа благодати, не находя утешения в себе самих, а напротив встречая чередование скорбей и тьму глубокую, не падают в нечаяние, но верою укрепляясь, доблестно терпят, в уверенности, что видят невидимого.

72) Смирение, благодатию Божиею в свое время, после многих подвигов, борений и слез свыше подаемое ищущим его, несравненно сильнее и выше смирения, бывающего у отпадавших от добродетели. Сподобившиеся его суть воистину мужи совершенные.

73) Когда диавол оставил Господа, тогда *приступили к Нему Ангелы и служили Ему* (Мф. 4, 11). И так, как не написано, что во время искушения Господа присущи были Ангелы, так, и когда мы бываем искушаемы в какое-либо время, отступают недалеко Ангелы, потом по

удалении искушающих приходят к нам и служат нам, подая божественные помышления, утверждение, просвещение, сокрушение, утешение, терпение, услаждение и все, что спасает, укрепляет и воссозидает душу, потрудившуюся в борьбе. Нафанаилу сказано было: *отселе, узрите Ангелов, восходящих и нисходящих над Сына Человеческаго* (Ин. 1, 51), т. е. отселе на род человеческий богато изольется служение и помощь Ангелов.

74) Помни Архиерея оного, одесную коего стал диавол, чтоб сопротивляться ему (Зах. 3, 1) т. е. всякому правому помышлению, слову и делу, – да не изумишься, когда случится что подобное.

75) Ведать надлежит иноку, что есть немощь, как в словах: *помилуй мя, Господи, яко немощен есмь* (Пс. 6, 3), и что есть отступление от Бога, – сия болезнь диавола и ангелов его.

76) Как железо делается неприкосновенным от проникновения его огнем, так частые молитвы мощнейшим делают ум на брань с врагом; почему бесы всеми силами и стараются леностию расслаблять нас на терпеливое пребывание в молитве, зная, что она к ним враждебна, и уму споборательна в брани.

77) Давид принял усердие вышедших вместе с ним из Секелага против иноплеменников, хотя они, изнемогши, и остались на потоке Восорове[3]. Почему возвратившись с победы над варварами и услышав, как иные говорили, что не следует давать части из добычи этим, сидевшим от изнеможения при потоке, – и видя, что они устыдились, не имея что сказать, – благостнейший Давид защитил их, говоря: они были посажены при вещах, чтоб беречь их, и отделил на них часть, равную той, какую дал ратникам, мужественно и благодушно воевавшим (1 Цар. 30, 21). Рассуди теперь, что, если в брате каком-либо, в начале показывавшем горячую ревность (к подвигам поста, бдения и проч.) и потом немного ослабевшем в них, предположить сохраненными вещи его (внутренние добрые расположения), – веру, раскаяние, смирение, плач, терпение, упование, великодушие и проч.; то этот, приседящий им и терпеливо в них пребывающий в чаянии о Христе Иисусе Господе, хотя и слаб в подвигах явных, улучит, как подобает, некий вечный дар.

78) Левитами и иереями названы те, кои всех себя всецело посвятили Богу, и деятельностию, и созерцанием; а скотами левитскими (Числ. гл. 3) называются те, которые, хотя бессильны неуклонно шествовать путем добродетелей, однако ж соуслаждаются добродетели, желают ее непрестанно и ревнуют о ней посильно, хотя невсегда успевают в том, по причине худа, отнимающего у них силы. Но во время подобающее и

---

[3] Вся дружина, пошедшая из Секелага, была в 600 человек. 200 из них, дошедши до потока Васорова, не имели сил идти дальше. Давид остановил их тут беречь вещи и пошел дальше с 400. – Усердие разумеется то, с каким они пошли.

они, – можно надеяться, – получат дарование бесстрастия, по одному человеколюбию Божию. Ибо говорится: *желание убогих услышал еси, Господи* (Пс. 9, 38).

79) Удары, какие наносит нам враг, явно и не явно, мы часто замечаем и видим; мучения же и досаждения, какие он от нас терпит, когда мы или преуспеваем в добродетели, или каемся в прегрешениях, или переносим оскорбления, или благодушествуем в несчастиях, или пребываем в молитвах, или другие какие совершаем дела благочестия, от которых он раздирается, мучится, плачет и расседается, – этого всего мы по смотрению Божию не видим, чтоб не надмиться. *Ибо праведно у Бога,* как говорит Апостол, *воздати скорбь оскорбляющим вас* (1 Фес. 1, 6).

80) Если устаревший на земле или на камне пень от водной влаги дает отростки, как новонасажденное, то возможно и нам, когда бываем оживляемы силою Духа Святого, произращать нетление, которое прияли мы по естеству, и давать плод, как дает новонасажденное, хотя мы ниспадали в ветхого человека.

81) К душе, отчаивающейся по причине обилия искушений и множества грехов и говорящей: погибла надежда, убиты мы, сказано неотчаявающимся во спасении нашем Богом: *Оживете, и увесте, яко Аз есмь Господь* (Иез. 37, 6). К душе же, недоумевающей, как и силою каких добродетелей возможет она снова родиться о Христе, сказано: *Дух Святый найдет на тебя* (Лк. 1, 35). Где же присущ Дух Святый, там не ищи закона естества и обычного последования причин и действий. Ибо всемогущ покланяемый Святый Дух и не могущее сбытися по естеству произведет в тебе силою Своею, так что ты изумишься. Кроме того, еще и победителем явит Он теперь ум твой, который прежде был побеждаем. Ибо свыше нисходящий на нас Утешитель выше всего есть; и тебя поставит выше всех естественных движений и бесовских страстей.

82) Подвизайся сохранить невредимым светозарность ума твоего владычественного. Если начнешь страстно смотреть на все, значит, Господь омрачил тебя, наложил покров на лицо твое, – и *света очей твоих нет с тобою* (Пс. 37, 11). Однако ж, если и так у тебя это есть, не знай утомления и не ослабевай, моляся со святым Давидом: *посли свет Твой, и истину Твою* мне омраченному унынием, *спасение лица моего и Бог мой* (Пс. 42, 3, 5); *послеши бо Духа Твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли* (Пс. 103, 30).

83) Блажен, кто ненасытно яст и пиет молитвы и псалмы здесь день и ночь, и укрепляет себя славным чтением Писания; ибо такое причащение доставит душе в будущем веке неистощимое радование.

84) Всеми силами крепись не падать; ибо крепкому борцу не подобает падать; если же случится пасть, скорее вставай, и стой опять в добром подвиге. Хотя бы тмократно случилось с тобою первое, по отступлению благодати, тмократно да будет у тебя и второе, т. е. восстание.

Так до конца жизни твоей. Ибо написано, что, если *седмерицею падет праведный, седмерицею и возстанет* (Притч. 24, 16). Пока держишь оружие святой схимы (т. е. решимость служить Богу) со слезами и умаливанием Бога, дотоле считаешься ты в ряду стоящих, хотя бы и часто падал. Пока пребываешь с иноками, как мужественный воин, получаешь раны спереди, – за которые и похвален будешь, что и будучи уязвляем не уступил, не поддался и не отступил. Если же отступишь от иноков, то будешь получать раны уже сзади, как беглец и трус, растерявшийся и оставивший строй.

85) Отчаиваться бедственнее, чем согрешать. Иуда предатель был малодушен и неискусен в брани; почему впал в отчаяние; и враг, набежав, набросил на него петлю. Петр же, – сей камень твердый, – подвергшись страшному падению, как искусный в брани, не упал духом и не отчаялся в крайней скорби своей, но вскочив, излил горчайшие слезы от сердца сокрушенного и смиренного; и супостат наш, видя сие, как сильнейшим пламенем палимый в лицо, тотчас отскочил и убежал далеко, лютые испуская вопли.

86) Против следующих трех страстей монах должен до конца непримиримую вести брань: против чревоугодия, против тщеславия и против деньголюбия, которое есть идолослужение.

87) Царь некий Израильский победил народ троглодитов и других с ними варваров при псалмах, и пениях, и песнях духовных, петых на органах Давида и словами его (2 Пар. 12, 3; 20, 22). Имеешь и ты варваров троглодитов, бесов, в чувства твои и члены претесняющихся, и плоть томящих разжжением, и настраивающих тебя страстно смотреть, слушать и обонять, говорить непотребные речи, очи иметь полные блуда, и быть смятенну и внутри и вовне, по-вавилонски. Позаботься же и ты вконец истребить этих злодействующих в тебе троглодитов, верою великою, и псалмами, песнями и пениями духовными.

88) Как Господь хощет, чтоб человек чрез человека спасаем был, так диавол усиливается, чтоб человек чрез человека погубляем был. Почему не должно прилепляться к мужу презорливому, злоумному и болтливому, чтоб вместе с ним не попасть в ад. Ибо и с праведным кто сближаяся, едва улучает спасение. Если же кто с лукавнующим станет общиться без опасения, то, как заразу и проказу, сретит кораблекрушение. И кто будет жалеть с веселым лицом подступающего к дракону? Бегай же необученных владеть языком, сеятелей раздоров и мятущихся внутри и вовне.

89) Кто хочет, чтоб его прозвали мудрым и разумным и другом Божиим, тот да печется усердно душу свою представить Господу такою, какою от Него приял ее, чистою, неуязвленною, и всю непорочною. За это увенчан будет он на Небесах и ублажен Ангелами.

90) Одно доброе слово сделало некогда непотребного оного разбойника чистым и святым и в рай ввело его. И одно недоброе слово заградило Моисею вход в землю обетованную. Не будем же почитать языкоболие малою болезнию; ибо злоречивые и суесловые заключают для себя Царствие Небесное. – Муж язычный хотя здесь и может еще какой-либо успех иметь, там же – никакого, *но злая уловят его в истление* (Пс. 139, 12). Добре сказал некий мудрый муж, что лучше упасть с высоты на землю, нежели от языка. Надлежит нам потому послушаться св. Иакова, который пишет: *да будет всяк человек скор услышати и косен глаголати* (Иак. 1, 19).

91) Чтобы не парить нам и не рассеиваться, прельщаясь суетностию, хорошо внимать пророку, который говорит: *идите, людие мои, внидите в храмину вашу,* – в храмину сердца вашего, сокрытую от всякого чувственного впечатления, в оное обиталище безобразное, осияваемое бесстрастием и осенением святой благодати, – *затворите двери своя* от всего видимого, *укрыйтеся мало елико елико* – ибо и вся жизнь человеческая мала, – и после сего прилагает: *дондеже мимо – идет гнев Господень* (Ис. 26, 20), как другой некто сказал: *дондеже прейдет беззаконие* (Пс. 56, 2). Ибо и беззаконие, а следовательно и бесы, и страсти, и грехи суть гнев Божий, как говорит к Богу Исаия: *се Ты разгневался еси, и мы согрешихом* (64, 5). Избегает же сего гнева человек, непрестанно внимая сердцу в молитве и усердно борясь быть внутрь, во внутренней своей неприступной храмине. Ибо привлеки, говорит некто, премудрость во внутреннейшее твое (слич. Притч. 8,12; Сир. 45; 31; 51, 18); потому что *вся слава дщере царевы внутрь* (Пс. 44, 14), говорит другой, прилагая: *сие труд есть предо мною, дондеже вниду во святило Божие* (Пс. 72, 17), *и в гору достояния* (Пс. 67, 17), *в готовое жилище* (Пс. 32, 14), которое соделал Ты, Господи, *во святыню, которую уготовали руки Твои* (Пс. 77, 54).

92) Желающий истинно отрещися от мира да подражает блаженному пророку Елисею, ни одной вещи из имений своих с собою не взявшему, по великой, как пламенем распалявшей его любви к Богу. Все, что есть у него, пусть раздаст он нуждающимся, и подъяв таким образом Крест Господень, да течет произволением на вольную смерть, – виновницу Вечного Царствия.

93) Когда восчувствуешь, что Аморрей возмогает в тебе, как дуб, прилежно молись Господу, да иссушит Он плод его сверху, т. е. делом совершаемый грех, и корни его снизу, т. е. нечистые помыслы. И да отженет Господь Аморрея от лица твоего!

94) Не следует чудиться, когда увидите посмевающихся безмолвию нашему, потому что сами не могут безмолвствовать; лучше пением отразите дурное от них впечатление, однако ж без злопамятства, восставляя в себе вящшее Богу повиновение ваше и взывая в пении: *обаче Бого-*

ви повинися, душе моя (Пс. 61, 6); *ибо вместо еже любити мя, оболгаху мя, аз же моляхся* (Пс. 108, 4) об исцелении и меня самого и их.

95) Если не дхнет на море сильный ветр, не появится волнение; и если не нападет на нас бес, не взволнуется страстями ни душа ни тело.

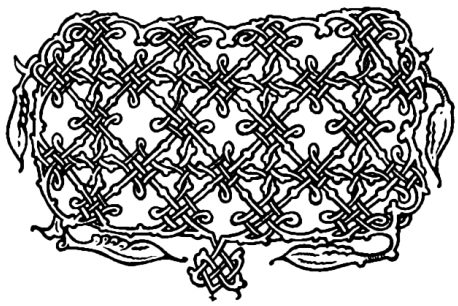
96) Если ты всегда бываешь согреваем молитвою и божественною благодатию, то, как говорит Божественное Писание, ты облечен во оружие света. Твое одеяние тепло, враги твои облечены, как в двойную одежду, в стыд и дрожание от холода.

97) Держа памятование о своих погрешениях, не ленись ударять в перси свои, чтоб такими ударами разбить и умягчить окаменелое сердце, как каменщики разбивают металлоносную почву; и обретешь в нем жилу злата, и возрадуешься о сокровенном сокровище.

98) Огнь желания высших благ и святого богомыслия о словесах Духа да горит непрестанно на жертвеннике души твоей.

99) Если всегда будешь стараться *обувать ноги в готовность благовествовать мир* (Еф. 6. 15), то всеконечно устроишь добре и свой собственный дом, и дом ближнего твоего. Если же возмалодушествуешь (при встрече неприятностей), то оплеван будешь невидимо, и по закону *наследуешь имя иззутаго из сапога* (Втор. 25, 9, 10).

100) Если, по Иоанну, Бог любы есть, то любящий в Боге пребывает и Бог в нем. Кто же ненавидит ближнего в разрыве союза любви, тот очевидно вместо любви восприял ненависть. Ненавидящий убо однородного себе далеко отстоит от Бога, если *Бог любы есть, и пребывающий в любви в Боге пребывает, и Бог в нем пребывает* (1 Ин. 4, 16). Ему слава и держава вовеки. Аминь.

Преподобный Иоанн Карпафийский
Слово подвижническое и очень утешительное к обратившимся [к нему] монахам из Индии [4]

Никогда не вздумай счастливее монаха считать мірянина, имеющего жену и детей и увеселяющегося тем, что многим он делает добро, и щедро творит милостыню, и вовсе не терпит искушений от демонов, — [не думай так], признавая себя ниже его по благоугождению Богу, и не окаевай себя как погибающего. Ведь я не говорю, что ты живешь безукоризненно, оставаясь в монахах. Но если ты бываешь и очень грешным, то скорбь души твоей и злострадание дороже пред Богом, нежели выдающаяся добродетель мірянина.

2) Печаль твоя великая, уныние, воздыхания, томление, слезы, мучение совести, недоумение помысла, самоосуждение мыслию, вопль и плачь ума, рыдание сердца, сокрушение, бедственность, смущение, уничижение — все это и сему подобное, что часто случается с людьми, вметаемыми в железную пещь искушений, бывает ценнее и несравненно благоприятнее благоугождения мірянина.

3) Итак, внимай, чтобы не подвергнуться тебе порицанию божественного Писания, говорящего от твоего лица: ”Какую пользу извлекли мы, *пошедшие молитвенниками пред Господом* (ср. Мал. 3, 14) и всегда пребывающие в доме Его?”

4) Очевидно, что всякий раб, находясь вблизи домовладыки, иной раз получает и удары бича и заушения, выговоры и упреки, а находя-

[4] Перевод выполнен Н.А. Леонтьевым (издан впервые в 1898 г.; до того имел хождение перевод в ХЧ) и сверен с оригиналом (с внесением ряда уточнений) по греческому изданию Добротолюбия.

щиеся вне [его дома] все время бывают вдали от ударов, как чужие или оставляемые в пренебрежении.

5) ”Так какую пользу, — говорит [малодушный], — получили мы, подвергаясь скорбям душою и телом, мы, всегда молящиеся и поющие, между тем как те, не молясь, не бодрствуя, радуются, веселятся, бывают счастливы и благодушно проводят жизнь?” И вот *созидаются* дома чужие, *мы чужих считаем блаженными*, как говорит пророк, и прибавляет, говоря, что *это сказали* рабы Божии, имеющие ведение (ср. Мал. 3, 15—16).

6) Но, однако, следует знать, что ничего странного они не терпят, когда, утесняемые и различным образом огорчаваемые, переносят волю своего Владыки путем многих искушений. Ибо они слышали, как Он говорит в Евангелии: ”*Истинно говорю вам: вы восплачете и возрыдаете*, ближние мои, *а мір возрадуется*” (Ин. 16, 20), но еще немного — и Я посещу вас через Утешителя, изгоню уныние ваше, обрадую вас упованиями на небесную жизнь и покой и сладкими слезами, которых вы лишались в течение нескольких дней, будучи искушаемы; и дам вам грудь благодати Моей, как мать рыдающему младенцу, и укреплю вас, изнемогших в брани, силою свыше, и услажду вас, *огорченных*, как говорит Иеремия в Плаче о внутреннем твоем Иерусалиме (см. Плач 1, 20), так что ”*увижу вас, и возрадуется сердце ваше* от тайного посещения, *и печаль ваша* превратится *в радость, и радости вашей никто* не сможет *забрать*” (Ин. 16, 22.20).

7) Итак, не будем смежать очей своих, не будем слепотствовать, считая мірянина счастливее себя; но, понимая различие между законными сыновьями и незаконнорожденными (ср. Евр. 12, 8), возлюбим лучше мнимое убожество и сильное утруждение монахов, конец которого приводит к вечной жизни и к ”*неувядаемому венцу славы*” Господней (1 Пет. 5, 4). Возлюбим поэтому тесный путь подвижников, [этих] мнимых грешников, — чтобы не сказать праведников, — [возлюбим] ”*приметатися в доме Бога*”, то есть в сонме непрестанно служащих Христу, а не ”*жить в селениях грешничих*” (Пс. 83, 11) или вращаться среди мірян, хотя бы и они совершали великие [подвиги] праведности.

8) Ибо тебе, монах, говорит Отец твой Небесный, особенно любящий тебя и утесняющий и удручающий тебя разнообразными искушениями: ”Будь уверен, бедствующий инок, что, как Я сказал через пророка, Я буду твоим *руководителем* (Ос. 5, 2), и встречу тебя на пути египетском, изощряя тебя скорбями, и *пути* твои, достойные порицания, *Я ограничу преградой* (Ос. 2, 8) Моего промысла, поражая неожиданными несчастиями и препятствуя приводить решительным образом в дело то, чего ты желаешь неразумным сердцем; и *Я загражу море* страстей твоих *вратами* (ср. Иов. 38, 8) Моего милосердия; *Я буду для* тебя, *как пантера* (Ос. 13, 7), съедающая тебя помыслами порицания, осуждения

и раскаяния при сознании заблуждений твоих. — (Все же эти скорби — величайшая милость Божия.) —

9) Но Я буду для тебя не только *пантерой*, но и *жалом* (Ос. 5, 12), уязвляющим тебя помыслами сокрушения, страданиями сердечными, и *скорбь от* дома твоего не прекратится (Ос. 5, 13), — очевидно потому, что душа и тело прекрасно и с пользой посещаются истинно сладкими и медоточными наказаниями Божиими. Концом же наказаний, трудов, смущения, стыда, страхов и отчаяний, обыкновенно случающихся с людьми, решившимися подвизаться, концом всех этих мрачных [явлений] бывает небесная радость, неизъяснимое наслаждение, несказанная слава и непрестающее веселие. —

10) Ибо из-за того, — говорит Он, — Я утеснил тебя, чтобы *напитать тебя манной* познания, *истомил тебя голодом* (ср. Втор. 8, 3.16), чтобы облагодетельствовать тебя впоследствии и ввести в горнее царство. Ибо тогда, *как тельцы*, отвязанные *от уз, взыграете* вы, смиренные иноки, [отрешенные] от страстей плоти и от искушений врагов, и тогда вы будете *попирать нечестивых* демонов, которые ныне попирают [вас], и *они будут прахом под ногами вашими* (ср. Мал. 3, 20—21 [4,2—3 слав.])".

11) Ибо если ты благочестив и смиренномудр, не превозносишься суетною надменностью, не опрометчив, но сокрушен сердцем, считаешь себя за *непотребного раба* (ср. Лк. 17, 10) и смирен духом — если, будучи таков, ты смиренномудр, то твое прегрешение, монах, предпочтительнее праведности мірян и твои нечистоты необходимее великого очищения житейских [людей].

12) Ведь что такое то, из-за чего ты скорбишь? Конечно, [это] порок, но случайный; а посмотри, как какой-нибудь человек, испачкавший свои руки смолою, очистился при помощи малого количества масла. Так ты гораздо более можешь быть очищен милостию Божию.

13) Ведь как тебе нетрудно вымыть твою одежду, так в гораздо большей степени Господу легко омыть тебя от всякого порока, хотя бы ежедневно, естественно, поневоле и случалось искушение. Ибо в то время, когда ты говоришь: "Я согрешил пред Господом", — дается ответ:

14) "*Отпускаются твои грехи* (ср. Мф. 9, 2). *Аз есмь изглаживающий* [их] *и не помяну* (Ис. 43, 25). Ибо *как далеко отстоит восток от запада, так удалил Я от* тебя *беззакония* твои, и *как отец милует сынов*, так Я милую тебя (ср. Пс. 102, 12.13)".

15) Только ты не отставай и не отступай от Того, Кто избрал тебя на псалмопение и молитву, но прилепись к Нему во всю свою жизнь или чистым дерзновением, или благочестивым непостыдством и твердым исповеданием Ему. И Сам Он очищает тебя Своим собственным мановением.

16) Ибо что Бог очищает Своим хотением, того не будет в состоянии и сам великий апостол Петр признать нечистым или осудить. Ибо сказано ему: ”*Что Бог очистил, того ты не почитай нечистым*” (Деян. 10, 15). Ведь разве не Бог оправдал нас Своим человеколюбием? *Кто же будет осуждать* нас? (ср. Рим. 8, 34). Ибо когда мы призываем имя Господа нашего Иисуса Христа, то легко очищается совесть наша, и [тогда] не бывает никакой разницы между нами и пророками и прочими святыми.

17) ”*Ибо Бог определил нас не на гнев, но к получению [спасения] через Господа нашего Иисуса Христа, умершего за нас, чтобы мы, бодрствуем ли* в добродетелях, *или спим* по некоему обстоянию, как естественно при некоторых слабостях, *жили вместе со* Христом” (1 Фес. 5, 9.10), взирая на Него с великими стенаниями и непрестанным плачем и Им дыша.

18) Итак, ”*облечемся в броню веры*” и возьмем ”*шлем надежды спасения*” (1 Фес. 5, 8), чтобы не нашли доступа к нам стрелы отчаяния или безнадежности.

19) Но ты говоришь опять: ”Я сержусь всякий раз, когда вижу, что міряне нисколько не подвергаются искушению, и сильно раздражаюсь”. Так знай, возлюбленный, что сатана не имеет надобности искушать тех, кто сам себя искушает и житейскими делами увлекается всегда к земному. Познай также и то, что искушаемым уготованы награды и венцы, конечно, не тем, которые не думают о Боге, и не тем мірянам, которые лежат ниц и храпят.

20) ”Но я, — говорит [малодушный], — терплю слишком много искушений, ибо *чресла мои полны воспалений* (Пс. 37, 8), как говорит пророк, и [только] бедствие и угнетение, *и нет исцеления для плоти и попечения о костях* (ср. Пс. 37, 4 + Притч. 3, 8)”.

21) Но ведь есть вблизи великий Врач страждущих, *понесший наши немощи и страданием своим исцеливший нас* (ср. Ис. 53, 4.5 + Мф. 8, 17) и исцеляющий; предстоит Он и теперь, налагая спасительные лекарства. ”Ибо Я, — говорит Он, — *поразил* оставлением, *Я и исцелю* (Втор. 32, 39). Итак, *не бойся; ибо, когда ярость гнева Моего* истечет, *Я опять уврачую* (Ис. 7, 4).

22) *Ведь как жена не утратит чувства жалости к чадам чрева своего, так и Я не забуду тебя*, — говорит *Господь* (Ис. 49, 15). — Ибо если любовь птицы излита на птенцов ее и она ежечасно посещает их, обращает к ним свой голос и подает пищу в уста их, то значительно более Мои милости изливаются на Мои создания, и Моя благость гораздо более излита на тебя: Я тайно посещаю тебя, мысленно беседую с тобою и влагаю пищу в отверстый твой разум как малой ласточке.

23) Ведь Я доставляю тебе пищу страха пред Сильнейшим, пищу желания небесного, пищу воздыханий об утешении, пищу сокрушения,

пищу сладкопения, пищу более глубокого знания, пищу некоторых божественных таинств. Если же Я, твой Владыка и Отец, лгу, говоря тебе это, то ты обличи Меня, и Я потерплю", — вот о чем всегда беседует с нами Господь мысленно.

24) Понимаю, что я преступил меру, много написавши. Но вы заставили меня это сделать. Распространили же мы это слово для утверждения тех, которые подвергались опасности пасть от малодушия. Так как нашлись, как вы писали мне, у вас, живущих в Индии, вопреки ожиданию, некоторые из братии, очень обремененные искушениями и отказывающиеся и от жизни, и от быта монахов, говоря, что он удушлив и представляет бездну опасностей, и они явно считали мірян счастливыми и порицали день, в который они приняли [иноческий] образ, — то поэтому со своей стороны я вынужден был сделать более длинным настоящее слово и распространить его в более гладких выражениях, чтобы и непосвященный человек и неученый мог уразуметь то, о чем говорится. Вот почему я написал много, чтобы на будущее время монахи уже не мірянина считали счастливым, но только самих себя, так как они, без всякого сомнения, сильнее царей, носящих диадемы на голове своей, и светлее и славнее их, как приседящие всегда Богу.

25) Я же, написавший это, умоляю вашу любовь творить память о мне непрестанно в молитвах, чтобы мне, убогому, удостоиться благодати Господней, скончать настоящую жизнь в самом лучшем и благом исходе. "*Отец* же *щедрот и Бог всякого утешения*" (2 Кор. 1, 3) да подаст вам "*утешение вечное и надежду благую*" (2 Фес. 2, 16) во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Блаженный Диадох, епископ Фотики в Эпире Иллирийском

Краткое сведение о блаженном Диадохе [5]

Достоверных сведений о житии блаженного Диадоха сохранилось немного. Жил св. Диадох в 5-ом веке. Святитель Константинопольской Церкви Фотий в своём труде «Библиотека» неоднократно именует его «епископом Фотики в Древнем Эпире».

О том, что св. Отец наш Диадох был муж, мудрый в деянии и светлый в созерцании, это всякому желающему можно узнать из дошедшего до нас в сохранности слова сего, которое он прекрасно составил, почерпая духовную мудрость из долговременного опыта своего и из божественных восхождений сердца своего. Разделив его на сто глав, он со всем тщанием раскрывает в них самые глубочайшие тайны желанной добродетели, преисполняя их притом частыми свидетельствами Божественного Писания и созерцаниями просвещенного верою разума. Можно сказать, что в сем слове он оставил для всех, следовавших за ним трезвенников и богоносных отцов, образцовое учение о священном трезвении совместно со всеми добродетелями. Почему найдешь, что очень многие из них обращаются к сим главам, как к самым верным указателям истины, и приводят из них дословные свидетельства в своих писаниях о трезвении. Так делали после бывшего при Андронике Палеологе Собора Григорий и Симеон Солунские, Григорий Синаит, святейший Каллист и многие другие, свидетельствуя тем о безукоризненности его учения.

О подвижнических его главах, блаженный Фотий отзывается так: «слово сие (т. е. 100 глав) премного полезно подвизающимся, и для тех, которые долгим упражнением приобрели навык в деланиях, ведущих к совершенству, не представляет ничего неясного; потому что в таком случае знание, опытом приобретенное, легко нападает на след учения, предлагаемого словом».

[5] Житие Диадоха публикуется по современным данным.

Блаженного Диадоха, епископа Фотики указание последних пределов или верха совершенства главнейших добродетелей [6]

Предел, или верх совершенства веры, есть бесстрастное погружение ума в Бога.

2) Предел упования – преселение ума к чаемым благам.

3) Предел терпения – невидимого яко видимого зря умными очами, неуклонно стоять в терпении.

4) Предел нестяжательности – так желать не иметь, как иной желает иметь.

5) Предел разумения – не ведать себя в исступлении (или всецелом устремлении) к Богу.

6) Предел смиренномудрия – решительное забвение своих добрых дел.

7) Предел безгневия – великое желание не гневаться.

8) Предел чистоты – чувство, непрестанно прилепленное к Богу.

9) Предел любви – умножение дружеского расположения к тем, которые оскорбляют и поносят.

10) Предел совершенного изменения в сладостном вкушении Бога – вменять в радость прискорбность смерти.

[6] Взято из Добротолюбия в переводе Феофана Затворника.

Того же блаженного Диадоха, епископа Фотики, что в древнем Эпире Иллирийском, подвижническое слово, разделенное на сто глав деятельных, исполненных ведения и рассуждения духовного [7]

Духовным созерцанием, братие, да предводительствуют вера, надежда и любовь – и наипаче любовь; ибо те (две – вера и надежда) научают только презирать видимые блага, а любовь самую душу чрез добродетели сочетавает с Богом, умным чувством постигая Невидимого.

2) По естеству благ Един Бог. Но и человек бывает благим чрез ревностное тщание о благих нравах, будучи изменяем в то, чем не есть по естеству, Тем, Кто существенно благ, когда душа чрез ревностное тщание о добре настолько соделается сущею в Боге, насколько она по силе своей возжелает того и деятельно взыщет; ибо сказано: *будьте благи и милосерды, как и Отец ваш, Который на Небесах* (Лк. 6, 36; Мф. 5, 48).

3) Зла нет в естестве, и нет никого, злого по естеству: ибо Бог не сотворил ничего злого. Но когда кто с похотением сердечным вносит в себя образ зла, тогда оно, несмотря на то, что не есть в естестве, начинает быть, в таком виде, как возжелал сего тот, кто так делает. Почему должно, со всем тщанием непрестанно памятуя о Боге, не внимать обычным позывам на зло; ибо добро, сущее в естестве, могущественнее зла, прибывающего в естество совне чрез навык, – так как то есть, а этого нет, – разве только когда содевается.

[7] Публикуется по 3-му тому Феофановского перевода Добротолюбия.

4) Все мы люди по образу Божию есмы[8]; быть же по подобию Божию есть принадлежность одних тех, которые по великой любви свободу свою поработили Богу. Ибо когда мы не бываем своими самим себе, отвергаемся себя, тогда бываем подобны Тому, Кто по любви Своей примирил нас с Собою; – чего никто не может достигнуть, если не убедит души своей не увлекаться прелестями жизни самодовольной и самоугодливой.

5) Самовластие есть произволение разумной души, с готовностию устремляющееся к чему ни захочет. Таковое произволение мы будем иметь готовым на одно толко добро, если всегда благими помышлениями будем истреблять всякий злой помысл.

6) Свет истинного ведения есть – непогрешительно различать добро от зла. И тогда (когда т. е. такое различение есть и по нему устрояется самая жизнь) путь правый, возводя ум к Солнцу правды, Богу, вводит его в беспредельное оное мысленное просвещение, – как с дерзновением (верою и упованием) взыскавшего наконец единой любви. То, что праведно, должно исхищать из рук поносящих то и попирающих, с безгневным воодушевлением; потому что ревность по благочестию одерживает победу не ненавидением (гневным), а обличением и убеждением (любовным).

7) Духовное слово вносит удовлетворительное убеждение в умное чувство; потому что оно (слово) действием любви исходит от Бога. Почему тогда ум наш без труда и тяжести движется в волнах богословствования, не терпя прискорбной и озабочивающей скудости светлых помышлений. В этом состоянии он свободно носится в многообъятных созерцаниях, сколько желает того действо любви. Доброе убо дело есть – для беседы о Боге всегда с верою ожидать воздействуемого любовию умного просвещения; ибо ничего нет скуднее ума, когда он без Бога берется любомудрствовать о Боге.

8) Как тому, кто не просвещен в духе, не должно касаться духовных созерцаний, так и тому, кто богатно осиявается благодатию Святого Духа, не подобает приступать к беседе о них: ибо там скудость светлых помышлений облекает ум мраком неведения, а здесь обилие их не дает говорить, так как в эту пору душа, упиваясь любовию Божиею, желает безмолвно наслаждаться славою Господа. Итак к богоглаголевым словесам (к беседе о Боге) надлежит приступать тогда, когда замечается средняя мерность в возбуждении духовном; ибо такая мера доставляет душе некий образ преславных словес (точно и ясно изображающих невидимые духовные предметы), между тем как в то же время вожделенное осияние духовное питает веру говорящего в вере, чтоб учащий первым вкусил от

[8] В славянском переводе прибавка есть: «умным души движением». Верно, такое встречено чтение.

плода ведения, источаемого любовию. *Трудящемуся делателю прежде подобает от плода вкусити* (2 Тим. 2, 6).

9) Единого Духа Святого есть дар и премудрость и ведение, как и все божественные дарования; но каждый и из сих даров, как и из всех других, свое особое имеет действо (энергию). Почему Апостол и свидетельствует, что иному дается премудрость, а иному ведение (1 Кор. 12, 8). Ведение опытно (ощутительно) сочетавает душу с Богом, на беседование же о сем и других вещах духовных не подвигает души; почему некоторые из любомудро проходящих уединенническую жизнь хотя просвещаются в чувстве ведением, но к словесам о вещах божественных не приступают. Премудрость же, если она дается кому вместе с ведением страха ради Божия (что редко бывает), с любовию раскрывает самые внутренние воздействия (энергии) ведения; поелику то (ведение) обычно просвещает воздействием внутренним, а эта (премудрость) словом. Достигаются же они так: ведение приносят молитва и великое безмолвие при совершенном беспопечении; а премудрость – нетщеславное изучение словес Духа, наипаче же – благодать всеподающего Бога.

10) Когда душа гневом подвигается против страстей, ведать надлежит, что тогда время молчать, ибо то есть час брани. Когда же увидит кто, что это возмущение молитвою ли или милостынею улеглось, тогда пусть уступает влечению любви к изречению божественных словес, сдерживая однако ж крылья ума узами смирения; ибо если кто не смирит себя крайне самоуничижением, то не может достойно разглагольствовать о величии Божием.

11) Слово духовное хранит душу нетщеславною; ибо, исполняя все части ее ощущением богатства света духовного, делает то, что душа никакой не имеет потребности в чести людской. Почему оно и ум соблюдает всегда немечтательным, изменяя (погружая) его весь в любовь Божию. Слово же мудрости мирской всегда позывает человека к славолюбию; потому что оно не имеет возможности дать чувству опытно ощутить благо от себя (которое насыщало бы сердце) и взамен того дарит своим питомцам любовь к похвалам людским, будучи и само изобретением людей тщеславных. Таковое свойство духовного Слова Божия мы и сами непогрешительно познаем, если часы, в которые не имеем нужды говорить, будем проводить в теплой памяти Божией при беспопечительном молчании.

12) Кто себя любит, тот Бога любит не может; а кто себя не любит по причине преизобильного богатства любви Божией, тот только воистину и Бога любит. Таковый никогда уже не ищет славы своей, но всегда – одной славы Божией. Ибо как себялюбивый естественно ищет своей славы; так боголюбивый естественно ищет и любит славу Создателя своего. Душе боголюбивой, чувства Божия исполненной, свойственно в исполнении всех творимых ею заповедей искать единой славы Божией,

относительно же себя – услаждаться смирением. Ибо Богу ради величия Его подобает слава, а человеку – смирение, чтоб чрез него соделоваться нам своими Богу: что если хотим творить и мы, то, по примеру св. Иоанна Крестителя, радуясь о славе Господа, станем непрестанно говорить: *Оному подобает расти, а нам малитися* (Ин. 3, 30).

13) Видел я некоего, который все печалился и плакал, что не любит Бога, как бы желал, тогда как так любил Его, что непрестанное носил в душе своей пламенное желание, чтобы один Бог славился в нем, сам же он был как ничто. Таковый не ведает, что такое он есть, и самыми похвалами, ему изрекаемыми, не услаждается. Ибо в великом вожделении смирения он не понимает своего достоинства, но служа Богу, как закон повелевает иереям, сильным некиим расположением к боголюбию окрадает память о своем достоинстве, негде во глубине любви к Богу укрывая присущее тому похваление в духе смирения, чтоб в помышлении своем всегда казаться пред собою некиим неключимым рабом, как совершенно чуждому требуемого от него достоинства, по сильному вожделению смирения. Так действуя, и нам надлежит бегать всякой чести и славы ради преизобильного богатства любви к Господу, столько нас возлюбившему.

14) Кто любит Бога в чувстве сердца, тот познан есть от Него. Ибо поколику кто в чувстве сердца восприемлет любовь к Богу, потолику и сам пребывает в любви Божией. Почему таковой не перестает в сильном некоем рвении вожделевать просвещения в разуме и стремится к нему с таким напряжением, что иной раз чувствует совершенное истощание самой силы костей своих, делаясь уже незнающим себя, но весь изменен и поглощен бывая любовию к Богу. Кто таков, тот и есть в животе сем, и не есть; так как еще странствуя в теле своем, душевным движением в силу любви непрестанно отходит он к Богу – и странно приемлется у Него. Ибо непрестанно горя в сердце неистощимым огнем любви, он по необходимости сердечно прилепленным пребывает к Богу, совершенно отрешившись от любления себя силою сей к Богу любви. *Аще бо,* говорит, *изумихомся, Богови: аще ли целомудрствуем, вам* (2 Кор. 5, 13).

15) Когда кто начнет богато ощущать любовь к Богу, тогда в чувстве духовном начинает он и ближнего любить, и начавши, не престает: такова любовь, о коей говорят все Святые Писания. Любовь плотская, не будучи связана духовным чувством, как только представится какой даже незначительный повод, очень легко испаряется. Любовь же духовная не такова: но, хотя случится потерпеть какое огорчение, в душе боголюбивой, состоящей под воздействием Божиим, союз любви не пресекается: ибо возгревши себя теплотою любви к Богу, она тотчас возвращается к благому настроению и с великою радостию восприемлет любовь к ближнему, хотя бы и не малое от него получено было оскорбление, или

понесен большой вред; потому что тогда сладостию Божиею совершенно поглощается горечь разлада.

16) Никто не может возлюбить Бога от всего сердца, не возгрев прежде в чувстве сердца страха Божия; ибо душа в действенную любовь приходит после того уже, как очистится и умягчится действием страха Божия. В страх же Божий, со сказанным плодом от него, никто не может прийти, если не станет вне всех житейских попечений; ибо только тогда как ум успокоится в полном безмолвии и беспопечении, начинает спасительно воздействовать на него страх Божий, в сильном чувстве очищая его от всякой земной дебелости, чтоб таким образом возвести его в полную любовь ко всеблагому Богу. Так что страх есть принадлежность праведных, только еще очищаемых, в коих качествует средняя мера любви, а совершенная любовь есть принадлежность уже очищенных, в коих нет страха, так как *совершенная любовь вон изгоняет страх* (1 Ин. 4, 18). То же и другое бывает только у праведных, действием Духа Святого проходящих добродетели. Почему и Писание, где говорит: *бойтеся Бога, вси святии Его* (33, 10), а где: *возлюбите Господа, вси преподобнии Его* (Пс. 30, 24), – давая нам ясно уразуметь, что страх Божий свойствен только еще очищающимся праведникам с среднею, как сказано, мерою любви, праведникам же очистившимся свойственна совершенная любовь; и в них не бывает уже никакого страшливого помышления, а пребывает одно непрестанное горение и прилепление души к Богу, действием Духа Святого, как говорит пророк: *прильпе душа моя по Тебе, мене же прият десница Твоя* (Пс. 62, 9).

17) Как раны, случающиеся в теле, если не прочистить их и не подготовить, как должно, не чувствуют прилагаемых к ним врачами лекарств; а когда очищены бывают, чувствуют действие лекарств и чрез то приходят в совершенное исцеление: так и душа, пока остается нерадивою и покрыта бывает проказою сластолюбия, страха Божия чувствовать не может, хотя бы кто непрестанно толковал ей о страшном и неумытном судилище Божием; а когда начнет действием полного к себе внимания очищаться, тогда начинает чувствовать, как живительное никое врачевство, страх Божий, пережигающий ее, как в огне некоем, действием обличений, и таким образом мало-помалу очищаясь, достигает наконец совершенного очищения. При сем в ней сколько прилагается любви, столько же умаляется страх, пока придет в совершенную любовь, в коей, как сказано, нет страха, но совершенное бесстрастие, действием славы Божией производимое. Буди же нам в похвалу похвал непрестанную, во-первых, страх Божий, а наконец, любовь, – полнота закона совершенства во Христе.

18) Душа, не освободившись от мирских забот, ни Бога не возлюбит искренно, ни диаволом не возмерзит, как достойно. Попечение о животе сем лежит на ней как тяжелое покрывало, и ум ее не может установить в

себе своего о сем судилища, чтоб у себя самого ощутительно слышать безошибочные приговоры суда (совести). Почему всячески потребно удаление от мира.

19) Душе чистой свойственны слово независтное, рвение незлобивое и рачение о славе Господа непрестающее. Тогда (когда душа чиста) и ум верно установляет свои чаши (как установляются на весах чаши весовые), и трезвенным пребывает в своем о всем суждении, как на чистейшем и неподкупном судилище.

20) Вера без дел, и дела без веры одинаково не могут быть одобрены. Верующему, чтоб доказать свою веру, должно приносить Господу дела. И отцу нашему Аврааму вера не была бы вменена в правду, если б он не привел плода ее – сына своего на жертву Богу.

21) Любящий Бога и верует искренно, и дела веры совершает преподобно. Верующий же только, а не пребывающий в любви и самой той веры, которую кажется имеющим, не имеет. Он верует с некою легкотою ума, не нося в себе действенного (установляющего его на едином) отвеса преславной любви. Только *вера, любовию действующая* (Гал. 5, 6), есть великая главизна добродетелей.

22) Исследующий глубину веры обуревается волнами помышлений; а созерцающий ее в престосердечном расположении наслаждается сладостною внутреннею тишиною.

Глубина веры, будучи водою забвения, не терпит, чтоб в нее смотрели или ее узревали любопытными помышлениями. Будем же в простоте ума плыть по водам сим, чтоб таким образом доспеть в пристань воли Божией.

23) Никто не может искренно любить или веровать иначе, как если он не имеет себя самого осудителем себя. Ибо когда совесть наша тревожима бывает своими обличениями, тогда уму не попускается чувствовать благоухания премирных благ, но он тотчас же раздвояется сомнением: в силу предшествовавших опытов веры теплым движением вожделенно устремляется он к ним, но уже не может любовно восприять их в чувстве сердца по причине, как я сказал, частых угрызений обличающей совести. Впрочем, если мы очистим себя теплейшею молитвою и вниманием, то опять улучим сие вожделенное благо, еще с большим опытным в Боге вкушением его.

24) Как к видимым нам благам невольно некако влекут нас телесные чувства: так к благам невидимым обыкновенно руководит нас чувство умное – духовное, когда вкусит божественной благости. Все вожделевает сродного себе: душа, как бестелесная, – Небесных благ, а тело, как персть от земли, – земных сластей. Итак в состояние опытно вкушать невещественное незаблудно достигнем мы, если трудами утончим черствое тело свое.

25) Что чувство естественное одно, сему научает нас самое действо (энергия) святого ведения (просвещенный благодатию разум). Преступлением Адамовом оно разделилось на два действа (энергии); но Святым Духом оно опять соделовается единым и простым. Этого однако ж никто не может увидеть в себе, кроме тех одних, которые, в чаянии будущих благ, охотно отрешаются от благ жизни сей и воздержанием иссушают всякое вожделение телесных чувств. Ибо только в таковых ум, по причине полного беспопечения, здраво и бодренно совершая свои движения, может чувством неизреченно вкушать божественную благостыню, и в то же время по мере своего преспеяния сообщать свои радости и телу, безмерным некиим словом в любви изявляя свое обрадование исповеданием, говоря: *на Того упова сердце мое, и поможе ми: и процвете плоть моя, и волею исповемся Ему* (Пс. 27, 7). Таковое обрадование, бывающее в сем случае в душе и теле, есть нелестное напоминание о вечно нетленном житии.

26) Подвизающимся надобно всегда соблюдать мысль свою неволнующеюся, чтобы ум верно мог различать набегающие помыслы, и различая, добрые и богопосланные влагал в сокровищницу памяти, а непотребные и демонские извергал вон из влагалищ естества. И море, когда стоит покойно, бывает видно для рыболовов до самых последних глубин своих, так что тогда не укрывается от них ни одна почти из движущихся там живых тварей; когда же оно взволновывается ветрами, тогда скрывает в непроницаемой мутности своей то, что во время приятной тишины щедро давало видеть; от чего в ту пору искусство рыболовной хитрости устрояющих остается без дела. Это же случается претерпевать и созерцательному уму, особенно когда глубина души возмущается гневом неправедным.

27) Очень немного таких, которые точно знают все свои падения и которых ум никогда не отторгается от памятования о Боге. Как телесные наши очи, когда здравы, могут все хорошо видеть до малейших комарей и мушек, летающих в воздухе; а когда бывают запорошены или влажным чем покрыты, тогда что велико и всегда им встречается, то видят, хоть слабо, а что мало, того совсем не ощущают чувством зрения: так и душа, когда вниманием к себе прогонит омрачение, случающееся с нею от миролюбия, тогда и малые свои падения почитая очень великими, слезы к слезам прилагает с великим благодарением, сокрушаясь о том, – как сказано: *праведнии исповедятся имени Твоему* (Пс. 139, 14); а когда одержима бывает миролюбивым расположением, тогда если совершит убийство, или другое что достойное наказания, чувствует еще немного, других же падений никаких и заметить не может, даже нередко почитает их за добродетели и не стыдится с жаром защищать их, несчастная.

28) Очистить ум только Духа Святого есть дело. Ибо если не придет Крепльший Сей, не поймает и не свяжет хищника оного (Лк. 11, 22), то похищенное им никак не может быть высвобождено. Подобает убо всякими добродетелями, наипаче же миром душевным упокоевать в себе Духа Святого, чтоб иметь в себе светильник разума всегда светящим; потому что когда он непрестанно светит в сокровенностях души, тогда не только явны бывают в уме даже малые темные прилоги бесовские, но и бездейственны и неустойчивы, будучи обличаемы Святым оным и преславным Светом. Почему Апостол и говорит: *Духа не угашайте* (И Сол. 5, 19), т. е. не *оскорбляйте* (Еф. 4, 30) благостыни Святого Духа злыми делами или помышлениями, чтоб не лишиться всепобедительного оного светильника. Ибо не присносущный и животворный угасает при сем Дух, но Его опечаление, или лучше отвращение, оставляет ум наш ожестелым и чуждым света ведения.

29) Едино есть, как я сказал, естественное в душе чувство [ибо известные пять телесных чувств суть особое дело; они служат потребностям тела, как научает нас всесвятой и человеколюбивый Дух Божий]; но оно ныне в проявлениях движений души разделяется надвое по причине поползновения на недоброе, приразившееся к уму чрез преслушание. Почему, то оно влечется страстною частию души, – от чего мы сладостно сочувствуем благам житейским; то соуслаждается разумному мысленному ее движению, – поколику ум наш, когда мы целомудрствуем, с вожделением устремляется тещи к небесным красотам. Если потому мы придем в навык презирать блага мира сего, то сможем наконец и земное вожделение души привести в согласие с разумным ее настроением, в силу общения Духа Святого, сие в нас домостроительствующего. Ибо если Его Божество действенно не озарит сокровенностей нашего сердца, то мы не возможем нераздельным чувством, т. е. всецелым расположением души, вкусить Небесного блага.

30) Чувство ума есть вкус его, верно различающий духовные вещи. Как телесным нашим чувством вкуса в здравом состоянии непогрешительно различая хорошее от нехорошего, приятного желаем (от неприятного же отвращаемся): так и ум наш, когда начинает действовать в добром настроении и в полном беспопечении о преходящем, может богато ощущать божественное утешение и нимало не быть увлекаемым ничем противным тому. Ибо как тело, земных вкушая сластей, приобретает опытность в чувстве сем безошибочную: так и ум, когда поднимается выше плотского мудревания, может нелестно вкушать и различать утешение Святого Духа, как говорится: *вкусите и видите, яко благ Господь* (Пс. 33, 9), и имея память о сем вкушении по действу любви незабвенною, непогрешительно различать лучшее, по слову св. Апостола: *и о сем молюся, да любовь ваша паче и паче избыточествует в разуме, и во всяком чувстве, во еже искушати вам лучшая* (Флп. 1, 9).

31) Когда ум начнет ощущать благодатное утешение Святого Духа, тогда и сатана свое влагает в душу утешение в кажущемся сладким чувстве, во время нощных успокоений, в момент тончайшего некоего сна (или засыпания). Если в это время ум окажется держащим в теплейшей памяти святое имя Господа Иисуса, и как верным оружием против прелести воспользуется сим пресвятым и преславным именем; то лукавый обольститель оный тотчас удаляется, но за то возгорается наконец бранию против души своим лицом (а не помыслами). Так ум, точно распознавая обманчивые прелести лукавого, более и более преуспевает в различении духовных вещей.

32) Благое утешение бывает или в бодрственном состоянии тела, или при погружении его в сон, когда кто в теплом памятовании о Боге как бы прилеплен бывает любовью к Нему; а утешение обманчивое, прельстительное, как я сказал, бывает всегда в то время, как подвижник приходит в тонкое некое дремание, или забытье, при памятовании о Боге посредственном. То, происходя от Бога, явно влечет души подвижников благочестия в любви Божией в сильном излиянии душевных чувств; а это обыкновенно обвевает душу некиим ветром обманчивой прелести и во время сна телесного покушается похитить чувство вкушением чего-то приятного, несмотря на то, что ум в известной мере здравствует в отношении к памятованию о Боге. – Итак если, как я сказал, ум окажется в такое время трезвенно памятующим о Господе Иисусе, то тотчас рассеивает это обманчиво кажущееся приятным дыхание врага, и с радостию выступает на борьбу с ним, имея готовое против него оружие, по благодати, в прехвальной опытности своей духовной.

33) Если душа неколеблющимся и немечтательным движением воспламенится к любви Божией, влеча некако в глубину сей неизреченной любви и самое тело, – в бодрствовании ли то, или, как я сказал, при погружении в сон воздействуемого святою благодатию подвижника, между тем как душа совершенно ни о чем другом не помышляет, кроме того одного, к чему возбуждена; – то ведать надлежит, что это есть действо Святого Духа. Будучи вся преисполнена приятных чувств от неизреченной оной божественной сладости, она и не может в ту пору помышлять ни о чем другом, а только чувствует себя обрадованною неистощимою некоею радостию. Если же при таком возбуждении ум восприимет колебание некое сомнительное, или нечистое какое помышление, и если при сем Святым Господним именем будет пользоваться для отвращения зла, а не паче по одной любви к Богу; – то ведать надлежит, что утешение это – от прельстителя, и есть только призрак радости. Радость такая совне навевается, и является не как качество и постоянное расположение души; видимо, тут враг хочет опрелюбодействовать душу. Видя, что ум начинает проявлять верную опытность своего чувства, он и своими некиими утешениями, кажущимися благими, подступает утешать душу, в

ожидании, что она, будучи развлекаема этою блажною макротною сластию, не распознает своего смешения с обольстителем. По сим признакам можем мы распознавать *духа истины и духа лестча* (1 Ин. 4, 6). – Никому впрочем невозможно ни божественной благости чувством вкусить, ни горести бесовской ощутительно испытать; если кто не удостоверится в себе, что благодать во глубине ума его сотворила себе обитель, а злые духи гнездятся негде окрест членов сердца. Бесы же отнюдь не хотят, чтоб люди как-нибудь удостоверялись в этом, дабы ум, верно зная это, не вооружался против них непрестанною памятию о Боге.

34) Есть любовь в душе естественная, и есть от Святого Духа в нее изливаемая. Та, если захотим, приходит в соразмерное движение и от нашей воли; почему удобно расхищается злыми духами, коль скоро перестаем в усиленном напряжении держать свое произволение. А эта так пламенит душу любовию к Богу, что все части души прилепляются к неизреченной сладости божественного возлюбления в безмерной некоей простоте расположения; ибо тогда ум, как бы чреват бывая от духовного (благодатного) действа (енергии), источает обильный некий поток любви и радования.

35) Как море волнуемое, когда возливают на него елея, обыкновенно стихает, потому что тучность елея препобеждает силу воздымающей волны бури: так и душа наша, умащаемая благодатию Святого Духа, сладостною исполняется тишиною; потому что, по слову пророка: *обаче Богови повинися душе моя* (Пс. 61, 6), – тогда к обрадованию ее пресекается всякое в ней волнение, уступая приосеняющей ее благостыни Духа и порождаемому тем бесстрастию. Почему какие бы потрясения ни покушались в ту пору произвести в душе бесы, она пребывает мирствующею в себе и всякого полною радования. Но в такое состояние никто не может прийти, ни пребывать в нем, если не будет непрестанно отрезвлять и услаждать душу свою страхом Божиим; ибо страх Господень приносит подвизающимся некий вид непорочности и чистоты. *Страх Господен чист,* говорит пророк, *пребываяй в век века* (Пс. 18, 10).

36) Никто, слыша о чувстве ума, да не воображает, будто слава Божия является ему чувственно. Мы говорим, что душа, когда бывает чиста, неизреченным некиим вкушением ощущает божественное утешение, но не так, чтоб при сем чувственно являлось ей что-либо из невидимого; *ибо ныне мы верою ходим, а не виденiем,* как говорит блаженный Павел (2 Кор. 5, 7). Почему, когда кому-либо из подвизающихся явится свет, или зрак какой огневидный, или глас, пусть он ни под каким видом не принимает за истинное такое явление. Ибо это явно есть прелесть вражия, – и многие, с которыми это случалось, по неведению сбивались с пути истинного. Мы же знаем, что пока живем страннически в тленном теле сем, устраняемся от Бога (2 Кор. 5, 6), – т. е. не имеем возможности видимо видеть ни Его, ни дивных вещей Его пренебесных.

37) Сны, являющиеся душе по любви Божией, суть необманчивые указатели здравия душевного. Они не изменяются из одного образа в другой, не наводят страха, не возбуждают смеха или внезапного опечаления, но приступают к душе со всею тихостию и преисполняют ее духовного радования; почему душа, и по пробуждении тела, со всем вожделением ищет этого испытанного во сне обрадования. У бесовских мечтаний все бывает противно сему, – не пребывают они в одном и том же образе, и вида своего не показывают долго не смятенным; потому что тем, чего нет в их произволении, но что заимствуют они из своей только лживости, долго довольствоваться они не могут. При этом они много говорят и обещают великого, а еще больше угрозами стращают, принимая на себя нередко вид воинов; иногда припевают душе и что-нибудь льстивое с шумным криком. Ум, когда чист бывает, скоро распознает их, и – иногда мысленным напряжением пробуждает тело, а иногда охотнее остается в том же положении, радуясь, что возмог распознать их лукавство, и в том же сне обличая их и тем подвигая их на великий против себя гнев. – Бывает, впрочем, что и добрые сны не радость приносят душе, а печаль некую сладостную, и слезу неболезненную. Это случается с теми, которые преуспели уже в великом смиренномудрии.

38) Мы изложили, как различать сны хорошие и худые, основываясь на том, что сами слышали от опытных старцев. Да довлеет однако ж нам паче, как великая добродетель, то правило, чтоб отнюдь не верить никакому сонному мечтанию. Ибо сны наибольшею частию бывают ни что иное, как идолы помыслов, игра воображения или еще, как я уже говорил, бесовские над нами наругания и забавы. Если, держась сего правила, мы иногда не примем такого сновидения, которое послано будет нам от Бога, то не погневается за это на нас любвеобильный Господь Иисус, ведая, что мы дерзаем на это из опасения бесовских козней. Ибо хотя предреченный способ различения снов верен; случается однако ж, что душа, по некоему восхищению вражьему нечувствительно и непроизвольно будучи осквернена, – без чего, как думаю, никто не обходится, – теряет след верного различения и верит снам недобрым, как добрым.

39) Да послужит нам в доказательство сказанного следующий случай: господин после долгого отсутствия, возвратясь домой, стоит ночью у ворот и зовет раба, чтоб отворил; раб, не распознавая точно, господин ли это, решительно отказывает ему в этом, боясь, чтоб, обманувшись сходством голоса, не впустить злодея и не сделаться предателем вверенного ему господином имущества; и господин, когда настал день, не только не разгневался за это на него, но напротив великими превознес его похвалами что голос его самого счел обманом, не желая утратить что-либо из его имущества.

40) Что ум наш, когда начнет в нем ощутительно действовать божественный свет, соделовается весь светлым, так что сам богато видит сей

сущий в нем свет, в этом не должно сомневаться. Так всегда бывает, коль скоро душа сильно возгосподствует над страстями. Но бывает, что нечто подобное призрачно является в уме и от злокозненности вражеской, то как свет, то как огнь, как учит божественный Павел, говоря, что и *сатана* иногда *преобразуется в Ангела светла* (2 Кор. 11, 14). Почему не должно в такой надежде, (т. е. в надежде видеть свет в себе) приступать к прохождению подвижнического жития, чтоб сатана не нашел поэтому души предуготованною к восхищению ее в прелесть и не восхитил в самом деле. Но должно то одно иметь при сем в виду, чтоб достигнуть любви к Богу всем чувством и с полным удостоверением сердечным, – что и есть любить Бога всею душою, всем сердцем и всем помышлением (Лк. 10, 27). В ком действуется сие благодатию Божиею, тот, живя в мире, чужд бывает мира.

41) Послушание есть, как достоверно известно, первое в числе вводных (новоначальных) добродетелей добро; ибо оно отсекает кичение и порождает в нас смиренномудрие. Почему бывает входною дверию любви ко Христу Богу для тех, кои с сердечным расположением держатся его. Отложив его, Адам ниспал во глубину ада. Господь же, возлюбив его, в силу домостроительства нашего спасения, послушлив был Отцу Своему даже до креста и смерти (Флп. 2, 8), – и это тогда, как ни в чем не меньше был величества Его, – чтоб, своим послушанием загладив вину преслушания человеческого, тех, кои поживут в послушании, возвести к блаженной и вечнующей жизни. Итак, тем, кои восприемлют борьбу с гордынею диавольскою, прежде всего должно возревновать о сей добродетели, – и она, предшествуя, незаблудно покажет им потом все стези добредетелей.

42) Воздержание есть принадлежность всех добродетелей; почему *подвизающийся* должен от всего *воздерживаться* (1 Кор. 9, 25). Как, когда отнят будет какой-нибудь наималейший член человеческого тела, весь вид человека делается безобразным, как ни будь мало то, чего в нем не достает: так и когда кто об одной лишь какой вознерадит добродетели, расстраивает все благолепие воздержания, хотя и не видит того. Почему должно не только телесные люботрудно проходить добредетели, но и те, которые имеют силу внутреннего нашего очищать человека. Ибо какая польза тело соблюдать девственным, когда душа блудодействует с бесом непослушания? Или как увенчается тот, кто от чревоугодия и всякой другой похоти телесной блюдет себя, а о кичении и славолюбии небрежет, не стерпевая даже и малейшего оскорбления; тогда как ведает, что свет правды имеет уравновесить чашу (воздаяния) с делами правды только тех, кои совершали их в духе смирения?

43) Все бессловесные похоти подвизающимся так должно возненавидеть, чтоб эта ненависть к ним обратилась у них в навык. Воздержание же в пище так надлежит соблюдать, чтоб никто никогда не доходил

до почитания мерзким какого-либо из яств. Это бесовское дело и есть клятвы близ. Ибо мы не потому воздерживаемся от некоторых яств, что они по природе злы, – да не будет! – но для того чтоб, воздерживаясь от них, соразмерно укротить пламенеющие члены плоти; еще же и для того, чтоб остающаяся у нас от потребления пища была обращаема в удовлетворение насущной нужды бедных, – что есть признак искренней любви.

44) От всего предлагаемого для ястия и пития есть и пить со благодарением Богу нисколько не противно закону ведения; ибо вся в созданиях Божиих *добра зело* (Быт. 1, 31). Но самоохотно воздерживаться от многоядения и сладкоядения весьма благоразумно и премудро. – Только отказываться так самоохотно от предлежащих сластей мы не можем, если самым делом и опытом не вкусим божественной сладости всем чувством.

45) Как множеством яств обременено будучи, тело наше делает ум каким-то беспечным и неподвижным: так и будучи изможденo чрезмерным воздержанием, соделовает созерцательную часть души унылою и несловолюбивою (м. б. не охочею рассуждать). Подобает убо образ питания телесного соразмерять с состоянием сил и крепости тела: когда оно здорово, утеснять его, сколько потребно, а когда немоществует, послаблять ему несколько. Подвизающемуся не следует расслабевать телом, но быть в силе, сколько требуется для подвига, чтоб хотя телесными трудами очищалась надлежаще и душа.

46) Когда, при приходе каких-либо братий или какого-либо странника, тщеславие, пользуясь сим случаем, придет в движение и, надымая нас своим ядом, станет подстрекать не нарушать своего о пище устава; тогда наипаче благопотребно послабить несколько меру обычного пищеприятия. Ибо таким образом мы и беса отошлем от себя с оплакиванием безуспешности своего покушения, и закон любви рассудительно исполним, и тайну воздержания нашего чрез послабление его сохраним невыказанною.

47) Пост, хотя как орудие, благоустрояющее хотящих к целомудрию, имеет цену, но не пред Богом. Почему подвижникам благочестия не должно высокоумствовать по поводу его, но от единой веры в Бога чаять достижения своей цели. И мастера по какому-либо искусству в совершенстве своей искусности удостоверяют не добротностию своих орудий, но терпеливо заканчивают какое-либо изделие, и оно уже служит показателем, насколько они искусны в своем мастерстве.

48) Как земля умеренно напаяемая, с большим приплодом изращает вметаемое в нее чистое семя, а упояемая слишком обильными дождями приносит только терния и волчцы: так и земля сердца, когда употребляем вина в меру, естественные свои семена являет чистыми, а всеваемые в нее Духом Святым износит добролиственными и многоплодными; ко-

гда же чрез меру одождим ее многопитием, износит только терния и волчцы всеми помыслами своими.

49) Когда ум наш плавает в волнах многопития, тогда не только на образы, во сне представляемые ему бесами, смотрит страстно, но и, сам в себе рисуя некие красивые лица, такими мечтаниями своими, как какими живыми существами, услаждается с раждежением. Ибо когда похотные части тела разогреются от винной теплоты, тогда нуждение некое налегает на ум представлять в себе сластолюбно такие тени страсти. Почему надлежит нам, соблюдая мерность, избегать вреда от излишества бывающего. Тогда ум, не имея подвигающей его на живописание греха сласти, пребывает весь немечтателным и, что еще лучше, бессластным.

50) Желающим укротить воздымающиеся члены тела не должно касаться искусственно приготовляемых напитков, которые хитрецами такого изобретения называются предпитием по той причине, что они обыкновенно пролагают в чрево путь множеству яств. Ибо не только качество их бывает во вред подвизающимся телам, но и самое безмысленное смешение входящих в их состав веществ сильно поражает богобоязненную совесть. Ибо чего такого не достает в естестве вина, чтоб нужда належала примешением разных сластей смягчать его крепость?

51) Господь наш, и сего священного (подвижнического) жития Учитель, Иисус Христос оцтом был напоен во время страдания Своего от тех, кои служили повелениям диавола, чтоб оставить нам, как мне кажется, ясный образец, с каким расположением должны мы проходить священные подвиги. Сим он как бы сказал: подвизающимся против греха не должно употреблять сладких яств или питий; но паче должно терпеливо переносить горечь брани. Можно приложить и значение иссопа к губке, чтоб чрез тот и другую совершеннее представить образ нашего очищения. Тот, как вещь жесткая, представляет свойство подвигов, а эта, как вещь, употребляемая при омовениях, напоминает о полном совершенстве очищения.

52) Ходить в баню никто не сочтет грешным или неразумным; но воздержания ради удаляться и от этого, я называю делом и мужественным и целомудреннейшим. Ибо в таком случае ни тело наше не разблажается сластным оным омовением, ни в душе не возбуждается воспоминание о бесславном обнажении Адама, чтоб подобно ему заботиться о листвиях для прикрытия второй срамоты обнажения. Особенно это необходимо для нас, которые, недавно высвободясь из пагубного растления жизни сей, должны всячески стараться пребывать в неразлучном единении с красотою целомудрия непорочною чистотою своего тела.

53) Врача приглашать во время недугов ничто не препятствует. Бог провидел, что будет нужда во врачевательном искусстве и благоволил, чтоб оно наконец составилось на основании опытов человеческих; для

того наперед дал бытие и врачевствам в ряду творений. Впрочем, не на них должно полагать надежду уврачевания, но на истинного нашего Врача и Спасителя, Иисуса Христа. Это однако ж я говорю тем, которые жизнь подвижническую проводят в киновиях или в городах, по той причине, что они, судя по течению приключающихся с ними обстоятельств, не всегда могут иметь непрестающим действо веры, будучи окружены любовию, – а то – и по той, чтоб не впадали они в тщеславие и в искушение диавола, по которым некоторые из них при многих объявляют, что не имеют нужды во врачах. Если же кто отшельническую жизнь проводит в местах пустынных с двумя или тремя единонравными братиями, то каким бы недугам ни подвергался он, да предаст себя Единому Господу, Целителю всякой нашей болезни и немощи. По Господе он в самой пустыни имеет довольное утешение в болезнях, к тому же, как действо веры может у него не оскудеть никогда, так и выставить напоказ свою добродетель терпения не имеет он возможности, будучи прикрыт доброю завесою пустыни. Для сего-то Господь и *вселяет единомысленныя в дом* (Пс. 67, 7).

54) Когда мы крайне тяготимся приключающимися нам расстройствами телесного здравия, ведать должно, что душа нагая еще порабощена телолюбию. Почему как вещественных вожделевая услаждений, не хочет она отрешиться от житейских благ, так великою почитает тяготою – не иметь по причине болезней возможности пользоваться приятными для плотской жизни вещами. – Если же она с благодарностью переносит прискорбности из-за болезни, то это знак, что она недалеко от пределов бесстрастия. Почему с радостию ожидает она тогда и самой смерти, как виновницы вступления в истинную жизнь.

55) Душа не возжелает разрешиться от тела, если не сделается совершенно равнодушною к воздуху сему (т. е. ко всему житейскому и мирскому). – Все чувства телесные сопротивляются вере, так как чувства вкушать ищут только настоящего – присущего, а вера обещает богатство благ будущих. Почему подвизающемуся никогда не подобает помышлять ни о древесах ветвистых и тенистых, ни об источниках добротечных, ни о лугах доброцветных, ни о домах благолепных, ни о беседах с родными приятных, – равно как воспоминать и о богатых приношениях, если случалось быть ими почтенным. Но ему надлежит тем, что необходимо, пользоваться с благодарностию, жизнь же сию почитать некиим страннническим путем, чуждым всякого плотского утешения. Ибо только таким образом стеснив свою мысль, возможем мы обратить ее всю на стезю, ведущую в живот вечный.

56) Что зрение, вкус и прочие чувства рассеивают память сердца, когда пользуемся ими без меры, об этом первая возвещает нам Ева. Ибо пока не взглянула она на заповеданное древо сластолюбно, дотоле тщательно помнила Заповедь Божию: чего ради как бы покрываемая крыла-

ми любви Божией, неведала она и наготы своей. Когда же воззрела на то древо сластолюбно, коснулась его с великим похотением и наконец вкусила от плода его с неудержимым вожделением; тотчас восприяла склонность к плотскому самоуслаждению и, как обнаженная сочетавшись с сею страстию, все свое вожделение предала взысканию вкушения настоящих утех, примесивши по действию видимой привлекательности плода к своему падению и падение Адама; вследствие чего уму человеческому стало затруднительно памятовать о Боге или о заповедях Его. Мы же, всегда с непрестанною памятию о Боге взирая во глубину сердца своего, будем проводить сию падкую на прелести жизнь, как слепые очами; ибо любомудрию воистину духовному свойственно сохранять непарительным присущий в нас позыв видеть *красное еже видити.* Этому и многоопытнейший Иов научает нас, говоря: *аще и в след ока моего иде сердце мое* (Иов. 31, 7). Такое действование есть верный признак крайнего воздержания.

57) Всегда пребывающий в сердце своем далек от всех красных жизни сей вещей; и ходя духом, похотей плотских изведывать не может. Поелику таким образом таковой шествие свое совершает в ограждении добродетельми, сии самые добродетели имея как бы привратными стражами своего града чистоты; то все козни бесов против него остаются безуспешными, хотя иной раз стрелы сей общей всем похоти достигают даже до окон естества.

58) Когда душа начнет уже не похотевать красных земных вещей, тогда прокрадывается в нее большею частию некий унывный дух, который ни охотно потрудиться в служении слова не допускает ее, ни твердого желания будущих благ не оставляет в ней, еще же и эту привременную жизнь представляет крайне непотребною, как не имеющую достойных дел добродетели, и самое ведение уничижает, как дарованное и другим многим или ничего особенного нам не возвещающее. Сей теплохладной и разленяющей страсти мы избежим, если в крайне тесные вставим пределы нашу мысль, держа во внимании одну память Божию; ибо только таким образом дух, востекши в свойственное ему горение, может отгнать от себя неразумное оное разленение.

59) Ум наш, когда памятию Божиею затворим ему все исходы, имеет нужду, чтоб ему дано было дело какое-нибудь, обязательное для него, в удовлетворение его приснодвижности. Ему должно дать только священное Имя Господа Иисуса, Которым и пусть всецело удовлетворяет он свою ревность в достижении предположенной цели. Но ведать надлежит, что, как Апостол говорит, *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3). С нашей стороны требуется, чтоб сказанное речение (Господи Иисусе Христе и проч.) умом в себе утесняющимся непрестанно было изрекаемо в сокровенностях его так, чтоб при этом он не уклонялся ни в какие сторонние мечтания. Которые

сие святое и преславное Имя непрестанно содержат мысленно во глубине сердца своего, те могут видеть и свет ума своего (ясность мысли, или определенное сознание всех внутренних движений). И еще: сие дивное Имя, будучи с напряженною заботливостию содержимо мыслию, очень ощутительно попаляет всякую скверну, появляющуюся в душе. *Ибо Бог наш огнь поядаяй есть* всякое зло, как говорит Апостол (Евр. 12, 29). Отсюда наконец Господь приводит душу в великое возлюбление славы Своея; ибо преславное то и многовожделенное Имя, укосневая чрез памятование о нем ума в теплом сердце, порождает в нас навык любить благостыню Его беспрепятственно; потому что нечему уже тогда полагать тому препону. И сие-то есть бисер оный многоценный, который стяжевают, предав все свое имение с неизреченною радостию об обретении Его.

60) Иная есть радость началовводная, и иная завершительная: та не непричастна мечтаний (о себе), а эта сильна смиренномудрием; посреде же их – печаль боголюбивая и неболезненный плач. *Яко во множестве мудрости множество разума, и приложивши разум, приложит печаль* (Еккл. 1, 18). Сего ради надлежит прежде началовводною радостию призвать душу к подвигам; потом предать ее обличению и искушению истиною Духа Святого, как о прежде содеянных грехах, так и о содеваемых еще поползновениях в самозабвении. *Во обличениих бо о беззаконии наказал еси человека, и истаял еси, яко паучину душу его* (Пс. 38, 12). Чтоб после того как обличение Божие искусит ее, как в горниле, она восприяла действо немечтательной радости в теплом памятовании о Боге.

61) Когда душа возмущается гневом, или отягчается многоядением, или сильною печалию омрачается, тогда ум не может держать памятования о Боге, хотя бы и понуждаем был к тому как-нибудь. Ибо весь будучи омрачен лютостию сих страстей, бывает он тогда совершенно чужд собственного чувства; почему желание не имеет где наложить свою печать, чтоб чрез то ум мог носить незабвенным и неизменным вид богомыслия, так как тогда память его огрубевает по причине суровства страстей. – Когда же она бывает свободна от таких возмущений, тогда, если иногда и успеет забвение на мгновение украсть мысль о возлюбленном Господе, ум, восприяв свою энергию и живость, тотчас опять с жаром емлется за многовожделенную оную и спасительную ловитву; ибо тогда сама благодать и сбогомыслствует душе и совзывает: Господи Иисусе Христе! Подобно тому, как мать, уча дитя свое, многократно повторяет вместе с ним имя – отец, пока не доведет его до навыка вместо всякого другого, подсильного дитяти слова, ясно произносить – отец, даже и во сне. Посему Апостол говорит, – что *Сам Дух способствует нам в немощах натих; о чесом бо помолимся, якоже подобает не вемы, но Сам Дух ходатайствует о нас воздыхании неизглаголанными* (Рим.

8. 26). Ибо, так как мы младенчествуем пред совершенством сей молитвенной добродетели; то всеконечно имеем нужду в Его помощи; чтоб, когда неизреченная Его сладость обымет и усладит все наши помыслы, мы всем расположением подвиглись памятовать о Боге и Отце нашем и любить Его. Почему, как тот же дивный Павел говорит, *о Нем вопием: Авва Отче* (Рим. 8, 15), когда Им благонастрояемы бываем призывать Бога Отца.

62) Гнев больше всех других страстей обыкновенно встревоживает и в смятение приводит душу; но есть случаи, когда он крайне для нее полезен. Так, когда несмущенно гневаемся на нечествующих, или другим каким образом бесстудствующих, да спасутся или по крайней мере устыдятся, тогда душе нашей доставляем то же, что кротость; потому что в таком случае всячески споспешествуем целям Божией правды и благости. Также когда поднимаются в душе женолюбивые движения, тогда, разгневавшись посильнее на этот грех, отрезвляем нередко душу и придаем ей мужескую силу противостоять ему. А что, находясь в крайнем расстройстве духа, можем мы, запретив гневно самому духу расстроителю, возвышаться мудрованием даже над ужасами, коими хвалится подавлять нас смерть, в этом не должно сомневаться: что желая показать нам, Господь, при воскрешении Лазаря, сначала запретил в духе аду и ободрил себя и потом уже несмятенною волею, как и всегда делал все, что ни делал, возвратил телу Лазареву душу. Так что, как мне кажется, целомудрый гнев дан естеству нашему Создавшим нас Богом более как орудие правды; и если бы Ева воспользовалась им против змия, то не подпала бы пагубному действию страстного оного похотения. Почему полагаю, что пользующийся целомудро гневом по ревности к благочестию, более одобрительным окажется на весах праведного воздаяния, нежели тот, кто по неподвижности ума никогда не подвигается на гнев; так как у этого, его правитель человеческих мыслей и чувств остается необученным, а тот, на конях добродетели восседя, всегда в борьбе пребывает и носится среди полчищ бесовских, непрестанно обучая в страхе Божием четвероконницу воздержания, которую Св. Писание назвало *колесницею Израилевою,* как находим в описании взятия на Небо божественного Илии (4 Цар. 2, 12). Иудеев первых Бог многоразлично обучал четырем добродетелям; почему и взят был на Небо таковой и толикий питомец мудрости (мужества, правды и воздержания),[9] конями имея, как мне кажется, сии добредетели свои, когда взял его дух в веянии огня.

63) Сподобившийся святого ведения и вкусивший сладости Божией ни тягаться никогда не должен (когда кто на него жалобу подает), ни сам поднимать против кого тяжбу, хотя бы кто стянул с него одежду, в которую одет; ибо правда властей века сего ниже правды Божией, – или

[9] Прибавка по славянск. переводу.

лучше, она ничто пред правдою Божиею; да и какое различие между чадами Божиими и людьми века сего, если не то, что правда этих последних нейдет в сравнение с правдою тех первых; почему и называется та правдою человеческою, а эта правдою Божиею. Так и Господь наш *укоряем противу не укоряше, и стражда не прещаше* (1 Пет. 2, 23); а напротив, не только снятие одежды перенес в молчании, но, что несравненно выше, молился Отцу о спасении здодейски действовавших против Него. Люди же мира не перестанут тягаться, пока с лихвою не получат искомого от тех, с коими тягаются, особенно когда ищут роста на долг: так что их правда бывает часто началом великой неправды.

64) Слышал я, как некие благочестивые говорят, что не должно всякому позволять расхищать то, что имеем для своего содержания и для упокоения бедных; чтобы, снисходя такому злу, не сделаться нам виновными во грехе обижающих нас, и особенно, когда терпим это от христиан. – Но так поступать ни что другое есть, как желать спасать больше свое, чем себя самих. Ибо если я, оставя молитву и внимание своему сердцу, начну искать суда на обидевших меня и корпеть в сенях судилищ, то явно, что для меня искомое гораздо дороже собственного моего спасения, чтоб не сказать, и самой спасительной заповеди. И как являюсь я последователем Евангельской заповеди, повелевающей мне: *и от взымающаго твоя не истязуй* (Лк. 6, 30), если, по слову Апостольскому, не стану *с радостию принимать разграбление имений своих* (Евр. 10, 34), когда она (заповедь) и того, кто по суду обратно получает, в чем насилован, не освобождает от греха лихоимания? Тленные (временные, или тленными о тленных вещах производимые судилища) не могут отменить нетленного Божия Суда; и виновный тем законам удовлетворять должен, которым подлежит его дело и по которым ему следует защищаться. Доброе убо есть дело перетерпевать насилие от хотящих онеправдовать нас, и молиться о них, чтобы ради их покаяния, а не ради возвращения ими нам того, что они у нас похитили, отпущено было им прегрешение лихоимства. Ибо правда Божия хощет, чтоб мы самого лихоимца, а не олихоимствованное им, некогда прияли свободным от греха чрез покаяние.

65) Очень пригодно и паче всего душеполезно, познав истинный путь благочестия, тотчас все свое распродать и раздать полученное от того нищим, по заповеди Господа, и не попускать себе под видом желания всегда иметь возможность исполнять заповедь (о помогании бедным) преслушать сие спасительное повеление (о раздании за раз всего). От сего будет у нас, во-первых, добрее беспопечение, а отсюда потом не подлежащая наветам нищета, которая сама горняя мудрствует, и другим не подает повода к неправым искам на нас, когда у нас ничего уже не будет, чем могл бы воспламеняться огнь лихоимания у лихоимцев. Согреет же нас тогда, паче всех других добродетелей, смиренномудрие и в

своих недрах упокоит, как нагих; подобно тому, как мать, взяв на руки дитя свое, упокоевает и согревает его в обятиях своих, когда оно, по младенческой простоте своей, скинув одеяние свое, далеко отбрасывает его от себя, по великому незлобию своему находя более для себя приятною наготу, чем пестротную красоту одеяния своего. Ибо сказано: *храняй младенцы Господь: смирихся и спасе мя* (Пс. 114, 5).

66) Господь потребует от нас отчета в милостынеподаянии, *поколику кто имеет, а не поколику не имееет* (1 Кор. 8, 12). Посему если я, в страхе Божием с горячим благорасположением, покорствуя повелению Господа, все, что имел бы раздавать многие годы, раздам в короткое время, в чем еще буду укоряем, когда уже ничего не имею? – Но скажет кто: (если все раздадим), откуда же потом будут получать милостыню бедные, которые теперь кормятся от наших посильных подаяний? – Таковому вот какой приличен урок: не дерзай нечто укорное для Бога примышлять для прикрытия своего любоимания. Не оскудеют у Бога способы попечительно благоустроять создание свое, как делал сие от начала. И прежде, чем сей или оный были возбуждены к милостынеподаянию, оставались ли бедные без пищи или одежды? Будь убо уверен, что гораздо лучше тотчас по познании истины благостно иждить все на послужение бедным, отринув внушаемое пристрастием к богатству неразумное мудрование и горделивость и возненавидев свои похотения, – что и значит – возненавидеть душу свою: чтобы потом, не имея уже поводов радоваться в самовосхвалении постоянному раздаванию имений, унижали мы себя, как ничего доброго не делающие. Ибо пока изобилуем богатством, много услаждаемся раздаянием его, когда бывает на то охота, как с радостию исполняющие божественное повеление; когда же иждивем все, исполняемы бываем смиренными и сокрушенными чувствами, как ничего праведного не творящие. Вследствие сего душа в великом смирении возвращается в себя, чтобы чего не можем уже стяжевать каждодневным милостынераздаянием, того сподобляться прилежною молитвою, терпением и смиренномудрием; ибо сказано: *нищ и убог восхвалита имя Твое, Господи* (Пс. 73, 21). К тому же и дар богословствования никому не уготовляется от Бога, кроме тех, кои наперед располагают себя от всего своего отрещись ради славы Евангелия Божия, чтоб в боголюбезной нищете благовествовать о богатстве Царствия Божия. Сие дает разуметь рекший: *уготовал еси благостию Твоею нищему, Боже,* и присовокупивший к сему: *Господь даст глагол благовествующему силою многою* (Пс. 77, 11, 12).

67) Все дары Бога нашего добры вельми и всеблагоподательны; но ни один из них так не воспламеняет и не подвигает сердца к возлюблению Его благости, как богословствование. Ибо оно, будучи первейшим порождением благости Божией, первейшие и дары подает душе: во-первых, оно располагает нас с радостию презирать всякие приятные

утехи житейские, так как в нем мы имеем вместо преходящих утех неизреченное богатство словес Божиих; а потом оно огненным некиим изменением ум наш озаряет и чрез то делает его общником служебных духов. Достодолжно убо приготовившись, возлюбленные, потечем к сей добродетели, благолепной, всезрительной, всякое попечение земное посекающей, в озарении света неизреченного ум питающей словесами Божиими, и, – чтоб не говорить много, – словесную – разумную душу к нераздельному общению с Богом Словом благоустрояющей чрез свв. пророков. Да и в душах человеков, – о дивное чудо! – устроив богогласные песни, сия божественная невестоводительница поет громко величия Божии.

68) Ум наш большею частию мало расположен бывает к молитве по причине утеснения его и ограничения молитвенною добредетелию; в богословствование же он охотнее вдается по причине простора и неограничения божественных созерцаний. Итак, чтоб не давать хода его свободному в себе разглагольствованию и не поблажать его охоте безмерно предаваться выспренним парениям, будем упражняться наиболее в молитве, псалмопении и чтении Писаний, не презирая притом и толкования любомудрых мужей, коих словеса преисполнены истинным ведением веры. Действуя так, мы не только не дадим ему свои речения примешивать к благодатным словесам и не попустим ему, увлекаясь тщеславием, рассеиваться в парениях под действием самодовольства и словоохотливости; но и научимся сохранять его безмечтанным во время созерцания и все почти помышления его сделаем слезоточными. Упокоеваясь в себе в часы безмолвия, наипаче же упоеваясь сладостями молитвы, он не только делается свободным от указанных пред сим страстных движений, но и, паче обновляясь, силы восприемлет легко и беструдно пребывать в божественных созерцаниях, преуспевая вместе с тем и в зрячем рассуждении (практической мудрости) с великим смирением. Ведать впрочем подобает, что молитва выше всякой широты созерцаний; сама же она свойственна только тем, кои во всяком чувстве и извещении преисполнены святою благодатию.

69) Благодать вначале обыкновенно озаряет душу своим светом с сильным того ощущением; а когда успехи в духовно-христианской жизни подвинутся вперед, тогда она большею частию неведомо для боголюбивой души свои совершает в ней таинства: чтобы после того (по умиротворении души) ввести нас в радовании на стезю божественных созерцаний, как будто бы мы только что призываемы были из неведения в ведение, посреди же подвигов (об умирении души от страстей) блюсти наш помысл не тщеславным. Подобает нам в меру быть ввергаемыми в печаль, как бы мы были оставлены благодатию, да паче смиримся и научимся покорствовать Господним о нас определениям, а потом благовременно входить в радость, благою окрыляясь надеждою: ибо как безмерная печаль вводит душу в нечаяние и безнадежие, так и чрезмерная ра-

дость приводит ее к самомнению и кичению. Говорю – о младенчествующих еще жизнию и разумом. Между пресвещением благодати и оставлением средина – искушение; а между печалию и радостию средина – надежда. Ибо говорится: *терпя потерпех Господа и внят ми* (Пс. 39, 2), – и еще: *по множеству болезней моих, утешения Твоя возвеселиша душу мою* (Пс. 93, 19).

70) Как двери в бане часто отворяемые скоро выпускают внутреннюю теплоту вовне: так и душа, когда много кто говорит, хотя бы говорил все хорешее, испускает память свою (сознательное стояние в строе духовных вещей) словесною дверию. От сего ум лишается наконец чистейших помышлений и по беспорядочному наплыву помыслов смятенную ведет речь к прилучившимся. В таком случае он не имеет уже Духа Святого, хранящего нашу мысль в немечтании: ибо сей Дух благий, как чуждый всякого мятежа и мечтания, бегает многословия. – Молчание же напротив благотворно, будучи материю премудрых помышлений.

71) Само слово ведения научает нас, что вначале на боголюбивую душу (вступившую на путь богоугождения) многие толпою нападают страсти, особенно же гнев и ненависть. Подвергается же она сему не столько по действию злых духов, сколько по порядку преуспеяния ее в духовной жизни. Ибо пока душа мирским водится мудрованием, дотоле хотя и видит правду как-нибудь попираемою иными, равнодушною к тому остается: ибо занята будучи вся своими похотениями, о правде Божией не имеет попечения. Когда же она начнет быть выше своих страстей и похотей, тогда, и по отрешению от настоящих вещей и по любви к Богу, она не может уже равнодушно видеть даже во сне правду Божию оставляемою, но гневается и возмущается на злотворцев, пока не увидит этих самых оскорбителей правды защищающими ее достоинство по действию благочестивого помысла (пришедши в страх Божий и покаявшись). Таким образом она естественно неправедных ненавидит, а праведных крепко любит; потому что око души не бывает окрадаемо (увлекаемо на неправое воззрение), когда ее завеса, – тело, – бывает утончено крайним воздержанием. Впрочем гораздо лучше оплакивать нечувствие неправедных, чем ненавидеть их: ибо хотя они и достойны ненависти, но слово истины не одобряет, чтоб боголюбивая душа была возмущаема ненавистию, потому что, когда в душе ненависть, истинное ведение бездейственно.

72) Ум богословский, самыми словесами Божиими услаждаемый в душе и палимый, достигает своих мер бесстрастия в достаточной широте. Ибо *словеса Господия,* как говорится, *словеса чиста, сребро разжжено, искушено земли* (Пс. 11, 7). А ум знательный, утверждаясь на испытании благодатных воздействий, бывает выше страстей. Вкушает и богослов опыта знательного, если смиреннейшие водворит в себе расположения, причащается и знатель в некоей мере созерцательной доброде-

тели, если не погрешительною имеет рассудительную часть души. Ибо оба сии дарования не случается каждому стяжать в совершенстве; чтоб каждый из имеющих одно из них, дивясь тому, чем превосходит его другой, преуспевал в смиренномудрии с ревностию оправданной жизни. Почему Апостол и говорит: *овому Духом дается слово премудрости, иному же слово разума, о том же Дусе* (1 Кор. 12, 8).

73) Когда душа естественными своими изобилует плодами, тогда велегласнейше совершает и псалмопение свое, и бывает расположена молиться наипаче гласом. Когда же она воздействуема бывает Духом Святым, тогда со всею отрадою и сладостию поет и молится в одном сердце. За первым настроением следует радость мечтательная (от самодовольства); а за вторым – слеза духовная, и потом радование некое безмолве любивое: ибо память, при удержании гласа, пребывая теплою, настроивает сердце производить слезотворные некие и в себя углубляющие помышления. В этом воистину можно видеть семена молитвы, со слезами, радостно однако ж, сеемые на земле сердца в верной надежде обильной жатвы (Пс. 125, 5). Впрочем, когда бываем подавляемы большею печалию, тогда надо немного – громче совершать свое псалмопение, радостию надежды подавляя скорбные вопли души, пока это тяжелое облако печали не развеется ветром псаломской мелодии.

74) Когда душа придет в познание себя самой, тогда она и из себя самой износит теплоту некую и стыдение боголюбивое: ибо, не будучи возмущаема заботами житейскими, она любовь некую (к Богу) отрождает из себя в мире, соразмерно взыскуя Бога мира; но это памятование (о Боге взыскуемом) скоро рассеивается, или потому, что впечатления чувств окрадают сию память, или потому что естество по скудости своей скоро иждивает свое собственное добро. Почему эллинские мудрецы, чего хотели достигнуть чрез воздержание, того не имели как должно; потому что ум их не был воздействуем от вечной и всеистинной премудрости. Духом же Святым подаемая сердцу боголюбивая теплота, во-первых, мирна вся и непрестающа; потом она все части души призывает к возлюблению Бога и вовне сердца не порывается, но сама собою всего человека обвеселяет любовию некоею безмерною и радостию. Ее-то достигнуть и должны стараться те, которые познали ее. Ибо естественная любовь есть признак того, что естество некако здравствует чрез воздержание; но она не может возвести ума в бесстрастие, как делает любовь духовная (благодатная).

75) Как окружающий нас воздух, когда дует северный ветер, бывает чист по причине тонкости некоей и освежающего действия сего ветра; а когда дует ветер южный, тогда он как бы сгущается по причине какого-то отяжеления его от сего ветра, из своих ему стран износящего и на всю вселенную наносящего некий сухой туман: так и душа, когда приемлет воздействие от веяний истинного и Святого Духа, тогда вся быва-

ет вне бесовского омрачения; а когда сильнообвевается духом прелести, тогда вся покрывается облаками греха. Итак, надлежит нам всегда свое стремление всеусильно обращать к очистительному и животворному веянию Духа Святого, т. е. к тому духу, которого пророк Иезекииль во свете ведения видел грядущим с Севера (1, 4): чтобы всегда чистою пребывала наипаче созерцательная часть души нашей, и мы сподоблялись нелестно входить в божественные видения, в воздухе света зря то, что во свете. Это и есть свет истинного ведения.

76) Некоторые придумали, будто благодать и грех, т. е. Дух истины и дух прелести, вместе укрываются в уме крещаемых: почему, говорят, одно лицо призывает ум к добру, а другое – к противному тому. Я же из Божественных Писаний и из самого чувства (опытно) ума постиг, что прежде крещения благодать совне направляет душу на добро, а сатана гнездится в самых глубинах ее, покушаясь преграждать уму все правые исходы; с того же часа, как возрождаемся в крещении, бес бывает вне, а благодать внутри. Почему и находим, что как древле господствовала над душою прелесть, так по крещении господствует над нею истина. Действует после сего и сатана на душу, как и прежде, а нередко даже горше того, но не как соприсущий благодати: да не будет! а дымя как бы пред умом чрез мокротность тела, приятностию бессловесных сластей. Бывает же сие по попущению Божию, чтоб человек достигал наслаждения добром не иначе, как проходя чрез бурю, огнь и искушение. Ибо говорится: *проидохом сквозе огнь и воду, и извел ны еси в покой* (Пс. 65, 12).

77) Благодать, как я сказал, с самого того момента, как приемлем крещение, сокровенно начинает пребывать в самой глубине ума (духа), утаивая присутствие свое от самого чувства его. Когда же начнет кто любить Бога от всего произволения (сердца) своего; тогда она неизреченным некиим словом беседует к душе чрез чувство ума, часть некую благ своих сообщая ей. Вследствие сего, кто восхощет навсегда крепко удержать в себе сие обретение, тот приходит к желанию отрещись с великою радостию от всех настоящих благ, чтоб совсем приобрести то поле, на коем нашел он сокрытым сокровище жизни (Мф. 12, 44).

Ибо когда кто отречется от всего житейского богатства, тогда обретает в себе то место, в коем укрылась благодать Божия. За тем, по мере преуспеяния души, и божественный дар (благодати) обнаруживает в уме свою благостыню (благотворность); но тогда же и бесам попущает Господь более беспокоить душу, чтобы и научить ее рассудительному различению добра и зла, и соделать смиреннейшею, по той причине, что, когда подвергается она таким искушениям, тогда великим покрывается стыдом от срамоты бесовских помыслов.

78) Мы по образу Божию есмы, умным (духовным) движением души; тело же как бы дом ее есть. Но так как преступлением Адамовым не только характеристические черты души осквернились, но и тело наше

подпало тлению: то Всесвятый Бог Слово воплотился и, как Бог, чрез собственное Свое Крещение даровал нам воду спасения в возрождение: ибо мы возрождаемся в воде действием Святого и Животворящего Духа, вследствие чего тотчас очищаемся и по душе и по телу, если приступаем к Богу с полным расположением. При сем Дух Святый вселяется в нас, а грех (или отец греха) изгоняется Им, так как невозможно, чтобы при единстве и простоте – характеристических свойствах души, – в ней сопребывали два эти лица, как думали некие. К тому же, когда божественная благодать чрез Святое Крещение сочетавает себя в безмерной некоей любви с чертами образа Божия в залог подобия, где поместиться лицу лукавого, – так как нет никакого общения света со тьмою? (2 Кор. 6, 14). Итак мы, текущие путем священных подвигов, веруем, что *банею паки-бытия* (Тим. 3, 5) сквернообразный змий извергается из глубин ума; при всем том не дивимся, что и после крещения опять с добрыми помыслами испытываем и худые. Ибо баня освящения, хотя отъемлет скверну греха, но двойственности пожеланий наших не уничтожает, и бесам воевать против нас и обольстительные слова говорить к нам не возбраняет, чтоб чего не сохранили мы, в естественном оном находясь состоянии, то хранили силою Божиею, восприяв оружия правды.

79) Сатана, как сказал я, Святым Крещением извергается из души; но ему попускается по указанным выше причинам действовать на нее чрез тело. Благодать Божия вселяется в самую глубину души, т. е. в ум. Ибо, как говорится, *вся слава дщере царевы внутрь,* невидимая для бесов (Пс. 44, 14). Почему, когда тепле воспоминаем о Боге, то чувствуем, что Божественная любовь как бы потоком исторгается из самой глубины сердца нашего; духи же злые на чувства телесные нападают и в них гнездятся, удобно действуя чрез подручную им плоть, на тех, кои младенчествуют еще душою. Таким образом ум наш, по божественному Апостолу, всегда соуслаждается закону Духа; чувства же плотские охотно увлекаются сластолюбивыми склонностями (Рим. 7, 18). От того в тех, кои ревностно преуспевают в ведении, благодать чрез чувства ума и самое тело обвеселяет радованием неизреченным; когда же нерадиво и беспечно течем путем благочестия, то бесы, находя нас такими, пленяют душу нашу чрез чувства телесные, насильственно влеча ее к тому, чего она не хочет, убийцы.

80) Говорящие, что два лица, т. е. дух благодати и дух греха, вместе сопребывают в сердцах верующих, в подтверждение сего мнения своего из слов Евангелиста: *свет во тьме светится, и тьма его не объят* (Ин. 1, 5), выводят, что светлость божественная нисколько не оскверняется от сопребывания с лукавым, хотя бы свет божественный некако и приближался ко тьме бесовской. Но то же Евангельское слово обличает таковых, что они мудрствуют не согласно с Святыми Писаниями. Ибо так как Бог Слово, сей Свет истинный, благоволив явитися твари во плоти

Своей, по безмерному человеколюбию Своему возжег в нас свет святого ведения Своего, мудрование же мира не объяло т. е. не познало сего Совета Божия, поелику *мудрование плотское вражда на Бога* (Рим. 8, 7): то по сей причине Богослов и употребил такое слово; и затем, сказав еще несколько слов, наводит сей дивный муж: – *бе свет истинный, иже просвещает всякаго человека грядущаго в мир,* – вместо: руководит и животворит. *В мире бе, и мир тем бысть, и мир Его не позна. Во своя прииде, и свои Его не прияша. Елицы же прияша Его, даде им область чадом Божиим быти, верующим во Имя Его* (Ин. 1, 9-12). И премудрый Павел в обяснение сего же речения: не прияша (γ κατέλαβον – не познали), говорит: *не зане уже достигох, или уже совершихся, гоню же абие и постигну, о немже и постижен бых от Христа Иисуса* (Флп. 3, 12). Итак, не о сатане говорит Евангелист, что он не познал света истинного, – потому что он от начала был чужд его, – но достойно порицает сим словом людей, которые, слыша о силах и чудесах Божиих, не хотят однако ж приступить к свету ведения Его, по причине омрачения сердца их.

81) Слово ведения научает нас, что есть два рода злых духов: одни более тонки, другие более грубовещественны. Тончайшие воюют на душу, а грубейшие плоть обыкновенно пленяют посредством срамных некиих сластных движений; почему всегда друг другу противятся духи, на душу нападающие, и духи, нападающие на тело, хотя к тому, чтобы вредить людям, равное имеют рвение. Когда благодать не обитает в человеке, духи злые наподобие змий гнездятся во глубине сердца, не давая душе воззреть к возжеланию добра. Когда же благодать сокровенно возобитает в уме, тогда они, как облака некие темные, промелькают по частям сердца, преобразуясь в страсти греховные и в призрачные мечтания разнообразные, чтобы через воспоминание развлекая мечтаниями ум, отторгнуть его от собеседования с благодатию. Итак, когда мы духами, на душу нападающими, к душевным разжигаемся страстям, наипаче же к самомнению и гордыне, сей матери всех зол; тогда, приводя на память разложение тела своего, устыдим это надмение славолюбивого самовозношения. То же должно делать, и когда бесы, на тело воюющие, подготовляют сердце наше к воскипению срамными похотями: ибо это одно воспоминание сильно расстроит всякие покушения злых духов в связи с памятию Божиею. В случае же, если по поводу такого воспоминания душевные бесы начнут влагать мысль о безмерной ничтожности человеческого естества, как никакого достоинства не имеющего по причине разложения плоти (ибо так любят они действовать, когда кто начнет их самих мучить таким помышлением), – приведем на память честь и славу Небесного Царствия, не забывая при сем держать в мысли и грозность нелицемерного Суда Божия; чтобы тем младодушное нечаяние предот-

вратить, а этим легкому и скорому на похоти сердцу нашему придать твердости и силы к противостоянию.

82) Господь научает нас во св. Евангелии Своем, что когда сатана, возвратясь, найдет дом свой выметенным и пустым, найдет т. е. сердце бесплодным, тогда берет других семь духов, злейших его, входит в него и гнездится там, делая последнее состояние человека того хуже первого (Лк. 11, 25). Отсюда надлежит уразуметь, что пока Дух Святый обитает в нас, дотоле сатана не может войти в глубину души и обитать там. Но и божественный Павел учит такому же пониманию сего воззрения на это дело, – когда из подвижнического (опытного) сведения увидев существо дела сего, (каково т. е. оно и как есть воистину), так говорит он: *соуслаждаюся бо закону Божию по внутреннему человеку: вижду же ин закон во удехмоих, противовоюющ закону ума моего, и пленяющ мя законом греховным, сущим во удех моих* (Рим. 7, 22, 23). О преуспевших же в жизни по духу говорит далее: *ни едино убо ныне осуждение сущим во Христе Иисусе, не по плоти ходящим, но по духу. Закон бо духа жизни о Христе Иисусе свободил мя есть от закона греховнаго и смерти* (Рим. 8, 1, 2). И в другом месте опять, чтоб показать, что из тела воюет сатана на душу, соделавшуюся причастницею Святаго Духа, говорит он: *станите убо препоясани чресла ваша истиною, и оболкшеся в броня правды и обувше нози во уготование благовествования мира: над всеми же восприемше щит веры, в немже возможете вся стрелы лукаваго разжженныя угасити: и шлем спасения восприимите, и меч духовный иже есть глагол Божий* (Еф. 6, 14–17). Но иное дело есть пленение, и иное– борьба; так как то означает насильственное некое взятие в свою власть, а эта указывает на равносильное противоборство. Почему Апостол и говорит, что диавол огненными стрелами нападает на души, Христа Господа в себе носящие. Ибо и обыкновенно так бывает, – что кто не может руками достать своего противника, тот употребляет против него стрелы, чтоб издали ведущего с ним брань врага уязвить полетом стрел, так и сатана, поелику не может, как прежде, гнездиться в уме подвизающихся по причине присутствия в нем благодати, то как гнездящийся в теле, налетает на похотную мокротность, чтоб ее влечением прельстить душу. Почему надлежит иссушать тело, чтоб ум, похотною мокротою влекомый, не поскользался на приманки сладострастия и не падал. Из самого речения апостольского легко убедиться, что ум подвизающихся состоит под действием Божественного Света, почему рабствует Закону Божию и соуслаждается ему; а плоть, по своей падкости на зло, злым подчиняется духам, почему влечется раболепствовать их злым внушениям. Из сего само собою видно, что ум не есть некое общее обиталище для Бога и диавола: иначе, как бы я умом моим работал Закону Божию, а плотию закону греховному, если бы ум мой со всею свободою не противоборствовал демонам, охотно покорст-

вуя благому действию на него благодати, тогда как тело в то же время увлекается приятною вонею бессловесных сластей по причине, как я сказал, попущения гнездиться в нем у подвизающихся злым духам? Апостол и говорит: *вем, яко не живет во мне, сиречь во плоти моей, благое* (Рим. 7, 13). Таким образом у тех, кои посредством подвигов противостоят греху (ибо Апостол говорит это не о себе), демоны с умом борются, а плоть разнеживающими приятными движениями стараются расслабить и увлечь к похотствованию; ибо им, по праведному суду, попускается укрываться во глубине тела и у тех, кои крепко подвизаются против греха, потому что произволение человеческого мудрования всегда состоит под искусом. Если же кто возможет еще в сей жизни посредством подвижнических трудов умереть, тогда он весь наконец делается домом Святого Духа; ибо таковой прежде смерти уже воскрес, – каковым был и сам блаженный Павел и каковыми были и бывают все, совершенным подвигом подвизавшиеся и подвизающиеся против греха.

83) Износит сердце и само из себя помышления добрые и недобрые: впрочем, помышления недобрые произращает оно не из естества своего, но иные из них имеет оно потому, что память о недобром обратилась в ней в навык по причине прежних прельщений, большую же часть их, и притом наиболее злых, зачинает оно от злодейства демонов. Мы же все их чувствуем исходящими как бы из сердца; почему некие подумали, что в уме нашем вместе пребывают и благодать и грех, приводя в подтверждение сего и слова Господа: *а исходящее из уст из сердца исходит, и это оскверняет человека. Ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния* и проч. (Мф. 15, 18. 20). Не знают же они, что ум наш по действу тончайшего некоего чувства и тех злых помыслов, кои влагаются в него злыми духами, делается собственником; так как по действу плоти тело, падкое на угождение себе, на это паче, не знаем как, увлекает душу по причине сращения своего с нею; ибо плоть безмерно любит ласкательства прелести. По сей причине и помыслы, всеваемые в душу демонами, кажутся исходящими из сердца, усвояем же мы их себе, когда вожделеваем соуслаждаться ими: что укоряя, Господь, как само божественное являет слово, и изрек вышеприведенные глаголы. Ибо когда кто соуслаждается помыслами, лукавым сатаною в него всеваемыми, и память о них как бы написует в своем сердце, не явно ли, что потом он из собственной своей произращает их мысли?

84) Господь говорит в Евангелии, что сильный не может быт извергнут из дома своего, если сильнейший его не свяжет его, не расхитит всего, что у него, и не выбросит его вон (Мф. 12, 29). Как же может, после такого посрамления, этот изверженный опять войти внутрь и пребывать там вместе с истинным домовладыкою, в своем доме упокоевающимся, как ему благоугодно? И какой царь, победив восставшего против

него тирана, захочет, чтоб он вместе с ним вращался в его царских покоях? Не паче ли тотчас заколет его, или связав, предаст своим воинам на должайшее мучение и жалчайшую смерть?

85) Если кто на том основании, что мы совместно помышляем и о худом и о добром, заключает что Дух Святый и диавол вместе обитают в уме, да ведает таковой, что сие случается с нами от того, что мы не вкусили еще и не увидели, *яко благ Господь* (Пс. 33, 9). Ибо на первых порах, как я и выше уж говорил, благодать сокрывает свое присутствие у крещаемых, ожидая произволения души; когда же всецело обратится человек к Богу, тогда она неизреченным некиим чувством открывает сердцу свое присутствие; и опять ожидает движения души, попуская между тем бесовским стрелам достигать до самой глубины ее чувства, чтоб она с теплейшим произволением и смиреннейшим расположением взыскала Бога. Если вследствие сего начнет наконец человек с твердою решимостию подвигаться вперед в соблюдении заповедей и непрестанно призывать Господа Иисуса; тогда огнь святой благодати простирается и на внешние чувства сердца, ощутительно поедая терния человеческой земли; от чего и бесовские советы и внушения далеко негде останавливаются от того места (где сердце с благодатию), лишь слегка затрогивая страстную часть души. Когда же человек подвигами во все облечется добродетели, и особенно в совершенную нестяжательность, тогда благодать все естество его озаряет в глубочайшем некоем чувстве, возгревая в нем теплейшую любовь к Богу; тогда и стрелы бесовские угасают еще вне телесного чувства, так как веяние Духа Святого сердце пополняет глубоким миром, огненные же стрелы бесовские погашает, еще когда они несутся по воздуху. Впрочем, и в сию меру достигшего попускает иногда Бог подвергаться злому действию бесов, оставляя тогда ум его неосвещенным, чтоб самовластие наше не было совершенно связано узами благодати, не только того ради, что грех должен быть побежден подвигами, но и того, что человеку еще и еще надлежит преуспевать в духовной опытности: ибо что почитается совершенным в обучаемом, то несовершенно в сравнении с богатством обучающего Бога в ревнующей о преуспеянии любви, хотя бы кто, трудясь над сим преуспеянием, взошел на самый верх показанной Иакову лествицы.

86) Сам Господь говорит, *что сатана спал с неба* (Лк. 10, 18), чтоб не видел безобразный сей обиталищ святых Ангелов: как же он, неудостоиваемый общения с добрыми рабами Божиими, может иметь общим с Богом обиталищем ум человеческий? Если и скажут, что это бывает по попущению; то этим не представят ничего доказательного. Ибо попущение обучительное никак не лишает душу Божественного Света, бывает же при сем только то, что благодать, как я уже говорил, скрывает от ума свое присутствие, чтобы горечию бесовскою подвигнуть душу со всем страхом и великим смирением взыскать помощи от Бога, испытывая в

себе злое действие врага. Так мать дитя свое, бесчинствующее по нехотению подчинятся уставам млекопитания, на краткое время спускает из обятий своих, чтоб оно, убоявшись окружающих его безобразных чужих людей или зверей каких-либо, в страхе великом и слезах в матерние опять потянулось возвратиться обятия. По отвращению же Божию бывающее попущение душу, не хотящую иметь Бога в себе, предает бесам как бы связанною. Но мы – не подметные чада, но как веруем, есмы истинные детища Божией благодати, редкими попущениями и частыми утешениями ею млекопитаемые, да под действием таковой ее к нам благостыни доспеем прийти *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13).

87) Попущение обучительное сначала поражает душу великою скорбию, чувством унижения и некоторою мерою безнадежия, чтоб подавить в ней тщеславие и желание изумлять собою и привести ее в подобающее смирение. Но тотчас потом наводит оно в сердце умиленный страх Божий и слезную исповедь, и великое желание добрейшего молчания. А оставление, по отвращению Божию бывающее, оставляет душу самой себе, и она исполняется отчаянием и неверием, надмением и гневом. Надлежит убо нам, зная то и другое попущение и оставление, во время их приступать к Богу сообразно со свойствами каждого из них: там благодарение и обеты должны мы приносить Ему, яко милостиво наказующему необузданность нашего нрава лишением утешения, чтоб отечески научить нас здраво различать доброе от худого; а здесь непрестанное исповедание грехов, непрерывные слезы и большее уединение, да, хотя таким приложением трудов, возможем умолить и преклонить Бога призреть, как прежде, на сердца наши. Ведать впрочем должно, что когда при обучительном попущении бывает у души с сатаною борьба в схватке лицом к лицу, тогда благодать, хотя скрывает себя, но неведомым помоганием содействует душе, чтоб показать врагам ее, что победа над ними есть дело одной души.

88) Как, когда кто в зимнюю пору, стоя на открытом где-нибудь месте, обратится лицом к востоку в начале дня, передние его части все обогреваются солнцем, а задние части его все остаются непричастными солнечной теплоты, потому что солнце тогда бывает не над головою его: так бывает и с теми, кои находятся еще в начале духовной деятельности, именно: сердце их отчасти согревается иногда святою благодатию, почему ум их начинает тогда плодоприносить духовные мудрования; но внешние части сердца их все еще остаются мудрствующими по плоти, потому что не все еще части сердца в глубоком чувстве озаряются святым светом благодати, – (чего некие не понимая, придумали, будто в уме подвизающихся находятся два лица, взаимно друг другу противоборствующие). Вот от чего и случается, что душа в одно и то же время помышляет и доброе и худое, подобно тому как в предложенном выше

примере, человек в одно и то же мгновение ощущает прикосновение и холода и теплоты. Ибо ум наш с тех пор, как соскользнулся в двойственность ведения, нуждение некое имеет, хотя бы и не хотел, в одно и то же мгновение помышлять худое и доброе, особенно у тех, кои достигают тонкости рассуждения. Почему как ни старается он всегда помышлять доброе, тотчас припоминается ему и худое, потому что память человеческая от преступления Адамова некако разделилась на двоякое помышление. Но если мы с горячею ревностию начнем исполнять Заповеди Божии, тогда благодать, освещая все наши чувства в глубоком некоем ощущении, будет попалять все наши греховные воспоминания, сердце же наше услаждая некиим миром любви непрестающей, будет приучать нас к тому, чтоб помышлять духовное, а не плотское. Сие очень часто случается с приближающимися к совершенству, кои непрестанную имеют в сердце своем память о Господе.

89) Два блага подает нам святая благодать чрез возрождающее нас крещение, из которых одно безмерно превосходит другое. Но одно подает оно тотчас; именно, – в самой воде обновляет, и все черты души, составляющие образ Божий, просветляет, смывая с нас всякую скверну греховную; а другое ожидает произвести в нас вместе с нами: это то, что составляет подобие Божие. – Итак, когда ум начнет с великим чувством вкушать блага Всесвятого Духа, тогда ведать мы должны, что благодать начинает как бы живописать на чертах образа Божия черты богоподобия. Ибо как живописцы сначала одною какою краскою начертывают образ человека, а потом мало-помалу краску за краскою накладая, представляют образ того, кого живописуют, сходный с ним даже до власов: так и святая благодать Божия сначала чрез крещение восстановляет в человеке черты образа Божия, поставляя его в то состояние, в коем он был, когда был создан; а когда увидит, что мы всем произволением вожделеваем красоты подобия Божия и стоим нагие и небоязненные в ее делелище (мастерской), тогда добродетель за добродетелию расцвечивая в душе и от славы в славу лик ее возводя, придает ей черты подобия Божия: причем чувство показывает, как отображаются в нас черты богоподобия, совершенство же богоподобия узнаем из просвещения благодатного. Ум, преуспевая в некоей мерности и неизреченной гармонии, чувством восприемлет все добродетели; но любви духовной никто не может стяжать, если не просветится Святым Духом во всей полноте ощутительно. Ибо если ум не приимет от Божественного Света совершенного богоподобия; то хотя он все другие добродетели возыметь может, но совершенной любви остается еще непричастным; потому что только тогда, как человек совершенно уподобится Божией добродетели (говорю о вместимом для человека подобии Богу), носит он и подобие Божественной любви. Как когда пишут с кого портрет, самая приятная из красок краска и самонужнейшая из черт черта, будучи приложены к нарисован-

ному лику, делают его даже до улыбки совершенно похожим на того, кого живописуют: так и когда божественная благодать живописует в ком богоподобие, светлая черта любви будучи приложена, показывает, что черты образа Божия всецело возведены в благолепие богоподобия. И бесстрастия (очищения и свободы от страстей) никакая добродетель не может доставить душе, кроме единой любви: ибо *исполнение закона любовь* (Рим. 13, 10): так что хотя внутренний наш человек каждодневно обновляется вкушением любви, в полноту же возраста приходит только вместе с полным совершенством любви.

90) Дух Святый в самом начале преуспеяния, если горячо возлюбит добродетель Божию, дает душе полным чувством и удостоверительно вкусить сладости Божией, чтобы ум точно и определительно познал, сколь велик плод боголюбивых трудов; но потом надолго скрывает богатство сего животворного дара, чтобы мы, хотя во всех преуспеем добродетелях, думали о себе, что мы ничто, потому что не видим в себе, чтоб святая любовь обратилась у нас в постоянный нрав. Ибо в ту пору бывает, что бес нелюбия иногда с такою силою налегает на души подвизающихся, что они неприязненно относятся даже к тем, кои любят их, и даже во время приветствия и целования держат это тлетворное действо неприязни. От сего душа сильно скорбит и болезнует, что тогда как в памяти носит любовь духовную (сознает обязательство любви), не может возыметь ее в чувстве по причине, как ей кажется, недостаточности совершеннейших трудов. Почему необходимо нам пока нуждением насильственным заставлять себя совершать дела любви, чтобы таким образом достигнуть вкушения ее и полным чувством с удостоверительным удовлетворением; в совершенстве же никто из сущих во плоти сей не может стяжать ее, кроме тех святых, кои дошли до мученичества и совершенного исповедания, – чего достигший совершенно изменяется и даже к пище неохотно приступает; ибо у питаемого божественною любовию какое еще может быть похотение благ мира сего? Сего ради премудрый Павел, сие великое вместилище ведения, благовествуя нам о будущих утешениях праведных, по собственному в том удостоверению, говорит: *несть Царствие Небесное брашно и питие, но правда, мир и радость о Дусе Святе* (Рим. 14, 17), кои суть плод совершенной любви. Таким образом часто здесь вкушать действо любви могут преуспевающие в духовной жизни, в полном же совершенстве стяжать ее никто не может, если у него наперед не будет совершенно *пожерто мертвенное животом* (2 Кор. 5, 4).

91) Поведал мне некто из ненасытимо любящих Бога: когда я возжелал ощутительно изведать любовь Божию, даровал мне это в полном чувстве и удовлетворительности благий Господь; и я в такой силе чувствовал действие сие, что душа моя тогда желала с неизреченною некою радостию и стремительностию изыти из тела и отыдти ко Господу и со-

всем забыть чин сей привременной жизни. И всякий, испытавший действо такой любви, хотя бы тысячи обид и лишений потерпел от кого, не гневается на него, но остается душевно прилепленным к оскорбляющему и обижающему его; возгорается же он ревностию только против тех, кои на бедных нападают или *на Бога глаголют неправду,* как говорит Писание (Пс. 73, 6), или иначе как живут недобре. Ибо любящий Бога много паче себя или совсем не любящий себя, а одного только Бога, уже не заступается за свою честь, а одного того хочет, чтоб почитаема была правда Почтившего его честию вечною. И этого желает он не легким каким и скоропреходящим желанием, но имеет такое расположение в качестве неизменного нрава по причине полного вкушения любви к Богу. К тому же ведать надлежит, что Богом возбуждаемый к такой любви бывает выше самой веры во время такого действа в нем любви, как уже в чувстве сердца полною любовию держащий Чтимого верою. Это ясно указывает нам св. Павел, когда говорит: *ныне пребывают вера, надежда, любы, три сия: больши же сих любы* (1 Кор. 13, 13). Ибо кто держит, как я сказал, Бога в богатстве любви, тот в то время бывает гораздо больше своей веры, как сущий весь в любви.

92) Действо святого ведения, по свойству своему, немало скорбеть заставляет нас, когда, по некоему раздражению досадив кому-либо, соделоваем его врагом себе. За это оно никогда не перестает уязвлять совесть нашу, пока посредством объяснений и извинений не успеем возвести оскорбленного в прежнее к нам благорасположение. С особенною же силою такое сокрушение проявляется, когда кто из людей мира сего прогневляется на нас, хотя бы то и неправедно. Это крайне тяготит нас и озабочивает, так как всяко мы послужили ему в соблазн и преткновение. От сего и ум наш тогда оказывается неспособным к богословствованию; потому что ведение, по существу своему сущи всецело любовию, не попускает мысли нашей расшириться в порождении божественных созерцаний, если наперед не восприимем опять в любовь и неправедно гневающагося на нас. В случае, если тот не хочет этого, или удалился от наших мест, надлежит нам, прияв начертание лица его в свое благорасположение с несдерживаемым излиянием души, так во глубине сердца исполнить закон любви. Ибо тем, которые желают иметь ведение о Боге, должно и лица неправо гневающихся представлять в уме с безгневным помыслом. Когда же это будет, тогда ум не только в области богословия станет непогрешительно вращаться, но и в деле любви с полным дерзновением возвысится, как бы восходя со второй степени на первую.

93) Путь добродетели для начинающих любить благочестие кажется жестоким и пристрашным, не потому чтоб он был сам по себе таков, но потому что человеческое естество с самого исхода из чрева матерня привыкает жить пространно в удовольствиях; а для тех, которые успели пройти уже до средины его, он является весь благим и отрадным: ибо

когда недобрые стремления наши бывают подавлены добрыми навыками, тогда вместе с сим исчезает и самая память о бессловесных удовольствиях; вследствие чего душа уже со всем удовольствием шествует по всем стезям добродетелей. Посему Господь, выводя нас на путь спасения, говорит, что тесен и прискорбен путь, вводящий в живот, и мало тех, кои идут им (Мф. 7, 14); к тем же, кои со всем рвением желают приступить к хранению святых Его заповедей, говорит Он: *иго Мое благо и бремя Мое легко есть* (Мф. 11, 30). Предлежит убо нам в начале подвига нашего насилуемою некоею волею исполнять святые Заповеди Божии, чтоб благий Господь, увидев доброе намерение наше и труд, даровал нам готовность и вольную волю с удовольствием прочее покорствовать преславным Его волениям: от *Господа бо уготовляется хотение* (Притч. 8, 35). После чего начнем уже мы с великою радостию совершать непрестанно благое; и тогда воистину восчувствуем, что *Бог есть действуяй в нас и еже хотети, и еже деяти о благоволении* (Флп. 2, 13).

94) Как неразогретый и неумягченный воск не может добре отпечатлеть налагаемую на него печать: так и человек, если не будет искушен трудами и немощами, не может вместить печати добродетели Божией. Посему Господь говорит божественному Павлу: *довлеет ти благодать Моя; сила бо Моя в немощи совершается* (2 Кор. 12, 9). Сам же Апостол так хвалится, говоря: *сладце убо похвалюся паче в немощех моих, да вселится в мя сила Христова* (там же). Так же и в Притчах написано: *егоже любит Господь, наказует; биет же всякаго сына, егоже приемлет* (Притч. 3, 12). Апостол немощами называет восстания врагов Креста, которые часто тогда случались и с ним и со всеми святыми, чтоб не превозносились, как говорит он, преизбытком откровений (2 Кор. 12, 7); но паче пребывали чрез смирение в образе совершенства, преподобно сохраняя божественный дар чрез частые уничижения. Мы же немощами называем лукавые помыслы и телесные стропотности. Ибо тогда телеса святых, подвизавшихся против греха, будучи предаваемы смертоносным уязвлениям и разным другим прискорбностям, были много выше страстей, чрез грех прившедших в естество человеческое; ныне же, когда о Господе множится мир церквей, необходимо тело подвижников благочестия искушать частыми стропотностями, а душу лукавыми помыслами, особенно тех из них, у коих ведение сильнодейственно со всяким чувством и удостоверением, чтоб они и тщеславию с высокоумием не подпали, и могли, ради великого смирения, вместить, как я сказал, в сердцах своих печать божественной красоты, по слову святого пророка: *знаменася на нас свет лица Твоего, Господи* (Пс. 4, 7). Подобает убо с благодарением претерпевать таковой о нас совет Господень; и тогда как болезни, так и борьба с демонскими помыслами вменится нам во второе мученичество. Ибо говоривший в те времена устами без-

законных начальников святым мученикам: отрекитесь Христа и возлюбите славу века сего, то же и ныне сам говорит рабам Божиим; мучивший тогда тела праведных и крайне поносивший честных учителей чрез служивших диавольским оным мудрованиям, он же и ныне наводит разные страдания на исповедников благочестия с великими поношениями и уничижениями, особенно когда они славы ради Господа с великою силою помогают угнетаемым бедным. Сего ради надлежит нам со всем опасством и терпением созидать в себе такое свидетельство совести пред лицом Бога: *терпя потерпех Господа, и внят ми* (Пс. 39, 2).

95) Не легко приобретаемое дело есть смирение: ибо чем выше оно, тем больших трудов требует стяжание его. Приходит же оно к причастникам святого ведения двумя способами: когда подвижник благочестия находится в средине духовного преуспеяния, тогда смиреннейшее о себе мудрование держится у него или ради немощи телесной, или ради неприятностей со стороны враждующих на ревнителей о праведной жизни, или ради лукавых помыслов; когда же ум в полном чувстве, и удостоверительно озарится святою благодатию, тогда душа начинает иметь смиренномудрие как бы естественным своим расположением. Ибо, будучи напаяема и насыщаема божественною благодатию по благости Божией, не может уже она надыматься и напыщаться славолюбием, хотя бы непрестанно исполняла Заповеди Божии, но почитает себя ничтожнейшею паче всех, в чувстве общения божественной благостыни, (т. е. что она такова по милости Божией). То смиренномудрие сопровождается большею частию печалию и упадком духа, а это радостию со стыдением всемудрым; то, как я сказал, приходит к тем, кои находятся посредине подвигов, а это ниспосылается приближающимся уже к совершенству. Почему то нередко от житейских благопоспешений некако подавляется, а это, хотя бы кто предложил ему все царства мира, не колеблется и самых страшных стрел греха не только не боится, но даже и совсем не чувствует; потому что будучи вседуховно, не имеет уже оно чувства для внешней славы. Доходит однако ж до сего последнего подвижник не иначе, как прошедши чрез то первое всяким образом: ибо благодать не даст нам богатства второго, если наперед не умягчит произволения нашего испытаниями, чрез обучительное попущение приражения страстей, в период первого.

96) Любители удовольствий настоящего века от помыслов переходят к падениям. Носимы будучи безрассудным парением, они все почти свои страстные замыслы с вожделением выражают или в словах неподобных, или в делах беззаконных. А решающиеся исправно вести подвижническую жизнь от падений переходят к злым помыслам, или к злым и вредоносным речам (от худых дел отстали, но еще остаются в области помыслов и речей недобрых). И бесы, если увидят таковых или вдающимися в пересуды и поношения, или ведущими пустые и неуместные

беседы, или смеющимися, как недолжно, или гневающимися безмерно, или вожделевающими тщетной и пустой славы, тотчас толпою нападают на них. Взяв в повод к своему злодейству тщеславие, и чрез него, как чрез дверь какую темную, вскочив, они расхищают души их. Подобает убо тем, кои предают себя стяжанию добродетелей, ни славы не желать, ни собеседования со многими не искать, ни частыми выходами и прогулками не пользоваться, ни поносить кого-либо, хотя бы кто и достоин был поношения, ни многословить, хотя бы могли говорить одно хорошее; ибо многословие безмерно рассеивает ум и не только к духовному деланию делает его неспособным, но и предает в руки беса уныния, который, мало-помалу расслабив его, передает потом его бесу безмерной печали, а наконец и бесу гнева. Почему должно всегда упражнять ум в соблюдении святых заповедей и в глубоком памятовании славы Господа. Ибо храняй заповеди, говорит Писание, *не увесть глагола лукава* (Еккл. 8, 5) т. е. не уклонится к непотребным помыслам или словам.

97) Когда сердце с жгучею некоею болью принимает бесовские стреляния, так что боримому думается, будто он носит самые стрелы, – это знак, что душа стала ретиво ненавидеть страсти. И это есть начало очищения ее. Ибо если она не потерпит великих болей от бесстыдства греха, то не возможет потом богатно порадоваться и о благотворности правды. После сего желающий очистить сердце свое да разогревает его непрестанно памятию о Господе Иисусе, имея это одно предметом богомыслия и непрестанным духовным деланием. Ибо желающим сбросить с себя гнилость свою не так следует вести себя, чтоб иногда молиться, а иногда нет, но всегда должно упражняться в молитве с блюдением ума, хотя бы жил далеко негде от молитвенных домов. Ибо как взявшийся очистить золото, если хоть на короткое время оставит горнило без огня, делает, что очищаемая руда опять ожестевает: так и тот, кто иногда памятует о Боге, а иногда нет, что, кажется, приобретает молитвою, то теряет пресечением ее. Но мужу, любителю добродетели, свойственно всегдашнею памятию о Боге потреблять земляность сердца, чтоб таким образом при постепенном испарении худа под действием огня благого памятования, душа с полною славою совершенно востекла к естественной своей светлозарности.

98) Бесстрастие есть не то, чтоб не быть бориму от бесов, ибо в таком случае надлежало бы нам, по Апостолу, *изыти из мира* (1 Кор. 5, 10); но то, чтоб когда они борют нас, пребывать не боримыми; подобно тому, как в латы облеченные воители и стрелянию противников подвергаются, и слышат звук от летящих стрел, и видят даже самые стрелы, на них испускаемые, неуязвляемы однако ж бывают ими по причине твердости воинской одежды своей. Но эти железом будучи ограждены, не подвергаются уязвлению во время брани; мы же, посредством делания добрых дел – облекшись во всеоружие святого света и в шлем спасения,

будем рассеивать темные демонские фаланги: ибо не одно то приносит чистоту, чтоб не делать более зла, но паче то, чтоб всеусильною ревностию о добре вконец потребить в себе злое.

99) Когда человек Божий все почти победит в себе страсти, два беса остаются еще ратующими против него, из коих один душу томит, возбуждая его по великому боголюбию к непомерной ревности, так что он не хочет допустить, чтоб другой кто угодил Богу паче него, а другой – тело, возбуждая его огненным некиим движением к похотению плотскому. Бывает же сие с телом во-первых потому, что такая сласть похотная свойственна естеству нашему, как вложенная в него чадородия ради, почему она и неудобь побеждаема; а потом и по попущению Божию. Ибо когда Господь увидит кого из подвижников слишком высоко восходящим в преумножении добродетелей; тогда попускает ему иной раз быть возмущаему сим скверным бесом, чтоб он почитал себя худейшим всех живых людей. Такое нападение страсти сей иногда бывает после совершения добрых дел, а иногда прежде того, чтоб движение сей страсти, предшествует ли оно делам или последует, заставляло душу казаться пред собою непотребнейшею, как бы ни были велики совершенные его дела. – Но против первого (беса, чрезмерную ревность возбуждающего) будем бороться усугублением смирения и любви, а против второго (беса похоти плотской) – воздержанием, безгневием и углубленною памятию о смерти, чтоб чрез это, чувствуя в себе непрестанно действо Святого Духа, соделаться нам в Господе высшими и этих страстей.

100) Те из нас, которые соделались причастниками святого ведения, всеконечно должны будем отдать отчет и в невольных парениях ума, как говорит Иов: *назнаменовал же еси, аще что неволею преступих* (Иов. 14, 17), – и праведно. Ибо если кто будет всегда занят памятованием о Боге и не будет небречь о святых Его заповедях, тот ни в невольный, ни в вольный грех не впадет. Надлежит убо нам тотчас и о невольных падениях сокрушенное исповедание приносить Владыке, прилагая его к совершению обычного нашего молитвенного правила. Так как человеку нельзя не падать в человеческие погрешения, (то и следует всегда исповедание о них приносить Владыке), пока совесть в слезах любви не удостоверится в прощении их: ибо, как говорит св. Иоанн: *аще исповедуем грехи наши, верен есть и праведен, да оставит нам грехи наши, и очистит нас от всякой неправды* (1 Ин. 1, 9). Почему надобно непрестанно внимать чувству сокрушенного исповедания (питать сие чувство), чтоб совесть наша как-нибудь не обманула себя, подумав, что уже довольно сокрушалась и исповедовалась Богу. Ибо Суд Божий гораздо строже суда нашей совести, хотя бы кто и ничего не знал за собою худого с полным удостоверением, как учит премудрый наш Павел, говоря: *но ни сам себе востязую: ничто же бо в себе свем, но ни о сем оправдаюся: востязуяй же мя, Господь есть* (1 Кор. 4, 3. 4). Если же мы не бу-

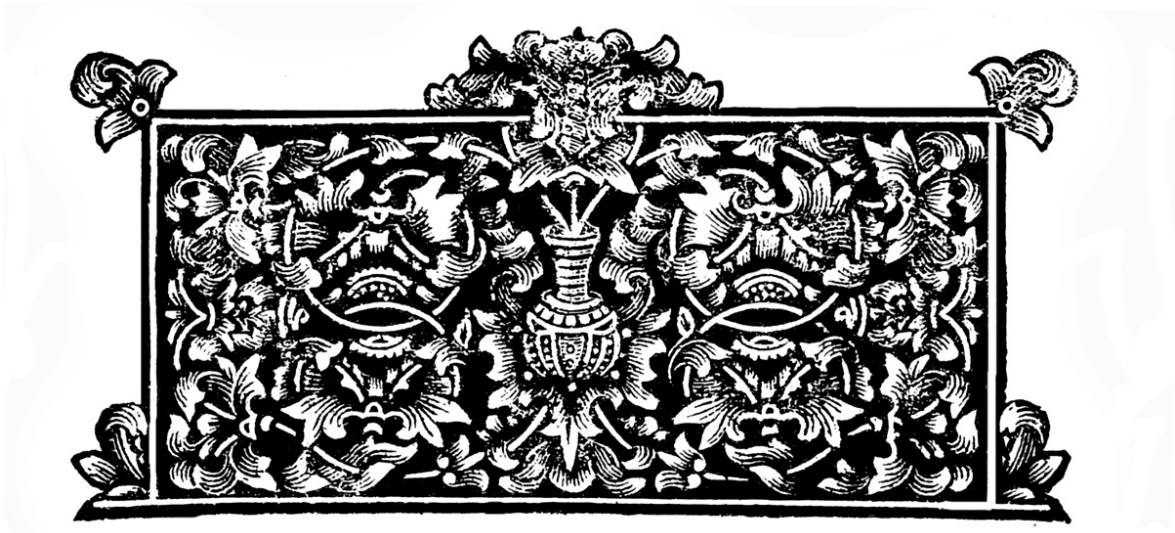
дем достодолжно и об этих (невольных и неведомых) грехах исповедоваться, то во время исхода нашего страх некий неопределенный найдем в себе. А нам, любящим Господа, надлежит желать и молиться, чтоб в то время оказаться непричастными никакому страху: ибо кто тогда будет находиться в страхе, тот не пройдет свободно мимо князей адских, потому что эту боязливость души они считают за признак соучастия ее в их зле, как это в них самих есть. Обрадоваемая же любовию Божиею душа в час разрешения от тела с Ангелами мира несется выше всех темных полчищ, потому что такая душа некако окрылена бывает духовною любовию, имея в сей любви полное без всякого недостатка исполнение закона. Почему исходящие из сей жизни с таким дерзновением и во второе пришествие Господне восхищены будут со всеми святыми. Те же, которые во время смерти хотя мало поражаемы бывают страхом, будут оставлены тогда в толпе всех других людей, как состоящие под судом, чтоб, испытаны быв огнем суда, должный им по делам их удел получили они от благого Бога нашего и Царя Иисуса Христа. Ибо Он есть Бог правды, и Его есть на нас любящих Его богатство благ Царствия Его, в век и во все веки веков. Аминь.

Преподобный Никита Стифат

Краткое сведение о нем [10]

Преподобный Никита, пресвитер Студийской обители, искреннейший ученик св. Симеона, нового Богослова, процветал в одиннадцатом столетии. Он посвящен был св. Симеоном во все таинства духовного любомудрия и в такой мере усвоил себе все добродетели его, что являлся воистину вторым параллельно с учителем своим солнцем, отражающем в душе своей все лучезарные преломления благодатных даров его и учений. – Потом и сам по себе, с неусыпными трудами, углубляясь в Божественные Писания, иное же и делом испытав и пережив, собрал он премножество прекраснейших воззрений на порядки духовной жизни, и сделав чрез все сие ум свой как бы чреватым божественных и преестественных созерцаний, породил высокие и премудрые изречения, как желающим можно удостовериться из предлагаемых трех сотниц их, которые, если кто назовет точным правилом деятельной жизни, руководством к непогрешительному ведению, – зерцалом совершенства богоподобной жизни, одним словом, богатейшей сокровищницей нравственных уроков и умозрительных идей, тот скажет о них настоящую истину. они, как высоки по мыслям, так благолепны и по красоте выражений, так что недоумеваешь, мысль ли в них заключающаяся, или красота изложения такое услаждение вливают в душу читающих.

[10] Житие переведено на русский со славянского Добротолюбия.

Никиты преподобного монаха и пресвитера святейшей обители студийской [11]

Деятельных глав сотница первая

Четыре, полагаю, есть причины, побуждающие писать о душеспасительных вещах. Первая есть свобода, самое, разумею, бесстрастие души, чрез притрудное делание достигшее до естественного созерцания творения и оттоле вступившее в мрак Богословия. Вторая, слезами и молитвою производимая, чистота ума, от коей рождается слово благодатное и источаются струи спасительных разумений. Третья – вселение в нас Святой Троицы, от Коей исходит светолитие Духа на пользу всякому из очищаемых для проявления таин Царствия Небесного и откровения сокрытых в душе сокровищ Божиих. Четвертая, – лежащий на каждом, получившем талант *слова разума* (1 Кор. 12, 8), долг, по смыслу угрозы Божией, глаголящей: *рабе лукавый и ленивый, подобаше тебе вдати сребро Мое торжником: и Аз пришед, истязал бых свое с лихвою* (Мф. 9, 25–27); по каковой причине, конечно, и Давид говорил: *се устам моим не возбраню: Господи, Ты разумел еси. Правду Твою не скрых в сердце моем, истину Твою и спасение Твоерех, не скрых милость Твою и истину Твою от сонма многа* (Пс. 39, 10, 11).

2) Начало жизни по Богу – всецелое удаление от мира. Удаление же сие есть отвержение пожеланий души и земного мудрования отменение: вследствие чего, востекая к божественному мудрованию, соделоваемся

[11] Перевод этого творения взят из Добротолюбия в переводе Феофана Затворника. Перевод сильно урезан. Мои попытки перевести урезанные главы оказались безрезультатными. Остается читать версию в славянском переводе.

мы из плотских духовными, умерщвляемы бывая плоти и миру, оживотворяемы же в душе, во Христе и Духе.

3) Ведение о Боге неложное, вера глубоко-внедренная, при презрении всего видимого, и добродетельное действование, чуждое самолюбия – се *треплетная вервь,* которая, по Соломону, *не скоро расторгнется* (Еккл. 4, 12) от духов лукавствия.

4) Верою чаем получить воздаяния за труды; потому легко переносим труды доброделания. Духом же Святым будучи в чем удостоверяемы, любовию воспаряем к Богу.

5) Не тогда, как терпим приражения нечистых помыслов, бываем мы уже принадлежащими и к части тех, кои делают непотребное. Но когда, по ослаблении в душе усилий ревности о добром, и ум вследствие небрежного и беспорядочного поведения начнет вращаться в смутительных и омрачительных воображениях, и труды по добродетели, при лености к богомыслию и молитве, престанут. Тогда, и не делая непотребного, числимся мы на стороне произвольно валяющихся в блате нечистых сластей.

6) Когда ослабнут бразды владычественнейших (высших) чувств, тогда тотчас поднимается восстание страстей и приходит в движение действо раболепнейших (низших) чувств. Ибо обычно неразумным сим (чувствам), разрешась от уз воздержания (или удержания и обуздания), бросаться на предметы страстей и пастись на них, как на смертоносных пажитях, и это тем ненасытнее, чем долее продолжается услаждение ими; потому что не могут, когда свободны от уз, удерживаться от вкушения того, к чему естественное имеют стремление.

7) Из чувств одни, – именно зрение и слух, – словесны суть и паче других любомудреннейши и владычественнейши; а другие, – именно вкус, обоняние и осязание, – бессловесны и животны, назначенные служить словесным. Ибо сначала видим и слышим, а потом, движимые помышлением, осязаем предлежащий предмет и по обонянии предаем вкусу. Таким образом три последние чувства более скотны и беспрекословнее раболепны, чем два первые; и преимущественно над удовлетворением их трудятся те из скотов и зверей, которые более чревонеистовы и более похотливы, день и ночь или пищею ненасытно себя наполняя, или неудержимо ища соития.

8) Кто действие внешних чувств заменяет внутренними, – зрение – устремлением ума к зрению света животного, слух – вниманием душевным, вкус – разумным рассуждением, обоняние – умным постижением (ощущением, чувством), осязание – бодренным трезвением сердечным: тот ангельскую на земле проводит жизнь; – для людей он и есть и видится человеком, для Ангелов же и есть и понимается Ангелом.

9) Умным зрением приемлем свет Божественный, ведение сокровенных таин Божиих; душевным вниманием восхождение (возникнове-

ние) в сердце помыслов располагаем с разумом (или распоряжаемся ими, различая хорошие от худых); разумным рассуждением, как вкусом, распознаем виды разумений, и те, которые произрастают из горького корня, или преобразуем в сладкую для души пищу, или совсем отбрасываем, а которые от былий добрых и злачных отрождаются, те приемлем, *пленяюще всяк разум в послушание Христово* (2 Кор. 10, 5); умным постижением обоняем мысленное миро благодати Духа, исполняясь веселием и радованием сердечным; бодренным трезвением сердца благоумно ощущаем, как свыше Дух орошает пламень наших добрых вожделений или согревает наши силы, охладевшие под действием хлада страстей.

14) Кто славы человеческой, которая ничтоже есть, ищет, как бы она чего-либо стоила, сластолюбие лобызает с душевною ненасытимостию и любоименно предается сребролюбию; тот или в демона превращается чрез высокоумие и гордыню, или скотам уподобляется чрез порабощение похотям чрева и подчревных частей, или зверем для ближних делается чрез ненасытимое и бесчеловечное сребролюбие. Ибо таковой, по слову Господню, отпадает от веры в Бога, потому что *славу от человеков приемлет* (Ин. 5, 44), – отвращается от целомудрия и чистоты, потому что ненасытно услаждается жжением подчревных частей и подчиняется срамным их влечениям, – отторгается от любви, потому что об одном себе печется, ближним же нуждающимся ничего не уделяет из своих имений: чрез что все является чудовищем некиим, из многих противоположностей сложившимся, и враждебным и Богу, и людям, и скотам.

15) Гнев, вожделение и разумная сила ума, когда в естественном своем чине стоят и действуют, тогда соделовают человека всего божественным некако и боговидным, всегда здраво действующим и отнюдь не уклоняющимся от естественного ему ступания. Когда же они в противность естеству уклоняются от надлежащего образа действования и принимают движения (или направления), не свойственные их естеству, тогда являют его, как сказано, чудовищем некиим, из многих противоположностей сложившимся.

16) Гнев в междупределии стоит вожделения и разумной силы души, служа для каждой из сих сил оружием, по естеству ли они действуют, или противоестественно. Когда вожделетельная и разумная сила души действует по естеству, направляясь к вещам божественным, тогда гнев для каждой из них служит оружием правды против злобного змия, нашептывающего им и предлагающего вкусить от сластей плоти и утешиться славою человеческою. Когда же они уклоняются от естественного им движения и обращаются к противоестественному, и свой труд и занятия от божественных вещей переносят на человеческие, тогда он служит для них оружием неправды, которым они борются и воюют со

всеми, кто полагает им преграду в их похотениях и стремлениях: так что человек в среде церкви верных является или деятельным, созерцательным и богословствующим, когда действует по естеству, или скотным, зверонравным и демоноподобным, когда уколоняется к тому, что противоестественно.

17) Если кто прежде душевных своих сил болезненным покаянием и усиленными подвигами не преобразит и не сделает такими, какими вначале дал их нам Бог, когда, создав Адама, вдунул в него дыхание жизни: то ни самого себя познать не может когда-либо, ни стяжать помысл владычественный над страстями, не кичливый, не пытливый, не лукавый, простой, смиренномудрый, чуждый зависти и клеветы, – чрез пленение всякого помышления в послушание Христово. Но и души своей никогда не будет он иметь горящею и пламенеющею любовию к Богу, не преступающею пределов воздержания, довольствующеюся предлагаемым и желающею упокоения святых. Если же она этого не стяжет, то и сердца своего никогда не возможет иметь кротким, смирным, безгневным, благим, не задорным, полным милостивости и радушия, потому что она так наветует сама против себя и так расстроивает свои силы, что является неспособною вмещать в себе лучи благодати Святого Духа.

18) Кто таким образом не восприимет в себе снова первоначального благолепия и не возобразит отличительных черт образа Того, Кто вначале создал его по образу Своему: тому как возможно когда-либо соединиться с Тем, от Кого он отдалился неподобием отличительных черт, и Коему, Свету сущему, погасив свой свет, привлек в себя противное (т. е. тьму)? Не соединившийся же с Тем, от Кого получил начало бытия, и из несущаго стал сущим, и над сущими получил власть, куда ввержен будет, как не подобный Создавшему его, по отсечении от Него? Сие явно видящим, хотя я промолчу.

19) Пока имеем мы в себе вещества страстей и причины их самоохотно лелеем, не произволяя оттрясти их; дотоле сила их превозмогает над нами, приемля власть на то от нас же самих. Когда же мы отвергнем их от себя и сердце свое очистим слезами покаяния, возненавидев и обольщение видимыми вещами, тогда соделоваемся причастными присещения Духа Утешителя, Бога зря и зримы бывая от Него.

20) Отрешившиеся от уз пристрастия к миру пребывают в свободе от всякого порабощения чувствам, Единому Духу живя и с Ним собеседуя, яко движимые от Него, чрез Коего они обычно сочетаваются и с Отцом и Словом, единосущными Ему – един дух, по св. Павлу, с Ними бывая. Таковые не только неуловимы бывают для демонов, но и страшны, как причастники Божественного огня и сами огнем соделавшиеся.

21) Осязание есть не частное некое чувство, в одной какой части тела действо свое проявляющее, но чувство общее, по всему телу распространенное. Почему, когда оно осяжет без нужды что-либо, питая еще

пристрастие к вещам нежащим, тогда колеблет ум страстными помыслами. Когда же коснется чего по необходимой естественной потребе, отрешившись уже от всяких нежностей и преодолев чувственность, тогда оно не колеблет душевных чувств.

22) Когда ум преселится к вещам сверхчувственным, тогда чувства, состоя в своем чине, бесстрастно входят в соприкосновение с предметами страстей, исследуя лишь причины их и природу и верно определяя их действия и свойства, без пристрастия к ним и без склонения к ним желания против естества.

23) Подвиги и труды духовные рождают радование душевное, коему предшествует умирение страстей. Вследствие сего, что для людей, чувственности порабощенных, тяжко и неприятно, то для души, в духовных трудах пребывающей и священными потами любовь к Богу стяжавшей и вожделением божественного ведения уязвленной, легко и весьма сладостно. Для тех, как преданных упокоению тела и наслаждению чувственными удовольствиями, труды и подвиги добродетели неприятны и жестоки, так как они не предпринимали сланость удовольствий сих отмывать потоками слез; а для этой (т. е. для души, работающей Богу) они вожделенны и сладостны. Так как она мерзит удовольствиями, причиняющими ей зло, и отрясла всякое к ним пристрастие и всякое самолюбивое угождение телу, то для нее прискорбно одно – покой от трудов и пресечение подвигов. Таким образом, что для тех служит к плотскому веселию, то душе, всецело расположившейся к Божественному, причиняет скорбь, а что ей доставляет духовное радование, в том же для тех причина воздыханий и мучений.

24) Труды мучительными кажутся вначале для всех, вводимых в поты и подвиги духовные. Когда же они начнут охотно упражняться в них для возращения в себе добрых расположений и достигнут до средины преуспеяния в том; тогда труды сии являются для них источником дивной некоей отрады и утешения. А когда, наконец, мертвенное сие мудрование плоти пожрется бессмертною жизнию, подаемою присещением Духа Святого в тех, кои, пребывая в неутомимых трудах, простираются к последним пределам добродетели; тогда лица такие исполняются неизреченною радостию и веселием, потому что чрез это в них самих открывается чистый источник слез и сладкие струи свыше дождем льющегося утешения.

25) Если желаешь достигнуть последних пределов добродетели и непогрешительно обрести путь ведущий к Богу, не давай *сна очам своим, ни веждям своим дремания* или, *покоя скраниам* (вискам, бокам) своим (Пс. 131, 4), пока многими трудами и слезами не обретешь места бесстрастия для изможденной души твоей и не внидешь в святилище ведения Божия и чрез ипостасную Премудрость Его не прозришь разумно

в последние концы человеческих дел, и презрев дольнее, жаждательнейше, подобно еленю, не востечешь на высшие горы созерцания.

26) Краткий путь к стяжанию добродетели для начинающих есть молчание уст, смежение очей и ушей до глухоты заткнутие. Ибо ум, вследствие сего пользуясь бездействием сих чувств и заключив входы к себе совне, начинает всматриваться в себя самого и в свои движения и тотчас исследует, какие воспоминания плавают по мысленному морю помыслов, и какие помышления ввергаются в горнило рассуждения его, для дознания, чисты ли они и не смешаны с горькими семенами, яко от Ангела света подаемые, или суть плевелы непотребные, всеваемые свету противными, темными силами. Таким образом он, как бы некий самодержавный владыка, стоя посреде помышлений, обсуждает их и разделяет лучшие помыслы от худших, и одни из них влагает в мысленную житницу свою, как хлебы некие, на воде божественной замешанные и огнем Духа испеченные, коими питаясь, возмогает и светом наполняется, – а другие отсылает в глубину забвения, стрясая с себя горечь их. Это впрочем бывает делом одного того, кто духовно вступил на путь, незаблудно ведущий на небеса и к Богу, совлекшись плачевного рубища темных страстей.

27) Душа, решительно отвергшая лукавство и непотребное мудрование неразумнейшего кичения, вместо же того обогатевшая простым и незлобивым сердцем под действием присещения Утешителя, всегда бывает вся в себе и в Боге, и все, что видит и слышит (в области веры), почитает верным и истинным несомненно, как переступившая чрез пагубные пропасти неверия и носящаяся выше адской зависти.

28) В главе всех добродетелей шествует искренняя вера, при коей душа не колеблющеюся водится мыслию, но всецело отметает самолюбие. Ибо только что выступившему на подвиги ничто так не препятствует исполнять делом заповеди, как всезлобнейшее самолюбие (жаление плоти). Оно служит препоною к преуспеянию даже и ревностным. Оно влагает в них мысль о неисцельных болезнях и страданиях тела (если станут строго жить) и тем охлаждает жар ревности душевной и склоняет ее отказаться от злострадани́й (произвольных лишений) ради добродетели, как навета против самоугодливой жизни. Есть же самолюбие неразумная любовь к телу, или саможаление, которое делает монаха самолюбивым, душелюбивым и телолюбивым и отдаляет его от Бога и Царствия Его, по следующему преподобному слову: *любяй душу свою, погубит ю* (Ин. 12, 25).

29) Кто трудолюбно начал исполнять Заповеди Божии и с теплым рачением взял на рамена свои легкий ярем подвижничества: тот не щадит здоровья тела, не ужасается тяжелости дел добродетели, не отступает в болезненном страхе пред трудами и не посматривает на другого кого, нерадиво и беспечно относящегося к подвигам; но с горячим желани-

ем шествует стезею добродетелей во всяком злострадании (при всяких лишениях), смотря на себя одного и на заповеди Бога, и каждодневно бросает в слезах семена свои на поле живых, пока породится в нем злак бесстрастия, возрастет в стебель ведения божественного и даст клас, приносящий зерно слова и порождения правды.

30) Ни от чего, думаю, преуспеяние души не бывает так скоро и поспешно, как от единой веры, но веры не той только, коею веруют в Единого Бога и Единородного Сына Его, но особенно той внутреннейшей веры, коею веруем, что как все обетования Христовы, какие обетовал и уготовал Он любящим Его, так и угрозу и муки адские, кои уготованы диаволу и рабам его, несомненно истинны. Такая вера убеждает душу, в подвиге сущую, уповать, что достигнет устроения святых и блаженного их бесстрастия, встечет на высоту святости их и соделается сонаследницею с ними Царства Божия. Будучи же так удостоверяема, она ревностнее устремляется к деланию заповедей, и нимало не колеблясь, старается подражать трудам их, в чаянии подобными подвигами достигнуть и совершенства их.

32) Внутреннее делание или венцы заслуживает душе, или казни и муки. Ибо если оно божественными занимается вещами и с любовию удобряет поле смиреномудрия, то, имея слезное свыше орошение, возделывает к Богу любовь и веру, а к ближнему сострадание, чрез кои душа, отображая в себе красоту образа Христова, бывает светом для людей, лучами добродетелей привлекая к себе взоры их и всех возбуждая к славословию Бога. Если же оно занимается вещами дольними и человеческими и подземные прокапывает и взрывает мины греха, то, обдаваемо будучи снизу смрадом и мраком, возделывает ненависть и отвращение к добру, чрез кои душа, отображая в себе перстный и безобразный образ ветхого человека, мраком всецело бывает для приближающихся, непотребными делами и беседами развращая незлобивые и неутвержденные души и возбуждая хулы на Бога. В конце же всего, в каком состоянии застигнута будет душа смертию, сообразное с тем получит и воздаяние.

33) Возделыватель худых помышлений мрачным и печальным делает внешний вид лица своего, язык – неспособным к пению божественных песней и себя – для всех неприятным и нежеланным встречником и собеседником. Возделыватель же благих и бессмертных произрастений в сердце радующееся и улыбающееся имеет лицо и сладкозвучный в молитвах язык и для всех всегда бывает приятным собеседником. Так что отсюда для всех, видящих *добре,* явно есть бывает, кто из таковых находится еще в рабстве нечистых страстей и состоит под невольным законом земного мудрования, и кто освобожден от такого рабства законом Духа.

34) Делами укореняющиеся страсти делами же, противоположными им, и *врачуются.* Ибо как невоздержание, сластолюбие и объядение, жизнь изнеженная и рассеянная образуют в душе страстное настроение и ведут ее к делам неуместным: так утеснение себя во всем и воздержание, труды и подвиги духовные снабжают ее бесстрастием и из состояния страстного переводят ее в состояние бесстрастное.

35) Когда кто чрез притрудное и усиленное подвижничество при смиренномудрии сподобится от Бога великих даров, а потом, поступившись оттуда, предан будет страстям и демонам наказателям, да ведает таковой, что превознесся и великое нечто о себе возмечтал, с презрением смотря на других. Начало греха гордыня (Сир. 10, 15). И ему ни в чем другом не найти врачевства и избавления от овладевших его жизнию страстей и демонов, как в возведении себя в прежнее благонастроение чрез покаяние, избрав себе в посредники при сем добрые – смирение и сознание своих мер, под действием коих всякий, добре стоящий на основании добродетелей, почитает себя низшим всякой твари.

36) Равное зло есть и пред Богом, и пред людьми, во Христе живущими, как то, когда кто страстен делами, так и то, когда кто надменен в добродетелях духом самомнения. Ибо как о делах первого и о том, что у него бывает *отай, срамно есть и глаголати* (Еф. 5, 12): так и высокосердие второго *мерзость есть пред Богом* (Притч. 16, 5); и как тот отвратителен Богу, так что Он не может иметь в нем покоя, потому что он плоть, по слову Божию (Быт. 6, 3), так и этот нечист пред Господом, потому что горд.

37) Не так, что если страсть, то и грешное дело; но ино это, и ино то: страсть в душе движится, а деяние греховное телом видимо совершается. Так – сластолюбие, сребролюбие и славолюбие суть пагубные страсти душевные, а блуд, лихоимание и неправда суть греховные деяния; похоть, гнев и гордость суть страсти душевные, – следствия противоестественного движения сил ее, а блуд, убийство, кража, пьянство и другое что, противозаконно телом совершаемое, суть плотские деяния грешные и пагубные.

38) Есть три главнейших начальника всех страстей, и три против них ополчения, и три чина лиц, кои борются с ними и низлагают трехглавого дракона сластолюбия, сребролюбия и славолюбия: новоначальный, средний и совершенный.

40) Кто теперь только обнажился для подвигов благочестия и вводится в ополчение против страстей, тот всю брань свою устремляет против духа сластолюбия и сильно поражает его посредством всякого злострадания, – плоть изможда неядением, спанием на голой земле, бдениями и всенощными молитвами, а душу сокрушая помышлением об адских муках и памятию смертною, и сердце от осквернения сочетанием и *сосложением* омывая слезами покаяния.

41) Кто ступание свое от начала простер до среды, и поты от борения с духом сластолюбия отер губкою бесстрастия (т. е. прогнал сего духа), и открытыми очами начал смотреть на естественные вещи, – тот теперь поднимает оружие веры против духа сребролюбия, веры не имеющего, ум возвышая к помышлению о божественных вещах, разум устремляя к уразумению значения тварей и к изъяснению свойств их, а душу возводя верою от видимого на высоту невидимого, питая убеждение, что Бог, приведший все из небытия в бытие, Он же есть и Промыслитель о Своих произведениях, и надеждою окрыляясь к достижению Божественной жизни.

42) Кто с помощию созерцания и бесстрастия прошед средину и, миновав прелести мирского чувства, вступил с помощию слова разума и ипостасной Премудрости Божией во мрак Богословия, тот силою смирения поднимает теперь оружие против духа славолюбия, душу сокрушая священными откровениями и заставляя ее небезболезненно проливать слезы, мудрование же свое низлагая памятованием о человеческой немощи и возвышая его разумениями Божественного разума.

43) Постами, бдениями и молитвами, спанием на голой земле, трудами телесными и отсечением своей воли в смирении душевном ставим мы духа сластолюбия безуспешным; порабощаем его себе слезами покаяния, и вводя в узилище воздержания, делаем недвижимым и бездейственным, – разумеется тогда, как сами состоим в ополчении ревностных подвижников.

44) Оружиями веры и *мечем духовным, иже есть глагол Божий* (Еф. 6, 17), победив духа сребролюбия, закалаем его, и вместе с тем с помощию слова премудрости востекаем к созерцанию существующего, словом разума становимся выше ничтожества видимых благ, и в царских дворах любви упокоеваемся под действием многобогатых сокровищ упования.

45) На крыльях бесстрастия и смиренномудрия плавая в воздухе таинственного богословия и входя в горнюю глубину ведения таин Божиих действом Божественного Духа, молниями божественных догматов и разумений попаляем духа славолюбия; взирая же на конец человеческих дел, дождем слез и потоками сокрушения потопляем бесов его тристатов, воюющих против нас самомнением, тщеславием и гордынею.

46) Кто похоть плоти, похоть очес и гордость житейскую, – мирские сии неправды, по причине люблення коих бываем мы врагами Богу, – душевно возненавидел и отрекся от них; тот распял себе мир и сам распялся миру, разрушив во плоти своей вражду между Богом и душою и сотворив в обеих мир. Ибо умерший сим в совлечении плотского мудрования примирил себя с Богом, убив вражду мира в умерщвлении сластей чрез распятую миру жизнь, и облобызал возлюбление Иисуса. Почему таковой бывает уже не враг Божий, как друг мира, но друг Божий, как

распявшийся миру и могущий говорить: *мне мир распяся, и аз миру* (Гал. 6, 14).

47) Всякое подвизающихся оставление благодатию бывает обыкновенно за следующие вины: за тщеславие, за осуждение ближнего и надмение добродетелями. Почему коль скоро что-либо из сего окажется вошедшим в души подвизающихся, то это причиняет им оставление от Бога; и не избежать им праведного осуждения за это при падениях, пока отвергши то, что было прежде причиною оставления, не убегут на высоту смиренномудрия.

48) Не то только есть нечистота и осквернение души, когда кто нечист бывает от скверных страстных помышлений; но и то, если кто превозносится всегдашнею исправностию поведения и *надымается* добродетелями, также, когда много думает о своей премудрости и своем познании Бога и осуждает кажущихся беспечными и нерадивыми братий. Это видно из притчи о мытаре и фарисее.

49) Не думай получить ослабу от страстей и избежать осквернения происходящими от них страстными помышлениями, нося еще в себе гордостное и *дмящееся* о добродетелях мудрование. Не увидеть тебе двора мира в благостыне помыслов и не войти в храм любви с радостию во всякой милостивости и тихости сердца, пока надеешься на себя и на дела свои.

50) Если душа твоя страстно прилепляется к красивым телам и подвергается потом тиранству страстных помыслов, рождающихся от сего: не предполагай, что *они-то* и суть причина происходящей в тебе бури помыслов и страстного движения; но знай, что причина сего сокрыта внутрь души твоей, которая, как камень некий магнит железо, привлекает к себе вред от лиц в силу предрасположения к тому и злой страстной привычки. Творения же Божии все добры зело, по слову Самого Бога, и ничего не имеют такого, что давало бы основание к похулению создания Божия.

51) Как плывущие по морю и страждующие морской болезнию не по естественному свойству моря страждут сие, но по причине внутреннего некоего к тому предрасположения в них самих: так и душа не по причине красивых лиц, но по причине в ней самой залегшего расположения к сему злу подвергается крайне сильному влечению и тревоге страсти.

52) Соответственно внутреннему настроению души, инаковым и инаковым представляется ей и естество вещей. Когда умные чувства стоят в ней в своем естественном чине и ум незаблудно шествует в понимании тварей, разумно объясняя существо и движения их, тогда в естественном чине видятся ей и вещи, и лица, и всякое естество вещественных тел, не имеющими сокрытой какой-либо причины заразы или вреда. Когда же силы ее действуют не по естеству своему, восставая од-

на против другой, тогда и это все видится ей, но как оно есть по естеству своему: оно естественною своею красотою не возводит уже ее к познанию Творца, но, по причине страстного ее состояния, низводит в глубину погибели.

53) Если, оставлен быв благодатию, пал ты падением плоти, или языка, или помысла, да не покажется тебе сие удивительным или странным: твое это падение и по твоей вине. Ибо если б ты прежде не подумал о себе что-либо особенное и важное, как не следовало, или не вознесся над кем-либо в горделивом о себе мудровании, или не осудил другого кого в естественной какой немощи человеческой, то не был бы, по Праведному суду Божию, оставлен благодатию и не испытал бы сам своей немощи. Испытал же ее ты теперь, да научишься из сего не осуждать, *не мудрствовать паче, еже подобает мудрствовати* (Рим. 12, 3) и ни над кем не возноситься.

54) Падши во глубину зол, отнюдь не отчаивайся в возможности воззвания оттуда, хотя бы ты низвергся на последнюю ступень адской злобы. Ибо если ты имеешь у себя основание благочестия, усердно заложенное прежде деятельными добродетелями, то, хотя бы построенная тобою на нем из разных камней добродетели храмина его, поколеблена быв, подверглась падению и разорению с верха до низу, до самого лица страшнейшей земли зол, и тогда Бог не забудет прежних твоих трудов и потов, коль скоро ты сокрушенное от падений своих носишь сердце, которое, помня прежние дни, с воздыханием взывает к Нему о своих падениях. Призирая, воззрит Он на тебя, *трепещущаго словес Его* (Ис. 66, 2), невидимо коснется очес болезнующего сердца твоего, и прежде трудами заложенное тобою основание добродетели взяв под свой покров, даст тебе силу, большую и совершеннейшую прежней силы в пламенной ревности горящего духа, на то, чтоб ты снова трудолюбно стяжал дела добродетели, сгубленные по зависти лукавого, и в духе смирения воздвигнул дом ее, светлейший прежнего, для вечного ее упокоения, как написано (Пс. 131, 14).

55) Все, к бесчестию нашему с нами случающееся от людей или от демонов, праведным судом Божиим, по Его домостроительству случается к смирению суетного надмения наших душ. Цель у Бога, Правителя жизни нашей, та, чтобы мы были всегда смиренны, *не мудрствовали паче, еже подобает мудрствовати, но мудрствовали в целомудрии* (Рим. 12, 3) и не думали о себе много, но на Него взирали и Его блаженному смирению по возможности подражали, ибо Он *кроток был и смирен сердцем* (Мф. 11, 29); каковыми и нам желает быть Он, претерпевший за нас смерть неправедную и бесчестную. Почему ничто другое так Ему не любезно и не привлекательно во всякой воистину добродетели, и ничто так не сильно возвысит нас от гноища страстей, как кротость, смирение и любовь к ближнему: так что, когда мы творим добродетели

без соприсутствия их, тогда всякое наше делание суетно, и всякий труд подвизания бесполезен и Богу неприятен.

56) Вводимым в жизнь добродетельную к исполнению заповедей и избежанию грехов содействует страх мучений вечных. Тем же, которые чрез добродетель достигли до созерцания славы Божией, – иной, подобно тому, сопутствует страх, крайне страшный им из любви к Богу, страх чистый, который и содействует им к неуклонному пребыванию в любви Божией, так как они боятся страшного от нее поскользновения. Первым, когда они падают, уклоняясь от своей цели, и потом, раскаиваясь, тотчас встают, сопутствует первый страх с благими надеждами; а за вторыми, по зависти диавола погрешившими падением с высоты созерцания славы Божией, не тотчас последует второй страх, но их приемлет мгла некая и тьма осязаемая, полная малодушия, скорбения и горести с первым страхом мук. И если бы Господь Саваоф не сокращал оных дней такого нестерпимого скорбения, то не спасся бы никто из падающих сим образом.

57) Когда душа успокоится от постоянного докучания страстных помыслов и мучительное жжение плоти увянет, тогда ведай, что внутрь совершилось наитие Святого Духа на нас, возвещающее об оставлении прежних грехов и о даровании нам бесстрастия. Пока же она воню сих помыслов чрез частое их докучание ощущает, и пока подчревие плоти ее возжигается, дотоле ведай, что далеко от нее благоухание Духа, и что она вся держится в неразрешимых узах страстей и чувств.

59) Люта и неудобопобедима страсть хуления, которая источником своим имеет гордостное мнение сатанинское. Она и на всех, по Богу живущих добродетельно, нападает, но особенно на тех, кои преуспели в молитве и созерцании божественных вещей. Сего ради надлежит всяким хранением блюсти чувства и благоговеинствовать пред всеми страшными тайнами Божиими и внимательно наблюдать за нападениями духа сего. Он приседит нам, когда молимся и поем псалмы, и отрыгает иной раз, по нашему невниманию, нашими устами клятвы на нас же и странные хуления на Бога вышнего, привводя их в стихи псалмов и в слова молитвы. Но против него, когда он что-либо такое произносит устами нашими или всевает в мысли наши, надо обращать Слово Христово, говоря к нему: *иди за мною, сатано* (Мф. 4, 10), всякого зловония исполненный и осужденный на вечный огнь; хула твоя да падет на главу твою. Сказав это, тотчас насильно, как пленника, обратим ум на другой какой предмет божеский или человеческий, какой вспадет на мысль, или со слезами вознесем его на небеса и к Богу. Так, с Божиим нам содействием, избавимся мы от тяготы хуления.

60) Печаль есть страсть тлетворная для души и тела и самых мозгов касающаяся. Но такова печаль мира сего, нападающая на людей по причине временных потерь и неприятностей, которая нередко бывает для них причиною даже смерти. Печаль же по Богу весьма полезна и душе-

спасительна: она подает терпение в трудах и искушениях, открывает источник умиления для подвизающегося и жаждущего правды Божией и слезами, как хлебом, насыщает сердце его, так что на нем исполняется Давидское слово: *напитаеши нас хлебом слезным, и напоиши нас слезами в меру* (Пс. 79, 6), – вином умиления.

61) Части души, расстроенные деланием худых дел, успешно воссозидает печаль по Богу и снова поставляет их в естественное им состояние: она слезами так истончавает зиму страстей и облак греха и из мысленного воздуха души изгоняет их, что в помыслах ума нашего тотчас соделовается ведро, в море мыслей тишина, в сердцах наших веселие и в виде лица нашего изменение, на которое взирая, имеющие очи видеть могут с Давидом взывать: *сия измена денницы Вышняго* (Пс. 79, 11).

62) Не принимай всеваемых в тебя помыслов на ближнего по подозрениям, потому что они лживы, гибельны и всегда прельстительны. Знай, что чрез это демоны покушаются ввергать в ров пагубы тех, кои делают уже успехи в добродетелях: ибо иначе не могут они кого-либо из подвизающихся направить в ров осуждения и деятельного греха, как внушив ему наперед принять лукавые подозрения на ближнего по его внешнему поведению и обычаю, потому что, подводя его таким образом самого под суд (за осуждение) и доводя до падения в грех, они вплетают его в осуждение вместе с миром по следующему святому изречению: *аще бо быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были: судими же* (судя же других), *от Господа наказуемся, да не с миром осудимся* (1 Кор. 11, 31, 32).

63) Когда по небрежности дадим демонам место влагать в уши наши подозрения на братий, – именно не наблюдая за движениями очей, тогда доводимы бываем ими до осуждения иной раз даже и совершенных в добродетели. Иной, улыбающимся лицом смотрящий и доступный для беседы со всеми, может показаться сластолюбивым и страстным, а другой, строго и мрачно смотрящий, – гневным и гордым. Но по таким внешним чертам не следует составлять суждения о людях, потому что они всегда почти бывают в таком случае погрешительны. Ибо в людях замечаются большие различия в естественных свойствах, навыках и телосложениях, на которые верно смотреть и верно о них судить могут одни те, кои умное свое око душевное очистили многим сокрушением и имеют пребывающим в себе безмерный свет Божественной жизни, – коим дано видеть и тайны Царствия Божия.

64) Сделавшись самоделателями срамных дел плотских, в противность естеству служим похоти и гневу, плоть оскверняя срамными токами, а душу омрачая горечию гнева, и за то отчуждаемы бывая от Сына Божия. Почему надлежит нам осквернение нечистыми токами из тела очищать потоками слез, а омрачение души горечию гневною прогонять

светом сокрушения и сладостной по Богу любви, и таким образом опять соединяться с Тем, от Кого прежде были ими отчуждены.

69) Иногда горесть и болезнование причиняются сердечному чувству излиянием слез, а иногда радость и веселие. Когда очищаемся мы покаянием от яда и скверны греха, довольные к тому имея из него слезы, тогда, как млатами тяжелыми, бывая поражаемы воспоминаниями о содеянном, глубокие из сердца испускаем стенания от полноты чувства горести и болезнования о том. Когда же, довольно быв очищены слезами, почувствуем свободу от страстей, тогда, обвеселяемы бывая божественным духом, как тихое и чистое стяжавшие сердце, неизреченно сладостного преисполняемся утешения от радостотворных слез умиления.

70) Ины слезы, проливаемые от покаянного сокрушения, и ины, проливаемые от божественного умиления. Те, как река, потопляют и разрушают все твердыни греха, а эти бывают то же для души, что дождь для нив и роса для злаков, питая клас ведения и делая его многозеренным и многоприплодным.

71) Не то же слезы, что и умиление; но между слезами и умилением большое расстояние. Те приходят от раскаяния в прежнем образе жизни и прежних падениях души для очищения сердца как бы огнем и кипящею водою; а это свыше находит от божественной росы Духа в утешение и прохлаждение души, тепле вступившей теперь во глубину смирения и причастившейся неприступного света созерцания, и так к Богу Давидски в радости вопиющей: *проидохом сквозе огнь и воду и извел ны еси в покой* (Пс. 65, 12).

72) Говорят, слышал я, будто невозможно навыкнуть добродетели без ухода в даль и убежания в пустыню, и удивлялся, как вздумалось им неопределимое определять местом. Ибо если навык в добродетели есть восстановление сил души в первобытное благородство и сочетание воедино главнейших добродетелей для свойственного ей по естеству действования; а это не совне привходит в нас, как нечто вводное, а прирождено нам от сотворения, и чрез это входим мы в Царствие Небесное, которое внутрь нас есть, – по слову Господа: то пустынь излишня, когда мы и без нее входим в Царствие чрез покаяние и всякое хранение заповедей, – что возможно на всяком месте владычества Божия, как поет божественный Давид: *благослови, душе моя, Господа, на всяком месте владычества Его* (Пс. 102, 22).

73) Кто в массе царского ополчения под воеводами и командирами в ряду с другими воинами, готовыми помочь ему и защитить его, выступив на брань, не мог показать воинской доблести и храбрости против супостатов и хоть одного из них поразить: тот как один станет воинствовать и бороться с толпою многих тем вражеских, или как может показать при этом воеводское какое дело, неискусен будучи в воевании? Если же в человеческих делах это невозможно, не тем ли более в Боже-

ских? Кто, убежав в пустыню, может узнавать набеги бесов и подступы страстей, явные и неявные, или на них делать нападение, наперед добре не обучившись отсечению своей воли среди общества братий, под руководством опытного вождя в деле такой брани невидимой и мысленной? Если же это невозможно, то тем паче невозможно, чтоб такой за других успешно воевал и других научал одерживать победы над врагами.

74) Отсеки укоризненное нерадение и достойное поношения небрежение о Заповедях Божиих; отбрось самоугодие и вооружись нещадно против плоти; презри славу и честь; возненавидь сластные похотения тела; бегай сытости, от коей возгорается огнь в подчревии; облобызай скудость и всякие лишения; противостой страстям; обрати чувства свои вовнутрь души; направь внутреннее твое к деланию лучшего; не осуечайся человеческими делами; всю силу твою иждивай на делание заповедей; плачь, спи на земле, люби лишение и уединение; познай, наконец, не то, что окрест тебя, а что такое ты сам; будь выше ничтожности видимых вещей; устремляй мысленное око свое к созерцанию Бога, узревай красоты небесные, и сошед оттуда возвещай братиям о благах Вечной жизни и о таинствах Царства Небесного. Вот это и есть делом убежание от людей чрез крайнее подвижничество и цель пребывания в пустыни.

75) Если желаешь увидеть блага, которые уготовал Бог любящим Его, вселись в пустыню отречения от своей воли и бегай мира. Какого же это мира? – Похоти очес и плоти, гордости помыслов и прелести видимых вещей. Если убежишь от такого мира, то *рано возсияет* тебе *свет* чрез узрение Божественной жизни и *исцеления души твоей,* т. е. слезы, *скоро возсияют* (Ис. 58, 8), и ты изменишься изменением *десницы Вышняго* (Пс. 76, 11), и *рана* страстей после сего *не приближится телеси твоему* (Пс. 90, 10). Таким образом ты, среди мира и людей пребывая, будешь как живущий в пустыне и людей не видящий. Если же таким образом не убежишь ты от сего мира, то убежание из мира видимого нисколько не послужит тебе к преуспеянию в добродетелях и соединению с Богом.

76) Быть монахом не то есть, чтоб быть вне людей и мира, но то, чтоб, отрекшись от себя, быть вне пожеланий плоти и уйти в пустыню страстей (т. е. в бесстрастие). Если великому оному (авве Арсению) и сказано: бегай людей, и спасешься, то сказано в этом именно смысле. Ибо видим, что он и после того, как убежал из мира, водворялся среди людей, проходил по населенным местам и живал с учениками. Но при этом старательно соблюдая внутреннее бегство при чувственном общении, никакому вреду не подвергался он от сопребывания с людьми. *Это же* и другой некто из великих воззвал, выходя из собрания: бегайте, братия, и указал на уста, когда спросили его, от чего бегать.

77) Жизнь сбором в одном месте безопаснее уединения. О необходимости такого совместного жительства свидетельствует Священное Слово Господа Иисуса, Который говорит: *идеже еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Мф. 18, 20). Об опасности же жизни уединенной говорит Соломон: *горе единому,* потому что *егда падет, не будет втораго воздвигнути его* (Еккл. 4, 10). И Давид ублажает воспевающих Бога в любви и единомыслии, говоря: *блажени людие, ведущии воскликновение* (Пс. 88, 16). Похваляет он и совместное сожительство, когда говорит: *се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе?* (Пс. 132, 1). – И об учениках Господа говорится в Деяниях, что *у них была одна душа и одно сердце* (Деян. 4, 32). Наконец и сошествие к нам Бога было не в пустыне, а в населенных местах, среди людей грешных. Итак, необходимо общее единомысленное житие, уединение же поскользновенно и опасно.

78) *Нужда есть прити соблазном,* говорит Господь, *но горе человеку тому, имже соблазн приходит* (Мф. 18, 7). Сие горе навлекает на себя тот, кто, потеряв благоговеинство и небрежно без страха Божия ведя себя посреди собора братий, многим из простейших подает соблазны. Он то действиями своими, образом держания тела и нехорошими привычками, то словами и беседою растленною растлевает души и нравы добрые и благие.

79) Исполняющий заповеди не бывает камнем соблазна для людей, потому что *в нем нет соблазна* (1 Ин. 2, 10). *Мир мног любящим закон Твой,* и *несть им соблазна* (Пс. 118, 165), но свет и соль, и жизнь по слову Господа: *вы есте свет мира; вы есте соль земли* (Мф. 5, 14, 13). Свет есть таковой, как добродетельный по жизни, просветительный в слове, мудрый в совете; соль, как богатый божественным ведением и сильный в премудрости Божией; жизнь, как словесами беседы своей оживляющий умерщвленных страстями и выводящий их из ада отчаяния: и при сем светом дел своих праведных сияя пред лицом людей и освещая их, приятностию и горькостию словес своих восстягивая их от разленения и избавляя от растления страстей; а жизненностию речей своих подавая оживление душам, умерщвленным грехом.

80) Страсть тщеславия есть трехостный волчец, тщеславием, самомнением и гордостию от бесов разжигаемый и выковываемый: но теми, кои водворяются в крове Бога Небесного, он легко схватываем бывает на месте преступления (в самом начале зарождения); и остны его сокрушаются, а они на крыльях смирения воспаряют горе и упокоеваются под сению древа жизни.

81) Когда нечистый сей и многокозненный бес приступит к тебе и, если ты делаешь успехи в добродетели, начнет пророчить тебе высоту престолов, приводя на память в помыслах деятельность твою и превознося ее, как превышающую других, и представляя тебе, что ты довольно

силен даже и для того, чтоб руководить других; тогда схватив его мысленно, не пускай убежать от тебя, если свыше получил ты силу поступать так, и, взяв его, пойди с ним мыслию в воображении к какому-нибудь прежде сделанному тобою худому делу и, обнажив его пред ним, скажи ему: делающие такия дела достойны ли взойти на сию высоту предстоятельства, и кажутся ли они тебе довольно гожими к тому, чтоб руководить души и приводить их спасенными ко Христу? Ты, может быть, скажешь это, а я молчу. – И он, не имея, что ответить тебе, исчезнет как дым от стыда и не станет уже более сильно докучать тебе. Если же у тебя нет ничего худого, сделанного или сказанного тобою, – потому что жизнь твоя премирна, то поставь себя пред заповедями и страданиями Господа, и тотчас увидишь, что ты настолько мал пред полною мерою совершенства, насколько купель воды меньше моря. Ибо правда человеческая столько отстоит от правды Божией, сколько величина земли от неба и комар от льва.

82) Глубоко уязвившийся любовию к Богу не имеет достаточных к удовлетворению сего расположения сил тела: ибо в трудах и потах подвижничества нет насыщения сему его расположению. Находясь в состоянии, подобном тому, в каком находится томимый крайнею жаждою, ничем не может он до насыщения удовлетворить внутренней жгущей его жажды; день и ночь готов он быть в трудах, но силы тела оставляют его. Полагаю, что, таким же сверхестественным жаром любви пленены быв, и мученики Христовы не чувствовали мук и насыщения не имели, предаваясь им; но сами себя побеждали распаленным к Богу рвением, и всегда находили, что страдания их далеко отстают от меры их пламенного желания страдать за Господа.

83) Мерящий себя в каком-либо отношении с кем-либо из подвижников или живущих с ним братий, сам себя прельщает в неведении и не Божиим идет путем. Таковой или сам себя не знает, или уклонился от пути, ведущего на небо, по которому ревнители текут в самоуничиженном мудровании, коим, перелетев чрез сети врага, воспаряют в мысленный воздух на крыльях бесстрастия и в светлых веснуют местах, украшены будучи смиренномудрием.

84) Напыщенный и в самомнении умом прельщающийся никогда во свете смирения не улучит благодати умиления, ради коего даруется свет премудрости Божией тем, кои сокрушены сердцем, как написано: *во свете Твоем узрим свет* (Пс. 35, 10). Его покрывает ночь страстей, в коей расхаживают все дубравные звери человеческого естества, скимны самомнения, – бесы, говорю, тщеславия и блуда рыкая ищут, кого поглотить и воврещи в чрево отчаяния.

85) Для живущего по-человечески и увлекаемого духом самомнения жизнь настоящая бывает морем зол, погружая умную часть его души в море сластных утех и удовольствий, и троечастность его неистово пора-

жая свирепыми волнами страстей под действием духов злобы. Ему угрожает страшная опасность крайнего отчаяния, пока ладья его и кормило душевное сокрушаются сластьми плотскими и кормчий – ум – остается во глубине греха и в смерти духовной; если море зол не укроет наконец волны свои в глубине смирения, море сластей не превратит своих течений в обильные дожди слез и не преложится в сладость светоносного умиления.

86) Кто сластям и делам телесным в сытость поработал, в сытость пусть попользуется и трудами подвижническими в потах злострадания; чтобы сытость отбить сытостию, сласть горечью, покой трудами телесными и обрести сытость веселия и радования в упокоение. Сим образом ты и насладишься благоуханием целомудрия и чистоты, и вкусишь неизреченной сладости бессмертных плодов духовных. Подробно сему обыкновенно кладем мы в одежды очистительные зелья для очищения их от смрада, когда они пропитаны им до невозможности употреблять их.

87) Болезни полезны для тех, кои только вводятся в добродетельную жизнь, тем, что содействуют им к истощанию и усмирению горячей плоти. Они силу плоти делают слабейшею, грубое перстное мудрование души истончавают, ее же собственную силу соделовают сильнейшею и мощнейшею, по божественному Павлу, который говорит: *егда немощствую, тогда силен есмь* (2 Кор. 12, 10).

88) От беспорядочной и неровной диеты у многих часто рождаются болезни, когда кто-то при усилении ревнования о трудах добродетельных безмерно и без рассуждения налегает на крайнее неядение, то при ослаблении его поблажает телу, естественно врагу нашему, многоядением и пресыщением. Необходимо мерное воздержание и для тех, кои вступают на путь добродетели, и для тех, кои прошли за средину подвигов и простираются к области высшего созерцания. Оно – мать здравия, друг целомудрия и сотоварищ смиренномудрия.

89) Знай, что бесстрастие двояко, и двояким образом бывает в ревностных особенно. И во-первых, по достижении конца деятельной философии (жизни) первое бывает у ревностных бесстрастие, когда, по преуспеянии в многообразных трудах подвижничества, умирают в них страсти, стремления плоти останавливаются в бездействии, и силы души начинают действовать по естеству своему, а ум возводится в первое состояние – поучаться в божественных вещах разумно. Потом, с начатками естественного созерцания, второе, совершеннейшее явно прибывает к ним бесстрастие, в котором ум их, по убезмолвлении помыслов, возводится в мирное устроение и делается зрительнейшим и прозрительнейшим: зрительнейшим в вещах божественных, – в узрениях лучшего и в раскрытиях таин Божиих; прозрительнейшим в вещах человеческих, – кои издали еще идут и имеют случиться. В обоих сих видах бесстрастия

действует один и тот же дух, который в первом властно держит и вяжет, а во втором разрешает в свободу Вечной жизни, как говорит св. Павел (Рим. 6, 22).

90) Приблизившийся к пределам бесстрастия правые о Боге и естествах вещей творит умозрения, и от красоты тварей, соразмерно с своею чистотою, востекая к Творцу, приемлет светолития Духа. Благие о всех имея мнения, о всех всегда думает он хорошо, всех видит святыми и непорочными и правое о вещах божеских и человеческих произносит суждение. Ничего не любит он из вещей мира сего, о коих так рачительны люди; но совлекшись умом от всякого мирского чувства, к небесам и к Богу востекает он, чистый от всякой тины земной и свободный от всякого рабства; весь предается мысленным благам Божиим в едином духе, и зря Божескую красоту, любит благолепно пребывать мысленно в божественных местах блаженной славы Божией, в неизреченном молчании и радовании. И изменившись всеми чувствами, как Ангел в вещественном теле, невещественно сообращается с людьми.

91) Разум находит и аскетических пять чувств: бдение, богомыслие, молитву, воздержание и уединение. Кто сочетает с сими чувствами свои чувства, именно – зрение с бдением, слух с богомыслием, обоняние с молитвою, вкус с воздержанием, осязание с уединением, тот скорее очистит ум свой и, утончив его ими, соделает его бесстрастным и зрительным.

92) Ум, обуздавший свои страсти и ставший выше печали и радости, бесстрастен. Он и в печальных случайностях не подавляется скорбию, ни в благоприятных не разливается в радостях, но в прискорбностях радующеюся держит душу, а в благоприятностях воздержною в радости и не выходящею из меры в ней.

93) Велика ярость бесов на тех, кои преуспевают в созерцании. Они день и ночь приседят им с наветами, и то чрез тех, кои живут вместе с ними, возбуждают на них лютые искушения, то сами поднимают шум и топот для устрашения их, – иногда нападают на них спящих, завидуя их покойному отдыху, и всячески беспокоят их, хотя не могут причинить вреда тем, кои Богу себя посвятили. И если б не было при них Ангела Господа Вседержителя, охраняющего их, не избежать бы им их наветов и сетей смертных.

94) Состоя в подвиге по деятельному любомудрию добродетели, внимательнее наблюдай за наветами губительных бесов. Ибо сколько положишь ты восхождений преуспеяния в высших добродетелях, сколько увеличится Божественный свет в молитвах твоих и ты благодатию Духа Святого внидешь в откровения и видения неизреченные: столько они, видя тебя восходящим к небесам, скрежещут зубами и старательно простирают многоплетенные сети свои по мысленному воздуху. Не только плотолюбивые и зверские бесы похоти и гнева дхнут на тебя, но

и духи богохульные в горькой зависти восстанут на тебя. Сверх того эти воздушные начала и власти явленно (наружно) и неявленно в одном воображении начнут принимать разные странные и страшные образы, чтоб смутить тебя или вред какой причинить тебе. Но упражняясь с бодренным оком ума в делании умной молитвы, тебе нечего бояться такой стрелы, *летящия во дни,* потому что они даже *к обиталищу твоему* не смогут *приближиться* (Пс. 90, 5, 10), будучи, как тьма, гонимы сущим в тебе светом и божественным огнем опаляемы.

95) Духи злобы крайне боятся благодати Божественного Духа, особенно когда она присветит богатно, или когда мы сияем чистотою под действием божественного поучения и чистой молитвы. Не смея по сей причине приблизиться к обиталищу осияваемых таким образом, они одними мечтаниями и призраками, страшными топотами и безобразными криками покушаются устрашить и смутить их, чтоб отвлечь от бдения и молитвы. Даже и когда они лягут немного поспать на земле, не щадят их; но, завидуя этому их коротенькому отдыху от трудов, нападают на них и некиими сотрясениями вземлют сон от веждей их, замышляя сим образом сделать жизнь их более тяжкою и исполненною прискорбностей.

96) Духи тьмы кажутся облеченными в тонкие тела, как подает повод думать опыт, призрачно ли они это представляют, обманывая чувства, или осуждены на это за древнее падение. Как бы то ни было, но они устремляются схватиться с подвижническою душою, когда раб ее тело склоняется ко сну; что, как мне кажется, служит и к испытанию души, стоящей теперь уже выше немощей смиренного тела, – каковы ее энергия и мужество против них, грозящих ей страшным чем-либо с яростию и неистовством великим. Душа, уязвленная любовию к Богу и главнейшими добродетелями преисполненная, не только сопротивляется им в праведном гневе, но и бьет их нещадно, если есть какое чувство в них, как видится, оземленившихся вследствие отпадения от первого Божественного света.

97) Прежде схватки и победы бесы часто возмущают душевное чувство и отъемлют сон от вождей ее. Но душа, от Духа Святого исполненная дерзновения и мужества, ни во что ставя такой их обход и горькое неистовство, одним животворящим изображением (креста) и призыванием Иисуса и Бога разрушает их призраки и самих их обращает в бегство.

98) Если по деятельному любомудрию вышел ты расхитить добычи враждебных духов, смотри и внимай, отвсюду вооружив себя оружиями духовными. Ибо знаешь, чьи сосуды похитить вознамерился ты? – супостатов, конечно, но мысленных и бесплотных, тогда как ты, в теле еще сущи, воинствуешь Царю духов и Богу. Знай, что теперь они сильнее, чем прежде, станут нападать на тебя и множайшие на тебя начнут строить козни; пока или отвоевывая скрытно свою добычу и тебя вместе с

нею заберут в плен, и многой горести исполнят душу твою, или ввергнут тебя в злые и болезненные искушения чрез уязвление и озлобление плоти твоей.

99) Не может добрый источник испускать ручьи нечистые и вонючие, отдающиеся запахом мирским, – ни сердце, вне Царствия Небесного сущее, когда-либо источат струи божественной жизни, издающие благоухание мысленного мира. *Еда ли,* говорит св. Иаков, *источник от единаго устия источает сладкое и горькое* (Иак. 3, 11)? Может ли терновник производить маслины, и маслина желуди? Так ни единый источник сердца не может в одно и то же время порождать злое и благое помышление. Но, по слову Господа, *благий человек от благаго сокровища сердца своего износит благое: и злый человек из злаго сокровища сердца своего износит злое* (Лк. 6, 45).

100) Как невозможно без елея и огня гореть светильнику и светить сущим в храмине: так и душе без Божественного Духа и огня явственно возвещать о божественных вещах и просвещать тем людей: ибо *всяк дар совершен свыше есть, от Отца светов* подаваемый любящей душе, *у Него же несть пременение, или преложения осенение* (Иак. 1, 17).

Вторая сотница естественных психологических глав об очищении ума

1) Начало любви к Богу – презрение вещей видимых и человеческих; средина – очищение сердца и ума, от коего мысленное умных очей открытие и познание сокровенного в нас Небесного Царствия, а конец – неудержимое вожделение преестественных даров Божиих и естественное желание общения с Богом и упокоения в Нем.

2) Где любовь Божия, делание мысленных дел и причастие неприступного света, там мир душевных сил, очищение ума и вселение Святой Троицы. Так говорит Господь: *любяй Мя, Слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23).

3) Три состояния жизни признал разум: плотское, душевное и духовное. Каждое из них имеет свой собственный строй жизни, отличный сам по себе и другим неподобный.

4) *Плотское* устроение жизни то, когда всецело предаются удовольствиям и наслаждениям настоящей жизни, ничего не имея из душевного или духовного устроения и даже не желая стяжать то. *Душевное* стоит в средине между грехом и добродетелию, когда пекутся о довольстве и здоровьи тела, и заботятся о славе человеческой, равно и труды по добродетели не отметают, и избегают дел плотских, не прилежат ни к добродетели, ни к греху: к добродетели, по причине несладости ее для них и притрудности, а греху, из-за страха лишиться человеческих

похвал. *Духовное* же устроение – то, когда не изволяют иметь ничего из первых двух и не допускают худа, отличающего каждое из них, но, будучи свободны от того и другого, на посребренных крылах любви и бесстрастия перелетают чрез обеи их, не позволяя себе делать ничего из запрещенного.

5) *Живущие плотски* и плотское мудрование всегда в себе пребывающим имеющие, будучи совершенно плотяны, Богу угодить не могут, как *омраченные смыслом* и никаких лучей божественного света к себе не пропускающие. Ибо приналегшие на них облака страстей, наподобие высоких стен, отгораживают их от духовных светочей, и они остаются без света. Будучи расстроены и повреждены во внутренних чувствах душевных, не могут они воззреть на мысленные красоты Бога, видеть свет воистину истинной жизни и стать выше ничтожных видимых вещей. Но как бы оскотинившись и мирским переполнившись чувством, привязывают ум к видимому, и все попечение и труд обращают на преходящие блага, друг с другом из-за них воюют, а бывает, что и души свои за них полагают, прилепившись к богатству, славе и плотским удовольствиям и великим лишением почитая неимение их. К ним праведно как от лица Божия пророческое оное слово: *не имать Дух Мой пребывати в человецех сих, зане суть плоть* (Быт. 6, 3).

6) *Душевно живущие* и потому называемые душевными суть какие-то полу-умные и как бы параличом разбитые. Никакого никогда не имеют они усердия потрудиться в делах добродетели и исполнения Заповедей Божиих, и только славы ради человеческой избегают явных укоризненных дел. Одержимы будучи самолюбием, сею питательницею пагубных страстей, все попечение обращают они на сохранение здоровья и услаждение плоти, от всякой же скорби, от всякого труда и всякого злострадания из-за добродетели отказываются, паче надлежащего питая и грея враждебное нам тело. Держась такого образа жизни и поведения, оземленяют они ум, отучневший от страстей, и делаются неспособными к приятию мысленных и божественных вещей, коими душа отторгается от земли и вся устремляется к мысленным небесам. Это страждут они, потому что обладаемы еще суть вещественным духом, по коему любят свои души и исполнение своих желаний всему предпочитают. – Будучи чужды Духа Святого, они непричастны и даров его; почему и плодов божественных не увидишь в них, – не только любви к Богу и ближнему, радости в нищете и скорбях, мира душевного, искренней веры и всестороннего воздержания, но и сокрушения, слез, смирения и сострадания: все в них полно надмения и гордости. В глубины Духа входить не имеют они сил: ибо нет в них света, который руководил бы их к тому и отверзал их ум к уразумению писаний, а других, когда они вещают о том, слушать неохочи они. Праведно потому и о них изрек св. Апостол: *ду-*

шевен человек не приемлет яже Духа Божия, юродство бо ему есть: и не может разумети; зане духовне востязуется (1 Кор. 2, 14).

7) *Духом ходящие* и духовную всецело восприявшие жизнь благоугодны Богу, как Ему, яко назореи, себя посвятившие и всегда об одном заботящиеся, чтоб очищать души свои трудами подвижническими и соблюдать заповеди Господни. Готовые и кровь свою пролить за любовь к Господу, они плоть свою истощают постами и бдениями, дебелость сердца утончают слезами, уды яже на земли умерщвляют злострадания-ми (произвольными лишениями), молитвою и богомыслием ум исполняют света и светлым его соделовают, отвержением своих пожеланий освобождают души свои от пристрастия к телу и становятся совершенно духовными; почему духовными не только признаются, но и именуются от всех праведно. Они, идя к бесстрастию и любви, окрыляются к созерцанию творения и оттуда приемлют ведение сущего чрез сокровенную в Боге премудрость, одним тем даемую, которые стали выше тела уничиженного. Прешедши таким образом всякое чувство мирское и мыслию просвещенною став выше чувства, они светлы бывают разумом и посреде церкви и многочисленного собрания верных отрыгают благие словеса из чистого сердца, и бывают для людей соль и свет, как и Господь изрек об них: *вы есте свет мира; вы есте соль земли* (Мф. 5, 13. 14).

8) *Упразднитеся и разумейте, яко Аз есмь Бог* (Пс. 45, 11). Это глас божественного слова и хотящими деятельно познается. Почему отказавшемуся однажды от многомятежия жизни и пагубной суетности ее полезно, со многим вниманием и безмолвием, тщательно исследовать внутреннее свое, пока познает, что находит в себе Бога, так как Царствие Божие внутрь нас есть. Ибо и таким образом действуя, едва кто сможет в продолжение многих лет изгладить из души худые образы (воображения) и древнюю вполне восстановит красоту для Того, Кто даровал ее.

9) Поелику прежде заложенный в нас яд зла многообилен; то многого и огня требует для очищения своего, т. е. слез покаяния и произвольных подвижнических трудов, ибо мы очищаемся от скверн греха или произвольными трудами, или невольными скорбями. Когда то, что от воли, предупредит сделать требуемое, тогда не встречается нужды в том, что не от воли. Когда же первое не производит должного очищения внутреннего стклянницы или блюда (Мф. 23, 25), тогда второе посылается в сильнейшей степени к восстановлению в нас древнего устроения. Так бывает по домостроительству Творца нашего и Бога.

10) Посмеваются над благочестием и посмеваемы бывают делами те, которые совершили свое отречение не как следует и с самого начала не восхотели пользоваться учителем и руководителем, своему последовав разуму и *пред собою показавшись себе разумными* (Ис. 5, 21).

11) Как в телесных болезнях никто не может точно узнавать причины их и врачевства против них без большой опытности во врачебном

искусстве, так и в душевных – без долгого подвижничества. Ибо как удобопогрешительным кажется и на деле очень немногим доступно бывает телесных болезней распознание, в коем упражняется искусство врачей, так тем более удобопогрешительно и более трудно, чем оно, распознание болезней душевных. Ибо чем душа превосходнее тела, тем труднее узнаваться болезни, чем тела сего, всеми чувственно видимого.

12) Главные и начальственные над другими добродетели вместе с сотворением вселены в естество человеческое, из которых, как из четырех источников, реки всех других добродетелей наполняются водою и напаяют град Божий, который есть сердце, очищаемое и утешаемое слезами. Соблюдший их нерушимыми или, по падении, многими трудами покаяния восставивший, устроил в себе царский дом и палату, в коей обитель Себе творит Царь всяческих, и тем, кои себя так благоустроили, богатые дары Свои распределяет и дает.

14) Не хочет Бог, чтобы делание ревностных подвижников оставалось не искушенным, но чтоб подвергалось большим испытаниям. Почему напускает на них огнь искушений и на время сокрывает даемую им свыше благодать, а духам злобы иной раз попускает взволновывать тишину помыслов их, чтоб видеть склонение души, кому она больше угодить хочет, – Творцу ли и благодетелю своему или мирскому чувству и сласти удовольствия чувственного. – И потом или усугубляет им благодать, если они преуспевают в любви Его, или бичует искушениями и скорбями, если пристрастны к земным вещам, пока восприимут ненависть к видимым благам по причине изменчивого их непостоянства, и горесть удовольствия от них потопят в слезах.

15) Как только мир помыслов бывает возмущен духами злобы, тотчас и разжженные стрелы похоти начинают быть часто пускаемы другими ловцами, бесами плотолюбивыми, на быстро востекающий на высоту ум. Когда же движение ума горе пресечено, тогда впадает он в движения нелепые и смешанные; и таким образом плоть начинает бесчинно восставать на дух, щекотаниями и разжжениями совлекая ум долу и желая погребсти его в рове сласти. И если бы *Господь* Саваоф *не сокращал дней* таковых, и рабам своим не подавал силы терпения, то *не бы спаслася всяка плоть* (Мф. 24, 22).

16) Многоискусный и многокозненный бес блуда для одних бывает *причиною падения* в ров тинный, для других служит *бичом и жезлом* праведным, для третьих – *испытанием и камнем Лидийским.* Из сих первое усматривается в новоначальных еще, когда они лениво и нерадиво тянут иго подвизания; второе – достигших средины преуспеяния в добродетели, когда они коснее простираются к ней; третье – в протянувших уже крыло ума к созерцанию, когда они только что сделали сильный порыв к совершеннейшему бесстрастию. Каждому домостроительно обращается сие свыше на пользу.

17) *Причиною падения* в ров тинный бывает бес блуда для тех, кои в совершенном нерадении проводят монашескую жизнь. Он разжигает члены их огнем блуда и похотию и способы им доставляет творить волю плоти и без общения с другою плотию: о чем срамно и говорить и помышлять. Таковые плоть сквернят, как сказано (Иуд. 8), и плоды сланой сласти снедают, – в зраках мраком исполняются и праведно лишаются лучшего (настроения душевного). Врачевство для тех из них, кои пожелают, теплое раскаяние и рождающееся от сего слезное сокрушение, которое и бегать зла сего располагает, и душу очищает от скверн его, и наследницею ее делает милости Божией. О нем-то гадая, и премудрый Соломон праведно сказал: *исцеление утолит грехи велики* (Еккл. 10, 4).

18) *Бичем и жезлом* праведно бывает сей бес для тех, кои в первом бесстрастии совершенствуются чрез деятельное любомудрие и делают успехи в простирании в предняя к большему совершенству. Ибо когда они по разленению ослабят силу держимого ими подвижничества и немного уклонятся к неохраняемому смотрению мирского чувства и войдут в вожделение человеческих вещей; тогда по великой к ним благости Божией попущается на них сей бес, яко бич, и начинает бить их, когда они помышляют таковое, помыслами похоти плотской, чтоб, не терпя сего, они поспешили востещи в свою башню усиленного делания и тщательного внимания и еще усерднее взялись за спасительные дела свои, восприяв более трудный образ жизни. Ибо Бог, благолюбив сущи, не хощет, чтоб душа, до сего достигшая, совсем возвратилась к мирскому чувству, но все простиралась в *предняя* и усердно бралась за совершеннейшие дела, чтоб бич злобы и не приближался к ее обиталищу.

19) *Испытанием и камнем Лидийским,* по домостроительству, бывает дух сей для тех, коих первое бесстрастие довело до второго; чтоб, будучи им докучаемы, помнили о своей естественной немощи и при умножении откровений, бывающих от созерцания, не превозносились, по слову Апостола (1 Кор. 12, 7), но видя, кто этот противовоюющий закону ума их, отрясали и самое тонкое воспоминание греховное, боясь, как бы не приять сочувствия к этой, порождаемой такими воспоминаниями, срамной нечистоте, и с высоты созерцания не низвести долу ока ума своего.

20) Одни те возмогли сохранить ум свой нестужаемым даже тонкими воспоминаниями греховными, которые сподобились свыше чрез Духа получить животворную мертвость Господа и в членах и в помышлениях своих; и плоть мертвую греху носят они, дух же жизнию обогатили чрез *правду, яже о Христе Иисусе.* Которым дан ум Христов в слове премудрости, в тех оказалась и нестужаемая животворная мертвость в ведении Божием.

21) В очищаемые еще души обычно некако привходить духу похоти и гнева. Чего ради? Для того, чтоб стрясти плоды Духа Святого, вися-

щие на них. Поелику же и радость свободы в некоей мере разливается в душах сих, то все на пользу домостроительствующая премудрость, – желая всегда своими дарами к себе привлекать их мысль и их держать в непоколебимом смиренномудрии, чтоб они не превознеслись над другими многою свободою и богатством даров и не возомнили, что своею силою и своим разумом стяжали великую сию палату мира, – попускает сим духам нападать на них, между тем как сама скрывает свое действо, дабы, поражаемые страхом падения, твердо стояли они в хранении блаженного смиренномудрия, и убедившись, что все еще связаны плотию и кровию, взыскали безопасной для себя крепости, в которой могли бы сохранены быть силою Духа.

22) Наслание искушений бывает соответственно обдержащей нас болести страстей и залегшей внутри нас прели греховной, и судя по ним горькая чаша судеб Божиих растворяется для нас или лютее, или милосерднее. Когда залегшая внутрь нас материя греховная, от помыслов сластолюбивых или животолюбивых происшедши, удобо-излечима и легко поддается врачевствам, тогда Врачом душ наших подается чаша искушений, растворенная милосердием, потому что в таком случае мы истязуемся за человеческие немощи, как страждующие нечто человеческое. Когда же она, как от помыслов надмения и крайней гордости происшедшая, неудобоизлечима, глубоко залегла внутри и производит смертоносное расстройство, тогда чаша сия подается нерастворенною, в лютости гнева: дабы болезнь, будучи ослаблена и истончена огнем непрерывно одних за другими следующих искушений, отошла наконец от душ наших под действием порожденного ими смирения, после того как мы горькие помыслы гордыни потопим в слезах и Врачу душ наших чистыми покажемся во свете смирения.

23) Невозможно подвизающимся избегнуть следующих одних за другими искушений, если они не сознают немощи своей и не почтут себя чуждыми всякой правды и недостойными никакого утешения, никакой чести, никакого упокоения. У Бога, Врача душ наших, цель та, чтоб мы всегда были смиренны, сокрушенны, устранялись от всякого человека и подражали Его страданиям. Будучи Сам кроток и смирен сердцем, хощет Он, чтоб и мы в кротости и смирении сердца текли путем заповедей Его.

24) Смирение состоит не в наклонении выи, или в распущении волос, или в одеянии неопрятном, грубом и бедном, в чем многие поставляют всю суть добродетели сей, но в сокрушении сердца и смирении духа, как сказал Давид: *дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19).

25) Ино смиреннословие, ино смирение и ино смиренномудрие. Смиреннословие и смирение проявляются подвизающимися во всяком злострадании (в произвольных лишениях) и во внешних трудах добро-

детели, – так как они все обращаемы бывают на делания и занятия телесные, почему при них душа, не всегда бывая в твердом благонастроении, при встрече искушения смущается. А смиренномудрие, дело некое сущи божественное и великое, бывает в одних тех, кои наитием Утешителя переступили уже средину, т. е. далеко прошли вперед кратчайшим путем добродетели посредством всякого смирения.

26) Смиренномудрие, проникши во глубину души и тяжелым камнем налегши на нее, так сильно гнетет ее и стискивает, что вся крепость ее истощается в неудержимом излиянии слез, от коих ум очищается от всякой скверны помыслов, бывает в видении Божием и под действием его понуждается воззвать, подобно Исаии: *о окаянный аз, яко умилихся, яко человек сый, и нечисты устне имый, посреде людей нечистыя устне имущих аз живу: и Царя Господа Саваофа видех очима моима* (Ис. 6, 5).

27) Когда придет к тебе глубокое смиреннословие, тогда высокоречие отойдет от тебя. Когда смирение вкоренится в глубине сердца твоего, тогда и смиреннословие всякое отпадет от тебя. Когда же свыше обогатишься смиренномудрием, тогда и внешнее смирение и смиреннословие языка упразднятся в тебе, по слову апостола Павла: *егда же приидет совершенное, тогда, еже от части, упразднится* (1 Кор. 13, 10).

28) На сколько отстоит восток от запада, на столько отстоит истинное смиреннословие от истинного смирения. На сколько же небо больше земли и душа тела, настолько Духом Святым подаемое совершенным смиренномудрие и совершеннее и больше истинного смирения.

29) Ни того, кто при смиренном виде и одеянии говорит смиренно, не тотчас предполагай смиренным в сердце, ни того, кто говорит высоко и высокопарно, не вдруг почитай исполненным надмения и гордости, не испытавши их наперед; но от дел их познай их.

30) Плод Духа Святого есть *любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22). Плод же противоположного духа есть ненависть, малодушие мирское, нестроение душевное, тревожность сердечная, лукавство, любопытное мудрование, беспечность, гнев, неверие, зависть, многоядение, пьянство, бранчивость, осуждение, похоть очес, надмение и гордость. От таковых плодов познавай древо, и сим способом верно будешь ты узнавать, какого духа тот, кто говорит с тобою. Имеешь признаки их и словом Господа еще яснее указанными. *Благий человек,* говорит Он, *от благаго сокровища сердца своего износит благая: лукавый же от лукаваго сокровища сердца своего износит лукавая* (Мф. 12, 35). Ибо по древу и плод его.

31) В ком есть и усматриваются плоды Духа Святого; в тех и Бог обитает. От них и немутный источник Слова с мудростию и разумом, смиреннословящими ли ты слышишь их, или высокое вещающими. В

ком же не усматриваются плоды и дары Святого Духа, а видятся плоды противного духа, в тех – мрак неведения Бога, толпа страстей и жилище вражеских духов; смиренноглаголивыми ли и смиренно мудрствующими видятся они тебе, или говорящими о высоких вещах, в одежде заморской и с представительною наружностию.

32) Не лицами, не внешним видом и не словами характеризуется истина, и не в них почивает Бог, но в сердцах сокрушенных, в духах смиренных и в душах просвещенных Боговедением. Бывает, что иной, как видим, наружно на словах ставит себя ниже других и пред всяким смиренные о себе употребляет речения для уловления похвалы человеческой, внутри будучи полон самомнения, лукавства, зависти и злопамятства против ближнего. Бывает напротив, что иной, как видим, наружно высокомудрыми словами ратует за правду и восстает против лжи или преступления Божественных законов, на одну только при сем взирая истину и внутри полон будучи скромности, смирения и любви к ближнему, хотя иногда хвалится о Господе, подражая Павлу, который, хваляся о Господе, говорил: *похвалюся в немощех моих* (2 Кор. 12, 9).

33) Бог смотрит не на наружность того, что мы говорим или делаем, но на душевное расположение и цель, с какою или делаем что из видимых дел, или говорим о чем из вещей мысленных: как из людей превосходящие других разумением смотрят паче на силу слов и цель дел, и по ним составляют суждения о лицах непогрешимые. Обыкновеннее же бывает, что *человек зрит на лице, Бог же зрит на сердце* (1 Цар. 16, 7).

34) Богом присуждено, чтоб из рода в род не прекращалось уготовление Духом Святым пророков Его и друзей для благоустроения Церкви Его. Ибо, если змий древний не перестает изрыгать яд греха в уши людей на пагубу душ; то *создавший наедине сердца наши* (Пс. 3, 15) *не воздвигнет ли от земли* смирения *нища, и от гноища* страстей *не возвысит ли убога* (Пс. 112, 7), посылая в помощь наследию Своему *меч духовный, иже есть глагол Божий* (Еф. 6, 17)? Преподобно убо те, кои отвергаются себя, начиная смирением, востекают на высоту ведения, и дается им свыше силою Божиею *слово* премудрости, яко *благовествующим* спасение Церкви Его (Пс. 67, 12).

35) Познай себя самого; и это есть воистину истинное смирение, научающее смиренномудрствовать и сокрушающее сердце, и сие самое делати и хранити понуждающее. Если же ты не познал еще себя, то не знаешь и того, что есть смирение, и делания и хранения его еще не коснулся: ибо познание есть конец делания заповедей.

38) Всякий, познавший себя, почил от всех дел, кои по Богу, и вошел в святилище Божие, в мысленное богослужение Духа и в божественное пристанище бесстрастия и смирения. Не познавший же себя чрез смиренномудрие еще в труде и поте шествует путем жизни сей. О сем и

Давид гадательствуя сказал: *сие труд есть предо мною, дондеже вниду во Святило Божие* (Пс. 72, 16. 17).

39) Когда кто познает себя; а это требует многого совне охранения, упразднения от дел мирских и строгого испытания совести, – тогда тотчас внезапно приходит в душу и божественное некое паче слова смирение, приносящее сердцу сокрушение и слезы теплого умиления: так что тогда испытывающий его в себе действие почитает себя землею и пеплом, червем, а не человеком, недостойным даже и животной сей жизни, за превосходство сего дара Божия, в коем пребыть сподобившийся исполняется неизреченным некиим опьянением умиления, входит в глубину смирения и, из себя изшедши, ни во что вменяет все внешнее яства, пития, одеяния тела, – как изменившийся добрым *изменением десницы Вышняго* (Пс. 76, 11).

40) Смирение есть нечто величайшее в добродетелях: ибо оно в ком вкоренится чрез искреннее покаяние и в спутницы к себе приимет молитву с воздержанием, тех тотчас делает свободными от страстей, мир силам их подает, сердце очищает слезами и исполняет его тишины в нашествии Духа. Когда же они так настроятся, тогда для них уясняется чрез то слово ведения Божия, и они входят в созерцание таин Царствия Божия и познания тварей. Но поскольку они углубляются в глубины Духа, потолику погружаются и в глубину смиренномудрия; а от сего возрастает в них познание своих мер и немощи человеческого естества и увеличивается любовь к Богу и ближним, так что они убеждены бывают, что почерпают освящение от одного приветствия и близости обращающихся с ними.

41) Ничто так не окрыляет души к вожделению Бога и возлюблению Его как смиренномудрие, умиление и чистая молитва. Смиренномудрие сокрушает дух, источает потоки слез и, представляя пред очи сознания невеликость наших человеческих мер, научает видеть свою немощность; умиление очищает ум от всего вещественного, просвещает око сердечное и делает душу всю светлоблестящею; чистая молитва всего человека сочетавает с Богом, делает его сотрапезником Ангелов, дает ему вкусить сладости вечных Божиих благ, сокровищами великих таин снабжает его и, воспламенив любовию, располагает его дерзнуть на положение души своей за другов своих, как ставшего уже выше пределов человеческого ничтожества.

42) Сохрани ты мне добрый залог обогатительного смирения, в которое складываются на сохранение сокровенные сокровища любви, в коем хранятся маргариты умиления, – и Царь, Христос Бог, покоится как на престоле, окованном златом, разделяя дары Духа Святого питомцам его и великих сподобляя их удостоений: слова ведения Его, неизреченной Его премудрости, узрения божественных вещей, предузрение вещей человеческих, животворного умертвия в бесстрастии и соединения с

Ним теснейшего для соцарствования с Ним в Царствии Отца и Бога, как Сам Он Ему молится, говоря о нас: *Отче, их же дал еси Мне, хощу, да идеже есмь Аз, и тии будут со Мною* (Ин.17, 24).

43) Когда кто, деятельно трудясь в исполнении заповедей, внезапно исполнится радостию неизглаголанною и неизреченною, так что и сам изменится дивным некиим и невыразимым изменением, и, как бы совлекшись бремени телесного, забудет о пище, сне и других потребах естества: тогда да ведает, что это есть Божие ему посещение, производящее в подвизающихся животворное умертвие и вводящее чрез то в состояние бесплотных. Такой блаженной жизни виновница есть смирение; питательница и матерь – святое умиление; другиня и сестра – созерцание Божественного света; престол – бесстрастие; конец – Пресвятая Троица-Бог.

44) Достигший до сего акрополя (кремля) не может быть держим узами чувства ни к чему из всего тварного, не обращает взора ни на какие утехи житейские, не различает неподобного от преподобного, но как Бог равно дождит и солнце воссиявает на праведных и неправедных, на злых и благих (Мф. 5, 45), так и он воссиявает и простирает лучи любви своей на всех, *не утесняясь в утробах своих* (2 Кор. 6, 12), но чреватым пребывая любовию ко всем, и если чувствует тесноту и тяготу, то только тогда, как не может благотворить, сколько хочет. Отсюда, как некогда из Едема, другой некий исходит *источник, разделяющийся на четыре начала* (Быт. 2, 10), – смиренномудрие, чистоту, бесстрастие и неразвлекаемую ничем (безмолвную) молитву, и напояет лицо всего мысленного творения Божия.

45) Не вкусившие сладости слез умиления и не ведающие, какова благодать их и каково действо, думают, что они ничем не разнятся от тех, кои проливаются по умершим, придумывая при сем многие виды предположений пустых и недоуменных умозаключений. – Но они естественно нам прирождены; и когда гордость ума склонится к смирению, а душа смежит очи свои от прелести видимых благ и устремит их к одному видению первого невещественного света, отрясет всякое к миру чувство и свыше утешения Духа сподобится: тогда слезы, как воды источника, исторгаются из нее, утверждают чувства ее и исполняют мысли ее всякого радования и света божественного; и не это только, но и сокрушают сердце, и ум в видении лучшего соделовают смиренномудрым. Всему сему невозможно быть в тех, кои плачут и рыдают по иным причинам.

46) Невозможно разверзть источник слез без глубочайшего смиренномудрия, ни опять смиренномудрым быть без умиления, производимого наитием Духа: ибо умиление от смиренномудрия, и смиренномудрие от умиления Святым порождаются Духом. Они, как звенья цепи, дер-

жась друг за друга и единою благодатию связуясь, составляют неразрывный союз духовный.

47) Свет, от Духа Святого нисходящий в душу, обыкновенно отходит по причине уныния, нерадения и безразличия оносительно слов и яств: ибо как безразличие в яствах и вообще сытая трапеза, так равно и неудерживание языка и очес нехранение изгоняют его из нее и делают нас омраченными. Когда же мы наполнимся тьмою; тогда все звери селения сердца нашего и скимны – страстные помыслы – с рыканием расходятся по душе, ища себе пищи в страстях и покушаясь похитить положенное в нас Духом сокровище (Пс. 163, 21). Но истинная другиня наша – воздержание, и ангелотворная молитва не только не попущают ничему такому произойти в душе, но и сохраняют в уме неугасимым светением Духа, сердце делают тихим и чистым, источают божественное умиление, душу расширяют любовию к Богу и всю ее, в веселии и девственности, всецело сочетавают со Христом.

48) Ничто так не свойственно разумности, как чистота и целомудрие души, коих матерь и другиня есть воздержание всестороннее, а отец – страх Божий. Страх же Божий, преложившись в вожделение Бога и сочетавшись с сердечным расположением к божественным вещам, соделовает душу свободною от страха, полною любви и божественного разумения родительницею.

49) Страх, наперед сочетавшись с душою, чрез покаяние делает ее чреватою помышлением о суде. Тогда окружают ее болезни адских мучений (Пс. 114, 3); воздыхания и скорбные томления с сжатием сердца терзают ее при помышлении о будущем воздаянии за дела злые. Потом она, многими слезами и трудами во чреве помышление зачатое (намерение содевать спасение) возрастивши, рождает на земле сердца своего дух спасения (решимость), и освободившись от мучении при мысли об аде, и избавившись от стенаний под действием представления суда, воспринимает в себя вожделение и радость будущих благ и сретается другинею – чистотою с целомудрием, кои искреннею любовию сочетавают ее с Богом. – С Богом же сочетавшись, душа ощущает неизреченную сладость, и от сего с удовольствием уже и наслаждением проливает слезы умиления, чуждою делается сочувствия всему, что в мире, и как бы в исступлении сущи, течет вслед Жениха, так взывая к Нему безгласным гласом: *«вслед Тебе, в воню мира Твоего теку. Возвести ми, егоже возлюби душа моя, где пасеши? где почиваеши в полдень* чистого созерцания? чтоб не быть мне вынужденною блуждать по стадам другов Твоих – праведников (Песн. 1, 3, 6): ибо светлосияние великих таинств у Тебя». – Жених же, введши ее в сокровище-хранительницу сокровенных Своих таин, делает ее созерцательницею существа творений с премудростию.

50) Не говори в сердце своем: невозможно мне прочее стяжать чистоту девства, после того как я столько раз растлевал себя и подпадал неистовству тела. Ибо где приложены будут болезни и труды покаяния с злостраданием и теплотою душевною и источатся реки слез умиления: там все твердыни греха разрушаются, всякий огнь страстей угасает, и совершается новое свыше рождение наитием Духа Утешителя; – и душа опять соделовается палатою чистоты и девства, в которую преестественный Бог, нисшедший во свете и радовании неизреченном, и как на Престоле Славы, восседши на высоте ума ее, дает мир сущим в ней силам, так говоря: «мир вам от борющих вас страстей, мир Мой даю вам для естественного вам действования, мир Мой оставляю вам для достижения преестественного совершенства». Исцелив таким образом тройственностию дарования мира троечастность души и к троичному возведши ее совершенству и с Самим Собою соединивши, всю уже делает ее Богом девственною, всю доброю, всю прекрасною, намастив ее благоуханием мира чистоты, и говорит ей: *«востани, приими, ближняя моя, добрая моя, голубице моя,* в деятельном любомудрии. *Яко се зима* страстей *прейде, дождь* сластолюбивых помыслов *отъиде, отъиде себе, цвети* добродетелей с благоуханием помышлений *явишася на земли* сердца твоего. *Востани, приими* ко Мне в разумном ведении естества, *приими ты, голубице моя* сама о себе, в покров и мрак таинственного Богословия и веры, сего твердого во Мне Боге камня» (Песн. 2, 10–14).

51) Блажен мне из сподобившихся доброго изменения и восхода горе тот, кто, – деятельным любомудрием превзошедши стену страстных привычек и оттуда на посребренных крыльях бесстрастия в ведении поднявшись в мысленный воздух созерцания всего сущего, а отсюда вошедши в мрак Богословия, – почил наконец от всех сих дел своих в Боге блаженною жизнию: ибо он, соделавшись в совершенстве земным Ангелом и небесным человеком, прославил Бога в себе, чего ради и Бог прославил его.

55) Худо неверие, лукавого сребролюбия и зависти лукавейшее порождение. Если же оно худо, не паче ли худо то, что порождает его? ибо сие последнее любовь к злату делает в сынах человеческих предпочтительнейшею любви ко Христу, Содетеля вещества почитает меньшим сего вещества, и ему служить паче, нежели Богу, научает тех, кои охотнее соглашаются *служить твари паче Творца и истину Божию променяют во лжу* (Рим. 1, 25). Если же недуг сей так худ, то какой степени худости не превосходит душа, произвольно им недугующая?

56) Если любишь быть другом Христовым, ненавидь злато и его ненасытное любление, так как оно к себе обращает помышление любящего его и отрывает его от сладчайшей любви к Господу Иисусу, которая является не в виде слова, а в виде действования по заповедям Его. Если вожделеваешь злата, то, увы! конечно приобретешь его, если приобрете-

нием считаешь, а не крайнею потерею любовь к нему предпочтительно пред любовию ко Христу. Но ведай, что при сем Христа всячески потеряешь, а вместе с Ним потеряешь и Бога, без Коего нет спасения человекам.

57) Если любишь золото, то не любишь Христа. Если же Христа не любишь, а любишь золото; то смотри, кому тиран сей уподобить тебя старается? Оному, хотя ученику, но не верному, хотя другу, но оказавшемуся наветником, зле восставшим на общего Владыку, бедственно отпадшим от веры и любви к Нему и бросившимся в глубь отчаяния. – Убойся же этого примера и ты, и бегай злата и любви к нему, да Христа приобрящешь, оказывая вместе с тем и к себе самому истинную любовь: ибо видишь, какова участь падшего в этот грех?

58) Без призвания свыше никогда не ищи получить председательство при помощи золота или при содействии и ходатайстве людей, хотя бы ты видел, что имеешь силу пользовать души; ибо три следующие беды могут сретить тебя, и одна из них сбудется: или негодование Божие и гнев найдут на тебя в различных напастях и скорбных обстоятельствах, когда восстанут на тебя не только люди, но и вся почти тварь, – и жизнь твоя будет многовоздыхательна; или с великим бесчестием будешь свергнут оттуда, когда преодолеют тебя другие; или умрешь не в свое время, будучи отсечен от настоящей жизни.

59) Нельзя ни во что вменять славу и бесчестие и быть выше неприятностей и приятностей, если не сподобится кто право смотреть на то, чем кончается все такое. Когда же увидит, как всякая слава, всякое удовольствие и утеха, всякое богатство и благоденствие кончается ничем, потому что смерть все это отнимает и растлевает; тогда, познав явную суетность человеческих вещей, обращает он чувства свои к вещам божественным и к этим, пребывающим и растлиться никогда не могущим, прилепляется, а от тех отвращается, – вследствие чего становится выше скорбей и утешений земных: скорбей, как победивший в душе сластолюбие, славолюбие и любоимание, – утешений, как отторгший от души мирское чувство (всякое сочувствие к мирскому). От того, почитают ли его или бесчестят, скорби ли или утешения облежат его, он всегда одинаков и за все благодарит Бога, не ниспадая помыслом долу.

60) Тщательный может и по сновидениям угадывать движения и расположения души и соответственно тому направлять попечение об устроении своего духовного состояния. Ибо по настроению внутреннего человека и его забот бывают и телесные движения, и душевные мечтания. Кто имеет душу веществолюбивую и сластолюбивую. тому мечтаются стяжания вещей и денежные прибытки, также женские лица и страстные объятия, от коих случается с ним осквернение плоти и одежды. У кого душа любостяжательна и сребролюбива, тот и во сне видит всегда золото: то взыскивает уплаты, то умножает проценты, то прячет

добытое в кладовую, то будто осуждается как немилосердый. Кто гневлив и завистлив, тому представляется, будто за ним гонятся звери или ядовитые пресмыкающиеся, – и он испытывает великие ужасы и страхи. У кого тщеславием напыщена душа; тому мечтаются добрая о нем молва, шумные ему встречи народные, предложение ему или получение им какого-либо чина или начальства. У кого душа горда и самомнением наполнена; тот видит себя разъезжающим на блестящих колесницах или летающих на крыльях по воздуху, а других всех трепещущими пред великостию власти его. Равным образом и Боголюбивый человек, как ревностный о делах добродетели и неутомимый в подвигах благочестия, имея душу чистую от пристрастия к вещественному, видит во сне или сбытие будущих вещей, или откровение страшных видений, и просыпаясь, всегда находит себя молящимся в умилении и мирном устроении души и тела, со слезами на ланитах и с беседою с Богом в устах.

61) Из того, что представляется во время сна, иное есть мечтание, иное видение, иное откровение. – Мечтания суть такие сновидения, которые не стоят неизменными в воображении ума, но которых предметы перемешиваются, одни вытесняют другие или изменяются в другие; от них никакой не бывает пользы, и самое мечтание их исчезает вместе с пробуждением; их тщаливейшие ревнители презирать должны. – Видения суть такие сновидения, которые во все время стоят неизменными, не преобразуются из одного в другое и так напечатлеваются в уме, что остаются на многие лета незабвенными: они показывают сбытие будущих вещей, доставляют душе пользу, приводя ее в умиление представлением страшных видов, и видящего их делают самоуглубленным и притрепетным от неизменного созерцания представляющихся страшных вещей; тщаливейшие ревнители должны считать такие видения драгоценными. – Откровения суть сущие выше всякого чувства созерцания чистейшей и просвещенной души, представляющие дивные некие божественные дела и разумения, тайноводство сокровенных Божиих таин, сбытие наиважнейших для нас вещей и общее пременение мирских и человеческих дел.

62) Из сказанных видов сновидений первые свойственны людям чувственным и плотолюбивым, для коих Бог чрево и укоризненное насыщение, коих ум объят тьмою по причине нерадивой и страстьми истертой жизни, и над коими издеваются бесы посредством мечтаний; вторые – тщаливым ревнителям, очищающим душевные чувства и чрез видимое благодетельно возводимым к постижению божественных вещей и приумножению преуспеяния; третьи – совершенным, действенно наитствуемым Божественным Духом и с Богом соединенным богоглаголивою душою.

63) Не у всех людей сновидения бывают истинны и не у всех печатлеются во владычественной части ума, но у одних тех, коих ум очищен и

чувства душевные просветлены, кои востекли к естественному созерцанию, у коих нет попечения о житейских вещах, ни заботы о настоящей жизни, коих долгие пощения установились в общее воздержание, а поты и труды по Богу обрели покой во святилище Божием в ведении сущего и в высшей премудрости, коих жизнь ангельская сокровенна ныне в Боге, и коих преуспеяние в священном безмолвии возвело на степень пророков Церкви Божией, о которых и в книге Моисея сказал Бог: *аще будет пророк в вас, во сне явлюся ему, и в видении возглаголю к нему* (Чис. 12, 6), и в книге Иоиля: *и будет по сих, излию от Духа Моего на всяку плоть, и пророкут сынове ваши и дщери ваши, и старцы ваши сония узрят, и юноты ваши видения увидят* (Иоил. 2, 28).

64) Безмолвие есть состояние ума нестужаемого (помыслами), тишина свободы (от страстей) и отрады душевной, стояние сердца в Боге, нетревожимое и невлаемое, светлое созерцание, ведение Божиих таин, слово премудрости из чистого ума, бездна разумений Божиих, восторжение ума, беседа Божия, неусыпное око, молитва умная, беструдный в великих трудах покой, и наконец единение и совокупление с Богом.

65) Пока душа расстроена в себе по причине беспорядочного действования ее сил и потому неспособна вместить в себе божественные лучи, пока не сподобилась она свободы от рабства мудрованию плоти и не вкусила еще мира по причине недавности прекращения в ней брани неудержимых страстей; дотоле потребно ей многое молчание уст, до того, чтоб и она могла говорить с Давидом: *аз же яко глух не слышах, и яко нем не отверзаяй уст своих* (Пс. 37, 14). Всегда должно ей быть печальною и в сокрушении ходить путем заповедей Христовых, пока еще оскорбляет ее враг, и она ждет пришествия Утешителя, Коим, когда она пребывает в сокрушении и омывает себя слезами, даруется ей свобода.

66) Когда в безмолвии уготовляющий мед добродетелей станет выше смиренной плоти вследствие подвигов любомудрия (подвижнических) и его душевные силы придут в естественное состояние по причине низвержения долу мудрования (самомнения, гордости), когда, очистив сердце слезами, сделается он способным вмещать лучи Духа, облечется в нетленную животворную мертвость Христову и, сидя в горнице безмолвия, приимет Утешителя с огненным языком; тогда долженствует он с дерзновением *глаголати величия Божия, и в Церкви велицей благовестить правду Его* (Пс. 144, 5, 11, 12, 21; 39, 10), яко приявший внутрь чрева закон Духа, да не подобно оному рабу лукавому, скрывшему талант своего господина, ввержен будет в огнь вечный. Так и Давид, после того как омыл грех свой покаянием и опять восприял пророческое дарование, не могши скрывать Божия благодеяния, такое обращал к Богу слово: *се устнам моим не возбраню, Господи, Ты разумел еси: правду Твою не скрых в сердце моем, истину Твою и спасение Твое рех, не скрых милость Твою и истину Твою от сонма многа* (Пс. 39, 10, 11).

67) Ум, очищенный от всякой нечистоты, по блестящим и светлым разумениям бывает для души звездным небом, имея в себе Солнце Правды сияющим и светлые лучи богословия испущающим, в уяснение, что есть глубина и высота, и широта ведения Бога. Прияв в недра свои сии лучи, Он изъясняет потом словом глубины Духа всем, имеющим Духа Божественного в себе, обнаруживает лукавство духов и поведает о тайнах Царствия Небесного.

68) Телесные похотения и взыграния плоти останавливают воздержание, пост и борение духовное; разжжения же душевные и волнения сердечные чтение Божественных Писаний охлаждает, непрестанная молитва смиряет, а умиление, как елей, утишает.

69) Ничто другое так, как чистая и чуждая всего вещественного молитва, не делает человека достойным собеседником Бога и не соединяет с Ним того, кто словом молится Ему нерассеянно, в духе, когда при том душа его омывается слезами, услаждается сладостию умиления и светом Духа просвещается.

70) Прекрасно и количество в молитвенных псалмопениях, когда им руководит терпение и внимание; но собственно качество оживляет душу и бывает причиною плода (от молитвы). Качество же псалмопения и молитвы (доброе) состоит в том, чтобы молиться в духе умом; а умом молится кто когда, поя и молясь, он умом обозревает то, что содержится в Божественном Писании и приемлет восхождения разумений в сердце своем из боголепных мыслей, коими мысленно в воздух света восхищаемая душа светло осиявается, еще паче очищается, вся восторгается к небесам и созерцает красоты уготованных святым благ, вожделением коих возгораясь, тотчас являет плод молитвы источением из очес источника слез от действия светотворного Духа, доставляющих душе вкушение столь сладостное, что сподобившийся его нередко забывает совсем о телесной пище. Это и есть плод молитвы, от качества псалмопения порождающийся в душах, добре молящихся.

71) Где видится плод Духа, там присуще качество молитвы; а где есть это качество, там прекрасно и количество псалмопения. Где же плод не проявляется, там сухо и качество; если же оно сухо, тем паче количество, которое хотя и дает труд телу, но всячески для многих бесполезно бывает.

72) Берегись козней вражеских, когда молишься и поешь псалмы Господу: ибо они всячески ухищряются отвлекать мысль и чувство от того, что поется, и все то изгладить из памяти. Делают же сие для того, чтоб лишить нас плодов молитвы, и чтоб не вкушая сих плодов, мы заскучали на псалмопении и пресекли его, в предположении, что уже долго молились, как подущает враг. Но ты настой мужественно и еще прилежнее внимай псалмам, неспешно читая их; да пожнешь плод молитвы при созерцании того, что представляют стихи псаломские, и обогатишь-

ся просвещением Святого Духа, воссиявающим в душах молящихся (сокращенно).

73) Когда что-либо такое случится с тобою, когда стараешься петь разумно, смотри не разленись, возмалодушествовав, и покой тела не предпочти пользе душевной, подумав, что уже позден час. Но как только заметишь пленение ума, остановись, и хотя бы ты был уже на конце псалма, востеки усердно к началу его, и снова начав, читай поряду тот же псалом, и делай так, хотя бы многократно в час случилось с тобою пленение. Если будешь так делать, то демоны, не снося твоего терпения и постоянства и силы рвения, убегут от тебя, стыдом покрытые.

74) Твердо ведай, что непрестанная молитва та есть, которая не отходит от души ни днем ни ночью, и которая состоит не в воздеянии рук, не в положении тела молитвенном и не в возглашении молитв языком, чтоб можно было ее видеть телесными очами, но состоит в умном делании с памятованием о Боге при постоянном умилении, и уразумевается только умеющими уразумевать сие.

75) Можно пребывать всегда в молитве, если помыслы свои держать собранными под владычеством ума в мире и благоговеинстве полном, в глубины Божии проникая и ища вкусить оттуда истекающую сладчайшую струю созерцания: что при отсутствии мира (помыслов) невозможно. Только в том, у кого душевные силы умиротворены ведением, может благоустроиться непрестанная молитва.

76) Если когда поешь песнь молитвы Богу, брат придет и постучится в дверь келлии твоей, не предпочти дела молитвы делу любви, призрев стучащегося к тебе брата: ибо это не любезно Богу. Он желает от тебя в сие время елея любви, а не жертвы молитвы. Почему оставя дар молитвы, дай брату беседу любви и удовлетвори его желание. Потом, возвратившись, принеси дар твой Отцу духов со слезами и сокрушенным сердцем, и дух правый обновится во утробе твоей.

77) Не в определенное время и не в определенном месте совершается таинство молитвы. Ибо если определишь дело молитвы часами, временами и местами; то кроме сего, пожалуй, как бы по праву, станешь проводить время в занятиях суетных. Предел молитвы есть неподвижное пребывание ума в Боге; дело – вращание души в вещах божественных; конец – прилепление к Богу сердцем, чтоб быть с Ним един дух, по определению и слову Апостола (1 Кор. 6, 17).

78) Хотя ты умертвился уже в членах плоти, и душевно оживотворился Духом, и преестественных дарований сподобился от Бога: но ты все же не оставляй блуждать туда и сюда мысленную силу души своей, а приучай ее всегда вращаться в памятовании о прежних твоих прегрешениях и о сущих в аде муках, и смотри на себя как на осужденника. Вращая ум свой в таких помышлениях и так смотря на себя, ты сохранишь сокрушенный дух и будешь иметь в себе живой источник умиления, ис-

точающий струи божественной благодати, и Бога будешь зреть смотрящим на тебя и дающим тебе Духа во утверждение сердца твоего.

79) Благоразумное пощение, приявшее в спутники себе бдение с Богомыслием и молитвою, скоро делателя своего приводит к пределам бесстрастия, когда у него при сем и душа в преизбытке смирения будет обливаема слезами и воспламеняема любовию к Богу. Когда же он дойдет до сего, тогда оно вводит его в мир духовный, превосходящий всякий ум свободный, и любовию соединяет с Богом.

80) Не так царь о славе и царстве высокомудрствует и, восхищаясь державною властию, радуется, как монах о бесстрастии и слезах умиления. Но у того высокомудрствование увядает вместе с царством; а этого блаженное бесстрастие с ним переходит туда и там пребывает в радовании в бесконечные веки. Как колесо, вращается таковой в настоящей жизни между людьми, мало касаясь земли и того, что на земле, по необходимым потребам естества; весь же он шаровидно несется в мысленный воздух, в себе самом сочетавая начало с концом и неся виды даров благодатных вделанными в венец смирения. Для него обильною трапезою бывает созерцание Сущего, питием – чаша премудрости, упокоением – Бог.

81) Волею предавший себя трудам добродетельным и с теплым усердием совершающий подвижнический путь, великих от Бога сподобляется даров. Подвигаясь в преуспеянии к средине, доходит он до божественных откровений и видений, – и тем более делается световидным и мудрым, чем более напрягается его подвижнический труд. Но чем выше восходит он на высоту созерцания, тем большую против себя возбуждает зависть губительных бесов: ибо они не могут равнодушно видеть, как человек прелагается в ангельское естество; почему не ленятся тайно пускать на него стрелу самомнения. Если он, уразумев кознь вражью, укроется в крепость смирения, зазрев себя (или в чувстве презрения к себе), то избегает бедственности гордыни и вводится в пристань спасения. Если же нет; то оставлен будучи помощию свыше, предается в руки духов злобы, требующих его, как своего по духу, на невольное обучение наказательное, за то что произвольно не явил себя обученным и искусным. Эти обучительно наказательные духи суть духи сластолюбия и плотолюбия, злобы и гнева, кои и смиряют его лютыми нападениями, пока познает свою немощь, и оплакав свое падение, побудит отменить обучительное наказание. Тогда и он может с Давидом воззвать: *благо мне, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием Твоим* (Пс. 118, 71).

82) Бог не хочет, чтоб мы всегда были смиряемы страстями (немощными являлись пред ними) и, когда бываем гонимы ими, уподоблялись зайцам, полагая камнем прибежища одного Его: ибо иначе Он не сказал бы: *Азрех: бози есте, и сыновеВышняго* (Пс. 81, 6). Но желает,

чтоб мы, и как елени, востекали на высокие горы заповедей Его, и были жаждательнейшими животворных вод Духа: чтоб, как они, по естеству, пожирая змий, в разгорячении от долгого бега, дивно превращают, как говорят, ядовитое естество змий в безвредную пищу; так и мы всякий помысл страстный, приемлемый во чрево мысленное, действием огневого бега путем Заповедей Божиих и силы Духа претворяли в благое и спасительное деяние добродетели, да явимся *всякое разумение* чрез деяние *пленяющими в послушание Христово* (2 Кор. 10, 5). Ибо горнему миру надлежит быть наполнену не перстными и несовершенными мужами, но духовными и совершенными, востекшими в *мужа совершенна исполнения Христова* (Еф. 4, 13).

83) Вращающийся всегда в одном и том же и в предняя простретися не желающий подобен мулу, который ворочает мельничное колесо, сам нимало не подвигаясь вперед. Ибо всегда борющийся с плотию и в одних телесных деланиях упражняющийся, при всем злострадании причиняет сам себе великий ущерб в вещах высших, не замечая того, как непостигший цели божественной воли. Ибо, по св. Павлу, *телесное обучение вмале есть полезно* (1 Тим. 4, 8), пока перстное мудрование плоти не будет поглощено потоками покаянных слез, и в тело не войдет животворная мертвость духовная, и закон духа не воцарится в мертвенной плоти нашей. Благочестие же душевное, которое под действием божественных помышлений созерцается, как древо жизни, в мысленном делании ума, везде и во всем полезно, как чистоту сердца созидающее, как мир между силами души водворяющее, как всякую доброту духовную с собою вводящее: ума просвещение, чистоту тела, целомудрие, всестороннее воздержание, смиренномудрие, умиление, любовь, освящение, небесное ведение, мудрость слова и зрение Бога. Кто по многих подвигах востек к такому совершенству благочестия, тот, чермное море страстей прешедши, вошел в землю обетования, из коей течет млеко и мед Боговедения – сие неистощимое услаждение святых.

85) По порядкам и степеням любомудрой (подвижнической) жизни, надлежит нам всяко простираться в предняя и восходить к высшему, пребывая приснодвижными в *тех, яже к Богу,* и никогда усталости не зная в делании добра. От этого деятельного подвижничества надлежит восходить к естественному созерцанию творения; а от сего – к таинственному Богословию и упокоеваться в нем от всех трудов телесного делания, – став уже выше всего телесного и дольнего и получив благорассудное ведение истинного различения вещей. Если же мы еще не получили ведения такого различения, то не знаем и того, как простираться в предняя и восходить к совершеннейшему; и оказываемся еще худшими мирян.

86) Душа, с теплым рвением усиленно очищаемая подвижническими трудами, божественным светом озаряется, и мало-помалу начинает

узревать естественно данную ей вначале Богом красоту, и расширяется в возлюблении Создавшего ее. Поколику же уясняются ей, по мере очищения ее, лучи Солнца Правды, и естественная красота ее обнажается пред нею и ею познается; потолику и она умножает труды подвижнические для большего себя очищения, чтоб чисто уразуметь славу дара, какого сподобилась, и древнее восприять благородство, и сохранить для Создателя своего образ Его чистым и несмешанным ни с чем вещественным. И никогда не пособляет она себе и не перестает прилагать труды к трудам, пока не очистит себя от всякой нечистоты и скверны и не соделает достойною зреть Бога и беседовать с Ним.

87) *Открый очи мои и уразумею чудеса от закона Твоего* (Пс. 118, 18), вопиет к Богу покрываемый еще мглою земного мудрования. Ибо неведение перстного ума, как мгла и мрак глубокий, покрывая очи душевные, отемненною и омраченною ее соделовает к уразумению божественных и человеческих вещей, не могущею устремлять взора своего к озарениям божественного света или вкушать благ оных, которых око не видало, о которых ухо не слыхало, которые и на сердце человеку не всходили (1 Кор. 2, 9). Но открывая очи свои покаянием, она все сие видит чисто, слышит внятно и разумеет разумно. И не только это, но и восхождения разумений о сем полагает в сердце своем. Вкусивши же потом и сладости сего, просвещается она в разуме и словом премудрости поведает всем о дивных благах оных, которые уготовал Бог любящим Его, и всех убеждает взыскать причастия их многими подвигами и слезами.

88) Семь есть даров Духа. Слово Божие, перечисляя их, начинает сверху – от премудрости, – и нисходит до конца – до духа страха Божия, – говоря: дух премудрости, дух разума, дух совета, дух крепости, дух ведения, дух благочестия, дух страха Божия (Ис. 11, 2, 3). Нам же надлежит начинать с очистительного страха, т. е. со страха мук, чтоб, прежде посредством его отторгши себя от худа и покаянием очистившись от скверн греха, достигнуть и сего чистого страха, дара Духа, путем настоящим грядущи к нему и в нем упокоеваясь во всяком делании добродетели.

89) Начавший страхом суда и преуспевающий в очищении сердца слезами покаяния, исполняется во-первых премудростию, так как страх начало ее есть, по реченному (Притч. 1, 7); потом разумом вместе и с советом, помощию которого избирает себе душеспасительные преднамерения. Сего же достигший чрез исполнение заповедей, восходит он к ведению сущего и получает точнейшее ведение божеских и человеческих вещей, а от сего соделавшись весь жилищем благочестия, восходит в высшний град любви, и является совершенным; и тотчас чистый страх – дар Духа – приемлет его, чтоб хранить положенное внутрь него сокровище Царствия Небесного. Сей страх, будучи крайне спасителен, того,

кто достиг высоты любви, делает трепещущим и на всякий подвиг готовым из боязни, как бы не ниспасть с такой высоты любви и не быть опять ввержену в ужас мук.

90) Чтение Писаний инаково бывает для тех, кои только вводятся в жизнь благочестия, инаково для тех, кои прошли до средины преуспеяния, инаково для тех, кои востекают к совершенству. Для одних оно бывает хлебом трапезы Божией, укрепляющим сердца их на священные подвиги добродетели, который и силу крепкую подает им на борение с духами в страстях действующими, и соделовает их мужественными борцами против демонов, так что они говорят: *уготовал еси предо мною трапезу сопротив стужающим ми* (Пс. 22, 5). Для других оно – вино чаши божественной, веселящее сердца их, в исступление их приводящее силою помышлений, ум их вземлющее от письмени убивающего, и в глубины Духа испытательно вводящее, и всего его соделовающее породителем и находителем уразумений, – так что и им свойственно говорить: *и чаша Твоя упоявающи мя, яко державна* (Пс. 22, 5). А для третьих – елеем божественного Духа, умащающим их душу, укрощающим и смиряющим ее преизбытком божественных озарений и всю ее восторгающим превыше тела, так что и она хвалясь вопиет: *умастил еси елеем главу мою, и милость Твоя поженет мя все дни живота моего* (Пс. 22, 5, 6).

91) Доколе мы притрудно деятельным любомудрием в поте лица направляемся к Богу, умаляя страсти плотские, дотоле хлебом насущным, который возделыванием добродетелей уготовляется и сердца человеческие укрепляет, питается с нами Господь на трапезе дарований Своих. Когда же бесстрастием освятится у нас имя Его, и Он воцарится над всеми нашими душевными силами, покорив и умирив расстоящее, – худшее, говорю, лучшему, – и воля Его будет и в нас, как на небе; тогда новое и неизреченное пиво премудрости Слова, растворяемое умилением и познанием таин великих, пиет Он с нами в Царствии Своем, в нас пришедшем. Когда же соделаемся мы причастниками Духа Святого и добрым изменимся изменением в обновлении ума нашего, тогда Бог сый, яко с богами, будет с нами, обожив воспринятое (человечество).

92) Когда неудержимая вода страстных помыслов ума удержана будет наитием Духа Святого и сланая неподобных мыслей и воспоминаний бездна обуздается воздержанием и помышлением о смерти, тогда веет Божественный Дух покаяния и нисходят волны умиления, кои Бог и Владыка наш, вливая в умывальницу покаяния, умывает мысленныя ноги наши и делает их достойными ступать по двору Царствия Его.

93) Бог Слово, быв плотию и совершенным став человеком кроме греха, естество наше в Свою приял ипостась, и, яко Бог совершенный, воссоздал его и обожил. Слово же сущи первого ума и Бога, с словесною его соединился частию и ее горе воскрылил – мудрствовать и помыш-

лять о божественном. – Но и огнь сущи, существенным и божественным огнем сим раздражительную силу его соделал способною живо противостоять пагубным страстям и враждебным нам бесам. А сущи желанием (предметом желанным) всякого словесного естества и упокоением (полным удовлетворением вожделения), желательную его часть разжег внутреннейшею любовию к причастию оных благ Вечной жизни. Таким образом всего обновив в Себе человека, из ветхого Он сделал его новым.

94) Бог Слово, священно совершив в Себе Самом наше восстановление, Сам Себя потом принес за нас в жертву чрез крест и смерть, и всегда дает жриму быти пречистому Телу Своему, и каждодневно предлагает его нам в душепитательную обильную трапезу, чтоб, вкушая его и пия пречистую Кровь Его, в чувстве души соделовались мы чрез сие причащение лучшими, нежели каковы есмы, сраствояясь с ними, претворяясь из худшего в лучшее, и едино соделоваясь с сугубым Словом сугубо – и телом и душою разумною, яко с воплощенным Богом, и нам по плоти единосущным: так что мы не свои, но Того есмы, Кто едино сотворил нас с Собою чрез бессмертную трапезу и тем нас соделал по домостроительству, что есть Сам Он по естеству.

95) Если, испытаны быв в трудах добродетелей и предочищены слезами, приступая вкушаем от Хлеба сего и от Чаши сей пием, то сугубое Слово, с двумя естествами нашими в кротости нашей сраствояясь, всецело претворяет нас в Себя Самого, яко воплощенное и нам по человечеству единосущное, и всех боготворит и Себе, яко сообразных с Ним и братий, усвояет, яко Бог и Отцу единосущный. Если же приступаем, будучи сраствореныс веществом страстей и осквернены скверною греховною, то Оно, приближаясь к нам, естественным Ему грехоистребительным огнем пожигает и попаляет нас всех и жизненность нашу подсекает не благоволением благости Своей, а отвращением к нечувствию нашему будучи к тому понуждаемо.

96) Ко всем, по деятельному любомудрию начавшим шевствовать путем заповедей, Господь, невидимо приближаясь, сшествует им; так как они не совершенное еще имеют мудрование, душа их еще много недоумевает в деле добродетели и душевные очи их праведно удерживаемы бывают в сие время, чтоб не познали своего преуспеяния, когда сшествует им Господь, содействует им избавляться от страстей и простирает руку помощи к содеванию всякой добродетели. Когда же они продолжают делать успехи в подвигах благочестия и идти к бесстрастию чрез смирение; тогда Господь не хочет, чтоб они все еще оставались утомленными трудами добродетелей, но чтоб простирались далее и восходили к созерцанию. Почему, напитав их вдоволь хлебом слез, светом умиления благословляет, и ум их отверзает к познанию глубины Божественных Писаний, – и тотчас скрывается от них, чтоб возбудить их и понудить к тщательнейшему исканию Его.

97) Праведно Господь укоряет в косности тех, кои долго медлят в трудах деятельной жизни и не хотят расстаться с ними и на высшую востещи степень созерцания, говоря им: *о несмысленные и косные сердцем, еже веровати* (Лк. 24, 25) Тому, Кто ходящим по духу может открыть глубины Духа! Ибо нехотение от новоначальных подвигов переходить к совершеннейшим и от буквы Божественного Писания проходить к высшему его разумению и смыслу есть признак души ленивой, не ищущей вкусить сладости духовных благ и на зло себе отвращающейся от своего преуспеяния. За это ей, как несущей светильник свой погасшим, не только сказано будет: *пойди, купи у продающих,* но, по затворении пред нею чертога брачного, приложится: *отойди; не вем тя, откуду еси* (Мф. 25, 9, 12).

98) Когда Господь Иисус Христос, как некогда к граду Вифании, приблизится к падшей душе с целию воскресить ум ее, умерший от греха и погребенный под тлением страстей: тогда мудрость и правда, погруженные в печаль об умертвии ума, в слезах сретают Его и говорят: если бы Ты здесь у нас был, блюдомый и хранимый, то брат наш – ум – не умер бы от греха (Ин. 11, 21). После сего правда спешит напитать Господа Иисуса попечением о многом и деланием добродетелей и почтить Его предложением трапезы злострадания (произвольных лишений) полной и многовидной; а мудрость, оставя всякое другое попечение и притрудное злострадание, предпочитает приседеть умному деланию, мысленным движениям Господа и слушанию созерцательных Его разумений. Господь же *первую* милостиво приемлет – за то, что она добре подвизается и усердствует напитать Его трапезою многообразного деятельного любомудрия, а за то, что она печется о многом и много занимается тем, что не много полезно, укоряет: ибо едино есть на потребу и на угождение Господу – лучшему помыслу подчинить худший, перстное мудрование души преложить в духовное, в потовых трудах добродетельных; а *вторую* похваляет и к Себе привлекает, как избравшую благую часть ведения духовного, в коем воспарив выше человеческих вещей, входит она в дивные глубины Божии, бисер многоценный оттуда себе добре покупает и узревает сокровенные сокровища Духа: и бывает ей радость неизреченная, которая не отымется от нее.

99) Ум, умерщвленный страстьми и оживотворенный присещением Господа Иисуса, отбросив камень нечувствия, разрешается от плениц греха и тлетворных помыслов духовными слугами Господа, т. е. – страхом мук и трудами доброделания; вкусив же потом света будущей жизни, отпускается идти к бесстрастию, достигнув коего, восседает на престоле чувств, и чисто священнодействовав таинство видения, бывает сотрапезником Господа Иисуса, и вместе с Ним восшедши от земли на небо, соцарствует Ему в Царствии Бога и Отца, почив от всех своих исканий.

100) Тамошнее, имеющее быть по разрешении от тела возустроение для каждого ревнителя законно подвизающегося, прошедшего до средины и усовершившегося в меру возраста исполнения Христова, явственно видно бывает чрез действенное удостоверение Духа. Там вечная радость во свете присносущем составляет блаженство того наследия; радость непрестающая объемлет сердца законно здесь подвизающихся и веселие Духа Святого лобызает их, которое, по слову Господа, не отымется от них. Сподобившийся пришествия Утешителя здесь и плодами Его насладившийся в возделывании добродетелей, и обогатившийся дарами Его, радости исполнен сущи и всякой любви, – так как всякий страх отбегает от него, – в радости разрешается от уз тела, и с радостию вземлется от всего видимого, к коему, еще живущи, наперед забыл всякое чувство, и упокоевается в неизреченной радости света там, где есть всех веселящихся жилище; хотя тело некоторых во время разрешения и пресечения союза с душою и страждет, подобно женам при трудных родах.

Третья умозрительных глав сотница, – о любви и совершенстве жизни

1) Бог есть Ум бесстрастный паче всякого ума и всякого бесстрастия, – Свет и Источник света благого, – Премудрость, Слово и Ведение, и Податель премудрости, слова и ведения. Кому даны сии дары чистоты ради и в ком они усматриваются, в тех сохранным пребывает и еже по образу; так что они являются чрез то сынами Божиими, водимыми Духом, как написано: *елицы Духом Божиим водятся, сии суть сынове Божии* (Рим. 8, 14).

2) Которые трудами подвижническими соделали себя чистыми от всякой скверны плоти и духа, те стали приятелищами бессмертного естества чрез дарования Духа. До сего же достигшие полны суть света благого, от коего исполнены будучи в сердце тихим миром, отрыгают благие словеса, и премудрость Божия течет из уст их в ведении божеских и человеческих вещей, и слово их чистое вещает о глубинах Духа.

На таковых несть закона (Гал. 5, 23), так как они однажды навсегда соединились с Богом и благим изменились изменением.

3) С усердным тщанием притрудно простирающийся к божественному бывает отображением образа Божия добродетелями душевными и телесными; поелику тогда он в Боге и Бог в нем упокоевается, по сраствореню, так что он от сего есть и видится образом божественного блаженства по богатству даров Духа и по внутреннему устроению богом, Бог же – совершителем его совершенства.

4) Не по органическому устроению тела человек есть образ Божий, но по мысленному естеству ума, не описуемого телом, долу тяготеющим. Ибо как Божеское естество, вне всякой твари суще, не описуется,

как не определимое и не телесное, не качественное, не осязаемое, не количественное, невидимое, бессмертное, необъемлемое и отнюдь нами не разумеемое: так и данное от Него нам мысленное естество, как неописуемое, не телесно есть, невидимо, неосязаемо, необъемлемо, и есть образ бессмертной и присносущной Его славы.

5) Первый Ум сый, Бог единосущное в Себе имеет Слово с Духом соприсносущным, ни без Слова и Духа никогда не бывая по причине нераздельности естества, не сливаясь с ними по причине неслиянности сущих в Нем ипостасей. Почему и естественно рождая из существа Своего Слово, Сам не отделяется от Него, несеком будучи в Себе. Имеет же соприсносущное Слово соестественным Себе Собезначального Духа, предвечно от Отца исходящего, – и от Родителя Своего не отсекается. Ибо у них едино есть и нераздельное естество, хотя по различию ипостасей разделяется на лица и троично воспевается – Отец, Сын и Дух Святый. Лица сии, как единое естество и Бог един, никогда не отделяются от соприсносущего существа и естества. Сего-то триипостасного и единичного естества образ виждь в созданном Им человеке, но по части его мысленной, а не по видимой, по бессмертной, а не по смертной и разлагающейся.

6) Бог, несравненно выше сущи всех созданных Им тварей, рождая Слово без разделения с Ним и Духа Святого испущая, в сохранение бытия и силы тварей, есть вне всего и внутрь всего. Таким же образом и причастный Божеского Его естества человек, будучи образом Его по мысленной, не телесной и не смертной душе, и ум имея естественно рождающий слово из существа своего, вне и внутрь есть вещества и видимых сих членов тела. И как создавший его не разделен от Своих Ипостасей, – Слова и Духа: так и он по душе несеком есть и неразделен от ума и слова, единого естества и существа, неописуемого телом.

7) Триипостасно Божество, в Отце, Сыне и Духе Святом поклоняемое. Тречастным зрится и созданный Им образ – человек, душою, умом и словом поклоняющийся Самому Создавшему все из не сущих Богу. Что Богу по естеству совечно и единосущно, сие и образу Его по естеству соестественно и единосущно. По сим чертам усматривается, что есть в нас по образу, и по ним я есмь образ Божий, хотя срастворен с брением и прахом.

8) Ино – образ Божий, и ино то, что усматривается в образе. Образ Божий – душа мысленная, ум и слово, – единое и нераздельное естество; а усматриваемое в сем образе есть начальственность (самостоятельность), владычественность (независимость) и самовластность (свобода). Также – ино слава ума, ино достоинство его, – ино то, что по образу, и ино то, что по подобию. Слава ума есть возношение горе, приснодвижность к высшему, острозоркость, чистота, разумность, мудрость, бессмертие. Достоинство ума есть словесность, самостоятельность, влады-

чественность, самовластие. То, что по образу, есть – иметь душу с умом и словом, личную, единосущную и нераздельную. Ум и слово принадлежат душе, нетелесной, бессмертной, божественной, мысленной, – и все они единосущны, совечны, нераздельны между собою и раздельны быть не могут. То, что по подобию, есть праведность, истинность, благоутробие, сострадание и человеколюбие. В ком сии качества в действии суть и постоянно пребывают, в тех ясно зрится и что по образу и по подобию.

9) Троечастная разумная душа видится опять в двух видах действования, из коих одно разумное, а другое – страстное. Разумное, по образу Создавшего ее сущи, неудержимо и неопределимо чувствами, яко вне и внутрь их бывающее. Сим действованием она, сприобщаясь к умным Божественным силам, по естеству востекает к Богу, яко к первообразу своему, и Божественным Его услаждаема бывает естеством. Страстное же ее действование чувствами раздробляется на многие части, подлежа страданиям и отрадам. Сим действованием она, сприобщаясь к естеству чувствительному, питательному и растительному, подлежит влияниям воздуха, холода и теплоты и в пище имеет нужду для поддержания жизни, для возрастания и здоровья. Изменяясь под действием всего сего, она иногда похотствует и бессловесные восприемлет похотения, уклоняясь от движения по естеству, иногда преогорчевается и неразумным гневом волнуется, а иногда испытывает алчбу, жажду, печали, болезни и опять успокоивается: так что здесь она то отрадами услаждается, то скорби терпит; почему эта сторона ее и называется справедливо страдательною или страстною, как в страстях и страданиях проявляющаяся. Когда же *мертвенное сие пожерто бывает умною жизнию, в силу победы лучшаго над худшим;* тогда и *живот Иисусов является в мертвенной плоти нашей* (2 Кор. 4, 11), животворную производя в нас мертвость бесстрастия и нетленное бессмертие подавая наитием Духа Святого.

10) Как Творец всего прежде создания всех вещей из ничего имел в Себе ведение о природе и сущности их как Царь веков и Предведатель всего; так и созданному им по образу Своему человеку в царя творения дал иметь в себе не силу только все познавать, но и то, из чего все созданное составлено. Так сухое и холодное имеет он в персти, из коей сотворен, теплоту крови от воздуха и огня, влажные мокроты от воды, от растений растимость, от животно растений питаемость, от неразумных животных страстность, от Ангелов мысленность и разумность, от Бога вдохнутие оное невещественное, нетелесную и бессмертную душу, видимую в уме и слове, и в силе Духа Святого, – чтоб быть и жить.

11) Богу, создавшему нас по образу и подобию Своему, бываем мы подобны добродетелию и разумением. Добродетель же Божия есть правда, преподобие и истина, как говорит Давид: *праведен еси, Господи, и истина Твоя окрест Тебе* (Пс. 118, 137, 88, 9), и еще: *праведен… и пре-*

подобен… Господь (Пс. 144, 17). Бываем мы Ему подобны также правотою и благостию, ибо *благ и прав Господь* (Пс. 24, 8); словом премудрости и словом разума, ибо сии в Нем суть, и Он именуется премудростию и разумом (Кол. 2, 3); святостию и совершенством, как Сам говорит: *будите совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть* (Мф. 5, 48), и: *святи будите, якоже Аз свят есмь* (Мф. 19, 12); смирением и кротостию, ибо говорит: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29).

12) Ум наш, будучи образом Божиим, имеет свойственное ему в себе, когда пребывает в сродной ему деятельности и не допускает в себе движений, далеких от его достоинства и природы. Почему охотно любит вращаться в том, что к Богу относится, и с Тем ищет соединиться, от Коего получил начало, Коим движится и к Коему устремляется по естественным своим свойствам, и Ему подражать желает человеколюбием и простотою. Чего ради рождая слово, ум, как другие небеса, возустрояет души единоплеменных человеков, и твердыми их терпением деятельных добродетелей соделовает, и животворит их духом уст своих, подавая им силу против пагубных страстей. Таким образом и он является устроителем мысленной твари, подражая Создателю великого мира, Богу, и ясно слышит такое к себе свыше слово: *аще изведеши честное от недостойнаго, яко уста Моя будеши* (Иер. 15, 19).

13) Кто пребывает в естественной уму деятельности и в достойном употреблении слова, тот чистым соблюдается от вещества и украшается кротостию, смирением, любовию и милосердием, и осияниями Святого Духа просвещается. К высшим созерцаниям устремляя очи ума, он достигает познания сокровенных таин Божиих и благолюбиво сообщает их словом премудрости тем, кои могут слушать сие, не только для себя размножая талант свой, но и ближним своим давая насладиться плодами его.

14) Кто лучшее из наших двух естеств превозвысил над худшим и сделал его свободным от влияния сего последнего, тот обрел невещественное между невещественными духами жительство, став и сам мысленным духом, хотя телесно видится вращающимся среди других людей.

16) Пока естественные наши силы бесчинно держат себя между собою и распадаются на многие скопы, до тех пор мы не можем быть причастными и сверхъестественных даров Божиих. Оставаясь же непричастными их, мы далеко негде стоим и от таинственного священнодействия, совершаемого мысленным деланием ума на небесном жертвеннике. Когда же мы, ревностно проходя священные подвиги, очистимся от чувственных влечений и силою Духа соберем в едино образовавшиеся в нас скопы, тогда и неизреченных Божиих благ бываем причастны, и Божественные таинства таинственного священнодействия ума достойно возно-

сим Богу Слову на пренебесный мысленный жертвенник Божий, как зрители и священнослужители бессмертных таин Его.

17) *Плоть похотствует на духа, дух же на плоть* (Гал. 5, 17), и брань некая стоит между обоими ими скрытная, чтоб одному из врагов сих одержать победу над другим и перетянуть властительство на свою сторону. Это и есть то, что называется в нас крамолою, скопом, бунтом, восстанием, междоусобною бранию, коею раздирается душа.

20) Божественный свет с собою соединяет причастившиеся его души, и своим единством объединяет их в себе, и своими совершенствами совершенствует их, в глубины Божии вводит умное око их и зрителями великих таин делает их. Восхоти только крайнюю стяжать чистоту трудами духовными, и самым делом узришь в себе Богу любезное действо сказанного.

24) Для сохранения сокровенных сокровищ Духа надо упразднiться от дел человеческих, избрав безмолвие, которое, чистотою сердца и сладостию умиления сильнее распаляя любовь к Богу, разрешает душу от уз чувств, силы ее возводит в естественное им состояние и им возвращает первобытное устроение.

34) Богоподобия, сколько оно для нас доступно, невозможно улучить ревнителю, если он наперед теплыми слезами не смоет приразившейся к нему тины греховной и не прилепится к исполнению святых заповедей Христовых. Иначе невозможно ему сделаться причастником неизреченных Божиих благ. Ибо желающий умно вкусить божественной сладости всецело отстает от всякого мирского чувства и душу свою всю занимает созерцанием отложенных Святым благ.

35) Сохранить неизменным Богоподобие, стяжеваемое крайнею чистотою и полною любовию к Богу, возможно только при непрестанном простирании ока ума к Богу, в котором душа обыкновенно установляется чрез постоянное пребывание в доброделании, чрез непрестанную, чистую и непарительную молитву, чрез всестороннее воздержание и усердное чтение Писаний.

38) Когда кто соделается причастником Духа Святого и наитие Его познает из неизреченного некоего Его в себе действа и благоухания, которое ощутимо обнаружится даже и в теле: тогда в пределах естества пребывать таковой уже не может, но, добрым изменением десницы Вышнего изменившись, забывает о пище и сне, презирает все телесное, небрежет о покое плоти, и весь день пребывая в трудах и потах подвижнических, утомления какого-либо или какой-либо потребы естественной не чувствует, ни голода или жажды, ни сна или других нужд естества. Ибо *любовь Божия* с радостию неизреченною *излилась в сердце его* (Рим. 5, 5), и он, всю ночь в бодренном бдении проводя, в телесном упражнении умное совершает делание, бессмертною услаждается трапезою из бессмертных произрастений мысленного рая, в который будучи

восхищен Павел, слышал неизреченные глаголы, которые не леть есть слышать человеку, имеющему пристрастие к чувственному.

40) Что из сущего в нас выше для нас, рачителей, видимое или мысленное? Если видимое, то ничего уже не будет для нас предпочтительнее и желательнее вещей тленных. А если мысленное: то *Дух есть Бог, и иже кланяется Ему, духом и истиною достоит кланятися* (Ин. 4, 24). Таким образом телесное упражнение излишне бывает, когда в силе умное делание, от которого тяготеющее долу легким делается и все превращается в духовное, в единении его с лучшим.

41) Три есть степени в преуспевающих в восхождении к совершенству: очистительная, просветительная и таинственная, или совершительная. Первая свойственна новоначальным, вторая – средним, и третья – совершенным. По трем сим степеням восходя по порядку, рачительный подвижник возрастает до возраста Христова и приходит *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13).

42) На очистительной степени стоят вводимые в священные подвиги. Свойственны ей – отложение образа перстного человека, освобождение от всякой чувственной страсти, облечение в нового человека, обновляемого Духом Святым. Дела ее – ненависть к чувственному, изможде-ние плоти, удаление от всего, что может возбуждать страстные помыслы, раскаяние в содеянном; при сем – омытие слезами слапости греха, благоустроение нрава благодатию Духа, умиленным сокрушением очищение внутреннего стклянпцы, т. е. ума, от всякой скверны плоти и духа и влияние в него вина слова, веселящего сердце человека очищаемого и принесение его царю духов для вкушения. Конец же – действенное разжжение себя огнем подвижничества, трудами подвижническими изверженпе из себя всякого яда греховного, закаление себя чрез погружение в воду сокрушения и соделание себя мечом, сильно посекающим страсти и бесов. Достигший сего угасил силу естественного огня, заградил уста львов, – свирепых страстей, стал силен духом, из немощного соделался крепким и, как другой авситидианин (Иов), воздвиг себе трофей терпения, победив искусителя.

43) На просветительной степени стоят действием священных подвигов преуспевшие в первом бесстрастии. Свойственны ей – водворение в уме образа здравых словес, или здравых на все воззрений, и причастие Духа Святого. Дело ее – очищение ума действием Божественного огня, мысленное сердечных очей отверстие и рождение слова с высокими помышлениями разума. А конец – Слово премудрости, уясняющее все сущее и бывающее, ведение божеских и человеческих вещей и откровение таин Царствия Небесного. Достигший сего мысленным деланием ума на колеснице огненной носим бывает четверицею добродетелей и, как другой фесвитянин (Илия), еще живой вземлется в мысленный воздух и обходит небесные области, став выше всего земного.

44) На таинственной, или совершительной, степени стоят пришедшие уже в меру возраста Христова. Свойственно им – пресекать воздух, возноситься выше всего, вращаться в кругу горних чинов небесных, приближаться к первому Свету и глубины Божии исследовать духом. Дело сей степени – исполнять зрителя таких предметов (ум) ведением путей Промысла, законов правды и истины и разрешения гаданий, притч и темных словес Божественного Писания. Конец же – тайноводствовать того, кто столь усовершен, к сокровенным таинам Божиим, исполнять его неизреченною премудростию чрез сочетание с ним Духа и в великой Церкви Божией являть его мудрым богословом, просвещающим людей богословскими поучениями. Достигший сей меры действом глубочайшего смиренномудрия и сокрушения восхищаем бывает до третьего неба богословия, как другой некий Павел, и слышит неизреченные глаголы, которые не леть есть слышать и человеку, под влиянием чувств состоящему, вкушает неизреченные блага, коих око не видало и о коих ухо не слыхало, и делается служителем таин Божиих, став устами Его, и совершает их для людей Словом, почивая при сем блаженным покоем в Боге, совершенный в совершенном, и с богословами в общении пребывая с высочайшими силами Херувимов и Серафимов, коим принадлежит слово премудрости и вместе слово разума.

50) Духовное возрастание ревнителей о спасении соответствует возрастанию Господа нашего Иисуса Христа человечеством. Когда они младенчествуют в новоначалии, тогда, подобно Господу Иисусу, млеком питавшемуся, питаются млеком телесных добродетелей, или *телеснаго обучения,* которое *вмале* (ненадолго) *есть полезно* возрастающим в добродетели и мало-помалу отлагающим младенчество (1 Тим. 4, 8). Когда возрастут они до возраста юношей и твердою начнут питаться пищею видения истины Божией, как имеющие чувства душевные уже обученными (Евр. 5, 14), тогда уподобляются Господу, преуспевшему возрастом и благодатию, посреди старцев сидящему и открывающему им глубокие тайны (Лк. 2, 46). Когда же *приидут в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13), тогда бывают подобны Господу, возвещавшему всем слово покаяния, научавшему народ тайнам Царствия Небесного и между тем к страданию своему спешно приближавшемуся. Таков конец и всякого, совершившегося в добродетелях, чтоб, прошедши все возрасты Христовы, вступить в прискорбные искушения в соответствие Кресту Его.

51) Пока мы состоим под стихиями телесного обучения, дотоле под *приставниками* и *повелителями* бываем, как младенцы, стрегомы, чтоб не касались брашен недолжных, не давали воли осязанию, не засматривались на красоту, не слушали песней сладких, не услаждали обоняния ароматами, хотя мы наследники и господа всего отцовского достояния. Когда же кончится это время обучения и завершится бес-

страстием, тогда, освободясь от закона мудрования плотского, пребываем мы под законом Духа и всыновление восприемлем. Когда же и сие совершится, тогда *Дух вопиет в сердцах наших: Авва Отче!* показуя и давая уразуметь нам сыновство наше и наше к Отцу и Богу дерзновение, – и сопребывает и беседует с нами, как с сынами и наследниками, не держимыми уже под игом рабства чувствам (Гал. 4, 3, 7).

52) Пред теми, кои, подобно Петру, преуспели в вере, подобно Иакову, востекли к надежде и, подобно Иоанну, совершились в любви, Господь, возведши их на высокую гору Богословия, преобразуется: зрак лица Его в чистом слове просвещается, как солнце; одежды Его в уразумениях неизреченной премудрости бывают светлы, как свет, и Он – Бог Слово – узревается ими стоящими посреде закона и пророков то как законоположитель и учитель, то как открыватель глубоких и сокровенных сокровищ премудрости, то как предзритель и предсказатель грядущего. Тогда, как облак светлый, осеняет их Дух, и глас таинственного Богословия приходит к ним оттуда, учащий их таинству триипостасного Божества и так вещающий им: се возлюбленный Мой предел совершенства, о *нем же благоволих,* – чтоб вы были Мне сынами совершенными в совершенном Духе.

69) Как *не иже яве иудей есть, ни еже во плоти обрезание: но иже в тайне иудей, и обрезание сердца духом, а не писанием* (Рим. 2, 28, 29): так и муж совершен в ведении и премудрости не тот, кто много только в явном краснословии, и истинный ревнитель благочестия не тот, кто старателен о явных телесных подвижнических трудах, но кто тщателен в сокровенном умном делании, *ему же похвала не от человек, но от Бога* (Рим. 2, 29), как непознаваемому людьми, но ведаемому и любимому Богом и теми, кои тем же Духом водятся.

70) Если *от дел закона не оправдится всяка плоть пред Богом* (Рим. 3, 20), то кто одними подвижническими трудами и потами совершенным явится пред Богом? Ибо деянием (деятельною жизнию) мы приходим только в навыкновение добродетели и пресекаем действо страстей, но этим одним не делаемся совершенными в меру исполнения Христова. Что же возводит нас в полное совершенство? Искренняя вера, которая есть *уповаемых извещение* (Евр. 11, 1), которою *Авель множайшую паче Каина принес Богу жертву и свидетельствован бысть быти праведник* (Евр. 11, 4), *и Авраам зовом послуша изыти* и переселиться в землю обетования (там же, ст. 8, 9). Она возводит истинных ревнителей к крепкому упованию приятия великих даров Божиих и дает им в сердце неистощимые сокровища духовные, чтоб износить оттоле ветхие и новые тайны Божии и давать требующим. Сподобившийся быть причастником ее восходит в любовь к Богу и ею делается совершенным в ведении Бога, и входит в покой Его, почив и сам от всех дел своих, *якоже и от Своих Бог* (Евр. 4, 10).

71) Древле Бог противившимся в неверии клялся, что не внидут в покой Его; почему они и не могли внити за неверствие (1 Пет. 3, 20; Евр. 3, 11; 4, 6). Как же ныне некоторые без веры одним телесным деланием чают внити в покой бесстрастия, когда видим, что многие не возмогли внити сим образом и почить от всех трудов своих? Всякому потому смотреть надлежит, не лукаво ли сердце его, исполнено быв неверием, чтоб не лишиться за то, несмотря на пребывание во многих трудах, упокоения и совершенства своего, ибо ради того и подъемлются труды деятельной жизни, чтоб, так как ему оставлено еще субботство, внити в покой бесстрастия, а не впасть в *древнюю притчу противления* (Евр. 4, 11) и не пострадать того, что пострадали противившиеся тогда по неверию.

72) Будучи чувственны, словесны и разумны, десятину некую должны приносить Богу и мы от себя: как чувственные, должны мы добре воспринимать чувствами впечатления от чувственных вещей и чрез красоту их востекать к созерцанию Создателя их; как словесные, добре говорить должны о божеских и человеческих вещах; как разумные, непогрешительные разумения должны иметь о Боге, о Вечной жизни, о Царствии Небесном и сокрытых в нем таинствах духовных, чтоб и по строгом исследовании оказаться нам и чувствующими, и говорящими, и мудрствующими здраво и безукоризненно, по Богу: в чем и состоит истинная мера совершенства нашего и Священное Богу приношение.

73) Истинная десятина наша Богу есть душевная пасха, т. е. прехождение всякого страстного нрава и всей неразумной чувственности. Сей, вкусивший пасхи, причащается Агнца непорочна, взявшего грех мира, и не умрет ктому, но, по слову Господа, жить будет вовеки (Ин. 6, 50, 51).

74) Возбудившийся от мертвых дел со Христом воскрес. Если он воскрес со Христом в ведении, *Христос же ктому не умирает* (Рим. 6, 9), то им не будет более обладать смерть неведения. Ибо кто древле умер грехом, сдвинувшись с естественного движения, умер единожды; а кто ныне живет, живет Богу свободою Духа Святого, возбудившего его от мертвых дел греха: так что он не живет уже плоти и миру, умерши для членов тела и для дел житейских, но живет в нем Христос, как сущем под благодатию Духа Святого и не состоящем под законом греха, поколику члены свои представляет в орудие правды Богу и Отцу.

75) Освободивший члены свои от рабства страстям и предавший их в рабство правде, приблизился к освящению Духа Святого, став выше закона плоти; и грех не будет уже обладать им, пребывающим в свободе и под законом Духа. Ибо не таков конец рабства страстям, каков конец работы правде: тот обыкновенно кончается мысленною пагубою души, а этот вводит в Жизнь Вечную во *Христе Иисусе Господе нашем* (Рим. 6, 12–23).

76) Закон плоти обладает человеком, пока он живет плотски; когда же он умрет и умертвится миру, тогда разрешается от закона ее. Иначе же умертвиться миру нельзя, как умертвившись для членов плоти; а для них умерщвляемся, когда соделоваемся причастниками Духа Святого. Духа же Святого причастниками признаемся мы, когда приносим Богу достойные плоды Духа: любовь к Богу от всей души и к ближнему от сердца, сердечную радость от чистой совести, мир душевный от бесстрастия и смирения, благостыню помыслов ума, долготерпение в скорбях и искушениях, благость в благоустроении нрава, внутреннейшую веру в Бога, ни в чем не колеблющуюся, кротость от смиренномудрия и умиления и всяческое воздержание чувств. Когда станем мы приносить такие плоды Богу, тогда будем вне закона плоти. И закон не будет уже для нас наказателем за плоды, какие, живя для плоти, принесли мы смерти. Ибо мы свободны стали от закона ее, как воскресшие со Христом от мертвых дел свободою Духа.

77) Начаток Духа в бане пакибытия приявшие и сохранившие его неугасимым, будучи тяготою плоти бременимы, воздыхают сами в себе, всыновления чающе от исполнения Утешителева, чтоб увидеть избавление своего тела от работы тлению (Рим. 8, 23). Ибо Дух вспомоществует им в естественных их немощах и ходатайствует о них *воздыханиями неизглаголанными* (Рим. 8, 26); так как по Богу есть мудрование их и упование их чает увидеть откровение сынов Божиих в мертвенной плоти их, что есть животворная мертвость Иисусова, чтоб и им пребыть сынами Божиими, от Духа Святого водимыми, и, освободясь от рабства плоти, внити в свободу славы чад Божиих, коим, яко любящим Бога, *вся поспешествуют во благое* (Рим. 8, 28).

78) Божественное Писание постигается духовно, и сокрытые в нем сокровища только духовным открываются Духом Святым. Душевный же человек откровения их приять не может (1 Кор. 2, 13, 14), – так как он, кроме чередования помыслов своих, о другом чем думать или внимать тому, что говорит другой, не способен. К тому же он не имеет в себе и *Духа Божия, испытующаго глубины Божии и единаго ведающаго Божие* (1 Кор. 2, 10, 11), но имеет дух мира чувственный, ревности и зависти полный, спорливостью и раздором переполненный, по причине коего ему юродство есть углубляться в смысл Писания и мысли его исследовать. Не имея силы разуметь его, – так как все, содержащееся в Божественном Писании, *духовне возтязуется* (1 Кор. 2, 14), – Божеских ли или человеческих дел то касается, – он насмехается над теми, кои *духовне то сразсуждают* (1 Кор. 2, 13), и таковых не духовными и не Духом Божиим водимыми именует, а возводительными (анагогиками, по произвольному наведению открывающими духовный смысл в Писании), и их слова и духовные разумения извращает и перетолковывает по своему смышлению. Но духовный не таков, но *востязует убо вся* под

воздействием Божественного Духа, *сам же он ни от кого востязуем быть не может,* так как у него *ум Христов, котораго никто изъяснить не может* (1 Кор. 2, 15, 16).

79) Огнем откроется последний день, и огнем будут испытуемы дела каждого (1 Кор. 3, 13), говорит св. Павел, прилагая при сем, что, чьи дела по существу нетленны, каковые он внутрь себя отложил в созидание свое, те пребудут посреде огня нетленными и не только не сгорят, но еще соделаются блестящими, очистившись совершенно от малых каких-либо пятен. А чьи дела тленны по веществу, каковые он, как бремя, на себя возложил, те, возгоревшись, сгорят и оставят его в огне ни с чем. Дела нетленные и пребывающие суть слезы покаяния, милостыня, сострадание, молитва, смирение, вера, надежда и всякое дело, в видах истинного благочестия содеваемое, – кои, и когда живет человек, созидаются в нем во святой храм Богу, и когда умирает, отходят с ним и сопребывают с ним нетленными вовеки. А дела, в огне истлевающие, как для всех явно, суть сластолюбие, славолюбие, сребролюбие, ненависть, зависть, воровство, пьянство, досаждение, осуждение и всякое дело, телом совершаемое по похоти или гневу. Все такие дела, и когда живет человек, разжигаясь похотию, тлеют вместе с ним, и когда отторгается он от тела, отходят вместе с ним, но не сопребывают с ним, а быв истреблены огнем, делателя своего оставляют в огне на нескончаемую во веки веков муку.

80) Познание Бога означает, что наздавшийся в нем чрез смиренномудрие и молитву познан Богом и обогащен от Бога неложным познанием сверхъестественных таин Его. А в ком видится надмение, тот не чрез них (не чрез смирение и молитву) наздался в нем (в познании Бога), но водится духом мира сего чувственного. Почему таковой, хотя и кажется знающим нечто, ничего из божественных вещей не знает, как должно. Любящий Бога и ничего не почитающий достойным предпочтения любви к Богу и ближнему познал и глубины Божии и тайны Царствия Его, как знать надлежит тому, кто Духом Божиим движется, и познан от Бога истинным делателем рая церкви Его, который любовию и совершит волю Божию, обращая души и достойными соделовая недостойных словом, данным ему от Духа Святого, и дело свое чрез смиренномудрие и сокрушение соблюдет некрадомым.

81) Все мы крещены водою и Духом Святым, и все то же брашно духовное вкушаем, и все то же питие духовное пием: каковое брашно и питие Христос есть. *Но не во множайших* из нас *благоволит Бог* (1 Кор. 10, 2–5). Ибо многие из верных и ревностных христиан тела свои многими подвижническими трудами и телесными деланиями изможди и утончили; но, как они при сем не имеют умиления от сокрушенного и благолюбивого сердца и милосердия от любви к ближним и к самим себе, то оставлены пустыми, лишенными исполнения Духа Святого и уда-

ленными от истинного познания Бога, имея мысленные ложесна свои неплодными и слово безсольное и безсветное.

82) Чего ищут назореи от Господа, не есть только взойти на гору Синай деянием или только пред взытием туда очиститься, убелить ризы свои и не иметь соития с женою, но и то, чтоб узреть не *задняя Божия* (Исх. 33, 23), а Самого Бога, изъявляющего им Свое благоволение, дающего им скрижали ведения и посылающего их на созидание людей своих.

83) Не всех слуг Своих и учеников Господь вводит с Собою в откровение сокровенных и высших таин Своих, но только таких некиих, коим дано ухо для слышания, коих око открыто для видения и язык новый ясен. Таких взяв и отлучив от прочих, кои тоже ученики Его суть, восходит на Фаворскую гору созерцания и преображается пред ними; не тайно открывая им потребное о Царствии Небесном, но явно показуя славу и светлость Божества.

84) Многие с полным усердием возделали нивы свои и семя чистое посеяли на них, посекши наперед терния и волчцы сожегши огнем покаяния. Но, как Бог не одождил на них дождя Духа Святого от сокрушения, то они ничего с них не пожали; ибо они высохли от бездождия и не принесли в себе многоплодного класа Боговедения. Почему такие, если не с гладом слова Божия, но со скудостию Боговедения и с пустыми руками вышли из тела, малым нечим от воздаяния запасшись на путевое содержание.

85) Всякий, износящий из уст своих полезные к созиданию ближнего слова, из благого сокровища сердца своего износит их, по слову Господа (Мф. 12, 35). Но никто не может войти в Богословие и сказать подобающее о Боге, как только Духом Святым; и никто, Духом Божиим говорящий, не говорит того, что противно вере во Христа, но одно то, что назидает, что к Богу возводит и в Царствие Его вводит, древнее благородство восстановляет и с Богом соединяет. Если теперь явление Духа каждому дается на пользу (1 Кор. 12, 7), то обогатившийся словом премудрости Божией и благую часть слова разума приявший, состоит под действием Божественного Духа и храм есть неистощимых сокровищ Божиих.

86) Не оставляется непричастным благодати Духа никто из уверовавших во Христа и крестившихся, если только он не предал себя совсем в плен всякому действию противного духа и не осквернил веры делами или с нерадением и беспечностию не сжился. Кто же сохранил неугасимым начаток Духа, приятый им в крещении, или угашенный опять возжег делами правды, тому невозможно не приять и исполнения Его.

87) Имеющий любовь не умеет по рвению завидовать, не превозносится, как высокоумный и продерзый, не надмевается ни перед кем, не бесчинствует, творя неподобное в отношении к ближнему, не себе толь-

ко полезного ищет, но и что полезно ближнему, не раздражается на того, кто опечаливает его, не вменяет во что-либо, если иногда придется пострадать что злое, не радуется о неправде друзей, но срадуется об истинной правде их, все находящее на него печальное покрывает, всему в простоте и незлобии верует, все обетованное нам Богом получить надеется, всякие искушения претерпевает, не воздавая злом за зло; и никогда от любви к ближнему не отпадает делатель любви (1 Кор. 13, 4–8).

95) Когда пятерица чувств подчинена четырем главнейшим добродетелям и хранит всегдашнюю им благопокорность, тогда естество тела, из четырех стихий составленное, не мешает колесу жизни двигаться безмятежно. Когда же оно так движется, тогда силы наши не восстают одна против другой, но страстная часть похотения и гнева согласуется с мысленною, и ум, восприяв естественную свою державную власть, из четырех главных добродетелей устрояет себе колесницу, а трон из служебной пятерицы, и, победив тиранствующую плоть, вземлется четвероконно восхищаемый на небеса и, представ Царю веков, венчается венцом победы, и в Нем упокоевается от течения своего.

Каллист Катафагиот

Краткое сведение о его жизни [12]

Каллист Ангеликуд, или Каллист Катафигиот, или Каллист Тилликуд (XIV–XV вв.) – святой, богослов и философ. О жизни его известно крайне мало. В Добротолюбии сочинения Каллиста Ангеликуда включены под именами Каллиста–патриарха, Каллиста Тилликуды и Каллиста Катафигиота. Ранее высказанное мнение о тождестве Каллиста Ангеликуда с Каллистом–патриархом опровергается более новыми изысканиями.

Насколько же свидетельствуют настоящие его главизны, муж был поистине во внешней и внутренней философии образованнейший; ибо настолько сей блаженный восклонялся к премирной сокровенности Троической сверхсущности с соработничеством благодати, и так возносился к боговидению и непосредственному единению и умному молчанию и сверхнепознаваемому неведению, совершенно от всего отрешаясь, через изобилие чистоты, что являлся поистине как бы ангелом и богом по благодати на земле.

[12] Первый абзац описания из современных сведений, второй из греческого «Добротолюбия».

Уцелевшие главы св. Каллиста Катафигиота, обдуманные и весьма высокие о божественном единении и созерцательной жизни [13]

Всякое живое существо из всего того, что рождается, в силу лучшей своей прирожденной деятельности[14] в одинаковой степени пользуется и покоем и удовольствием, в этом находит наслаждение и потому стремится к нему. Таким образом и человек, имея ум и, естественно, размышление о жизни, ощущает наибольшее наслаждение и действительный покой тогда, когда он помышляет относительно себя о лучшем [состоянии], хочет ли кто-нибудь назвать его благом или добро́тою.[15] Это состояние бывает действительно у того, кто, имея Бога в уме, помышляет о свойствах Его, как Существа действительно Верховного, мыслимого превыше ума, любящего человека бесконечно и свыше разума и уготовляющего высокие дары и непостижимые блага и красоты своим созданиям и притом главным образом в вечности.

2. Если всякое рождение уподобляет рожденное родящему, как сказал Господь, что "*рожденное от плоти, плоть есть; и рожденное от Духа, дух есть*" (Ин. 3, 6); и если родившийся от Духа есть дух, то очевидно, что таковой будет и Бог по родившему Духу, так как Дух есть и истинный Бог, от Которого по благодати родился причастник Духа. Если же таковой Бог, то он будет по достоинству явно созерцателем, ибо от созерцания Бог и наименован Богом[16]. Так что не созерцающий, следовательно, или еще не достиг духовного рождения и причастия, или же, достигнув его, смежает, по неведению, зрительную силу свою, невежественным образом отвращается от божественных мысленных лучей,

---

[13] По переводу А.Ф Лосева (с некоторыми комментариями А.Г. Дунаева).

[14] Здесь и ниже как деятельность (слав. действо) передается энергия (ἐνέργεια), которую нужно отличать от деятельности в практическом смысле (πράξις).

[15] Правильное ударение добро́та (καλόν), красота, прежде всего нравственная, как в добротолюбии (Θιλο- καλία).

[16] Слово "Бог" (θεός) преп. Каллист производит, вслед за долгой античной и святоотеческой традицией, от θεάομαι, "созерцаю"

сияющих вокруг умного Солнца Правды и, ставши участником созерцательной силы,[17] к несчастию, лишается ее действия, хотя бы и устремлялся горе к святости.

3. Все существующее получило от Создателя своего по слову (Его) свое собственное движение и естественное свойство, откуда последовательным образом произошел и ум. Но движение ума заключает в себе (нечто) постоянное. Постоянное же бесконечно и беспредельно. Следовательно, движение конечное или ограниченное противно будет собственному назначению ума и сущности его природы, а это будет с ним в том случае, если движение свое он направит на [предметы] конечные и ограниченные. Ибо невозможно, чтобы предмет был конечен и ограничен, а движение ума к нему, или вокруг него, простиралось в бесконечное. Следовательно, приснодвижность ума требует действительно чего-то бесконечного и неограниченного, к чему бы она направлялась разумно и сообразно своей природе. Но, действительно, нет ничего бесконечного и истинно-беспредельного, кроме Бога, по природе и сущности единого. Следовательно, к единому истинно-бесконечному, т. е. к Богу, и должен ум устремляться, взирать и двигаться: ибо это действительно прирождено ему.

4. Бесконечно и безгранично созерцаемое о (περί) Боге, но и этим, однако, не может вполне наслаждаться ум, ища Виновника своего бытия. Ибо, так как каждое (существо) естественно находит удовлетворение в подобном себе, то ум, будучи един по природе, хотя и представляет из себя многое по мыслям, устремляясь и как бы двигаясь к Богу, единому по существу, но многому по деятельности, не может найти полное удовлетворение прежде, нежели он станет пребывать духом в одном естественно беспредельном, как бы перешедши от многого. Следовательно, ум может находить полное удовлетворение естественно в одном только Боге. Но, конечно, из существ каждое наиболее удовлетворяется прирожденным свойством. Следовательно, для ума является даже наиболее естественным свойством двигаться, простираться, пребывать и всецело находить радость в одном только Боге, просто и беспредельно едином.

5. Всякое движение какой бы то ни было твари и, конечно, и самого ума имеет в виду и действительно усиленно стремится к неподвижному и спокойному состоянию; переход в состояние (стояние?) и покой в себе есть конечная цель и равным образом успокоение для твари. Но, конечно, ум, как одно из созданий, будучи в движении, не может достигнуть

[17] Во всех переводах “созерцательной силы”, как будто бы в греческом тексте стояло θεωρητικῆς, в то время как в греч. “Добротолюбии” другое чтение — “божественной силы” (θεωτικῆς). Скорее всего, преп. Каллист употребил именно последнее выражение, встречающееся из всех святоотеческих текстов только у Дионисия Ареопагита, “О небесной иерархии”, 3, 2 и 6, 1 (PG 3, 165 A[14] и 200 C[3]).

неподвижного и спокойного состояния среди тварей. (Ибо, так как все созданное, как начавшееся, получает соответственным образом конец, то приснодвижность, присущая уму, должна была бы прекратиться и, следовательно, ум [в таком случае] должен был бы искать, где ему прийти в движение, и вовсе не был бы в состоянии спокойствия или возможности достигнуть свойственной ему конечной цели; или же ум не будет обладать приснодвижностью сообразно со своим назначением, если будет объят [вещами] ограниченными и конечными. А это далеко от природы ума, очевидно всегда подвижной). Итак, невероятно, чтобы ум обрел спокойствие или остановился тогда, когда он бывает среди тварей. Так где же ум может воспользоваться своим собственным свойством, именно останавливаться среди движения и таким образом пребывать в спокойствии и мире и непоколебимо воспринять чувство отдохновения, если он не достигнет несозданного и неограниченного? Это же — есть Бог, истинно и премирно единый. Итак, Его единого и неограниченного должен посредством движения достигать ум, как бы нашедший свое естественное спокойствие, разумеется, в мысленном покое. Ибо там стояние духом и гостеприимное отдохновение, бесконечный предел всего,[18] и движение, сосредоточиваясь на Том едином, не прекращается никаким образом ни для какого ума, достигшего беспредельного, бесконечного, неограниченного, безвидного, безобразного, совершенно простого: ибо таков названный единым, т. е. Бог.

6. Если Бог, по Давиду, творит Ангелами своими духов (Пс. 103, 4) и тех из людей, кого рождает Дух, делает духом (Ин. 3, 6), как сказал Господь, то тем же ангелом бывает, следовательно, человек, родившийся от духа явным причастием его. Но свойство ангелов непрестанно видеть лицо Отца нашего небесного (Матф. 18, 10), как и это сказал Господь; следовательно, и явный причастник Св. Духа должен как [и] приличествует, устремляясь горе, созерцать лице Божие. Поэтому, конечно, и Давид учит, говоря: “*Взыщите Господа и утвердитеся: взыщите лица Его выну*” (Пс. 104, 4). Следовательно, не соблюдает приличествующего и подобающего тот, кто ставши причастником Святого животворящего, просветительного и любветворного Духа, и испытав несказанное рождение от Духа, возвысившись до достоинства ангела, затем без достаточной причины из-за излишней опасливости ограничивает свое умное чувство к Богу и внушает ему нежелание простираться к Богу и божественному, хотя и Спаситель повелевает пребывать в Нем, так как и Он сам пребывает в нас (Ин. 15, 4), и Давид говорит: *“Приступите к Нему и просветитеся*” (Пс. 33, 6). И действительно, если бы мы намеревались делать должное и подобающее, то во свете Бога Отца, — я говорю о

[18] В оригинале этимологическая фигура всего предел беспредельное (παντων περαῃ το απειρον).

Святом Духе — мы увидим свет[19] Божий, т. е. божественную истину, если мы как-нибудь по неведению не откажемся от обращения к божественным лучам.

7. Тремя способами восходит ум к созерцанию Бога: самодвижно, инодвижно и средним между этими [способами]. Самодвижный способ совершается только природою ума по собственному желанию при помощи воображения; пределом его бывает созерцание вещей божественных.[20] Об этом некоторым образом мечтали и сыны эллинов. Второй способ — сверхъестественный, происходящий от хотения и просвещения только одного Бога; поэтому [ум] в таком случае находится всецело под божественным влиянием и восхищается до божественных откровений, и вкушает неизреченные тайны Божии, и видит исходы будущего. Средний же — между этими — способ отчасти соприкасается с обоими. Именно там, где действие совершается по собственному желанию и воображению, он является согласным с самодвижным; с инодвижным же он имеет общее постольку, поскольку [ум] соединяется с самим собою при божественном освещении и неизреченно видит Бога за пределами своего собственного духовного единения. Ибо тогда ум становится вне всех этих божественных вещей, видимых и сказываемых, не видя ни благоначалия или обожения, ни мудрости или силотворной державы или промысла или чего бы то ни было из божественных [явлений], всего более наполняясь духовным светом, а также и радостию, производимою божественным огнем, растворяемым любовию.[21]

8. Ум, пользуясь собственным воображением для созерцания невидимого, руководится верою; осияваемый же благодатию, он утверждается надеждою; восхищаемый же божественным светом, он становится сокровищницею любви человеческой, а гораздо более Божией. Таким образом тройной строй ума и движение в вере, надежде и любви становится совершенным и боготворным, твердым и непреклонным. И, достигая этой широты вышнеградия, как можно выразиться, он утверждается в крепости любви. Отсюда вытекает то, что говорится у Павла: "*Любы вся любит, вся терпит*" за благо веры и надежды; "*любы*", говорит он, "*николиже отпадает*" (1 Кор. 13, 7—8), вследствие пламенного единения и неизреченного соприкосновения ее с Богом.

9. Ни в чем созданном не выделено единое. То, что одно от другого различается некоторым образом своего природного свойства, — этого нельзя не знать; а как они созданы, в этом одно от другого не отличается ни в начале, ни в конце своего бытия, как потому, что оно ограничено

---

[19] Ср. с известным выражением из Пс. 35, 10, вошедшим в богослужение (Великое славословие Утрени: "Во свете Твоем узрим свет") и цитированным Каллистом ниже в §21.

[20] Сравни главу 4, начало.

[21] Или смягченным (συγκιρναμενου) любовью.

естеством, так и потому, что не есть истинное простое единое. Ибо только одно есть в действительности несозданное, как простое, как не имеющее ни начала, ни конца и безграничное, и потому бесконечное, а это именно есть Бог. Взирая на Него при участии и содействии животворящего Духа, ум, объединенный и упрощенный, будучи в боготворном устроении, все время получает приличествующее ему возрастание; и при этом он очень ясно понимает, что помимо единого и без взирания к нему в духе невозможно уму быть лучше. Это потому, что ум рассеялся, уступив многочастному миру и страстям и, сообразно с этим, нуждается в премирной силе и, следовательно, в сверхъестественном едином для взирания, чтобы таким образом отвлеченный от частностей, он стал вне страстей и разделения и чтобы так он мог достигнуть боговидного. Поэтому-то и Господь творит моление к Отцу, чтобы мы, верные, были едино (Ин. 17, 22) во Отце и в самом Сыне Духом и таким образом единое, как они сами суть единое [не в плохо понятом смысле, конечно, как назвал единое Савеллий], чтобы мы были, как и следует, усовершены, и благодатию объединяющего Духа и единовидным созерцанием в едином Боге. Вот в этом для нас, очевидно, действительно преуспеяние на лучшее и это — конец и истинный и единственный покой. Поэтому завистливая и человеконенавистная демонская дружина, расточившая ум на почитание многих богов, к сожалению, рассеяла единство ума на заблуждение и не допустила его иметь представление об едином премирном, для того, чтобы, заставив ум, вопреки его природе, сосредоточиваться на служении, воззрении и разделении на многие [предметы поклонения], выставить его склонным ко всевозможным страстям и лжи, вместо истины и добродетели. Поэтому-то Дух Святый завещает через пророка, говоря: “*Приступите к Нему*”, т. е. Единому, “*и просветитеся*” (Пс. 33, 6) и еще в другом месте: “*Аз Бог первый и Аз по сих, и кроме Мене несть иного Бога*” (Ис. 41, 4; 44, 6), и опять: “*Слыши, Израиль, Господь Бог Твой — Господь един*” (Втор. 6, 4). Ибо Триипостасность Единого Божества не разделяет единого Господства, но и Три суть действительно точно Лица, и, с другой стороны, нисколько не менее Они едино существо с силою, хотением и действием и прочими существенными благами. Итак, служить единству Божию и взирать и, по силе, собираться к нему от многого — есть воля Божия, и преуспеяние ума, как открытие истины и божественной любви, и, следовательно, плод обожения.

10. Если ложь многочастна, а истина есть единое, то, следовательно, ум, простирающийся в Духе к единому премирному, превосходящему все, к источнику [этого] многого простирается к самой истине. Однако же ум не может стать свободным от страстей, если истина не освободит его (Иоан. 8, 32). Следовательно, ум становится свободным от страстей, склоняясь и простираясь единственным образом к единому премирному. Уму для бесстрастия, боговидного устроения и духовного сыноположе-

ния более всего приличествует свобода, а никак не рабство, потому что "*раб*", как говорит [слово Божие], "*не весть, что творит Господь его*" (Ин. 15, 15). Если же неведение свойственно рабу, то, очевидно, что получивший в удел свободу знает тайны Отца, и ему таким образом удалось взойти в благое и прекрасное достоинство сыноположения, ибо как незнание явно противоположно знанию, так, конечно, и положение раба явно противоположно сыновнему. И если незнающий есть раб, то знающий вовсе не раб, но свободный, или, так сказать, сын. Ибо и Дух истины, действительно освобождающий, сам сынополагает Богу тех, в кого Он вселится. "*Ибо*, говорит Он, — *те, которые водятся Духом Божиим, суть сыны Божии*" (Рим. 8, 14). Если же взирание на сверхсущественное единое может быть свойством истины, истина же доставляет свободу уму, а свобода есть явный признак божественного сыноположения, то нет никакого другого дара ни большего, ни приличествующего более [разумной] природе, чем этот Дар сыноположения. Следовательно, было бы очень разумно и необходимо, чтобы, по мере сил, ум духоносно простирался, взирал и собирался к единому премирному, т. е. к Богу.

11. "*Господь Бог твой*, — говорит Дух Святый, — *Господь един есть*". (Втор. 6, 4) Такова именно забота у Божества Духа — возводить ум к единому премирному. И уж, конечно, нельзя говорить, что [Дух] единое проповедует, а обращение и воззрение ума [к Нему] — отвергает. Ибо, что Святый Дух говорит, то хочет, чтобы было и предметом мысли, а к тому, что составляет содержание мышления, — обращался бы и ум. Ибо при отсутствии обращения ума к предмету мысли и самое то, что он мог бы помыслить, отсутствует; и окажется по необходимости всуе произнесенной проповедь о едином, и через то и вера. Если же это несообразно, то, следовательно, несообразно не размышлять о едином уму, обращающемуся и простирающемуся к нему.

12. Если прирождено 'причиненным созданиям' (слово τὰ αἰτιατά; буквально: "[существа], имеющие причину [своего бытия]", то есть не самобытные, а тварные), в особенности разумным, простираться и обращать свой взор к причине [своего бытия], все же произошло от Бога как своей причины, от которого и ум, а Бог есть верховное и простое единое, то, следовательно, естественно уму, обращаясь к верховному и простому единому как к своей причине, простираться и взирать на него.

13. Если "*все из Него, Им и к Нему*" (Рим. 11, 36), а ум есть также одно из всего, то, следовательно, из Него, и Им, даже ближе всего из Него, и именно Им существует самый ум вследствие богоподобия. Поэтому тем более должен ум взирать к Нему. Выражение же "*к Нему*" значит, что должно взирать, обращаясь к явлению единого премирного. Следовательно, ум должен взирать на единое.

14. Из единого происходит многое, и не из многого единое. Но, конечно, тварь есть многое; следовательно, тварь происходит, очевидно, из единого. Но то единое является, без сомнения, превыше твари, как Творец и Создатель; следовательно, тот, кто созерцает тварь как должно, по необходимости будет иметь завершение своего созерцания в едином премирном именно потому, что в созданиях действительно есть очень много как бы отголосков причины, при помощи которых познается Тот, Кто промыслительно все произвел, как восхотел, художеством, мудростию, силою и благостию. Поэтому и Исайя говорит в Духе: "*Воззрите на высоту очима вашима и видите, кто сотвори*[22] *сия вся*" (Ис. 40, 26). "*Сия вся*" сказал он, по множеству причиненных созданий, а "*Кто*" — возводя ум к Виновнику этого, Который просто, по природе, есть единое.

15. Собирается и тварь в единое, но сложное, многочастное и не безначальное, как сотворенное. Творящее же есть едино, не только единое, как создающее стройные соединения многого и различного в единое согласие и цель всего, но уже и несозданное, как первоначальная причина. Ум, восходя последовательно, по необходимости придет к чему-то единому, начальному, устрояющему видимый порядок и рождение существ, гармонию и согласие в едином, или если не к этому, то дойдет до бесконечного, что несообразно. Ибо все движимое и происходящее когда-то не существовало, и не сущее получило начало, если же получило начало, то и движимо. Что́ нужды искать двинувшее и приведшее в бытие? Оно будет недвижным, поскольку оно движущее. Если же (это) и так, то что такое движущее, как не подчиненное другому началу, так как оно безначально. Если же оно неподвижно, то и непременяемо; если же оно таково, то оно также совершенно просто; а чтобы, будучи несложным, оно не изменилось, то оно является нам непреложным. Ибо сложение есть начало несогласия, несогласие же есть начало расторжения, конец движения. Итак, именно там нет сложения, чтобы не было и несогласия, и нет несогласия, чтобы не было и расторжения, и нет расторжения, 'чтобы изменение и движение не являлось в непреложном и неподвижном как в движущем, не в движимом, и как в ведущем к бытию, не ставшем или становящемся.' (Перевод Леонтьева.: *"... чтобы изменение и движение в непреложном и неподвижном не являлось как в движущем, тогда как оно не рождалось и не рождается*"). Итак, если непреложно и неподвижно, то по необходимости несложно и оттого весьма простое и нерасторжимо единое премирное. Ум, простираясь к нему, становится решительно вне всего, вследствие присущего ему взирания к прекрасному и стремления к сущему превыше всего, а еще более к тому, от кого все и к чему естественно простирается все. Когда это происходит

[22] буквально показа, τιῃ κατεδειξε.

соответственно разумным образом, то ум бывает и вне страстей. Ибо, простираясь и бывая превыше даже прекрасного, ум никаким образом не стал бы останавливаться на срамоте страстей. Поэтому "*Тому одному послужиши*" (Втор. 6, 13), очевидно, единому (премирному), говорит священный Закон.[23] Следовательно, должно простираться к единому верховному, если мы хотим и исполнять Закон Божий и оказаться превыше страстей.

16. "*Господь,* — говорит [слово Божие], — *един вождаше их, и не бе с ними бог чужд*" (Втор. 32, 12). Видишь ли ты силу единственного и единого? Что не было с ними бога чужого, потому что вел их один Господь? Но ведь Господь водит последующих Ему, а не тех, которые отвращаются [от Него]. Чему кто следует, к тому и обращается. Итак, если мы хотим не иметь другого бога при себе, демона или страсти, то последуем одному и единому через духовное общение [к Нему], чтобы и о нас могло считаться сказанным не без основания: "*Господь один водит их*", поэтому "*и бога чужого нет с ними*".

17. Хотя многое происходит из единого, но различным образом, потому что, конечно, и способ образования существ, по которому они происходят от первой единицы — различен. Ибо одни из них получили начало и сотворены, другие же — несозданы и избежали условия временного начала, но для всех во всех отношениях служит причиною сверхсущественное единое, одним — творчески, другим же — естественно. И потому не ко всем им следует тотчас одинаковым образом привязываться и держаться их, но к тому, что подлежит началу и созданию, должно приступать не из-за него [самого], а по другой причине, как [подходят] к зеркалу из-за отражаемого в нем, или показуемого им. Ибо в целях преуспеяния на лучшее, не следует и подходить к твари по иным побуждениям, кроме того, что в ней проявляется вышнее единое. К безначальным же и естественным созданиям мы приступаем не из-за чего-нибудь иного, кроме их [самих] и того, откуда они происходят, или их Виновника. Ибо они и суть те [создания], к которым следует приступать из-за них самих и им ближайшим и естественным образом принадлежит единое: скорее же, конечно, они сами принадлежат ближайшим образом и, как сказано, естественно единому высокому и верховному. Итак, следует не только приступать, но и прилепляться к ним и при помощи их стараться отпечатлеть на себе подобие первого и единого прекрасного, для того, чтобы содействием и помощью благодати нам стяжать достоинство славы Божией по образу и подобию [Божию]. Вследствие этого бывает то, что рассуждающие правильно, на основании причиненного творчески возводят ум созерцательно к образу единого, как бы отраженному, и объединяют его решительно и просто в единственную мысль об едином

[23] т. е. единому премирному.

премирном, если только ум, как следует, смотрит на эти [творения]. В созданиях же, имеющих причину свою от природы, заключена сила соединять ум, занятый ими и образованный по ним, с тем действительно единым. Поэтому, конечно, от всех каких угодно созданий, будут ли они естественные или творческие, ум привык естественным образом собираться к различно единой причине или деятельно, или уже созерцательно. И чем бы ум ни пользовался, — одним ли или большим числом творческих или естественных созданий, — [если] не из-за единого и не для того, чтобы, собравши себя, возноситься к Первому Единому и вообще воззреть на Него при святом участии и наитии просвещающего Духа, ‘простым единящим и уединяющим образом’ (Перевод Леонтьева: ‘просто, одним и единственным образом’), — [то] все это ему вменяется в грех, хотя это употребление (такое отношение к твари) будет у него иметь вид добра. Ибо происходящее от единого ведет естественно к Единому тех, кто пользуется им, как должно. Ибо “*всякое обнаружение светоявления, происходящего от Отца*, — говорит Великий Дионисий,[24] — *благодетельно приходящее к нам, снова, как единотворная сила, стремительно наполняет нас и обращает к единству собирателя Отца и к боготворной простоте; ибо “из Него и к Нему все””* (Рим. 11, 36). Если же не возводить к этому, то оно бывает несогласно с природой и употребление [даров светоявления] становится вне границ должного, если оно совершается не таким именно образом.

18. Есть действие, предшествующее созерцанию, и есть действие, следующее за созерцательным. Первое совершается телесно, чтобы, обуздавши порывы тела и создав мало-помалу стройное движение [его], можно было таким образом дать возможность уму свободною ногою перейти в свою область, которая есть — умственное, и там хорошо поработать в свою пользу. Другое действие, начиная от ума и мысли в духе, сводится к тому, что выше ума, т. е. к Богу. Приблизившись к нему, ум достигает единого, ибо единое есть Бог, да уж и сам ум соединяется в себе во единое и становится нераздельным. ‘Ибо единое — сообщитель единицы и, будучи созерцаемо, боговидной простоты’.[25] Ибо не вяжется (не соглано, не бывает так), чтобы ум, созерцая единое, не был и сам простым единым; если же он созерцает разделенное и сложное, то необходимо [и ему] разделяться и бывать различным. Названо же мною просто единым простое, существующее само собою. Именно, так как ум, чем бы он ни был, допускает изменения в своей деятельности, а сам он прост, то необходимо, чтобы, видя единое, он был единым и по деятельности. Если же, положим, он видит единое, а сам разделен, по крайней

[24] Дионисий Ареопагит, О небесной иерархии I 1: PG 3, 120 B.

[25] ίεναδοῃ γαρ προξενον το εν, και απλοτητοῃ ῳεοειδουῃ ῳεωρουμενον. Перевод Леонтьева: “Ибо единое — причина единицы и образ [θεωρούμενον — созерцаемое] боговидной простоты”.

мере, на две части, то что именно делала бы часть его, отделенная от видящей единое? Ведь она или видит что-нибудь другое, или не видит, и притом двояким образом — или не желая, или по слабости ощущения, или же, быть может, будучи предназначена самою природою к иной деятельности, а не к созерцанию. Но, если кто-нибудь предположит, что ум смотрит еще на что-либо другое, то заметь, что ум не видит единое просто, но, вопреки расчету, два; а видя два, он не может быть единым. Ибо, как доказано, он раздробляется на то, что он созерцает. Предположить же, что он не видит, если не хочет, невозможно, ибо не может мыслящий ум допустить бездействия даже на самое кратчайшее мгновение. Но и нельзя думать так, что у ума одна часть притупляется, а другая изощряется; или так, что он может быть не простой, а сложный, состоящий из каких случится частей, [а также], что одна часть его[26] видит, а другая назначена для другого какого-нибудь вида деятельности: ведь и это служит выражением сложения, чего сказать о простоте ума совершенно невозможно. Вследствие этого, если единственное и простое естество ума будет, положим, смотреть на простое единое, то и оно само будет единым по деятельности. И если оно будет простое единое, то оно видит единое простое. Поэтому всякое действие или созерцание по необходимости должно устремляться к единому, превосходящему ум. Иначе ум ничего не совершит, но окажется напрасно действующим или созерцающим, ибо он будет действовать, подвергшись разделению от страстей, не увлекаемый чувством души к единовидному соединению с единым, превосходящим ум, каковое именно соединение способно процеживать и очищать зрительное начало ума, возвышаемое к тому единому, взирающее и притом ощущающее его в Том, от Которого все, и Которым, и в Котором все, для Которого [все] бывает, есть и существует.

19. Венец всех желаний есть единение Бога с душою, превосходящее ум. Для божественного единения необходимо божественное подобие; для божественного подобия необходима деятельность ума, то есть созерцание. Ибо таково именно Божество, отчего ему и присвоено имя Бог.[27] Но созерцание тотчас восходит к мысли о Боге. Ибо отовсюду и во всем созерцательному уму Бог влагает как бы некоторые лучи, и созерцательный ум имеет Бога прямо перед собою, Бог же есть премирное единое. А уму естественно становиться по деятельности таковым, каковое он видит, как и богословный язык божественного Григория доказывает, говоря, что "*ум видит и ощущает светлость Божию*".[28] Ибо, что ум увидел, то он и ощутил, или даже стал таковым. Ибо ум, говорит Петр Дамаскин, *принимает окраску соответственно тому, что он*

[26] σκελοῃ, буквально — нога от лядвеи (бедра) до ступни.

[27] ο Θεοῃ (Бог) пр. Каллист производит от ῳεωρεω (созерцаю).

[28] Григорий Назианзин, Слово 38, П: PG 36, 324 A.

созерцает:[29] и как смотря на разделенное и различное, он бывает различен и разделяется, так, взойдя к созерцанию премирного и просто единого, он последовательно становится единым, как мною сказано прежде. Когда же он достигает единого, то он видит безначальное, бесконечное, безобразное и простое, ибо таково единое. Вследствие этого, конечно, и сам он становится безначальным, бесконечным, безобразным и простым по деятельности. В таком положении, при такой перемене, он восходит, насколько это возможно, к уподоблению чему-то божественному. И отсюда он поднимается к концу всех желаний, к божественному, превосходящему ум, и неизреченному единению, которое именно и является крайнею целью по Бозе. Потому-то уму и следует направлять все свои усилия, чтобы быть простерту горе и возноситься духом к созерцанию и взиранию на единое премирное.

20. Когда ум пребывает во многом или хотя бы, по меньшей мере, на двух предметах, тогда, очевидно, он не видит просто единого. Поэтому он бывает ограничен, конечен и неясен, ибо таково не совершенно простое. Когда же ум станет в неосязательное соприкосновение с истинно-единым, незримо устремившись к нему в духе мысленным взглядом, то он бывает безначальным, бесконечным, неограниченным, безобразным и безвидным, облекается в безмолвие и в изумлении хранит молчание, исполняется радости и испытывает невыразимое. Но не скажи, будто я утверждаю, что ум становится безначальным, бесконечным и неограниченным по сущности, а не по деятельности, так как то именно, чем ум изменяется, есть не сущность его, но деятельность. Ведь, если бы он изменялся по сущности, увидев и восприяв обожение, будучи обожен тем, что видит Бога, то он стал бы по сущности богом. Но [ни для кого] невозможно быть по сущности Богом, даже и ни для одного из ангелов, кроме единого только и вышнего Бога. Итак, если неуместно сказать, что ум обожается по сущности, то остается говорить, что ум испытывает это самим созерцанием. Следовательно, естественно, что он изменяется не в существе своем, но в деятельности. Иначе говоря, если уму свойственно изменяться, как сказано, соответственно созерцаемому им, то он видит вовсе не божественную сущность, а только деятельность; да и сам он изменится, следовательно, не по сущности, но по деятельности.[30]

---

[29] Окрашивание души в цвета логоса — уже у Оригена, Толкование на Евангелие от Иоанна 32, 22: PG 14, 805 A. Ср. та же мысль у Владимира Соловьева: "...качествовать не в себя, а в истину и затем уже из этого своего запечатленного истиною, в ее цвета окрашенного качества..." (Форма разумности и разум истины, окончание).

[30] Т. е. по энергии. Можно подумать, что имеется в виду догмат св. Григория Паламы о сущности и энергии, однако ни здесь и нигде в других местах Каллист Катафигиот не говорит о различении сущности и энергии в Боге; об их различении в Нем человеческая неспособность видеть божественную сущность не свидетельству-

21. Все как бы воссиявшее из единого премирного не отложилось от того, от чего получило всячески свое происхождение, но как произошло, так и содержится и совершается в нем. И нет ничего такого во всем [что создано], в чем бы не было излияния и как бы некоторого благоухания того творческого и действительного единого. И все причастное сущему, разве не издает только го́лоса, указывая не на премирное единое [ибо оно находится превыше всякого какого бы то ни было созерцания или помышления], но на некоторый луч премирного единого. Поэтому, так как всеми [существами] призывается единое, все склоняется к единому, и само премирное единое проявляет себя уму во всех существах, то уму необходимо быть руководиму, наставляему и водиму к премирному единому, как под влиянием убеждения со стороны множества существ, так и потому, что творящее едино, о котором у нас теперь идет речь, хочет быть видимым для ума, благодаря избытку благости, чтобы ум в нем [Творца] ощущал жизнь, как говорит Само неизреченное Единое: "*Аз есмь живот*" (Ин. 11, 25) и: "*Се же есть живот вечный, да знают Тебе единого истинного Бога*" (Ин. 17, 3), и в другом месте: "*Взыщите Бога, и жива будет душа ваша*" (Пс. 68, 33), ибо вследствие искания бывает видение, а из него — жизнь, — чтобы [ум] радовался, просвещался и веселился, как говорит Давид, "*яко веселящихся всех жилище в Тебе*" (Пс. 86, 7) и: *"Во свете Твоем узрим свет*" (Пс. 35, 10). Или почему Он создал ум созерцательным, а Свои свойства рассеял во всех существах, показываясь в которых, как бы в некоторых окнах, уму при духовном озарении, Он восхищает его, привлекая к себе во время осияния?

22. Бог, который есть Троичное благое единое, все, что сотворил, то сотворил хотением. Но, конечно, то, чего хочет Бог, есть наивысшее благо, — ибо благость есть естество Его; а ум Он создал созерцателем Себя или Своих свойств, что дает способность соединять созерцающего с единым. Следовательно, Богу желательно, чтобы ум был созерцателем Его Самого, и это высокое благо само по себе. Бог же есть истинно и просто единое, взирать на которое и соединяться с которым единовидно есть, как доказано, высокое благо.

23. Если *едина и собрана в себе всеобщая любовь*, по объяснению богословов (θεοσόφων),[31] то, очевидно, есть и одно любимое. Ибо если бы было, по крайней мере, два любимых [предмета], то или существовали бы две любви, или одна любовь была бы разделена пополам и не называлась бы одною и заключенною в себе. Теперь же, когда говорят, что всеобщая любовь есть едина и заключена в себе, то, очевидно, должно думать, что едино и любимое. Но, конечно, любимое предшествует люб-

---

ет. Безусловное тожество сущности и энергии в Боге у Каллиста не исключено, поскольку сущность предполагает энергийную полноту, человеку не вполне доступную.

[31] Дионисий Ареопагит, О церковной иерархии I, 4: PG 376 B.

ви к нему, и невозможно, чтобы кто-нибудь, прежде чем ощутить каким бы то ни было образом любимое, почувствовал любовь к нему. Есть же эта любовь та напряженная любовь, иметь которую к Богу требует от нас и естественный и писанный Закон Божий. Первый [требует любви к Богу], убеждая ум, в высокой степени любящий прекрасное, стремиться еще к лучшему, которое есть Бог; последний — говоря: "*Возлюбиши Господа Бога твоего от всея души твоея и от всего сердца твоего и всем помышлением твоим*" (Втор. 6, 5); а "*Господь Бог твой Господь един есть*" (Втор. 6, 4). Значит, одно любимое, именно Тройческая Единица, Которая и должна существовать для ума прежде любви к Ней. Итак, уму должно стремиться быть простерту к премирному единому, чтобы вследствие нахождения и созерцания его воссияла и любовь к нему, и чтобы человек возмог стать исполнителем закона и заповеди, возлюбивши, по сказанному, Господа Бога своего.

24. Невозможно, чтобы ум, взошедший к единому, превосходящему мыслительную способность, был почему-нибудь нелюбящим его. Ибо он встречает несказанную и недомыслимую красоту, произникающую из него [из премирного единого], как из вседержительного корня, когда под божественными озарениями ум является как бы сетью, готовою прорваться от улова и влечения множества рыбы (Лк. 5, 7); приходит в изумление, созерцая красоту, превосходящую разум; опьяняется как бы от вина и бывает вне себя, как исступленный, и испытывает удивление, превышающее мысль, не будучи в состоянии вместить прекрасное зрелище необычайной красоты. Вследствие этого, конечно, ум бывает содержим и узами любви и является как бы томим жаждой. Единое, превосходящее мыслительную способность, есть одно. Но всеми провозглашается оно предначальною причиною всего, началом, концом и стройным соединением всего. Но, источая силу, творящую прекрасное и доброе, оно само произвело красоты и доброты всего прекрасного и доброго, бесконечно превыше всякой красоты и всякой благости, беспредельно обитая [в творениях] и будучи несравненно единым премирным, одним по природе вожделенным свыше всего любимого, как одно только истинно прекрасное и доброе, превосходящее все прекрасное и доброе, одно по закону природы и порядка действительно любимое, как причина всего, постольку, поскольку оно превзошло все возлюбленное и вожделенное превосходством красоты и благости, и единое истинно премирное, как одно только действительно сущее и производящее все существа. Итак, с Божиею помощью, как говорится, должно обращаться в духе к исканию и познанию только единого, откуда начала всего и где концы всего, — и, конечно, дверь божественной любви сама собой откроется (Деян. 12, 10) нам благодатию Христовою и мы войдем в покой (Евр. 4, 3) Господа нашего в великом веселии и радости, познаем сладость единого и будем вкушать божественное наслаждение, не разбра-

сываясь и разделяясь на многое, но ставши и сами единым, согласно со взыванием Спасителя к Отцу, говорившего: *“Да будут едино, якоже Мы единым есьмы”* (Ин. 17, 22). Тогда, конечно, мы будем и точными хранителями заповеди, говорящей: “*Возлюбиши Господа Бога твоего от всея души твоея и ближняго своего, яко сам себе”* (Лук. 10, 27), и достигнем совершенства по человеку, насколько это возможно. Ибо любовь есть конец закона (Рим. 13, 10). На ней основываются не только весь закон и пророки, но и все усовершившиеся по Богу во Христе.

25. Для всего, склонного от природы соединяться с Духом, разделение есть ослабление. Вследствие этого именно, если бы и ум стал сколько-нибудь разделяться в своей деятельности, то он оказался бы вне подобающего ему по благодати. Это бывает с ним тогда, когда он смотрит на какие-нибудь разные предметы, ибо невозможно [ему] при различных взираниях иметь нераздельность. Ведь, если бы кто-нибудь предположил ее, то он не легко сумеет дать отчет, почему ум в состоянии безмолвия бывает иным сравнительно с умом смущенным, и он утверждал бы тем самым, будто ум людей богоносных похож на ум, обуреваемый порывами страстей, что немыслимо. Ведь ум, становясь по своей деятельности таковым, каковое видит, видя по необходимости сложное, и сам бывает различен, а лишаясь простоты, он никаким образом не может сохранить при этом нераздельности. Подвергаясь же разделению, он вовсе не бывает чистым от греха; так как разделение и само по себе признано грехом теми, которые сами получили возможность — замечать подобное. Но, если духовный образ ума, который должен, посредством воззрения на высочайшее и премирное единое, вкусить сверхъестественного прекрасного единого (единовидно?) духовным чувством, выступил, положим, во внеблагодатное разделение, то, конечно, следует уже держаться премирного единого и взирать на него, и притом исключительно и единственно всей душой, если мы захотим избежать разделения и разногласия. Даже если и на единое, положим, посмотрит ум, но на сотворенное, то все-таки он не может стать неразделенным. Ибо единое созданное нельзя назвать истинно простым: оно ограничено, сложно и определено и поэтому не имеет основания называться даже просто единым, а, с другой стороны, ум не будет иметь своей простой и единовидной деятельности, обратив пристальный взгляд на него. Ибо воззрение на него будет определенное и ограниченное со сложением, каково есть и созерцаемое им, и ум уклонится от божественной благодати, устрояющей его простым, безначальным, безграничным и неопределенным, и он будет вне тайного единого, превосходящего мышление, и лишается своей славы, которая есть вкушение единоначального свойства и беспредельность безначалия, простота, становящаяся безвидным единовидно, и он не достигает до восприятия впечатления от сверхъестественной и неизреченной красоты. Итак, ум должен взирать и простираться к безна-

чальному, простому и неограниченному и действительно единому, стараться получать оттуда свое осияние и соединяться с началособирательною единицею и через нее с собою для того, чтобы не только быть возлюблену лучшим, уподобившись ему, насколько возможно для него, неограниченностию и простотою опущением вида и образа, но чтобы и сам он мог возлюбить божественную и превосходную сверхъестественную красоту, возвысившись, как сказано, до уподобления. Ибо как естественно у подобного бывает любезное расположение к подобному, то очевидно, разумеется, что ум будет любим и в свою очередь полюбит Бога. Ибо подобное подобно подобному. И как сходство имеет соответствие, так, конечно, будет относиться к любви [одного] взаимная любовь [со стороны другого]. Между Богом и душою нет ни одного чувства сильнее этого.

26. Свыше своей собственной природы ум становится тогда, когда он вполне достигнет сущего превыше ума, ставши безвидным, безобразным и вообще боговдохновенно невоображаемым, безначальным, бесконечным и, так сказать, превыше своего собственного единства. Когда же предмет собственного размышления он имеет при себе, хотя бы он был занят божественным и духовным, тогда, как говорят, он естественно движется и действует и становится в пределы своей собственной природы. Сверхъестественное же значительно превосходит согласное с природой и гораздо выше [его]. Поэтому следует питать стремление стать причастным сверхъестественному как гораздо лучшему, по заповеди, гласящей о том, чтобы ревновать о лучших из дарований. Но, разумеется, очевидно, что ум, находясь в сверхъестественном, бывает в Боге. Ибо Бог действительно превыше всей природы, так как Он, конечно, самое начальное и просто единое. Итак, следует уму простираться, стараться взирать и возводить себя к самому начальному и просто единому, чтобы, взошедши к сверхъестественному единому, превыше своей естественной деятельности, стать в лучшее положение, сравнительно со своим естественным.

27. Каждое из существ находит естественное удовлетворение и покой в своих собственных [частных] свойствах, которые все в предначальной причине раньше имели свое бытие по единовидному основанию. Именно, тогда ум естественным образом придет в истинное веселие, будет иметь некраткую радость и вполне успокоится; перешедши и оставивши все, он будет простираться к той единоначальной и первейшей причине и там духовным обращением достигнет [той], из которой произошло все и свойства всего, начала, средины и концы; и в ней все состоит и содержится, ею все совершающееся приводится к свойственному концу, через нее наслаждается все, что испытывает доброе, ею и самый ум создан уже таким, каков он есть, ибо некоторым образом ум может обращаться к самому себе, при обращении к той главной причине

всего, которая есть истинный первообраз. А так как каждое [существо] естественно любит себя, а в особенности это ощущает ум, будучи прекрасным образом непостижимой красоты единого, превосходящего разум, — то он очень любит взирать на свою собственную причину, обращаясь к ней, именно потому, что, как сказано, взирая туда, он видит себя самого и начинает любить еще более. С другой стороны, и это есть некоторая любовь, естественным образом проявляющаяся у сотворенного к Творцу, как и в свою очередь любовь к детям объемлет родителей. Поэтому для того, кто обращается к единой причине всего, возникает великое некое несказанное удовольствие, ибо он обращается к причине [своего бытия] и к самому себе, как сказано. Ибо в ней как в причине всего имеет свое первоначальное бытие все; и, конечно, и ум, как единое из всего, заключается в едином, превосходящем разум, как в причинном первообразе.

28. Подобно тому как получили свое бытие из пресущественного всякое существо, из сверхъестественного всякое естество, из безвременного и несложного временное и сложное, а также из несозданного созданное, так и всякий вид произошел из безвидного, и из единого премирного многое являемое. Поэтому тот, кто не входит в общение с безвидным единым и устремляется не (μὴ ... ἀσχολούμενος) к нему, имея его как бы своим основанием, но к чему-нибудь другому из созерцаемого в образе и твари, тот предпочитает несравненно умаленное превыше сущему и, пожалуй, стоит близко к идолослужителям. Ибо чем кто занят и на что обращает взор, к тому и стремится, а к чему стремится, тем и побеждается; чем побеждается, тем бывает и порабощен (2 Петр. 2, 19), и действительно таковой служит твари более Творца (Рим. 1, 25). Ибо ум каждого тем бывает порабощен, тому служит и то любит, на что он взирает и чем бывает занят. Если же занятие чем-либо иным, кроме простого и единого и безвидного и помимо взирания на него, производит столько уклонений [в сторону зла], то к безвидному единому простому должно быть направляемо и познание посредством обращения [к нему] и умственного устремления туда, где именно находятся сокровища всякого знания (Кол. 2, 3) и где, у достигших туда, бывает покой или прекращение всякого созерцания, приостановка мышления, молчание, превосходящее ум, неизъяснимое веселие среди великого удивления.

29. Если все существа стремятся к бытию, бытие же всего по причине [своей] заключается в едином, превосходящем бытие, то, следовательно, все [существа] и в особенности разумные из существ, правильно и как должно движущиеся к бытию, стремятся к единому сущему превыше бытия. Следовательно, ум, непростирающийся к единому сущему превыше бытия и нестремящийся к нему, имеет извращенное и греховное движение и утрачивает свое достоинство которое состоит в позна-

нии единого, сущего превыше бытия, в божественнейшем, превосходящем разум, единовидном соединении с ним и в любви [к нему].

30. Причины в избытке заключают в себе красоты происходящего от них. Причина же всего вообще есть пресущественное единое. Если же ум прилепится к чему-нибудь из того, что вытекает из пресущественного единого, например, к красоте или к тому, что достойно, пожалуй, умственного влечения, то цель его очевидно не достигнута, так как даже имея любовь к прекрасному, он по легкомыслию или неведению направляется не к первому и главному, от которого все прекрасное бывает прекрасным, благодаря причастию его, не к пресущественному единому, но к тому, что из него заимствует свою красоту. Но ум, рассуждающий целесообразно, простирает свое мысленное взирание к пресущественному единому, распознавая ясно, что он с избытком достигнет того, чего желает, ставши в этом мысленном взирании как в причине, и что ничто, кроме пресущественного единого, не сообщает [уму] своих [свойств] или чего бы то ни было из прекрасного. Ведь, если бы и казалось, что есть силы, могущие сообщать свойственные дарования, то все-таки им не свойственно навсегда оставаться у любящего ума, ибо, как веруем, только одному Духу Святому присуще делать это и действовать как хочет и где бы то ни было как Господу и существу владычной природы, Лицу Триипостасной Единицы. Итак, ум следует направлять к сверхъестественному единому, где не только источник каких бы то ни было благ, но и неотъемлемое раздаяние дарований.

31. Все существа естественно стремятся к благу; в действительности же одно есть благо, хотя и многие [вещи] называются благами. Ибо среди большей части [вещей] ты не найдешь ничего просто благого и как бы всесовершенного, но только называемое некоторым образом благом по некоторому причастию блага как причастное благу от пресущественного единого, а вовсе не имеющее его из самого себя. Ибо только это единое пресущественное есть просто благо и вышнее благо и источник всякой благости, и способно сообщать свои свойства и обращать естественно к себе всякое существо, бытие, положение, силу, движение, деятельность, свойство и какую угодно красоту и благость. И просто все существа и все созерцаемое вокруг существ оттуда, из пресущественного единого, восприяли творчески свое явление. Поэтому-то ум, стремясь к чему-нибудь другому, а не к пресущественному простому единому, имеет движение нецелесообразное, так как, хотя стремится, пожалуй, и к благу, но не к истинно и просто благу и не к тому, которое избытком благотворного преизлияния делает добрым и лучшим и прочее, нуждающееся в приобретении добра или преспеянии на лучшее.

32. Ум большинства людей, подвергшись, по неведению, разделению и будучи как бы развлекаем многим, не знает блага просто единого: именно, отчасти не ищет [его], отчасти не занят им. Об этом говорит

Дух в Давиде: “*Мнози глаголют: кто явит нам благая*?” (Пс. 4, 7), а не “благое”, и естественно: заботясь и суетясь о многом, они или не познавши, что потребно единое, прошли мимо части его, которая названа благою святым Божиим словом (Лк. 10, 42), или утратили ее по своему нерадению, даже и вовсе не думая искать того, что более всего заслуживает быть искомым. Предавшиеся же руководству Давида как наставника и признавшие нужным последовать его стопам говорят: “*Знаменася на нас свет лица Твоего, Господи”* (Пс. 4, 7), т. е. знание единственной славы твоей отпечатлелось в нас, как в зеркале. Таким образом, во многих благах находят удовольствие многие заурядные люди, а так озаряются живущие духовно, будучи просвещаемы премирно ведением единственного и простого блага.

33. Подобно тому как стремительность водного течения может быть больше, если оно устремляется вперед единовидно, нежели будучи разделено и разбиваемо на многие рукава, так и взирание ума, движение в нем и стремление будет сильнее, если он будет направляться не многочастно и многообразно, но единовидно и без разделения. А это естественно бывает при стремлении к премирному и просто единому, при взирании и созерцании его. Ибо поистине премирное и простейшее единое — собирательно, и ум, удостоенный видеть его, не может, конечно, не принять его образ соответственно его виду, наподобие изображения, и не стать единственновидным в единовидном положении, простым, бесцветным, безвидным, бескачественным, неосязаемым, беспредельным, бесконечным, безобразным и просто единым премирным, так как он бывает просвещен лучами божественной и премирной любви, при откровении таинственного познания, увенчан безмолвием и покоем мышления свыше слова и мысли, и наслаждается духовною радостию и небесным веселием, и притом изменяется в нечто более божественное, и облекается в божественный образ, в духовном соответствии с простым, безобразным, безвидным, единым и другим вышеназванным. И если бы этого не случилось с ним и он не испытывал бы такого божественного изменения, то он вовсе не достигал бы ощущения и представления о премирном едином. Ибо Бог есть единотворная единица и ум свыше мышления, и ум тогда по возможности представляет Его премирно, когда вместе со сказанным он станет и единое свыше мышления, восприяв это [изменение] божественным представлением.

34. Троичность пресущественного Божества сводится преестественно в единичное, ибо Бог есть триипостасная единица. Поэтому невозможно душе быть сходственным образом подобием Божиим, если и сама, будучи трехчастною, сверхъестественно не станет единою в себе. Называю же я душу трехчастною не по началам: разумному, страстному и пожелательному, ибо душа тройственна существенно не в этом. Ведь не особенно склонна разумная душа к пожеланию и раздражительности,

ибо эти начала заимствованы из неразумной части тварей, привходя [в душу] вследствие настоящей животнообразной жизни, как неразумные и темные по себе. Но душа разумна и природа ее полна мышленного света. И принадлежностью ее главным образом следует считать те начала, без которых она не может проявлять свою собственную деятельность. Но она действует и без раздражительного начала и без пожелания, и в особенности тогда она истинно и действует, когда действует без них. Следовательно, в действительности это не ее части, но, как я сказал, это — привходящие в нее силы животнообразного и низменного случая. Ведь разумная душа, мысленно созерцающая горнее, представляющая себе умозрительное, простираясь превыше себя и, так сказать, делая прыжок вверх, бросает куда-то далеко, как пустой вздор пожелание и раздражительность, не имея предмета, к которому бы их применить там, где простота, безвидное, безóбразное, не имеющее цвета и очертания, и все прочее такое, что требует ума свободного [от страстей] и совершенно простого. Но сообразно со своею простотою, душа — трехчастна, будучи умом, пользуясь словом и духом, что наиболее свойственно ей и вовсе не нарушает ее простоты, потому что и троичность единоначального Божества, подобный образ Которого есть душа, не мешает своему единству и простоте, но Божество есть и вполне простое единое пресущественное и в то же время, тем не менее, столь же незыблемо — Троица. Итак, душа или ум [ибо она есть ум и вообще ум есть душа], слово и дух преестественно составляющие единое, представляют нам истинное подобие Триипостасного единого Божества. Это может быть не иначе, как только через взирание и созерцание преестественной Троичной Единицы. Она создала душу таковою. [Она же] и возводит ее к этому [подобию] по отпадении, и без взирания к Ней и созерцания душе невозможно достигнуть этого. Если же этого не произошло, если подобие не восстановлено, то мы окажемся недостаточными в этом отношении и притом в созерцательной части и в истине, которые заслуживают наибольшего усердия и без которых нам невозможно достигнуть бесстрастного устроения. Ибо нам как подобает быть деятельными во благом, чтобы быть бесстрастными, так и созерцательными по отношению к истине, чтобы быть боговидными, служа Богу, превосходящему все, и стремясь стать богами по положению и быть ими по законному подобию первообразу. Если же нам необходимо стать единым по подобию первообразного премирного единого, — а это естественно происходит с нами при воззрении к самому премирному единому, созерцании, простирании горе, мысленном обращении и неуклонном взирании к самому единому, — то, следовательно, всячески следует стараться взирать на премирное единое, превышающее разум, и к нему всецело следует расположить самих себя со всяким тщанием, всем сердцем и душой и лелеять в себе любовь к премирному простейшему, единому и единственному, чтобы сама лю-

бовь к нему могла быть вместо святых крыльев для мысленного вознощения нашего к нему горе́. ‘И таким образом мы всегда будем как бы на воздухе и в безвидном устроении, единовидном с Господом’ [или: ‘И таким образом мы всегда как бы на воздухе, в безвидном единовидном устроении, будем с Господом’] (1 Фес. 4, 17), истинно единым, воспевая Троицу тройчески: мысленно, словесно и духовно, и к Ней, как подобает, устремляясь и восторгаясь и единовидно соединяясь собственным единением в себе с единым превыше всякого единения.

35. Единица есть осязательное начало всякого численного множества, и премирная единица есть начало всякого являемого и умосозерцаемого множества и всего сущего. Поэтому, как всякое число имеет начало от единицы, так всякое существо каким бы то ни было образом проистекает из премирного единого по причине или естественной, или творческой. Но положение численной единицы, поскольку оно подлежит наблюдению, последовательно определяется своей природой, ибо так как единица есть начало всего числимого, то и чувство, при счислении, ставит ее прежде всего. В премирном же едином, так как оно выше ума, усматривается нечто противоположное. Именно, единицу, как первичную по природе из всего, ум ставит после всего; ибо никакой ум не в состоянии сделать началом премирное единое и от него переходить на многое, но, напротив, из многого оно восходит к нему и собирается. И как там чувству необходимо численное единое, вследствие перехода его во многое, так как иначе невозможно считать или идти вперед [уму], куда он хочет, так здесь необходимо уму многое вследствие восхождения через него к премирному единому и как бы собирание себя, так как ни с какой другой стороны он не может взойти, как хочет, к представлению о премирном едином. Таким именно образом ум, при помощи порядка и пути ему свойственного, начинает от многого, конечною же целию своею делает премирное и верховнейшее единое. Ибо так как по чувству численное единое вполне понятно и определенно, то, естественно, чувство и ставит его первым по положению, как требует его природа. Единица же, искомая умом, будучи премирна и сверхъестественна, не поддающаяся умосозерцанию, пожалуй, слишком далеко находится от свойственного ее природе положения, чтоб с нее начинал ум, но так как она преестественна, то ум преестественно скорее находит в ней не начало, но конец после перехода и, так сказать, перечисления многого. Ибо так как ум от природы обладает мышлением, а премирное единое само по себе непостижимо и недоступно, то склонность ума направляется даже невольно ко многому. Не будучи в состоянии бездействовать от мышления и не имея силы обнять верховное и премирное единое, ум все-таки, взирая на многое, в каждой вещи из всего многого, усматривает, что есть нечто умозрительное, не то, что существует, но что принадлежит чему-то единому. И затем, собирая из каждого являемого каждое умозрительное

проявление и видя, что они согласны одно с другим, а не противны, и что все как бы цветы одного корня и роста, ум последовательно доходит от многого к верховнейшему единому, из которого [произошло] многое и все, и естественно собирается от естественных существ в чин сверхъестественный, видя преестественное и пресущественное единое как бы в зеркале, как свойственно сверхъестественному быть видиму естественным единовидно. Тогда именно ум, неизреченно узревши источное и творческое происхождение благ и красот всего и насладившись пресущественным единым, неохотно обращается ко многому, хотя оно и прекрасно и причастно благой части (Лк. 10, 42). Ибо, будучи наибольшим любителем прекрасного, он, естественно, не по своей воле уклоняется от Того, Кто превыше всего, если только как-нибудь не случилось этого с ним по какому-либо обстоянию. Но так как образ существ различен и имеет различное умственное воззрение и ум при помощи их востекает к премирному единому и преестественному различно, то, по моему мнению, должно в известной последовательности определить [хоть] небольшое какое-нибудь направление пути через многое к пресущественно премирному единому для того, чтобы ум, восходя как бы по лестнице, совершал свое движение наиболее устойчиво и узнавал, чего именно не достает в этом [движении], находится ли он в том положении, в каком следует, и насколько он им удовлетворяется, и что такое сталкивает и отклоняет его от этой красоты и восхождения или божественного пира, и каким образом ему опять было бы возможно возвратиться туда, откуда он ниспал. Отсюда именно он познает и мрак страстей и озарение чистого сердца; может увидеть, как в зеркале, познание истины, какова она есть, будет причастником небесных видений, узнает божественное чувство, и для него не будет тайною то, растет ли он или идет к умалению: он может достигнуть многих досточудных знаний и уразумеет, какова цель безмолвия и затвора. Поэтому скажем так: все существа разделены на создания, постижимые чувствами, создания умопостигаемые, несозданные умопостигаемые существа и несозданное единое пресущественное, превосходящее ум. Вращаясь среди них, часто взирая [на них] и избирая в своем подвижничестве безмолвие, око души, т. е. ум, восходит от делания наедине того, что подобает, как бы по некоторой ступени, к созерцанию и к достижению истинно сущего, ко вкушению небесного, и при помощи лучей истины к обращению, восхищению и обогащению до бесконечности присносущим, к чудесному радованию и наслаждению, при содействии же благодати, может быть, к восхищению от земли с течением времени, когда прочно утвердился мысленный свет, — к безразличному отношению к здешнему вследствие обладания сущим превыше ума и представлением себе того, что несравненно превосходит все прекрасное. Хотя же эта священная лестница разделена на пять частей и как бы ступенями восходит к высшей цели, однако ступень от ступени имеет

не местное расстояние; но разница и расстояние, отделяющее одну от другой, есть разряд как бы качества или какого-нибудь свойства, как, например, одинаково суть существа создания, постижимыя чувством, и создания умопостигаемые. Но вторые намного превышают первые, насколько ум своей красотой превосходит чувство. Опять же, с другой стороны, несозданные умопостижимые существа во многом превосходят умопостигаемые создания, хотя тот и другой порядок их заметен среди существ, однако несозданные умопостигаемые существа стоят ниже несозданного единого, превосходящего ум. И отсюда становится ясным, что если ум, перешедши от деяния, стоит на том, что превосходит все существа и бывает в той высочайшей сокровенности, лежащей превыше всего постижимого чувством и умом, то это есть лучшее его взирание и созерцание как более доступное среди чувственно постигаемых тварей или даже в особенности среди деятельности. Ведь, так как ум любит прекрасное от природы, то он должен всячески стремиться к лучшему, не только для того, чтобы вкусить [его], но и чтобы подвергнуться лучшему и, как подобает, превосходящему ум изменению. Потому что, как сказано, что ум видит и чем он наслаждается, такое и воспринимает изменение. Однако так как изменяемость, соединенная с природой ума, никогда не отойдет от него, пока будет нынешнее (Евр. 3, 13) и, по чьему-то выражению, пока не подвигнутся тени (Песн. Песн. 2, 17), т. е. пока мы не перейдем от настоящей жизни, показывающей истину в зерцале и гадании (1 Кор. 13, 12), как бы во образе тени, то, уклонившись от созерцания и взирания на несозданное единое, превышающее ум, должно стараться стать как можно ближе к умопостигаемому несозданному, чтобы опять скорее было достигнуто нами возвращение к несозданному единому, превышающему ум. Когда же нападет густой туман, помрачающий мышление и вселяющий в уме небрежение к созерцанию, тогда нам следует деятельно побуждать самих себя к молитвам в смиренном сердце, и когда отступит мрак пред силою молитвы и слезами, тогда опять следует делать как бы некоторым основанием для себя постижимые чувством создания, причем в сердце вследствие заключающейся в нем духовной деятельности оживает по-прежнему умный свет, и ум, очевидно, очень разумно занимает власть над деятельностью. Потому что, действительно, ум имеет свойство восходить как бы на какую-то горную вершину или высокое наблюдательное место и созерцать не только невидимое для многих, но и неисследимое и непостижимое. И без этого никто не увидит ни самого себя, ни тем более Бога (Евр. 12, 14). Теперь, может быть, не будет уже далеким от цели сказать мимоходом об этой деятельности [души].

36. Душа заключает в себе три [начала], требующие деятельности: разумное, пожелательное и раздражительное, и три вне себя: стремление к славе, к удовольствию и к обладанию большим. Эти две троицы, душа,

взирая разумно на жизнь Исуса Христа во плоти, четырьмя своими главными добродетелями, т. е. мудростию, правдою, целомудрием и мужеством, благодатию Господа Исуса исцеляет и дает уму возможность непомраченно возвышаться, рассматривать божественное и созерцать Бога. Ибо когда Господь Исус был возведен Духом в пустыню, чтобы преодолеть борением диавола (Мф. 4, 1), то постом Он уврачевал пожелательное начало, бдением же и безмолвною молитвою [уврачевал] разумное, раздражительное — противоречием; сластолюбие, славолюбие и сребролюбие [Он исцелил] тем, что, алкая, не пожелал, как предлагал диавол, чтобы камни стали хлебами, не бросился вниз с крыла храма, чтобы прославил Его народ за то, что Он ничего не потерпел от падения, не согласился поклониться за обещание получения богатства всех царств, но раздражительным противоречием, разумным и справедливым, целомудренным и мужественным, отразил сатану, научая и нас этим поражать его при всяком нашествии. Это же самое каждый увидит и может познать и на кресте Спасителя. Ибо молится ли Спаситель в то время, удалившись от учеников (Мф. 26, 36), — это исцеление разумного начала. Бодрствует ли Он, бдит и выносит жажду на кресте (Ин. 9, 28) — это врачество пожелательного начала. Не прекословит, не спорит или не возвышает голоса (Мф. 12, 19 (Ис. 42, 2)), хотя на Него и клевещут, и молится за оскорбляющих (Лк. 23, 34) — это признак благоустроения раздражительного начала: диавола поражать противоречием, людям же оскорбляющим (как таким, которые и сами терпят насилие сатаны), воздать молчанием, долготерпением и молитвою за них. Подвергается ли оплеванию, приемлет ли заушение, выносит насмешки и глумление (Мк. 14, 65) — это врачевание славолюбия. Напояется ли уксусом, вкушает ли желчь, распинается, прободается копьем (Мф. 27, 34. 48; Ин. 19, 29. 30. 34) — это исцеление от сластолюбия. Нагой ли вешается на крест под открытым небом, бездомный, презренный всеми, как бы некий нищий и бедный — это упразднение сребролюбивого настроения. Итак, Спаситель дважды показал врачество страстей внутренних и внешних: когда начал являться миру с плотию и когда намеревался уйти от мира. Поэтому взирающий на Него, на Его учение и крест, и делающий себя насколько то возможно подобием Его, разумно, праведно, целомудренно и мужественно, как Он, упразднит злое действие этих страстей и через них всех [других]; воспользуется, как должно, ими и после них всеми, и будет поистине мужем деятельным для созерцания и наиболее подготовленным, чтобы простираться к Богу и предаваться мысленному взиранию [на Него]. И таким образом, следовательно, ум его, начавши от многих постигаемых чувствами тварей, и увидев благоустройство их прекрасного создания, и постигши умом умосозерцаемые твари, и перешедши к несозданному умопостижимому, прошел уже как бы четыре ступени на лестнице. После же этого, за ним следует божественное и

превосходящее ум безмолвие, молчание и изумление и, короче сказать, взирание и созерцание премирного единого и единение, превышающее мышление, которое есть верх спокойствия, высший и совершенный предмет желаний, какой только возможен в настоящей жизни, предел истины, приплод веры, светлое сияние ожидаемой славы, основа любви, правило ума, остановка его приснодвижности, недомыслимый покой и единовидное устроение, как бы в залоге деятельность будущего века, вина невообразимой радости, сокровищница мира, угашение мудровании плоти, уклонение от настоящего века, устремление к будущему, расторжение страстной жизни, тесная связь с бесстрастием, радостный восторг души и собрание, покой и охрана ее собственных движений и сил — и вообще говоря, божественное разумение и бесстрастие. Итак, уму, одержанному своею беспечностью, или каким-нибудь внешним обстоянием, следует ставить своею целью возвращение к свойственной ему красоте созерцания через отвержение страсти, препятствующей ему и удерживающей его от свойственной ему цели, [ему следует обращать внимание] насколько он отстоит от края своих желаний и почему; находится ли его созерцающее начало среди созданий, постижимых чувством, или умопостигаемых, или среди несозданных умопостигаемых; отторгается ли он суетными помыслами или в силу какой-нибудь нужды от предлежащего и одного только в действительности единого премирного, превышающего все единое, и таким образом следует уму устранять посредствующие препятствия, чтобы возвратиться снова единовидно, как требует самый порядок, к созерцанию и взиранию на единое премирное. Ибо ум, находясь где-нибудь вне премирного несозданного единого, превосходящего ум, подвергается разделению и не для прекрасного по существу, хотя бы и прекрасно двигался, потому что верховное прекрасное есть превышающее ум пресущественное, несозданное и простое единое и это — действительно конечный, противолежащий предел ума. И потому ум, здраво двигаясь, оказывается восходящим туда указанным путем и ощущает единение превыше разума. Итак, насколько есть сил, следует стремиться к бесконечному, исследовать превышающее ум, созерцать безвидное единое и непосредственно постигать непостижимое, чтобы быть в состоянии получить единственное наследие единого вышнего Бога, благодатию Господа нашего Исуса Христа и Животворящего Духа, через Которых осияваемые мы сподобляемся созерцательной благодати, и обоженные по положению своему, мы становимся богами по дару Божию.

37. Ум, взошедший в область божественной сокровенности, естественно предается молчанию, объединившись простотою и, следовательно, при участии Духа единственным образом осияваемый единым превысшим мысли. Да и что он может сказать, достигнув превыше своей духовной постижимости, ставши вне всякого по мышлению и совер-

шенно нагим, как превысший мышления? Ведь, если смысл, так сказать, еще и остается в нем, то ясно, что он и мыслит. Ибо всякий смысл бывает после мысли, и если он что-нибудь мыслит, то как он стоит в области сокровенности? Ибо не то истинно тайное, что сам ум видит, если другой не видит. Так как в таком случае многое можно было бы назвать тайным, потому что очень многое, или так сказать, все, что ум видит, видит он без ведома другого. Следовательно, при таком предположении, тайное будет даже близко к безграничному, что несообразно. Ибо одно есть действительно тайное единое, к которому ум восходит, как к Источнику, от которого все, как являемое, так и умосозерцаемое. Без сомнения, и сам ум, как восшедший к тому, что выше всего, и являемого и выражаемого словесно и мыслимого, становится вне возможности мыслить, видеть, говорить, и он еще не взошел настолько [в высоту] и не находится в божественной сокровенности, пока может говорить; ибо он мыслит. А ведь тайное недомыслимо и, следовательно, свыше разумения; значит, ум, восшедши в область божественной сокровенности и объединившись, предается молчанию в силу своего положения не добровольно, но естественно, осияваемый единственным образом единым, превысшим мысли.

38. Если слова имеют свойство заставлять ум идти вперед и делать успехи, то, следовательно, они возводят его с успехом туда, куда не достигает слово, т. е. к делу, совершаемому молчанием. Если, положим, слова всегда могут быть присущи уму и душа всегда нуждается в них, то я не вижу, какой умственный успех бывает от употребления речи. Ибо пользование речью не полезно не только для делания, но в такой же степени и для созерцания постольку, поскольку ум восходит от слов, представляющих образ существ к просто и свыше слова безобразному и исключительно и истинно единому, так как и всякое слово является предметом не главным или, вернее сказать, бывает препятствием. Ибо эти слова вообще употребляются при переходе в случае надобности от [одной] мысли к другой, то каким образом простое, самостоятельное, неограниченное, безобразное и совершенно единое, пребывающее истинно и превыше слова, будет нуждаться в словах, чтобы куда-нибудь перейти? Или как оно могло бы быть обнято словом? Ведь слово обыкновенно заключает в себе некоторым образом объем понятия, но это [единое премирное] необъемлемо как неограниченное и безобразное. Если же слово не может соответствовать единому тайному, превосходящему ум как непостижимому и безббразному, то единому будет сообразно разве только молчание. Итак, успевшим в молчании следует прекратить пользование словом, потому что они прежде достигли до простого созерцания без помощи очертаний и образов.

39. Если слова свойственны узнанному, тайное же неизвестно, то, следовательно, тайное вне слова. Ибо если неведение тайного выше зна-

ния, превысшее же знание не требует нисколько знания, то оно гораздо менее будет нуждаться в слове. Итак, ум, восшедший к тайному просто единому, естественно предается молчанию; и если он не молчит естественно и непринужденно, то [в своем] восхождении он еще не достиг тайного и преупрощенного единого.

40. Подобно тому, как люди, предающиеся безмолвию, иногда выходят из келий и самим опытом распознают разницу между сидением [в ней] и выходом, так, конечно, и испытывающие молчание и снова обращающиеся к речи, приседящие созерцательно славе Божией, знают о себе самих, в каком устроении застает их молчание по природе, а не по произволению, и какими они бывают, чувствуя склонность говорить, молятся ли они тогда, когда на них самих найдет молчание, или даже вообще им бывает невозможно иногда и раскрыть уста в таком устроении? Ибо они те же ангелы на земле, единовидно, безвидно, безочесно, безобразно и просто соприкасающиеся с истиною в непреходящих взираниях ума, только ощущая в себе изумление и удивление, ничего не помышляя, но скорее безочесно устремляясь к безначальным и божественным осияниям. Когда же ум, как подверженный изменяемости, нисходит оттуда, то они получают возможность говорить и мысленно переходить ко многим и разнообразным переменам. И, чтобы снова к ним возвратилось устроение молчания как гораздо лучшее речи, они охотно предаются безмолвию и охраняют свои чувства вместе с их впечатлениями и всячески стараются избегнуть вместе с разговором и самого мышления, чтобы и им можно было говорить с Давидом: *“Онемех и смирихся, и умолчах от благ”* (Пс. 38, 3). Ибо даже и добрая речь ниже разумного молчания.

41. Божество ни вполне явлено, ни тайно с другой стороны. Но, что Оно есть — это открыто и притом очень ясно, а что Оно такое по существу — это тайно. Громадная же разница знать, что Оно такое, от знания того, что Оно существует. Ибо последнее обнаруживается из деятельности, а первое, — что Оно такое, — зависит от сущности, и даже ангелам отказано в знании этого относительно Бога. Ибо Бог бесконечное число раз бесконечно выше всякого бытия, выше всякого ума и помышления, поэтому когда ум достигает доказывающего бытие Божие, тогда он может много говорить и наилучшее любомудрствовать, может называться любомудрым и богословным. Когда же возвысившись и превзошедши мысль о том, что Божество есть, объятый божественною сокровенностию, приводимый в движение представлением себе того, что такое Оно есть, он, как естественно, действием благодати станет при этом и совершенно безвидным, неосязаемым, безочесным, то всякое слово, могущее говорить что-нибудь о Боге остается бездейственным, и ум, объединившись и погрузившись в недомысленное, пребывает без движения, и тогда, став [частию] того, что вне всего [принадлежит трансцедентному

(по ту сторону лежащему) миру], где не выступает в пестрых образах никакое слово, ни мысль, ни помышление, но господствует простота, непостижимость, безмолвие и изумление, безобразное, бесконечное, неограниченное, — он видит странным образом видение невидимого и безвидный вид, причем и сам он становится отрешенным, безвидным в своей правильности и отпечатлевает на себе (ἀναχρωννύμενος — букв. "окрашивается") соответственное невидимо созерцаемому им и безочесно зримому[32], короче сказать, — божественную и преестественную красоту и прославляет Бога, создавшего его таковым.

42. Бог, который выше всякого соединения, называется единым не потому только, что Он прост, но потому, что Он один только истинно и существует во всем том, что, как говорится, существует и имеет бытие от Него. Ибо не истинно и не просто сущее не есть также истинно и просто единое. И как сущий таким же образом повсюду непостижимо и как Единый непохожий на все, Он совершенно вне всего. Как вечный, Он не имеет ни начала, ни конца Своего бытия, и во всем одинаково Он пречисто сияет божественным лучом Своего Промысла. Кроме того, как беспрепятственно познаваемый всеми [созданиями], — для того чтобы быть видиму повсюду, единовидно превыше мысленного единения, — он требует ума цельного, безвидного, безóбразного, бесцветного[33], неприкосновенного для каких бы то ни было существ, вполне отрешенного, восходящего горе́ в бесконечность беспределия, времени, места, природы и того, что относится к ней.

43. Когда бывает духовное соприкосновение, происходящее свыше мышления между Богом и умом, тогда, как говорят, ум мысленным чувством совершенно принимает образ сверхъестественного тайного единого, превышающего собственную природу ума. Однако же то, что испытывает сам ум, бывает сообразно с его природой, очищенной благодатию, ибо мыслить для ума значит то же, что видеть для глаза. Итак, подобно тому, как смотрящий внутрь во мраке ничего не видит, кроме того что видит как будто один этот мрак, и чувствует, что не видит, ибо если бы он закрыл глаза, то, может быть, подумал бы, что вокруг него есть свет и какие-нибудь из предметов. Теперь же, видя, он ясно видит, что

---

[32] καὶ ἀνομμάτως ἐπιβεβλημένα — ср. Дионисий Ареопагит, О Божественных именах 4, 11, PG 3, 708 D[9] (или СПб., 1994, с.122): ταῖς τοῦ ἀπροσίτου φωτὸς ἀκτῖσιν ἐπιβάλλει ταῖς ἀνομμάτοις ἐπιβολαῖς.

[33] "... Ум есть беспредельный образ невидимого Бога, хотя и ограничивается телом, как говорит Великий Василий, и как достигает он крайних пределов того, что имеет образ, как Бог, промышляющий о мире, ибо ум преобразуется и начертывается по виду воспринимаемого им предмета, когда же сподобится быть в Боге, превышем образа и вида, тогда и сам бывает необразен и безвиден" (О шестом познании. — В кн.: Творения преподобного и богоносного отца нашего священномученика Петра Дамаскина. Вильна, 1901, репринт М., 1993, с.103, перевод архиепископа Литовского и Виленского Ювеналия).

не видит, и чтобы зрительная сила проникла внутрь мрака и знала сокровенное, это свыше природы глаза, но это не значит, что глаз за собой не замечает того, что он не видит, таким же образом, конечно, бывает и с умом: востекши до божественной сокровенности и ставши превыше мышления, он, действительно, ничего не созерцает — да и как это возможно? — однако же он видит, что он не видит, и что то, чего он не видит, есть единое, как бы сокрытое некоторым мраком, из которого проистекает все каким бы то ни было образом сущее, или видимое или умозримое, будет ли это сопричисляемое к твари или же вечносущее несозданное. И если бы он не созерцал, то он не видел бы, как он сам простирается превыше себя. Теперь же, созерцая, он весьма ясно созерцает, что он не созерцает, будучи превыше созерцания, и что невозможно, чтобы было созерцаемо то, чего он не созерцает. И свыше природы ума — войти внутрь и узреть божественную и выше ума единую сокровенность. И только очень чистому уму, созерцающему в Духе, свойственно взглянуть в божественный мрак этой сокровенности и представить себе несказанную единицу, лежащую превыше всего в неизглаголанной тайне, и увидеть, что он ничего не созерцает внутри божественного мрака. Ибо не замкнутый, не сомкнутый и не бездействующий мысленный взгляд имеет ум тогда, когда видит, что он не созерцает ничего, кроме божественного и просто в сокровенности единого. И это признак неведения. Но когда он станет созерцать более ясно, тогда он восходит к превышающему ум и тогда созерцает свою собственную незрячесть, созерцая в сокровенности простейшего единого. И хотя он даже очень ясно видит, что единое есть то, от которого происходит все, и что оно есть тайное, он не видит, что оно такое. Поэтому и говорят, что ум устремлен в то, что превышает его собственную природу, когда он взирает в простейшую сокровенность Божию. А возможность такого состояния по природе бывает с ним в том случае, когда он станет чистым, и, можно сказать, быть таким по природе значит для него — приходить в вышеестественное состояние, безочесно, т. е. недомыслимо устремляясь к божественной и препростейшей свыше ума единственной сокровенности. Ибо в таком случае ум не имеет никакого познавательного восприятия, кроме мысли об непроявляющемся едином. Но, достигнув туда свойственным ему движением, он заканчивает его остановкой и покоем. Не говорю “остановкой от созерцания”, ибо это было бы болезненное состояние безумия, но я говорю “об остановке и покое” от перехода от мысли к мысли или [от созерцания] к созерцанию. Ибо ум, воспрянув туда, впадая в глубину бесконечности и беспредельности, в мысленном свете достигнув непостижимого в этой божественной необозримой сокровенности, затмевается, так сказать, и останавливается, не ощущая ничего другого, кроме изумления среди мысленной светлости. Но хотя [в этом случае] ум и не переходит [от мысли к мысли] однако он приводится в действие

мысленным светом, взирая неподвижно в пресущественную сокровенность, единственно и единовидно повергаясь в недоумение и украшаясь неприступною внутренностию непроявляющегося озарения. А если бы он был бездействен от созерцания, то как же бы он испытывал изумление и просвещение? Но говорится, что ум, достигнув туда, останавливается в том смысле, что он не переходит [от одной мысли к другой], созерцая единое и испытывая сверх того красоту единого, восхищаясь и просвещаясь ею, он и останавливается без движения, но не так, чтобы он уменьшал собственное наслаждение созерцанием, — ибо это было бы слабостию, которой следует избегать, непохвальной и полной мрака неведения — не созерцать никак и нигде, — но так называемая остановка ума наступает после неприступного осияния света. И созерцание стремится не к переходу [от одной мысли к другой], но к прекращению и остановке [движения ума], ибо это сверхъестественное и сокровеннотайное пресущественное единое бесконечно и непостижимо для всякого ума и не допускает, чтобы ум при созерцании, поскольку он бывает причастен подобающего ему очищения и божественной помощи, созерцал его в каком-нибудь другом направлении; и от этого божественного созерцания, от превосходной красоты и бесконечности он уклоняется не иначе, как только отвлекаемый чем-нибудь в случае пристрастия или принятия [постороннего] или вследствие какой-нибудь естественной изменчивости, которой он подвергается.

44. Природа ума — мышление. Мышление же состоит в движении и переходе [мыслей]. А так как ум, становясь в Боге, находится превыше мышления и движения, то по справедливости можно сказать, что ум, совершенно представляя себе Бога, становится выше своей собственной природы. Ибо всякая мысль, очевидно, происходит, по самой природе, от предмета. А где не созерцается предмет, там мысли и не рождается и не бывает вовсе. Но Бог, никаким образом не могущий быть видимым вещественно, естественно дает уму образы из предметов, окружающих его, среди которых он, очевидно, действует и которые занимают место силы, происходящей от кого-то сильного. Итак, поскольку ум привык во всем другом видеть силы вместе с сильным, то он стремится наблюдать это и относительно Бога. И не будучи действительно в состоянии [этого делать], —ибо это свыше природы всякого созданного ума, —он созерцает окружающее Бога и незримо представляет себе Бога, как говорится, простою и собранною мыслию. Ощутив мирный воздух и достигнув божественного благоволения, [ум], при действии в нем самом божественного и поклоняемого Духа, от помышления чаще восторгается в безвидное, бескачественное и простое устроение, входя очень скоро внутрь сердца преестественною силою духа, пребывая в представлении себе Бога и ничего не помышляя, но становясь выше мышления. От чего, т. е. от созерцания сущего вокруг Бога, ум восходит к представлению себе Бо-

жества, ставши, как сказано, простым, [почему и] говорится, что он находится в состоянии, превышающем его собственную природу, так как бывает выше мышления.

45. Необходимо, чтобы все, называемое тайным, имело что-нибудь проявляющееся, из которого бы было видно, что оно тайно. Ведь иначе оно более всего походит на несуществующее. Ибо вообще все, что не представляет проявления своей сущности, доступного каким-либо образом познанию, может быть равным вовсе нигде и никак не существующему. Без сомнения, конечно, и тайности Божией соприсущи некоторые проявления ее. Следуя за ними, ум получает ощущения божественной сокровенности, восходя от постижимого в Боге к непостижимому. Достигнув последнего, он понимает, что существует достоверно нечто, ускользающее от его собственного естественного постижения, превосходящее всякую, какую бы то ни было, умственную и даже ангельскую способность постижения как превысшее света, причина, начало и конец всякого естества, существа и всякой сущности, само же будучи сверхъестественное и сверхсущественное, находясь бесконечно превыше всякой сущности, нерожденное, безначальное, неограниченное, просто необъемлемое, естеством, местом, временем; и это есть тайное единое превыше ума, и из него естественно проистекает способность постигать божественное, которая, конечно, очень велика и снова простирает нас к себе горе, как бы окружая умственными руководительствами, обращениями и стремлениями к начальному тайному преестественному единому, настолько соединяя нас с ним, насколько можно уразуметь, что оно существует, что оно есть едино, а также и то, что во всяком случае недоступно для мышления знать, что такое по существу есть тайное единое. Но каким образом могло бы слово проникнуть в то, что превыше ума и не поддается размышлению? Слово не может проникать это умопостигаемое [единое], но ум в состоянии безгласно, несказанно, в молчании свыше разумения единовидно взирать как на тайное и радоваться о нем как о причинном и промыслительном [начале бытия] и вполне последовательно для разумной природы ума изумляться [пред пресущественным единым] как пред превысшим света и превысшим благости, превысшим премудрости и превысшим силы и от этого наслаждаться божественным веселием, — изумляться пред всем вообще, в чем проявляется пресущественное тайное единое, как пред бесконечным и безграничным. Но было бы непоследовательным чтобы ум, находясь в таких [условиях], пользовался словами и искал выхода, переходя [от мысли к мысли]. Итак, тот, кто пользуется не молчанием, но речью, далек от высокого устроения ума ибо это высокое устроение его, как согласно могут подтвердить люди ничего не предпочитающие истине, состоит в достижении самого высокого в его деятельности. Наивысшее же [в ней] есть взирание его к

самому высокому, совершающееся, как говорят, незримо: следовательно, гораздо реже и безмолвно.

46. Когда ум незримо (ανομματωῃ) взирает к божественнейшей единственной сверхначальной и самой верховной сокровенности (κορυφαιοτάτῃ ἀποκρυφιότητι)[34], то и впечатление [от созерцания] также незримо сходит оттуда на ум единовидным и единственновидным, исполненным превосходной, пресветлой и неизреченной красоты, увлекая ум среди молчания в глубину удивления и изумления. Занимая сначала сердце духовною деятельностью и сладкою радостию, оно становится для ума мысленным светом, осиянием и, в соответственной мере, божественною любовию и светлым веселием; свой же источник оно имеет в Боге, откуда исходит всякое благое даяние при посредстве чистоты ума, а вещество свое, как мог бы иной выразиться, оно получает то из божественных указаний Писаний, то из разумного и правильного созерцания существ среди безмолвия и молитвы. Ибо тайное внутреннейшее Единое Божества, высшее мысли, бывает видимо не как-нибудь случайно, но в единовидном свете, происходящем оттуда, преисполняющем умственное взирание и созерцание. Но кто не испытал этого, тот разумно и сознательно восходит извне[35] к преестественному тайному простому единому, не будучи ни сердечно трогаем, ни осияваем, конечно, умственно.

47. Самое ясное единовидное и единственновидное созерцание ума в Боге, устремляясь к единственной божественной сокровенности и к свету, блистающему из нее, приняв божественное озарение от безначального и бесконечного светолития, требует молчания не только уст, но и ума. Ибо возможно, что и при молчании уст, ум располагается внутри себя, переходит в помыслы и мысли и разнообразит свои впечатления. Это было бы выражением внутреннего настроения, далее которого ум восходит к самой простой невоображенной сокровенности божественной единицы. Ибо иное [дело] созерцательное [устроение] ума, а иное— расположение и размышление, которое относится к выражению внутреннего настроения ума. Поэтому ум, вращаясь среди созданных и сложных предметов или различных в каком-либо другом отношении, сначала созерцает их и потом в таком состоянии помышляет [о них], уже разнообразя свои впечатления. Если, может быть, часто по поводу одного предмета ум может найти немало мыслей, то [при обращении] к той единственной, единовидной, самой внутренней божественной сокровен-

---

[34] Ср. Дионисий Ареопагит, О мистическом богословии 1, 1: ἀκροτάτην κορυφὴν... τῆς κρυφιομύστου σιγῆς γνόφον... ἐν τῷ ἀοράτῳ... τοὺς ἀνομμάτους νόας (PG 3, 997B).

καὶ ἀνομμάτως ἐπιβεβλημένα — ср. Дионисий Ареопагит, О Божественных именах 4, 11, PG 3, 708 D[9] (или СПб., 1994, с.122): ταῖς τοῦ ἀπροσίτου φωτὸς ἀκτῖσιν ἐπιβάλλει ταῖς ἀνομμάτοις ἐπιβολαῖς.

[35] λογικωῃ τε και γνωστικωῃ εξωῳεν, т. е. путем внешней философии, рассудочного познания.

ности он, правда, напрягает и простирает свое созерцательное око и освещается простотою божественного света, но вовсе не может размышлять, находясь в таком расположении. Ибо единственная простота уклоняется от какого бы то ни было умственного перехода или разнообразного настроения, и сокровенность не допускает, чтобы размысливший, что она такое, выразил это внутренним представлением или устами. Именно вследствие этого человек, поднявшись умственно до единственной славнейшей божественной сокровенности, естественно блюдет молчание и устами и умом.

48. Когда ум в своем обращении направится всецело к Богу и созерцательная сила его будет исчерпана пресветлейшими лучами божественной красоты и безобразно взойдет до простоты и безграничности тайного единого безвидного, и станет он единым сам для себя, вследствие собственного своего стремления к единому и взирая при вдохновении Духа, тогда он явно бывает в младенчески безмолвном устроении по самому образу мыслей и вкушает неизреченного и сверхъестественного царствия Божия по слову Господа, говорящему: *“Аще не обратитеся, и будете яко дети, не внидете в царство небесное”* (Матф. 18, 3). Ибо тогда ум становится независимым и во всех отношениях ничем не сдерживаемым, превосходит границы всякого познания, всевозможного мышления, всякого соединения и разнообразия, устремляясь горе́ к невыразимому и непознаваемому, которое превыше ума. Вследствие этого, разумеется, ум, естественно, и хранит молчание по причине своего устроения, которое не только выше слова, но и умственной деятельности и вместе с тайным и безвидным заключает в себе сверхъестественное, приятное и сладкое в мере, необходимой для умственного наслаждения.

49. Созерцательные умы, видя Бога в виду безвидном, в пресветлейшей (ὑπερφυεστάτῳ), невещественной и несложной красоте, в простейшем лице, как единовидное единое, увенчанного бесконечными благами, украшенного неисчислимыми красотами, озаряющего всякий ум, как бы лучами, световидными [потоками] красоты, [видят в Нем] несказанное и неизъяснимое блаженство, обильный источник доброго и прекрасного, бесконечно текущий и неиссякающий, неисчерпаемое, бесконечное, неистощимое сокровище славы, преисполняющее незримые умы[36] самого величайшего наслаждения, радости, сердечной сладости, чистого веселия, таинственно происходящего вечно текущим потоком из той божественной и преестественной единицы, которая лежит горе в недоступной сокровенности. Созерцательные умы видят также, какое и сколь великое неисследимое и необъятное море изливается из той несказанной благости и неизъяснимой любви, непостижимого промышления, в неограниченной силе и невыразимой мудрости, видят недомыслимое

[36] ανομματωῃ. См. Дионисий Ареопагит, О таинственном богословии I 1, конец.

для Ангелов и самих Серафимов, как существующее превыше всякого ума. Видят даже и то, что с настоящего времени как бы зарождается в нас неизреченным образом, в будущем же придет в обновленное устроение и как бы возродится и совершится; что изумляет и херувимский ум, если он даже только как-нибудь слегка решится помыслить об этом. О, благость и совет Божий и любовь и милосердие! О, сила и мудрость и промышление Божие! Действительно, *"блажени, ихже оставишася беззакония, и ихже прикрышася греси!"* (Пс. 31, 1) и *"блажен человек, его же аще накажет Господь, и от закона Своего и Духа научит его"* (Пс. 93, 12)!

50. *"В Духе и истине открывается невидимое для живущих в мире, не могущих принять Святого Духа, как сказал Господь"* (Ин. 14, 17).[37] А сердечные очи тех, для которых предпочтительнее удалиться и селиться вдали от мира и того, что в мире, осенил божественною благодатию умственный свет, восход умного солнца с высоты (Лк. 1, 78), и помощь для них у Бога, так что восхождения свои (т. е. стези восхождения горе) они располагают в сердцах своих (Пс. 83, 6) и просвещаются богозрительными осияниями, как подобает им, и в них очень ясно усматривается как весьма многое божественное и умственное, так и достойное духовного взгляда, сверх того — также и будущее вечное и неизбежное устроение обновления праведно поживших не только в том виде, в каком оно не будет доступно чувству, но уже и свыше ума. Ибо тогда совершенно изменятся ставшие достоянием того, что превыше ума и сделавшиеся причастниками той жизни и наслаждения превыше всякого помышления, становясь как бы богами по положению, наслаждаясь и радуясь пред сущим по естеству Богом сверхъестественным благам, происходящим от вышнего и единого естеством Бога, стоя вокруг Него и всесвященно совершая божественный и свыше ума праздник с возможно большею чистотою и составляя одно очень радостное сердечное наслаждение этим благословенным увеселением и торжество со всеми умными чинами Ангелов. Это какой-то великий и недомысленный поток чистого восторга от высоко прекрасного. Ведь если доступная чувству красота, будучи воспринята умом посредством органов чувств, несмотря на то, что она ограничена и скоротечна, не проста и не несозданна, все-таки доставляет обыкновенно душе не неприятное наслаждение, то для людей, имеющих ум и разумно соображающих, не трудно заметить и понять, чем они могут стать, достигая умственного, но притом такого, которое свыше ума неограниченно и не скоротечно, не созданно и не получило начала, но проистекает от Бога, от которого происходит все

[37] Двузначность фразы сохранена в славянском переводе: Духом и истиною открываются в мире убо сущими невидимыя немогущим Духа прияти Святаго (Εν πνευματι και αληϑεια αποκαλυπτεται τα τοιῃ εν κοσμω μεν αϕεαϕα, μη δυναμενοιῃ το Πνευμα λαβειν το αγιον, ωῃ ο κυρηιοῃ απεξονατο).

прекрасное и доброе, и притом для радости и восторга и божественной жизни, достойно того [будущего] века и устроения.

51. Отрешившись от временных и местных протяжений, расстояний и от ограничительных свойств естества (φύσεων) и прошедши спешно через них, ум становится действительно нагим вследствие единовидной простоты и несложной и безвидной жизни; так как без всякого покрова и преграды, вследствие покоя мыслей и безмолвия, он сверхъестественно достигает безначальности, непостижимости, беспредельности и безграничности, в духодвижной божественной силе и осиянии сердца, которые, как кажется, вместе с самим созерцанием ума простираются в бесконечность. Тогда мир Божий восходит в душе и на нее изливается неизреченная радость и невыразимый восторг от Святого Духа и изумление, превысшее разума, овладевает ею среди ее тайного песнопения. Не явлен будет, но уже зрится Бог богов в Сионе (Пс. 83, 8), в уме высокопарящем и обращенном горе. *"Господи, Боже сил, блажен человек, уповай на Тя"* (Пс. 83, 13).

52. Когда ум, просветившись, повергается в изумление от недомыслимого безмолвия, видя себя между Богом и божественным, тогда он вкушает, насколько возможно, истинные плоды духовного разумения, обожается, радуется, преуспевает в божественной любви, вовсе ничего не говоря, никаким образом не проникая ни вглубь себя, ни вне (т.е. внутрь) по своему расположению, даже и не размышляя, но умственно видя единственным образом во свете истины и духа и делая себе из видимого непреходящее наслаждение.

53. Когда взор ума, склоняясь внутрь сердца, видит осияние Духа, текущее из него не иссякая, тогда именно время молчания (Еккл. 3, 7).

54. Когда весь умственный взор увидит Бога, скорее же, когда весь ум будет в Боге, или, так сказать, когда Бог будет во всем уме, тогда в особенности и более естественно бывает время молчания (Еккл. 3, 7).

55. Когда ум в причастии Духа, созерцательно предстоя в действительности Богу, подобающим образом наслаждается славой и блеском от лица Божия, тогда вполне естественно следует молчать и смотреть спокойно и безмолвно.[38] Если же между умом и Богом каким бы то ни было образом случайно произойдет какая-нибудь мрачная тьма, то должно сейчас против мрака бросать как бы некоторый огонь, естественным образом световидный и пылающий, слово, хотя и краткое, но отличающееся божественной силой выражения, для того, чтобы таким образом уничтожив поскорее мрак светом и теплотою мглу, и точно также просветивши умы и согревши его этим самым, он снова, как и прежде, мог быть с Богом, и созерцать красоту Его и, как подобает, наслаждаться ею, украшаться и ощущать ее, говоря вообще, [испытывать] все то, что со-

[38] ίσιγαν, ησυχη τε και απερικτυπητωῃ οραν.

вершается после умственного устремления через принятие Животворящего Духа от Бога, и, конечно, при этом становиться простым[39] и, следовательно, отрешаться истиною и духом в Боге от всего, и даже самого того, что вокруг Бога. В такое состояние, как справедливо и прилично, приходит созерцательный ум. Но тот, кто предается исключительно одной деятельности, еще очень далек от такого устроения как не соединившийся очевидно еще с самим собою и через себя самого с Богом. Итак, не удивительно, что он как может воспевает и говорит много и часто о божественном, совершенно устрашая и отражая как бы непрерывными своего рода нападениями с этой стороны сильно враждующего и ожесточенно воюющего против нас. Ибо придет свое время и для него, под влиянием, конечно, духовного наития, когда как бы искровидное озарение многих божественных песней, пений и слов сольется в один светоч, когда он поразит врага легче, и даже смертельным ударом, т. е. сожигая и разрушая или скорее уничтожая тьму его, а себя самого просвещая огненным сиянием, согревая и как можно более воодушевляя к божественной любви, вознося к самому Богу в молчании сердечную песнь и изумление и представляя себе самому наиболее дивные чудеса тайн. Не без основания ведь ублажаются терпящие Господа, но, конечно, потому, что по прошествии времени они наследуют, как и кроткие, духовную землю обетования во Христе Господе нашем.

56. Когда ум, освещаемый каждым из светоизлияний Духа, приходит в смущение и недоумение, и замечает, что он сам простирается к бесконечному и безграничному и изменяется, тогда — время молчания (Еккл. 3, 7).

57. Когда же ум чувствует, что он как бы утомился от самых ясных из созерцаний и желает выйти [из этого состояния], чтобы, ослабив напряжение, каким-нибудь образом достигнуть [в промежутке времени] отдохновения, — тогда, естественно, — время говорить (Еккл. 3, 7), однако выражаясь кратко и свойственно божественному осиянию.

58. Когда ум, среди вод избегая мысленного Фараона, проходит свою ночь при освещении огня, и свой день под покровом облака (Исх. 13, 21), тогда вслед за разумным молчанием наступает и время покоя и действительно начало очищения для души. Когда же против него выступает страшный умственный Амалик и следующие за ним полчища, возбраняющие проход в землю обетования, тогда для него наступает подходящее время говорить (Еккл. 3, 7), причем, однако, он возносится к Богу в мысленном деянии и подобающем созерцании, подобно тому как Моисей древле возносил свои руки при помощи Аарона и Ора (Исх. 17, 12).

[39] В слав. Добротолюбии “простретися”.

59. Когда из бездны божественного источника и от умственного взирания из сердца изобильно источается духовная сила, тогда настает естественно время молчания (Еккл. 3, 7). Ибо тогда неизреченно совершается служение и именно поклонение умом Богу в истине и в духе" (Ин. 4, 24), и притом истинным духовным чувством.

60. Когда вследствие мысленного взирания к Богу разумная часть души всецело наполняется божественным изумлением, а умозрительная видением, а душа — также и восторгом, тогда, без сомнения, время молчания. Ибо в Духе ум весьма осязательно усматривает истину в собранном виде и, поклоняясь в изумлении, чтит сияющего в нем Бога.

61. Те, которые поклоняются Богу подобающим образом духом и истиною (Ин. 4, 24) и служат Ему как приличествует, поклоняются и служат не на определенном месте, но нисколько не менее также и без словесного призношения. Ибо, подобно тому как духовное чувство, возвысившись вследствие праведности, вовсе не решается поклониться на месте беспредельному (неописуемому), у Которого нет никакого места для определенного покоя (Ис. 66, 1), так, разумеется, соединенное с истиною, оно, естественно, соблюдая должное, вовсе не допускает поклоняться и, следовательно, служить разнообразием слов и ограничением произношения бесконечному и безграничному, безначальному и безвидному и совершенно простому и, вообще говоря, превысшему ума, всякий раз, когда, конечно, придет время единовидно просвещаться, вследствие влияния и наития Духа, познанием божественной истины (1 Тим. 2, 4). В это именно время ум, ставши совершенно свободным вообще от всего и даже некоторым образом вышедши из самого себя, вполне понятно, уже становится вне возможности не только говорить, но даже и мыслить, так как он с радостью и изумлением, при помощи духовного света, направляет свое внимание и созерцание к тому, что выше и слова и разума, и в единении, превосходящем его самого, становится некоторым образом недвижимым и непереходящим просто вследствие незримого устремления.

62. Уму, внимающему себе самому, должно, по справедливости, управлять собственным духовным устроением осмотрительно, разумно и мудро, и когда он заметит, что созерцает простые и невоображенные тайны богословия, то [ему следует] тотчас спокойно останавливаться в молчании, не без удивления и притом недалеко от своего сердца, действующего в духе и, разумеется, осияваемого им. Ибо тогда время не только спокойствия чувств от всего доступного им вообще, но также и молчания, какое бы слово ни искало исхода. Поэтому для разумеющих тогда бывает более удобный случай для умственного пребывания в спокойствии и невидении, хотя бы и потребовалось что сказать. Ибо тогда всецело должно предаваться недвижности в чувствах, в словах, в помышлениях для того, чтобы ум непосредственно и как следует, будучи

вполне единым, мог в единовидном и единственновидном взирании свободно [и] позволительным образом увидеть бесконечность и безначалие, превышающее мысль, а также и непостижимость и, вообще говоря, прочие божественные, непреложные и совершенные свойства единого и единственного Триипостасного Бога, и соединяться, соизменяясь с созерцанием, упрощаясь и вообще становясь боговидным божественною благодатию с радостию и удивлением. А так как ум хотел бы держаться такого устроения, если бы было возможно, но, разумеется, вовсе не может, будучи изменяемым и живя с изменяемым и будучи соединен некоторым образом с телом и окружающими предметами, то он по разумным соображениям не должен отделяться, далеко отклонившись от единовидного взирания, и быть многоречивым, но говорить немного, и притом от божественных озарений, чтобы не только скорее ему можно было снова обратиться к единению с Богом, превышающему ум, но и чтобы ощутить более ясное единение и притом не в меньшей мере и более продолжительное. Ибо поскольку ум хранит каким бы то ни было образом собранность в себе и нерассеянность, постольку обращение его к божественному единению происходит скорее, и он соединяется, при более ясных и притом, конечно, при более действительных блистаниях света вследствие совершенно непрерывного общения с божественным.

63. Когда ум изменяется под влиянием божественного единовидного проявления вследствие мысленного взирания и озаряется недоразумеваемым превысшим всякого знания, и становится нераздельным, простым, неограниченным, как бы единственным образом осияваемым во мраке, созерцающим красоту неограниченную вследствие превосходства над простотою, безвидную вследствие преимущества перед всяким видом, безначальную вследствие положения выше всякого начала во всех отношениях [красоту, которая] сама необъятна, но заключает в себе границы всего и все содержимое в ней, все наполняет, как [всем] преисполненная, тогда как сама бесконечна; короче сказать, когда вследствие презрения всего сущего ум при взирании на единое увидит все неизреченным образом умственной силы превыше мышления, тогда время молчать (Еккл. 3, 7) и таинственно и премирно или, так сказать, незримо или невыразимо вкушать единовидное наслаждение в божественнейшем тайноучении истины. Когда же сказанного нет в уме и вокруг него замечается разделение, тогда время говорить (Еккл. 3, 7), однако говорить такое, что способно возводить к молчанию. Ибо благовременное молчание, превысшее слова, может быть названо вполне справедливо несравненно превосходящим всякое слово. Поэтому и дивный Соломон, который очень высоко ставил именно это молчание, говорит: *“Время молчати, таже время глаголати”* (время молчать, время говорить. Еккл. 3, 7). Самое лучшее и, конечно, дело первой важности блюсти благовременное молчание. Если же оно почему-либо еще не наступило и ум не

достиг еще единовидно того, что выше слова, то по крайней мере и благовременная беседа пусть будет делом второстепенным. А чтобы речь была родственна и близка к молчанию, пусть благовременно совершается как молчание, так, конечно, и разговор,[40] и пусть усиливается прийти к прекращению речи тем, чтобы говорить и размышлять непрестанно о божественном, рассматривать тварь и созерцать в ней, как в зеркале, Творца ее (Рим. 1, 20), когда она, сколько возможно, говорит о Нем. Вот это и значит говорить благовременно. Итак, следует и выразить сообразное тому, как понял.

64. Когда ум, прошедши через все здешнее и восшедши естественным образом горе́, радостно молчит, тогда именно время наслаждаться премирным и невыразимым, время осияния и мысленного света, единения ума и созерцания простоты, безграничности, беспредельности, пресветлого познания и, вкратце сказать, время восприятия и усвоения духовной мудрости, посредством которой ум усовершается в отрешении от всего и в молчании, почувствовав среди исступления невыразимый восторг.

65. Когда душа замечает, что она упивается чувством истины как бы преисполненною чашею благодати (Пс. 22, 5), и становится вне себя, тогда, очевидно, бывает время молчания (Еккл. 3, 7).

66. Когда расположение внутреннего человека хочет восклицать: *“Господи, что ся умножища стужающий ми? Мнози восстают на мя”* (Пс. 3, 2), тогда время говорить (Еккл. 3, 7), говорить же, как прилично; против врагов, не пустое, но целесообразное и подходящее, как должно.

67. Когда свет лица Господня (Пс. 4, 7) явится над душою так, что она вследствие этого станет украшаться, просвещаться и излияние божественного веселия устремится на нее, тогда, разумеется, время молчания (Еккл. 3, 7).

68. Когда она увидит восстающих (Пс. 34, 11) на нее неправедных свидетелей, допрашивающих ее о том, чего она не знает, и смущающих ее, тогда, действительно, время говорить (Еккл. 3, 7) и даже возражать.

69. Во всем сущем и умосозерцаемом самая верховная и, так сказать, самая высокая или даже наивысшая красота, а также и благо есть Бог. Во всем же видимом человек есть лучшее [создание], по самой природе отстоящее [от тварей] на громадный промежуток и, без всякого сомнения, он несравненно превосходнее [их], а по благодати он, действительно, превосходит даже Ангелов. Именно, созерцательный ум среди очень многого, находящегося между Богом и людьми, приближаясь к тому, что превыше мысли, становится исступленным, когда он еще не испытал в изобилии просветительной благодати. Вкусив же ее деятель-

[40] Речь должна проникнуться молчанием и не уступать ему в “благовременности”, ωῃ το σιγαν, ουτω που και το λαλειν εγκαιρωῃ επιτελεισῳω.

ною духовною силою в сердце, — я мог бы, пожалуй, сказать, — он восходит к самой высокой красоте и благу, т. е. к Богу, входит в Него по более божественному дару, и единовидно смотрит и изумляется, водворяясь в молчании в глубине, превышающей разум. И это, действительно, и есть, — как может быть кто и назовет, — залог первого празднования субботы (покоя), образом которого служит покой Божий от творения существ (Быт. 2, 2—3). Другим же, бóльшим и несколько иного рода празднованием покоя, неложным примером которого служит остающееся почитание субботы у людей Божиих (Евр. 4, 9), явно наслаждается тот, кто обратится к самому себе от Бога и познает себя самого, как образ по первообразу, и вообще, каково посредствующее между Богом и людьми, когда он проникает соответствующим образом не только в то, что выше ума и помышления, в удивительном изумлении, но и наполняется радостью, недоступною для выражения, и духовным восторгом, действительно восхищаясь в молчании богозрительными осияниями и божественными действиями, над ним и сверх его самого, и соединяясь во Христе Исусе с этою единицею божественной и сверхъестественной божественности.

70. Когда ум отделяется условно от всего существующего,[41] как будто существующее не существует, тогда он несказанно представляет себе истинно сущее превыше умственной деятельности и единения, созерцая его в истине и духе (Ин. 14, 17) сквозь бесконечный преизбыток свойств божественных, окружающих сущее и видимых каким бы то ни было образом. И он становится единовидным или единым, так сказать, бывает невыразимо одержим безмолвием, становится полным любви, полным радости, и однакоже не простых, но таких, которые происходят от действия Духа, [и] уподобляются наслаждению Ангелов.

71. Как вообще решительно никаким образом Ты, Господи, вовсе ни для кого не постижим по существу, ни для какого бы то ни было естества разумного, умственного или вообще для созданного разума, хотя бы даже и для херувимского, но стоишь бесконечное число раз бесконечно превыше всякого разума: так, Владыко, и окружающее Тебя вполне бесконечно и безгранично. Вот, например, Ты заповедал Твоим несравненным попечением законодателю Ветхого Завета Моисею объявить, что Ты действительно существуешь и Сам говоришь, но опять-таки и при этом, Ты, Неложнейший, и единая высочайшая Истина, сказал о некоторых из Твоих избранников, что, хотя Ты и явился им, однако не открыл [им] Твоего имени. Ибо оно несравненно превыше всякого имени (Флп. 2, 9) не только тех, которые на земле, но и тех, которые на небесах. Ведь Тебя представляют существом те, которые полны Твоего света, но без всякого [указания] лежащей в Тебе сущности (χωρὶς τοῦ ἐνυποκειμένου);

[41] Апофатическое мысленное “отъятие” (αφαιρεσιη) существования от всего сущего, отвлечение самого по себе бытия от бывающих вещей.

конечно, так, чтобы последовательным образом Ты явился Пресущественным и предметом мышления, не имеющим вообще какой бы то ни было сущности (ὑποκείμενον) для того, чтобы Тебя познали ясно, сверх мышления и превыше всего, имеющего возможность быть узнанным, как бесконечно Недоразумеваемого и Превысшего. Ты являешься совершенно превысшим времени, безначальным, будучи саможизнью и бесконечным. Ты всецело не подлежишь понятию о месте, присутствуя повсюду сразу и превыше всего, как Творец всего в совокупности и притом единственный, будучи однако и вместилищем и непроходимым обиталищем умных естеств. Ты превосходишь быстроту ума и упреждаешь его мышление, так как Ты превыше всего и неисследимым образом являешься вседержительною рукою всего и притом не подчиняешься, хотя бы случайно, даже границам природы. Ибо Ты беспределен, будучи необъятен, не только по природе, как бы сверх природы, но и окружающими Тебя естественными свойствами, как премудрая мудрость, пресильная сила, любовь и благость превыше всякого понятия о любви и благости. Чем назвать Тебя? Назвать ли светом, но он не есть неприступное: значит, Ты выше света. Разве судиею? Но все ли он знает и притом прежде рождения? Где это у судии?[42] Так что, следовательно, Ты несравненно выше судии. Каким назвать Тебя и Творцом, когда Ты только мановением воли и притом одним зиждишь многое и различное вещественное? Среди же невещественного — о глубина превосходства! — Ты одним, так сказать, мановением Духа созидаешь существа одного естества, ибо они духовны, многие же и притом очень многие с различиями расположении, а если хочешь, то и лиц, — творение совершенно чудное. Но то, что в силу своего превосходства превышает всякое понятие помышляющего, — дело ли это строителя? Вовсе нет! Так что Ты, следовательно, превыше строителя. Называть ли Тебя основателем и провозглашать ли художником? Но какой основатель без основы (фундамента) на никаких устоях созидает хотя бы даже и самое малейшее что-нибудь, как Ты, Владыко, основавший ни на чем (Иов 26, 7 и Пс. 101, 26) столь великую землю со столькими горами и камнями ее, с различными растениями, и притом столь непоколебимо (Пс. 92, 1)? Или какой художник из нигде и никаким образом не существующего производит во мгновение по слову такие художественные создания, какими их производишь Ты? Неужели тот, кто назовет Твои творения делом создателя или художника, скажет правильно? Вовсе не верно. Итак, на великую бесконечность превыше Ты, Боже, создателя и художника. Мог ли когда-либо кто-нибудь или знать, или услышать, или, по крайней мере, как-нибудь представить себе такой вид любви, какой всечудная Твоя благость с очень сильными расположениями явила нам в принятии свой-

[42] Можно ли назвать судией того, который прежде возникновения (προ γενεσεωῃ) всего уже знает все, что совершат созданные им, кого он будет судить.

ственного нам (εν τη καῳ ημαῃ προσληψει)[43] весьма человеколюбиво превыше всех надежд? Разумеется, те, кому по благодати дано созерцать это, входят прямо в пространную пучину любви и чудного Промысла и становятся под влиянием самых пылких порывов любви со своей стороны действительно вне самих себя, и не умеют по существу соответствующим образом назвать действий этого созидающего промышления. Ибо высочайшим превосходством превышают и ум, и слово, и всякий слух, и мысль расположения Твоего вочеловечения, преблагий Боже! Отец Ты всего и называешься им. Но Ты несказанно превосходишь какое угодно отчество и причиною, и властию, и промышлением, и назиданием, и великодушием, и терпением. Тебя называют Царем. Но столько же по отношению к настоящему, сколько и по отношению к будущему и никак не менее, однако, и по отношению к прошедшему. Так как же? Удивительно, отрешенно и просто. Царство бо Твое царство всех веков вместе, одинаково настоящего, прошедшего и будущего, и владычество Твое во всяком роде и роде (Пс. 144, 13). Таким образом во всем, совершенно по всему Ты просто и решительно бесконечною мерою превыше всякой мудрости будучи превознесен, сказать вкратце, равным образом высоко и бесконечно, и Ты, непостижимый Господи, и все то, что вокруг Тебя! Ум, представляя себе это каким бы то ни было образом, увлекается достижимостию Твоего видения, и, всецело соединяясь с вдохновением Духа, погружается как бы в таинственный мрак, не будучи в состоянии совершенно видеть Тебя по бесконечности и неприступности [Твоей] славы. Таким именно образом посредством премирного покоя Ты оживляешь неизреченно созерцающих и притом дивно любящих Тебя. С другой же стороны, ум не усовершается без видения Тебя. И после этого успокаиваешь их снова божественным и сверхъестественным отдохновением. Ты, Несказанный, Недомысленный, Безграничный, Необъятный и, короче сказать, Всебесконечный по существу, конечно, и по деятельности. Аминь.

72. Когда ум, удалившись от многомыслия, стрясши от себя разновидности и многочастные мысли, окажется превыше умственной рассеянности при вдохновении и причастии Святого Духа, объединяющего его и беспрерывно и непрестанно дышащего на сердце, и будет постоянно охотно пребывать в божественных местах, как бы упиваясь представлениями о Боге, так что одним умственным взиранием он будет сразу единовидно усматривать как в зеркале все то, что вокруг Бога, — и притом с несказанною любовию, — тогда явно он достигает божественного покоя, наслаждаясь, по обыкновению, глубоким и божественным миром, сердечным святым безмятежным отдохновением во Христе Исусе Господе нашем.

---

[43] Латинский переводчик расшифровывает: “в Твоем Воплощении” (in tua Incarnatione).

73. Когда ум беседует с Богом, как какой-нибудь сын с самым чадолюбивым отцом, молится своими душевными чувствами, и, видя свет Исуса, несказанно радуется, изумляясь с сильною любовию, ощущая в своем сердце ясно божественную любовь и сверхъестественное действие Святого Духа, и хочет таинственно и премирно возлететь превыше божественных явлений и совершенств, — тогда ум истинно почивает от всех дел своих, становясь после мышления превыше мышления, ощущая дивные наслаждения и действительно отдыхая в мире животворящего Духа Христова.

74. *"Почи Бог от всех дел, яже начат творити"* (Быт. 2, 3), но после исполнения того, что создано в Слове и Духе. Равным же образом и богоподобный ум почивает от всех дел своих, которые он вначале стал творить в соисполнение мира умственного по свойствам своим, но после достаточного рассмотрения и как бы воспроизведения в Слове Божием и животворящем Духе всего мира в совокупности с теми умственными предметами, какие в нем есть, и после восхождения от этих последних снова в Слове и Духе к так называемому у некоторых послеестественному (метафизика: μετὰ τὰ φυσικά) и возвышения в простые и самостоятельные таинственные зрелища богословия. Ибо тогда среди отдохновения он наслаждается наибольшим покоем и миром в умозрительной истине и обожается во свете знания и причастии животворящего Духа во Христе Исусе Господе нашем.

75. Как Бог, почивши, почил не от всех Своих дел, но только от тех, какие Он начал творить (Быт. 1, 3), — не почил Он однако от дел безначальных и несозданных и как бы сродных Ему, — так одинаково богоподражательно и ум, прошедши и испытав всю видимую тварь при помощи божественного Слова и животворящего Духа и проникнув сквозь нее, вовсе не почивает от дел сродных ему и всего менее от тех, которые не имеют ни начала, ни конца, но он почивает от дел видимых, начинающихся и оканчающихся. Вследствие этого, тогда как телесный отдых у окончившего труд наступает вслед за неподвижностию, нечто противоположное бывает следствием устроения ума. Ибо если бы он не стал приснодвижным, от животворящего беспрерывного дыхания Духа в познавательном взирании на видимое, то он даже не знал бы, существует ли духовный покой, приснодвижно единовидно существующий только вокруг Бога и обожающий причастника своего среди невыразимого и несказанного отдохновения во Христе.

76. *"Не скор буди*, — говорит Соломон, — *износити слово пред лицем Господним: яко Бог на небеси горе, ты же на земли долу"* (Еккл. 5, 1 и след.) Так он очень ясно и метко определяет и уясняет, какое бывает время молчания (Еккл. 3, 7). Ибо он говорит прямо: так как ты находишься долу на земле пред лицом Господа, сущего на небесах горе, и удостоился такой благодати, что, дольний, ты можешь мыслить и

обозревать горнее (Кол. 3, 2) и, устремляясь мысленно, стоять пред лицом Господа, *“то не скор буди износити слово”*, ибо [это] время молчания (Еккл. 3, 7). Не желай этого (т. е. износити слово), находясь духовно под влиянием истины и единовидно и боговидно. Ибо это и значит быть пред лицом Господа, когда многое, находящееся вокруг Бога, ум единовидно созерцает в простом и единственном устремлении к Богу. Итак, испытывая это и становясь пред лицом Господа, не спеши произносить слово, или, в таком случае, ты добровольно невежественным образом поспешишь низойти и спуститься. Или же объясняющие смысл этого речения могли бы выразиться и так. Человеческая природа была некогда неповрежденною и вследствие этого, по справедливости, была удалена от бедствий, близка к Богу, созерцала Бога и наслаждалась с веселием красоты лица Его в праотце Адаме, с удивлением [испытывая] невещественное, духовное, небесное, нетленное наслаждение. При этом и великая благодать была излита на душу первого человека, боговидный же ум его был окружаем многими познавательными созерцаниями и устремлениями к Богу, пока в раю, постижимом чувствами, он наслаждался духовным раем, так называемою блаженною жизнею, объединясь действительно в себе и Боге, пребывая в самом себе и, как подобает, в Боге, держась единовидного и истинно боговидного устроения и [это] вполне справедливо, так как он был создан по образу Божию (Быт. 1, 27). Но таким образом, говоря вкратце, вокруг нас были эти блага от Бога. Злому же демону, враждующему из-за нашего благого жребия и славы, уязвленному завистию, это было невыносимо. Из чего это видно? Много раз уже этот всегубитель оказывался обольстителем, преувеличивая предмет наших надежд благословными с виду советами, возбуждая пожелание более высокого обожения, нежели то, какое мы имели, и он был первый виновник порока, оклеветавший правоту заповеди Божией (Быт. 3, 4—5). Итак, с тех пор как мы бедственным образом испытали пагубу обмана, стали вдали от Бога и божественного наслаждения (Быт. 3, 23—24), отпали жалким образом от единовидной умной духовной жизни и возможности созерцания лица Божия, и славы, осиявающей нас при изменении от луча божественной красоты, — и мы оказались, к сожалению, разделенными и разодранными как бы на множество частей, находя, как не следовало, удовлетворение в различных видах и разнообразии жизни, так что вместо единого Триипостасного Божества, мы чтим и многих богов и притом отделенных расстояниями, следовательно, не богов на самом деле, а лукавых демонов, растлительных и враждебных; мы погубили истинное единое, единственную жизнь и строй ее и разодрались на множество различных частей, и наша умственная сила и напряжение, или скорее, ближе сказать, устремление горе, исчезли не без причины, мы дошли до глубины зла (Притч. 18, 3), вовсе неизмеримого, и неразумно предпочли мыслить низменное (Кол. 3, 2. 6), мы, образы

Божии (Быт. 1, 27), достойные вышней и небесной жизни. Но так как наше положение не бесповоротное и действительно не непреклонное, то вполне возможно и притом по уважительным причинам, подобно тому, как мы жалким образом поползнулись от той превеликой славы до самого низкого бесславия, так возвратиться снова, устремиться горе и снова увидеть всечестнейшее лицо Божие, конечно не в такой близости как прежде, но в большем отдалении и увидеть и ощутить и блеск красоты Его. Поэтому и божественнейший Моисей и весь сонм пророков, сколько их ни есть, и предшественники их, например, Авраам и подобные ему [современники], даже очень ясно видели [это], насколько это было возможно, и вполне насладились светом красоты лица Божия (той); и при этом, пораженные неприступною славою Его, одни окаявали (Ис. 6, 5) себя, другие считали и называли себя землею и пеплом (Быт. 18, 27), третьи оказывались не в силах даже открыть уста свои от преизбытка славы Того, кого они увидели. Тогда-то, конечно, они познавали скудость речи и косность языка (Исх. 4, 10) своего и со славою испытывали и очень много некоторых других блаженных чувств.[44] Поэтому, конечно, и боговещанный Давид, устремляясь к свету красоты лица Господня, в молитвенном вопле восклицает к Богу: *"Когда приду и явлюся лицу Бога моего?"* (Пс. 41, 3) и где-то в другом месте, желая указать устроение души, в котором было усмотрено лицо Господа, он говорит: *"Вселятся правии с лицем Твоим"* (Пс. 139, 14). Разумно же указывая, какую силу доставляет душе созерцание лица Божия, он говорит: *"Отвратил еси лице Твое и бых смущен"* (Пс. 29, 8). Если же вслед за отвращением лица Божия случается смущение, то, конечно, последствием присутствия и взирания Его бывает духовный мир для души, дар самый великий в такой степени, что за божественною любовию и радостью появляются действия Духа, должно ли называть их дарованиями, или же плодами Его. И Давид показывает, что живущие свято и благочестиво ходят во свете лица Господня, говоря: *"Господи, во свете лица Твоего пойдут и о имени Твоем возрадуются весь день"* (Пс. 88, ст. 16, 17), разумеется тот духовный день, пока умное и неизреченное солнце рассеивает на внутреннего человека пречистые и животворящие лучи свои, и чувство просвещается умом премирным. В это время всякая память души вземлется от земли и переносится на небо, и человек, просвещаясь и увеселяясь светлостию лица Господня, радуется, ликует (Лк. 6, 23),[45] поет, как естественно, хвалебные песни, веселится в восторге, среди наслаждения и сердечного удовольствия, какое никто не может выразить. Поэтому он в другом месте молит Бога, говоря: *"Не отврати лица*

[44] В славянском тексте в этом месте есть прибавка "светлостию сущего превыше доброты видения оного похвальны зело", которой нет в греческом тексте Добротолюбия.

[45] собственно, скачет (σκιρτα).

Твоего от меня, и уподоблюся нисходящим в ров” (Пс. 142, 7). Ибо причина мрака — отвращение лица Господня, обращение же — причина всякого умственного света, а потому, конечно, и духовной радости, как и о себе он говорит: *“Знаменася на мя свет лица Твоего”* и прибавляет: *“Дал еси веселие в сердце моем”* (Пс. 4, 7—8). Опять свидетельствуя о том, что после просвещения от лица Господня ему самому ниспослан дар божественной благодати, и о том, какие именно люди стоят пред лицом Господа и молятся Ему, Давид говорит, что это только умственно богатые из людей Божиих. Ибо, конечно, святых и людей Божиих много, но чтобы вообще всем созерцать лицо Божие и проводить ангельскую жизнь, когда они еще теперь живут на земле: до этого еще далеко. Ибо это удел одних только тех, которые признают, что Божеству должно служить с божественною мудростию и знанием и поклоняться в истине и духе (Ин. 4, 24). Такие именно и могут, по справедливости, называться богатыми из людей Божиих, будучи озарены тайнами многих созерцаний и имея своим богатством глубины великой божественной и духовной мудрости и знания (Рим. 11, 33), которое, по Павлу, свойственно далеко не всем (1 Кор. 8, 7). Поэтому, как сказано, и говорит чудный Давид к Богу: *“Лицу Твоему помолятся богатии людстии”* (Пс. 44, 13). Именно по этой причине славный Соломон, как исполненный более всех божественной мудрости (Цар. 3, 12), зная это лучше всех, говорит, поучая весьма разумно: *“Не скор буди износити слово пред лицем Господним, яко Бог на небеси горе, ты же на земли долу”* (Еккл. 5, 1). Когда по божественному дару ты стал бы пред лицом Господа в божественном и единовидном представлении себе, т. е. когда созерцание ума взойдет горе, тогда время молчания (Еккл. 3, 7). Итак, не спеши произносить слово, хотя бы даже одно, необдуманно увлекаясь обычаем беседовать, потому что тогда не время говорить (Еккл. 3, 7). Ибо и ты, еще находясь на земле, становишься богом, ангелоподражательно созерцая лицо Бога небесного. *Ибо и Ангели*, — как сказал Спаситель, — *выну видят лице нашего небесного Отца* (Матф. 18, 10). Поэтому также, когда слышишь, как в другом месте говорит Соломон: *“Свет праведным выну”* (Притч. 13, 9), то ты соображая прими к сведению, что они его естественно ощущают от светолития лица Господня, видя ангеловидно по божественной благодати непрестанно лицо Господа, из которого, как из источника, изливается свет. Ибо человек становится и бывает на земле тем же Ангелом, чтобы не сказать богом. Без сомнения, ты возвращаешься к дару, соответствующему представлению о благодати Господней, становясь на земле низу — тем, что есть Бог горе, что достойно удивления. При этом ты не проникаешь в это чудо разумом, не переходишь его даже при помощи мысли и не движешь собственное суждение, как бы разделяясь умственно, но устремляешься единовидно и на подобие Бога взираешь безочесно и неподвижно простым и единственным взглядом и

сверх того наслаждаешься самым ясным и неприступным светом, исходящим от лица Господня. Вот это, следовательно, высшее устроение ума к Богу, достойное соревнования для благоразумных, можно сказать, цвет умственной чистоты, желательное единство веры (Еф. 4, 13), совершаемое в общении с Духом, славный плод божественной и боготворящей мудрости, основа духовного мира, обиталище невообразимой радости, дверь любви Божией, отрасль просвещения, причина источания из сердца неистощимых вод Духа, истинно питание и наслаждение души преобразовательною манною; увеличение и преобразование души; начало божественных и невыразимых таинств и откровений, заключение из единой и первой истины, уничтожение каких бы то ни было помыслов, прекращение всех помышлений, господство над мышлением, исходная причина изумления, превысшее ума преобразование и изменение ума в простое, безграничное, беспредельное с какой бы то ни было стороны, необъятное, безвидное и безобразное, бескачественное, неразнообразное, бесколичественное, неосязательное и премирное и всецело новое устроение боговидное. Итак, ставши в такое устроение и обожаемый как-либо по человеколюбию благодати, не спеши же каким бы то ни было образом по неведению произносить даже и одно слово пред лицом Господа (Еккл. 5, 1), потому что Ему единая и простая слава будет во веки.

77. Ум, желая созерцать духовное превысшее его самого, если и в собственном сердце не находит содействия для этого при помощи божественной благодати, — видит недеятельное, непросвещенное и слитое. Поэтому он нуждается, по крайней мере, в более существенном удовлетворении, нежели его собственное, хотя по неведению и воображает, что он наслаждается, так как ему еще не случалось вкушать его; подобно тому как и тот, кто ест хлеб из ячменя, — хотя и очень много уступающий по вкусу настоящему хлебу, — однако по незнанию вкуса пшеничного хлеба, по-видимому, находит некоторое наслаждение.

78. После умственного единения сердца посредством благодати ум видит безошибочно при духовном свете и устремляется к собственному желанию, которое есть Бог, ставши совершенно вне чувства, очевидно бесцветным (ум есть беспредельный образ невидимого Бога, хотя и ограничивается телом…) и бескачественным, делаясь свободным от представлений себе того, что постижимо чувствами.

79. Ум, руководимый благодатию к созерцанию, поистине всегда питается духовною манною. Ибо, действительно, чувственная манна, которую вкушал Израиль, заключала в себе усладительную и замечательную силу питать тело. А что такое она была по существу, было неизвестно. Отсюда она и называлась манною, так как слово это обозначает незнакомое. Слово это значит: “Что это такое”? И те, которые не знали сущности того, что они видели и ели, говорили в недоумении: *“Что*

это такое?” (Исх. 16, 15) Так же и созерцающий все время приходит в исступление ума и говорит себе: “Что это такое, которое при созерцании увеселяет и, вкушаемое духовно, утучает ум, само же по себе переходит границы мышления как божественное и сверхъестественное, необыкновенным образом питающее и напояющее ум; оно не поддается устроению ума не только как непостижимое по существу, но и как бесконечное и безграничное”.

80. Есть три вещи, свидетельствующие об истине, мог бы сказать основательно и я сам: тварь, Писание и свидетельство в духе, ибо из видимых духовно Писания и твари созерцается единая простая истина и сложная из нее. И кто при помощи трех сказанных предметов последовательно достиг двух из них и стал на них, тот по благодати Христовой обрел непогрешительный путь, ибо от простой истины он достигает умственной высоты и глубины, а также и беспредельной широты (Еф. 3, 18). Вследствие этого, пришедши в состояние исступления, он в страхе поет. Из сложной же истины, сверх вышесказанного, он обретает и сердечный мир, и любовь, и радость. Поэтому он в изумлении поет с любовию. Но человек нуждается в большом временном расстоянии, в труде, выносливости, чтобы, отлагая некоторым образом чувства и расторгнув умом доступное им, стать на умопостигаемом, после чего воссиявает в душе созерцание истины. Конечно, я не говорю, что истина для того, чтобы быть постигнутой, нуждается в таких средствах как временное расстояние, или труд, или выносливость, но я сказал, что человек нуждается в этом; так как именно истина есть единое и простое, хотя при созерцании и показывается вдвойне и почти отовсюду громко зовет смотреть на себя, свидетельствуя сама о себе желающим. Человек же, будучи сложен, сопряжен с чувствами, подвержен переменам и изменению, по временам выходит каким-то образом из себя самого и, сам не зная как, становится против себя, вследствие мнительности поступая лукаво и недугуя неверием. И через эти три недостатка, т. е. мнительность, лукавство и неверие, он жалким образом отпадает от истины, свидетельствуемой теми тремя доказательствами, то есть Писанием, тварью и духом. Поэтому он и нуждается для устранения страшной мнительности в прочем, о чем я сказал раньше: “чтобы смирившись ум мог уверовать в простое” и чтобы затем таким образом тотчас при помощи Писания и твари в духе он сразу ясно мог узнать не только самую простую истину, но и сложную из нее, и сверх этого также увидеть, что некогда разделяло его от созерцания в истине и—я мог бы прибавить — что удаляло его от наслаждения. Итак, первая истина есть единое и только одно простое по природе. За нею же следует и сложная из нее из-за нас сложных. И это есть крайний предел нашего ума и самый лучший предмет, к которому направляется всякая жизнь и подвижничество тех, которые руководствовались целию духа, чтобы ум в состоянии наготы, насколько мож-

но, увидел и дивным образом насладился светом от первой и единственной истины и сложной из нее. А это не может произойти никогда иначе, как только через смирение и простоту в вере, через свидетельство Писания, твари и свидетельство в духе. Когда же ум, как бы в зеркале, увидит истину в трех своих способностях посредством свидетельства трех вышесказанных [вещей], тогда опять, как бы возвращаясь от этого [видения], он становится в себе самом гораздо смиреннее, проще и твердо верующим. И оттого он восходит, как говорится, радостною ногою к созерцанию истины, причем она светлее сияет в нем своими лучами. Обращаясь при помощи этого созерцания истины к себе самому, вследствие величия славы, которое он узрел в нем [созерцательно], он нисходит до большего смирения и простоты и поражается, объятый верою; и таким образом снова восходя как бы по какому-то божественному кругу и идя по нему путем смирения, простоты и веры, возвышаясь и видя истину и вводимый сиянием истины к большему смирению и становясь еще более простым в вере, ум не перестает совершать это течение, пока говорится *"ныне"*, (Евр. 3, 13)[46] в смирении, простоте и вере, благодаря свидетельству Писания и твари, созерцая в духе истину и снова возвращаясь туда, откуда он двинулся. И таким образом обожаемый все время благодатию и осияваемый тем, что превыше ума, проводя жизнь, полную всякой радости во Христе Господе нашем, он как бы в предобручении вкушает наслаждения будущих вечных благ.

81. Созерцательная жизнь при помощи следующих трех [средств] естественно становится цельною и безукоризненною — именно же: посредством веры, явного причастия Святого Духа и знания мудрости. Ибо созерцание, чтобы сказать определенно, есть познание умственного в постигаемом чувствами, иногда же и [познание] исключительно умственного, отделенного от чувства в людях, идущих к преуспеянию. Вследствие этого потребна и вера. "*Аще бо не уверите*, — говорит [Апостол], — *ниже имате уразумети*" (Ис. 7, 9). Также необходим и Дух, *"Дух бо вся испытует, и глубины Божия"* (1 Кор. 2, 10). Поэтому божественный Иов сказал: *"Дыхание Вседержителево есть научающее мя"* (Иов. 32, 8). Затем естественным образом божественная деятельность Духа, конечно, вскипающая или, так сказать, живущая в сердце, и, следовательно, премирно оживляющая, несказанно привлекает к себе ум, собирая его, удерживает его от всякого парения и дает возможность с тишиною, с большим душевным наслаждением, утешением, а сверх того и с божественною любовию наиболее удобно видеть божественное и обращаться вокруг него, представлять себе Бога необычным и подобающим образом и одинаково радоваться о Нем с большими непреодолимыми влечениями [к Нему] и соответственным восторгом. Нуждается

[46] т. е. во все время жизни человеческой.

ум также в мудрости, как я сказал, потому что "*мудрость*, — как говорит Писание, — *просветит лицо человека*" (Еккл. 8, 1), просветит для легкого перехода от чувства к мышлению, для восхождения от постигаемого чувствами к умопостижимым и божественным зрелищам, и для того, чтобы в умственном откровении узреть невыразимое; просветить для того, чтобы увидеть в ясном созерцании и единовидно представить себе пресущественного Бога. Воистину *"блажен человек, его же аще накажеши Господи, и от закона Твоего научиши его"* (Пс. 93, 12), потому что такой бывает действительно мудр, посредством вразумления приходя к вере и наставлениями Духа поучаясь неизреченным тайнам Божиим. Действительно, великое дело есть человек мудрый, ходящий посредством веры в единении и сверхъестественном общении с Духом. И, в самом деле, есть три предмета, как говорится, непреодолимые: Бог, Ангел и муж любомудрый: [этот последний] странным образом тот же Ангел на земле, во всяком случае созерцатель видимой твари, искренний таинник несозданных божественных путей или даже даров Божиих, если кто захочет так выразиться, ангелоподражательно уловляющий некоторым образом общим взглядом познание самого Бога, невидимого никаким образом. Таковым бывает, в общих чертах, мудрый верою во Святом Духе и таким образом он бывает блаженным. Впрочем, для меня было бы несомненно достаточно сказать то, что рассказывает в Евангелии [св.] Лука, именно о Господе Исусе, чтобы быть свободным от заботы излагать значение и похвалы мудрости и благости. Ибо в одном месте Писания он говорит так: *"Исус преспеваше премудростию и возрастом, и благодатию"* (Лук. 2, 52); и опять, что [отроча] "растяше и крепляшеся Духом, исполняяся премудрости" (Лук. 2, 52). Теперь же, имея намерение сказать яснее о предположенном, я предлагаю и то, что говорит священный Соломон к Богу: *"Яже на небесех, кто исследи? Волю же Твою кто позна? Аще бы не Ты дал еси премудрость и послал еси Духа Святого Твоего от высоты. И тако исправишася стези сущих на земли, и яже Тебе угодна, научишася человецы, и премудростию Твоею спасошася"* (Премуд. Сол. 9, 16—19). Видишь ли до какой великой силы доходит премудрость при участии Духа? и как далеко от спасения идет тот, кто не стяжал мудрости и Духа от Бога и даже не руководится мудрым и причастником Духа? Если подобное написано о Спасителе, в котором обитала вся полнота (Кол. 1, 19) Божества, то, последовательным образом, не трудно будет понять и вообще относительно всего рода человеческого во всей его совокупности, насколько необходима мудрость с содействием Духа и сколько силы и успеха получает духовный мудрец от любодушного Бога, по Его милости исследуя небесное (Сирах 1, 3) и доходя до познания совета Всевышнего (Пс. 106, 11) — удивительное дело, и однако это действительно так. Но так как мы изложили столько на этот раз о созерцательном, то следовало бы

сказать и не замедлить изложить, хотя несколько, и о созерцании и отчасти направить и как бы напитать мышление расположенного слушателя. Ибо Бог решительно повелевает мыслящим [людям] как щедро уделять, конечно, низшим, так от высших с благоговением получать то, что доступно из божественного просвещения и умственных сокровищ, к людям же равного положения относиться общительно и не тщеславно и вести с ними беседы об умственных предметах и о Боге. Ибо таким образом не только сияла бы очень явно правота и непогрешительность в Церкви Бога жива, но и преподобное прекраснейшее лице любви, признак учеников Христовых, воссиявало бы непрестанно в сердцах наших, готовое излиться через Святого Духа на нас для совершенной и простой любви Бога и людей, и таким образом мы бы проводили на земле жизнь ангеловидную, истинно блаженную, равно как и самую приятную, как приверженные к той божественной и боготворной двоякой любви, на которой *"висят весь закон и пророки"* (Мф. 22, 40), слаще которой для души нет решительно ничего другого, и в особенности тогда, когда она имеет свое происхождение непосредственно от созерцания и познания Бога и божественного, другими словами, от просвещающей благодати. Итак, кто считает хорошим и прекрасным делом намеренно взойти к Богу, чтобы соединиться с Ним, и действительно воспринять обожение, иначе сказать, спастись, — так как, по мнению боговещанных учителей, без обожения ума невозможно спастись человеку, — тот, при достижимом исполнении заповедей Господних, доходит до возможного созерцания сущего и являемого, причем он не имеет ни слепой деятельности как обособленной от созерцания, ни бездушного созерцания, каким оно, конечно, бывает без деятельности. Вследствие этого с мудростию сообразно разуму и смыслу с писанным священным знанием (с знанием Священного Писания) он таким образом начинает, как говорится, при попутном ветре, правильно взирать на мир с разумением чувственнопостижимого по указанию бесконечно сильного и бесконечно мудрого Художника и последовательно доходит до бесконечного по силе и по всеобщему различию, насколько возможно для взгляда, и наслаждается и питает подобным образом ум втайне посредством тайного. И именно, с течением времени, поживши безмятежною жизнию в безмолвии, любомудрствуя одно только божественное посредством Писания и видимого мира, он старается, насколько возможно более объединяющим взглядом духовно увидеть тварь согласно Писанию, и предзнаменования соответствующими действительности. Когда это бывает, тогда ум при благоволении и действии поклоняемого Духа возводится *"к видению и знанию священной истины"*, как говорит Великий Дионисий,[47] к священной ступени созерцания, собственно говоря второй, т. е. к божественным

[47] Дионисий Ареопагит, О церковной иерархии III 3, 6; ср. V 1, 6: PG 3, 433 A; 505 D.

зрелищам и мыслям, без покровов и образов. Вследствие этого, конечно, ум, как бы нагой устремляясь к нагим мыслям и выше всего ставя посредством собственной чистоты и стремления к Богу отпечатлевать в себе, как бы в каком-то самом ясном зеркале, божественные явления, испускающие свет превыше солнечного, будучи при действии благодати воспитан снова на пути доступными для него впечатлениями, доходит как бы до третьей ступени к тем очень многим блаженным зрелищам, и при этом единовиднее и сжато он удачным образом возводит божественные проявления от многих разновидностей к неизреченной любви неизменяемой и тайной единицы, преобразуясь со всем умственным чувством в огонь и сердечную боготворную непрестанную любовь к Богу, как созерцающий под руководством истины и внушения просвещающего Духа. И опять, по Великому Дионисию, — это есть *"божественное причастие самому единовидному, единому, насколько оно достижимо"*.[48] Итак, блаженно воздетая на такие ступени причастия Триипостасного Единовидного, ясно и светло наслаждаясь невыносимыми томлениями божественного упоения и среди него восторженными порывами любви, видя себя уязвленным и как бы сожигаемым любовию (Песн. 2, 5), трижды блаженно богоносный и богомыслящий ум очень заметно от наступающего расположения восторгается и действительно приходит в исступление, вошедши светлым лицом в неизреченные тайны богословия в безочесных взираниях наслаждаясь безначальным и бесконечным, непостижимым и всецело невыразимым и совершенно недомыслимым, и при этом представляет себе как бы какое-то бесконечное и непроходное море существа Божия, превосходящее всякую мысль и о времени ее и о приходе, согласно с Богословом, который говорил об этом.[49] *"Это*, — как еще говорит священный Дионисий,[50] — *есть пир зрения, умственно питающий и обожающий всякого, кто стремится к нему горе, и при этом однако он начинает от созерцания и знания существ"*, как говорит этот священноучитель там, где он изъясняет священные знамения нашего священноначалия. Как рассказывает и Василий Великий,[51] говоря: *"Когда кто-нибудь перешедши созерцательным образом красоту в являемом, предстанет перед самим Богом, видение Которого является обыкновенно только в чистых сердцах, тогда, сделав успехи в высших областях богословия, он может стать и созерцателем"*; и опять на изречение Давида, говорящего в Духе *"заутра предстану Ти и узрю"* (Пс. 5, 4). Великий [учитель] го-

[48] Там же, XIII 2 и др.

[49] Григорий Богослов. Слово 38, на Богоявление.

[50] Дионисий Ареопагит, О церковной иерархии I 3: PG 3, 376 A.

[51] Василий Великий (?), Толкование на Исаию 162: PG 30, 385 A: "Продвинувшись к тому, что выше фисиологии, к называемому у некоторых метафисическим, он может стать и созерцателем (εποπτικοῃ)".

ворит:[52] *“Когда я предстану пред Тобою и приближусь умом к самому созерцанию Тебя, тогда я восприму зрительную деятельность при свете знания”*. Подобное же можно услышать и от священного Максима,[53] который в свою очередь говорит тоже и указывает прямо, каков и сколь великий успех есть созерцание и познание Бога посредством Писания и твари, и что обыкновенно происходит отсюда тот свет знания, благодаря которому бывает блаженное обожение во время взирания, вещь, если в прежнее время редкая и с трудом встречаемая среди безмолвствующих, то в особенности теперь вследствие недостатка в лице, которое могло бы научить при помощи опыта, почерпнутого из собственного содержания благодати, как говорит высокий учитель безмолвия святый Исаак Сирин[54] в том слове, в котором именно он начинает беседу о духовном чувстве и созерцательной способности. Так, по крайней мере, говорит священный Максим: *“Богодейственными светочами мы называем учение святых, как сообщающее свет знания и обожающее повинующихся”*, согласно, очевидно, с всесвященным Дионисием, который говорит: *“Сколько других богодейственных светочей тайное предание боговдохновенных наших наставников ясно даровало нам, последуя указаниям людей просвещенных, тому научились и мы”*,[55] и в другом месте он говорит: *“Божественное ведение горé устремляет тех, кто по возможности обращается к нему, в меру их разума и объединяет в силу простого собственного единения”*.[56] И снова: *“Всякое обнаружение светоявления, нисходящего от Отца, благодетельно проходящее к нам, опять как единотворная сила возвышая упрощает нас и направляет нас к единству и боготворной простоте собирателя Отца, ибо, “из Того, и в Нем всяческая”* (Рим. 11, 36)”.[57] Понимаешь ли ты, каким образом мудро устремившийся, простираясь горе вследствие обращения, то есть божественного взирания к Богу, или видит Бога, простираясь горе от существ или соединяется с Богом и обожается от Писания, будет ли оно прообразовательное или некоторым образом божественное, и как даже таковый называется по имени богом? “*Ибо все,* — говорит он,[58] — *какие только из мысленных и разумных существ по возможности направлены всецело к единству богоначальной сокровенности, непостижимым образом устремляются, на-*

---

[52] Там же; PG 30, 385 B.

[53] Ср. Максим Исповедник, Книга недоуменных вопросов: PG 91, 1401 D.

[54] Имеется в виду одно место из слова 43 по нумерации русского перевода (Аввы **Исаака Сирина** *Слова подвижнические*. Сергиев Посад, 1911 [репринт М., 1993], с.181 и далее), где говорится о редкости совершенства ведения в одном человеке. О познании твари и Бога у св. Исаака Сирина см., напр., его слова 3 и 55.

[55] Ср. Дионисий Ареопагит, О церковной иерархии V I, 6: PG 3, 505 D.

[56] Буквально: “в опрощающем (απλωτικην) его единении”.

[57] Дионисий Ареопагит, О небесной иерархии, начало: PG 3, 120 B.

[58] Там же, XII 3: PG 3, 293 B.

сколько возможно, к божественным осияниям его посредством посильного, если позволительно так выразиться, богоподражания, и удостоиваются имени тождественного с Богом". Как ясно говорит и богословный язык великого Григория,[59] выражающийся о человеке: *"Живое существо, здесь созидаемое, направляемое и переходящее в другое состояние, как высшая степень тайны, обожается склонностью к Богу"*. И священный Максим говорит: *"Духовный образ божественного Писания посредством мудрости преобразовывает до обожения познающих мыслителей, так как вследствие преобразования в них разума, они открытым лицем видят, как бы в зеркале, славу Господню"*. (2 Кор. 3, 18)[60] Эта созерцательная жизнь требует трех вышеназванных условий: веры, причастия Духа и мудрости знания во Христе Исусе Господе нашем.

82. Созерцательная жизнь с животворящим Духом наполняет созерцателя в тайне некоторыми многими досточудными умственными зрелищами; не тотчас, не внезапно, но по прошествии некоторого времени и продолжительного научного исследования (τῆς φιλοσοφίας), а также в известной постепенности и как бы по лестнице; и иной раз ты мог бы услышать, как этот созерцающий говорит от избытка покоя и уклонения от всего, кроме Бога: *"Един есмь аз, дондеже прейду"* (Пс. 140, 10); иногда же вследствие познавательного обращения к существам [говорит]: *"Яко возвеличишася дела Твоя, Господи: вся премудростию сотворил еси"* (Пс. 103, 24), и следующее: *"Воня риз Твоих, яко воня нивы исполнены, юже благословил еси Господи"* (Быт. 27, 27). Иногда же, заставляя взирать с большим устремлением и внушая подниматься к духовным восхождениям, он убеждает говорить: *"В воню мир твоих в след тещи имам к Богу"* (Песнь песн. 1, 3), и следующее: *"Вознесу Тя, Боже мой, Царю мой, и благословлю имя Твое в век и в век века. Великий Господь и хвален зело, и величию Его несть конца"* (Пс. 144, 1 и 3). *"Удивися разум Твой от мене: утвердися не возмогу к нему"* (Пс. 138, 6). В иных же [случаях] он приготовляет зрителей, устремляющихся горе, петь под впечатлением того, что есть пресущественного в видении: *"Ты же вышний во век, Господи"* (Пс. 91, 9), и *"память Твоя в род и род"* (Пс. 101, 13), *"зело превознеслася еси над всеми боги"* (Пс. 96, 9). Иногда же приводит зрителей к ясному выражению в восклицании: *"Несть подобен Тебе в бозех, Господи, и несть по делом Твоим"* (Пс. 85, 8), а также показывает духовно созерцающим разумную гору, на которую восходят, и святое место Божие, на котором стоят *"неповиннии рукама и чистии сердцем"* (Пс. 23, 3—4). Но сверх того дает возможность видеть таким образом пути восхождения до высоты небес и нис-

[59] Ср. Григорий Назианзин, Слово 38 (На Богоявление), 11: PG 36, 324 A^{11} = Слово 45 (На Святую Пасху), 7: PG 36, 632 B^{8}.

[60] 2 Кор. 3, 18.

хождения до глубины бездны, то есть до тайн Духа; и иногда удивительным образом ставит даже перед созерцанием личного видения в Троице, иногда же среди изумления располагает к созерцанию Исуса, Его домостроительства во плоти и следующих за ним преестественных тайн, и тогда после многих и блаженных видений он никаким образом не оставляет созерцающего, не введя его небывалым образом просвещенного — о дивная благодать! — на самое лоно Божие, — в истинный покой и неизреченное отдохновение и духовное и преестественное наслаждение, чтобы не сказать упоение, красотами Божиими, и в божественный восторг — в те преблагословенные недра, заключающие в себе великую глубину божественных таинств и в достаточной степени приближающиеся к ощущению пресущественности Божией, в те недра, которые в наследие свыше получил и Авраам, когда и Сам Бог стал жребием Авраама по выражению *"Аз есмь Бог Авраама"* (Быт. 26, 24). Поэтому как Бог есть Бог Авраама по преимуществу, то, следовательно, и недра Божия суть недра Авраамовы (Лк. 16, 22). Итак, созерцательная жизнь в Духе, возвышая, вводит в недра Божий, или если кто хочет иначе выразиться, на лоно Авраамово, во всякой простоте и весьма отрадном веселии; она действительно обожает и среди душевной сладости и вполне невыразимого наслаждения приводит в состояние блаженства ум, причастный мудрости и возможно более упражняющийся во взирании горе на Христа Исуса Господа нашего.

83. Так как и тварь и Писание прояснены Словом Божиим и все созерцаемое, видимое духовно, утверждает ум и все силы его ко взиранию и разумению Бога, причем сначала духовно испытывает их действие и влияние сердца, то, в высшей степени мудро поучая, говорит в одном месте священный Давид, [что] *"Словом Господним"* утверждаются умы, которых он называет в данном случае небесами, *"и Духом уст Его вся сила их"* (Пс. 32, 6). Когда же именно? "Когда духовная земля", т. е. сердце наше вполне ощутительно и очевидно является полным милости Господней (Пс. 32, 5), т. е. духодвижной силы, действия и движения. Но прежде нежели ум ощутит в сердце действие, силу и движение, он не только не будет иметь крепости от созерцательного и духовного рассмотрения твари и божественного Писания и от сведения в один смысл того, что в них заключается, но сверх этого ощущается и очень большой страх, как бы ему не погибнуть от несообразности своих представлений. Вследствие этого именно если бы мы, положим, вздумали предаться созерцанию Бога из Писания и твари, единовидно и единственновидно обобщая многие значения и созерцания существ в один смысл и дух, видя единовидное, простое и безвидное созерцание в неограниченности, беспредельности и безначальности, то постараемся прежде найти сокровище внутри сердца нашего и умолим Святого Бога исполнить землю нашу Его милостию, и тогда, по возможности, свободно предадим горе

ум разумению Бога, как сказано, единовидному и единственновидному, простому, безвидному, вечному, бесконечному и безграничному, при созерцании и помощи Слова и Духа.

84. Когда человек вследствие прямых и простых расположений души совершает течение в добродетелях путем добродетелей,[61] со смиренными мыслями, в терпении и надежде, основанной на вере, и животворящая и приснотекущая сила и действие Святого Духа водворится в сердце, действительно просвещая душевные силы естественным и явным движением своим и, утешая, направляет к себе возможно скорее деятельность ума и несказанно соединяется с ним, так что действительно ум и благодать в это время несомненно соединяются в один дух: тогда, именно тогда, ум сам собою, вспомоществуемый вдохновением благодати, переходит к созерцанию, невыразимо прекративши, конечно, действием и светом животворящего и Святого Духа здешнюю рассеянность и блуждание и доходит до откровения божественных духовных тайн, и всевозможным молчанием и спокойным собственным естественным взором достигает вступления в сверхъестественные невыразимые таинства, и настолько более он созерцает и бывает богоообъемлем и простирается, по возможности, видеть Бога с знанием божественного, собранного из священных чтений, насколько он разумно уединяется, смиряясь и молясь при содействии помощи Божией во Святом Духе. И поэтому он тогда не бывает также и вне богословствования, но именно одновременно с этим он на самом деле бывает богословом и не может не богословствовать даже непрестанно. Но увы! все то, что только ум видит без названного небесного дара и, следовательно, без Духа, ясно присно-движно дышащего в сердце, — это только его мечты, и сколько бы он ни богословствовал, все это пустые слова, проливаемые на воздух, не пробуждающие, как следует, чувства души: ибо он находится под влиянием слуха и слов, идущих извне, откуда главным образом, к несчастию, нашло себе доступ всепагубное блуждание умопредставлений и самого богословия, а не из сердца, вдохновляемого наитием просвещающего Духа, откуда происходит единовидная истина умопредставлений и непреложная истина богословия; ибо, вообще говоря, во всем том и, конечно, и в сердце, где у причастника присутствует явно животворящая и просветительная сила и действие Духа, или дыша, если угодно так выразиться, или истекая в непрестанном обилии, — там не бывает умственного единства, но скорее — разделение, не бывает силы и остановки, но слабость и изменчивость, также равным образом, нет там света и видения истины, но скорее мрак и пустой вымысел мечтания и вообще путь бессмыслия и самообольщения. Ибо ум, по учению отцов, может проходить область созерцания тремя способами или путями: т. е. естественно,

[61] В славянском переводе “еже по заповедем”. Добротолюбие, т. IV, стр. 151, на обороте.

сверхъестественно и противоестественно. Когда ум видит в предмете что-нибудь духовное, то он видит по природе, однако же при сверхъестественном действии Духа; когда же он случайно видит в личном образе, а не на предмете, демона или Ангела, то, если ум объединен в мире и просвещение Духа возжигается сильнее, он видит сверхъестественно и, как очевидно, не заблуждаясь; если же ум, смотря на видимое, разделяется и помрачается и угасает животворящая сила, то он видит противоестественно, и это видение свойственно заблуждению.[62] Поэтому, если только мы желаем быть в здравом и целомудренном уме, нам не должно ни простирать ум к духовному видению в личном образе, ни даже каким бы то ни было образом доверять видению, если сердце не направляет выше указанным образом своей деятельности и движения силою Святого Духа.

85. Некоторые пытаются небесною росою благодати врачевать распадение страстей своих и поступают, конечно, весьма хорошо. О них, очевидно, и написано: *"Роса, яже от Тебе, исцеление нам будет"* (Исайи 26, 19). А у некоторых эта так называемая роса как-то соединяется с большим божественным восприятием и превращается в манну и как будто бы из какого-то зернового хлеба некоторым образом делается печеным через сокрушение сердечным смирением, водою слез и огнем духовного разума, причем достойным и вполне естественным образом она подвергается этому действию [благодати] и становится настоящею ангеловидною пищею. Об этом, главным образом, применительно к смыслу, и сказано: *"Хлеб ангельский яде человек"* (Пс. 77, 25). Но есть люди, для которых по мере преуспеяния каким-то более возвышенным образом их собственная природа явно становится и является манною. О них Евангелие говорит: *"Рожденное от Духа дух есть"* (Ин. 3, 6). Первый разряд — мудрых безмолвников, следующий за ним — подвизающихся в молчании с божественным познанием, а третий — тех, которые вообще стали просты и изменились во Христе Исусе Господе нашем.

86. Духовно избежав по благодати, как подобает, Фараона, Египта и тамошних ужасов и тягостей, а также и плотской жизни, поднимающей страстные волны горечи и едкой злобы; ставши в духовном уединении, т. е. в положении, свободном от духовных Фараонитов, и, вообще говоря, испытав и избавившись в духовном смысле от бедствий, тяготевших в то время чувственным образом над евреями, ум вслед за тем безопасно вкушает душевным чувством духовную манну, образ которой древле вкушал Израиль чувственно (Исх. 16, 35). И вначале при воспоминании он желает иногда духовных жертв египетских, как те вещественных мяс (Исх. 12, 8), по большей части с опасностью и в такой же степени неуве-

[62] По славян. "прелести", т. е. самообольщению (πλανῃ).

ренно, и, конечно, при этом он испытывает отвращение от себя Божества, пока мольбою при снова возвращающемся раскаянии подобающим образом не умилостивит Божества. И, конечно, если кто-нибудь чаще насыщается манною в спокойствии, то с течением времени, когда благодать станет придавать ему значение и силу, он, очевидно, очень ясно видит, как духовная плоть его некоторым образом претворяется в природу манны, как можно было бы сказать; но у такого ума, ядущего манну, есть духовные весы (Лев. 19, 36) и весовые чаши, пользуясь которыми как мерою для манны, он собирает никак не более того, сколько потребно для своего дневного пропитания, чтобы, собранная в количестве превышающем умеренность, сделавшись добычею червей, она не погибла вся, а вместе с нею от недостатка пищи не погиб и ум, не соблюдающий меры. Может же быть заметно, что ум, ядущий манну, если он не питается чем бы то ни было другим, явно проводит лучшую жизнь, нежели всякий ядущий что бы то ни было и как бы то ни было, говорю же духовно. Однако признаком того, что и сам он от свойства питания, некоторым образом переходит, так сказать, в качество манны, служит отсутствие стремления к чему бы то ни было постороннему, чего он желал прежде, и когда он повсюду может есть манну и станет младенцем, прилепившись к благочестию, да ведь, конечно, и неудивительно, что кто-нибудь переходит в качество того, что он постоянно вкушает и чем насыщается в течение долгого времени. И превращение ума в свойство манны не может никаким образом быть неправдоподобно, ибо постоянно и непрерывно принимаемая пища естественным образом имеет свойство превращать в себя питаемое. Тогда ум не только явно занимает положение ангела, но и становится участником божественного сыноположения, достойным образом переходя "*от* духовной *славы в славу*" (2 Кор. 3, 18), не только взирая на единое, но и становясь сам с собою единое, и в нем он живет и премирно наслаждается, и, так сказать, вкушает невыразимых таинств боговидно и боголюбезно во Святом Духе и действительно становится некоторым образом в соответствии с видимым и с воспеваемым, так что видит себя в состоянии манны. В этом положении он гораздо выше и почетнее того, который знает, что он ест манну, но не превратился в некоторое состояние манны. Ибо первое состояние можно иногда испытать при первоначальном собрании ума в мысленное единение с самим собою, второе же есть ясное проявление более очевидного единения, откровения разумных тайн, высокого отрешения от всего и наиболее упрощенного умозрения.

87. Ум от природы прост, потому что просто и то, образ чего он есть, т. е. Божество. Будучи же таков, он любит также и просто действовать. Ибо все любит тождественное себе по естеству. Но ум ощущает разнообразные впечатления не сам собою, но посредством чувства и постигаемого чувствами, при помощи которых у него происходит воспри-

ятие умственных предметов. Когда же он поставит между собою и чувствами с предметами их постижения свое собственное разумение, которое по возможности умело разбирает и судит, и ни чувств не делает слабее должного, ни легкомысленно помрачает или неблагородно превозносит красоты чувственных предметов и пренебрежительно унижает пред ними силу ума, но благоразумно отдает каждому должное; тогда тотчас ум становится единым с собою, приходя в прежнее состояние простоты, как он был от природы, и уклоняясь от раздельного, и снова естественно начинает любить единое и простое и деятельность единственную и простую, и любя именно ее, он ищет, а ища делает свой полет превыше всякого соединения [с чем бы то ни было], пока не найдет истинно и существенно единого простого, что и есть Бог. Тогда именно одними только крылами Его то покрываемый, то возвышаемый, ум веселится, как естественно ему предаваться веселию, когда он богохраним и богоносим.

88. Облако страстей, нашедшее на рассмотрительную часть души, как бы некая мрачная толща страстей заставляет видеть иное вместо того, что есть в действительности. Когда же частою молитвою и исполнением заповедей и устремлением горе́ к созерцанию Бога ум при помощи благодати уничтожит названную мрачную оболочку, он сам собою видит ясно, что [зрит] Бога, никаким образом не нуждаясь для этого в истолкователе, как видящий чувственно не нуждается в том, кто мог бы указать, если только на зрачке своего глаза он не имеет чего-нибудь раздражающего и затемняющего. Ибо как постижимое чувствами усвояется чувствами, когда они здоровы, так умопостижимое становится достоянием мыслей, чистых от облака страстей, и как от чувственного восприятия обыкновенно происходит постижение чувственного, так и от умственного взирания — видение умственного, после чего по благодати Божией бывает безвидное, бескачественное, невоображенное и простое созерцание Бога, которое, сдерживая ум, делает его свободным от всего чего бы то ни было, постигаемого чувством и умом, заключая его в глубину бесконечности, непостижимости и безграничности в изумлении и удивлении, которых нельзя выразить словом.

89. О Владыко, Вседержительное начало всего видимого и умозримого, Несозданный, имеющий безначальное началом, и Бесконечный, имеющий границею безграничное, Необъятный, имеющий преестественное Своею природою, Неосуществленный, как имеющий существом пресущественное. Невидимый, имеющий видом Своим безвидное, Нетленный, имеющий свойством Своим присносущее, Неисследимый, имеющий безобразное Своим образом, Безграничный, имеющий местом безграничное, Непостижимый, имеющий постижением непостижимое, Непреступный и Недомыслимый, знанием и созерцанием имеющий незримое и непознаваемое, Неисповедимый, имеющий словом безгласие,

Несказанный, имеющий неизъяснением неизъяснимое, Непонятный, имеющий мыслию недоступное уму, Превысший, имеющий вообще Своим положением возвышение над всем. Ведь ты чудо, мир, упование, любовь, сладость, душевное веселие, упование во всем (букв. «во всех»), воистину свобода от забот и радость единственная воипостасная[63] слава, царство, мудрость, сила. Поэтому Ты, несказанный Боже, естественно становишься невыразимо отрешением от всего видимого, упокоением от всего умозримого, и в Тебе обретается дивный покой для созерцающих Тебя, с причастием Святого Духа.

90. *"То, что составляет предмет удивления, т. е. Божественное, вызывает наиболее сильное влечение, становясь же желаемым, оно очищает"*, — как говорит богословный голос Григория,[64] — *"Очищая же, оно делает боговидным, а когда они станут таковыми, то оно беседует с [ними], как уже со своими"*. Но не только Бог таким образом [относится к ним], но и так очищенные обращаются с божественным и с Богом как со своими, *"в духе и истине"* (Ин. 14, 17). Поэтому и Богослов далее говорит[65]: "*Бог соединяющийся с богами и знаемый [ими]"*. Видишь ли ты чудо единения? Ведь [св. Григорий] говорит: *"Бог соединяющийся с богами"*. Если же есть некоторым образом соединение одного и того же, то, очевидно, равным образом одни и те же бывают и душевные расположения и наслаждения. Поэтому говорит [св. Григорий]: "и знаемый". Точно таким же образом, следовательно, и боговидные и боги по благодати беседуют с божественными и Богом как со своими и познают, как Бог подобным же образом созерцает, беседует и пребывает в единении с теми, которые по сказанному становятся боговидными и богами. Поэтому великий Григорий прибавляет[66], и вполне основательно, для пояснения: *"и Бог, может быть, настолько познается чистыми и этими богами, насколько уже Он знает их соответственным образом, как Бог по естеству богов по положению"*. В какой же именно степени мог бы ты представить себе это подобие, рассуждая правильно? Действительно весьма блаженны те, которые должным образом со всею силою души и духовным знанием простираются к видениям и созерцаниям, когда ты видишь, как все пребывающие в Боге по непостижимости Божией повергаются в пречудное удивление и такой великий восторг по причине присущей Ему безначальности, необъятности, безграничности и вообще вечности и бесконечности. С этих пор

---

[63] ἐνυπόστατος: в рус. переводах опущено — возможно потому, что слово понято как синоним предыдущего τῷ ὄντι, "истинно". У Каллиста этот эпитет часто употребляется в значении "сущностный".

[64] Ср. Григорий Назианзин, Слово 38 (На Богоявление), 7: PG 36, 317 C[9]; ср.: Слово 45 (На Святую Пасху), 3: PG 36, 628 A[5].

[65] Там же (Слово 38, C[12—13]; Слово 45, A[9]).

[66] Там же.

душа их с любовию привязывается к Богу (Пс. 62, 9) и, истаявая среди блаженства, какое невыносимое томление испытывают они в созерцании божественного Лица и несравненной красоты Его! И тогда последовательно они, конечно, очищаются таким образом и, подвергаясь божественному влиянию, становятся боговидными и богами и разумным образом соединяются с Богом. По крайней мере такой [человек], уже ставши с преимуществом обоженных в согласии с их сверхъестественным даром обожения и единения с Богом, удивительным образом понимает всякое духовное чувство и всякое желание, благодаря превосходству красоты их, и вокруг себя он имеет таких, которые с услаждением, как бы те же Ангелы, поют непрестанно и вполне подобающим образом: *"Бог ста в сонме богов, посреде же боги рассудит"* (Пс. 81, 1), и следующее: *"Бог богов Господь глагола и призва землю"*, т. е. земнородных, *"от восток солнца до запад"* (Пс. 49, 1). Поэтому и *"Князи людстии собрашася с Богом Авраамлиим"* (Пс. 46, 10) и в последовательном порядке стали вокруг Бога, [и] стоят вокруг Него, как Серафимы (Ис. 6, 2), воспринимая божественные осияния премирных таинств и неразлучно держась Бога, бесконечное число раз бесконечно превосходящего всех. Если же *чистые сердцем*, — по изречению Господа, — *блаженны, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8), то разве не явно блаженны созерцатели, очищаемые удивлением от познания Бога и с преспеянием восходящие к достоинству Божию? Итак, следовательно, желающие блаженства должны подвергнуться обожению и таким образом стать недвижно, как Херувимы, вокруг Бога, и со всевозможным старанием держаться созерцательного знания и деятельности во Христе Исусе Господе нашем.

91. Более всего хочу я узреть [Тебя] и затем, конечно, воспеть Тебя, Животворче, Жизнь видящих Тебя где бы то ни было, Господи Боже мой! Но и желая, я не умею, как достойно, назвать Тебя, и по-истине я недоумеваю и томлюсь. О, как располагается ум к Тебе, Владыко, Творче всемудре, и, видя Тебя одного, наслаждается миром и отдохновением, свойственным ему. К тому же, как естественно, ум, освободившись и упразднившись от внешнего и видимого обращения с миром, даже стремится мыслить о себе самом, и главнейшим именно образом с естественной быстротой размышлять о более возвышенном и обращаться на самом деле к предметам более тонким, нежели его собственная невещественность. Без сомнения, и естественным образом он быстро как бы сам собою восходит к превосходнейшему из всего и превысшему всякой невещественности, очевидно, к Тебе, и, понятно, получает помощь при этом главным образом в содействии Святого Духа посредством веры и, конечно, таким образом простирается горе, или же скорее, как и бывает на самом деле, ум, увлекаемый духовными предметами, окружающими Тебя, как бы до известной степени сродными ему, томится сильным желанием увидеть Тебя со всем усердием души. Но какие чудные и бла-

женные впечатления естественно испытывает он, так как ведь и природа у него, как я сказал, будучи духовна и, конечно, более всех созданий летуча и быстра, соответственным образом имеет и предметом своего стремления духовное и ощущает потребность мыслить, как чувственные животные — есть, ибо для ума мыслить некоторым образом значит то же, что — есть для животных, одаренных чувствами. Ибо от мышления ум получает свойство и жить, и расти, и наслаждаться, и веселиться, как у животных, одаренных чувствами, это же происходит от питания. Подобное же состояние ум, конечно, испытывает от деятельности, т. е. от мышления в особенности и более всего тогда, когда его желание несказанно достигнет Тебя, по духовной Твоей благости, соединившись в услаждении неизреченною Твоею славою. Ибо что именно естественно может испытывать существо, имеющее особенное стремление к чему-нибудь, при встрече с чем-либо привлекательным и в особенности с таким, каков Ты, и притом при содействии Твоего промысла к такому великому предмету желания, каков Ты? Ибо Ты, Царю всемудрый, всесильный, преблагий Господи, создавши мыслящее живое существо ум, делаешь его способным находить естественным образом большую радость в Твоих [совершенствах], ощущать невыразимый восторг с изумлением в божественной любви к Тебе и как бы некоторое исступленное одушевление к Тебе от подобного упоенного вдохновения. И ум, созданный в высокой степени любящим прекрасное, находится именно в таком положении, а вследствие сильной любви к прекрасному, как естественно и последовательно, он имеет сознательное стремление мыслить самое лучшее, всегда желать высшего и дальнейшего и иметь радостное чутье от действительности к лучшему. Каковым же Ты являешься [ему] и как в высшей степени мудро Ты восхищаешь его в то время, когда он услаждается влечением к созерцанию Тебя и со всем расположением души уклоняется решительно от всего, кроме Тебя одного! Ибо Ты, сладчайший, не являешься ни исключительно различным, ни простым, ни постижимым, ни непостижимым, ни страшным, ни кротким, но то тем, то другим, чтобы таким образом с той или с другой стороны движение, а также и изменение ума решительно не могло нисколько склониться к одному какому-нибудь из предметов, которые вне Тебя, вследствие разнообразия или простоты, вследствие стремления непостижимости или постижимости, вследствие страха или кротости, и так как Ты, преблагий и прекрасный, заключаешь в Себе всецело единое благо и красоту, и творческое начало всяких благ и красот, то уму нельзя ни в чем другом, кроме Тебя, вполне созерцать, пребывать и разнообразно и многоразлично наслаждаться. Ибо Ты содержишь в себе все в совокупности как разумная причина его и обретаешься превыше всего как бесконечное число раз бесконечно прекрасный Творец [его]. Поэтому, будучи един по существу, Ты, Боже, бываешь различным образом созерцаем посред-

ством проявлений деятельности вследствие множества их; а, с другой стороны, Ты созерцаешься множественно вследствие безличия их. Ибо самое удивительное и изумительное то, что, в чем именно Ты бываешь, в том, с другой стороны, Ты опять являешься непостижимым.[67] Ведь Ты, как вполне непостижим по существу и по деятельности, так сверх того никаким образом необъятен и по силе. Ибо кто нашел меру силы Твоей? Кто познал Твою премудрость? Кто исследовал пучину Твоей благости? И вообще, кто в совершенстве постиг что бы то ни было из Твоего (Прем. Солом. 9, 17; Ис. 40, 13)? Однако же Ты все-таки постижим соответственно этому некоторым иным образом. Но, конечно, ум, начиная созерцать от духовного, заключенного в являемом, идя последовательным образом, восходит к единому и непостижимому, которое вокруг Тебя, Спаситель, и по причине сладости и сильного наслаждения постижимым и вследствие любви к прекрасному он с усердием спешит и некоторым образом ревнует восходить как можно выше. А так как он не в силах проникнуть далее, то, признавая, как и должно, что ускользающее от него как лежащее превыше, бесспорно превосходнее [его], вследствие этого он бывает одержим какою-то великою страстью любви и равным образом восторженно одушевляется к Тебе и возбуждает в душе пылкие желания, делая из постижимого средство возжигать божественную любовь к непостижимому и обращая свое недоумение в орудие приобретения [разных степеней] любви. Так как постижимое относительно Тебя не столько услаждает [ум], Всемудрый, сколько воспламеняет ускользающее от него и вследствие недостижимости познания предуготовляет и сильное удивление и особенное желание, то я мог бы прибавить, что даже заставляет искать вовсе не того, что Ты по существу, — ведь это ни для кого решительно никаким образом не доступно; но непостижимо и то, что составляет предмет существенной божественной силы и деятельности и вообще все духовное, созерцаемое вокруг Тебя, Боже, и являющееся предметом богословия, так оно, как сказано, бесконечно по объему и неисследимо по множеству. К тому же, хотя и вообще невозможно достигнуть предела этих вещей как бесконечных, но через приближение к Тебе посредством очищения и через взирание на Твою красоту можно достигать более ясных и светлых видений того, что Тебя окружает и подобным образом обожаться. Оттого Ты и опаляешь язвою любви ум, подобающим образом пребывающий в Тебе, просвещая его все более и более и действительно вводя его в какие-то недоступные тайные пренебесные зрелища. О, Единице Препетая и Троице Пречестная! Бездонная

[67] В этом месте очевиден пропуск слова (αληπτοῃ), которое было в греческом оригинале славянского текста. В славянском Добротолюбии здесь: Ибо еже есть чуднейшее и ужасное, яко аще и бываеши яве постижим, отсюду паки непостижим образом сим бываеши. В греч. изданиях только ληπτοῃ, постижим, без αληπτο, непостижим.

глубина силы и премудрости! Как из самого ли рабства — если бы кто хотел так выразиться — или даже из состояния приписки [к нему] Ты вводишь ум, законно очищенный, в самый божественный мрак, покрывающий Тебя, ведя его "*от славы в славу"* (2 Кор. 3, 18), хотя однако же часто он пребывает и внутри этого пресветлого мрака, в который древле был введен Моисей (Исх. 20, 21). Или этот есть образ того или тот образ этого, только знаю, что это есть очевидно духовный мрак, и божественным и преестественным образом в нем несказанно совершаются в тайне души таинства духовного единения и любви: те, которые вводятся с осиянием просвещающего Духа, понимают это очень ясно.

92. Кто не радуется, Господи Троица, когда с должным расположением видит, что Ты — Царь и непрестанный правитель и раздаятель всего чего бы то ни было прекрасного и доброго и источаешь богатство всего этого? 'И кто не мог бы радоваться истинною радостию при виде Твоего вседержительного владычества?' [68] Очевидно, что никто никаким образом. Поэтому действительно *"Блаженни чистии сердцем"* (Мф. 5, 8), потому что они видят оком души Тебя, Который воистину духовная радость по преимуществу, и радуются они с веселием и наполняются великою душевною сладостию и невыносимыми порывами любви, часто выдерживая борьбу и с телесными обстояниями и терпя от демонских нападений. Ибо духовный свет красоты лица Твоего, Господи, бесконечное число раз бесконечно возвышен над какою бы то ни было прикосновенностию к мирской печали, если кому дается по благодати освещаться им. Поэтому Ты являешься совершенным наслаждением, совершенным желанием, предметом святого стремления, невыразимой любви. Поэтому любовь Твоя невыносимыми сверхъестественными жалами уязвляет тех, кто некоторым образом видит Тебя. Поэтому с сильным и неослабимым напряжением следуя за Тобой в воню мир Твоих (Песнь песн. 2, 5; 1, 4) устремляются сердца (души) тех, которыми Ты видим, несказанный Боже, и сии пытаются всячески влечь Тебя к себе, будучи всецело побеждены и удивительным образом истаявая от томления по Тебе. Поэтому они незабвенно имеют Тебя в уме, находясь в состоянии восторга от Твоей преестественной красоты. Скорее же прежде Ты непрерывно и духовно содержишь сердца их, конечно, и ночью и днем, и сон отлетает от очей их, и сладость…[69] ... не только им ……. но хотя они остаются спящими, все время, однако сердце их бдит (Песнь песн. 5, 2) ... и в таком положении, и они радуются, как говорит пророк,

---

[68] «при виде» переведено ошибочно, более точный перевод: «И кто мог бы радоваться истинною радостию прежде видения[68] Твоего вседержительного владычества?»

[69] Нижеследующий отрывок, не имеющийся в славянском Добротолюбии, представляет из себя текст, довольно испорченный по языку вследствие своей фрагментарности. В греческих изданиях конец трактата явно оборван и имеет пропуски.

на ложах своих (Пс. 149, 5). И равным образом они видят, привязываются и не знают, что с ними произойдет, недоумевают и изумляются вследствие расположения несказанной светлости Твоего Лица, вследствие величия славы святыни Твоей, вследствие премирных восхождений Твоих, которые они полагают в себе самих (Пс. 83, 6), вследствие таинственных откровений, вследствие бесчисленных тайных и невыразимых весьма прекрасных и весьма благих даров, окружающих Тебя, Отче!.. и Ты утверди тех, которые *“живут в праведности с лицом Твоим”* (Пс. 139, 14)……

Святейшего Каллиста, патриарха Константиноградского

Образ внимания и молитвы[70].

Прежде же всех в теле подвизающегося и внимающего в молитве начинаются некоторые движения, как бы «взыграния» под кожей, и они некоторыми принимаются за прелесть. Приходит (же) и теплота от почек, как бы опоясывающая их, и она кажется прелестью, но это не так: теплота эта не от прелести, но от естества, и есть последствие молитвенного подвига. Если же кто-нибудь прославляет эту теплоту как благодатную, а не естественную, то это несомненно прелесть. Но какова бы ни была эта теплота, подвизающийся должен не принимать ее, но отвергать.

Приходит и другая теплота от сердца, и если ум при этом снисходит в блудные помыслы, это прелесть воистину. Когда же все тело от сердца растеплевается, ум же остается чист и бесстрастен и как бы прилеплен во внутреннейшей глубине сердца, то это есть несомненно действие благодати, а не прелести.

Иногда же у испытывающих такое состояние появляется и пот от обильной теплоты, бывающей в теле. И тогда подвижется от сердца святое действие, взимающее как бы лист некий от сердца, и движущее ум от внутренних, как бы прильпнувший к самому тому Божественному действу, чтобы вопиять часто: «Иисусе мой, Иисусе мой». Так именно, во отверзении сердца только это вопиет ум: «Иисусе мой!» — и не может все произнести ум, то есть: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя»,— от частых отверзений сердца, но только: «Иисусе мой». Те же, которые говорят, что в таком устроении совершают всю молитву, прельщаются. Ибо, когда ум прилепится, как уже сказано, Божественно-

[70] Перевод взят из книги «Что такое молитва Иисусова по преданию Православной Церкви». Этот перевод идентичен тексту из славянского Добротолюбия.

му действованию, войдя во внутреннейшее сердца, не может взывать больше, как только: «Иисусе мой!». Тогда, подлинно, от этой святой молитвы рождается в сердце и благоговейный страх, когда нисходит великое утешение в душу от святого действования. И тогда скачет, и истекает сладостная слеза от сердца, и сладостно течет из очей, и это есть радостопечалие. Вскипает же тогда сердце от многого оного священнодейства, и бывает все тело распалено и ум в благоговейном страхе взывает: «Господи, помилуй». И, как елей в полном сосуде, сильно разогреваемый огнем, от многого кипения льется чрез край, так бывает и в сердце, когда оно возгреется от Божественного действия, изливает теплоту и на тело и делает его распаленным, и тогда переживающий это чувствует, как все внутренности его готовы выскочить вон. Совершаются и другие некоторые чудесные тайны с имеющим указанное устроение: бывает иногда и свет, с помощию которого делатель созерцает внутри себя просвещение, озаряющее его, как солнце, и источающее от сердца свет. Бывают внутри сердца и другие таинства, но не могу их описать: видит ум все творение и, ужасаемый движением святого действа и созерцанием Божественных таинств, воссылает из глубины сердца славословия, которых не могу изобразить писанием. Весь человек становится тогда обоженным этим Божественным движением, вне всего вещественного и чувственного, и как бы охваченным неудержимой радостью, подобно напоенному вином. И после ум восхищается в Божественное видение и видит страшные таинства, о которых не могу писать подробно. Видит ум видения Божественные, видит и наслаждение праведных, райские красоты. Еще выше ум видит на небе страшные и преславные таинства и, поскольку возвышается человек от прилетов бесовских, постольку видит еще больше из того, что дает ему Дух, Которому слава во веки. Аминь.

Того же слово краткое о молитве [71]

Непрестанная молитва состоит в непрестанном призывании имени Божия. Беседует ли кто, сидит ли, ходит, делает ли что, ест ли, или занимается чем другим, должен во всякое время и на всяком месте призывать имя Божие, по завещанию Писания: *Непрестанно молитеся* (1 Сол. 5, 17). Таким образом уничтожаются покушения на нас врага. Молиться должно сердцем, молиться должно и устами, когда мы одни. Если же кто находится на торжище, или в обществе с другими, тот не должен молиться устами, но одною мыслию. Должно наблюдать за зрением и всегда смотреть вниз для охранения себя от развлечения и от сетей врага. Совершенство молитвы заключается в том, когда она произносится к Богу без уклонения ума в развлечение, когда все мысли и чувствования человека собираются во единое моление. Молитва и псалмопение должны совершаться не только умом, но и устами, как говорит пророк Давид: *Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою* (Пс. 50, 17). И Апостол, показывая, что требуются и уста, сказал: *Приносим жертву хваления выну Богу, сиречь плод устен исповедающихся имени Его* (Евр. 13, 15)[72]».

[71] Переведено по славянскому Добротолюбию Игнатием Брянчаниновым (см. «Аскетические опыты», том 2)

[72] *...приносить Богу жертву хвалы, то есть плод уст, прославляющих имя Его.*

Авва Филимон

Краткие сведения о нем [73]

В какое время жил преподобнейший отец наш Филимон, из богоносных отцов наших трезвеннейший и слезносокрушеннейший, достопамятности отеческие не сказали нам. Но что он был муж благоговейнейший, и многоопытный, и любил безмолвие, паче, нежели кто другой из старцев, как точнейший подражатель великого Арсения, это желающим предлежит увидеть из настоящего слова. Ибо в молитвах и молениях день и ночь терпеливо пребывая в пустынной своей пещерке и приснотекущими источниками слез и сладчайшего плача омывая себя, и над всем чувственным и мысленным Боголюбно вознесшись, как глухой и немой всегда предстоял он Богу, и сподобился предивного просвещения Божественной Его благодати, от которого как от солнечного сияния, сей приснопамятный, в своем крайнем безмолвии и молчании обогатился даром не только воссуждать и рассуждать, но и прозревать и предвидеть. Свидетель сему верный предлежащее здесь сказание о нем, в котором предлагается рассудительнейшее его учение о священном трезвении, как с деятельной его стороны, так и созерцательной, основанное на долговременном собственном его опыте. Итак кому желательно сбросить с себя скверную и мерзкую одежду страстей, или что тоже совлещись ветхого человека, и облещись в светлое одеяние бесстрастия и благодати, или в нового во Христе Иисусе человека, тот часто поучаясь в сем учении старца и узнаваемое по силе исполняя делом, удобно достигнет желаемого.

[73] Житие переведено по славянскому Добротолюбию Феофаном.

Многополезное сказание об авве Филимоне [74]

Говорили об авве Филимоне отшельнике, что он заключил себя в некоей пещере, недалеко отстоявшей от Лавры, называемой Ромиевою, и предался подвижническим трудам, мысленно повторяя себе то же, что, как передают, говорил себе великий Арсений: Филимон, зачем исшел ты сюда? Довольное время пребыл он в этой пешере. Делом его было – вить верви и сплетать копиницы, которые отдавал он эконому, а от него получал небольшие хлебцы, коими и питался. Он ничего не ел, кроме хлеба с солию, и то не каждый день. О теле, как видно, совсем не имел он попечения, но, упражняясь в созерцании, был осеняем Божественным просвещением и, сподобляясь оттоле неизреченного тайноводства, пребывал в духовном радовании. Идя в церковь по субботам и воскресеньям, он шел всегда один в самоуглублении, не позволяя никому приближаться к себе, чтоб ум не отторгался от делания своего. В церкви же, став в углу и лицом поникши долу, испускал источники слез, непрестанное имея сетование и в уме вращая память смерти и образ свв. отцов, особенно Арсения Великого, по следам которого и шествовать всячески старался.

2) Когда в Александрии и окрестностях ее появилась ересь, он удалился оттуда и отошел в Лавру Никанорову. Прияв его, боголюбивейший Павлин отдал ему свое уединенное место и устроил для него совершенное безмолвие. Целый год никому не попустил он повидаться с ним, и сам нимало не докучал ему, разве только в то время, когда подавал потребный хлеб. Настало Святое Христово Воскресение. Когда при свидании зашла у них между собою беседа, и речь коснулась пустынического жития; тогда, уразумев Филимон, что и благоговейнейший сей брат Павлин тоже питает прекрасное намерение (пустынножительствовать), богатно всевает в него подвижнические словеса, – из Святого Писания и отеческие, – всем показывая, что без совершенного уединения невозможно угодить Богу, как негде любомудрствует и Моисей, богопросвещенный отец, – что безмолвие рождает подвиг, а подвиг рождает плач, плач – страх, страх – смирение, смирение – прозрение, прозрение –

[74] Из перевода Феофана Затворника.

любовь, любовь же делает душу здравою и бесстрастною, и тогда человек познает, что он недалек от Бога.

3) Он (Филимон) говорил ему: надлежит тебе посредством безмолвия совершенно очистить ум и дать ему непрестанное делание духовное. Как глаз, обращаясь на чувственное, всматривается в видимое, так чистый ум, обращаясь к мысленному, восхищается духовно созерцаемым, так что и не отторгнешь его от того. И насколько посредством безмолвия обнажается он от страстей и очищается, настолько сподобляется и ведения (оных духовных вещей). Совершенным же ум бывает тогда, когда вступит в область существенного ведения и соединится с Богом. Тогда он, царское имея достоинство, не чувствует уже бедности и не увлекается ложными пожеланиями, хотя бы ты предлагал ему все царства. Итак, если хочешь достигнуть таких доброт, бегом беги от мира и со усердием теки путем святых, брось заботу о внешнем своем виде, одежду имей бедную и убранство смиренное. Нрав держи простой, речь нехитростную, ступание нетщеславное, голос непритворный. Полюби жить в скудости и быть всеми небрегомым. Паче же всего попекись о хранении ума и трезвении, будь терпелив при всяких теснотах и всячески сохраняй приобретенные уже блага духовные неповрежденными и неизменными. Внимай себе тщательно и не принимай ни одной из тайно прокрадывающихся сластей. Ибо, хотя безмолвие укрощает душевные страсти, но если давать им возгораться и изостряться, то они обыкновенно еще паче рассвирепевают, и допускающих сие еще с большею силою влекут ко греху. Так и телесные раны, будучи растираемы и раздираемы, бывают неисцелимы. Может и одно слово отдалить ум от памяти Божией, когда бесы нудят на то, и чувства соглашаются с ними.

Велик подвиг и страх – хранить душу. Итак надлежит тебе совсем удалиться от мира и, отторгнув душу от всякого сострастия телу, стать безградным, бездомным, бессобственником, бессребренником, бесстяжательником, бесхлопотником, бессообщником, невеждою в делах человеческих, смиренным, сострадательным, благим, кротким, тихонравным, готовым принимать от Божественного ведения вразумительные напечатления в сердце. Ибо и на воске невозможно писать, не изгладив наперед прежде начертанных на нем букв, как научает нас сему великий Василий. Таков был лик святых, которые, совсем удалившись от всех обычаев мирских и храня в себе невозмущаемым небесное мудрование, просветились Божественными законами и возблистали благочестивыми делами и словами, *умертвив уды, яже на земли* (Кол. 3, 5), воздержанием, Божиим страхом и любовию. Ибо непрестанною молитвою и поучением в Божественных Писаниях отверзаются умные очи сердечные и зрят Царя Сил, – и бывает радость великая, и сильно воспламеняется в душе Божественное желание неудержное, причем совосхищается туда же и плоть действием Духа, и человек весь соделовается духовным. Вот

чего сподобляются делатели блаженного безмолвия и теснейшего подвижнического жития, которые, удалив себя от всякого утешения человеческого, одни с Единым, на небесах сущим Владыкою непрестанно беседуют!

4) Выслушав сие тот боголюбивый брат и Божественною в душе уязвившись любовию, (оставляет свое место) и вместе с оным (Филимоном) достигает скита, где величайшие из отцов совершили путь благочестия. Жить они поселились в Лавре св. Иоанна Колова, передав попечение о себе эконому Лавры, так как желали пребывать в безмолвии. И пребывали они тут благодатию Божиею в совершенном безмолвии, по субботам и воскресеньям исхождения творя на общие собрания церковные, а прочие дни пребывая у себя; причем каждый совершал молитвы и служения особо.

5) У старца святого (Филимона) было такое правило служения: ночью пропевал он всю Псалтирь и песни (9-ть, помещаемых в Псалтири), не спешно, без суетливости, прочитывал одно зачало Евангелия, потом садился и сидел, говоря в себе: Господи, помилуй! со всем вниманием и довольно долго, пока не мог уже возглашать сего воззвания; и наконец давал себе соснуть. Потом опять на рассвете пропевал первый час и. седши на свое седалище лицом к востоку, попеременно то пел (псалмы), то читал, по произволению, из Апостола и Евангелия. Так проводил он весь день, непрестанно поя, молясь и услаждаясь созерцанием небесного; ум его часто так уводим был в созерцание, что он не знал, на земле ли он находится.

6) Брат, видя, что он так всеусердно прилежит молитвенным служениям и иногда совсем изменяется от Божественных помышлений, сказал ему: трудно, тебе, отче, в такой старости так умерщвлять и порабощать тело свое? Он ответил ему: «поверь мне, Бог такое усердие и такую любовь к молитвенному служению вложил в душу мою, что я не в силах вполне удовлетворять ее к тому стремления; немощь же телесную побеждает любовь к Богу и надежда будущих благ». Так все желание его было умно воскриляемо в небеса, и это даже во время трапезования, а не только в другие времена.

7) Однажды спросил его живший с ним брат некий: какие бывают тайны созерцания? И он, видя его неотступность и то, что он искренно ищет назидания, сказал ему: говорю тебе, чадо, что тому, чей ум совершенно очистился, Бог открывает видения самых служебных сил и чинов (ангельских).

8) Спросил он его и о следующем: чего ради, отче, паче всякого Божественного Писания услаждаешься ты Псалтирию, и чего ради, поя тихо, ты представляешься будто разговаривающим с кем-то? На это он сказал ему: «Бог так напечатлел в душе моей силу псалмов, как в самом пророке Давиде, и я не могу оторваться от услаждения сокрытыми в них

всяческими созерцаниями; ибо они объемлют все Божественное Писание». Это исповедал он вопрошавшему с великим смирением, пользы ради и после долгого неотступного упрашивания.

9) Брат некий по имени Иоанн, от примория устремившись, пришел к святому сему и великому отцу Филимону, и обняв ноги его, сказал ему: что сотворю, отче, да спасуся? Ибо ум мой носится и парит туда и сюда, где не следует. И он, помолчав немного, сказал: сия болезнь (душевная) есть принадлежность тех, кои внешни суть, и в них она пребывает. И в тебе она есть, потому что ты не возымел еще совершенной любви к Богу, еще не пришла в тебя теплота любви и познания Его. Говорит ему брат: что же мне делать, отче? Тот сказал ему: поди возымей сокровенное поучение в сердце своем, и оно очистит ум твой от сего. Брат, не будучи посвящен в то, что этим сказывалось, говорит старцу: что же это за сокровенное поучение, отче? И он сказал ему: поди, трезвися в сердце своем и в мысли своей трезвенно со страхом и трепетом говори: Господи, Иисусе Христе, помилуй мя! Так преподает новоначальным и блаженный Диадох.

10) Брат пошел и, содействием Божиим по молитвам отца успокоившись, усладился таким поучением немного. Но потом это услаждение отошло от него, и он не мог уже трезвенно совершать такое делание и молиться. Почему он опять пошел к старцу и сказал ему о случившемся. Старец говорит ему: теперь узнал уже ты путь безмолвия и умного делания и вкусил происходящей от того сладости. Имей же сие всегда в сердце своем, – ешь ли, пьешь ли, беседуешь ли с кем, в пути ли находишься или в келлии сидишь, не преставай трезвенною мыслию и неблуждающим умом молиться такою молитвою, петь и поучаться в молитвах и псалмах; даже при исправлении самых необходимых потребностей своих не давай уму своему быть праздным, но заставляй его сокровенно поучаться и молиться. Так можешь ты уразуметь глубины Божественного Писания и сокрытую в нем силу и дать уму непрестанное делание, да исполнишь Апостольское слово, заповедующее: *непрестанно молитеся* (1 Сол. 5, 17). Внимай же себе тщательно и блюди сердце свое от приятия худых помыслов, или каких-нибудь суетных и неполезных; но всегда, и когда спишь, и когда встаешь, и когда ешь, и когда пьешь, и когда ведешь беседу, пусть сердце твое втайне мысленно то поучается в псалмах, то молится: *Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя!* Также когда поешь псалмы языком, внимай, чтоб не говорить одного устами, а в другом парить мыслию.

11) Брат спросил его еще: много суетных мечтаний вижу я во время сна. Старец сказал ему: не ленись и не малодушествуй; но прежде чем заснешь, многие сотвори молитвы в сердце своем и противостой помыслами покушениям диавола водить тебя по воле своей, да восприимет тебя Бог. Сколько сил есть заботься о том, чтобы засыпать с псалмами в

устах и умным поучением, и никак не позволяй по нерадению уму своему принимать чуждые помыслы, но с какими помышлениями молился ты, в тех поучаясь склонись и на одр, чтобы и когда будешь спать, они пребывали в тебе, и когда пробудишься, собеседовали с тобою. Проговаривай также и святой Символ Православной веры, прежде чем заснешь; ибо православствовать о Боге есть источник и охрана всех благ.

12) Еще спросил его брат: сотвори любовь, отче, скажи мне, какое делание имеет твой ум? Научи меня, чтобы и мне спастися. Он сказал ему: зачем это любопытствуешь ты знать? Тот встал, обняв ноги святого и, лобызая их, умолял его сказать ему это. Старец довольно времени спустя сказал: не можешь еще ты понести сего. Давать каждому чувству пригодное дело свойственно мужу, обыкшему вращаться в благах правды; и невозможно дара сего сподобиться тому, кто не стал совершенно чист от суетных помышлений мира. Потому, если ты истинно желаешь сего, держи сокровенное поучение в чистом сердце. Ибо если пребудет в тебе непрестанно молитва и поучение в Писаниях; то отверзутся очи души твоей и будет в ней радость великая, и чувство некое неизреченное и горячее, при согреянии от Духа и плоти, так что весь человек станет духовным. Итак ночью ли или днем сподобит тебя Бог нерассеянно помолиться чистым умом, оставь свое молитвенное правило и, сколько сил есть, простирайся умносердечно прилепляться к Богу. И Он просветит сердце твое в духовном делании, за которое ты принялся.

К сему присовокупил он: некогда пришел ко мне один старец, и когда я спросил его об устроении его ума, сказал мне: два года пребыл я в молитве пред Богом, от всего сердца умоляя Его прилежно, да дарует Он мне, чтобы непрестанно и нерассеянно печатлелась в сердце моем молитва, которую предал Он ученикам Своим, и великодаровитый Господь, видя труд мой и терпение, подал мне просимое.

И вот еще что он говорил ему: помыслы о вещах суетных, бывающие в душе, суть недуг празднолюбивой и предавшейся нерадению души; почему нам надлежит, по Писанию, всяким хранением блюсти ум свой, разумно петь без рассеяния и молиться чистым умом. Итак, брате, Бог хочет, чтоб мы являли к Нему свое усердие во-первых трудами (подвижничества и доброделания), потом любовию и непрестанною молитвою, – и Он подаст нам путь спасения. Явно же, что нет другого пути, возводящего на небо, кроме совершенного удаления от всего злого, стяжания всего благого, совершенной к Богу любви и сопребывания с Ним в преподобии и правде, так что когда у кого будет сие, то он скоро востечет к небесному лику. Но при сем всякому, желающему взыти на высоту, неотложно надлежит умертвить уды, сущие на земле. Ибо когда душа наша усладится созерцанием истинного блага, то уже не возвращается ни к одной из страстей, возбуждаемых сластию греховною; но от всякого отвратившись телесного сладострастия, чистою и нескверною мыслию приемлет явление Бога. Итак нам потребно великое себя хране-

ние, много телесных трудов и очищения души, да вселим Бога в сердца наши, чтобы прочее безгрешно исполнять Божественные Его заповеди, и чтобы Сам Он учил нас блюсти твердо Его законы, испуская, как солнечные лучи, Свои на нас воздействия вложенною в нас благодатию Духа. Трудами и искушениями должны мы очистить образ, по коему были мы созданы разумными и способными воспринимать всякое разумение и Богу уподобление, нося чувства, чистые от всякой скверны чрез переплавление их некако в пещи искушений, и претворяемы бывая в царское достоинство. Бог и человеческое естество создал причастным всякого блага, могущим мысленно созерцать ликования Ангелов славы, Господств, Силы, Начала, Власти, свет неприступный, славу пресветлую. Но когда исправишь ты какую добродетель, смотри, да не превознесется помысл твой над братом, потому что ты исправил ее, а он понерадел; ибо это начало гордости. Когда борешься с какою страстию, смотри не унывай и не малодушествуй от того, что брань стоит упорно; но восстав, повергни себя пред лицом Бога, от всего сердца говоря с пророком: *суди, Господи, обидящиямя* (Пс. 34, 1), ибо я не силен против них. И Он, видя смирение твое, скоро пошлет тебе помощь Свою. Когда идешь с кем в пути, не принимай суетной беседы, но дай уму духовное делание, которое он имел, чтобы пребыло в нем сие благое навыкновение и забвение мирских сластей, и он не исходил из пристани бесстрастия.

Такими и многими другими словесами огласив брата, старец отпустил его.

13) Но спустя немного времени он опять пришел и, начав речь, спросил: что мне делать, отче? В ночном моем служении отягчает меня сон и не дает мне трезвенно молиться и побдеть побольше; и я хочу брать в руки работу, когда пою. На это старец сказал: когда можешь молиться трезвенно, не касайся рукоделия; когда же объят будешь дремaнием, тогда, подвигшись немного против помысла, претя ему, коснись рукоделия. Тот опять спросил: ты сам, отче, не отягчаешься сном во время служения своего? Старец сказал: не так-то легко; однако же, когда нападает иной раз дремание, немного подвигнусь; но начинаю читать с начала Евангелие от Иоанна, возводя к Богу око ума, и оно тотчас же исчезает. Похоже на это поступаю я и в отношении к помыслам, именно когда найдет какой из них, я встречаю его как огнь со слезами, и он исчезает. Ты же еще не можешь так вооружаться против них; но паче держи сокровенное поучение и усердствуй совершать установленные святыми отцами как дневные молитвословия, как то часы: третий, шестой, девятый и вечерню, так и ночные службы. И всеми силами старайся ничего не делать по человекоугодию, и берегись иметь вражду с кем-либо из братий, чтоб не отдалить себя от Бога своего. Старайся также хранить мысль свою нерассеянною, всеусердно внимающею внутренним помыслам. Когда, бывая в церкви, имеешь намерение причаститься Святых Христовых Таин, не исходи из нее, пока не получишь совершенного ми-

ра. Став на одном месте, не отступай оттуда до самого отпуста; в себе же помышляй, что находишься на небе и со святыми Ангелами Богу предстоишь, имея восприять Его в сердце свое; готовься же к сему со страхом и трепетом, чтоб не недостойно сопричастником быть Святых Сил.

Добре таким образом вооружив брата и предав Господу и Духу благодати Его, старец отпустил его.

14) К сему рассказывал еще и живший с ним брат следующее. Сидя однажды подле него, я спросил его: был ли он искушаем наветами демонскими, живя в пустыне. Он же сказал: прости, брат, – если попустит Бог прийти на тебя искушениям от диавола, каким я подлежал, то не думаю, чтоб ты мог вынести горечь их. Мне семидесятый год, или и с прибавком, много терпел я искушений, живя в разных пустынях в совершенном безмолвии; что же испытал я и вытерпел от этих демонов, о горечи того не полезно повествовать тем, кои не искусили еще безмолвия. В таких искушениях я всегда поступал так: возлагал все упование мое на Бога, Коему давал и обеты отречения, и Он скоро избавлял меня от всякой нужды. Почему, брате, я теперь никакого уже о себе промышления и не творю; но зная, что Он печется обо мне, очень легко переношу находящие на меня искушения. И только то одно Ему от себя приношу, чтоб непрестанно молиться. Не мало помогает при сем и то упование, что чем большие нападают скорби и беды, тем большие они готовят венцы терпящему: ибо у Праведного Судии те и другие уравновешивают себя взаимно. Ведая сие, брате, не поддавайся малодушию. Вступил ты в среду брани, чтоб бороться, и борись, воодушевляясь и тем, что тех, кои за нас ратуют против врага Божия, очень много, больше вражеских полчищ. Да и как можно бы было нам осмелиться противостать такому страшному супостату рода нашего, если бы державная десница Бога Слова не обымала нас, не ограждала и не покрывала? Как бы выдержало человеческое естество наветы его? Ибо как говорит Иов, *кто откроет лице облечения его? В согбение же персей его кто внидет? Из уст его исходят аки свещи горящия, и размещутся аки искры огненнии. Из ноздрей его исходит дым пещи горящия огнем углия. Душа же его яко углие и яко пламы из уст его исходят. На выи его водворяется сила, пред ним течет пагуба. Сердце его ожесте аки камень, стоит же аки наковальня неподвижно. Возжизает бездну, якоже пещь медную, мнит же море яко мироварницу, и тартар бездны, якоже пленника. Все высокое зрит, сам же царь всем сущим в водах* (Иов. 41, 4-25). Вот против кого у нас брань, брате! Вот каким и коликим изобразило слово этого тирана! При всем том однако ж победа над ним бывает удобна для тех, которые, как следует, проходят уединенническую жизнь, по причине неимения ими в себе ничего, ему принадлежащего, по причине отречения их от мира, по причине их высоких добродетелей и по причине того, что мы имеем Поборающего по нас. Ибо кто, скажи мне, приступив к Господу и страх Его приявши в ум, не претворился естеством и,

осияв себя Божественными законами и делами, не соделал душу свою светлою и способною сиять Божественными разумениями и помыслами? Праздною же быть он никогда не дозволяет ей, имея в себе Бога, Который возбуждает ум ненасытно стремиться к свету. И душе таким образом непрерывно воздействуемой дух не попускает разблажаться страстями; но как царь какой, дыша страшным гневом и прещением, нещадно посекает их. Такой никогда не возвращается уже вспять, но практикою (добродетелей) с воздеянием рук на небо и умною молитвою одерживает победу в брани.

15) Рассказывал еще брат тот, что при других добродетелях имел авва Филимон и такую: терпеть не мог слышать праздное слово, и если кто, забывшись, рассказывал что-либо, не относящееся к пользе душевной, то он совсем не отзывался на это. Также когда я уходил по какому-либо делу, он не спрашивал: чего ради уходил? И когда возвращался, не говорил: где ты был? или что и как делал? Так однажды сплыл я в Александрию по необходимой потребности, а оттуда по одному церковному делу отправился в Царьград, не дав о том знать рабу Божию; потом, пробыв там довольно времени, посетив тамошних благоговейных братий, возвратился наконец к нему в скит. Увидев меня, старец обрадовался и, по обычном приветствии сотворив молитву, сел; но ни о чем совершенно не спросил меня, а пребыл занятым обычным своим умным деланием.

16) Некогда, желая испытать его, я несколько дней не подавал ему хлеба поесть. Он же ни хлеба не попросил и ничего на это не сказал. Тогда, сотворив поклон, я спросил: сотвори любовь, отче, и скажи мне, не оскорбился ли ты, что я не приносил тебе по обычаю поесть. Он сказал: прости, брате! Если двадцать дней не дашь ты мне поесть хлеба, я не попрошу его у тебя; ибо доколе терплю душою, терплю также и телом. Так был он занят созерцанием истинного блага.

17) Говорил он: с тех пор как пришел в скит, не попускал я помыслу своему выходить за стены келлии; но и в мысль свою не принимал я никакого другого помысла, кроме страха Божия и судилищ будущего века, держа в памяти угрожающий грешным Суд, и огнь вечный, и кромешнюю тьму, и то, как живут души грешников и праведников, и какие блага уготованы праведным и как каждый получает свою награду по труду своему: один за труды подвижничества, другой – за милостыню и любовь нелицемерную, иной – за нестяжательность и полное отречение от мира, другой за смиренномудрие и совершенное безмолвие, тот за крайнее послушание, этот за странничество. Все сие содержа в мысли, не попускаю я иному помыслу действовать во мне и не могу уже быть с людьми или ими занимать ум свой, чтоб не отдалиться от Божественных помышлений.

18) К сему присоединил он и сказание о некоем уединеннике, говоря, что он уже и бесстрастия достиг, и от руки Ангела принимал хлеб в

пищу, но по причине разленения (ослабления внимания) лишился такой чести. Ибо когда душа ослабит рассмотрительное и напряженное внимание ума, тогда душу ту объемлет ночь. Где не сияет Бог, там все разливается, как во мраке; и не может тогда душа воззревать к Единому Богу и трепетать словес Его. *Бог приближаяйся Аз есмь,* говорит Господь, *а не Бог издалеча. Или утаится человек в сокровенных, и Аз не узрю ли его? Еда небо и землю не Аз наполняю?* (Иер. 23, 23, 24). И о многих других, подобное пострадавших, припоминал он. Привел и падение Соломона, который, говорит, такую получил премудрость и так будучи всеми славим – потому что как денница, утром восходящая, всех осиявал светлостию премудрости, за малую сласть потерял такую славу. Итак страшно поблажать разленению; но надобно непрестанно молиться, чтоб другой какой помысл, нашедши, не отлучил нас от Бога, и вместо Него не приподставилось уму нашему иное что. Только чистое сердце, став вместилищем Духа Святого, чисто зрит в себе, как в зеркале, Самого Бога всего сущего.

19) Слыша сие, говорит живший с аввою Филимоном брат, и на дела его смотря, я уразумел, что в нем совсем перестали уже действовать телесные страсти, и что он был усердный любитель всякого совершенства, так что всегда виделся преображаемым Божественным Духом (от славы в славу) и воздыхающим воздыханиями неизглаголанными, в себе с собою сообращающимся и себя взвешивающим (или себя держащим ровно, как на весах), и всячески подвизающимся, чтоб что-нибудь, пришедши, не возмутило чистоты ума его и скверна какая-нибудь тайно не приразилась к нему.

Видя, говорит, сие и ревностию к подобному образу жизни возбуждаемый, я с усердным обращался к нему прошением, говоря: как и я мог бы стяжать чистоту ума подобно тебе? Он же говорил: поди – трудись; ибо для этого труд потребен и болезнование сердца. Блага духовные, достойные усердного искания и труда не достанутся нам, если будем возлежать на одрах и спать. И земные блага никому не достаются без труда. Тому, кто желает прийти в преспеяние, надобно прежде всего отрешиться от своих хотений и стяжать непрестанный плач и нестяжательность, не внимая согрешениям других, а своим только, и о них одних плача день и нощь, и не имея суетной дружбы ни с кем из людей: ибо душа, скорбящая о своем бедственном положении и уязвляемая памятию о прежних согрешениях, бывает мертва миру, как и мир умирает для нее, т. е. тогда недейственны бывают плотские страсти, и человек недействен сим страстям. К тому же отрекшийся от мира, и со Христом сочетавшийся, и в безмолвии пребывающий любит Бога, хранит образ Его и подобием Ему богатится; ибо свыше приемлет от Него подаяние Духа и бывает домом Бога, а не демонов, и дела праведные представляет Богу. Так душа, став чистою по жизни, свободною от осквернений плоти

и не имеющею скверны или порока, облечется наконец венцом правды и воссияет красотою добродетелей.

В ком же в начале отречения не поселяется в сердце плач, ни слезы духовные, ни память о не имеющих конца муках, ни безмолвие истинное, ни молитва непрестанная, ни псалмопение и поучение в Божественных Писаниях, в ком не обратилось сие в навык, так чтоб, по причине непрерывности приседения сему, он понуждаем был и нехотя делать то от ума, – и страх Божий не господствует в душе его: тот еще почивает на содружестве с миром и не может иметь ума чистым в молитве; ибо только благочестие и страх Божий очищают душу от страстей и, соделовая ум свободным, вводят его в естественное ему созерцание и дают ему коснуться богословия, которое приемлет он в образе блаженства *(блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят),* – что для сподобляющихся сего еще отселе служит залогом (будущего) и хранит (духовное их устроение) непоколебимым.

Итак всеми силами потщимся о практическом делании (добродетелей и подвигов), которым возводимся к благочестию, то есть к мысленной (духовной) чистоте, плод которой – богословское созерцание естественное (уму). Ибо деяние есть восхождение к созерцанию, как (говорит) проницательный и богословнейший ум (Григория Богослова). Почему если вознерадим о делании том, то будем чужды всякого любомудрия; ибо хотя бы кто достиг самого верха добродетели, все ему необходимы труд подвижничества, обуздывающего бесчинные стремления тела, и строгое хранение помыслов. И этим способом едва можем мы улучить вселение Христа. Ибо чем больше умножается наша праведность, тем больше возрастает духовное возмужание; и наконец ум, в совершенство пришедши, весь прилепляется к Богу и осиявается Божественным светом, – и ему открываются неизреченности таинств. Тогда истинно познает он, где мудрость, где сила, где разум для познания всего, где долголетие и жизнь, где свет очей и мир. Ибо пока занят он борьбою со страстями, дотоле не имеет возможности насладиться сим; так как и добродетели и пороки слепым делают ум: те, чтоб не видел добродетелей, а эти, чтоб не видел пороков. Но когда восприимет он покой от брани и сподобится духовных дарований, тогда, непрестанно бывая воздействуем благодатию, весь соделовается световидным и становится неотклоним от созерцания вещей духовных. Таковой не привязан ни к чему здешнему; но прешел от смерти в живот. Тому, кто восприемлет достоподражательную жизнь и к Богу приближиться ревнует, надлежит иметь непорочное сердце и уста чистые, чтоб слово, исходя из чистых уст чистым, могло достойно воспевать Бога, так как душа, к Богу прилепившаяся, непрестанно с Ним собеседует. Возжелаем же, братие, достигнуть до такой высоты добродетелей и перестанем пресмыкаться по земле, прилепившись к страстям. Подвизающийся и достигший близости к Богу, причастившийся святого света Его и уязвившийся любовию к Нему, на-

слаждается Господним некиим и непостижимым веселием духовным, как говорит Божественный псалом: *наслади́ся Господе́ви, и даст ти проше́ние се́рдца твоего́: и изведе́т я́ко свет пра́вду твою́, и суде́бу твою́ я́ко полу́дне* (Пс. 36, 4, 6). И какая любовь так сильна и так неудержима, как та, которая от Бога вливается в душу, очистившуюся от всякого зла? Такая душа от истинного расположения сердца говорит: *уязвле́на е́смь любо́вию а́з* (Песн. 2, 5). Неизреченны и неизъяснимы блистания Божественной красоты! Не может изобразить их слово, ни слух вместить. На блистание ли денницы укажешь, на светлость ли луны, на свет ли солнца, все это неуважительно в сравнении со славою оною, и больше скудно пред лицом истинного света, чем глубочайшая ночь или мрачнейшая мгла пред чистейшим полуднем. Так предал нам и Василий, дивный между учителями, из опыта познав сие и научившись сему.

20) Сие и большее сего рассказывал живший с аввою брат. Но кто не подивится в нем еще и следующему, как доказательству великого смирения его? Удостоен будучи пресвитерства давно-давно, и так приискренно коснувшись небесного и жизнию и разумом, он всячески избегал Божественных священнодействий, как бремени, так что в продолжение многих лет своего подвижничества он очень редко соглашался приступать к святой трапезе (для священнодействия). Но и Божественных Таин причащаться, несмотря на такую постоянно опасливую жизнь, не причащался, когда случалось ему входить в общение и беседовать с людьми; хотя при этом не говорилось им ничего земного, но одно душеполезное для искавших беседы с ним. А когда намеревался причаститься Божественных Таин, то пред этим долго докучал Богу, умилостивляя Его молитвами, псалмопениями и исповеданиями. Ужасался он гласа иереева, который возглашает при сем, говоря: *святая святы́м.* Ибо в это время, говорил он, вся церковь полна бывает святых Ангелов, и Сам Царь Сил, таинственно священнодействовав, и хлеб и вино претворив в Свое Тело и Кровь, чрез Св. Причащение вселяется в сердца наши. Почему, присовокуплял он, надлежит нам лишь непорочно и чисто, и как бы вне плоти бывая, без всякого сомнения и колебания дерзать на святое причастие Пречистых Христовых Таин, чтоб сделаться причастными бывающего от них просвещения. Многие из свв. отцов видели свв. Ангелов, которые остерегали их (от всего неподобного); почему и сами они держали себя в глубоком молчании, не говоря ни с кем.

21) И вот еще что говорил (брат тот), что, когда бывала старцу нужда самому продавать свое рукоделие, то чтоб не привзошла как-нибудь ложь какая, или божба, или лишнее слово, или другой какой вид греха, если б разговаривать и торговаться, он стоял, притворясь на вид юродивым; и всякий, желавший купить его рукоделие, брал его у него и давал за то, что хотел. Работал он малые корзинки; и даваемое за них принимал с благодарностию, отнюдь ничего не говоря, сей любомудрый муж.

Краткое сведение о св. Феодоре Едесском [75]

Сын молитв и видения родителей, жителей Едессы, Феодор, когда стал учиться, не показывал способностн к учению, но молился Богу об открытии смысла. Раз скрылся он под святою трапезою во время Литургии, и некий юноша, напитав его сотом, внушил ему сладость уединения. Священнодействовавший епископ, узнав о том, посвятил Феодора в чтеца, и он остался в обители, где легко и свободно изучал тогдашний круг наук у общего наставника Софрония. На 18-м году, лишась родителей, раздал он имение, отделив только часть сестре, и на 20-м году удалился в обитель св. Саввы, что близ Иерусалима, где 12 лет пробыл в общежитии и 24 года в затворе. Из сего затвора изведен он был по определению патриархов Антиохийского и Иерусалимского и рукоположен в епископа Едесского, куда и отправился. Прибыв в Едессу, он все силы свои обратил на благоустроение Церкви и верующих; но труды его встречали большие препятствия со стороны магометан, владетелей города, и еретиков, наполнявших его. Видя неуспешность своих усилий и даже опасность для своей жизни, св. Феодор отправился в Багдад к калифу Мавие просить милостей. Исцелив калифа от болезни, он расположил его дать повеления правителям Киликии, Сирии и Месопотамии возвратить Церкви Едесской достояние ее и не препятствовать обращаться в Православие. Возвратясь в Едессу, он радостно принят был православною паствою, которая множилась потом обращением еретиков и благотворно была правима ревностным сим, свыше руководимым пастырем. Предвидя приближение смерти и желая почить в прежней своей уединенной келлии, отправился св. Феодор в Палестину, где на месте пустынных подвигов своих вскоре и скончался в 9-й день июля, когда и память ему положена. В Царьграде тогда царствовал Михаил с материю Феодорою, – век 9.

Предлагаемые здесь сто душеспасительных глав составлены им, по просьбе старцев обители, когда он был еще в затворе. Об них составители греческого Добротолюбия пишут: «Оставил ли св. Феодор другие какие писания, с достоверностию сказать не можем. Настоящие же сто

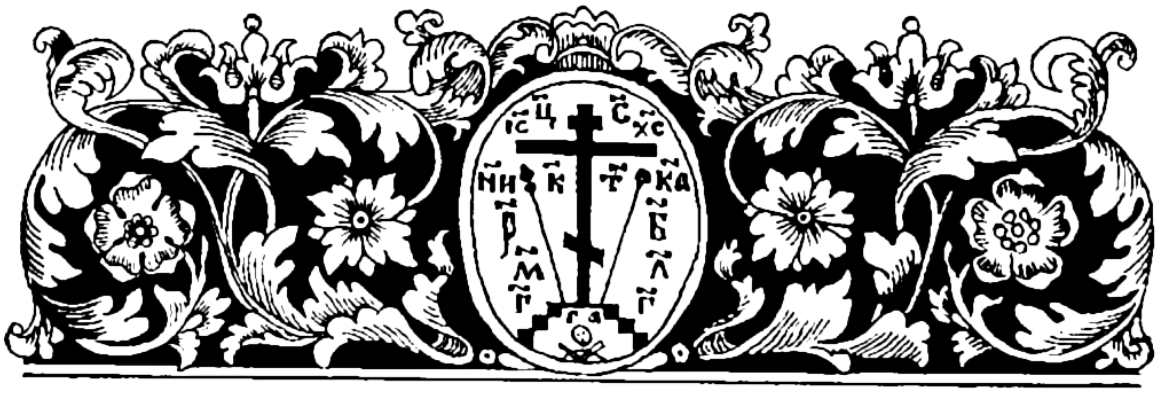
[75] Житие взято из Добротолюбия в переводе Феофана.

глав, им трудолюбно составленные, помещаем в ряду других отеческих писаний о трезвении; потому что они добре изображают дело священного трезвения, и потому богатую могут принесть духовную пользу тем, кои с достодолжным вниманием будут читать его».

Предлежащее умозрительное слово достойно занять место в ряду других аскетических писаний по мудрому истолкованию внутренних явлений в нашей духовной жизни и выводу из того подобающих уроков для подвизающихся.

Кто был автор сего слова, неизвестно. В заглавии он именуется преподобным Феодором. Но кто он был, не видно. Собиратели греческого Добротолюбия, видя в сем слове мысли, сходные с теми, кои содержатся в ста главах св. Феодора Едесского, приписали его сему последнему и поместили вслед за его ста главами. Но преосв. Филарет Черниговский пишет (об отцах § 277, нота 10), что св. Феодору Едесскому можно приписывать слово сие только гадательно. И действительно само слово не дает на то решительного указания.

Почему оставляя на свободу каждому признавать или не признавать принадлежность сего слова св. Феодору Едесскому, чтение же его почитая полезным для всех, ищущих пользы от чтения, помещаем его, по примеру греческого Добротолюбия, вслед за ста главами св. Феодора Едесского.

Преподобного и богоносного отца нашего Феодора, великого подвижника и епископа Едесского, сто душеполезнейших глав [76]

Поелику Бога благого благодатию, отрекшись от сатаны и дел его, сочетались мы Христу, как вначале в бане пакибытия, так теперь снова в иноческих обетах, то будем соблюдать Его заповеди. Сего требует от нас не сугубый только обет наш, но и естественный долг; потому что будучи исперва созданы Богом *добрыми зело,* мы и должны быть таковыми. Хотя грех, привзошедший от нашего невнимания, произвел в нас и то, что неестественно нам; но, по множеству милости Великого Бога нашего, мы опять воззваны, обновлены страстию Бесстрастного и искуплены ценою крови Христа Господа, избавясь таким образом от древнего праотческого преступления. Судя по сему, если мы соделаемся праведными, то в этом не будет ничего великого; но тем паче будет достойно жалости и осуждения, если отпадем от правды.

2) Как доброе дело, без правой веры бывающее, мертво есть всецело, и бездейственно; так и вера одна, без дел праведных, не избавляет нас от огня вечного. Ибо *любяй Мя,* говорит Господь, *заповеди Моя соблюдет* (Ин. 14, 23). Итак, если любим Господа и веруем в Него, засвидетельствуем о том исполнением заповедей Его, чтоб улучить Жизнь Вечную. Если же в презрении у нас соблюдение повелений Его, коим покорствует вся тварь, то как назовем себя верными, мы, – почтенные паче всякой твари, и одни из всех их непокорные повелениям Сотворшего и неблагодарными оказывающиеся Благодетелю?

3) Заповеди Христовы соблюдая, мы ничего тем не доставляем Ему, ни в чем не нуждающемуся, и всех благ Подателю, но самим себе благодетельствуем, заслуживая себе Жизнь Вечную и наслаждение неизреченных благ.

[76] Из Добротолюбия в переводе Феофана Затворника.

4) Всяк противящийся нам в исполнении Заповедей Божиих, будь то отец, или мать, или кто бы то ни был, мерзок нам и ненавистен, чтоб не услышать нам: *любящий паче Мене отца или матерь,* или другого кого из людей, *несть Мене достоин* (Мф. 10, 37).

5) Свяжем же себя всеусильно исполнением заповедей Господа, чтоб не быть связанными неразрешимыми узами злых похотей и душетлительных сластей: в каком случае изречется и о нас присуждение о бесплодной смоковнице, гласящее: *посецы ю, вскую и землю упражняет* (Лк. 13, 7)? Ибо всяк, говорит, *не творящий плода добра, посекается и в огнь вметается* (Лк. 3, 9).

6) Побеждаемый похотями и сластями и в мире обращающийся, скоро впадет в сети греха; грех же, содеянный однажды, есть что огонь в тростнике, что камень, катящийся с горы, что водотечь, расширяющаяся от прибавления притоков. Так это бывает; и всяко грех губит того, кто творит его.

7) Душа чрез грех выступает из своего естественного чина, и, дичая от сего и исполняясь терниями сластей греховных, делается жилищем страшных зверей, по сказанному: *там почиют онокентавры, там вгнездится еж и бесы встретятся с онокентаврами* (Ис. 34, 14. 15), – кои суть различные страсти греховные. Когда же она воззовет себя в естественный свой чин (ибо может, если захочет, пока связана с плотию), укротит себя старательными над собою трудами и станет жить по Закону Божию; тогда вгнездившиеся прежде в нее звери убегут, а хранители жизни нашей Ангелы прибудут, днем веселия и радования соделовая день ее обращения; тогда и благодать Святого Духа найдет на нее, научая ее ведению, как не только сохранить себя в добре, – но и преуспеть еще более в нем.

8) Молитву отцы называют оплотом духовным, без которого нельзя выходить нам на брань, чтоб не быть уязвленными копьями вражескими и отведенными в страну их. Но молитву действенную, чистую стяжать нельзя никому, если не приседит он Богу в правоте сердца: ибо Бог есть даяй молитву молящему, и научаяй человека разуму.

9) То, что душу беспокоят страсти, и приступают к ней с бранию, не в нашей власти; но что замедляют в нас страстные помыслы и приводят в движение страсти, это в нашей власти. Первое безгрешно, как не в нашей власти состоящее; а второе, если мужественно воспротивясь, победим, доставляет венцы, а если, послабив, побеждены будем, подвергает мучениям.

10) Есть три главнейших страсти: сластолюбие, сребролюбие и славолюбие. За ними следуют другие пять духов злобы; а от этих наконец порождается многое множество страстей и все виды разнообразных склонностей греховных. Почему победивший трех первых начальников

страстей и вождей, вместе с тем низлагает и следующие за ним пять страстей, а потом покоряет и все страсти.

11) Что по страсти сделано нами, о том и воспоминания страстями возмущают душу. Но когда страстные воспоминания совсем изгладятся из сердца, до того, что и не приближаются к нему; тогда это служит признаком отпущения прежних грехов. Ибо пока душа страстно к чему-либо греховному относится, дотоле надо признавать присущим в ней владычество греха.

12) Страсти телесные и вещественолюбивые обыкновенно умаляются и увядают от телесных злостраданий (произвольных лишений и подвигов телесных); а душевные и невидимые уничтожаются смиренномудрием, кротостию и любовию.

13) Похоть страстную увядает воздержание с смиренномудрием; гнев пламенеющий укрощает любовь; помысл влающийся сосредоточивает прилежная молитва, с памятию Божиею. Так очищаются все три части души. Их-то желая исправить, божественный Апостол говорил: *мир имейте и святыню, их же кроме никтоже узрит Господа* (Евр. 12, 14).

14) Некоторые недоумевают, как сказать, – помысл ли приводит в движение страсти, или страсти – помысл; так как одни говорят то, а другие – это. Я же говорю, что помыслы приходят в движение от страстей: ибо если б не было в душе страстей; то страстные помыслы не беспокоили бы ее.

15) Обычай есть у всегда воюющих против нас бесов, посильным для нас и удобоисполнимым добродетелям полагать преграды, а к непосильным и безвременным (за которые не время еще нам браться) сильное влагать стремление, именно: преуспевающих в общежительном послушании они заставляют делать дела безмолвников; а безмолвникам и отшельникам внушают держаться правила общежительного. Таким же образом они поступают и в отношении к каждой добродетели. Но мы да *не неразумеваем умышлений их* (2 Кор. 2, 11), ведая, что все, в свое время и в своей мере делаемое, хорошо, все же безмерное и безвременное вредно.

16) Тех, кои вращаются в мире и встречаются с предметами страстей, бесы борют, увлекая их на дела страстные, а тех, которые в пустынях живут, где нет таких предметов, возмущают помыслами страстными. В этом втором виде брани гораздо труднее одержать победу, чем в первом. Там для дела требуются время, место и прочее удобство; ум же в помыслах своих удободвижен и неудержим. В противоборство сей невидимой брани дана нам чистая молитва, в коей и заповедали нам пребывать непрестанно. Она делает ум сильным в брани и всегда готовым к ней, так как может быть совершаема и без участия тела.

17) Указывая на совершенное умерщвление страстей, Апостол говорит: *а иже Христовы суть плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24). Ибо когда умертвим страсти, уничтожим похоти и мудрование плоти подчиним духу; тогда только берем на себя крест и последуем Христу. И удаление от мира есть ничто иное, как это умерщвление страстей и проявление сокровенной во Христе жизни.

18) Бедствующие от восстаний сего смертного тела и каждо-частною почти войною его утомляемые, пусть не плоть за это осуждают, а самих себя; ибо если б они не давали ей силы, попечения о ней простирая до похоти, то не бедствовали бы столько от нее. Или не видят они распенших плоть свою со страстями и похотями и мертвость Иисусову в мертвенной плоти своей носящих, как они имеют ее содейственнцею паче в добром, – не противоборствующею, но покорною и ведомою Законом Божиим? Пусть и они также сделают, и тогда такого же вкусят покоя.

19) Всякое сосложение помысла с какою-либо запрещенною похотию, или склонение на сласть похотную, грешно для инока.

Ибо сначала помысл начинает омрачать ум вожделетельною частию, потом душа склоняется на сласть греховную, не выдерживая брани, а наконец происходит сосложение, которое, как сказано, есть грех. Если продлится это, то отсюда порождается страстное влечение, которое мало-помалу приводит и к самому делу греховному. По сей-то причине пророк и ублажает тех, кои избивают о камень младенцев вавилонских (Пс. 136, 9). Значение сего ясно для мудрых и разумных.

20) Ангелы, будучи служителями любви и мира, радуются о нашем покаянии и преуспеянии в добродетели; почему стараются наполнять нас духовными созерцаниями и содействуют нам во всяком добре. Напротив, бесы, слуги гнева и злобы, радуются, когда умаляется добродетель, и весь труд свой обращают на то, чтоб увлекать души наши в срамные мечтания.

21) Вера есть благонастроительное благо; она рождает в нас страх Божий; страх же Божий научает соблюдению заповедей, или устроению доброй деятельной жизни; из деятельной жизни произрастает честное бесстрастие; а отрождение бесстрастия – любовь, которая есть исполнение всех заповедей, всех их в себе связующая и держащая.

22) Как чувство тела, когда здорово, чувствует, какой схватывает его недуг; не распознающий же сего болит нечувствием: так и ум, поколику хранит целую свойственную ему деятельность, по-толику сознает силы свои и видит, откуда находят на него страсти, более тиранские, и на ту часть направляет более настоятельное противоборство. Но положение его бедственно, если он в нечувствии иждивает дни свои, подобясь бьющемуся со врагом ночью, так как не видит вражеских помыслов.

23) Когда мысленная наша сила неослабно прилежит созерцанию добродетелей, и когда к нему же одному и к подателю его Христу Господу устремляется сила вожделетельная, а раздражительная вооружается против бесов; тогда силы наши действуют по естеству своему.

24) По св. Григорию Богослову, разумная душа тречастна. И он добродетель мысленной силы назвал благоразумием, ведением и мудростию; добродетель силы раздражительной – мужеством и терпением; а добродетель силы вожделетельной– любовию, целомудрием и воздержанием; правда же во всех их имеет свою часть, научая действовать благообразно. Благоразумием воюет она с ангелами вражескими, защищая добродетели; целомудрием бесстрастно смотрит на вещи; любовию всех людей, как себя, любить заставляет; воздержанием отсекает всякую сласть; мужеством и терпением вооружается против невидимых браней. Такова благозвучная гармония органа душевного.

25) Тщащийся о целомудрии и вожделевающий блаженной чистоты, которую не погрешил бы кто, назвав бесстрастием, да бьет нещадно и порабощает плоть, с смиренномудрым помыслом Божественную призывая благодать, – и получит желаемое. Откармливающий же тело без воздержания в ястии и питии, измучен будет духом блуда. Ибо как вода в большом количестве угашает пламень, так алчба и жажда, или вообще всякое воздержание со смирением душевным уничтожают разжжение плоти и срамные мечтания.

26) Да отступит совсем от души твоей страсть злопамятства; и отнюдь не давай места в себе вражде. Ибо что огнь, скрытый в соломе, то злопамятство, гнездящееся в сердце. Но паче молись тепле об оскорбившем тебя и поблагодетельствуй ему, сколько и чем можешь, чтоб избавить душу свою от смерти и не быть бездерзновенну во время молитвы своей.

27) В душе смиренных упокоевается Господь, в сердце же гордых – страсти бесчестия: ибо ничто так не усиливает их против нас, как высокомудрые помыслы; и напротив, ничто так действенно не исторгает с корнем из души эти былия злые, как блаженное смирение, которое справедливо потому названо страстеубийцею.

28) Да очищается паче и паче душа твоя от злых воспоминаний, и да просвещается добрейшими помышлениями, держа всегда в уме сказанное, что во время исхода сластолюбивое сердце – темница и узы, а трудолюбивое – дверь отверстая. Ибо воистину чистым душам по исходе их из тела сопутствуют Ангелы, руководя их к блаженной жизни; души же, осквернившиеся и неочистившиеся покаянием, перехватывают, – увы мне! – бесы.

29) Прекрасна глава, украшенная драгоценною диадимою, бдестящею камнями индийскими и маргаритами; но несравненно краше нее душа, богатая ведением Бога, светящаяся светозарными созерцаниями и

имеющая обитающим в себе Всесвятого Духа. И кто может достойно изобразить в слове такую блаженную душу!

30) Гневу и ярости не позволяй водворяться в душе твоей: ибо *муж ярый неблагообразен* (Притч.11, 25); *в сердце же кротких почиет премудрость* (Слич. Притч. 14, 33). Если страсть гнева возгосподствует над душою твоею, то лучшими тебя найдены будут живущие в мире, и ты покроешься стыдом, оказавшись негодным монахом.

31) Во всяком искушении и во всякой брани молитву имей непобедимым оружием, – и победишь благодатию Христовою. Но да будет она чиста, как заповедует нам премудрый учитель наш, говоря: *хощу да молитвы творят мужие на всяком месте, воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления* (1 Тим. 2, 8). – Кто нерадит о такой молитве, тот предан будет искушениям и страстям.

32) Написано, *что вино веселит сердце человека* (Пс. 103, 15). Но ты, давший обет плакать и рыдать, отклони от себя такое веселье, – и будешь обрадован дарами духовными. Увеселяясь же вином, будешь проводить жизнь в сожительстве с срамными помыслами и много переиспытаешь печалей.

33) Праздники проводи не в винопитиях, но в обновлении ума и душевной чистоте. Наполняя же чрево яствами и винопитиями, прогневишь паче того, кому посвящается празднество.

34) Бодрствовать в псалмопениях, молитвах и чтениях повелено нам и всегда, но тем паче в праздники. Бодрствующий монах утончает ум свой для душеполезных созерцаний, а многоспание одебелевает ум. Но смотри, не вдавайся во время бдения в пустые воспоминания и в помыслы греховные: ибо лучше спать, чем бодрствовать ради таких суетностей и осквернений себя неподобающими занятиями.

35) Питающий змею в лоне своем и лукавый помысл в сердце, оба умерщвлены будут: тот в теле поражен будучи ядовитым жалом, а этот, в душу вложив смертоносный яд (помысла). Но как поспешно побиваем мы порождения ехидн, так и помыслам злым не дадим порождаться в сердце, чтоб потом не страдать от них горько.

36) Душа чистая, – сосуд избранный, справедливо может быть названа еще *и вертоградом заключеиным, источником запечатленным* (Песн. 4, 12) и *престолом чувствия* (Притч. 12, 23). Но душа, осквернненная нечистыми страстями, преисполнена смрадом зловония греховного.

37) Слышал я от опытных и деятельных старцев, что помыслы греховные в душе рождаются от щеголеватости в одеждах, пресыщения чрева и вредных бесед.

38) Похотение имений да не водворяется в душах подвижников. Многостяжательный монах – корабль с течью, взбрасываемый волнами многозаботливости и погружаемый в глубину печали. Болезнь любои-

мания многих страстей бывает родительницею и справедливо названа корнем всех зол (1 Тим. 6, 10).

39) Нестяжательность и молчание – сокровище, сокрытое на поле монашеского жительства. Поди же продай все, что есть у тебя, и раздай бедным, и этим купишь поле то, которое покопав и обретши сокровище, блюди его в себе тщательно от похищения, чтоб обогатиться богатством некрадомым.

40) Начав жить вместе с духовным отцом и восчувствовав пользу от него, не допускай, чтоб кто-либо отдалил тебя от любви к нему и от сожительства с ним; не осуждай его ни в чем; не говори о нем худо, хотя будешь им обличаем и даже бием; уха своего не открывай, когда кто другой станет злословить его; и отнюдь не сдружайся с тем, кто поносит его, чтоб не прогневался на тебя Господь и не изгладил тебя из книги живых.

41) Подвиг послушания утверждается на отречении от себя и от всего, как мы изведали. Проходящий его да оградит себя тремя оплотами: верою, надеждою и любовию всечестною и Божественною, чтобы ими будучи огражден, успешно мог подвигом добрым подвизаться и получить венец правды.

42) Не будь судьею дел отца твоего, но исполнителем заповедей его. Демоны, как обычно им, начнут указывать тебе на недостатки его, чтоб оглушить уши твои для уроков его, и тебя чрез то или сделать немощным и страшливым воином на брани, или одними помыслами неверия расслабить тебя и разленить ко всякому виду добродетели.

43) Не слушающий отеческих заповедей, оказывается преступником наилучших пунктов обета своего. Кто же внедрил в себя послушание и волю свою отсек мечом послушания, тот исполнил подобающее ему, что при многих свидетелях обещал он Христу Господу.

44) Наблюдая над иноками, видели мы ясно и затвердили, что на подвизающихся в послушании отцам сильно злобствуют враги нашей жизни, бесы, скрежеща на них зубами своими и всякие против них злоумышляя козни. И чего они не делают, чего не внушают, чтоб отторгнуть их от отеческих недр? Выставляют предлоги к непослушанию, будто благословные, устрояют неудовольствия, возбуждают неприязнь к отцу, его наставления представляют обличениями, а обличения, как стрелы изощренные, вонзают в сердце. И для чего ты, говорят они, будучи свободным, сделался рабом, и рабом бессердечного деспота? Доколе будешь ты тереть лямку рабства, не видя света свободы? – После сего внушают: лучше бы тебе заняться странноприимством, ходить за больными, пещись о бедных. Потом расхваливают подвиг совершенного уединения и безмолвия; и всякого рода злые плевелы насевают в сердце подвижника благочестия, только бы извергнуть его из духовной ограды отеческой и, извлекши из благоотишной пристани, отбросить в неистов-

ствующее душетленною бурею море. Если наконец успеют в этом, то, забрав его в свою власть, как пленника заставляют его действовать по их злым хотениям.

45) Не выпускай же из памяти этой злокозненности врагов и противоборцев твоих, находясь в послушании отца своего духовного, и не забывай обетов звания твоего пред Богом: ни руганиями не будь побеждаем, ни обличений и поношений или насмешек не бойся, ни прилогами греховных помыслов не увлекайся, ни отческой строгости не бегай, ни дерзким самоугодием и самоволием не бесчести благого ига смирения; но в сердце вложив Господнее слово, что *претерпевый до конца, той спасен будет* (Мф. 10, 22) *с терпением теки на предлежащий тебе подвиг, взирая на Начальника веры и совершителя Иисуса* (Евр. 12, 1, 2).

46) Золотарь, влагая в горнило золото, делает его чистейшим, и новоначальный монах, предающий себя подвигам подчинения воле отцов, и всеми прискорбностями жизни по Богу жегомый, с трудом же и терпением великим изучающий послушание, выплавив из себя все недобрые нравы, преисполняется смирением, весь светлым соделовается и достойным Небесных сокровищ, бесскорбной жизни и блаженного пребывания, откуда отбежали печаль и воздыхание и где насаждены непрестанная радость и веселие.

47) Вера правая и глубоко внедренная рождает страх Божий; страх же Божий научает нас соблюдению заповедей: ибо, говорит, где страх, там соблюдение заповедей; в соблюдении же заповедей состоит деятельная добродетель, которая есть начало созерцания; плод же всего сего – бесстрастие; чрез бесстрастие же водворяется в нас любовь; а о любви говорит возлюбленный ученик: *Бог любы есть, и пребываяй в любви, в Бозе пребывает, и Бог в нем пребывает* (1 Ин. 4. 16).

48) Как прекрасна воистину и добра жизнь монашеская! Как прекрасна она воистину и добра, когда течет в пределах и по законам, какие положили для нее началовожди и предводители ее, Духом Святым наученные. Ибо воину Христову надлежит быть безвещну (ничего не имущу), неозабочиваему никакими замыслами и делами мирскими, как говорит Апостол: *никтоже, воин бывая, обязуется куплями житийскими, да воеводе угоден будет* (2 Тим. 2, 4).

49) Подобает убо монаху быть безвещну, бесстрастну, чужду всякого греховного похотения, не сладкоястливу, не винопийце, не мешкотну, не лениву, не сребролюбиву, не сластолюбиву, не славолюбиву: ибо если кто от всего такого не отрешится, то он не может исправно вести эту ангельскую жизнь; для тех же, кои так именно поступают, она есть иго благое и бремя легкое, так как, в таком случае, Божественная надежда все делает для них легким. Приятна жизнь сия, усладительны дела ее, блага часть ее, которая не отымется от стяжавшей ее души.

50) Отрекшись от житейских забот и восприяв иноческий подвиг, не возжелай богатства для раздаяния бедным: ибо и это есть одно из прельщений лукавого, ведущее к тщеславию, чтоб ввергать ум в многоделие хлопотливое. Пусть только хлеб имеешь ты и воду, и ими одними можешь стяжать мзду странноприимства. Пусть даже и их не имея, с одним благим расположением приимешь странника и дашь ему слово утешения, и таким образом можешь заслужить мзду странноприимства. Имеешь пример сему в бедной вдове, о которой Господь засвидетельствовал в Евангелии, что она своими двумя лептами, в силу благого произволения своего, превзошла подаяния богатых.

51) Это сказано тем, кои живут в безмолвии. Находящиеся же в послушании отца, одно да имеют в уме, ни в чем не отступать от заповеди отца; ибо исполняя это как следует, они исполняют все, требуемое от них; как наоборот, отступающие от точного исполнения этого долга, останутся неискусными во всяком виде добродетели и духовного жительства.

52) Вот и еще совет мой тебе, Христолюбче: возлюби странничество, т. е. будь как странник, чуждый для событий своей страны; не завлекайся заботами родительскими и любовями родственными; бегай бывания в городе и с терпением сиди неисходно в пустыне, говоря с пророком: *се удалихся бегая и водворихся в пустыни* (Пс. 54, 8).

53) Ищи мест уединенных и удаленных от мира, и хотя будет утеснять тебя там скудость необходимых потреб, не бойся; если и враги окружат тебя, как пчелы или злые осы, всякого рода воздвигая на тебя брани и всяческими возмущая тебя помыслами, не устрашайся, не приклоняй к ним послушливого уха и не убегай с поприща состязания, но паче мужественно перетерпевай все, припевая себе и говоря: *терпя потерпех Господа, и внят ми, и услыша молитву мою* (Пс. 39, 2). И узришь величия Божия, Божие заступление, попечение и всякое спасительное о тебе промышление.

54) Друзьями должно тебе иметь таких лиц, которые были бы назидательны для тебя и сходились с тобою в образе жизни; ибо говорит Писание, мужи мирные да будут други тебе, братия духовные, отцы святые, о коих и Господь наш сказал: *мати Моя и братья Мои те суть, кои творят волю Отца Моего, Который на Небесах* (Мф. 12, 49).

55) Не будь пристрастен к разнообразным и дорогим яствам и не питайся ими пространно; ибо *питающаяся пространно,* говорит Писание, *жива умерла* (1 Тим. 5, 6). Да и не дорогими яствами, если можно, избегай насыщения. Ибо написано: *не прельщайся насыщением чрева* (Притч. 24, 15).

56) Часто бывать вне келлии не позволяй себе, если ты избрал себе безмолвное житие; потому что это очень вредно, – отъемлет благодать, омрачает мысли, ослабляет ревность. Почему и сказано: *парение похо-*

ти пременяет ум незлобив (Прем. 4, 13). Пресеки же сношения с внешними, чтоб ум твой не сделался парительным и не возмущал порядков безмолвия твоего.

57) Сидя в келлии, не совершай деланий своих бессмысленно и времени не иждивай в праздности: ибо бесцельно, говорят, путешествующий – всуе протрудится. Но стяжи себе благое делание, собери ум свой, пред очами имей всегда последний час смертный, помни о суетности мирской, как она обольстительна и вместе как нетверда и ничтожна, помышляй об обстоятельствах страшного на Суде испытания, как наши горькие обличители будут видимо представлять тогда наши деда, слова и помышления, которые они влагали, а мы принимали, приводи себе на мысль и адские мучилища, и то, как в них заключены будут души, представляй также великий оный и страшный день, – разумею день общего воскресения, предстания пред Богом и окончательного определения Судии неложного, воображай имеющие объять грешных мучения, стыд и обличение совести, и то, как будут они отвержены Богом и ввержены в огнь вечный, к червю неусыпающему, во тьму непроницаемую, где плач и скрежет зубов, обозревая же все другие мучилища, не переставай, стеня, обливать слезами лицо свое, одеяние свое и место, на котором сидишь. Такими помышлениями, как я видал, многие стяжевали себе обилие слез и дивно очищали все силы души своей.

58) Помышляй также о благах отложенных праведным, поставление их одесную Христа, благословенными их нарицающий глас Владыки – Господа, наследие Царства Небесного, превышающие ум дары им, свет оный сладчайший, радость, конца не имеющую и никакою печалию не пресекаемую, обители оные небесные, сожительство Ангелов и все другое обетованное боящимся Господа.

59) Такие помышления да пребывают с тобою за столом, да сопровождают тебя ко сну и да восстают с тобою. Смотри, никогда не забывай их, но где бы ты ни был, не отводи ума своего от памятования о них, чтоб худые помыслы бежали от тебя, Божественные же утешения преисполняли душу твою. Душа, не будучи ограждена и вооружена сими помышлениями, не может исправно держать безмолвие: ибо источник, воды не содержащий, напрасно носит это имя.

60) И вот какой образ жития законоположено вести безмолвствующим: пост, сколько сил достанет, бдение, спание на голой земле и всякие другие произвольные лишения, ради будущего упокоения; ибо как говорит Писание, *недостойны страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися нам* (Рим. 8, 18); особенно же молитва чистая, непрестанная и непрерывная: она есть стена крепкая, пристанище благоотишное, добродетелей охрана, страстей истребление, души благоустроение, ума очищение, страждущим упокоение, плачущим утешение; молитва есть беседа с Богом, созерцание вещей невидимых, и тех, кои вожделе-

вают их, удостоверение в истине их, сообращение с Ангелами, преуспеяние в добром, подтверждение уповаемого. Сию царицу добродетелей восприими, подвижниче, и всеми силами удержать в себе старайся, молись день и ночь, в благонастроении и расстройстве, молись со страхом и трепетом, бодренным и трезвенным умом, чтоб благоприятна была Господу молитва твоя: ибо Писание говорит: *очи Господни на праведныя и уши Его в молитву их* (Пс. 33, 15).

61) Некиим из древних очень верно и с делом сообразно сказано, что из противоборствующих нам демонов первыми вступают в брань те, коим вверены чревоугодливые желания, кои внушают сребролюбие и склоняют к тщеславию; другие же все, идя позади них, забирают пораненных ими.

62) И воистину, присматриваясь, узнали мы, что не бывает, чтоб человек впал в грех какой или в какую-либо страсть, если прежде не уязвлен он чем-нибудь из сих трех. Почему на эти три помысла наводил тогда диавол и Спасителя; но Господь, явясь недоступным для них, велел диаволу удалиться назад Себя, даровав и нам победу над ним, как Благой и Человеколюбивый Владыка, облекшийся в подобное нам во всем тело, кроме греха, и показавший нам неложный путь к несогрешанию, по коему идя, мы созидаем в себе нового человека, *обновляемаго по образу создавшаго его* (Кол. 3, 10).

63) Совершенною ненавистию ненавидеть бесов, как врагов нашего спасения, Давидское научает нас слово. И это очень пригодно в деле преуспеяния в добредетелях. Но кто же будет этот, совершенною ненавистию ненавидящий врагов спасения? Тот, кто не грешит не только делом, но и мыслию. Коль же скоро сосуды любления их, т. е. причины страстей, будут в нас, то как установиться в нас ненависти к ним? Ибо сластолюбивое сердце бессильно питать в себе ненависть к ним.

64) Брачное одеяние есть бесстрастие разумной души, отдалившейся от мирских сластей, отрекшейся от всех непотребных похотей и всецело посвящающей себя боголюбивым помышлениям и чистейшим созерцаниям. Коль же скоро она поблажает страстям бесчестия и в них закосневает, то совлекается сей одежды целомудрия и облекается в рваные и осквернённые рубища, как и в Евангелиях показывается, что связанный оный по рукам и ногам и брошенный во тьму кромешную (Мф. 22, 13), имел из таких помыслов и деяний сотканное одеяние, которое Словом Господним сочтено недостойным Божественного и нетленного чертога брачного.

65) О самолюбии, всех ненавидящем, верно сказал некто из премудрых: лютая брань самолюбия, как тиран некий, стоит во главе всех помыслов, коими три оные и пять восхищают ум наш.

66) Дивно будет, если кто насыщаясь всегда вдоволь яствами, возможет стяжать бесстрастие. Бесстрастием же я называю не удаление от

греха делом: ибо это есть воздержание; но то, если кто пресек совершенно исхождение из сердца самых помышлений страстных, – что называется и чистотою сердца.

67) Удобнее очистить душу нечистую, нежели очистившуюся и снова уязвившуюся ранами страстей опять возвести к здравию: ибо только что отрешившимся от мирских уз, в какие бы грехи ни случалось им впадать, доступнее достижение бесстрастия; а тем, которые *вкусили добрых глаголов Божиих* (Евр. 6, 5) и текли уже путем спасения, и потом опять уклонились к греху, доступ к бесстрастию загражден едва преодолимыми препонами. Это по причине установившегося греховного навыка и укоренившейся склонности к греху, не меньше же и от того, что тогда бес привычного греха, вертясь пред очами ума, непрестанно приподносит ему образы сего греха. Впрочем, душа ревностная и трудолюбивая и это труднейшее дело удобно исполнит содействием благодати Божией, человеколюбно долготерпеливой к нам, к покаянию нас призывающей и возвращающихся с неизреченными утробами щедрот приемлющей, как научаемся мы в Евангелиях притчею о блудном сыне.

68) Никто из нас собственными силами не может избежать обходов и козней лукавого, но только непобедимою силою Христовою. Потому опасно заблуждаются мечтающие совершаемыми ими подвигами и силою воли своей упразднить грех, упраздняемый одною благодатию Божиею. Чего ради светило Церкви, Иоанн Златоуст говорит, что недостаточно одного усилия человеческого, если не получится и помощь свыше; и опять, никакой не будет пользы от помощи свыше, если не будет собственного усилия. То и другое показывают на себе Иуда и Петр: тот, столь много прияв от благодати, не получил от того никакой пользы, потому что не приложил своего хотения и не привнес своего усилия; а Петр, хотя и ревностную изъявил готовность, но как не получил помощи свыше, пал. Итак очевидно, что из того и другого соплетается добродетель. Посему прошу как, все возложив на Бога, и самим не спать, так и ревностию ревнуя, не думать все исправить собственными усилиями.

69) Бог ни ничего не делающими нас видеть не хочет, почему не все Сам содевает, – ни опять не хочет, чтоб мы много о себе думали, почему не все предал нашей воле и нашим усилиям; но с той и другой стороны отъемля вредное, оставил полезное. Добре и Псалмопевец научает нас, говоря: *аще не Господь созиждет град, всуе трудишася зиждущии* (Пс. 126, 1). Невозможно также *наступить на аспида и василиска и попрать льва и змия* (Пс. 90, 13), если кто, прежде очистив себя сколько доступно то для сил человеческих, не получит на это сил от Рекшего Апостолам: *се даю вам власть наступати на змию и скорпию и на всю силу вражию* (Лк. 10, 19). Почему и повелено нам в молитве умолять Отца Небесного: *не введи нас во искушение, но избави нас от лу-*

каваго (Мф. 6, 13). Ибо если мы силою и помощию Христовою не избавимся от разжженных стрел лукавого и не сподобимся улучить бесстрастия; то тщетно трудимся, чая собственными силами или рвением, исправить что-либо подобающее. Итак желающий устоять против обходов диавола и сделать их безуспешными, и сделаться причастным Божественной славы, должен со слезами и воздыханиями, с ненасытимым желанием и пламенною душою, ночь и день Божией искать помощи и Божественного заступления. Желающий же получить таковые, должен соделать душу свою чистою от всякого сладострастия мирского и от всех страстей и похотей. Ибо о таких именно душах говорит Бог: *вселюся в них и похожду* (2 Кор. 6, 16), и Господь говорил ученикам: *любяй Мя, заповеди Моя соблюдет, и Отец Мой возлюбит его и к Нему приидем и обитель у Него сотворим* (Ин. 14, 23).

70) Весьма разумное и благоприятное слово изрек некто из древних относительно помыслов, говоря: истязуй помыслы на пороге сердца (при входе в него), наши ли они, или от сопротивных; и родные нам и благие вводи во внутреннейшее хранилище души и храни их там, как в некрадомой сокровищнице, а противнические, бичами разумного рассуждения помучив, тотчас изгоняй, не давая им покоища и места даже в окрестностях души своей, или лучше совсем избивай их мечом молитвы и Божественнейшего поучения, чтобы от такого истребления татей страх напал и на самого начальника их. Ведай, что кто так тщательно истязует помыслы, тот бывает истинным ревнителем и об исполнении заповедей.

71) Усиливающийся отсечь борющие его и смущающие помыслы и движения, пусть побольше ополчит своинников и споборников и приблизит их к себе на совместное противоборство, таковы – смирение душевное, труд телесный и всякое другое подвижническое самоумерщвление, и особенно молитва из сокрушенного сердца со множеством слез, как поет Давид: *виждь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя* (Пс. 24, 18) и: *слез моих не премолчи, Господи* (Пс. 38, 13), еще: *быша слезы моя мне хлеб день и ночь* (Пс. 41, 4). Опять: *питие мое с плачем растворях* (Пс. 101, 10).

72) Соперник нашей жизни диавол разными помыслами умаляет грехи наши и часто покрывает их забвением, чтоб мы послабили себе в трудах и не думали более оплакивать свои падения. Мы же, братие, не дадим себе забыть о своих падениях, хотя бы казалось, они прощены уже нам в силу покаяния нашего, но всегда будем памятовать о грехах своих и оплакивать их не перестанем, чтобы, стяжав себе, яко добрую сожительницу, смирение, избежать нам сетей тщеславия и гордости.

73) Никто не думай своими силами понести труды и преуспеть в добродетели: ибо виновник всего доброго для нас есть Бог, как всего худого – оболститель душ наших – диавол. Почему когда сделаешь что

доброе, приноси благодарение Виновнику его; и когда стужает тебе что худое, относи то к начальнику таких вещей.

74) Сочетавший с ведением соответственную деятельность есть похвальный возделыватель духовный, из двух приятнейших источников напаяющий ниву душевную. При сем ведение окрыляет ум созерцанием наилучшего, а соответственная ему деятельность умерщвляет *уды, яже на земли, блуд, нечистоту, страсть, похоть злую* (Кол. 3, 5). Когда же эти умертвятся, тогда распускаются прекрасные цветы добродетелей, приносящие обильные плоды духовные – *любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22, 23). Тогда наконец целомудрый сей делатель, распенши плоть со *страстми и похотьми,* речет с Богоносным проповедником: *живу не ктому аз, но живет во мне Христос, а еже ныне живу во плоти, верою живу Сына Божия, возлюбившаго мене и предавшаго Себе по мне* (Гал. 2, 20).

75) И вот еще что да не утаится от тебя, Христолюбче, что одна страсть, нашедши в тебе себе место и укоренившись до навыка, в тот же дом приводит и прочие страсти: ибо хотя страсти соперничают одна против другой, равно как и виновники их, бесы, но погибели нашей все согласно ищут.

76) Цвет плоти заставляющий увянуть подвигами и всякую волю ее отсекающий, – вот кто *язвы Христа Господа носит на мертвенной плоти своей* (Гал. 6, 17).

77) Подвижнических трудов конец – покой бесстрастия, а разнообразных утешений плоти – страсти бесчестия.

78) Не позволяй себе делом стоящим считать многолетие твоей монашеской жизни, и не будь уловлен самовосхвалением из-за долгого пребывания в пустыне и терпеливого подъятия там жестоких подвитов, но Господнее слово держи в уме, что ты все еще раб неключимый, и все еще не исполнил заповеди Владыки своего. И в самом деле, пока находимся мы в настоящей жизни, – дотоле состоим невоззванными из изгнания, но еще сидим на реках вавилонских, еще страждем под гнетом плинфоделия египетского, еще не увидели земли обетованной: так как не совлеклись еще ветхого человека, тлеющего в похотях прелестных, еще не облеклись в образ небесного, еще носим образ перстного. Итак нет нам дороги к самопохвальбе, но плакать долженствуем мы, моляся к Могущему спасти нас от рабства горького фараона, исторгнуть из лютого тиранства его и ввести в благую землю обетования, да обретем наконец покой во Святилище Божием, удостоясь поставленными быть одесную величествия Вышнего. Благ же сих, паче ума великих, сподобиться мы можем не от дел, которые успеем наделать в правде, но по безмерной милости Божией. Не перестанем же проливать слезы день и ночь, подражая рекшему: *утрудихся воздыханием моим, измыю на всяку нощь*

ложе мое, слезами моими постелю мою омочу (Пс. 6, 7). Ибо *сеющии слезами, радостию пожнут* (Пс. 125, 5).

79) Далеко отгони от себя многоречивого духа, потому что в нем кроются всезлобные страсти: от него ложь, от него дерзость, от него смехотворство, срамословие, буесловие и многое другое; так что на нем верно оправдывается сказанное *от многословия не избежиши греха* (Притч. 10, 19). – *Муж же молчаливый престол чувствия* (Притч. 12, 23). Но и Господь сказал, что мы должны будем дать ответ за всякое праздное слово (Мф. 12, 36).

80) Тем, которые злословят и укоряют нас или другим каким образом нападают на нас, не тем же отвечать получили мы заповедь, т. е. не противозлословить и не противоукорять, а напротив, добрые о них говорить речи и благословлять их. Ибо когда мы мирствуем с людьми немирными, тогда в брани, или битве, состоим с демонами; когда же с братиями состоим в неприязни и брани, тогда мирствуем с демонами, – которых научены мы совершенною ненавидеть ненавистию и непрерывную вести с ними брань.

81) Избегай словом лукавым претыкание полагать ближнему, чтоб самому не быть преткнуту от вселукавого диавола. Ибо слушай, что вопиет пророк: *мужа кровей и льстива гнушается Господь* (Пс. 5, 7) и еще: *потребит Господь вся устны льстивыя, язык велеречивый* (Пс. 11, 4). Равным образом избегай и осуждать брата при падении его, чтоб не отпасть от благости и любви. Ибо кто благости и любви к брату не имеет, тот не познал Бога; ибо Бог есть любовь, как взывает Иоанн, сын громов и возлюбленный ученик Христов (1 Ин. 4, 8). – Если Христос и Спаситель всех душу Свою положил за нас, то и мы должны полагать души за братий (1 Ин. 3, 16).

82) Любовь справедливо названа материю добродетелей, главою закона и пророков. Подымем же всякий труд, пока улучим преподобную любовь, и чрез нее исторгнемся из тиранства страстей, и на небеса взыдем, возносясь на крыльях добродетелей, и Бога узрим, сколько это доступно для человеческого естества.

83) Если Бог любовь есть, то имеющий любовь, Бога имеет в себе. Когда же ее нет, то нет нам совершенно никакой пользы и совсем невозможно говорить, что мы любим Бога. Ибо св. Иоанн говорит: *аще кто речет, яко люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть* (1 Ин. 4, 20), и опять: *Бога никтоже виде нигдеже: аще друг друга любим, Бог в нас пребывает, и любы Его совершенна есть в нас* (1 Ин. 4, 12): отсюда явно, что любовь есть благо высшее всех благ, указанных в Писании Святом; – и нет ни одного вида добродетели, человека с Богом соводворяющей и сочетавающей, которая не была бы связана с любовию и от нее не исходила, неизреченно некако ею бывая объемлема и охраняема.

84) Принимая приходящих к нам братий, – не будем отягощаться тем или почитать то пресечением безмолвия, чтоб не нарушить устава любви, не будем также приглашать их, как добро им делающие, но паче как сами от них приемлющие добро, и странноприимем их, как обязанные им, с мольбою и лицом радостным, как показал нам пример патриарх Авраам. Почему и Богослов учит, говоря: *чадца моя, не любим словом, ниже языком, но делом и истиною; и о сем разумеем, яко от истины есмы* (1 Ин. 3, 18, 19).

85) Патриарх, избрав в постоянное себе делание странноприимство, сидел пред своею скиниею и приглашал мимоходящих, всем потом без различия, нечестивым и варварам, предлагая трапезу, не раздумывая. Почему сподобился и дивного оного сотрапезования, странноприяв Ангелов и всех Владыку. Будем и мы прилежать странноприимству со всем усердием и готовностию, чтоб принять не только Ангелов, но и Самого Бога. Ибо Господь говорит: *понеже сотвористе единому сих братий моих меньших, Мне сотвористе* (Мф. 25, 40). Всем хорошо благодетельствовать, но наипаче тем, кои не имеют чем воздать (Лк. 14, 14).

86) Кого сердце не зазрит в нарушении Заповеди Божией, или в нерадении, или в принятии вражеской мысли, тот чист сердцем и достоин услышать: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8).

87) Постараемся достигнуть того, чтоб разумно управлять чувствами, особенно зрением, слухом и языком, поставляя себе законом ничего ни видеть, ни слышать, ни говорить страстно, а все для пользы нашей душевной. Ибо ничто так не поползновенно на грех, как эти органы, когда они не управляются разумом; и напротив, ничто паче их не благоприятно делу спасения, когда ими правит разум, держит их в строе и ведет, куда должно и куда хочет. Ибо когда они бесчинствуют, тогда и обоняние изнеживается, – и осязание с неистовством простирается на недолжное, и бесчисленное множество страстей привходит; когда же они разумом держатся в своем чине, тогда повсюду в нас проявляются великий мир и невозмутимая тишина.

88) Как драгоценное миро, хотя заключено бывает в сосуде, но намастив благоуханием воздух жилища, не только близко к нему, но и вдали от него стоящих исполняет приятным ощущением: так и благоухание добродетельной и боголюбивой души, всеми чувствами телесными будучи издаваемо, всем видящим сие показывает внутрь сокрытую добродетель. Ибо кто, видя, что язык не произносит ничего неуместного и неблагопристойного, а все такое, что полезно для слышащих, что глаза смотрят скромно, слух не принимает никаких неподобающих мелодий и речений, ноги ступают благообразно, лицо не искажается смехом, а скорее указывает на готовые излиться слезы и плач. – Кто, видя все сие, не познает, какое обильное благоухание добродетелей заложено внутри. Почему и Спаситель говорит: *тако да просветится свет*

ваш пред человеки, яко да видят добрая дела ваша, и прославят Отца вашего, Иже есть на небесех (Мф. 5, 16).

89) Который путь Христос и Бог наш в Евангелии наименовал *тесным и прискорбным,* тот потом назвал *игом благим и бременем легким* (Мф. 7, 13. 14; 11, 30). Как же то и другое, кажущееся противоположным, видится в одном и том же? – Так: по свойству своему путь сей жесток и труден; а по произволению совершающих его и по надеждам благим он вожделенен, возлюбленн и сладостен паче, нежели скорбен для душ добролюбивых. Вот почему ты и видишь, что избравшие сей путь тесный и прискорбный с большею готовностию идут по нему, чем по пространному и широкому. Послушай, что говорит блаженный Лука об Апостолах, как они, после биения бичами, возвратились от лица собора, радуясь (Деян. 5, 40, 41). Но ведь не таково свойство бичей, не сладость и радость, а скорбь и болезнь причиняют они. Если же бичи сладостны были Христа ради, что дивного, если Его ради и другие виды злостраданий и озлоблений плоти таковыми же бывают?

90) Мучимые и в плену держимые страстями, нередко в недоумении вопрошаем мы в себе самих, от чего претерпеваем мы это? – Ведать надлежит, что такие пленения бывают с нами по причине отступления нашего от созерцания Бога. Если же кто прилепится умом своим к Богу нашему и Владыке, то, – верен Бог, – Сам Спаситель всех избавит такую душу от всякого пленения, как говорит пророк: *предзрех Господа предо Мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8). Что же сладостнее, как иметь всегда одесную себя Господа, покрывающего, ограждающего и не дающего подвигнуться? Но сподобиться сего от нас зависит.

91) Добре и бесспорно верно сказали отцы, что не найдет человек покоя иначе, как стяжав и утвердив в себе такое внутреннейшее расположение, что в мире только и есть, что Бог да он, отнюдь ни к чему не обращаясь умом своим, но Его Единого вожделевая и к Нему Единому прилепленным пребывая. Такой воистину найдет покой и свободу от тиранства страстей. *Прильпе,* говорит Псалмопевец, *душа моя по Тебе, мене же прият десница Твоя* (Пс. 62, 9).

92) Самолюбие, сластолюбие и славолюбие изгоняют из души память Божию; когда же пресекается память Божия, тогда поселяется в нас мятеж страстей.

93) Самолюбие бывает родительницею неисчетных страстей. Почему, когда кто исторгнет из сердца своего самолюбие; тогда легко возьмет силу и над другими страстями, при содействии Господа. Ибо из него обыкновенно рождаются гнев, печаль, злопамятство, сластолюбие и необузданная дерзость; и побежденный им неизбежно побеждается и прочими страстями. Самолюбием же называем мы страстное расположение и любовь к телу с исполнением плотских пожеланий.

94) Кто что любит, тот с тем непрестанно и быть желает, и отвращается от всего, что препятствует соводворяться и сообращаться с любимым предметом. Явно потому, что и Бога любящий вожделевает всегда с Ним пребывать и беседовать. Достигается же сие нами чистою молитвою. Об ней и следует нам пещись, сколько сил есть; ибо она присвояет нас Владыке нашему. Таков был тот, кто изрек: *Боже, Боже мой, к Тебе утреннюю, возжада Тебе душа моя* (Пс. 62, 2). Ибо утреннюет к Богу тот, кто, удалив ум свой от всего худого, непрерывно уязвленным бывает Божественною любовию.

95) От воздержания и смирения, как научились мы, рождается бесстрастие; а от веры ведение; чрез них же душа преуспевает в рассудительности и любви. Божественную же в недра свои вселившие любовь, на крыльях чистой молитвы непрестанно востекают на самую высоту ее, *донде́же достигнут в познание Сына Божия, в мужа совершенна, в миру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13).

96) Деятельною добродетелию порабощается похоть и обуздывается гнев; а ведением и созерцанием окрыляется ум и, вознесшись над всем вещественным, к Богу преселяется и истинное в Нем улучает блаженство.

97) Первый наш подвиг – умалить страсти и по силе победить их; а второй подвиг – стяжать добродетели и не оставлять души своей пустою и недеятельною; третий же – трезвенно блюсти плоды наших добродетелей и трудов: ибо нам заповедано не только делати трудолюбно, но и хранити бодренно.

98) *Да будут чресла ваша препоясана и светильницы горящи,* говорит Господь (Лк. 12, 35). Доброе препоясание чресл наших, посредством которого мы делаемся хорошо приспособленными и легкими на делание, есть воздержание со смирением сердца; под воздержанием же я разумею отсечение всех страстей. А духовного светильника световодитель есть чистая молитва и совершенная любовь. Сим образом благонастроенные воистину подобни суть человекам, чающим Господа своего, которые, когда придет Он и постучит, тотчас отворят Ему, и Он, пришедши со Отцом и Святым Духом, обитель у них сотворит. *И блажени раби тии, ихже пришед Господь обрящет творящих тако* (Лк. 12, 36, 37).

99) Должно монаху, как сыну, от всего сердца и всем помышлением любить Бога; как рабу, благоговеинствовать пред Ним и повиноваться Ему, и со страхом и трепетом заповеди Его исполнять: духом гореть, во всеоружие Духа Святого облечену быть, на уповании получения Жизни Вечной упокоеваться, все заповеданное неопустительно творить, трезвенствовать, блюсти сердце свое от помыслов худых, в помышлениях благих непрестанно совершать святое Богомыслие, каждодневно суд над собою производить относительно домыслов и дел, недостающее воспол-

нять, а соделанным не возноситься, называя себя рабом неключимым, должного не исполнившим как следует, о всем Бога Всесвятого благодарить и Ему восписывать все исправное в жизни своей, ничего совершенно не делать по тщеславию или человекоугодию, но все тайно делать, от Единого Бога чая похвалы; прежде же всего и паче всего в душе своей ограждену быть православною верою во все догматы вселенской Церкви, преданных ей от апостолов богопроповедников и от святых отцов: ибо тем, которые так жительствуют, воздаяние велико – жизнь нескончаемая и обитель несокрушимая, у Отца и Сына и Святаго Духа, Единосущного и Триипостасного Бога.

100) *Конец слова, все слушай: Бога бойся и заповеди Его храни, яко сие всяк человек,* говорит Екклезиаст (12, 20). Я, говорит, тебе в кратких словах показываю, в чем состоит путь Божий: бойся Бога, и заповеди Его храни. Страх же разумеется здесь не вводный, страх мучений, но совершенный и совершенство созидающий, который обязаны мы иметь по любви к Давшему заповеди. Ибо если мы из страха наказания не делаем грехов, явно, что если б непредлежало подвергнуться этим ужасам, то мы, имея грехолюбивое расположение, конечно делали бы их, не останавливаясь. Если же не по страху наказания, но по отвращению к самым грехам воздерживаемся от них, то действуем но любви к Владыке своему, боясь прогневать Его. Когда боимся, чтоб не опустить чего из заповеданного; то такой страх чист, потому что бывает из-за самого добра; и он очищает души наши, равносилен сущи совершенной любви. Имеющий сей страх и по нему заповеди соблюдающий, – се всяк человек, т. е. человек настоящий, как следует быть ему.

Сие ведая, будем таким страхом бояться Бога и заповеди Его блюсти, *да будем совершении и всецели, и ни в чем же лишени из добродетелей* (Иак. 1, 4), имея мудрование смиренное и сердце сокрушенное, и непрестанно вознося к Господу молитву божественного Арсения Великого: «Боже мой! не остави мене; ничего не сделал я пред Тобою доброго, но дай мне по благодати Твоей положить тому начало». Ибо все спасение наше в благоутробии и человеколюбии Бога. Ему слава и держава и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Преподобного отца нашего Феодора слово умозрительное [77]

1) Сколь велик подвиг расторгнуть эти крепкие узы вещественолюбия, освободиться от работы ему и стяжать навык в доброделании! Воистину доблестная и мужественная потребна душа, чтоб отрешиться от всего вещественного.

2) Чего же после сего искать следует, есть не очищение только от страстей: ибо это не есть еще само по себе добродетель, а только приготовление к добродетели; но к очищению недобрых навыков должно приложить и стяжание добродетелей.

3) Очищение же души есть: *по части мысленной,* – применение и совершенное оставление дольных прелестных нравов, т. е. житейских забот и попечений, худых склонностей и неуместных гаданий и загадываний; *по части вожделетельной* – не стремиться ни к чему вещественному и не смотреть на чувство, но быть покорным разуму, *по части раздражительной,* – ничем из приключающегося не возмущаться.

4) А после такого очищения и истребления всего, делающего силы наши нечистыми, и благоустроения их, требуется и восхождение к духовным совершенствам и обожение: ибо уклонившемуся от зла надлежит делать благое (Пс. 33, 15). При сем отвергнуться себя должно прежде всего, и таким образом взяв крест, последовать Владыке для достижения высшего состояния обожения.

5) Какое же это восхождение к совершенству и обожение? По *части ума,* это – совершеннейшее ведение сущего и Того, Кто выше всего сущего, сколько это доступно для человеческого естества; *по части вожделения* – всеконечное и непрестанное вожделение и стремление к первому добру; *по части раздражения* энергичнейшее и деятельнейшее движение к вожделенному, непрестающее и неослабное, никакими из встречающихся прискорбностей не пресекаемое в своем поступании вперед; но неудержимо, и вспять не обращаясь, шествующее.

6) Движение души к доброму должно быть столько сильнее движения ее к худому, сколько мысленные красоты превосходят чувственные, так что и попечение ее о плоти должно быть допускаемо лишь на столько, сколько это необходимо для удовлетворевия ее потребностей и поддержания жизни, чтоб иначе не довести животный организм наш до насильственного расстройства. Но это установить для себя легко; в дело же произвести весьма трудно; ибо нельзя без труда искоренить устаревшие привычки души.

---

[77] Из Добротолюбия в переводе Феофана Затворника.

7) Как обучение какому-либо искуству не приобретается без пота: так и к блаженному естеству, – Богу, – напряженное воззревание и простирание вниманием достигается многими трудами и в долгое время, пока вожделетельная сила освоится с последствиями такого стремления и вкусит от плодов его. При этом многое ум наш должен проявлять сопротивление чувственности, влекущей к дольнему, от чего брань у нас и борьба с плотию, не прекращающаяся до смерти: хотя иногда и кажется она умаляющеюся вследствие укрощения гнева и похоти и подклонения чувства под иго обогатившегося опытным ведением и искусством в брани ума.

8) Надлежит однако ж заметить, что душа непросвещенная, как не пользующаяся обыкновенно помощию от Бога, ни очиститься не может подлинно, ни к Божественному вознестись свету, как сказано: ибо сказанное должно считать сказанным о верных. К большему же сего уяснению надобно вкратце объяснить, какое различие есть в познаниях наших. Из здешних наземных познаний одно бывает по естеству, а другое сверх естества. Что есть это второе, явно будет из первого.

9) Знанием естественным называем мы то, которое душа может получить чрез исследование и изыскание, естественными пользуясь способами и силами, о творении и Виновнике творения, – разумеется, – сколько это доступно для связанной с веществом души. Ибо энергия ума ослабляется от соприкосновения его и сраствoрения с телом, и от сего не может он быть в непосредственном прикосновении с мысленными вещами, но имеет нужду для помышления о них в фантазии, которой природа – творить образы протяженные и дебелые. Итак ум, поколику во плоти есть, имеет нужду в соответственных образах вещей, чтобы судить о них и понимать их. Какое теперь познание ум, таков сущи получит сим естественным способом познание, такое мы называем естественным.

10) А сверхъестественное знание есть то, которое привходит в ум путем, превышающим его естественные способы и силы, или в котором познаваемое сравнительно превышает ум, связанный с плотию, так что такое познание очевидно свойственно уму бестелесному. Бывает же оно от Единого Бога, когда найдет Он ум очищенным от всякого вещественного пристрастия и объятым Божественною любовью.

11) Не одно, впрочем, знание так разделяется, но и добродетель: ибо иная добродетель такова, что не превышает естества и справедливо называется естественною; иная же воздействуется от первого источника добра, и как превышающая естественные наши силы и состояние, должна прилично именоваться сверхъестественною.

12) Объяснив это, полагаем, что естественное познание и естественную добродетель может иметь и непросвещенный, сверхъестественных же никак. Ибо как бы мог он возыметь их, не причастен сущи дейст-

вующего здесь верховного Виновника? А просвещенный может иметь их обе.

13) Прибавлю только при сем еще одно различие; сверхъестественной добродетели нельзя стяжать, не стяжав прежде добродетели естественной; знание же сверхъестественного сделаться причастным и без естественного ничто не препятствует. Ведать однако ж надлежит, что как чувство и фантазию имеют и животные, имеет их и человек, только у него сии силы гораздо лучше и выше: так и в отношении к естественным добродетелям и познаниям бывает, что их оба, и просвещенный и непросвещенный, имеют, но у просвещенного они в гораздо лучшем и высшем состоянии находятся, нежели у непросвещенного.

14) Приложу и еще: – из познаний, называемых естественными, то, которое занимается добродетелями и противоположными им склонностями, бывает тоже двоякое: одно голое, когда философствующий о таких расположениях не испытал их на деле, – каковое познание иной раз колеблется сомнениями; а другое деятельное, и как бы сказать, задушевное, когда познание подтверждается испытанием на деле таких расположений, – каковое познание бывает очевидно и верно, никогда не колеблется и не допускает сомнений.

15) Между тем как сие так бывает, узнаем, что есть четыре вещи, противодействующие уму в стяжании добродетели: *первое* – предрасположение к противным ей навыкам, которое в силу долговременного навыка влечет склониться на земное; *второе* – действие чувства, которое, увлекаясь чувственными красотами, вместе с собою увлекает и ум; *третье* – ослабление энергии ума, которому подвергается он по причине соплетения своего с телом. Ибо не в таком отношении состоят зрение к зримому, и вообще чувство к чувственному, как ум к мысленному. – Говорю об уме души еще сущей в теле. – Ибо безвещественные умы действеннее соприкасаются с мысленным, нежели зрение с зримым. – Но как когда зрение заволокло – оно неясно, неточно и паче слиянно отображает в себе формы видимых им вещей: так и ум наш, хотя сознает мысленное, однако ж не может действенно зреть мысленных красот; а вместе с тем и вожделевать из того ничего он не может, так как мера расположения бывает по мере познания, – и он тотчас опять низвлекается к чувственным красотам, яснее ему представляющимся; ибо он по необходимости устремляется к тому, что является пред ним добром, истинным ли, или не истинным. – Кроме же всего этого еще и *(четвертое)* – нападения бесчеловечных нечистых духов. И сказать нельзя, сколько и каких сетей для уловления душ расставляют они, увы! – всюду по пути многовидно и многообразно, в чувствах, в слове, в уме, во всем можно сказать сущем, – которых никак не избегла бы ни одна душа, если б Восприявший на рамо свое заблуждшее овча – тех, которые на Него очи свои устремляют, безмерным попечением Своим не делал высшими их.

16) Во избежание всего сего три следующие потребны нам средства, из коих *первое* и величайшее есть к Богу очей своих вседушное обращение и от Него руки помощи испрашивание, все упование на Него возлагая, по искреннему убеждению, что если Он не заступится, то неизбежно попадем в плен тех, кои влекут нас к себе. *Второе* же, которое, как я полагаю, служит причиною и первого, есть непрестанное ума питание ведением. Под ведением же сим я разумею ведение всего сущего, чувственного и мысленного, как оно есть само по себе, и какое отношение имеет к первой причине, яко от Нее и для Нее сущее, – и доступное для нас созерцание Виновника всего сущего, по наведению из того, что от Него. Ибо исследование естества тварей очищает от страстного к ним расположения, избавляет от прельщения ими и возводит к началу их, давая, как в зерцале, видеть в прекрасном, чудесном и великом прекраснейшее, чудеснейшее и величайшее, лучше же сказать то, что выше всякой красоты, чудесности и величия. Вращаясь всегда в таких помышлениях, ум может ли не возжелать сущего блага? Ибо если он иной раз устремляется к чуждому для него, не тем ли паче устремится к своему? Пленившись же сим душа, к чему из сущего долу позволит себе прилепиться, когда оно обыкновенно отвлекает ее от Любящего ее и любимого ею? Да она даже и жизнию во плоти станет недовольна, как такою, которая полагает ей препоны к стяжанию и вкушению истинных благ. Ибо если ж неясно, как сказано, ум узревает в вещественном мысленную красоту, но мысленные блага таковы и толики, что и малое оттечение из моря оной красоты и слабое лучей ее появление может убедить ум – перелететь чрез все немысленное и к тем одним благам устремиться, отнюдь не попуская себе отступать от сладости оной, хотя бы из-за сего случилось подпасть чему-либо и горькому. А *третье,* что должно быть при сем, есть умерщвление супружницы нашей плоти; ибо иначе невозможно ясно и раздельно узреть сказанные появления небесных оных доброт. Умерщвляется же плоть постом, бдением, спанием на голой земле, суровою одеждою необходимою и утомительными трудами. Так умерщвляется или лучше, сораспинается Христу, плоть.

Сделавшись же таким образом утонченною и очищенною, легкою и благоустроенною, она удобно без сопротивления следует за движеньми ума и вместе с ним возвышается горе. – Без сего же всякое наше старание о том оказывается тщетным.

17) Сия честная троица, когда бывает согласною сама в себе, порождает в душе лик блаженных добродетелей. И невозможно, чтоб в украшенных сею троицею или след греха какого оказался, или недоставало какой-либо добродетели. В таких не смущают уже ума ни стяжание, как уже брошенное, ни слава, как уже оплеванная, от которых душа, пока привязана к ним бывает, уязвляется многими страстями. И как утверждаю, что невозможно воспарить горе душе, приверженной к богатству

и славе, так не говорю, чтоб было возможно заботиться о них душе, которая довольно долго подвизалась в сказанных трех духовных деланиях, так что и до навыка в них дошла. Ибо если она при таком настроении не считает истинным благом ничего, кроме блага Верховного, из прочих же благ – лучшим то, которое, как убеждена, более подобно первому; то как может она любить и благоволительно принимать злато и сребро или другое что из дольних вещей? – Сие же да будет сказано и относительно славы.

18) Даже и эта ненасытнейшая вещь, – разумею, – забота, не делает тогда нападений на разум с противной стороны. – Ибо о чем стал бы заботиться ни к чему из здешнего не пристрастный и ничем из того не занимающийся? Облако забот составляется из испарений от главнейших страстей, – сластолюбия, сребролюбия и славолюбия: так что свободный от этих, чужд и заботы.

19) У сказанных лиц, – навыкших трем оным духовным деланиям, – нет недостатка и в благоразумии, которое почитается другинею мудрости, и есть наисильнейшее из ведущих горе средств. Ибо в науке добродетелям заключается точное распознание и блага, и того, что противно тому; а для этого требуется благоразумие. Под его же руководством опыт и борение с плотию научают, как наилучше делать добро и противиться злу.

20) И страх присущ им. Ибо по мере того, как увеличивается любовь, возрастает и страх; и колика надежда получить благо, толико страх не получить. И это гораздо более угрызает душу уязвленных любовию, нежели угрозы бесчисленными муками; ибо как получить блаженнейше, так не получить окаяннейше.

21) Чтоб по пути нам слово и иным образом предтекло, надобно начать с конца: ибо все бывающее от конца своего получает как различение частей, так и их чинное соотношение. Конец нашей жизни есть блаженство, или, что то же, Царство Небесное, или Царство Божие. А оно само есть не зрение только царственнейшей Троицы, но при этом приятие и Божественного привтечения, и как бы восприятие обожения, и сим привтечением восполнение недостающего в нас и усовершение несовершенного. И это-то служит пищею мысленных существ, – это восполнение недостающего чрез Божественное оное привтечение. Здесь совершается круг некий непрестанный, от того же начинающийся и тем же кончающийся. Ибо чем более кто разумевает, тем более вожделевает, чем более вожделевает, тем более вкушает, чем более вкушает, тем более возбуждается к большему опять уразумеванию; и тотчас начинает это недвижимое движение, или, пожалуй, недвижимую недвижность.

22) Итак конец жизни нашей, сколько доступно это нашему постижению, таков. Теперь следует рассмотреть, как к нему должно идти. Для разумных душ, – кои суть умные сущности и малым чем отстоят от умов

ангельских, здешняя жизнь есть борение, и жизнь во плоти дана им на подвиг. Воздаяние же за подвиг и борение – есть сказанное состояние, – дар достойный вместе и Божественной благости, и Божественной правды: правды, – потому что блага оные достигаются не без собственных трудов и потов; благости, потому что дар безмерно превосходит всякий собственный труд, и еще потому, что самое то, чтоб возмочь делать доброе, есть дар Божий.

23) Но в чем же здешний подвиг? – разумная душа сопряжена с животным телом, из земли имеющим бытие и к дольнему тяготеющим. Срастворена же она с сим телом так, что из сих двух, – души и тела, – совершенно друг другу противоположных, состоялось одно существо без превращения однако ж или смешения сих частей, – да не будет! – но так, что из сих двух, носящих свойственное им по природе их, состоялось одно лицо в двух совершенных естествах. Так двуестественным некиим существом состоявшееся сие составное животное – человек, проявляет и в действии свойственное каждому в частности естеству. – И телу естественно желать подобного ему – телесного. Такое желание подобного естественно всем существам, так как само существование их условливается всуществлением в себя подобного себе. Телу естественно и наслаждаться подобным в чувстве; еще же любезен ему отдых при утомлении. Вот что естественно и желательно животному нашему естеству. – Разумной же душе как естеству умному естественно и желательно такое же умное, и наслаждение тем свойственным тому образом. Прежде же и паче всего естественно вкоренена в ней любовь к Богу. И она естественно желает наслаждаться Им и другими мысленными вещами, но не может этого делать беспрепятственно.

24) Первый человек беспрепятственно мог как чувством чувственное, так умом умное воспринимать и наслаждаться тем. Но ему следовало преимущественно заняту быть не худшим, а лучшим; хотя сам по себе мог он входить в общение и с мысленным чрез ум, и с чувственным чрез чувство. Я не говорю, что Адаму не следовало пользоваться чувством: ибо не напрасно был он обложен телом; но что не следовало ему преимущественно услаждаться чувственным и ради чувственного; а следовало, усматривая чрез чувственные впечатления красоту тварей, востекать к Виновнику ее и Им услаждаться с изумлением, сугубые имея причины изумляться Создавшему, а не к чувственному прилепляться и тому дивиться, оставя мысленную красоту Создателя. Так должен был действовать Адам.

25) Но как он, худо пользуясь чувством, чувственной стал дивиться красоте и, увидев плод прекрасным для видения и добрым в снедь, вкусил его, оставив наслаждение мысленными вещами; то праведный Судия, почетши его недостойным созерцания Бога и всего сущего, – вещей презренных им, изгнал его, *положив тму за кров свой* и всех невещест-

венных предметов (Пс. 17, 12). Ибо недолжно было нечистому предоставлять святое; но что возлюбил он, наслаждение тем и попустил ему Бог, оставя его жить чувством с малыми следами жизни умной.

26) Вот от чего подвиг к достижению общения с мысленными вещами соделался для нас тягчайшим: ибо не в нашей власти умом наслаждаться мысленным так же, как чувством наслаждаемся чувственным, хотя и великую к тому получаем помощь чрез крещение, будучи им очищаемы и возвышаемы. Впрочем, сколько доступно нам, мы все же должны упражняться в мысленном, а не в чувственном; тому дивиться и того желать, из чувственного же ничему не дивиться и ничем не желать услаждаться самим по себе (как чувственным и в удовлетворение чувственности): ибо поистине она никакого сравнения не может иметь с мысленным. Видим, что как сущность сущности, так и красота красоты бывает удивительнее. Но каковы они есть, так и относиться к ним должны мы. Возлюблять же срамное паче благолепнейшего и низкое паче досточестного, всякое превосходит безумие! И это еще когда так относятся к тварям, мысленным ли то, или чувственным. Но что сказать, если так относимся и к Тому, Кто выше всего, когда и Ему предпочитаем вещество безобразное и ничтожное?

27) И вот в чем теперь наш подвиг – внимать себе со тщанием, чтобы мысленным всегда наслаждаться, к тому и ум и желание простирая, и отнюдь не позволять себе окраденными быть чувственным, увлекаясь к тому чувством до удивления ему ради него самого. Но если нужно и чувством пользоваться, надлежит пользоваться им для того, чтобы от тварей Творца познавать, в них видя Его, как в водах видим солнце, так как в сущем отображается первый Виновник всего, поколику это вместимо для него.

28) Таково лежащее на нас дело: но как его исполнить, об этом следует подумать. Ибо, как сказано, тело желает наслаждаться свойственными ему вещами посредством чувства, и чем более удовлетворено бывает, тем более желает. А это противно стремлению души. Почему первою заботою души да будет – всем чувствам наложить узду, чтоб не услаждаться чувственным, как сказано. Поелику же тело чем сильнее бывает, тем сильнее стремится к своему; чем же сильнее к сему стремится, тем неудержимее бывает, то душе надлежит усильно стараться умерщвлять плоть постом, бдениями, стояниями, спанием на голой земле и всякими другими лишениями, чтоб, истощив силы ее, иметь ее смиренною и благопокорливою при своих духовных деяниях: в этом и есть главное, что предлежит ей исполнить. Но как желать сего легко, а исполнять трудно, и много при сем допускается опущений против должного по причине окрадения чувством при всем внимании: то третье благоразумно придумано врачевство – молитва и слезы. Молитва благодарит за дарованные блага и испрашивает отпущение прегрешений и ниспослания

сил на дальнейшее преуспеяние; так как без Божественной помощи душа, как сказано уже прежде, ничего не может исправно делать одна. Еще же она доставляет единение с Тем, Кого взыскала душа, и услаждение Им, и желательной силы всецелое к Нему устремление: что наиважнейшее есть дело в достодолжной жизни, – т. е. это склонение воли желать сего сколько возможно сильнее. – И слезы великую имеют силу: умилостивляют Господа о прегрешениях наших, очищают причиняемое нам чувственною сластию осквернение и окрыляют вожделение горнего.

29) Так вот в чем все дело: главное – созерцание мысленных или духовных благ и всецелое их возжелание; в силу сего порабощение плоти, коего части суть: пост, целомудрие и прочее, – все одно для другого подъемлемое; для сего же, и вместе с сим, молитва. Каждое из сих деланий разлагается на многие части, кои однако ж все состоят в связи, так что одно другим требуется, и одно без другого не бывает.

30) Никто пусть не думает, что славолюбие и сребролюбие принадлежат к телесным страстям. Телесная страсть – одно сластолюбие, которое находит подобающее врачевство в умерщвлении плоти. Сказанные же две страсти суть порождения неведения. Не испытав и не познав истинных благ, мысленных или духовных, душа придумала блага ложные, богатством думая утешиться в оскудении духовными благами; о богатстве печется она вместе с сим и для удовлетворения сластолюбия и славолюбия, и для него самого, почитая его некиим благом. О чем скажем, что все это есть порождение неведения истинных благ. Славолюбие не по причине скудости потреб телесных бывает: ибо им не телесное что-либо удовлетворяется; но по причине неиспытания и неведения первого блага и истинной славы.

31) И не славолюбия только, но, коротко сказать, и всех зол корнем служит неведение. Ибо невозможно, чтобы тот, кто, как должно, познал природу вещей и то, откуда каждая из них и какое имеет назначение, забыв потом о своем последнем конце, устремился к земному. Душа не пожелает такого блага, о коем знает наверное, что оно только кажется благом. Пусть даже тирански влечет ее к чему-либо привычка, она, в силу точного и ясного познания дела, может победить и самую привычку. Но и когда еще не было привычки, она по причине неведения прельщаема была. Так что паче всего, и пораньше, надобно стараться приобрести верные о всем сущем познания, и потом в соответствие тому и волю свою окрылить стремлением к Первому Благу. Презреть же все настоящие блага не трудно тому, кто верно познал полную их суетность.

Илия пресвитер и Екдик

Краткое сведение об Илии Екдике [78]

Сей Илия пресвитер, называемый также и Екдиком, есть ли Илия Критский, истолкователь богословских слов св. Григория Богослова, или другой какой, неизвестно. Но, судя по предлежащим главам, видно, что он был муж в высшей степени мудрый и внешнею мудростию, и особенно нашею духовною; и слово его выразительно и сильно, хоть инде темновато. Почему не думаем, что будет преувеличенно назвать настоящее цветособрание, как названы главы мудрого Илии, некиим садом духовным, преисполненным не цветных только злаков, но и плодовых дерев, и не стыдимся пригласить в сей рай ищущих духовных утешений, в полной уверенности, что все их духовные чувства, и зрение и обоняние и вкус, найдут здесь богатое удовлетворение (кратко – из предисловия греч. Доброт.).

Название глав Илии пресвитера – Анфологион, цветословие или цветособрание – наводит на мысль, что они были составлены при чтении свв. отцов, мысли которых, усвояя себе старец Божий и желая сохранить для себя, записывал, выражая их иногда отеческим словом, а иногда своим. Отчего читающие их могли видеть в них отражение то одного, то другого из отцов, или даже и приписывать их кому-либо из них, как это и случилось на западе. Там, в Ватиканском кодексе творений св. Максима, они приписаны сему отцу; и недавний издатель творений свв. отцов – Migne, – поместил их в числе творений св. Максима, после его семисот глав умозрительных и деятельных, под заглавием: иные главы, взятые из Ватиканскаго кодекса творений св. Максима (Patrologiae graecae,t. XC).

Думаем, что собирателям греч. Добротолюбия удобнее было узнать, к кому отнести главы сии, и следуем им, признавая сии главы произведением некоего Илии пресвитера.

Замечаем к сведению, что в греч. Доброт. главы разделены на две половины (109–140). В издании Migne главы имеют один счет от начала до конца. Следуем в сем этому последнему.

Читатель заметит, что в переводе нашем нумерация глав инде идет не подряд, с пропусками. Эти пропуски означают, что и главы, соответствующие им, пропущены по неудобопонятности их. Таких впрочем очень немного; и десятка нет.

---

[78] Житие приведено из Добротолюбия Феофана Затворника.

Цветособрание излюбомудрствованное Илиею, малейшим пресвитером и Екдиком [79].

Христианину, право верующему в Бога, не следует беззаботно предаваться беспечности, но всегда ожидать искушения и быть готову встретить его, чтоб, когда придет, не изумляться и не смущаться, но благодарно претерпевать тяготу скорби, содержа в мысли, что во Псалмопении говорит с пророком: *искуси мя, Господи, и испытай мя* (Пс. 25, 2), – и то, что в другом псалме пророк не сказал: *наказание Твое* извратит меня, но – *исправит мя в конец* (Пс. 17, 36).

2) Начало добра страх Божий, а конец – любовь к Богу. Начало всякого блага разум деятельный и делание осмысленное. Почему ни делание без разума не благо, ни разум без дела не успешен *(γ' προερχόμενος* – непрогрессивен).3) Делание тела есть пост и бдение, а делание уст – псалмопение. Но молитва лучше псалмопения, и молчание драгоценнее слова. Рук делание есть то, что ими безропотно делается; а ног то, что ими по первому мановению исполняется. Делание души есть воздержание с простотою и простота воздержно действующая; а ума– молитва в созерцании, и в молитве созерцание Бога.

4) Предводительствует всеми добродетелями милость и истина, коих порождение есть смирение и из нее происходящая, по святым отцам, рассудительность, без коей ни одна (из сказанных добродетелей) не может увидеть (или достигнуть) конца своего.

5) Делание, презирающее иго разума, оказывается, подобно юнице, бесполезно блуждающим там и сям; а разум, сбрасывающий честный хитон делания, не благообразным видится, хотя всячески ухитряется казаться таким.

6) Мужественная душа, подобно жене, держащая два горящих светильника, – деятельный и созерцателный, – всю жизнь делает свое должное. Противное сему бывает с душою, изнеженною удовольствиями.

---

[79] Текст приведен из Добротолюбия Феофана Затворника.

7) Недостаточно для души к совершенному освобождению от греха произвольное злострадание, если кроме того она не будет переплавлена и в раскаленной пещи непроизвольного.

8) Душа, если для совершенного очищения от греха не пройдет, подобно мечу, сквозь огнь и воду, т. е. сквозь произвольные и непроизвольные труды и тяготы, не может оставаться неуязвленною при встрече неприятных случайностей.

9) Как для искушений произвольных три бывают главных причины: здоровье, богатство и слава, так и для непроизвольных искушений тоже три причины: потери, болезни и клеветы. Бывает же все сие иным на созидание, а другим на разорение.

11) Истинно добродетельный имеет добро внутрь насажденным; у тщеславного же оно только в мыслях. Зло же ревнитель добродетели имеет на поверхности, а самоугодливый сластолюбец – в глубине сердца.

12) Не часто и не намеренно бывает не в добром чине тот, кто ненавидит зло; с тем же, кто еще лелеет причины зла, случается это часто и самоохотно.

13) Которые не имеют расположения приносить покаяние, те чаще и грешат; а которые не по расположению грешат, тем удобоисполнимее покаяние, в котором к тому же редко и потребность бывает.

14) Чувство и совесть да сшествуют произносимому слову, чтобы Божественному Слову, рекшему, что *ту будет посреде их* (Мф. 18, 20), не стыдно было по причине продерзости или бесчинности того, что говорится или делается.

15) Кто душу свою не делает неправою делами, о том нельзя еще утверждать, чтоб он хранил ее неосквернённою словами; и о том, кто хранит ее чистою от слов, нельзя еще утверждать, чтоб он не осквернял ее помыслами. Ибо согрешающий трояко это делает (т. е. делом, словом и помышлением).

16) Не можешь ты добре видеть лик добродетели, пока с услаждением еще представляешь вид греха. Этот последний тогда покажется тебе ненавистным, когда возжелаешь вкусить первой и лицо свое отчуждишь от такой образины.

17) Помыслами, а не делами сначала борют душу демоны; но главное, конечно, у них в виду дела. Дел причина – слух и зрение, а помыслов – привычка и демоны.

18) Трояка грешительная часть души, обнаруживаясь в делах, словах и помышлениях. А благо негрешения шестерояко: ибо для него надо блюсти непадательными пять чувств и произносимое слово. *Аще кто в слове не согрешает, сей совершен муж, силен обуздати все тело,* говорит св. Иаков (3, 2). Это же можно приложить и к пяти чувствам.

19) На шесть доль делится бессловесная часть души: на пять чувств и говорящее слово, которое, когда бесстрастно, отрезвляет все другие части, нераздельно разделяясь по ним, а когда страстно оскверняет собою все их.

20) Ни тело не может очиститься без поста и бдения, ни душа – без милости и истины; а также ни ум – без созерцания и собеседования с Богом (т. е. без молитвы). В ряду этих двоих сия последняя есть самая значительная.

21) Вращаясь в кругу сказанных добродетелей, душа делает недосязаемым для стрел искушений свое охранилище, которое есть терпение. *В терпении вашем стяжите души ваша,* говорит Господь (Лк. 21, 19). Если же она в ином находится положении; то, подобно граду, не огражденному стенами, еще при издали слышном треске и шуме бывает сильно потрясаема ударами страха.

22) Не все разумные в слове разумны и в духовных деланиях; но все разумные в духовном разумны и во внешнем. Ибо это внешнее (тело, чувства, положение), хотя всех держит на оброке (со всех берет подать); не все однако ж одинаковые платят ему оброки; иные же и совсем отказываются от сего.

23) Разумность, по природе неразделимая, делится однако ж на разные доли: ибо одному дается большая, а другому меньшая ее доля; пока деятельная добродетель, множась и разрастаясь с помощию родовых добродетелей, исполнит по каждой из них все возможное добро. Ибо так бывает всегда, что соответственно недостаточности деятельной жизни и разумности получается меньшая мера.

25) Благоразумного молчания сотрапезники суть время и мера; трапезу же его составляет истина; в силу коей отец лжи, пришедши к душе, страннице (от всего устранившейся), не находит в ней ничего из того, что обычно ищет.

26) Истинно милостив не тот, кто произвольно раздает излишнее; но кто охотно уступает необходимое похитителям.

27) Одни вещественным богатством стяжевают невещественное чрез постоянство в милостынеподаянии; а другие невещественным отчуждаются от вещественного; тем что пребывают в чувстве (или вкушении) неоскудевающего блага.

28) Всякому приятно богату быть благами, но прискорбно, если тому, кто по Божию устроению получил богатство, не попускается подолже наслаждаться им.

30) Не оскорбляйся на того, кто против твоей воли хирургисал (оперировал) тебя (т. е. обличением вывел наружу кроющееся в тебе зло); но, взирая на выброшенную нечистоту, себя окаявай, а Бога, бывшего причиною такого о тебе устроения, благословляй.

31) Не падай духом, взирая на трудность (душевной) болезни своей; но употребляя действеннейшие против нее врачевства притрудных подвигов, удаляй себя от нее, если искреннее имеешь попечение о здравии души своей.

33) Чем больше чувствуешь душевные болезни свои, тем более будь благодарен тому, кто указал тебе их своими обличениями. Ибо чрез это он стал виновником для тебя совершенного очищения, без коего ум не может войти в чистую область молитвы.

34) Когда обличают, или молчать надо, или кротко защищаться, если обличение клеветливо; не для того, чтоб поставить на своем, а чтоб поправить ошибку обличителя, соблазнившегося, может быть, по неведению дела.

36) Как высокомудрый не знает своих недостатков, так смиренномудрый своих добрых качеств: ибо у того скрывает все неведение себя укорное, а у этого – богоугодное.

38) Укор возбуждает энергию в душе, а похвала расслабляет ее и делает ленивою на добро.

39) Опора богатства – золото, а добродетели – смиренномудрие. И как тот, у кого золото не спорится, беден бывает, хотя совне не кажется таким: так и без смирения добродетельный не бывает благоплоден.

40) Как без злата торговец не торговец, хотя бы очень способен был к тому: так без смиренномудрия подвизающийся не увидит благих плодов добродетели, хотя бы очень много полагался на свое благоразумие.

43) Как в исполнении всех заповедей надобно преуспевать, так и в смиренномудрие глубже и глубже должно погружаться тому, кто боится, как бы не оказаться чуждым среди возлежащих на брачной вечери.

44) Смешай с простотою воздержание и с смиренномудрием сочетай истину, – и окажешься сотрапезником правды, вслед коей любит сопривводима быть, как на трапезу, всякая другая добродетель.

46) Нрав благий свидетельствует о красоте добродетели, а благопристойность членов о мире души.

47) Первое добро есть ни в чем не погрешать; второе – не стыдиться открывать свое погрешение; но и не бесстыдствовать в нем, а паче смиряться, и когда укоряют, укорять и самому себя и охотно принимать епитимию; чего если не бывает, не имеет цены все приносимое Богу.

48) При произвольном злострадании (подвигах самоумерщвления) должно покорно принимать и непроизвольное, состоящее в клеветах, потерях и болезнях. Не приемлющий покорно сих последних, но бывающий недоволен ими и ропотлив, подобен тому, кто желает всегда вкушать хлеб свой без соли.

49) Господином будучи, зрак раба приемлющим является тот, кто Божественными словесами одежду (души) ближнего запятнанную омывает, а раздранную починяет приложением заплат. Да блюдется однако

ж делающий сие, как бы чрез тщеславие по поводу того, что он так делает, вместе с наградою за то не лишиться и присущего ему достоинства власти.

51) *Господь сохранит вхождение и исхождение твое* (Пс. 120, 8), – воздержанием относительно яств и языка. Ибо кто воздержан в пище – входящей, и употреблении слова – исходящего, тот избегает похоти очес и неразумный гнев укрощает, о которых паче всего должна быть забота у подвизающегося, чтоб они не прорывались. От этого деятельность получает силу, а созерцание твердость.

52) Иные же о входе яств внимательную блюдут осторожность, а об исходе словес нерадят. Таковые не умеют, по Еклезиасту, исторгать гнев из сердца и похоть из плоти (Еккл. 11, 10): чем сердце чисто созидается от обновляющего нас Духа Святого.

54) Пусть чрево твое горит от скудости яств, и сердце утесняется воздержанием языка; и твои силы – вожделетельная и раздражительная – всегда будут у тебя находиться в услужении добру.

56) Подвизающемуся необходимо знать, когда и какими яствами следует питать тело, как врага, и когда следует утешать его и подкреплять, как друга изнемогшего: чтоб по ошибке не предложить ему дружеского питания, когда оно враг, и вражеского, когда оно друг, и, раздражив его тем и другим, не найти его во время искушения на стороне борющих врагов.

57) Когда приемлющий пищу питание предпочитает услаждению гортани, тогда посещает его благодать слез и начинает утешать его с такою силою, что он забывает о всякой другой сласти, будучи вполне насыщен несравненною сладостию сих слез.

58) У расширяющего путь свой слезы иссякают, а у возлюбившего путь тесный они бьют большим ключом.

59) Не бывают без печали ни грешный, ни праведный; но первый печалится о том, что еще не совсем отстал от греха, а второй о том, что еще не овладел всем добром.

60) Молитва и молчание суть из числа добродетелей, в нашей власти состоящих; а пост и бдение суть из числа не вполне в нашей власти состоящих добродетелей; так как они зависят и от сложения тела. Подвижнику предлежит потому избирать, что наиболее для него исполнимо и полезно.

61) Дом молитвы – терпение: ибо им она поддерживается; потребы же ее – смирение: ибо им она питается.

63) Не связывай себя малым, и большим не будешь порабощен: ибо не бывает так, чтобы большее зло образовалось прежде меньшего.

66) В ком царствуют милость и истина, в том качествует и все богоугодное; ибо та никого не судит без милости, а эта ни к кому не человеколюбствует не по истине.

67) Растворивший воздержание простотою причастником будет тамошнего блаженства.

68) Не отсечешь борющих тебя страстей, если наперед не перестанешь возделывать землю, из которой они заимствуют себе пищу.

69) Одни только тело стараются очистить, а другие – и душу: ибо одни получили силу воздерживаться только от дел греховных, а другие – и от страстей; которые же и от похотения (получили силу воздерживаться), тех весьма не много.

72) Страстен тот, у кого влечение ко греху сильнее помысла, хотя он и не грешит еще; сладострастен тот, у кого действие (энергия) греха слабее помысла, хотя им обладает страсть внутри; пристрастен тот, кто свободно, или лучше раболепно, привязан к тому и другому; бесстрастным был бы тот, кому неизвестны такие разные движения и состояния греховные (кто не испытывает их).

73) Изгоняется из души страстность постом и молитвою, сладострастие бдением и молчанием, пристрастие – безмолвием и вниманием. Бесстрастие же установляется памятью Божиею.

74) Из уст бесстрастия, как соты меда, каплют словеса Вечной жизни. Кто убо сподобится к устам оного прикоснуться своими устами, и посреде сосцов его водвориться, и сладкою вонеюодежд его облагоухается? – т. е. насладиться плодами добродетелей, коих воня паче всех ароматов, известных нам чрез чувства (Песн. 4, 10, 11)?!

75) От видимого обнажится всякая душа; от тела же греха, не многие из тех, кои насладились сладостями здешней жизни.

76) Из живых телесно мертвыми бывают все; греху же мертвыми только те, кои возненавидели его от всей души.

О молитве.

78) Душа разумная, находясь в сопределии света чувственного и мысленного, при помощи одного имеет возможность видеть и делать телесное, а при помощи другого – духовное. Но поелику в ней свет мысленный помрачился, а чувственный стал более ясным по причине навыка к нему, из начала установившегося: то она не может всецело простертися зрением к Божественным вещам, если во время молитвы не будет вся со светом мысленным; но поневоле ей приходится оставаться в промежутке между тьмою и светом, во тьме (чувственной) вращаясь по привычке и склонности, во свете же (мысленном) одним мечтанием.

79) Да сопребывает с умом, как луч в солнце, молитва, без коей чувственные попечения, как облака безводные, вокруг носясь, лишают ум свойственной ему светлости.

80) Ум страстный не может войти в тесную молитвенную дверь, если прежде не оставит сластолюбивых попечений своих о чувственном;

но всегда будет лишь мучиться бесплодно, вращаясь в тени его (попечения).

82) Если ум не отбросит всякое излишнее попечение о чувственном, то легко возносящимся горе сделаться не может; не может понять и своего чина.

83) Молитва, подкрепляемая слезами, извергает из души вовне все враждебные ей помыслы; но их возвращает опять блуждание ума, усиливаемое празднословием, которое изгнавший изгоняет вместе и всегубительное зло дерзости (несдержанности во взорах, речах и движениях).

84) Пост есть образ дня по причине явности его, а молитва образ ночи по причине неявности ее и сокровенности. Кто же то и другое проходит, как должно, сочетавая каждое из них с другим, тот достигнет града преднамеренного, откуда *отбеже болезнь, и печаль, и воздыхание* (Ис. 54, 11).

85) Духовное делание может состояться и стоять без телесного соответствующего ему дела. И блажен, кто вещественному делу (т. е. телесному) предпочел лучшее, невещественное (т. е. духовное) делание. Кто имеет его, тот им восполняет и отсутствие дела внешнего, живя жизнию молитвы, сокровенною для других, но явною для Бога.

86) Апостол призывает нас верою терпеть, упованием радоваться, в молитве пребывать, чтоб пребыло в нас и благо радования. Если так, то следует, что не имеющий терпения и веры не имеет; не радующийся не имеет надежды; ибо отверг причину радости молитву и не пребывает в ней (Рим. 12, 12; Кол. 4, 2; Евр. 12, 1).

88) Как древле, ниспав из своей области, ум забыл о ее преславной светлости: так теперь, забыв о всем здешнем, должно ему опять востекать туда молитвою.

89) Что для дитяти иссохшие сосцы матери, то для ума молитва, не дающая ему утешения. Когда же она инаковою бывает (т. е. исполняет ум утешением); тогда он уподобляется дитяти, от удовольствия засыпающему в объятиях матери.

91) Не может содружиться с молитвою тот, кто не отрекся от всего вещественного, кроме пищи и одежды (1 Тим. 6, 8). Стань вне всего другого, если желаешь быть в молитве с единым умом.

94) Не все одну и ту же имеют цель в молитве; но одни одну, а другие другую. Иной молится, чтоб, если возможно, сердце его всегда было с молитвою, и чтоб все выше и выше восходить в ней; другой – чтобы (стяжать навык) не быть пресекаемому в молитве помыслами; все же молятся (говоря обще) или чтобы сохранену быть в добре, или чтоб не быть увлечену во зло.

95) Если от молитвы никто не отходит не смиренным: ибо всякий, когда молится, сокрушается во смирении; то очевидно, чтоне молится во смирении тот, кто вовне обнаруживает горделивую продерзость.

96) Если, пребывая в молитве, будешь смотреть на вдову, подвигшую жестокосердого судью оказать ей справедливость; то не станешь *стужати си* (Лк. 18, 3) при нескорости получения благ, испрашиваемых молитвою.

97) Не пребудет с тобою молитва, если замедляешь в суетных помыслах внутри и в пустых беседах вне; но она скоро возвращающеюся видится к тому, кто ради нее многое отсекает в себе.

98) Если в лоно души не внидут словеса молитвы; то слезы не омоют ланит души.

100) Ключ в Царство Небесное – молитва. Держащий ее, как следует, зрит отложенные (обетованные) друзьям ее блага. Кто же только настоящее видит, тот не возымел еще дерзновения в ней.

101) Не может ум во время молитвы с дерзновением говорить пред Богом: *растерзал еси узы моя, Тебе пожру жертву хвалы* (Пс. 115, 7); если он вожделением лучшего не отторгся от боязливости (страха за жизнь от утеснения плоти) и разленения, многоспания и многоядения, от коих падение.

102) Стоит вне первой завесы (вне скинии на дворе) тот, кто влается мыслями во время молитвы; за сею завесою внутри скинии (передней ее части, именуемой святая) находится тот, кто молится неразвлеченною молитвою; во святая же святых проникает один тот, кто по умиротворении естественных помыслов и движений с Единым Тем пребывает, Кто есть превыше всякого естества, получая от Него и потребное просвещение.

103) Когда душа, упразднившись от всего внешнего, сочетается с молитвою; тогда как бы пламя некое окружает ее и делает ее всю, как железо, огнем проникнутою. И тогда душа – все та же душа, только бывает неприкосновенною, подобно раскаленному железу, для всего стороннего.

108 (на самом деле…) У добре проходящих деятельную жизнь молитва иногда, подобно облаку осеняя их, укрощает палящие их помыслы, а иногда как бы каплями дождевыми орошая их, показывает им духовные созерцания.

Главы разумительные

114) Ум, устремляясь горе, не тотчас востекает туда, но после того, как совершенно презрит все дольнее, посвятив себя Божественным деланиям.

117) Когда освободишь ты ум свой от всякого пристрастия к телам, яствам и деньгам; тогда что ни будешь делать, все то вменится в чистый дар Богу от тебя. И воздано тебе будет за то тем, что откроются очи сердца твоего и ты будешь ясно поучаться в нем Законам Божиим, кои

слаще меда и сота покажутся умной гортани твоей по причине издаваемой ими приятности.

118) Не можешь ты сделать ума своего высшим похотения тел, денег и яств, если не введешь его в чистую страну праведных, в коей (или под действием коей), внедрившись в сердце память о смерти и Боге, уничтожит в нем всякое восстание земных похотений.

119) Ничего нет страшнее памяти смертной и дивнее памяти Божией; та вселяет спасительную печаль, а эта исполняет духовным веселием. Ибо пророк Давид поет: *помянух Бога и возвеселихся* (Пс. 76, 4); а Премудрый учит: *поминай последняя твоя, и во веки не согрешишь* (Сир. 7, 39).

120) Пока ум не узрит *славы Божией откровенным лицем* (2 Кор. 3, 18), дотоле душа не может возглашать в чувстве своем: *аз же возвеселюся о Господе* (Пс. 103, 34), *возрадуюся о спасении Его* (Пс. 19, 6). Потому что покрывало самолюбия лежит на сердце ее, которое не снимается с нее без произвольных и невольных скорбей и лишений; оставаясь же на ней, не дает ей видеть, как все есть и бывает.

121) Не после бегства из Египта, т. е. не после пресечения греха делом, и не после прехождения моря, т. е. не после отсечения сочувствия и склонности ко греху; но после пребывания в пустыне, т. е. после претерпения всяких бед, лишений и скорбей, вождь Израиля сподобляется узреть землю обетованную, т. е. бесстрастие, обладающее сильным созерцанием умным (Второз. 34, 1).

122) По пустыне шествующие, – т. е. те, у которых грех в бездействии, – по одному слуху знают о благах блаженной оной земли; соглядатаи своими глазами видят их, т. е. пребывающие в трудах добродетели и послушания упованием объемлют их; войти же в нее сподобившиеся всем чувством насыщаются ими, как медом и млеком.

123) Не сораспялся еще Христу тот, кто имеет естественные движения плотские, и не спогребся еще Ему тот, кто носит помышления и сочувствия плотские: как же совосстать такому с Ним, чтобы *ходить во обновлении жжизни* (Рим. 6, 4)?

Того же главы деятельные и зрительные

138) Древле древним заповедано было приносить в храм *начатки от гумна и точила* (Исх. 22, 29). Ныне же нам должно приносить Богу, как начатки деятельной добродетели, воздержание и истину, а как начатки добродетели созерцательной – любовь и молитву: теми отсекая стремления похоти и гнева, а этими – суетные помышления и порождаемые ими прилоги.

139) Начало деятельной добродетели – воздержание и смирение, истина и целомудрие; конец же ее – мир помыслов и святая чистота тела.

140) Истинно доброе действование требует не только того, чтобы добре (т. е. с добрым духом) делать добро, но и того, чтобы делать, как следует, т. е. чтобы делающий соблюдал в отношении к делаемому и время и меру.

142) 3Как действование без созерцания не бывает твердо: так созерцание без соответственного действования не бывает истинно. Надлежит как действованию быть проникнуту созерцанием, так созерцанию утверждаему действованием: чтоб с одной стороны обессиливать зло, а с другой мощною являть добродетель в исполнении благонамерений благостынных.

143) Конец деятельной жизни – умерщвление страстей, а конец жизни созерцательной – видение добродетелей.

145) На поприще деятельной добродетели многие *текут, един же приемлет почесть* (1 Кор. 9, 24), – именно тот, кто конца ее старается достигнуть с участием созерцания.

147) Деятельному не удается надолго пребывать в созерцании. Ибо он в отношении к созерцанию похож на странника, странно-принятого кем-либо в дом свой, из которого однако ж он скоро должен выйти.

148) Деятельные вратами Заповедей Божиих входят в молитву; а созерцатели пребывают во дворе добродетелей в пениих и песнех духовных: и те благодарят, что избавились от уз; а эти – что взяли в плен восставивших на них бранию.

150) Гребцами мысленного корабля почитай помыслы, веслами – живительные силы души – раздражение (энергию) и похотение, волю и произволение (избирания решимость). В этих деятельный всегда имеет нужду, а созерцатель не всегда.

155) У деятеля, по причине множества представлений вещей чувственных, во время молитвы лежит на сердце покрывало, не могущее открыться при сочувствии к ним. Один созерцатель, не имеющий такого сочувствия, может откровенным лицом отчасти видеть славу Божию.

158) Двор разумной души есть чувство; храм – рассуждение; архиерей – ум. И так на дворе стоит ум, развлекающийся безвременными помыслами; в храме – занимающийся домышлениями благовременными; сподобившийся же внити в Божественное святилище – не касается ни того ни другого.

159) В доме души деятельной пребывают *рыдание, жалость и горе* (Иез. 2, 10) по причине тяготы трудов; а в душе созерцательной слышится *глас радования и исповедывания* (Пс. 41, 5), по отрадности ведения.

162) Созерцание мысленных вещей есть рай. Муж духовный входит в него в молитве, как в дом; а муж деятельный в отношении к нему походит на прохожего, который хотел бы заглянуть туда, но не может, потому что ограда того дома выше его духовного роста.

164) Деятель не может украситься совершенным благообразием нравственным, если, подобно патриарху Аврааму, и он не *изыдет из дома своего,* – естественного закона, *и от сродства своего,* – сроднившейся с ним самоугодливой жизни. Ибо только таким образом и он, как печать, получит обрезание родительной похоти (Быт. 17, 11; Рим. 4, 11), по причине коей от рождения лежит на нас покрывало, не дающее нам восприять совершенную свободу.

166) Для жизни деятельной пост и бдение суть *препоясание чресл;* а для жизни созерцательной молчание и молитва суть *светильники горящие* (Лк. 12, 35).

167) Уму несовершенному не попускается внити в плодоносящий вертоград молитвы; ему достаются, как бедному *останки от обранья винограда* (Втор. 24, 21), одни псалмопения.

168) Как не все, удостоивающиеся говорить с царем, приглашаются и к столу его: так не все и из приступающих к молитвенному собеседованию с Богом, вводятся в состояние молитвенного созерцания.

169) Узда гневу благовременное молчание; бессловесному похотению – воздержное питание; а неудержимому помыслу – однословная молитва.

170) Ни желающий спустится вглубь, чтоб достать оттуда маргарит чувственный, ни желающий вознестись горе, чтоб обрести там маргарит духовный, не достигнут желаемого и искомого, если первый не обнажится от одежд, а второй от всего чувственного.

171) Ум, внутрь сердца сосредоточивающийся во время молитвы, бывает как жених, беседующий с невестою своею; а не входящий внутрь себя, как стоящий вне брачного чертога, стеня вопиет: *кто введет мя во град ограждения* (Пс. 59, 11)? или кто будет мне вождем, чтоб во время молитвы *не призревать в суеты и неистовления ложна* (Пс. 39, 5)?

172) Что пища без соли для гортани; то молитва, без сокрушения проходимая, для ума.

173) Душа, еще ищущая молитвы, подобна жене мучащейся родами; а душа, обретшая молитву, подобна жене родившей и радости исполненной по причине рождения (Ин. 16, 21).

174) Некогда Аморрей, обитавший на горе, поразил *понудившихся взыти на верх горы* той (Числ. 14, 44, 45; Втор. 1, 44). Ныне же злое забвение отгоняет тех, которые прежде достижения сердечной чистоты покушаются взойти на самый верх молитвы чистой.

176) Молитва, как молитва, бывает хлебом, укрепляющим новоначальных; молитва, с каким-либо созерцанием соединенная, бывает елеем умащающим; а молитва безвидная (без воображений), – вином благоуханным, которое ненасытно пиющие приходят в исступление (Пс. 103, 15).

178) Подвизающемуся надобно тело свое ограничить одним видом пищи, – а ум однословною молитвою. И тогда, став неудерживаемым

страстями, будет он в состоянии восторгаться к Господу во время молитвы.

179) Грозящий палкою на собак раздражает их против себя; а демонов раздражает тот, кто нудит себя чисто молиться.

182) Когда непрерывным упражнением в молитве напечатлеются в сердце молящегося словеса псалмов; тогда он, как добрая земля, и сам от себя начинает произращать то розы созерцаний в области духовной, то лилии уразумения красоты и стройности мира вещественного, то фиалки постижения неудобозримых разнообразных судов Божиих.

184) Душа, совершенно отрекшаяся от себя самой и всецело предавшаяся молитве, сходит долу из области, в коей витает выше тварей, не когда сама хочет, но когда благоволит Тот, Кто мерою и весом располагает все наше.

191) Воин слагает оружие, когда кончится брань; а созерцатель – помыслы, когда отрешенно возносится ко Господу.

192) Воевода печалится, не получив добычи на войне; а проходящий деятельную жизнь скорбит, когда не сподобляется духовного созерцания в молитве.

193) Олень бежит на источники вод вещественных (Пс. 41, 2), как ураненный зверем; а душа, уязвленная сладчайшею стрелою молитвы, стремится к духовным озарениям.

195) Звезды скрываются с восходом солнца; а помыслы престают с возвращением ума в свое царство.

197) И созерцательный ум, когда, влекомый потребностями естества, сходит с неба долу, может возгласить то же, что и тот, кто изрек: есть ли что дивнее Божественной красоты? И какая мысль обрадованнее помышления о Божеском велелепии? И какое чувство так живо и неудержимо, как любовь, Богом возжигаемая в очищенной от всего худого душе, которая от полноты сердца говорит тогда: *уязвлена есмь любовию аз* (Песн. 2, 5; 5, 8)?

198) Говорить: *согреяся сердце мое во мне, и в поучении моем возгорится огнь* (Пс. 38, 4), прилично тому, кто не утомляется тещи вслед Бога молитвою, и *дне человеча* видеть не пожелал (Иер. 17, 16).

199) Да глаголет и деятельная душа, подобно невесте в Песнях песней, когда, по отложении ею всех своих худостей, злые демоны и помыслы лукавые начнут понуждать ее снова *воззреть на суеты и неистовления ложна* (Пс. 39, 5): *совлекохся ризы моея, како облекуся в ню? Умых нозе мои, како оскверню их* (Песн. 5, 3)?

200) Сколь блаженна ты, боголюбивая душа, если с дерзновением можешь взывать к Богу: *возвести ми,* Пастырю добрый, *где пасеши* овец Твоих, и *где в полудне даеши почитие* овнам Твоим, *чтобы,* последуя им, не *быть мне блуждающею по стадам другов Твоих* (Песн. 1, 6)?

201) Деятельная душа, ища удержать слово молитвы и не возмогоши, подобно невесте Песней, вопиет: *на ложи моем в нощех исках, Его же возлюби душа моя: исках Его, и не обретох Его: воззвах Его, и не послуша мене. Востану убо* притруднейшею молитвою, *и обыду во граде, и на торжищах, и на стогнах, и поищу, Его же возлюби душа моя* (Песн. 3, 1, 2). Может быть, я найду Его, во всем и вне всего сущего; *и насыщуся, внегда явитимися славе Его* (Пс. 16, 15).

204) Если принявший в дом свой царя, чрез это самое становится преславным и этою преисполняется радостию паче всякой другой радости: то что должна чувствовать душа, по очищении своем приявшая в себя Царя Царей по неложному Его обетованию (Ин. 14, 23)? И оставит ли она в себе что-либо не выброшенным вон такое, что казалось бы не к упокоению Его служащим? Или что не позаботится она приять внутрь себя такое, что явно благоугодно Ему?

205) Ожидающий быть наутро позванным пред царя, о чем другом будет заботиться, как не о придумании слов, имеющих быть благоугодными царю? – И всякая душа, сие в отношении к Богу соблюдающая, не окажется неготовою к тамошнему судилищу.

206) Блаженна душа, которая, в ожидании, что ныне придет Господь ее, ни во что совершенно становит труд целого дня, – а за тем и ночи, помышляя, что как только настанет утро, Он тотчас явится ей.

207) Бог всех видит; Бога же видят одни те, кои во время молитвы ничего другого кроме Бога не видят. И которые видят таким образом Бога, те и услышаны бывают от Него; которые же не бывают услышаны, те и не видят Его. Блажен, кто верует, что видим есть от Бога: ибо таковой не подвигнется с пути благоугождения Ему (Пс. 15, 8).

208) Благ царствия, сущего внутрь нас, миролюбивое око не видело, и честолюбивое ухо не слышало, и на сердце, лишенное Духа Святого, не восходило то. Они суть залоги благ, какие имеют быть дарованы праведным в будущем Царстве Христовом. Кто не наслаждается здесь сими плодами Духа, тот не может сподобиться наслаждения ими и там.

209) Помыслы мужей деятельных походят на еленей. Ибо как эти то витают на вершинах гор, страха ради от звероловов, то спускаются в долины по желанию насладиться тем, что на них: так и эти, – ни в духовном созерцании всегда быть не могут по бессилию своему на то, ни всегда вращаться в естественном порядке дел, по потребности упокоения от них, которого они не дают.

212) Не столько трудно пресечь путь реке, чтоб она не неслась вниз, сколько остановить стремление ума, чтоб не влаялся по видимым вещам, а устремлялся горе к сродному ему, сосредоточиваясь в молитве; хотя это последнее по естеству ему, а то не по естеству.

217) Не так быстро течет восвояси освободившийся после долгого плена пленник, как ум, освободившись от вещественных пристрастий, обрадованною ногою устремляется к сродным ему вещам небесным.

218) Кто не со вниманием молится, но рассеивается в молитве, тому псалом кажется иноязычным, и он сам для псалма бывает, как иноязычный (1 Кор. 14, 17). Посмешище из такого устрояют бесы.

219) Не одно и то же – кому мир распался, и кто сам миру распинается. Ибо для одних гвоздьми служат пост и бдение, а для других – нестяжание и самоуничижение. К тому же без вторых труды первых бесполезны.

220) Не может чисто молиться тот, кто одержим красотолюбивою и честолюбивою страстию. Ибо пристрастие к сим вещам и суетные помыслы опутывают такого, как вервями, и во время молитвы совлекают его долу, как бывает с привязанною птицею, когда она покушается подняться на воздух.

221) Невозможно уму быть мирну в молитве, если не стяжет он наперед содружества с воздержанием и любовию; из коих первое подвизается уничтожить вражду тела против души, а второе вражду души к ближнему, Бога ради: от чего приходит наконец *мир, превосходящий всяк ум* (Флп. 4, 7), и творит себе обитель у того, кто так умиротворяется (Ин. 14, 23).

222) Делу правды того, кто подвизается внити в Царствие Божие, необходимо преизбыточествовать во благих: в милостынях чрез подаяние *от лишения своего* (Мр. 12, 44; Лк. 21, 4); и в трудах, подъемлемых ради мира, чрез истощание, терпение, еже о Господе.

226) Иные страсти суть телесные, и иные душевные. Кто первые из них отревает, а о вторых никакой заботы не имеет: тот подобен человеку, для защиты от зверей построившему себе высокую и прочную ограду, а птицам охотно попускающему клевать славные грозды мысленного винограда.

230) Нельзя не открывать чувств, как и не отворять городских ворот. Но необходимо блюсти, чтоб, когда открываются они на нужное, не вошло что-либо чрез них, благоприятное для врагов наших, и не сделалось причиною брани.

234) Многие восходят на крест злострадания (произвольных телесных лишений); но немногие приемлют гвозди его (пригвождают себя на нем навсегда). Многие бывают рабами произвольного послушания; на посрамление же произвольно предают себя только те, которые отрешились от честолюбия.

240) В ком всему не предшествует страх Божий, в тех помыслы бывают в смятении, как овцы, не имущие пастыря; а кому он сшествует или предшествует, в тех помыслы пребывают в благопокорности и в благочинии, как овцы в овчарне.

241) Страх Божий есть сын веры; сам же он есть блюститель исполнения заповедей, как пастырь, держащий овец на тучном пастбище. Кто не стяжал матери его, тот не сподобится быть узренным овцою паствы Господней.

О преподобном Кассиане краткое сведение [80].

Преподобный отец наш Кассианин родился ок. 360 г., в богатой семье. Уже в юности он принял монашество в Вифлееме. Затем он предпринимает путешествие по самым известным монастырям Востока, побывав, в том числе и в Скитской пустыне и Фиваиде, где знакомится с лучшими образцами подвижничества. В 397 году он отправляется в Египет, где проводит жизнь отшельника.

Оставив Египет в этот раз, св. Кассиан с другом своим отправился в Константинополь, где они были благосклонно приняты св. Златоустом, который св. Кассиана посвятил в диакона, а друга его, как старшего, во священника (в 400 г.). Когда св. Златоуст присужден был к заточению, лица ему преданные послали (в 405 г.) по этому делу в Рим к папе Иннокентию некоторых ходатаев, в числе которых был и св. Кассиан с другом своим. Посольство это кончилось ничем.

В 415 году Иоанн принимает сан пресвитера и устраивает два монастыря близ Марселя по восточному образцу. Спустя несколько лет он записывает свой опыт жизни в монастырях Палестины и Египта, чтоб познакомить западных читателей с их духовным опытом.

Из сих аскетических Писаний св. Кассиана взяты восемь книг (5-12) о борьбе с восемью главными страстями и одно (2-е) собеседование о рассуждении, – то и другое в сокращенном извлечении.

Почил св. Кассиан в 435 г. Память о преподобном Кассиане, честью и хвалой, Церковь совершает 29 февраля (13 марта).

[80] Данные о Кассиане публикуются по современным данным.

Святого Кассиана Римлянина, слово о восьми страстных помыслах: о объядении, и блуде́, о сребролюбии, гневе, печали, унынии, тщеславии и гордыни [81].

Борьба с чревоугодием

Первая, в какую следует нам вступить, борьба есть – борьба с чревоугодием, или со страстию пресыщения.

2. Касательно образа воздержания в пище, или постничества, не может быть постановлено одинаковое для всех правило; потому что не у всех тел одинакова крепость, добродетель же сия соблюдается не одною силою души, но должна соразмеряться и с силою тела. Не для всех возможно соблюдать пост по неделям; некоторые не могут быть без принятия пищи более трех или двух дней, а иным трудно пробыть без пищи до заката солнца. Не для всех также питательны овощи, или зелия, или сухой хлеб. Еще – иному для насыщения нужно два фунта, а другой чувствует тягость, если съест фунт или полфунта. Но все воздержники должны иметь одну цель, чтобы, принимая пищу по мере способности, не вдаваться в пресыщение. Ибо не только качество пищи, но и количество расслабляет душу, возжигая в ней вредоносный, греховный огонь.

3. Какими бы яствами ни было насыщаемо чрево, от этого зарождаются семена похоти плотской, и ум, подавленный бременем яств, не бывает уже силен добре править кормилом рассуждения. Не одно чрезмерное употребление вина опьяняет ум, но и излишество всяких яств обыкновенно делает его шатким и колеблющимся, и лишает чистых и непорочных помышлений. Для Содомлян причиною их развращения и погибели было не одно пьянство, но и пресыщение чрева. Слушай, как Гос-

[81] Я не смог найти перевод по тексту славянского Добротолюбия, а переводить не решился; поэтому публикую текст Феофана Затворника, который более длинен и подробен. (Только изменил нумерацию глав, так как они начинались не с единицы).

подь чрез пророка укоряет Иерусалим (Иез. 16, 49). От чего согрешила сестра твоя, Содома, если не от того, что ела хлеб свой досыта и пресыщения? Поелику чрез такое насыщение хлебом они разжжены были неугасимым жаром похоти плотской, то по суду Божию были с неба пожжены серным огнем. Если таким образом их одна чрезмерность в употреблении хлеба по страсти пресыщения низвергла в стремнинную пропасть развращения, то что сказать о тех, которые, при цветущем здоровьи тела, позволяют себе есть мяса и пить вино в непомерном количестве, употребляя их, не сколько требует немощь, а сколько внушает самоугодливое похотение.

4. Св. отцы мерою воздержания в пище положили то, – чтоб пищу, которую принимать заставляет нас необходимость поддерживать жизнь тела, переставали мы вкушать, когда еще хочется есть. Судя по сему и немощный телом может являть добродетель воздержания в совершенстве, наравне с крепкими и здоровыми, если силою воли будет обуздывать пожелания яств, когда сего не требует бренность плоти. Ибо и Апостол говорит: *плоти угодия не творите в похоти* (Рим. 13, 14). Он не совсем запретил иметь попечение о теле, а не велел только, чтоб это делалось по похоти, – похотливую заботу о плоти отъял, а разумного, необходимого для жизни содержания ее не исключил; запретил первое, чтоб чрез поблажку плоти не ниспали мы до пагубных дел похотливых, а дозволил второе, чтоб тело, будучи расстроено неразумною строгостию, не оказалось бессильным к исполнению духовных наших занятий и трудов.

5. Итак, мера воздержания должна быть определяема судом совести каждого. Всякий должен назначить себе – настолько воздерживаться, сколько требует сего брань плотского восстания. – Посты, уставом определенные, всеконечно должно соблюдать; но если после них не будет соблюдаема воздержность в употреблении пищи, то соблюдение их не доведет до совершенной чистоты. Голодание в продолжительные посты будет иметь плодом только временное в ту пору изнеможение и истомление тела, а не и чистоту целомудрия, если вслед за тем пойдет насыщение тела вдоволь: так как чистота души неразрывно связана с голоданием чрева. Не имеют постоянной чистоты целомудрия, кто не довольствуется тем, чтобы держать постоянную ровность воздержания. Строгие посты, если за ними последует излишнее послабление себе в пище, бывают ни во что, и плод их скоро вытесняется страстию чревоугодия. Почему лучше разумное с умеренностию подкрепление себя пищею каждый день, нежели по временам долгий и крайне строгий пост. Неумеренное неядение умеет не только колебать постоянство и твердость души, но и совершение молитв делать безжизненным по причине изнеможения тела.

6. Для сохранения чистоты души и тела не достаточно одного воздержания в пище, если к сему не будут присоединены и прочие добро-

детели душевные. Так перво-наперво надо научиться смирению чрез добродетель послушания, сокрушение сердца и утомление тела. Денег не только имения должно избегать, но и самое желание их с корнем исторгать. Ибо не довольно не иметь их, – что большею частию бывает и по необходимости, но не должно допускать самого желания иметь их, если б случайно они были предложены. Надобно ярость гнева подавлять, отяжеление печали преодолевать, суетную славу презирать, высокомерие гордости попирать, а также и ума непостоянные и шатательные туда и сюда отбегания обуздывать непрестанным памятованием о Боге. Всякий раз надобно нам возвращать сердце наше от парительного блуждания к созерцанию Бога, как только лукавый враг, покушаясь отвлечь ум наш от сего созерцания, вкрадется в тайники сердца.

7. Тот никогда не может подавить возбуждений похоти, когда она загорится, кто не силен бывает обуздать позывов чревоугодия. Чистота внутреннего человека распознается по совершенству сей добродетели. Ибо никак не поверишь, чтобы мог поспорить в борьбе с сильнейшими соперниками тот, кого видишь преодолеваемым слабейшими в легкой схватке.

8. Итак первою нам надо попрать похоть чревоугодия, – и ум свой утончить не только постами, но и бдениями, а также чтением и непрестанным сокрушением сердца при воспоминании обо всем, чем прельщены или побеждены были, то стеня при чувстве ужаса от множества грехов, то горя желанием совершенства и чистоты. И до того надо его довести, чтобы он, будучи занят и как бы поглощен такими подвижническими трудами и помышлениями, самое подкрепление себя пищею почитал не столько дозволенным предметом удовольствия, сколько бременем наложенным в виде наказания, и приступал к нему более как к неизбежно необходимому для тела, нежели сколько как к желательному для души. Если будем себя постоянно держать в таком духовном попечении и сокрушении, то скоро укротим похотливость плоти, доходящую до крайнего неистовства при подогревании ее яствами, и притупим пагубные жала ее. Так можем мы при обилии слез и непрерывности плача сердечного угашать пещь тела нашего, царем вавилонским, т. е. диаволом, в нас возжигаемую чрез подстроение нам случаев ко грехам и возбуждению страстей, коими тогда мы, подобно прибавке нефти и смолы в печь, сильнее разгораемся (на непотребное); пока благодатию Божиею, чрез веяние ее духа росного в сердцах наших совсем не будут потушены в нас пламы похоти плотской. И вот наше первое состязание – желанием совершенства погашать похоть пространнопитания и чревоугодия! Чего ради не только излишних яств желание надо подавлять созерцанием добродетелей, но и необходимую для естества нашего пищу, как неблагоприятную целомудрию, принимать не без заботливой осторожности сердечной. И течение нашей жизни должно установить таким образом,

чтобы ни в какое время не отвлекаться от духовных занятий, разве только когда слабость тела побудит снизойти к необходимому о нем попечению. Но и когда, более удовлетворяя потребности жизни, нежели рабствуя вожделению души, подчиняемся этой необходимости, должны как можно скорее спешить оставлять то, как дело, отвлекающее нас от спасительных занятий. И во время самого принятия пищи не надо отставать от сих занятий. Ибо мы никак не можем отклониться от услаждения предлежащими яствами, если душа, приковав внимание к Божественному созерцанию, не будет услаждаться в то же время паче любовию к добродетелям и красотою вещей необходимых. Да и вообще все настоящее начинает быть презираемо как тленное, когда кто держит взор ума неотлучно прикованным к благам нетленным и вечным, еще во время пребывания в теле вкушая уже сердцем блаженство жизни будущей.

9. Победив таким настроением похоть чревоугодия и пространнопитания, как не рабы уже плоти, мы будем признаны достойными вступить и в высшие противоборства, – сразиться с нечистыми силами, которые обыкновенно вступают лично в борьбу только уже с победителями. Таким образом подавление плотских вожделений оказывается неким солиднейшим основанием всех браней. Не победив своей плоти, никто не может законно сражаться; а кто не законно сражается, не венчается.

10. Хочешь ли слышать истинного борца Христова, сражающегося по законному правилу ратоборства? – Внимай. – Лз, говорит он, *тако теку, не яко на неверное, тако подвизаюсь, не яко воздух бияй; но умерщвляю и порабощаю тело мое, да не како проповедуя другим сам неключим буду* (1 Кор. 9, 26, 27). Видишь, как он в себе самом, т. е. в плоти своей, как на твердейшем некоем основании, установил главное дело ратоборства и весь успех борьбы совместил в одном изможднии плоти и покорении тела своего? Лз, говорит, *тако теку, не яко на неверное.* Не течет на неверное тот, кто, созерцая Небесный Иерусалим, имеет в нем неподвижную мету, к коей ему должно неуклонно направлять скорое течение сердца своего. Не течет на неверное тот, кто, забывая заднее, простирается в преднее, стремясь к предназначенной *почести вышняго звания Божия о Христе Иисусе* (Флп. 3, 13–14), куда устремляя всегда взор ума своего и куда спеша со всею готовностию сердца своего, с уверенностию взывает: *подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох* (2 Тим. 4, 7). И поелику сознавал, как неутомимо, с живейшим по всей совести рвением, тек *в след вони* мастей Христовых (Песн. 1, 3), и умерщвлением плоти успешно одержал победу в духовном ратоборстве; то с несомненным упованием наводит, говоря: *прочее соблюдается мне венец правды, егоже воздаст ми Господь в день он, Праведный Судия* (2 Тим. 4, 8). А чтобы и нам открыть подобную надежду воздаяния, если в подвиге того же течения будем подражать ему, прибавил: *не токмо же мне, но и всем возлюбившим явление*

Его [18], провозглашая, что в День Суда и мы соделаемся причастными его венцу, если, любя Пришествие Христово, – не только, в коем Он явится и для не хотящих, но особенно то, в коем Он всегда сшествует святым душам, – одержим победу в ратоборстве чрез умерщвление плоти. О сем последнем Пришествии Господь говорит в Евангелии: *Аз и Отец Мой приидем к нему и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23). И еще: *се стою при дверех и толку: аще кто услышит глас Мой, и отверзет двери, вниду к нему, и вечеряю с ним, и той со Мною* (Откр. 3, 20).

11. Впрочем, Апостол не один только подвиг течения, совершенный им, описывает, говоря: *Аз тако теку, не яко на неверное:* [что в особенности относится к устремлению ума и горячности духа его, коими он со всем жаром последовал Христу, с Невестою воспевая: *в след Тебе в воню мира Твоего течем* (Песн. 1, 3); и еще: *прильпе душа моя по Тебе* (Пс. 62, 9)]; но свидетельствует, что он и в другом еще роде ратоборства одержал победу, когда говорит: *тако подвизаюся, не яко воздух бияй: но умерщвляю тело мое и порабощаю:* что собственно относится к преболезненным трудам воздержания, к телесному пощению и изможднию плоти. Тут он представляет себя бодренным неким борцом со своею плотию, обозначая, что не напрасно давал ей удары воздержания, но что чрез умерщвление своего тела успел стяжать торжество победы, – когда, укротив его бичами воздержания и изможднв ударами пощения, доставил духу победителю венец бессмертия и пальму нетления. Видишь законный порядок ратоборства, усматриваешь исход духовных состязаний, – как борец Христов, одержав победу над бунтовщицею – плотию, и повергши ее некако под ноги свои, как великий триумфатор, везется на победной колеснице?! – Не на неверное течет он, так как уверен, что скоро внидет во Святой Град, Небесный Иерусалим. *Тако подвизается* в постах, т. е. и умерщвлении плоти, *не яко воздух бияй,* т. е. не яко напрасно дающий удары воздержания, потому что он ими не пустой воздух, но духов злобы, вращающихся в нем, поражал чрез умерщвление своего тела. Ибо кто говорит: *не яко воздух бияй,* тот дает разуметь, что не пустой и не порожний воздух поражает, но вместе и неких сущих в нем. Поелику он, преодолев эти роды браней (т. е. с телом), снова выступал теперь украшенный многими победными венцами: то естественно стал подвергаться нападениям сильнейших врагов и, восторжествовав над первыми из них завистниками, в благонадежии начал возглашать: *несть наша брань к плоти и крови, но к началом и ко властем и к миродержителем тьмы века сего, духовом злобы поднебесным* (Еф. 6, 12).

12. Для борца Христова, пока он в теле, никогда не оскудевают случаи к получению пальм за ратоборство; но чем более возвышается он успехами своих побед, тем более сильный ряд ратоборств предлежит

ему. Ибо после того, как победит он и покорит себе плоть свою, какие толпы супостатов, какие полчища врагов восстают против сего победоносного воина Христова, быв раздражены его победами! Это, – чтоб воин Христов, нежась покоем мира, не стал забывать о славных боях своего ратоборства, и, опустившись от бездействия, в чувстве безопасности от врагов, не потерял охоты и мужества оказывать победные доблести, достойные высших наград. Итак, если не умаляясь, а возрастая в силе и мужестве, желаем достигнуть высших победных триумфов, то и нам следует в том же порядке проходить бранные подвиги, – и сначала совершить то, в силу чего можем с Апостолом говорить: *тако подвизаюся, не яко воздух бияй; но умерщвляю тело мое и порабощаю,* – а потом, когда возьмем верх в этом бое, вступить и в такой, по успехе в коем могли бы мы опять с Апостолом говорить: *несть наша брань к плоти и крови, но к началом и ко властем и к миродержителем тьмы века сего, духовом злобы поднебесным.* Ибо с этими мы никаким образом иначе вступить в ратоборство не можем, как после победы над плотию, – и никогда не удостоимся мы испытать борьбу с духами, если все будем низлагаемы в борьбе с плотию и поражаемы в состязании с чревом. И по справедливости будет нам сказано от Апостола с укором: *искушение вас не постиже, точию человеческое* (1 Кор. 10, 13).

13. Монах, желающий достигнуть подвига внутренних браней, пусть наперед такую назначит себе и держит предосторожность, чтоб прежде уставом определенного и для всех общего часа подкрепления себя пищею, и притом вне трапезы, отнюдь не позволять себе принять что-нибудь из пищи или пития, какая бы приятность и сладость их ни манила к тому. Но и по окончании трапезы да не попускает он себе дерзнуть на нечто подобное, хотя бы то в малейшей малости. Равно должно ему строго соблюдать время и меру сна, как уставом положено. И этого рода похотения с таким же рвением надобно отсекать, с каким должны мы отсекать движения блудной страсти. Ибо кто не мог подавить излишние пожелания чрева, тот как сможет погасить разжжение плотского вожделения? И кто не мог укротить страсти явные и малые, тот как возможет победить тайные, проторгающиеся без всяких свидетелей?

14. Не внешнего врага надобно нам бояться; враг наш заключен в нас самих. Почему и ведется в нас непрестанно внутренняя война. Одержи мы в ней победу, – и все внешние брани сделаются ничтожными, и все станет у воина Христова мирно, и все ему покорно. Нечего будет нам бояться врага совне, когда то, что есть внутри нас, быв побеждено, покорится духу. Не должны мы верить, что нам для совершенства сердца и чистоты тела может быть достаточен один тот пост, который состоит в воздержании от видимых яств. Нет, к сему должно присовокупить еще и пост души. Ибо и она имеет свои вредные яства, от коих,

отучнев, впадает в обрывы сладострастия и без обилия телесного питания. – Осуждение ее есть пища, и притом преприятная. Гнев также ее есть пища, хотя не так легкая, а подчас вредная, и даже смертоносная. Зависть есть пища души, ядовито повреждающая ее соки и непрестанно мучащая ее – несчастную счастливыми успехами других. Тщеславие ее есть пища, которая на время услаждает ее приятным вкушением, а после делает пустою, обнаженною и лишенною всякой добродетели, и оставляет бесплодною и не способною приносить плоды духовные, – и следовательно, не только лишает воздаяния за безмерные труды, но и привлекает большие наказания. Всякое похотствование и блуждание сердца непостоянного есть некое пасение души на своего рода пастбище, питающее ее вредными яствами, Небесного же хлеба и твердой пищи делающее непричастною. Почему в святом пощении нашем удерживаясь от всего этого, сколько сил есть, мы соделаем целесообразным и благоплодным соблюдение телесного поста. Ибо утруждение плоти, быв соединено с сокрушением духа, представит приятнейшую Богу жертву и устроит достойное Его святости обиталище в чистых и благоукрашенных сокровенностях сердца. Но если, постясь телесно, мы будем опутываться пагубнейшими страстями душевными, то никакой не принесет нам пользы изможднение плоти, когда при этом оскверненными остаемся в драгоценнейшей нашей части, когда т. е. мы бываем неисправны тою частию нашего естества, которая собственно соделовается жилищем Св. Духа. Ибо не плоть тленная, а сердце чистое соделовается обиталищем Богу и храмом Духа Святого. Итак надлежит нам, когда постится внешний наш человек, и внутреннего удерживать от вредных вкушений. Его особенно представлять чистым Богу, чтоб сподобиться принять в себя посетителем Христа, увещевает св. Апостол, когда говорит: *во внутреннем человеце вселитися Христу верою в сердца ваша* (Еф. 3, 16–17).

15. Пищу надо избирать такую, которая бы умеряла, а отнюдь не возбуждала жар похоти плотской, и притом была удобоприобретаема и сообразна с общим обычаем и употреблением братий. Чревоугодие проявляется в трех видах: один побуждает упреждать уставом определенный час принятия пищи; другой любит насыщать и переполнять чрево пищею, какого бы рода она ни была; третий удовлетворяется лишь приятнейшими и изысканнейшими яствами. Почему против него монах должен соблюдать троякое правило: во-первых, ожидать уставного времени разрешения на пищу; потом не поблажать пресыщению; в третьих, довольствоваться простою какою-нибудь и дешевою пищею. А что в сем отношении допускается не сообразного с общим обычаем и употреблением, того древнейшее предание отцов не одобряет, как осквернения суетностию, тщеславием и хвастливостию. И мы никого не видели из тех, кои отличались даром ведения и рассуждения, и никого не знали из

тех, коих благодать Божия выставила вперед, как блистательнейшие светила для подражания, которые бы воздерживались от вкушения хлеба, почитаемого простым и не ценным. И наоборот никогда не видали мы, чтоб кто-нибудь из тех, которые употребляли только зелень, овощи и древесные плоды, имелся в числе опытнейших мужей или сподоблялся благодати рассуждения и ведения.

16. Дела любви должно предпочитать посту. Этому научились мы у египетских отцов. Ибо когда мы, желая узнать правила сих старцев, пришли из Сирии в Египет, то нас принимали там с изумительно живым радушием сердечным, – и куда бы мы ни проходили, нигде для успокоения нас не стеснялись соблюдением определенного уставом часа для принятия пищи, как мы обвыкли видеть в монастырях Палестинских, – но везде разрешали на пищу прежде того, кроме только среды и пятка. Один из старцев, когда мы спросили его, почему у них так свободно мимоходится правило каждодневного поста, ответил нам: пост всегда со мною, вас же я не могу удержать с собою навсегда. Притом хотя пост многополезен и всегда нужен, но он составляет жертву произвольную; исполнение же дела любви есть неотложимое требование заповеди. Итак принимая в вас Христа, я должен напитать Его. Когда же провожу вас, тогда сделанное ради Него снисхождение могу вознаградить строжайшим постом. Ибо *не могут сыны брачнии поститься, дондеже жених с ними есть. Приидут же дние, егда отымется от них жених, и тогда постятся* (Лк. 5, 34, 35).

17. Крайности, как говорят св. отцы, с той и другой стороны равно вредны, – и излишество поста, и пресыщение чрева. Знаем мы некоторых, которые, не быв побеждены чревоугодием, низложены были безмерным постом, и впали в ту же страсть чревоугодия по причине слабости, происшедшей от чрезмерного поста.

18. Нам надобно заботиться как о том, чтобы по желанию плотского удовольствия не принимать пищи прежде назначенного времени или сверх меры, так и о том, чтоб употреблять ее в назначенный час, хотя бы и не хотелось; потому что и чрезмерное желание плотского удовольствия, и отвращение от пищи возбуждаются врагом нашим. Притом неумеренное воздержание вреднее пресыщения; потому что от последнего, в силу раскаяния, можно перейти к правильному действованию, а от первого нельзя.

19. О том, как пройти между обеими крайностями, соблюдая разумную мерность, прежние отцы наши часто рассуждали, и всем родам пищи предпочли хлеб, и мерою употребления его постановили – два небольшие хлебца весом около фунта.

20. Общее правило умеренности воздержания состоит в том, чтобы каждый сообразно с силами, состоянием тела и возрастом столько пищи вкушал, сколько нужно для поддержания здоровья тела, а не сколько

требует желание насыщения. Кто не соблюдает одинаковой меры, – но то постится чрезмерно, то пресыщается; тот вредит как молитве, так и целомудрию: молитве, – потому что от неядения не может быть бодрым в молитве, клонясь от бессилия ко сну; а целомудрию, – потому что тот огнь плотской похоти, который возжигается от чрезмерного употребления пищи, продолжает действовать и во время строгого поста.

21. Мерное употребление пищи, по мнению отцов, состоит в ежедневном употреблении столько пищи, чтобы после вкушения ее еще чувствовался голод. Такая мера сохранит душу и тело в одинаковом состоянии и не попустит человека вдаваться ни в чрезмерный пост, расслабляющий тело, – ни в пресыщение, подавляющее дух.

22. Предлагаем еще одно спасительное наставление блаженного Макария, чтоб книгу нашу о постах и воздержании назидательно заключить мнением такого мужа. Он говорит, что монах так разумно должен вести дело пощения, как бы имел пребыть в теле сто лет; и так обуздывать душевные движения, – забывать обиды, отревать печаль, ни во что ставить скорби и потери, – как могущий умереть каждый день. Этим советуется – в отношении к первому, т. е. посту, душеполезное благоразумие, которое бы заставляло монаха шествовать всегда путем ровной строгости в воздержании, не позволяя ему в случае даже изнеможения тела переходить от строгости к излишеству; а в отношении ко второму, т. е. обузданию движений душевных, – спасительное великодушие, которое было бы сильно не только презирать то, что кажется благополучным в мире сем, но и пребывать несокрушимым несчастиями и скорбями, и пренебрегать ими как ничтожными, туда имея постоянно устремленным взор ума своего, куда каждый день и каждую минуту чает быть позванным.

Борьба с духом блуда

23. Вторая у нас, по преданию отцов, борьба есть – с духом блуда, – борьба паче других долгая, всегдашняя, и весьма не многими начисто препобежденная, – брань лютая, которая начинает бороть с первого возраста зрелости, – и не престает прежде препобеждения прочих страстей. Поелику восстание здесь бывает двоякое, двояким вооруженное оружием к борьбе, то и противостоять ему надобно тоже с двояким оружием в руках. Не достаточно одного телесного поста к стяжанию совершенной чистоты целомудрия; его превосходить должны покаянное сокрушение духа и неотступная молитва против этого нечистейшего духа; потом непрестанное поучение в Писаниях в соединении с умным деланием, также труд телесный и рукоделие, удерживающее сердце от блуждания и возвращающее его в себя, паче же всего глубокое истинное смирение,

без которого ни над какою страстию никогда не может быть приобретена победа.

24. Преображение этой страсти условливается совершенным очищением сердца, из которого, по слову Господа, источается яд этой болести. *От сердца бо,* говорит Он, *исходят помышления злая… прелюбодеяния, любодеяния* и проч. (Мф. 15, 19). Итак прежде надо очистить то, откуда исходит источник жизни и смерти, как говорит Соломон: *всяцем хранением блюди твое сердце: от сих бо исходища живота* (Притч. 4, 23); ибо плоть покорствует его произволению и власти. Закону постнического скуднопитания всеконечно должно следовать со всем усердием, чтоб обилием яств насыщенная плоть, воспротивясь велениям души, в буйстве не низвергла долу правителя своего – духа. Но если мы всю суть своего дела совместим в одном изможднии тела, не постничествуя в то же время душою от прочих страстей и не занимая ее ни поучением в Божественном, ни другими духовными деланиями; то никак не возможем востечь на самый верх истинной чистоты; потому что в таком случае то, что в нас есть господственное, будет осквернять наше тело, хотя бы оно было чисто. Итак нам должно, по указанию Господа, *прежде очистить внутреннее стклянницы и блюда, да будет и внешнее их чисто* (Мф. 23, 26).

25. Прочие страсти обыкновенно очищаются, кроме прочего, и обращением с людьми и каждодневными с ними занятиями и делами, и некако врачуются самою неприятностию и досадою по причине падения в них. Так, например, порывы гнева, оскорбления, нетерпеливости, кроме сердечного поучения и бодренного внимания, врачуются и посещением братий и частым вызыванием сих страстей. Так как они, будучи при сем раздражаемы, чаще обнаруживаются, то чаще и обличаются, и скорее потому уврачевываются. Но эта болесть, при изможднии тела и сокрушении сердца, имеет нужду также в уединении и удалении от людей, чтоб, имея таким образом отклоненными поводы к пагубному лихорадочному разжжению ее, прийти скорее в состояние совершенного оздравления. Как для больных какою-либо болезнию полезно бывает, чтоб вредные для них яства и на глаза им не были приносимы, дабы при взгляде на них не родилось у них смертоносное желание: так и к прогнанию этой особенно болести (похотливости) много очень способствуют безмолвие и уединение, чтобы больная душа, не будучи вызываема вне разными лицами и вещами, свободнее восходила к чистейшему умному созерцанию и чрез то удобнее могла с корнем исторгать заразительное возбуждение похотения.

26. Иное дело быть воздержным, и иное – чистым, пришедшим в невозмутимое состояние целомудренной непорочности и девственной невинности. Такая добродетель приписывается одним девственникам и девственницам душою и телом, какими признаются, например, в Новом

Завете оба Иоанна (Предтеча и Евангелист), а в Ветхом – Илия, Иеремия, Даниил. На их степени стоящими не несправедливо почесть и тех, кои, по падении, долгими подвижническими трудами и ревностным взысканием потерянного достигли до подобного им состояния чистоты и непорочности душевной и телесной, и жало плоти чувствуют не столько по нападению срамной похотливости, сколько по движению лишь естества. И вот такого-то состояния, говорим мы, крайне трудно достигнуть среди многолюдства, – даже и не невозможно ли? – Что впрочем всякий пусть не чает узнать из нашего рассуждения, а сам пусть доищется до сего чрез испытание своей совести. – Мы не сомневаемся, что есть очень много воздержных, которые нападение плоти, редко ли или каждодневно ими испытываемое, прогоняют и подавляют то страхом геенны, то желанием Царства Небесного. Относительно них старцы полагают, что хотя они могут не быть совсем расстроены и побеждены страстными раздражениями, нельзя однако ж им быть безопасными от нападений и совсем неуязвимыми. Ибо тому, кто находится в положении борющегося, хотя он и часто побеждает и одолевает противника, неизбежно иногда и самому испытывать тревогу и уязвление.

27. Если по сердцу нам с Апостолом законно подвизаться подвигом духовным (2 Тим. 2, 5); то не на свои силы (потому что человеческие усилия не сильны это совершить), но на помощь Господа надеясь, положим со всем рвением побеждать этого нечистейшего духа. Ибо до тех пор эта страсть не перестанет оспаривать у души победу, пока она (душа) не сознает, что успешно вести такую борьбу выше ее сил, и что она своими трудами и своим усилием никак не может одержать победу, если не будет подкреплена помощию и заступлением Господа.

28. И действительно, если всякий успех в добродетели есть дело благодати Господа и преодоление всякой страсти есть Его победа, то преимущественно это дело (т. е. стяжание чистоты и преодоление похотной страсти), есть особенная благодать и дар, как подтверждается мнениями свв. отцов и опытами очищения от сей страсти по свидетельству тех, кои сподобились стяжать его. Ибо не чувствовать жала плоти есть некоторым образом то же, что, пребывая в теле, выйти из плоти, облекаясь плотию, быть вне естества. И потому невозможно человеку на своих, так скажу, крыльях возлететь на такую небесную высоту совершенства, если благодать Господня даром чистоты не извлечет его из тины земной. Ибо люди плотяные никакою добродетелию так близко не уподобляются Небесным Ангелам в подражании их жизни, как стяжанием благодати чистоты, чрез которую они, еще продолжая жить на земле, имеют, по Апостолу, *жительство на небесех* (Флп. 3, 20), и здесь, в бренной плоти, обладают уже тем, что обещается святым в будущей жизни, по отложении тленной плоти.

29. Слушай, что говорит Апостол: *всяк подвизаяйся от всех воздержится* (1 Кор. 9, 25). Он выставляет подвизающегося на ристалищах в образец нам в духовном нашем подвижничестве. Тот для успеха в состязаниях не только от всякой запрещенной пищи, пьянства и нетрезвости воздерживается, но и от бездействия, праздности и лености, стараясь постоянным упражнением и вниканием в дело и силы свои развить, и уменье приобрести; он оставляет всякую заботу и печаль о делах житейских и супружеских, одною томя себя заботою, как бы возыметь успех и получить победный венец; особенно же он заботится хранить себя чистым от осквернения плотского, чтоб даже и во сне как-нибудь не обольститься срамными грезами и чрез то не умалить силы, приобретенной долгим временем и немалою заботою. Тут видишь ты все, что надлежит делать и духовному подвижнику; видишь и то, что для успеха в духовном твоем делании и тебе предлежит преимущественно хранить чистоту и целомудрие. Ибо если там в мирских внешних состязаниях о венцах тленных так необходима чистота, то сколь безмерно необходимее она в нашем духовном внутреннем стремлении к венцам Небесным? У нас требуется не внешняя только чистота от плотского греха или невольного осквернения, но наипаче и внутренняя чистота мысли и чувства. Нам надлежит всяким хранением чистыми блюсти самые сокровенности сердца. Что те (ристалищные состязатели) желают иметь только телесно, тем мы должны обладать в глубинах совести, в коей подвигоположник наш Господь зрит до малейших черт все движения нашего произволения. Надлежит убо нам тому, что боимся сделать открыто, не допускать возникнуть внутри неосторожным помышлением, и что стыдимся обнаружить пред людьми, тем не оскверняться и тайным в сердце согласием. Ибо хотя это и может укрыться от людей, но не может утаиться от Ангелов и Самого Всемогущего Бога, от Которого не сокрыты никакие тайны.

30. Признаком и мерою совершенства стяжанной чистоты можно поставить то, если у нас, когда отдыхаем или разнеживаемся в глубоком сне, не возникает никакого обольстительного образа, или если возникает какой, то не силен бывает возбудить никаких движений похотных. Ибо такое движение, хотя не вменяется в полную вину в грехе, однако ж служит верным признаком, что душа еще не достигла совершенства, и показывает, что страсть еще не дочиста исторгнута, когда мечтательные образы успевают производить такого рода наругание.

31. Качество помыслов, которое среди развлечений дня не совсем тщательно охраняется, обнаруживается во время ночного покоя; и потому, когда случилось сказанное наругание, то в этом не сон должно почитать виновным, а нехранение внимания в предшествующее время, и видеть в сем обнаружение скрывающейся внутри болести, которую ночной час не породил впервые (как не бывшую прежде), а только скрытую

во внутренних фибрах души вывел на поверхность кожи во время подкрепления тела сном, обнаруживая внутренний лихорадочный жар страсти, который сами мы возожгли, питаясь в продолжение всего дня не добрыми помыслами. Так и телесные болезни не в то время порождаются, в какое видимо обнаруживаются, но наживаются в предшествующее тому время, когда кто, без осторожности питаясь всякою вредною для здоровья пищею, собирает в себя болезнеродные соки.

32. Се и Сам Бог, Творец и Создатель всего рода человеческого, зная лучше всех природу творения Своего, туда направляет врачевание, откуда главным образом исходят причины страстной болести сей, когда говорит: *всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, ужелюбодействова с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28). Делая замечание о сладострастии глаз, Он не столько их обличает, сколько то внутреннее чувство, которое худо пользуется их услугою в смотрении. Это сердце, больное и уязвленное стрелою похотения, смотрит с вожделением, – благодеяние зрения, дарованное Творцом на добро, обращая по своей страстности на служение худым делам и скрытую в нем самом болезнь сладострастия изводя в явь по поводу воззрения. Почему и спасительная заповедь предписывается тому, по чьей страстности происходит злое уязвление чрез зрение. Ибо не говорится: всяким хранением блюди очи твои, но: *всяким хранением блюди свое сердце* (Притч. 4, 23).

33. Первым и главным действием хранения чистоты сердца да будет у нас то, чтоб, когда по тонкой подсаде диавольской злокозненности, прокрадется в ум наш воспоминание о каком-либо лице женского пола, хотя бы то матери, сестер, родных и даже святых жен, – мы как можно скорее спешили изгнать его из наших мыслей; дабы, если долго промедлим в таких помышлениях, враг наш обольститель от этих жен не перевел незаметно ума нашего и к таким, чрез которых мог бы всеять душевредные мысли. Почему стараясь исполнить заповедь: *всяцем хранением блюди свое сердце,* мы должны, по первоначальному Божию повелению, заботливо *блюсти* ядоносную *главу* змия (Быт. 3), т. е. начатки злых помышлений, чрез которые диавол покушается вползти в нашу душу; чтобы, если глава его по нашему небрежению проникнет в наше сердце, не вползло туда и все тело его, т. е. не породилось из нечистых помышлений и согласие на греховное услаждение. Когда же враг будет впущен внутрь, то, пленив душу, всеконечно убьет ее ядовитым угрызением своим. Возникающих *на земле нашей грешни*ков, т. е. плотские чувства, также должны мы *избивать во утрия* их рождения (Пс. 100, 8), и *разбивать о камень* сынов Вавилона, пока еще они младенцы (136, 9). Ибо если не будут они избиты, пока еще нежны и слабы, то выросши, по нашему потворству, они с большою силою восстанут на нас, и – или погубят нас, или, если будут побеждены, то конечно не без больших воздыханий и трудов. Ибо *когда крепкий* т. е. дух наш, *вооружився хра-*

нит дом свой, т. е. охраняет покой сердца нашего Страхом Божиим, тогда *в мире суть имения его* (Лк. 11, 21), т. е. плоды трудов его и добродетели, долгим временем стяжанные. *Когда же крепльший его нашед победит его,* т. е. диавол чрез согласие с внушенными от него помыслами, тогда *все оружие его возмет, на неже упова,* т. е. памятование Писаний, или Страх Божий, – *и корысть его раздаст* (Лк. 11, 22), т. е. навыки в добродетелях развеет всякими противоположными им пороками.

34. *Сия есть,* говорит св. Павел, *воля Божия – святость ваша* (1 Фес. 4, 3). И чтоб не оставить в нас сомнения или темного непонимания, что именно называет он святостию, – правду ли, или любовь, или смирение, или терпение, – ибо всеми сими добродетелями приобретается святость, – он далее прямо обозначает, что собственно хотел назвать святостью: *сия есть воля Божия святость ваша, хранити себе самех от блуда, и ведети комуждо от вас свой сосуд стяжевати во святыни и чести, а не в страсти похотней, якоже и языцы неведущии Бога* (1 Фес. 4, 3–5). Смотри, какими похвалами превозносит он целомудрие, называя его честию сосуда, т. е. тела нашего, и святынею. Следовательно, напротив, кто пребывает в страсти похотной, тот находится в состоянии бесчестия и нечистоты и живет чуждо святости. – Немного ниже св. Павел еще прибавляет, опять называя целомудрие святостию: *не призва бо нас Бог на нечистоту, но во святость. Темже убо отметаяй* (презираяй сие), *не человека отметает, но Бога давшаго Духа Своего Святаго в нас* (там же – ст. 7, 8). Ненарушимую силу и важность придал он заповеди своей, когда сказал, – что кто отметает сие, т. е. то, что я сказал, тот не человека презирает, т. е. меня заповедающего сие, но Бога, во мне говорящего, Который и Духу Своему Святому назначил в обиталище сердце наше. Видишь ли, какими в простых словах похвалами превознес он сию добродетель! Во первых, ей собственно приписывает святость, потом утверждает, что ею сосуд тела нашего освобождается от всякой нечистоты; в третьих, что, извергши срамную нечистоту, сосуд сей будет пребывать в чести, как святыня; наконец, что есть самое высшее ее преимущество, чрез нее обитателем сердца нашего будет Дух Святый.

35. Приведу и другое подобное сему свидетельство того же Апостола. – Пиша к Евреям, он говорит: *мир имейте со всеми и святыню, еяже кроме никтоже узрит Господа* (Евр. 12, 14). И здесь также он ясно утверждает, что без святости, которую обыкновенно называет непорочностию и чистотою души и тела, совершенно невозможно видеть Бога.

36. Чем выше и небеснее есть достоинство целомудрия, тем сильнейшие вызывает оно наветы вражеские. Почему тем усиленнее должны мы соблюдать не только воздержание тела, но и сокрушение сердца с непрестанными молитвенными воздыханиями, чтоб пещь плоти нашей, которую царь Вавилонский непрестанно покушается поджечь поджож-

ками плотских подсад, непрестанно же угашать и охлаждать нисходящею в сердца наши росою Духа Святого.

37. Такое настроение можно нам удерживать постоянно, если будем всегда помнить, что Бог есть нощной и дневной зритель и знатель не только тайных дел наших, но и всех помышлений, – и веровать, что мы имеем дать Ему ответ и за все, что вращается в сердце нашем, как за все дела и поступки наши.

38. Чтоб даже во время сна нечистые грезы не оскверняли нас, для этого всегда надобно держать равномерно умеренный пост. Ибо кто нарушит разумную меру строгости в воздержании от пищи, тот потом непременно зайдет и за должную меру послабления себе в сем. С изменением же меры подкрепления себя пищею неизбежно должно изменяться и качество нашей чистоты. – Но при сем должно иметь постоянное смирение сердца и терпение, равно как внимательное предохранение себя в течение дня от гнева и прочих страстей. Ибо коль скоро западет в нас огнь гнева, то после легко проникнет к нам и жар похоти. Паче же всего необходимо бодренное блюдение себя ночью. Ибо как чистота и охранение себя днем предуготовляют чистоту ночную, так и ночная бодренность предпосылает сердцу равно как и вниманию к себе силу и крепость противостоять всему нечистому днем.

39. Можно ли совсем погасить огнь похоти, коей жар как бы врожденным чувствует в себе плоть наша? – Поищем наперед, что полагает о сем блаженный Павел. *Умертвите,* говорит он, *уды ваша, яже на земли* (Кол. 3, 5). Какие же это уды заповедует он умерщвлять? – Конечно, не руки и ноги или другие какие части отсекать; а истреблять тело греховное, о коем в другом месте говорит он: *да упразднится тело греховное плоти* (Рим. 6, 6), – и которое, как всякое другое тело, имеет и свои члены. Их-то и заповедует Апостол умертвить. А какие это именно, он тут же и перечисляет. – Ибо сказав: *умертвите уды ваша, яже на земли,* продолжает: *блуд, нечистоту, страсть, похоть злую и лихоимание, еже есть идолослужение.* Первый член – *блуд:* это грех плотского незаконного совокупления; второй член – *нечистота,* которая без всякого прикосновения к женщине иногда случается во время сна или и во время бодрствования; третий член – *страсть,* которая, находясь в сокровенности души, может воспламеняться и не по действию похотения в теле; четвертый член – *похоть злая,* которая может относиться не только к вышесказанной страсти нечистой, но и вообще ко всем пагубным вожделениям, и которая есть только болезнь развращенной воли; последним членом греховного тела ставит Апостол *лихоимание,* внушая, что не только должно воздерживаться от пожелания чужих вещей, но и свои надобно великодушно презирать, как действительно и поступало упоминаемое в Книге Деяний первое общество верующих (Деян. 4, 32, 35). Из всего сказанного делаю такое заключение: если многие ради

Христа отвергли свое имущество, так что не только обладание деньгами, но и желание их от сердец своих отсекли, то следует, что таким же образом можно погасить и блудное разжжение. Ибо Апостол не соединил бы невозможного дела с возможным. Но признавая то и другое возможным, заповедал равно то и другое умертвить. – И настолько блаженный Павел уверен был в возможности искоренить блудную страсть из членов наших, что не только заповедал умертвить ее, но повелел, чтоб даже и имя ее не было произносимо между нами, говоря: *блуд же и всякая нечистота и лихоимство ниже да именуются в вас, якоже подобает святым: и сквернословие, и буесловие, или кощуны, яже не подобная* (Еф. 5, 3, 4). Потому не может быть сомнения, что страсть блуда может быть истреблена из членов наших, – так как Апостол повелел отсекать их так же, как и любостяжание, суесловие, смехотворство, которых отсечение удобно.

40. Впрочем, мы должны знать, что хотя бы мы соблюли всю строгость воздержания, и именно, – голод, жажду, бдение, постоянный труд, – и с неослабным усердием занимались чтением душеспасительных книг; не можем однако ж сами, посредством этих подвигов, приобресть непрерывную чистоту целомудрия, если не придет к нам на помощь особенная благодать Божия. Да ведает всяк, что он должен неутомимо упражняться в сказанных подвигах только для того, чтобы терпеливо переносимою прискорбностию от них, приклонив к себе милосердие Божие, сподобиться Божественного дара освобождения от брани плоти и от господства преобладающих страстей, а не в той надежде, будто он сам собою посредством их может достигнуть несокрушимой чистоты целомудрия телесного, которого так желает и ищет.

41. Желания настоящих вещей не могут быть подавлены или отвергнуты, если вместо них не будут восприняты другие спасительные. Потому если желаем истребить плотские вожделения из сердец наших, то на место их должны поскорее насадить желания духовные, чтобы дух наш, всегда стремясь к предметам их, не имел ни охоты, ни времени обращать внимание на прелести преходящих радостей земных. И когда дух наш каждодневными упражнениями в духовном делании установится в таком настроении отрешения от всего, тогда опытно уразумеет и силу следующего стишка, который и все мы нередко повторяем, но силу которого ведают лишь немногие опытные: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8). Только тот действительно постигает силу и смысл сего стиха, кто, достигнув до той чистоты тела и духа, о коей говорим, сознает, что он в каждую минуту охраняется Господом, чтобы опять не уклонился на прежнее, и что десница его, т. е. святые действия, постоянно ограждается Им. Ибо Господь всегда присущ Святым Своим не по левую сторону, – потому что Святый муж не имеет ничего левого, т. е. худого, – но по правую. А для

грешников и нечистых Он бывает невидимым, потому что они не имеют правой стороны, на которой Он обыкновенно бывает присущ.

42. Много степеней целомудрия, по которым восходят к непоколебимой чистоте. Лествицу такого усовершенствования целомудрия я разделю на шесть степеней, которые однако ж в действительности проходятся незаметно, по подобию наших тел, которые в каждый день нечувствительно получают себе приращение и без нашего ведома вырастают до совершенного своего вида. – *Первая* степень целомудрия есть, – если монах не подвергается возмущению плотской похоти в бодрственном состоянии; – *вторая,* – если ум не замедляет в сладострастных помыслах; *третья,* – если при виде женщины нимало не тревожится вожделением; *четвертая,* – если в бодрственном состоянии не допускает и простого движения плотского, *пятая,* – если и самое тонкое согласие на плотское действие не ранит ума, когда рассуждение или чтение приведет на память человеческое рождение; *шестая,* – если даже и во сне не бывает возмущаем соблазнительными мечтами о женщинах.

43. Полная целомудренная чистота от начатков воздержания от похотных мыслей и движений отличается совершенным успокоением плотских возбуждений и покоем от них. Совершенно созревшее целомудрие всегда хранит невозмутимою и неколебимою чистоту тела и души, и есть ни что иное, как святость. Это бывает, когда *плоть,* перестав *похотствовать на духа,* начинает согласоваться с его желаниями и добродетелию, и когда они оба соединятся между собою твердым миром, и, по изречению Псалмопевца, как братья станут жить вкупе (Пс. 132, 1). – Тогда и Бог с ними бывает; ибо говорится, что *в мире место Его* (Пс. 75, 3), – т. е. не в шуме брани и борьбы со страстями, а в мире целомудрия и в постоянном покое сердца. Почему когда кто, чрез погашение плотских страстей, сподобится стяжать это место мира, то в то же время сделается и жилищем Божиим.

Борьба с духом сребролюбия

44. Третья борьба предстоит нам с духом сребролюбия, – со страстию чуждою и не свойственною нашей природе, и в монахе порождающеюся не от чего другого, как от малодушия слабо-энергичной души и не как следует настроенной, и большею частию от худо положенного начала отречения от мира, в основе коего не лежала горячая любовь к Богу. Прочие движения страстей, кажется, в нас самих имеют начало, будто насажденные в человеческой природе и некако внедренные в плоть. Они, будучи современны нашему рождению, движением своим предваряют проявление в нас способности различать добро и зло, – и препобеждаются не иначе, как долгим трудом.

А эта болесть (сребролюбие) позднее их привходит и совне навязывается душе; почему легче может быть предотвращена и извергнута. Но если по беспечности она будет пренебрежена и однажды впущена в сердце, то бывает более всех гибельна и труднее всех изгоняема: ибо соделовается корнем всех зол (1 Тим. 6, 10), служа источником возбуждения разных страстей.

45. Эта страсть, если улучит власть над малодушною и холодною душою монаха, то сначала побуждает его к малому стяжанию, во впечатлительных картинах описывая ему некоторые будто справедливые и разумные причины, по коим ему необходимо или уберечь для себя несколько денег при отречении от мира, или приобрести после того. Того, жалуется она, что дается в монастыре, недостаточно, и едва сносно для здорового и крепкого тела. Что будешь делать, если приключится телесная болезнь, а у тебя не будет припрятано что-нибудь на случай, чем бы пособить себе в немощи? Содержание монастырское прескудно, небрежение же о больных превеликое. Если ничего собственного не будет у тебя, что можно бы употребить на поправление телесного здоровья, то придется тебе умереть жалким образом. – Да и самая одежда, доставляемая монастырем, недостаточна, если не промыслишь иметь нечто, на что мог бы достать себе другую. Наконец нельзя бывает все время прожить в одном и том же монастыре; а в таком случае, если не приготовишь себе денег на путевые расходы и переправу чрез море, то не возможешь, когда захочешь, переселиться оттуда, и таким образом будучи стеснен крайнею бедностию, постоянно будешь влачить жизнь работническую и жалкую без всякого успеха. – Когда такими помыслами опутает ум свой монах, тогда начинает придумывать, как бы приобресть хоть один динарий; и с этою целию приискивает какую-либо частную работу, которую и исполняет со всею заботливостию без ведома аввы своего. Продав ее потом тайно и получив желанную монету, в страхе за нее суетится он и хлопочет, где бы ее положить или чьему бы хранению ее вверить; а между тем уже начала точить его еще острейшая забота, как бы удвоить эту монету, – и он напряженно строит важные планы, что бы такое купить на нее, и какой бы с нею употребить для сего оборот. Когда же и это удастся ему по его желанию, тогда у него возникает жаднейшая алчба золота, которая затем все тем сильнее и сильнее разгорается, чем большее количество прибыли получается: ибо с умножением денег увеличивается и неистовство страсти к ним. В поджожку ей приходят далее и другие заботливые помышления: обещается долгая жизнь, преклонная старость, немощи разные и продолжительные, которых в старости и перенести не будет возможности, если в ранние лета не заготовишь побольше денег. – Так несчастная душа, связана будучи узами сей змеи (сребролюбия), все далее и далее влечется в желании с непотребною заботою умножать не добре начатое собрание имущества, сама в себе по-

рождая заразу, которая все жесточе и жесточе пожирает ее, подобно пламени. Будучи вся поглощена корыстолюбным помыслом, она ни на что не обращает сердечного воззрения, кроме того, откуда могла бы достать денег, чтоб с ними поскорее улететь из-под ига монастырской строгости. Коль скоро блеснет ей какая-либо надежда на получение денег, – тут она ничем уже не дорожит: из-за нее она не погнушается ни ложью, ни клятвопреступлением, ни воровством, ни нарушением верности. Словом, – золото и чаяние корысти во всем бывает для нее богом, как для иных чрево. Почему блаж. Апостол, провидя пагубный яд сей болезни, назвал ее не только корнем всех зол, но и идолослужением, говоря: *и любостяжание* (умертвите), *еже есть идолослужение* (Кол. 3, 5).

46. Есть три вида этого недуга, которые всеми отцами с одинаковым отвращением осуждаются: один тот, гибельность которого мы выше описали, – который, обольщая некоторых несчастных, убеждает их собирать то, чего они и прежде не имели, когда жили в мире; второй тот, который побуждает опять возжелать и возвратить то, что оставили в начале своего отречения от мира; третий тот, который, зарождаясь при самом не добре полагаемом начале иночества, приемлемого с несовершенным от всего отречением, не допускает тех, которых успеет заразить этою холодностию душевною, совершенно обнажить себя от всех достояний мирских, устрашив их скудостию всего вперед и расслабив неверием: им потом, за удержание при себе денег и другого имущества, которые должны были оставить, отрекаясь от мира, никак не дает уже оно достигнуть Евангельского совершенства. – И в Святом Писании находим мы примеры осуждения этих трех видов падения с нелегкими для них наказаниями. Так Гиезий, желая получить то, чего и прежде не имел, не только не удостоился получить благодать пророчества, которую имел получить от учителя своего как бы по наследственному преемству, но и поражается проказою по проклятию Елисееву (4 Цар. 5, 21, 27). Иуда же, желая возвратить себе деньги, которые прежде, последовав за Христом, отверг, не только впал в предательство Господа и потерял сан апостольства, но и жизнь свою общим исходом окончить не удостоился, заключив ее самонасильственною смертию (Мф. 27, 5); а Анания и Сапфира, удержав некоторую часть из того, чем владели, из уст апостольских наказываются смертию (Деян. 5, 1-11).

47. Об этих, которые отреклись от мира, но потом, быв побеждены неверием, боятся оставаться обнаженными от всякого земного имущества, таинственно предписывается во Второзаконии: *кий человек страшлив и слаб сердцем* (да не исходит на войну) *да идет и возвратится в дом свой; да не устрашит сердца брата своего, яко сердце свое* (Втор. 20, 8). Что, спрашивается, очевиднее этого пророчества? Не явно ли желает Св. Писание, чтоб они лучше и начала не полагали такому званию, и имени его не принимали на себя, чем и других своим словом и худым

примером расслаблять неверным страхом своим и отклонять от Евангельского совершенства. Итак им повелевается, чтобы уходили с брани и возвращались в дом свой, потому что с раздвоенным сердцем никто не может сражаться на войне Господней. Ибо *муж двоедушен не устроен во всех путех своих* (Иак. 1, 8). И вникая в смысл той Евангельской притчи, – в коей говорится, что царь, вышедший с десятью тысячами против другого, шедшего на него с двадцатью тысячами, не надеясь иметь успех в сражении с ним, пока еще тот далече был от него, послал просить мира (не желая, очевидно, и начинать сражения), приходим к тому же заключению, что и означенным выше лицам лучше совсем не полагать начала отречению от мира, чем, начавши, после выдерживать его не усердно и не во всей точности, подвергая себя чрез то большой опасности. Ибо, как говорит Премудрый, *благо тебе еже не обещавати́ся, нежели обещавшуся тебе, не отдати* (Еккл. 5, 4). Хорошо здесь говорится, что этот с десятью тысячами идет, а тот с двадцатью. Ибо число страстей, нападающих на нас, больше числа добрых расположений, сражающихся за нас. Но *никтоже может… Богу работами и мамоне* (Мф. 6, 24), и: *никтоже возложъ руку свою на рало, и зря вспять, управлен есть в Царствии Божии* (Лк. 9, 62).

48. Такие обыкновенно позволительность для себя подобного прежнему любостяжания стараются оправдать авторитетом Св. Писания. Истолковывая его в неправом смысле, они с радостию готовы извратить и по своему желанию изменить мысль Апостола и даже Господа, не свою жизнь или разумение приспособляя к смыслу Писания, по Писанию делая насилие по желанию своего самоугодия. Желая и в настоящем случае показать, что Писание согласно с их мнением, они говорят: – написано: *блаженнее есть паче даяти, нежели приимати* (Деян. 20, 35). Превратнейшим образом понимая сии слова, они полагают, что ими совершенно уничтожается сила того изречения, в коем говорится: *аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим: и имети имаши сокровище на небеси: и гряди вслед Мене* (Мф. 19, 21). Думают они, что по такой благовидности им не должно оставлять свое богатство, и провозглашают себя блаженнейшими паче оставивших его, когда, будучи сами обеспечены прежним имуществом, от избытка его уделяют и другим; между тем как стыдятся воспринять со Апостолом славную нищету ради Христа и не хотят довольствоваться трудами рук своих и монастырским скудноватым содержанием. Им остается одно из двух: или сознать себя самопрельщенными и никогда не отрекавшимися от мира, когда так пристрастны к прежнему богатству; или, если хотят самым делом и трудами испытать монашеское звание, все отвергнуть и расточить, чтоб, ничего не удерживая при себе из того, от чего отреклись, хвалиться со Апостолом голодом и жаждою, холодом и наготою (2 Кор. 11, 27).

49. Ходит изречение св. Василия, епископа Кесарийского, которое он сказал одному сенатору, цепеневшему такою, о коей у нас речь, холодностию, – который, говоря, что отрекся от мира, удержал при себе нечто из своего имущества, не хотя содержать себя трудами рук своих и обучаться истинному смирению скудостию во всем, прискорбным трудом и монастырскою подчиненностию. – «И сенатора, сказал он ему, ты потерял, и монахом не сделался».

50. Итак, если хотим законно подвизаться духовным подвигом, то изгоним из сердец наших и этого губительного врага, – которого сколько победить не велико, столько быть от него побежденным бесчестно и безобразно. Ибо быть поражену сильным хотя больно, по причине повержения долу, и сожалетельно, по причине потери победы; но в таком случае для побежденных некое исходит утешение из сознания сильности противника. Если же придется это испытать, когда и противник плохенькой, и род ратоборства не труден; тогда гораздо больнейшей боли повержения долу будет причинен унизительный стыд, и гораздо тяжелейший урона срам.

51. Окончательной победы и совершенного торжества над этим врагом можно ожидать только тогда, когда совесть монаха не будет запятнана обладанием даже малейшей монеты. Для того же, кто увлекшись хотя бы то маленьким денежным подарком, однажды воспринял в сердце свое корень любостяжательной похоти, невозможно тотчас же не загореться огнем желания большего. И воин Христов до тех пор будет победителем, будет находиться вне всякой опасности, недоступным нападению сей страсти, пока сей непотребнейший дух не посеет в сердце его начатков своей похоти. Почему, как во всех родах страстей главным образом надобно блюсти главу змия, так особенно в отношении к этой надлежит тщательнейшие держать предосторожности, чтоб как-нибудь не проникла внутрь глава ея. Ибо если она будет впущена внутрь, то своею же материею питаясь и приходя в силу, сама по себе разожжет чрезмернейший пожар. И потому не только обладания деньгами надобно опасаться, но и самое желание их совсем надлежит исторгнуть из души; и не столько избегать дел сребролюбия, сколько отсекать с корнем страсть его: ибо никакой пользы не принесет нам неимение денег, если в нас будет желание иметь их.

52. Возможно и не имеющему денег не быть свободну от болезни сребролюбия; и никакой пользы не принесет действие обнажения себя от всего тому, кто не смог отсечь страсти любостяжания, усладившись делом обнищания, а не самою добродетелию нищеты, и не без туги сердца помирясь с тяжелою необходимостию (так поступить). Ибо как иных телом не осквернённых Евангельское слово провозглашает нечистыми сердцем (Мф. 5, 28), так и нисколько не обремененным тяжестию денег возможно быть осужденными вместе со сребролюбцами, по серд-

цу и уму. Им недоставало только случая к стяжанию, а не воли, которая в очах Божиих всегда имеет более веса, чем необходимость. Почему нам надобно всячески заботиться, чтобы плоды трудов наших не пропали даром: ибо достойно сожаления – последствия обнажения себя от всего и обнищания терпеть, а плоды сего терять по причине бесплодного грешного пожелания воли.

53. Хочешь ли знать, какие пагубные плоды приносит и какие разветвления других страстей пускает из себя эта страсть на пагубу того, кто ее воспримет, – если не будет тщательно истреблена? Посмотри на Иуду, причисленного к сонму апостолов! Как она его, – не похотевшего стереть смертоносную главу сего змия, – сгубила ядом своим, – опутав сетями вожделения своего, в какую стремнистую пропасть преступления низвергла, когда научила за тридцать сребренников продать Искупителя мира и Виновника человеческого спасения? Он никак не был бы доведен до такого безбожного дела предательства, если б не был заражен болестью сребролюбия, и не сделался бы святотатственным виновником убиения Господа, если б прежде не привык окрадывать вверенный ему ковчежец.

54. Вот разительнейший пример тиранства этой страсти, которая, как мы сказали, однажды плененной ею душе не попускает уже соблюдать никакого правила честности, и никаким увлечением прибытка не дает насытиться. Ибо конец неистовству ее полагается не разбогатением, а обнажением себя от всего. Вот и этот самый Иуда, получив в свое распоряжение назначенные для раздаяния бедным влагалища, с тем чтобы насытившись обилием этих денег, по крайней мере умерил свою страсть, таким напротив непомерным разгорелся возбуждением страсти, что не только окрадывал тайно влагалища, но и Самого Господа продать восхотел. Ибо неистовство сей страсти не насыщается никакою громадностию богатства.

55. Посему-то св. апостол Петр, зная, что имеющему что-либо по страсти невозможно уже удержать в должных пределах любостяжание, и что конец сей страсти полагает не сумма малая или большая, а совершенное от всего обнажение себя, смертию наказал Анания и Сапфиру за то, что они нечто удержали для себя из своего имения. И погибли они за ложь по любостяжанию, как Иуда сам себя погубил по вине предания Господа. Какое между ними сходство в преступлении и в наказании! Там сребролюбие привело к предательству, а здесь ко лжи. Там истина предается, а здесь совершается грех лжи. Хотя действие греха там и здесь по-видимому не сходно, но они оба сходятся в одинаковой цели. Тот, чтоб избавиться от бедности, воспохотствовал снова поиметь то, что было отверг; а эти, чтоб не сделаться бедными, покусились удержать для себя нечто из имения своего, которое должны были или апостолам все верно принести, или все раздать братиям. От того-то в том и другом

случае и последовало одинаковое наказание смертию, что тот и другой грех произрос из одинакового корня сребролюбия. – Если теперь (сделаем дальнейшее наведение) на тех, которые не чужих стяжаний воспохотели, но свои собственные покусились приберечь и не имели вожделения стяжевать, а только желание уберечь, исшел такой строгий приговор; то что сказать о тех, которые вожделевают собирать деньги, которых никогда не имели, и выказывая пред людьми нищету, пред Богом оказываются богатыми по страсти любостяжания.

56. Любостяжателей должно признавать прокаженными духом и душою, подобно Гиезию, который, вожделев тленных денег мира сего, поражен был заразительною нечистою проказою. Ею-то он и оставил нам очевидное указание на то, что душа, осквернённая преступною страстию к любостяжанию, поражаема бывает духовною заразою страстей, и имеется пред очами Господа нечистою с вечным проклятием.

57. Итак, если, стремясь к совершенству, оставил ты все и последовал Христу, вняв слову Его: *иди, продаждь имение твое и даждь нищим: и имети имати сокровище на небеси: и гряди вслед Мене* (Мф. 19, 21), то зачем, возложив уже руку на рало, озираешься вспять, чтоб словом Того же Господа провозглашену быть не гожим для Царствия Небесного (Лк. 9, 62)? Поставленный на кровле, – высоте Евангельского совершенства, – для чего сходишь опять в дом свой, чтоб взять оттуда что-либо из того, что прежде того так охотно презрено тобою (Лк. 17, 31)? Поставленный на поле делания добродетелей, зачем опять усиливаешься облечь себя бременем мирского стяжания, от которого ты обнажил себя при отречении от мира? – Если же ты тогда, бедностию предупрежденный, не имел что оставить; то тем менее следует тебе теперь приобретать то, чем прежде не владел. Это, по особенному Божию благоволению к тебе, ты так приготовлен был (бедностию к отречению от мира), – для того, чтоб не воспящаемый никакими путами стяжаний, тем поспешнее ты притек к Нему. Впрочем, да не унижается никто из бедных за это (что не имеет что оставить); ибо никого нет, кто бы не имел, что оставить. От всех стяжаний мира отрекся тот, кто с корнем отсек самую страсть к приобретению их.

58. Эту добродетель нестяжательности сохранить целою и неповрежденною мы иначе не можем, как живя в монастыре, если, по Апостолу, *имея пищу и одежду, сими довольны будем* (1 Тим. 6, 8).

59. Итак, держа в памяти осуждение Анании и Сапфиры, убоимся удерживать что-либо из того, что совершенно оставить дали обет, намереваясь отрещись от мира. Страшась также примера Гиезия, который за грех сребролюбия наказан неисцельною проказою, поопасемся стяжевать то, чем прежде не владели. Равно ужасаясь как злодеяния Иудина, так и исхода его, будем всеми силами избегать собирания снова денег, от которых отказались однажды навсегда. – Сверх же всего этого, по-

мышляя о смертности нашего естества и неизвестности часа смертного, поопасемся, чтобы день Господень, наступив, как тать в нощи, не застал нашей совести запятнанною стяжанием хотя бы и одного овола; ибо он и один, упразднив все плоды нашего мироотречения, сделает, что сказанное в Евангелии богачу гласом Господа будет обращено и к нам: *безумне, в сию нощь душу твою истяжут от тебе, а яже уготовал еси, кому будут* (Лк. 12, 20)?

И нимало не думая о завтрашнем дне, никак не попустим себе уклониться от устава общежития. Чего без сомнения мы никак не сможем исполнить, не сможем также мирно прожить под правилами монастырского устава, если в нас не будет прежде на прочном основании утверждена добродетель терпения, источником коего служит не другое что, как смирение.

Борьба с духом гнева

60. В четвертой брани предлежит нам с корнем исторгнуть из глубины нашей души смертоносный яд гнева. Ибо доколе он гнездится в сердцах наших и ослепляет око ума нашего пагубным мраком, дотоле мы не можем ни стяжать правильного различения добра и зла и остроты досточестного созерцания, ни обладать зрелостию совета, ни быть причастниками жизни, ни держаться неуклонно правды, ни даже воспринимать истинный духовный свет; ибо сказано: *смятеся от ярости око мое* (Пс. 6, 8); не можем соделаться причастниками мудрости, хотя бы мнением всех были провозглашаемы премудрыми, так как *ярость почивает в недре безумных* (Еккл. 7, 10); не можем достигнуть и жизни долговечной, хотя бы по определению людей почитаемы были разумными, потому что *гнев губит и разумных* (Притч. 15, 1); не сможем всегда добре держать весы правды по указанию сердца, ибо *гнев мужа правды Божией не соделовает* (Иак. 1, 20); ни коим образом не можем обладать и важною почтенностию, так обычною даже и между людьми века сего, хотя бы по преимуществам рождения почитаемы были знатными и почтенными, так как *муж ярый не благообразен* (Притч. 11, 25), никак не можем обладать и зрелостию совета, хотя бы казались стяжавшими обширные познания, ибо *острояростный без совета все творит* (Притч. 14, 17); не можем быть покойны от тревог и смущений, и свободны от грехов, хотя бы от других вовсе не было нам причиняемо беспокойств, так как *муж гневливый* (сам после) *воздвигает свар: муж же ярый открывает* (обнаруживает не стыдясь) *грехи* (Притч. 29, 22).

61. Некоторые, усиливаясь извинить эту пагубную болезнь души, покушаются умалить ее (непотребность) при помощи непотребнейшего толкования Писаний, говоря: не беда, если гневаемся на братий погрешающих, так как и Сам Бог воспламеняется гневом и яростию против

тех, которые или не хотят знать Его, или зная не чтут как должно, – как например: *и разгневася яростию Господь на люди Своя* (Пс. 105, 40), или как в другом месте, где пророк молится, говоря: *Господи, да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гневом Твоим накажеши мене* (Пс. 6, 2). – И не разумеют они, что вместе с тем, как чрез это дают людям свободу действовать по сей страсти на пагубу себе, еще и Богу беспредельному, Источнику всякой чистоты, нечестиво приписывают нечистую плотскую страсть.

62. Если эти и подобные места Писания понимать буквально, в грубом чувственном значении; то выйдет, что Бог спит и пробуждается, сидит и ходит, обращается к кому и отвращается от него, приближается и удаляется, – и члены телесные имеет – главу, очи, руки, ноги и под. – Как этого всего без крайнего святотатства нельзя буквально разуметь о Том, Кто, по свидетельству Писания же, невидим, неописуем, вездесущ: так без богохульства нельзя приписывать Ему и возмущение гневом и яростию. Под названием телесных членов и движений обозначаются Божественные свойства и промыслительные о нас действия, которые мы удобнее можем понять под сими уподобительными названиями: очи означают Божие всевидение и всеведение; руки и ноги – Его творчество и промышление, мышцы – силу и вседержительство и проч. Так и о гневе или ярости Божией когда читаем, должны разуметь то не человекообразно, но достойно Бога, чуждого всякого возмущения, – именно под этим понимать, что Он есть Судия и праведный воздаятель за все, не право делаемое в мире сем, и устрашаясь при чтении такого рода изречений праведного наказания Божия, всячески остерегаться делать что-либо противное воле Его.

63. Да будет убо монах, стремящийся к совершенству и подвигом духовным законно подвизаться желающий, чужд всякого движения страсти гнева и ярости, слыша, что заповедует ему избранный сосуд: *всякая горесть, и гнев, и ярость, и клич, и хула, да возметься от вас со всякою злобою* (Еф. 4, 31), – который, говоря: *всякий гнев да возметься от вас,* не изъял из-под такого приговора никакого движения гнева, будто необходимого или полезного. Почему монах и поспешая, если необходимо, врачевать согрешающего брата, пусть делает это так, чтоб, когда заботится подать лекарство страждущему очень легкою, может быть, лихорадкою, разгневавшись, не ввергнуть себя самого в худшую того болезнь ослепления. Ибо тому, кто хочет залечить рану другого, надо самому быть здорову и свободну от всякой болезни, чтоб не сказано было ему оное Евангельское слово: *врачу, исцелися сам* (Лк. 4, 23), – также: *что видиши сучец, иже во оце брата твоего, бервна же, еже есть во оце твоем, не чуеши? Или какоречеши брату твоему: остави, да изму сучец из очесе твоего, и се бервно во оце твоем* (Мф. 7, 3, 4)!

64. От какой бы причины ни возгоралось движение гнева, оно ослепляет очи сердца и, налагая покров на остроту умного зрения, не дает

видеть Солнца правды. Все равно, золотой ли лист, или свинцовый, или из другого какого металла наложен будет на глаза, ценность металлов не делает разности в ослеплении. – Бывает, впрочем, от гнева и услуга нам очень пригодная, когда рассерживаемся, досадуя на сладострастные движения нашего сердца, и негодуем, что в тайниках нашей груди поднимается то, что делать или о чем даже говорить стыдимся пред людьми, трепеща от страха при мысли о присутствии Ангелов и Самого Бога, везде и все проницающего, и о всевидящем Оке Божием, от Которого никак не могут укрыться никакие тайны нашей совести. Или когда против этого самого гнева рассерживаемся, зачем он вкрался, возбуждая нас против брата, и с гневом извергаем пагубные его внушения, не давая ему назло нам укрываться в тайниках груди нашей. Так гневаться научает нас и пророк, который столь решительно отревал от своих чувств эту страсть, что и врагам своим явным, даже от Бога преданным в руки его, не хотел воздавать воздаяние. Так, когда Семей, бросая камни в царя Давида, в слух ему злословил его пред всеми, и Авесса, сын Саруин, в отмщение за такое оскорбление царя, хотел отъять его голову, блаженный Давид, подвигшись благочестивым негодованием против такого его внушения, сохранил непоколебимою свою кротость и показал образец смирения и твердого терпения, говоря: *что мне и вам, сынове Саруины? Оставите его, и тако да проклинает, яко Господь рече ему проклинати Давида: и кто речет: почто сотворил еси тако? Се сын мой, изшедший из чрева моего, ищет души моея, а кольми паче сын Иеминиев; оставите его проклинати мя, яко рече ему Господь. Негли призрит Господь на смирение мое, и возвратит ми благая, вместо клятвы его в днешний день* (2 Цар. 16, 10–12).

65. Таким образом нам разрешается гневаться, но спасительно, т. е. на себя самих и на привходящие худые помыслы, – *гневаться* на них, и *не согрешать,* т. е. не приводить их в дело на пагубу себе. Этот же самый смысл яснее выражает и следующий стишок: *яже глаголете в сердцах ваших, на ложах вашихумилитеся* (Пс. 4, 5), т. е. что помышляете вы в сердцах своих по причине вторжения внезапных удобосмутительных внушений, то, после того как мирным рассуждением успеете утишить всякий шум и бурность гнева и как бы на покойное возлечь ложе, исправляйте и заглаждайте спасительным сокрушением. И блаженный Павел, воспользовавшись указанием этого стишка, после того как сказал: *гневайтеся и не согрешайте,* прибавил: *солнце да не зайдет во гневе вашем: ниже дадите место диаволу* (Еф. 4, 26, 27). Если пагубно допускать, чтоб Солнце Правды заходило во гневе нашем, и если мы, разгневавшись, тотчас даем место диаволу в сердце своем, то как пред этим повелел гневаться, говоря: *гневайтеся и не согрешайте?* Не явно ли он выражает сим следующее: гневайтесь на свои страсти и на самый гнев ваш, чтоб иначе, при вашем потворстве, не начало в омраченных

гневом умах ваших заходить Солнце Правды – Христос, и с отхождением Его не дали вы места в сердцах ваших диаволу.

66. В иносказательном смысле под солнцем можно понимать разум, который справедливо называется солнцем, ради того что освещает все помышления и стремления сердца нашего, – и под запрещением гнева видеть заповедь не погашать сего светила страстию гнева; чтоб, с захождением его, не занял всего сердца нашего мрак бурного смятения с производителем его диаволом, и мы, объятые тьмою гнева, не остались, как бы в темную ночь, в неведении, что нам делать. В таком смысле понимать это место Апостола предано нам в наставлениях старцев, которые не дозволяют нам допускать даже на один момент вкрадываться в сердце наше гневу, всевозможно блюдясь попасть под кару, изреченную на это в Евангелии: *всяк гневаяйся на брата своего, повинен есть суду* (Мф. 5, 22). – Притом, если б позволительно было продолжать гневаться до захождения солнца, страсть гнева, пользуясь таким разрешением, всегда спешила бы удовлетворять своему мщению, будто законно, прежде чем солнце познает запад свой.

67. Что же сказать о тех, коих неумолимости не полагает предела даже само заходящее солнце; но которые многие дни держат злобу на тех, против коих рассердились? Пусть они на словах иногда говорят что не гневаются, но дела нередко явно обличают в них сильное негодование, когда, например, они не обращаются к ним с приличною речью и не разговаривают с обычною ласковостию. Им думается, что они при этом не грешат, потому что не ищут отмщения своему раздражению. Но они только не смеют или не могут обнаружить его, в сердце же кипят им, и молча переживают его, и чрез то обращают яд гнева в свою пагубу; они не изгоняют тотчас силою души горечь досады, но переваривают ее в течение многих дней и кое-как со временем немного укрощают.

68. Как будто не удовлетворяет уже своему мщению и досаде тот, кто из внушаемого гневом исполняет только что может! Так и делают те, которые сдерживают гневные движения не по желанию миролюбия, а по немощи мщения, срывая его однако ж чем могут. Ибо не имея возможности причинить тем, на коих рассердились, ничего более, как чтоб не говорить с ними с обычною ласковостию, этим и срывают свое на них сердце. Как будто довольно умерять гнев в обнаружении его делом, а исторгать его из тайников сердца нет нужды, – чтоб, омрачившись его тьмою, не лишиться здравой рассудительности и света ведения и не перестать быть храмом Духа Святого, при обитании в нас духа гнева. Ибо затаенный в сердце гнев, хотя людей предстоящих не оскорбляет, но светлейшее сияние Духа Святого выживает все равно как и гнев обнаруженный.

69. И как можно думать, что Бог послабляет нам хоть одну минуту держать гнев, когда Он не дозволяет приносить жертвы духовных молитв наших, если сознаем не то, что мы гневаемся на другого, а что дру-

гой имеет нечто на нас, говоря: *аще принесеши дар твой ко олтарю, и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя: остави ту дар твой пред олтарем, и шед прежде смирися с братом твоим и тогда пришед принеси дар твой* (Мф. 5, 23, 24)? – Как же думать, что нам дозволяется держать скорбь на брата, не говорю, многие дни, но хоть бы до заката солнца, если, даже тогда как он имеет нечто на нас, не дозволяется нам приносить молитвы свои Богу, – нам, которым от Апостола заповедуется: *непрестанно молитеся* (1 Фес. 5, 17), и: *хощу, да молитвы творят мужие на всяком месте, воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления* (1 Тим. 2, 8)? – Итак, если будем держать такой яд в сердцах своих, то нам остается – или никогда не молиться и таким образом быть виновными пред Апостольскою и Евангельскою заповедию, коею повелевается нам непрестанно и на всяком месте молиться, – или, – если как-нибудь обморочивая себя, дерзнем изливать молитву свою, несмотря на запрещение ее, – знать, что в таком случае не молитву Господу приносим, а изъявляем гордую непокорность, в духе бунта против Него.

70. Но что нам долее останавливаться на Евангельских и Апостольских заповедях, когда и Ветхий Закон, который, кажется, несколько послабляет немощам нашим, тоже предостерегает от него, говоря: *да не возненавидиши брата твоего во уме твоем* (Лев. 19, 17), – и опять: *путие злопомнящих в смерть* (Притч. 12, 28), – и еще: *да не отмщает рука твоя, и да не враждуеши на сыны людей твоих* (Лев. 19, 18)? – Видишь, что и там неблагорасположенность к братиям отсекается не в деле только, но и в тайных помышлениях, когда повелевается с корнем извергать из сердца ненависть и за обиду не только не воздавать, но даже и не помнить о ней.

71. Иногда побежденные гордостию или нетерпением, когда чувствуем особое внутреннее понуждение исправить свой нестройный и беспорядочный нрав, жалуемся в себе, что не достает нам пустыни, в том, подразумевается, чаянии, что там, не будучи никем тревожимы, тотчас приобрели бы мы добродетель терпения, извиняя очевидно тем свое нерадение (об укрощении порывов гнева) и причину возбуждения их не своему приписывая нетерпению, а слагая на братий. Но если мы будем таким образом на других слагать причины нашей в сем неисправности, то никогда не возможем прийти в должную меру терпения и совершенства. Дело исправления и умирения сердца нашего не помещай в руках произволения другого, нашей власти нимало не подлежащего, но соблюдай его в благонастроении нашего произволения. Чтобы нам не приходить в гнев, это должно зависеть не от совершенства другого, но от нашей добродетели, стяжеваемой не чужим терпением, а собственным великодушием.

72. К тому же искать пустыни следует совершенным и очищенным от всякой страсти, или по выварении начисто всех страстей в обществе

братий, и вступать в нее не по малодушному бегству, а по желанию достигнуть высоты Божественного созерцания, которая и совершенными не может быть иначе приобретена, как в пустыне. Ибо какие страсти перенесем мы в пустыню не уврачеванными, те будут чувствоваться скрытыми в нас, а не истребленными. И пустынь как для очищенных сердцем приберегает чистейшее созерцание и в приискреннейшем видении открывает ведение духовных таин, так обыкновенно и страсти тех, кои не очистились от них, не только сохраняет, но еще усиливает. В таком случае иной дотоле кажется себе терпеливым и смиренным, пока ни с каким человеком не видается и не входит в сношение; но тотчас возвращается к прежнему своему нраву, как только какой-либо случай вызовет его к движению: тогда тотчас выникают из него страсти, которые скрывались и, как необузданные кони, откормленные в долгом бездействии, с большим стремлением и неистовством вырываются из своих затворов на погибель своего всадника. Ибо страсти, не будучи наперед очищены, более неистовыми делаются в нас, когда пресекаются случаи обнаружения и обуздания их среди людей. И самую тень терпения, которым, как воображалось, мы, живя в смешении с братиями, по-видимому обладали и которое проявляли по крайней мере из уважения к ним и стыда показаться пред всеми малодушными, теряем мы в беззаботной пустыне беспечности.

73. Подобно это тому, как все роды ядовитых змей или зверей, пока укрываются в пустыне и в своих норах и логовищах, не вредят, – и однако ж не провозглашаются из-за того безвредными, что никому в таких случаях не вредят: ибо это бывает тогда не по доброкачественности их, а потому что такими быть необходимо вынуждает их пустыня; как же скоро улучат они возможность вредить, тотчас износят и обнаруживают скрывающиеся в них яд и зверство. – Так-то и ищущим совершенства не довольно не гневаться на людей (когда нет с ними сношений и столкновений. Гнев при этом жив, только притаился, и готов тотчас обрушиться на что ни попало). Припоминаю, как, живя в пустыне, рассерживался я иногда на писчую трость, если не нравилась толстота или тонкость ее, – иногда на ножичек, если, когда режешь им, он, затупившись, не скоро резал, – иногда на кремень, если не скоро вылетала из него искра огня, когда спешишь к чтению; и движение негодования при этом вторгалось иногда такое, что невольно вырывалось из уст проклятие на бездушную вещь, или уж непременно на диавола: чем и испарялось смущение, – и душа успокаивалась. Таким образом в деле совершенства мало принесет пользы отсутствие людей, на которых возбуждался бы гнев, когда, если наперед не будет приобретено терпение, страсть гнева может упражнять свои силы и на вещах немых и на безделицах; ибо оставаясь в сердце нашем, она не дает нам ни достигнуть мирного устроения, ни освободиться от прочих страстей.

74. Почему, если желаем достигнуть того высшего Божественного блага, о коем говорится: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8); то не только из действий наших должны отторгнуть сию страсть, но и с корнем исторгнуть ее из глубин души. Ибо не слишком-то много будет пользы подавлять неистовство гнева в слове и не обнаруживать его в действии, если Бог, от Которого не укрываются тайны сердечные, будет видеть его в сокровенностях сердца. Евангельское слово и заповедует иссекать паче корни страстей, чем плоды их, которые по исторжении корней конечно не будут уже более распложаться, – а душа получит таким образом возможность постоянно пребывать во всяком терпении и святости, когда гнев не только будет устранен с поверхности нашей деятельности и наших поступков, но и исторгнут из сокровенностей помышлений. И потому надо убивать гнев и ненависть, чтоб не впасть в грех человекоубийства, которое без них не может быть допущено. *Ибо всяк гневаяйся на брата своего всуе, повинен есть суду* (Мф. 5, 22); и – *всяк ненавидяй брата своего человекоубийца есть* (1 Ин. 3, 15). Поелику он в сердце желает погибнуть тому, на кого серчает; то, хотя у людей не признается он пролившим кровь собственною рукою или мечом, по страсти же гнева провозглашается убийцею от Господа, Который не за производство только действия, но и за намерение воли воздаст каждому или наградою, или наказанием, как Сам Он говорит чрез пророка: *Аз дела их и помышления вем, и гряду собрати вся народы…* (Ис. 66, 18). И Апостол: *между собою помыслом осуждающим или отвещавающим в день, егда судит Бог тайная человеком* (Рим. 2, 15, 16).

75. Итак подвижнику Христову, законно подвизающемуся, надлежит с корнем вырвать из себя страсть гнева. Для совершенного же уврачевания этой болести потребно такое лечение: прежде всего уверовать, что гневаться не подобает ни под каким видом, ни по праведным ни по неправедным причинам, – зная, что коль скоро источный наш свет, свет нашего сердца будет помрачен тьмою его, то мы тотчас потеряем и свет различения вещей, и твердость благоразумия, и благопристойность, и мерило правды; потом держать убеждение, что если дух гнева замедлит в нас, то вследствие того неизбежно помутится чистота духа нашего, и он никак уже не может быть храмом Духа Святого; наконец помышлять и о том, что нам, пока пребываем в гневе, никак нельзя будет молиться и изливать пред Богом прошения свои. Паче же всего, имея пред очами неизвестность предела человеческой жизни, будем постоянно думать, что мы можем преселиться из тела каждый день, и что нам нимало не помогут там ни соблюдение чистоты целомудрия, ни отречение от всех имуществ, ни презрение богатства, ни труды постов и бдений, когда за один гнев и ненависть Судия вселенной угрожает вечными муками.

Борьба с духом печали

76. В пятой брани предлежит нам отбивать остны всепожирающей печали, – которая, если как-нибудь получит возможность обладать нашим сердцем, то пресекает видение Божественного созерцания, и душу всю низвергши с высот святого благонастроения, расслабляет вконец и подавляет: ни молитв не дает ей совершать с обычною сердечною живостию, ни чтению Священных книг, – сему духовному орудию и врачевству, – не допускает прилежать, ни мирною и тихою с братиями быть не оставляет, – ко всем также обязательным делам послушания делает нетерпеливою и ропотливою, и отняв всякое здравое рассуждение и возмутив сердце, делает ее как бы обезумевшею и опьянелою, и сокрушает и подавляет пагубным отчаянием.

77. Почему, если желаем законно трудиться в подвигах духовной брани, то с не меньшим вниманием должны врачевать и эту болесть. Ибо *якоже молие в ризе, и червие в древе: тако печаль мужу вредит сердце* (Притч. 25, 21), – как ясно и определенно выразил силу этой зловредной и пагубнейшей страсти Божественный Дух. Как одежда, изъеденная молью, не имеет уже никакой цены и не гожа более на честное употребление, – и как дерево, червями источенное, уже не на постройку или украшение какого-нибудь здания, хотя бы и посредственного, заслуживает быть отложенным, а на сожжение огнем: так и душа, пожираемая угрызениями всесокрушительнейшей печали, не гожа уже бывает ни для того первосвященнического облачения, которое миро Духа Святого, с Неба сходящее прежде на браду Аарона, принимает потом на ометы свои, как это изображается в пророчестве святого Давида в следующих словах: *яко миро на главе, сходящее на браду, браду Аароню, сходящее на ометы одежды его* (132, 2), – ни для построения и украшения того духовного храма, которого основания положил Павел, премудрый архитектор, говоря: *вы есте храм Божий и Дух Божий живет в вас* (1 Кор. 3, 16), и на который какие идут дерева, то описывает Невеста в Песни Песней, говоря: *преклади дому нашего кедровыя, дски наши кипарисныя* (Песн. 1, 16). И вот такие-то роды дерев избираются для храма Божия, и благовонные и негниющие, которые не подлежали бы ни порче от ветхости, ни точению червей.

78. Иногда болесть эта имеет обычай порождаться от предшествовавшей страсти, или гнева, или похотения, или любостяжания, когда кто испытывает потерею предвзятой в уме надежды удовлетворения их делами или вещами по роду их; иногда же без всяких наличных причин, могших ввергнуть нас в эту пропасть, по воздействию лукавого врага, внезапно схватывает нас такая прискорбность, что мы не бываем в состоянии принять с обычною приветливостию посещение даже самых дорогих и нужных нам лиц, и что бы ни было ими сказано в подходящем

разговоре, почитается тогда нами неуместным и лишним; и не дается им никакого приятного ответа по причине преисполнения всех изгибов сердца нашего желчною горечию.

79. Этим наияснейше доказывается, что не всегда по вине других возбуждаются в нас остны прискорбностей, но паче по собственной нашей; потому что мы сами в себе носим причины всех восскорбений, именно в семенах страстей, которые, как только оросит душу нашу дождь искушений, тотчас прорываются в ростках и плодах своих. Никто никогда не понуждается ко греху, хотя бы дурной пример других возбуждал его к тому, если он не имеет сокрытой в сердце своем материи того греха. И никак нельзя верить, чтобы, например, кто тогда только внезапно воспринял страсть срамного похотения (не зная ее прежде), когда, взглянув на красивую женщину, поражен был ее красотою; но надо паче полагать, что если он при этом вожделел ее, то это потому, что воззрение на нее вывело наружу скрывающуюся внутри болесть. Почему нам надо на то преимущественно обратить все попечение, чтоб свои очистить страсти и свои исправить чувства и расположения.

80. Есть еще и иной род печали – непотребнейший, когда она в душу согрешившую влагает не намерение исправить жизнь и очиститься от страстей, а пагубнейшее отчаяние. Она-то ни Каину не дала покаяться после братоубийства, ни Иуде не попустила после предательства взыскать средств удовлетворения, а увлекла его чрез внушенное ею отчаяние к удавлению.

81. Полезною для нас должны мы почитать печаль только в таком случае, когда мы восприемлем ее, быв подвигнуты или раскаянием во грехах, или горячим желанием совершенства, или созерцанием будущего блаженства. О ней и блаженный Павел говорит: *печаль, яже по Бозе, покаяние нераскаянно во спасение соделовает: а сего мира печаль, смерть соделовает* (2 Кор. 7, 10).

82. Но та печаль, которая соделовает покаяние ко спасению несомненно верному, благопокорлива, приветлива, смиренна, кротка, приятна и терпелива; так как она, исходя из любви к Богу, хотя по желанию совершенства неутомимо простирается к телесному самоозлоблению и сокрушению духа, но в то же время некако бывает обрадоваема и оживляема надеждою преуспеяния, и потому удерживает всю приятность приветливости и благодушия, имея в себе все плоды Духа Святого, которые исчисляет тот же Апостол: *плод духовный есть: любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22). А эта, – мира сего печаль, – крайне ропотливая, нетерпеливая, жесткая, исполненная отталкивающей строптивости, бесплодного горевания и пагубного отчаяния; того, кого обымет, расстроивает и отвлекает от всякого занятия и спасительного о себе болезнования, и не только пресекает действо молитвы, но и опустошает все ска-

занные выше плоды духовные, которые обыкновенно доставляет та *печаль, яже по Бозе.*

83. Почему кроме той печали, которая восприемлется или по спасительному покаянию, или по ревности о совершенстве, или по возжеланию будущих благ, всякая другая, как мирская и смерть приносящая, должна быть отреваема и совсем извергаема наравне с духом блуда, сребролюбия и гнева.

84. Эту пагубнейшую страсть можем мы изгонять из себя, если, занимая непрестанно душу свою духовным поучением, будем оживлять и восставлять ее надеждою и созерцанием будущего блаженства. Этим способом можем мы преодолеть все роды печалей, и те, которые исходят от предшествовавшего гнева, и те, которые приходят от потери прибыли и понесения убытка, и те, которые рождаются от нанесенной нам обиды, и те, которые происходят от неразумного расстройства душевного, и те, которые ввергают нас в смертное отчаяние: ибо при сем всегда обрадоваемы бывая созерцанием вечных будущих благ и пребывая неподвижно в таком настроении, мы не будем ни падать духом в обстоятельствах несчастных, ни возноситься в счастливых, смотря на те и другие как на ничтожные и скоро преходящие.

(К утолению духа печали читай еще 7-е отделение выписок из св. Кассиана, – о борьбе с бедствиями и скорбями).

Борьба с духом уныния

85. Шестая борьба предлежит нам со страстию, которую греки называют ἀκηδία, и которую мы можем назвать унынием, скукою или тоскою сердечною. Она сродна печали, испытывается наипаче странствующими по пустыням иноками, и есть неприязненный враг пребывающих в уединении, и всякого монаха беспокоит, особенно около шестого часа, (по нашему 12 часа в полдень), как лихорадка какая, в определенные часы нападающая на больную душу со своими всерасстраивающими действиями. Некоторые старцы (Евагрий в I томе, стр. 631) называют ее бесом полуденным, о котором поминается в 90 Псалме.

86. Когда уныние нападает на бедную душу инока, то порождает ужасание от места, отвращение к келлии и презрение к братиям, с ним живущим или на некотором от него расстоянии, как к нерадивым и совсем не духовным, самого же его совсем разленивает и отбивает от всякого дела, каким обычно ни занимается он в своем обиталище. И в келлии сидеть отбивает оно у него охоту, и к чтению приступить не допускает, и заставляет воздыхать и жаловаться, что столько времени проживши здесь, нимало не преуспел и никакого не стяжал плода духовного, и болезновать внушает, что остается в этом месте попусту и, когда мог бы управлять другими и многим приносить пользу, никого здесь не

воспитал и никого своим наставлением и учением не породил духовно. Затем оно расхваливает ему отдаленные монастыри и места те описывает как более полезные к преуспеванию духовному и более могущие способствовать к спасению, и общение там с братиями рисует преприятным и исполненным духовного назидания; напротив, что тут у него, то представляет несносным, напоминая, что от братий, здесь пребывающих, никакого нет назидания, а все нужное для содержания тела добывается только с безмерным трудом. Наконец внушает оно уединеннику, что, пребывая в этом месте, не может он спастись, если, оставя келлию, в которой ему, если еще долее будет медлить в ней, придется погибнуть, как можно скорее не переселится отсюда в другое место. После сего часу в пятом и шестом оно в такое изнеможение приводит тело его и такой возбуждает голод, что он чувствует себя как бы долгим путем и самым тяжелым трудом утомленным и изможденным, или как бы перенесшим двухдневный и трехдневный пост без подкрепления себя пищею. И вот озирается он в беспокойстве туда и сюда, вздыхает, что нейдет к нему никто из братий, почасту выходит из келлии и входит в нее, и на солнце посматривает, будто оно не так скоро спешит к закату. В таком неразумном смятении ума, как бы мраком покрывшись, становится он не способным ни к какому духовному деланию и начинает думать, что против такой напасти не может найтись никакое другое средство, кроме посещения какого-либо брата или утешения себя сном. Тут начинает этот разорительный дух подносить боримому им, что надобно сделать необходимые поздравления братиям или посетить больных, вблизи или вдали находящихся, внушает также, как долг какой, что надо бы найти здесь таких-то и таких-то родственников или родственниц и почаще ходить к ним с визитами, – что такую-то благочестивую и Богу посвятившую себя женщину, лишенную однако ж всякого пособия от родных, было бы великим делом благочестия почаще посещать и доставлять ей все, в чем она имеет нужду, так как свои родные небрегут о ней, – и что больше в такого рода делах благочестия надо трудиться, чем бесплодно и без всякого преуспеяния сидеть в келье.

87. Так волнуется бедная душа, запнутая такими вражескими кознями, пока утомленный духом уныния инок или в постель попробует броситься, или, оставя келейный затвор, попытает поискать избавления от такой напасти в посещении какого-либо брата. Но это последнее, чем он пользуется в настоящее время как врачевством, спустя немного обратится в руках врага в средство еще к большему его расстроению. Ибо враг чаще и ожесточеннее будет нападать на того, кто, как узнал он на деле, тотчас обращает к нему тыл, как только завяжется борьба, и спасения себе чает не от победы и не от противоборства, но от бегства; пока он мало-помалу, отбившись от келлии, начнет забывать о главном деле своего звания, состоящем в стремлении к Божественной, всепревосхо-

дящей чистоте, которая нигде не может быт достигнута, как только в безмолвном всегда пребывании в келлии и непрестанном Божественном поучении. Так воин Христов наконец убегает из своего воинства, впутывается в житейские дела и становится уже не угодным Воеводе (2 Тим. 2, 4), под Которым служить обещался.

88. Блаженный Давид весьма прекрасно выразил все пагубные последствия от этой болести в следующем стихе: *воздрема душа моя от унынiя* (Пс. 118, 28). И подлинно, не тело, а душа дремлет в это время. Ибо душа, уязвленная стрелою этой разорительной страсти, действительно засыпает для всякого стремления к добродетели и наблюдения за своими духовными чувствами.

89. Итак истинный воин Христов, желающий законно подвизаться в борьбе за совершенство, и эту также болесть должен стараться изгонять из тайников души своей, и против этого непотребнейшего духа уныния смело вооружаться противоборством, – чтоб ни от уязвления стрелою сна не пасть, ни беглецом не выступить из затвора своего уединилища, хотя бы то под благовидным предлогом благочестия.

90. Ибо кого начнет он преодолевать с какой-либо стороны, того или оставит пребывать в келье без всякого успеха, как ленивого и беспечного, – или выгнав оттуда, сделает прочее праздношатающимся и ленивым на всякое дело, заставит его постоянно обходить келлии братий и монастыри и ни о чем другом не промышлять, как только, где бы и под каким бы предлогом найти себе случай пообедать в следующий раз. Ибо ум празднолюбца ни о чем другом не помышляет, как о пище и чреве, пока, встретив где-либо содружество в каком-либо мужчине или женщине, цепенеющих в такой же холодности, ввяжется в их дела и нужды. Опутавшись же мало-помалу такими пагубными для души его занятиями, как бы в змеиных кольцах стиснутый, никогда уже потом не сможет он развязаться с ними, чтоб обратиться к брошенным делам прежнего звания.

91. Итак главное, что производит в нас дух уныния, есть то, что он разленивает, от дел отбивает и праздности научает. Почему и противодейство ему главное будет: – не уступай, сиди за делом. В сем отношении мы можем принять как врачевательный рецепт от уныния то, что св. Павел писал к Солунянам о труде: – *молю вы, братiе… любезно прилежати, еже безмолвствовати, и деяти своя и делати своими руками* (1 Фес. 4, 10, 11). – Говорит: *любезно прилежати, еже безмолвствовати,* – т. е. пребывайте безмолвно в своих келлиях, чтоб от разных молв, которых нельзя миновать праздноходящему туда и сюда, не потерять своего покоя внутреннего и не начать потом причинять такое же беспокойство и другим; *делати своя,* – т. е. увлекаясь любопытством, не старайтесь узнавать о делах мира и разведывать о поведении разных братий, – чтоб вместо попечения об исправлении себя самих и ревнования о стяжании добродетелей, не навыкнуть иждивать время свое на

осуждение и оклеветание братий; *и делати своими руками,* т. е. сидя в келлии, прилежите рукоделию. Этим отсек он самую возможность того, от чего пред сим отклонял. Кто любит сидеть за работою, тому некогда ходить туда и сюда, разведывать чужие дела, вмешиваться в них и пересуждать их. Во втором же послании к тем же Солунянам он к сему прибавляет: *повелеваем вам, братие, о имени Господа нашего Иисуса Христа, отлучатися вам от всякаго брата безчинно ходяща, а не по преданию, еже прияша от нас* (2 Фес. 3, 6). Здесь уже не молит, а повелевает, и не голым словом, а именем Господа нашего Иисуса Христа, давая разуметь, что это неотложная заповедь. Из дальнейшей речи видно, что это есть заповедь о труде, чуждающийся которого не должен быть терпим в обществе христианском. – Итак он повелевает удаляться от тех, которые не хотят трудиться, и отсекать их, как члены, поврежденные растлевающею праздностию, чтоб болезнь ничегонеделания, как смертоносная зараза, не прилипла и к здравым членам тела. И в этом уже было сильное побуждение к трудолюбию, но он еще более усиливает его, ставя им себя в пример, которому они подражать должны (там же ст. 7). *Мы,* говорит, *живя у вас, ни у кого не ели хлеба даром* (ст. 8), хотя *Господь проповедующим Евангелие повелел ясти от благовестия* (1 Кор. 9, 14). Когда таким образом и тот, кто проповедовал Евангелие и совершал столь высокое духовное дело, даром не принимал пищи; то что скажем в оправдание своей лености мы, которым не только не поручена никакая проповедь слова, но и никакой другой заботы не заповедано, кроме попечения об одной душе своей? В какой надежде мы осмелимся с праздными руками даром есть хлеб, которого сосуд избранный, обязанный заботами о проповеди Евангелия, не дозволял себе есть не от труда рук своих? – Чтоб не показалось, впрочем, что его собственный пример – исключительный, и предлагается не как образец для подражания всем, Апостол внушает, что не он один так поступал, но и все бывшие с ним, т. е. Сила и Тимофей, которые это пишут с ним, занимались тоже трудами рук. – Чтоб не вздумал кто уклоняться от подражания его примеру, представляя, что они все работали молча, не имея намерения дать пример, обязывающий и нас к труду, он сказывает, что они имели власть не работать, и работали, *да себе образ дамы вам, во ежеуподобитися нам* (2 Фес. 3, 9), – чтоб, если словесное учение, часто влагаемое во уши ваши, забудете, по крайней мере примеры наши, представленные очам вашим, вы удержали в памяти. Наконец, после стольких убеждений, Апостол употребляет в отношении к ним уже не совет учителя или врача, но авторитет апостольской власти, говоря: *аще кто не хощет делати, ниже да яст* (10)! Это приговор на предполагаемых или предвидимых презрителей сей заповеди, изрекаемый с седалища апостольскаго суда.

92. И в послании к Ефесеям Апостол об этом самом труде предписывал, говоря: *крадый ктому да не крадет, но паче да труждается,*

делая своими руками благое, да имать подаяти требующему (Еф. 4, 28). – Также в Деяниях Апостольских находим, что он не только учил этому, но и сам действовал так. Ибо когда он пришел в Коринф, то не захотел остановиться в другом месте, а у Акилы и Прискиллы, потому что они были мастера того же ремесла, каким он сам обыкновенно занимался, – с очевидным намерением работать с ними вместе (Деян. 18, 1–3). – Потом, когда плывя в Иерусалим, останавливался он в Милете, то, послав оттуда в Ефес, призвал к себе пресвитеров Ефесской Церкви и, давая им наставления, как в его отсутствие управлять Церковию Божиею, говорил, что ни денег, ни одежды он от них не искал, что нуждам его и сущим с ним послужили собственные его руки, – и что делал это он для того, чтоб показать, что так трудясь надлежит помогать неимущим, помня заповедь Самого Господа, – что *блаженнее есть паче даяти, нежели приимати* (Деян. 20, 33–35). Так давая пример трудолюбия, он вместе научает, что помогать нуждающимся лучше из приобретенного потовым трудом, нежели из того, что иным каким путем попадает в руки. Если же так действует и монах, то он тогда украшен бывает двоякою добродетелию: отвержением всех вещей стяжевает совершенную нищету Христову, – и своим трудом и расположением показывает щедрость богатого, – почитая Бога от своих праведных трудов и принося Ему жертву от плодов своей правды.

93. Египетские отцы никак не позволяют монахам быть праздными, особенно молодым, рачительностию к труду измеряя состояние сердца и меру преуспеяния в терпении и смирении. Они не только ничего не принимают для употребления на свое пропитание, но и от своих трудов питают приходящих братий и странников, и посылают в места Ливии, бедствующие от бесплодия и голода, также и в города томимым в грязных темницах доставляют большое количество пищи всякого рода, веруя, что таким пожертвованием от плода рук своих они приносят приятную Господу жертву. – На сей предмет у древних отцов Египта составилась еще и такая поговорка: работающего монаха искушает один бес, а на праздного нападает бесчисленное множество бесов.

94. Когда я, начав жить в пустыне, сказал авве Моисею (Ливийскому; его 1 и 2 собеседования), что вчера был я крайне расслаблен недугом уныния и не мог иначе освободиться от него, как сходивши к авве Павлу: – Нет, ты не освободил себя от него, сказал он мне, но паче показал себя ему преданным и покорным. Ибо после оно сильнее будет нападать на тебя как на труса и беглеца, увидев, как ты с первой схватки дал себя победить и тотчас убежал с поля брани, если только не решишься ты в другие раза вступить в борьбу с этим врагом, не начав отражать его жаркие нападения оставлением келлии или погружением в сон, но побеждать его терпением и противоборством. Так опытом доказалось, что не бежать надобно от натиска уныния, уклоняясь от борьбы с ним, а побеждать, мужественно сопротивляясь ему.

Борьба с духом тщеславия

95. Седьмая брань предлежит нам с духом тщеславия, – разновидным, изменчивым и тонким, так что с самыми острозоркими глазами едва можно не только предостеречься от него, но его рассмотреть и узнать. Прочие страсти просты и однообразны, а эта многочастна и многообразна, и отовсюду и со всех сторон встречает воина, и когда он еще борется, и когда уже является победителем. Ибо она покушается уязвить воина Христова и одеждою, и статностию, и походкою, и голосом, и работою, и бдениями, и постами, и молитвою, и уединением, и чтением, и познаниями, и молчаливостию, и повиновением, и смирением, и благодушием, – и, как некий опаснейший камень подводный, покрытый вздымающимися волнами, в то время как не опасаются, причинят внезапно бедственное кораблекрушение плывущим при благоприятном ветре.

96. Итак желающему идти Царским путем с *оружиями правды десными и шуими* должно, по апостольскому учению, ровно проходить *славою и безчестием, гаждением и благохвалением* (2 Кор. 6, 7, 8), и с крайнею осторожностию направлять свое шествие путем добродетели, среди вздымающихся волн искушений, под управлением рассуждения и веянием Духа Господня, зная, что как скоро мы хоть немного уклонимся направо или налево, то тотчас разобьемся о гибельные подводные скалы. Почему и слышим от премудрого Соломона увещание: *не уклонися ни на десно, ни на шуе* (Притч. 4, 27), т. е. не льсти себе из-за добродетели и духовными успехами своими не превозносись, равно как и уклоняясь на шуюю стезю страстей, не ищи по Апостолу себе от них славы в срамоте твоей (Флп. 3, 19). – Диавол, в ком не мог породить тщеславия благообразием статной и блестящей одежды, в том пытает всеять его одеждою неуклюжею, неопрятною и нищенскою; кого не мог ввергнуть в сию страсть честию, того подбивает на нее уничижением; кого не мог заставить превозноситься многознанием и умением красно говорить, у того вызывает это важничаньем в молчании. Если кто явно постится, то тревожим бывает суетною славою; а если кто из презрения к такой славе станет скрывать пост, то терпит нападение от самовозношения. Чтоб не запятнаться приражением тщеславия, иной избегает совершать долгие молитвы на виду у братий; но начав упражняться в них тайно, никого не имея свидетелем такого делания, не избегает он трубления пред собою. Прекрасно наши старцы изображают свойство этой болести, сравнивая ее с луком и чесноком, которые по снятии одного покрова оказываются опять покрытыми другим таким же, и сколько раз ни снимай покровов, они все оказываются покрытыми.

97. Оно не перестает преследовать даже и того, кто, бегая славы, укрывается в пустыне от всякого общения с смертными; и чем дальше кто убегает от мира, тем ожесточеннее оно нападает на него. Из живу-

щих же в обителях иного покушается оно ввергнуть в превозношение тем, что он более всех терпелив в деле и труде; другого тем, что он паче всех скор на послушание; иного тем, что он превосходит всех других смирением. Иной искушается сим по причине обширности познаний, иной – по причине долгого сидения за чтением, иной – по причине длительности бдений. И всякого эта болесть усиливается уязвить собственными его добродетелями, в том устрояя претыкания в пагубу, чем снискиваются плоды жизни. Так и для желающих проходить путь благочестия и совершенства враги-наветники не инде скрывают сети прелести, как на том же пути, по коему они шествуют, по изречению блаженного Давида: *на пути сем, по немуже хождах, скрыша сеть мне* (Пс. 141, 4), – чтобы мы на том именно самом пути добродетелей, коим течем, стремясь к почести вышнего звания, превознесшись своими успехами, спотыкались, и запутавшись в сети тщеславия, падали, имея связанными ноги души своей. Таким образом и бывает, что тогда как остаемся мы не побежденными нападением противника, бываем побеждаемы высотою нашего над ним торжества.

98. Все другие страсти, будучи преодолеваемы, увядают, и будучи побеждаемы, с каждым днем становятся все слабее; также под влиянием места или времени истощаются они и стихают; или всячески, по причине их раздора с противоположными им добродетелями, удобнее бывает предостерегаться от них и избегать их. Но эта, будучи поражена, с большим ожесточением восстает на брань, и когда почитается испустившею дух, чрез смерть свою делается еще более живою, здоровою и мощною. Прочие страсти тиранствуют только над теми, которых победили в борьбе; а эта победителей своих еще ожесточеннее теснит, и чем сильнее была поражена, тем чрезмернее борет помыслом возношения по случаю победы над собою. В том особенно и видится тонкая хитрость врага, что по его козням воин Христов падает от собственных стрел, после того как сам он не мог его победить своими вражескими оружиями.

99. Прочие страсти, как мы сказали, успокоиваются под влиянием иной местности, также стихают и истощаются при удалении предмета греха или удобства к нему и повода; а эта проникает в пустыню с убегающим туда от нее, и никакой местности не боится, равно как не изнемогает и от удаления с глаз предмета; потому что она почерпает мужество не инде где, как из успехов в добродетели того самого, на кого нападает. – Прочие страсти, как мы сказали там впереди, с продолжением времени иногда смягчаются и исчезают; а этой долговременность не только не вредит, но еще больше собирает пищи для ее суетности.

100. Наконец прочие страсти, как состоящие в раздоре с противоположными им добродетелями и воюющие открыто, как в ясный день, легче побеждать и удобнее предостерегаться от них; а эта, протеснившись между добродетелями и смешавшись с нашим войском, сражается, как

бы в темную ночь, и тем жесточе прельщает, что не ожидают и не опасаются ее нападения.

101. Читаем, что Езекия, царь Иудейский, муж совершенной праведности во всем, одною стрелою возношения был низложен, и – кто одною молитвою мог испросить избиение 185 тысяч Ассирийского войска, тот побежден суетным славолюбием, – кто, после определением Божиим назначенного предела жизни и дня смерти, по своей молитве удостоен продления жизни еще на 15 лет, с удостоверением в том чрез возвращение солнца на 10 степеней, тот, после такого свидетельства о своей добродетели и такого знамения Божия к нему благоволения, за одно превозношение и возмечтание о себе все потерял, и не только себя, но и весь народ свой подверг гневу Божию, и такому гневу, что, когда смирившись стал умолять Бога со всем народом своим, то мог испросить только то, чтоб гнев тот не пришел во дни его (4 Цар. гл. 20; 2 Пар. гл. 32). Так гибельна и тяжко грешна страсть превозношения!

102. Озия, прадед упомянутого царя, также восхваленный свидетельством Св. Писания, когда после многих добродетелей и многих первохвальных дел и учреждений ко благу народа превознесся тщеславным высокоумием и *обиде Господа Бога своего* неугодным Ему делом, тотчас ниспал с высоты славы своей и казнен проказою (2 Пар. гл. 26). Вот и другой пример тяжкого падения! Видите отсюда, как пагубны бывают счастливые успехи, когда при них не блюдут себя от тщеславия и превозношения, и как в таком случае такие себе не внемлющие и не блюдущиеся, не бывая сокрушены в трудных обстоятельствах, жесточе поражаются по поводу преодоления их, и избегая опасности смерти во время брани, падают по поводу торжества и побед.

103. Почему Апостол увещевает: *не бываим тщеславии* (Гал. 5, 26). И Господь, обличая фарисеев, говорит: *как можете вы веровать, когда славу друг от друга принимаете, а славы, которая от единаго Бога, не ищете* (Ин. 5, 44). О таких и блаженный Давид с угрозою говорит: *Бог разсыпа кости человекоугодников* (Пс. 52, 6).

104. Тщеславие новоначальных и тех, которые мало еще преуспели в добродетелях и в ведении духовном, обыкновенно превозносит или за тон голоса, т. е. что приятнее других поют, или за то, что они тощи плотию, или красивы телом, или что имеют родителей богатых и благородных, или что презрели военную службу и почести. Иному оно внушает, что если б остался он в мире, то легко стяжал бы и почести и богатство, хотя он никогда и не мог бы их достигнуть, – надымая его таким образом принесением в жертву безвестных надежд и заставляя тщеславиться оставлением того, чем никогда не владел.

105. На иного напускает оно желание священства или диаконства, рисуя ему в мысли, что он с такою святостию и строгостию исполнял бы тогда свое дело, что и прочим священникам мог бы послужить приме-

ром святости, а кроме того, многим доставил бы пользу и своим поведением и сказыванием поучений. Иногда и того, кто живет в пустыне или уединенничает в келлии, заставляет оно мечтать в уме своем, будто он обходит дома разных лиц и монастыри и действием своих воображаемых убеждений многих обращает на путь должной жизни. И водится таким образом бедная душа туда и сюда такою суетностию, бредя как бы в глубоком сне, и, увлеченная сладостию таких помышлений и такими мечтами исполненная, большею частию бывает не в состоянии замечать ни своих действий, ни присутствия братий, если б они в самом деле были пред глазами, будучи вся сладостно погружена, как в истинно происходящее, в то, чем, не спя, бредит, как во сне, в блуждании помыслов своих.

106. Помню, что, когда я жил в пустыне Скитской, один старец, придя в келлию одного брата для посещения его, услышал, что тот внутри что-то говорит, и приостановился, желая узнать, что такое читает он из Св. Писания или на память что прочитывает, как там есть обычай делать это за работою. Приложив поближе ухо, благочестивый наблюдатель услышал, что брат, будто в Церкви, предлагает поучение народу: это значило, что он духом тщеславия обольщенный, представлял себя иереем и исполнял мечтательно лежавшее на нем дело. Подождав еще немного, старец услышал, что брат кончил поучение и, переменив должность, будто уж в сане диакона, начал возглашать: оглашеннии изыдите. Старец постучал в дверь. Брат, вышедши, встретил его с обычною почтительностию, и вводя внутрь, спрашивал, давно ли он пришел, делая вид, что беспокоится, не долго ли пришлось ему стоять вне, и не потерпел ли он от сего чего неприятного, – на деле же совестию угрызаемый за свои мечты и за то, что делал вследствие их. Старец ласково ответил: я только что пришел, как ты возглашал: оглашеннии изыдите.

107. Это здесь поместить я потому счел нужным, чтоб мы, имея пред очами полное изображение, с какою силою и в каком порядке нападают на нас страсти, которыми бедная душа бывает терзаема, могли быть более внимательны к себе и чрез то удобнее избегать сетей и западней вражеских. Так и Египетские отцы поступают. Они не колеблясь все подобное износят на среду, и рассказами своими о других и о себе, – как бы и они все еще испытывали то, о чем рассказывают, – раскрывают и обнажают пред юными монахами борения всех страстей, и такие, какие уже претерпевают сии юные, и такие, какие еще имеют претерпевать, чтоб, чрез такое изложение ими обольщения всех страстей, горящие духом новоначальные познали секреты настоящих своих браней, и видя их как в зеркале, уразумевали как причины борющих их страстей, так и средства против них, относительно же будущих бранных схваток, прежде чем они придут, наперед знали, как предостерегаться от них, как выступать против нападающих и как сражаться с ними. Как искусней-

шие из врачей имеют обыкновение не только настоящие болезни врачевать, но и будущим по своей прозорливой опытности противодействовать, предупреждая их предостерегательными наставлениями или целительными питьями: так и эти истиннейшие врачи душ духовным своим наставлением, как бы некиим противоядием (антидотом) наперед убивая болезни сердец, какие имели бы возникнуть, не дают им юнеть в душах юных иноков, открывая им и причины нападения страстей, и целительные против них средства.

108. Воин Христов, желающий законно подвизаться истинным духовным подвигом, всеми мерами должен стараться победить этого многообразного и разновидного зверя. И во-первых, мы можем избежать самой встречи с этою многочастною, отовсюду против нас готовою выбежать непотребностию, если, содержа в мысли оное Давидское изречение: *Господь разсыпа кости человекоугодников* (Пс. 52, 6), ничего не будем дозволять себе делать или предпринимать с тщеславным намерением стяжать суетную славу. Потом сделанное с добрым начинанием надобно нам усиливаться и сохранить с подобным же – добрым блюдением, чтоб после того не прокралась болесть тщеславия и не опустошила плодов всех трудов наших. Также что в поведении братий не принято в общий обычай и не делается всеми, то со всем старанием надо отклонять, как дело хвастливое, и того, что может сделать нас заметными среди других, и что, поелику мы одни то делаем, может стяжать нам славу у людей, всячески избегать. Этими себя выказываниями наипаче и обнаружится, что к нам пристала смертельная зараза тщеславия: чего однако ж мы могли бы избежать, если б содержали в мысли, что не только совсем потеряем плод трудов наших, какие подымаем с тщеславным намерением, но и виновными сделаемся в большем преступлении и, как святотатцы, должны будем понесть вечные муки; так как к оскорблению Бога восхотели для людей делать дело, которое должны были делать для Него, и чрез то людей предпочли Богу, и славу мира – славе Божией, – как обличит нас тогда ведущий сокровенное Бог.

Борьба с духом гордости

109. Восьмая и последняя брань предлежит нам с духом гордости. Страсть эта, хотя в порядке изображения борения со страстьми полагается последнею, но по началу и времени есть первая. Это самый свирепый и самый неукротимый зверь, нападающий особенно на совершенных и с лютым грызением пожирающий их, когда они достигают почти уже самой вершины добродетелей.

110. Гордости два рода: первый тот, которым, как сказали мы, поражаются мужи высокой духовной жизни; а другой захватывает новоначальиых и плотских. И хотя оба эти рода гордости воздымает пагубное

возношение как пред Богом, так и пред людьми, однако ж тот первый прямо относится к Богу, а второй собственно касается людей. Начало сей последней и средства против нее мы исследуем, если Бог даст, в последних главах сей книги, а теперь о той первой, которою искушаются, как мы выше сказали, преимущественно совершенные, намерение у нас есть не много порассудить.

111. Нет никакой другой страсти, которая бы так истребляла все добродетели и так обнажала и лишала человека всякой праведности и святости, как эта злая гордость: она, как всеобъемлющая некая зараза, не довольствуется расслаблением одного какого члена или одной части, но все тело повреждает смертельным расстройством и стоящих уже на высоте добродетелей покушается низвергнуть крайне тяжким падением и сгубить. Всякая другая страсть довольствуется своими пределами и своею целию, и хотя тревожит и другие добродетели, однако же против одной главным образом направляется, ее преимущественно теснит и на нее нападает. Так – чревоугодие, т. е. страсть к многоядению или сладкоядению портит строгое воздержание, похоть оскверняет чистоту, гнев прогоняет терпение. Так что иногда преданный одной какой-либо страсти не совсем бывает чужд других добродетелей, но по сгублении той одной добродетели, которая падает от ревниво вооружившейся против нее противоположной ей страсти, прочие может хотя отчасти удерживать: а эта, коль скоро овладеет бедною душою, то как какой-нибудь свирепейший тиран, по взятии самой верхней крепости добродетелей (смирения), весь их город до основания разрушает и разоряет. Высокие некогда стены святости сравняв и смешав с землею пороков, никакому уже потом знаку свободы в душе, ему покоренной, не попускает он остаться. Чем более богатую пленит он душу, тем более тяжкому игу рабства подвергает ее, обнажив от всего имущества добродетелей с жесточайшим ограблением.

112. Желаешь ли точнее узнать меру силы этого жесточайшего тирана, приведем себе на память, как такой ангел, которого за чрезмерность его блеска и красоты назвали люцифером, низвергнут с неба не за другое что, как за эту страсть, и как он, уязвленный стрелою гордости, из такого высшего чина блаженных Ангелов ниспал в преисподнюю. Итак, если такую Бесплотную Силу, украшенную столь значительными преимуществами, одно возношение сердца могло низринуть с Неба на землю, то с какою бдительностию надобно остерегаться сего нам, облеченным бренною плотию, это показывает великость того разрушительного падения. – А как нам избежать пагубнейшей заразы этою страстию, сему можем научиться, проследив начало и причины сказанного падения. Ибо нельзя врачевать какую-либо немочь или определять лекарства против каких-либо болезней, если наперед внимательным изысканием не будут исследованы их начала и причины. – Этот (Архангел) одеянный

Божественною светлостию, сияя паче других высших сил по щедродательности Создателя, возмнил, что этим блеском премудрости и этою красотою добродетели, какими украшался по благодати Творца, обладает он естественными своими силами, а не по великодаровитости Божией. И вознесшись по сей причине, почел себя равным Богу, как ни в чем не имеющий нужды подобно Богу, – как будто для пребывания в такой чистоте не имел он нужды в Божественной помощи. Так всецело положился он на силу своего свободного произволения, веря, что ею одною будет ему в избытке доставляемо все, потребное для полного совершенства в добродетелях и для непрерывности верховного блаженства. Это одно помышление сделалось для него первою причиною пагубного падения. За нее будучи оставлен Богом, в Котором почел себя не имеющим нужды, и тотчас сделавшись от того неустойчивым и влающимся, он и немощность собственной своей природы почувствовал, и блаженство, которым по дару Божию наслаждался, потерял. Так, поелику *возлюбил* он *глаголы потопныя,* в коих величаясь говорил: *взыду на небо* (Ис. 14, 13), *и язык льстив,* коим, себя обманывая, говорил: и *буду подобен Вышнему,* как потом обманул Адама и Еву, внушая им: *будите яко бози:* то вот ему приговор: *сего ради Бог разрушит тя до конца, восторгнет тя, и преселит тя от селения твоего. Узрят праведнии, и убоятся, и о нем возсмеются, и рекут: се человек, иже не положи Бога помощника себе, но упова на множество богатства своего, и возможе суетою своею* (Пс. 51, 6–9). Последние слова (се человек) весьма справедливо могут быть обращаемы и к тем, которые надеются достигнуть высшего блага без Божия покрова и помощи.

113. Вот причина первого падения и начало главной страсти, – которая потом чрез того, кто первый был ею уязвлен, вкравшись в первозданного, произрастила все множество страстей. И он, – первозданный, – поверив, что одною силою своего свободного произволения и своими усилиями может достигнуть славы Божества, потерял и ту, которую получил по благости Создателя.

114. Так примерами и свидетельствами Св. Писания наияснейше доказывается, что страсть гордости, несмотря на то, что в порядке духовных браней есть самая последняя, по началу однако ж есть самая первая, и есть источник всех грехов и преступлений. Она, не как прочие страсти, не одну только противоположную себе добродетель губит, т. е. смирение, но есть губительница и всех вместе добродетелей, и искушает не каких-нибудь посредственных и ничтожных, а особенно таких, которые стоят на высоте могущества. Ибо так упоминает о сем духе пророк: *пищи его избранныя* (Авв. 1, 16). Посему и блаженный Давид, хотя с таким вниманием оберегал тайники своего сердца, что к Тому, от Кого не сокрыты были тайны его совести, с дерзновением возглашал: *Господи, не вознесеся сердце мое, ниже вознесостеся очи мои, ниже ходих в*

великих, ниже в дивных паче мене (Пс. 130, 1), – и еще: *не живяше посреде дому моего творяй гордыню* (Пс. 100, 7); однако ж зная, как трудно даже и для совершенных уберечься от всякого движения сей страсти, не полагался в сем на одни свои усилия, но в молитве испрашивал помощи у Господа, да даст ему избежать уязвления стрелою сего врага, говоря: *да не приидет мне нога гордыни* (Пс. 35, 12), (т. е. не дай мне, Господи, сделать какой шаг по внушению гордости), – боясь и страшась, как бы не подвергнуться тому, что говорится о гордых: *Бог гордым противится* (Иак. 4, 6), – и еще: *не чист пред Богом всяк высокосердый* (Притч. 16, 5).

115. Сколь великое зло есть гордость, когда для противостояния ей мало Ангелов и других противных ей сил, но для сего воздвигается Сам Бог! Заметить надобно, что Апостол не сказал о тех, которые опутаны прочими страстями, что они имеют противящимся им Бога, т. е. не сказал: Бог чревоугодникам, блудникам, гневливым, или сребролюбцам противится, но одним гордым. Ибо те страсти или обращаются только на каждого из погрешающих ими, или по-видимому пускаются на соучастников их, т. е. других людей; а эта собственно направляется против Бога, и потому Его особенно и заслуживает иметь противником себе.

116. Сетей этого непотребнейшего духа можем мы избежать, если о каждой из добродетелей, в которых чувствуем себя преуспевающими, будем говорить с Апостолом: *не аз, но благодать Божия яже со мною,* – и: *благодатию Божиею есмь, еже есмь* (1 Кор. 15, 10), – и: *Бог есть действуяй в нас, и еже хотети и еже деяти о благоволении* (Флп. 2, 13), – как говорит и Сам Совершитель нашего спасения: *иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног: яко без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5), – и припевает Псаломник: *аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии: аще не Господь сохранит град, всуе бде стрегий* (Пс. 126, 1). И ничья из хотящих и текущих воля не достаточна к тому, чтобы облеченный воюющею против духа плотию мог без особенного покрова Божественного милосердия достигнуть совершенной чистоты и непорочности и за то удостоиться получить то, чего так сильно желает и к чему так течет.

Ибо *всякое даяние благо и всяк дар совершен свыше есть сходяй от Отца Светов* (Иак. 1, 17). *Что бо имаши, егоже неси приял? Аще же и приял еси, что хвалишися, яко не приемь* (1 Кор. 4, 7).

117. Я говорю это не с тем, чтоб, уничижая человеческие усилия, хотел отклонить кого-либо от заботливого и напряженного труда. Напротив, я решительно утверждаю, – не моим мнением, но старцев, – что совершенство без них никак не может быть получено, и ими одними без благодати Божией оно никем не может быть доведено до надлежащей степени. Ибо мы как говорим, что усилия человеческие сами по себе без помощи Божией не могут его достигнуть, так утверждаем, что благодать

Божия сообщается только трудящимся в поте лица, или, говоря словами Апостола, даруется только хотящим и текущим, судя и потому, что в 88-м Псалме поется от лица Божия: *положих помощь на сильнаго, вознесох избраннаго от людей* (ст. 20). Хотя по слову Господа говорим мы, что просящим дается, толкущим отверзается и ищущими обретается; но прошение, искание и толкание сами по себе не довлетельны к тому, если милосердие Божие не даст того, чего просим, не отверзет того, во что толкаем, и не даст найти то, что ищем. Оно готово даровать нам все это, как только мы дадим ему к тому случай, привнесением своей доброй воли: ибо гораздо более, чем мы, желает и ожидает нашего совершенства и спасения. И блаж. Давид так глубоко сознавал невозможность получить успех в своем деле и труде собственными только усилиями, что удвоенным прошением просил сподобиться, да Господь Сам исправит дела его, говоря: *и дела рук наших исправи на нас, и дела рук наших исправи* (Пс. 89, 17), – и опять: *укрепи Боже сие, еже соделал еси в нас* (Пс. 67, 29).

118. Итак надлежит нам так стремиться к совершенству, прилежа постам, бдениям, молитвам, сокрушению сердца и тела, чтоб, надымаясь гордостию, не делать всего этого напрасным. Мы должны веровать, что не только самого совершенства не можем достигнуть собственными усилиями и трудами, но и то самое, в чем упражняемся для достижения его, т. е. подвиги и разные духовные делания, не можем как должно совершить без помощи благодати Божией.

119. Мы должны всегда возносить благодарение Богу не только за то, что Он создал нас разумными, одарил способностию свободного произволения, даровал благодать крещения, дал в помощь ведение закона, но и за то, что Он подает нам каждодневным Своим о нас промышлением, именно: освобождает от наветов вражеских, содействует нам преодолевать плотские страсти, покрывает нас без ведома нашего от опасностей, ограждает от впадения в грех, помогает нам и просвещает в познании и уразумении требований закона Его, тайно вдыхает сокрушение о нерадении и прегрешениях наших, спасительно исправляет нас, удостоивая особенного присещения, иногда даже против воли влечет нас ко спасению. – Наконец самое свободное произволение наше, более склонное к страстям, направляет к лучшему душеполезному действованию и обращает на путь добродетели присещением Своего воздействия на него.

120. Вот в чем собственно состоит смирение пред Богом, вот в чем – вера древнейших отцов, пребывающая даже доселе не запятнанною и у их преемников. Об этой их вере дают несомненное свидетельство апостольские силы, проявленные ими не только у нас, но и между неверными и маловерными.

121. Иоас царь Иудейский сначала был похвальной жизни; но потом, возгордившись, предан был бесчестным и нечистым страстям, или по Апостолу: *в неискусен ум творити неподобная* (Рим. 1, 26, 28). Таков закон правды Божией, что кто нераскаянно надымается гордостным превозношением сердца, тот предается на посрамление гнуснейшей плотской срамоте, чтоб, будучи уничижен таким образом, он восчувствовал, что если он оказывается теперь так осквернённым, то это потому, что прежде не хотел сознать глубочайшей и важнейшей нечистоты от гордостного превозношения, и чтоб, сознав это, возревновал очистить себя от той и другой страсти.

122. Итак очевидно, что никто не может достигнуть последнего предела совершенства и чистоты иначе, как смирением истинным, которое он, видимо свидетельствуя пред братиями, изъявляет также и пред Богом в сокровенностях сердца своего, веруя, что без Его покрова и помощи, в каждый момент его посещающих, никак не может он достигнуть совершенства, которого желает и к которому с усилием течет.

123. Доселе, сколько дозволяла скудость нашего дарования, при помощи Божией довольно сказали мы о духовной гордости, которою, как сказано, искушаются совершенные. Этот род гордости не многим известен и не многими испытывается, потому что не многие стараются стяжать совершенную чистоту сердца, чтоб дойти до таких браней. Она обыкновенно борет только тех, которые, победив все другие страсти, находятся уже почти на самом верху добродетелей. Хитрейший враг наш, поелику не мог одолеть их, влеча к плотскому грехопадению, то теперь покушается запнуть их и низринуть падением духовным, замышляя чрез него лишить их всех прежних плодов, стяжанных с большим трудом. Впрочем нас, которые еще опутаны плотскими страстями, он вовсе не удостоивает искушать таким образом, но запинает грубою и, так сказать, плотскою надменностию. И потому об этой, в которую впадать подвергаемся опасности наипаче мы, или люди нашей меры, и особенно души юных или новоначальных иноков, необходимым почитаю немного потолковать по нашему обещанию.

124. Эта плотская, как мы сказали, гордость, если, после не добре и без должной ревности положенного начала отречения от мира, останется в душе монаха, то не попуская ему от прежней мирской надменности низойти до истинного смирения Христова, сначала делает его непокорливым и упрямым; потом не дает ему быть кротким и обходительным, равно как вести себя в уровень со всеми братиями и жить как все, не выдаваясь; особенно не уступает, чтоб он, по заповеди Бога и Спаса нашего, обнажился от всякого земного стяжания; и между тем как отречение от мира ни что иное есть, как показание умертвия всему и креста, и не может в истинном виде быть начато и созидаться на других основаниях, как чтоб сознавать себя не только всем делам мира сего духовно умер-

шим, но веровать, что и телесно имеет умереть каждый день, – она напротив наущает ему чаять долговечной жизни, представляет впереди разные продолжительные болезни, колеблет стыдом и смущением, если, оставшись безо всего, начнет содержание иметь из чужих, а не из своих источников, и внушает, что пищу и одежду гораздо лучше доставать себе на свои, чем на чужие средства, напоминая в подтверждение сего следующее изречение: *блаженнее есть паче даяти, нежели приимати* (Деян. 20, 35), – которое в каком смысле сказано, никогда не могут уразуметь эти одебелевшие и охладевшие сердцем.

125. Инок, так недобре начавший свое мироотречение, никогда не может вместить истинного простого смирения Христова. Он не перестанет или хвалиться знатностию рода, или надмеваться прежним мирским чином, который оставил только телом, а не сердцем, или возноситься деньгами, удержанными при себе на свою пагубу, потому что из-за них не может уже он ни спокойно нести иго монастырских порядков, ни подчиняться наставлениям какого-либо старца. Кем овладеет гордость, тот унизительным для себя считает соблюдать какия-либо правила подчинения или послушания, даже неохотно слушает и общее учение о совершенстве духовной жизни, иногда же и полное питает к нему отвращение, особенно, когда обличаемый совестию приимет подозрение, что оно намеренно направлено против него. В последнем случае сердце его еще более ожесточается и возгорается гневом. После чего бывает у него громкий голос, грубая речь, строптивый с горечью ответ, гордая и подвижная походка, неудержимая говорливость. Таким образом бывает, что духовное собеседование не только никакой не приносит ему пользы, но напротив оказывается вредным, делаясь для него поводом к большему греху.

126. Слышал я, что один из юных иноков, когда авва укорял его, зачем он, оставя смирение, которое являл несколько времени по отречении от мира, начал надмеваться диавольскою гордостию, с крайним высокомерием ответил ему: разве я для того несколько времени смирял себя, чтобы навсегда быть подчиненным? – При этом столь необузданном и преступном ответе старец так остолбенел от изумления, что речь его порвалась, как будто он услышал такие слова не от человека, а от самого древнего люцифера, и он ни одного звука не мог испустить из уст своих против такой дерзости, а только одни испускал из сердца воздыхания и стенания, молча повторяя в уме сказанное о Спасителе нашем: *Иже во образе Божии сый… смирил Себе послушлив быв* не на время (как говорит этот одержимый диавольским духом надмения), но *даже до смерти* (Флп. 2, 6, 8).

127. Эта плотская гордость вот в каких действиях проявляется: в говорении ее бывает крикливость, в молчании – досадливость, при веселости громкий, разливающийся смех, в печали – бессмысленная пасмур-

ность, при отвечании колкость, в речи легкость, слова как попало вырывающиеся без всякого участия сердца. Она не знает терпения, чужда любви, смела в нанесении оскорблений, малодушна – в перенесении их, тяжела на послушание, если не предваряет его ее собственное желание и воля, на увещания непреклонна, к отречению от своих волений не способна, к подчинению чужим крайне упорна, всегда усиливается поставить на своем решении, уступить же другому никогда согласна не бывает; и таким образом бывает, что сделавшись не способною принимать спасительные советы, она более верит своему мнению, чем рассуждению старцев.

128. По таким степеням ниспадения тот, кем овладевает однажды гордость, спустившись долу, с ужасом отвращается уже от строгого общежительного благочиния и, – полагая, что, если он мало подвигается на пути к совершенству, – то это потому, что его замедляет в этом сообщение с братиями, и что, если он мало успевает в стяжании терпения и смирения, то это по вине других, по препонам с их стороны, – принимает желание жить в уединенной келлии или даже предприемлет устроить особый монастырь, в видах привлечения многих к строгой жизни, и спешит собрать долженствующих последовать его учению и наставлению, делаясь таким образом из непотребного ученика непотребнейшим учителем.

129. Итак, если хотим, чтобы здание наше поднялось до самого верха и было угодно Богу, то постараемся положить основание ему не по самоугодливой воле нашей, а по точному Евангельскому учению, по коему таким основанием может быть не что другое, как страх Божий и смирение, порождаемое кротостию и простосердечием. Смирение же не может быть приобретено без обнажения от всего, без коего никак нельзя утвердиться ни в добром повиновении, ни в твердом терпении, ни в невозмутимой кротости, ни в совершенной любви; а без этих сердце наше отнюдь не может быть жилищем Св. Духа, как возглашает о сем Господь чрез пророка: *на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес Моих* (Ис. 66, 2).

130. Почему воин Христов, который, законно подвизаясь подвигом духовным, желает быть увенчанным от Господа, должен всячески постараться истребить и этого лютейшего зверя, как поглотителя всех добродетелей, будучи уверен, что пока он будет в его сердце, то ему не только нельзя будет освободиться от всех страстей, но что если возымеет он сколько-нибудь добродетели, и та погибнет от его яда. Ибо в душе нашей никак не может быть воздвигаемо здание добродетелей, если наперед в сердце нашем не будут положены основы истинного смирения, которое будучи наипрочнейше сложено, только одно и сильно сдерживать до верха возведенное здание совершенства и любви. Для сего надлежит нам, во-первых, пред братиями нашими с искренним расположе-

нием изъявлять истинное смирение, ничем не позволяя себе опечалить их или оскорбить, – чего никак не можем мы исполнить, если по любви ко Христу не будет в нас глубоко укоренено истинное от всего отречение, состоящее в полном обнажении себя от всякого стяжания; во-вторых, надлежит в простоте сердца и без всякого притворства воспринять иго послушания и подчинения, так, чтоб кроме заповеди аввы, никакая другая воля отнюдь не жила в нас; что никем не может быть соблюдаемо, кроме того, кто не только возымел себя мертвым для мира сего, но и почитает неразумным и глупым, и без всякого размышления исполняет все, что ни прикажут старцы, по вере, что все то священно и от Самого Бога возвещается.

131. Когда будем мы держаться в таком настроении, тогда за этим без всякого сомнения последует такое невозмутимое и неизменное состояние смирения, что, почитая себя низшими всех, самым терпеливым образом будем мы переносить все, нам причиняемое, сколь бы оно ни было напрасленно, оскорбительно или даже вредно, – так как бы то налагаемо было на нас от наших начальственных отцов (как послушание или испытание). И не только легко все такое будет нами переносимо, но и почитаемо малым и ничтожным, если притом постоянно будем содержать в памяти и чувстве страдания Господа нашего и всех святых, потому что тогда напраслины, нами испытываемые, будут казаться нам на столько легче, на сколь далеко отстоим мы от их великих дел и многоплодной жизни. Воодушевление к терпению, отсюда исходящее, еще будет сильнее, если при этом будем помышлять, что скоро переселимся и мы из сего мира и по скором конце нашей жизни тотчас станем соучастниками их блаженства и славы. Такое помышление губительно не только для гордости, но и для всех страстей. После этого следует нам крепко-накрепко держать такое смирение и пред Богом: что будет нами исполнено, если будем питать убеждение, что мы сами собою, без Его помощи и благодати, ничего не можем сделать, что относится к совершенству добродетели, и будем искренно верить, что и то самое, что успели мы уразуметь, есть Его дар.

Преподобного отца Иоанна Кассиана к епископу Леонтию, о святых отцах, пребывавших в скитской пустыне, и о разсуждении, слово большой пользы исполненное [82].

Когда в скитской пустыни, где жили среди монахов искуснейшие отцы, пребывал и я со святым Германом, давним моим другом и в учении, и в воинстве, и в монашеской жизни; нашел я авву Моисея, приятно сиявшего между этими прекрасными цветами не только деятельными добродетелями, но и созерцанием. Желая вместе с аввою Германом получить от него наставление, у аввы Моисея со слезами просили слова назидания. Наконец, убежденный нашими просьбами, он начал так говорить: Все искусства и науки имеют какую-нибудь цель (scopon), т.е. назначение, и свой конец (telos). Так земледелец, перенося иногда жару, иногда холод, неутомимо возделывает землю: он имеет целью очистить ее от терния и травы, а концом — наслаждение от плодов. Купец, несмотря на опасности, предстоящие ему на море и на суше, смело предается купле: он имеет целью прибыток, а концом — наслаждение от прибытка. Воин не смотрит ни на опасности в сражениях, ни на трудность в походах: он имеет целью повышение в чине, а концом — пользу от чина. Так и наш обет имеет свою цель и свой конец, для достижения которого мы охотно сносим всякий труд и всякую тягость. Поэтому воздержание поста не утруждает нас, труд бдения нас услаждает, чтение и испытание писаний происходит с охотою, трудность работ, послушание, нестяжание, лишение всех земных вещей и пребывание в пустыне с приятностью совершаются. А вы, презревшие отечество, род свой, весь мир, предпринявшие странст-

[82] Текст приводится полностью в соответствии со славянским Добротолюбием (по переводу епископа Петра, 1892 г.).

вование и пришедшие к нам, людям грубым и необразованным, скажите мне: какая ваша цель? И какой конец имели вы в виду, сделав это?

Мы в ответ на это сказали: ради Царства Небесного.

На это авва Моисей ответил: вы хорошо сказали о конце. Но не сказали, какова та цель, взирая на которую и не уклоняясь от правого пути, мы можем получить Царство Небесное. Когда мы признались, что не знаем, старец отвечал: конец нашего обета, как сказано, есть Царство Божие, а назначение наше, т.е. цель — чистота сердца, без которой невозможно достичь этого конца. Итак, к этой цели да будет всегда устремлен ум наш, и если случится, что сердце наше несколько уклонится от правого пути, мы тотчас обратим его и как бы по правилу архитекторского искусства направим к цели. Об этом же и апостол павел говорит: заднее забывая и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести вышнего звания Божия (Флп 3, 13, 14).

Ради этой цели мы все переносим и делаем. Для нее все оставляем: родителей, отечество, достоинства, богатства, забавы и удовольствия этого мира, чтобы приобрести постоянную чистоту сердца. Если же забудем эту цель, то обязательно нам, как идущим во тьме и не прямым путем, часто спотыкаться и многократно заблуждать. Это со многими случилось, кто презрев огромные богатства этого мира, и не только многие тысячи золота и серебра, но и множество поместий, после, как мы видели, возмущались гневом из-за ножичка, грифеля, иглы, писчего пера. Они не возмущались, если бы помнили что презрели богатство ради любви к ближнему. И хотя все свои богатства из любви к Христу расточили, однако, удерживая прежнее пристрастие сердца к вещам маловажным и по их поводу иногда гневаясь, во всем остаются бесплодными, пустыми, так как будто они не имели апостольской любви. Блаженный апостол, предвидя это в духе, говорит: если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы (1 Кор 13, 3). Этим ясно доказывается, что совершенство не приходит тотчас с нищетою, расточением всех богатств или с отвержением достоинств, а состоит в любви, свойства которой апостол описывает, и которая состоит только в чистоте сердца: любовь не завидует, не возносится, не безчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла (1 Кор 13, 4-6).

Итак, для этой чистоты нам следует все делать и желать; для нее в пустыню надо удаляться, для нее нужно предпринимать посты, бдения, труды, нищету телесную, чтение и другие добродетели, чтобы через них сделать и сохранить сердце наше чистым от всех вредных страстей. И если по требованию какого-либо нужного и предпринимаемого для Бога дела мы вынуждены оставить их (т.е. пост, бдение и проч.), то не следует нам впадать в скорбь, гнев или негодование, для подавления которых мы должны будем совершать пост, бдение и прочее. Ибо не столько

приобретаем от поста, сколько теряем от гнева, и не столько получаем пользы от чтения, сколько вреда от презрения брата. Итак, посты, бдения, упражнение в Св. Писании, нищета, расточение всего имущества не составляют совершенства, но только средства к совершенству; поскольку не в них состоит конец жизни монашеской, но посредством их достигается конец. Напрасно мы хвалимся чтением Писаний, постом, когда ни к Богу, ни к ближнему любви не имеем. Обретший в себе любовь, обретает в себе Бога и ум всегда пребывает с Ним.

Герман. Кто же, облеченный слабой плотью, может всегда заниматься этим созерцанием так, чтобы никогда не думать о приходе брата, о посещении больного, о рукоделии или о человеколюбии, или принятии странников, или посещении другими и о прочих необходимых и неизбежных потребностях тела? Наконец, как может разум человеческий всегда видеть невидимого и непостижимого Бога и быть неразлучен с Ним?

Моисей. Правда, таким образом, как вы говорите, невозможно человеку, связанному немощью плоти, непрестанно созерцать Бога и быть неразлучным с Ним. Но нам следует знать, что созерцание Бога многообразно бывает. Ибо Бог познается не в одном блаженном и непостижимом существе Своем, что предоставлено святым Его в будущем веке, но познается также из величества и красоты Его творений, из ежедневного Его устроения и провидения, из правосудия Его, из чудес, которые Он являет в каждом роде над святыми Своими. Ибо когда мы помыслим о беспредельном Его могуществе, о неусыпном Его оке, которое видит тайны сердечные и от которого ничто не может скрыться, то, объятые сердечным страхом, удивляемся и поклоняемся Ему. Когда помыслим, что Он знает число дождевых капель, песка морского и звезд небесных, то поражаемся величием естества и премудрости Его. Когда помыслим о неизреченной и неизъяснимой Его премудрости и человеколюбии, о непостижимом долготерпении, переносящем бесчисленные падения грешников, то прославляем Его. Когда помыслим о великой любви Его к нам, по которой Он не погнушался для нас, ничего доброго не совершивших, сделаться человеком, чтобы избавить нас от обольщения, то пробуждаемся к любви Его. Когда подумаем, что Он сам, побеждая в нас врага нашего, дьявола, дарует нам жизнь вечную за одно проявление воли и расположение к добру, то поклоняемся Ему. Есть и другие бесчисленные, подобные этим, созерцания, через которые Бог становится видимым и понимаемым, и которые раскрываются в нас по качеству жизни и по чистоте сердца.

Герман. От чего это бывает, что многие вожделения и суетные помыслы даже против воли нашей тревожат нас и почти без нашего ведома обольщают нас, входя в нас так неприметно и хитро, что мы не только

не можем воспрепятствовать их входу, но с великим трудом можем узнать их?

Моисей. Не возмущаться духу этими помыслами невозможно; но принять их или отвергнуть — это по силам всякому, кто при помощи Божией употребит для этого старание. Как возникновение их не зависит от нас, так отвержение или принятие их состоит в нашей воле. Если разумно и тщательно поучаемся в законе Божьем, упражняемся в псалмах и пении, пребываем в посте и бдении, непрестанно помним о будущем, о Царстве Небесном, о геенне огненной и о всех делах Божиих, то злые помыслы уменьшаются и не находят места. Когда же, наоборот, занимаемся мирскими заботами и плотскими делами и вдаемся в суетные и праздные беседы, тогда злые помыслы умножаются в нас. Так Деятельность души хорошо сравнивается с мельничным жерновом, который от стремительного течения воды быстро вертится кругом. Он не может перестать крутиться, будучи движим водою. Но во власти приставника состоит — пшеницу ли молоть или жито, или куколь растирать. Так и мысль наша не может быть свободна от помыслов, но в нашей силе заняться рукоделием или поучением духовным.

Старец, видя, что мы удивляемся этому и что желаем слышать слова его, немного помолчав, опять начал говорить. Поскольку желание ваше продолжило разговор на столь долгое время и вы еще желаете слушать, так что я могу заключить, что вы действительно жаждете познать путь к совершенству, то я хочу побеседовать с вами о превосходном благе рассудительности, которая среди других добродетелей есть как бы некоторый укрепленный и главный город, — и показать превосходство ее, высоту и пользу, руководствуясь не только собственными понятиями и примерами, но и мнениями древних отцов. По достоинству и усердию слушающих благодать Господня внушает слово говорящим. Рассудительность есть не малая какая добродетель и не может быть приобретена только человеческим старанием, а подается по божественной благодати и дару. Она причисляется к особенным дарам Св. Духа, о которых говорит апостол: одному дается Духом слово мудрости; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений тем же Духом; иному различение духов; и после исчисления духовных даров прибавляет: все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно (1 Кор 12, 8-11). Итак, видите, что дар различения или рассудительности есть не земной и не малый, но величайший дар божественной благодати. Если монах не будет искать его со всем старанием и с помощью здравого рассуждения не приобретет этого распознавания входящих в него духов, то он, как блуждающий ночью в густой тьме, не только обязательно будет падать в глубокие рвы пороков, но часто спотыкаться и на гладких, ровных местах.

Помню, когда я еще в молодые годы находился в пределах Фиваиды, где обитал блаженный Антоний, старцы собрались к нему для рассуждения о совершенстве. С вечера до утра продолжалось собеседование, исследовали, какая добродетель больше всех, какая бы могла всегда сохранять монаха невредимым от сетей обольщений дьявола и вести прямым путем кверху совершенства. Одни видели это в усердии к посту и бдению, потому что посредством их утончается дух, приобретается чистота сердца и тела, и потому удобнее можно соединяться с Богом. Другие видели в нестяжании и презрении всех вещей, от которых отрешившись, как от задерживающих уз, дух свободнее приближается к Богу. Иные считали необходимым отшельничество, т.е. удаление в пустыню на уединение, в котором пребывающий может дерзновеннее молиться и лучше прилепляться к Нему. Некоторые утверждали, что надо исполнять обязанности любви или человеколюбия, потому что преимущественно за это Господь в Евангелии обещает Царство Небесное, говоря: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня и пр. (Мф 25, 34, 35). Когда таким образом каждый посвоему представлял различные добродетели, посредством которых человек удобнее может приблизиться к Богу, и уже большая часть ночи прошла в этом исследовании, блаженный Антоний наконец стал говорить: все это, о чем вы говорите, нужно и полезно ищущим Бога и желающим прийти к Нему. Но всем этим добродетелям отдать первенство не позволяют бесчисленные опыты и падения многих. Ибо некоторые часто жестоко сокрушали себя постом и бдением, пребывали в пустынном уединении, доходили до такой нестяжательности, что не оставляли себе и на один день пищи, и до того исполняли долг милостыни, что не оставалось у них средств для подаяния. Но после всего этого они жалким образом уклонились от добродетели и впали в порок. Что же было причиною их прельщения и падения? По моему мнению, не что иное, как недостаток в них рассудительности. Ибо она учит человека идти царским путем, сторонясь крайностей с обеих сторон: с правой стороны не допускает обольщаться чрезмерным воздержанием, с левой — увлекаться к беспечности и расслаблению. Рассудительность в Евангелии называется глазом и светильником души, как говорит Спаситель: светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло; если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно (Мф 6, 22, 23). Это потому, что рассудительность, исследуя все мысли и дела человека, отлучает и отстраняет всякое зло и неугодное Богу дело и удаляет от него всякое обольщение.

Всякий может видеть это и из повествований Св. Писания. Саул, которому первому вверено было Израильское царство, поскольку не имел рассудительности, будучи помрачен разумом, не мог понять, что пови-

новение воле св. Самуила было гораздо угоднее Богу, нежели принести жертву (1 Пар 10, 8); и чем думал угодить Богу, тем прогневал Его, и отвержен от царства, чего не случилось бы, если бы снискал себе свет рассудительности.

Рассудительность и апостол называет солнцем, когда говорит: солнце да не зайдет во гневе вашем (Еф 4, 26). Она называется также кормилом жизни, как сказано в Св. Писании, при недостатке попечения (управления) падает народ (Притч 11, 14). Она в Св. Писании называется советом, без которого мы не можем ничего делать, так что без него не позволяет пить и само духовное вино, веселящее сердце человека, по следующему изречению: с советом все делай, с советом пей вино (Притч 31, 4), и еще: что город разрушенный, без стен, то человек, не владеющий духом своим (Притч 25, 28). В ней состоит премудрость, в ней разум и смысл, без которых нельзя ни созидать внутренний наш дом, ни собирать — духовное богатство, как сказано: мудростью устрояется дом и разумом утверждается (Притч 24, 3). Она называется крепкой пищею, свойственной тем, которые навыком приучили чувства к различению добра и зла (Евр 5, 14). Из этого ясно открывается, что без дара рассудительности не может стоять никакая добродетель или пребывать твердой до конца. Ибо она есть матерь, хранительница и управительница всех добродетелей.

Вот мнение и решение св. Антония, с которым и прочие отцы согласны были! Но чтобы решение св. Антония утвердить новейшими примерами и опытами наших времен, вспомните о жалком падении старца Ирона, которому он подвергся перед нашими глазами несколько дней назад; как он, прельщенный дьяволом, с такой высоты жизни низвергся в бездну смерти. Мы помним, что он пятьдесят лет пребывал в пустыне, вел самый суровый образ жизни, хранил строгое воздержание, пребывал в глубокой пустыне и более всех, здесь живущих, предавался уединению. Но после таких трудов и подвигов он, поруганный дьяволом, подвергся тягчайшему падению, причинив безутешную скорбь живущим в пустыне отцам и братьям От этого не пострадал бы он, если бы обладал добродетелью рассудительности, которая научила бы его повиноваться не собственному помыслу, но совету отцов и братьев. Следуя собственному помыслу, он до того заботился о посте и уединении от людей, что и в праздник святой Пасхи не приходил в церковь, опасаясь, чтобы, сойдясь с отцами и братьями и едя вместе с ними, не вкусить овощей или чего-либо другого, предложенного на трапезе, и не показаться отпадшим от своей цели и правила. Итак, долго прельщаемый своею волею, он принял к себе ангела сатаны и, поклонившись ему, как ангелу света, получил от него повеление — в полночь броситься в глубокий колодец, чтобы опытом удостовериться, что он по заслугам своих добродетелей и трудов уже не подвергнется никакой опасности. Не раз-

мышляя в уме своем о том, кто это советовал, омрачившись рассудком, он в полночь бросился в колодец. Немного спустя братья, узнав о случившемся, с великим трудом смогли вытащить его полумертвого. Прожив после извлечения два дня, в третий он помер, оставив безутешную печаль братьям и настоятелю Пафнутию, который, будучи движим великим человеколюбием и помня великие его труды и многочисленность лет, проведенных им в пустыне, не лишил его поминовения и приношения за усопших, чтобы он не был причислен к самоубийцам.

Что сказать о тех двух братьях, которые обитали по ту сторону пустыни фиваидской, где жил некогда блаженный Антоний? Они, будучи движимы необдуманной мыслью, вознамерились идти во внутренность обширной, невозделанной пустыни, решив не принимать пищи от человека, кроме той, какую Господь чудесно подаст им. Когда они блуждали по пустыне и изнемогли от голода, издалека увидели их мазики, — народ из всех диких едва ли не самый дикий и жестокий. По действию промысла Божия они переменили свойственную им жестокость на человеколюбие и встретили их с хлебами. Один из указанных братьев, обретя разум, с радостью и благодарностью принял хлебы, рассуждая, что столь дикие, жестокие и всегда жаждущие крови человеческой люди не оказали бы сострадания к изнемогшим и не принесли бы пищи, если бы Бог не побудил их к этому. Но другой, отказавшись от пищи, так как она принесена была людьми, и оставшись верным безрассудному обещанию, умер от голода. Хотя оба они, имев сначала весьма худое намерение, были полны безрассудной и гибельной решимости. Впрочем один, образумившись, исправил то, что безрассудно и неосторожно предпринял; а другой, не имея рассудительности, сам себе причинил смерть, которую Господь хотел отвратить.

Что сказать о том, имя которого я не хочу назвать, потому что он еще жив. Он, часто принимая демона за ангела, получая через него откровения и часто видя свет без светильника в своей келье, наконец получает от него повеление принести в жертву Богу своего сына, находившегося с ним в монастыре, чтобы таким образом удостоиться чести патриарха Авраама. Советом демона он до того был прельщен, что действительно совершил бы заклание своего сына, если бы сын не заметил, что отец его против обыкновения точит нож и готовит путы, чтобы ими связать его для принесения в жертву, и не спасся бегством.

Долго было бы рассказывать о прельщении этого месопотамлянина, который, оказав такое воздержание и проведя много лет в келейном заключении, наконец осмеян был дьявольскими откровениями и сновидениями, так что после таких трудов и добродетелей, которыми превосходил всех находившихся там монахов, впал наконец в иудейство и обрезание. Дьявол, желая прельстить его, часто показывал ему истинные сновидения, чтобы через это расположить его к принятию того оболь-

щения, в которое хотел ввести его после. Итак, в одну ночь показывает ему с одной стороны народ христианский с апостолами и мучениками мрачным, покрытым всяким бесславием, изнуренным от скорби и плача, а с другой — народ иудейский с Моисеем, патриархами и пророками — в сиянии лучезарного света и живущий в радости и веселье. Между тем прельститель советовал ему принять обрезание, если хочет участвовать в блаженстве, и радости народа иудейского, что прельщенный действительно и исполнил. Из всего сказанного видно, что все, о ком мы говорили, не были бы осмеяны столь жалким и бедственным образом, если бы имели в себе дар рассудительности.

После этого Герман сказал: и новейшими примерами, и мнениями древних отцов доказано, что рассудительность есть источник и корень всех добродетелей. Но мы желаем знать, каким образом можем приобрести ее, и как можно отличить истинную, от Бога происходящую рассудительность от ложной, притворной и дьявольской?

Авва Моисей отвечал: истинная рассудительность приобретается только истинным смирением, первым доказательством которого будет — открывать отцам не только дела, но и думы, ни в чем не доверять своему помыслу, но во всем следовать наставлениям старцев и считать хорошим или худым только то, что они признают таким. Такой способ не только помогает монаху безопасно пребывать в истинной рассудительности и на правом пути, но и сохранит его невредимым от всех сетей дьявольских. Ибо невозможно пасть от бесовского прельщения тому, кто свою жизнь располагает не по своему суждению, а по совету преуспевших. Ибо прежде чем кто-либо удостоится дара рассудительности, само объявление и открытие перед отцами злых помыслов иссушает их и ослабляет. Ибо как змей, извлеченный из темной норы на свет, старается убежать и скрыться, так и злые помыслы, будучи обнаружены откровенным признанием и исповедью, стараются бежать от человека. Но чтобы точнее понять вам эту добродетель из примера, я расскажу одно дело аввы Серапиона, которое он сам часто рассказывал приходившим для предохранения.

Он говорил так: в юных летах я жил со своим наставником аввой Феоною. Когда мы принимали пищу, я, вставая из-за стола, по внушению дьявола крал сухой хлебец и ел его тайно от своего аввы. И поскольку я делал это долгое время, то страсть эта овладела мною так, что я не мог преодолеть ее; я был осуждаем только своею совестью, а сказать об этом старцу стыдился. По усмотрению человеколюбивого Бога случилось некоторым братьям для своей пользы придти к старцу, и они спрашивали его о своих помыслах. Старец отвечал им: ничто столько не вредит монахам и ничто столько не радует бесов, как утаивание своих помыслов от духовных отцов; говорил им и о воздержании. При этом разговоре я пришел в себя, думал, что Бог открыл старцу мои прегреше-

ния и, умилившись, начал плакать, вынул из-за пазухи хлебец, который обычно крал, и, упав на землю, просил простить мне прошедшее и молиться об обретении твердости в будущем. Тогда старец сказал: сын мой! признание твое и при моем молчании освободило тебя от этого плена; открыв свои поступки, ты поразил беса, уязвлявшего тебя при твоем молчании. До сих пор ты допускал ему обладать тобою, не противореча ему, не обличая его, а теперь, будучи выведен из твоего сердца и обнаружен, он уже не будет иметь в тебе места. Старец не окончил еще речи, как показалось, будто горящая свеча вышла из моей пазухи и наполнила дом зловонием, так что присутствующие думали, будто горит сера. Тогда старец сказал: вот Господь явно подтвердил тебе истину моих слов и твоего освобождения. Таким образом, от признания этого отступила от меня страсть чревоугодия и ее дьявольское действие, так что с тех пор даже на ум не приходило мне такое пожелание. Итак, вот и из повести аввы Серапиона мы научаемся, что тогда мы удостоимся даров истинной рассудительности, когда станем доверять не внушениям своего разума, но учению и наставлению отцов. Ибо дьявол никаким другим пороком настолько не возносит монаха на стремнины и не приводит к смерти, как тем, что убеждает его пренебрегать советами отцов и последовать своему мнению и своей воле. Даже взяв примеры из человеческих искусств и наук, мы можем получить наставление. Ибо, если и руками осязая их, и глазами видя, и ушами слыша, не можем сами преуспеть в них, но нуждаемся в учителе, то не безумно ли думать, что не требует наставника труднейшая из всех наук — наука духовная, которая есть невидима, сокровенна и созерцаема одной чистотою сердца, незнание которой рождает не временный ущерб, но гибель души и вечную смерть?

Герман сказал: предлог нашей стыдливости и утаивание помыслов происходит обычно от вредного страха, потому что некоторые отцы, выслушав помыслы своих братьев; не только не исцеляли их, но укоряли и повергали в отчаяние. Такое происшествие, случившееся в Сирии, знаем мы сами. Некий брат одному из находящихся там старцев рассказал свои помыслы со всею простотою и истиною и, не стыдясь, обнажил тайны своего сердца. Но тот, услышав это, стал негодовать на брата, укорял его за такие худые помыслы, так что многие, слыша это, стали стыдиться открывать свои помыслы старцам.

Авва Моисей сказал: полезно, как я сказал, не скрывать своих помыслов от отцов; впрочем, не всякому нужно говорить, а открывать старцам духовным, имеющим рассудительность, поседевшим не от времени. Ибо многие, доверяя летам старца и открывая свои помыслы, вместо исцеления, впали в отчаяние по неопытности духовников. Был один брат, очень старательный, но, терпя жестокие нападения от беса блуда, пришел к некому старцу и рассказал ему свои помыслы. Тот, будучи не-

опытен, услышав это, вознегодовал на брата, имевшего такие помыслы, называя его окаянным и недостойным монашеского образа. Брат, услышав это, отчаялся о себе и, оставив свою келью, возвратился в мир. Но по Божию промыслу встречается с ним авва Аполлос, опытнейший из старцев; видя его смущение и великую печаль, спросил его: сын мой! какова причина такой скорби? Он сначала не отвечал от великого уныния, но после многих увещеваний старца рассказал ему о своих обстоятельствах. Часто, говорил он, помыслы смущают меня; я пошел и открыл такому-то старцу и, по словам его, нет мне надежды на спасение; в отчаянии я иду в мир. Отец Аполлос, услышав это, долго утешал и вразумлял брата, говоря: не удивляйся, сын мой, и не отчаивайся о себе. Я, будучи так стар и сед, терплю жестокие нападения от этих помыслов. Итак, не малодушествуй в таком искушении, которое исцеляется не столько человеческим старанием, сколько человеколюбием Божиим. Только послушай меня теперь, возвратись в свою келью. Брат сделал это. Авва Аполлос, расставшись с ним, пошел в келью старца, отлучившего брата, и, став возле нее, со слезами молил Бога так: Господи! посылающий искушения на пользу нашу, пошли напасти брата на этого старца, чтобы в старости своей по опыту он узнал то, чему не научился за столь долгое время, — узнал, как сострадать поражаемым дьяволом. После окончания молитвы видит эфиопа, стоящего близ кельи и бросающего стрелы в старца. Уязвленный ими, как от вина колебался он и, не в силах снести, вышел из кельи и пошел в мир тем же путем, которым шел и младший брат. Авва Аполлос, узнав это, вышел к нему навстречу и спросил у него: куда ты идешь и какая причина такого твоего смущения? Тот, думая, что святому известно случившееся с ним, от стыда ничего не отвечал. Тогда авва Аполлос сказал ему: возвратись в свою келью, отсюда познай свою немощь и считай себя или неизвестным прежде дьяволу, или презренным от него. Ибо ты не удостоился вступить в войну с ним. Что я говорю — в войну? Ты и единого дня не мог выдержать его нападения. Это случилось с тобою за то, что ты, приняв у себя младшего брата, который вел войну против общего врага, вместо того, чтобы поощрить его к подвигу, вверг его в отчаяние, не подумав, чего требует премудрая заповедь: спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обреченных на убиение? (Притч 24, 11); и даже о чем говорит притча, относящаяся к Спасителю нашему: трости надломленной не преломит и льна курящегося не угасит (Мф 12, 20). Ибо никто не мог бы устоять против коварства врага и даже пригасить пламенное движение природы, если бы благодать Божия не помогала немощи человеческой. Итак, когда исполнилось это спасительное благодеяние Божие, станем общими молитвами просить Бога, чтобы Он отнял простертый и на тебя бич. Он поражает, и Его же руки врачуют (Иов 5, 18); умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возводит, унижает и возвышает (1

Цар 2, 6, 7). Сказав это и помолившись, тотчас избавил его от наведенной на него напасти и советовал ему просить от Бога, чтобы дал язык мудрых, чтобы мог словом подкреплять изнемогающего (Ис 50, 4). Из всего сказанного познаем, что нет другого надежнейшего пути к спасению, как открывать свои помыслы рассудительнейшим отцам и иметь их руководителями к добродетели, а не следовать собственному помыслу и рассуждению. А из-за неопытности, неискусности, простоты одного или нескольких не нужно опасаться открывать свои помыслы отцам опытнейшим. Ибо и они не по собственному побуждению, но по внушению от Бога и Божественного Писания заповедали младшим спрашивать старших.

Как приятно Богу это установление, можно видеть из Св. Писания, особенно из истории св. Самуила. Он, будучи с младенчества посвящен матерью Богу и удостоясь беседы с Богом, не поверил своему помыслу, но, дважды воззванный Богом, спешит к старцу Илию и от него получает наставление и правило, как подобает отвечать Богу; таким образом и того, кого Бог удостоил собеседования с Собою, Он восхотел руководить учением и наставлением старца, чтобы через то вести его к смирению.

И Христос, Сам призывая Павла и разговаривая с ним, хотя мог тотчас открыть глаза его и показать путь к совершенству, но отсылает к Анании и повелевает от него научиться пути истины, говоря: встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать (Деян. 9, 6), этим научая нас следовать опытнейшим. Но да не будет когда-либо достоподражаемый пример Павла для малоопытных, худо понимающих его, поводом к своенравию, по которому каждый хотел бы, подобно Павлу, быть ведомым к истине самим Богом, а не отцами. А что это истинно, можно видеть не только из вышесказанного, но и из того, что апостол показал на деле, как говорит в послании: ходил я в Иерусалим видеться с Петром... и предложил благовествование, проповедуемое мною язычникам, не напрасно ли я подвизаюсь или подвизался (Гал 1, 18; 2, 2), хотя и сопутствовала ему благодать Св. Духа в силе знамений, которые он творил. Поэтому кто будет настолько горд и кичлив, чтобы стал основываться на собственном мнении и суждении, когда сосуд избранный сознается, что он имел нужду в совете предшествовавших ему апостолов? Таким образом, совершенно ясно доказывается, что Господь никому не открывает пути совершенства, кроме руководимых духовными отцами, как и через пророка говорит: спроси отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе (Втор 32, 7).

Итак, всей силою и со всей тщательностью мы должны стараться смирением приобрести себе благой дар рассудительности, которая может сохранить нас невредимыми от чрезмерности с обеих сторон. Ибо, как говорят отцы, крайности с той и с другой стороны одинаково вред-

ны, — и излишество поста и пресыщение чрева, чрезмерность бдения и продолжительность сна и прочие излишества. Ибо знаем мы некоторых не побежденных чревоугодием, но низложенных безмерным постом и впавших в ту же страсть чревоугодия по причине слабости, происшедшей от чрезмерного поста.

Помню, что и я испытал нечто подобное, постясь до того, что потерял желание есть и пребывал два или три дня без пищи, пока другие не побудили меня к принятию ее. Также по коварному действию дьявола сон до того удалился от глаз моих, что я, проведя много ночей без сна, молил Господа, чтобы немного соснуть мне. И я был в большей опасности от неумеренности в посте и бдении, нежели от чревоугодия и долгого сна.

Такими-то, столь высокими наставлениями возвеселил нас блаженный Моисей, так что мы, получив назидание, прославили Господа, дающего такую премудрость боящимся Его. Ему же подобает честь, и держава во веки, аминь.

Нил Постник

Краткие сведения о нем [83]

Святой преподобный Нил Постник, уроженец Константинополя, жил в IV веке и был учеником святого Иоанна Златоуста. Получив прекрасное образование, Нил еще молодым человеком был назначен на важный пост префекта столицы. К этому времени Нил был женат и имел двух детей. Блеск придворной жизни тяготил супругов. Огромное влияние на их жизнь и их стремления оказывал святой Иоанн Златоуст. Супруги решили расстаться и посвятитьсебя иноческой жизни. Жена Нила с дочерью удалилась в один из женских монастырей в Египет, а преподобный Нил с сыном Феодулом ушли на Синай, где поселились в выкопанной своими руками пещере. Сорок лет служила эта пещера жилищем преподобному Нилу. Постом, молитвой, трудами стяжал святой высокое духовное совершенство. К нему стали приходить люди всякого звания и сословия - от императора до земледельца, и каждый у святого находил совет и утешение. В своем уединении преподобный Нил много писал. Известны его послания, среди которых - гневные обличения императора Аркадия, изгнавшего святого Иоанна Златоуста. Широко известны аскетические творения преподобного Нила, достойного ученика Златоуста: они совершенны по форме, глубоко православны, исполнены искренним чувством и ясной мыслью.

В пустыне преподобный Нил претерпел много невзгод. Так, сарацины пленили сына его Феодула, которого предназначили в жертву языческим богам. По молитвам святого Господь спас Феодула, и преподобный нашел его у епископа Эмесского, выкупившего молодого человека у варваров. Этот же епископ рукоположил обоих пустынников во пресвитеров. После посвящения они возвратились на Синай, где и подвизались вместе до кончины преподобного Нила (в 450 году).

---

[83] Сведения по современным данным.

Слово о молитве [84]

Пролог

Меня опалял жар нечистых страстей, когда ты, по своему обыкновению, прикосновением своих боголюбивых писем вновь возродил меня, ободрив ум мой, изнуренный самыми постыднейшими искушениями, блаженно подражая тем самым великому Наставнику и Учителю нашему. И это неудивительно: уделом твоим, как и благословенного Иакова, всегда было славное. Ведь хорошо послужив ради Рахили и получив Лию, ты теперь добиваешься и возлюбленной, из-за неё, вероятно, исполнив уже седмицу лет (Быт. 29,20-30). Что же касается меня, то я не отрицаю, что, потрудившись всю ночь, ничего не поймал (Лк. 5,5). Однако, по твоему совету забросив сети еще раз, выловил множество рыб – не думаю, что больших, но числом, тем не менее, сто пятьдесят три (Ин. 21-11). И посылаю тебе их в корзине любви, исполнив твое повеление через такое же количество глав.

Я удивляюсь и ревностно желаю подражать твоему прекрасному стремлению получить главы о молитве. Ибо ты не просто возжелал иметь их, запечатленных руками и с помощью чернил на хартии, но захотел обладать ими, незыблемо укорененными в уме любовью и непамятозлобием. Но поскольку, согласно премудрому Иисусу, *вся сугуба, едино противу единаго* (Сир. 42-25), то прими мой дар и по букве, и по духу. Ведь ум предшествует всякой букве, а если его нет, то не бывает и буквы. Поэтому и образ молитвы двойственен: один – деятельный, дру-

[84] Данное слово ранее приписывалось Нилу Постнику (Нилу Синайскому) и поэтому в славянском Добротолюбии опубликовано под его именем. Последние научные данные показали, что «Слово о молитве» принадлежит авве Евагрию. Оставляю традицию Добротолюбия как есть, текст же прилагаю по переводу А.И. Сидорова «Творения аввы Евагрия».

гой созерцательный. Подобным же образом дело обстоит и с числом: то, что в нем очевидно, есть количество, а смыслом его является качество.

Разделив сочинение о молитве на сто пятьдесят три главы, мы послали их тебе, как евангельское воздаяние, дабы обрел ты приятное услаждение символическим числом, также найдя здесь фигуру треугольника и шестиугольника, указывающие одновременно и на благочестивое ведение Троицы, и на очертание этой вселенной. Ибо число сто само по себе – четырехугольно, а пятьдесят три – треугольно и сферично. Двадцать восемь – треугольно, а двадцать пять – сферично, поскольку пятью пять будет двадцать пять. Таким образом, ты имеешь фигуру четырехугольника благодаря четверице добродетелей, а также в числе двадцать пять имеешь фигуру круга, обозначающую посредством кругового вращения времен премудрое ведение века. Ибо время катится неделя за неделей, месяц за месяцем, год за годом и пора за порой, как это мы видим в движении солнца и луны, весны и лета, и т.п. Треугольник же, вероятно, обозначает ведение Святой Троицы. Или иначе: если ты мыслишь число сто пятьдесят три, то оно, вследствие своего обилия и в качестве треугольника, есть любомудрие деятельное, естественное и богословское. Оно также есть вера, надежда и любовь, или золото, серебро и драгоценные камни.

Таково то, что относится к числу. Что же касается глав, то не пренебрегай их скудостью, как научившийся и *терпеть голод*, и *быть в недостатке* (Флп. 4,12). Помни о Том, Кто не отверг двух лепт вдовицы, но принял их благосклоннее, чем богатство многих других (Лк. 21,3). Поэтому, познав плод благоволения и любви, будь внимательным к искренним братьям своим, молись о немощном, чтобы он стал здрав и, взяв постель свою, мог ходить (Мк. 2,11) через благодать Христову. Аминь.

Главы о молитве

1. Если бы кто-нибудь пожелал приготовить благовонный фимиам, то он, согласно закону, сложил бы в равной мере ливан чистый, кассию, оних и стакти (Исх. 30,34). И это есть четверица добродетелей. Когда они наличествуют в полной и равной мере, то ум наш не будет предан.

2. Душа, очистившись полнотою заповедей, приуготовляет незыблемое положение ума, делая его способным воспринять искомое состояние.

3. Молитва есть беседа ума с Богом. Какого же состояния должен достичь ум, чтобы он был в силах неизменно простираться к своему Владыке и собеседовать с Ним без посредника?

4. Если Моисею, пытавшемуся приблизиться к купине неопалимой, пылающей на земле, было запрещено это до тех пор, пока он не снимет

обувь с ног (Исх. 3,5), то разве тебе, желающему созерцать Того, Кто превыше всякого чувства и мысли, и стать собеседником Его, не должно снять с себя всякую страстную мысль?

5. Прежде всего молись о даре слез, дабы чрез сокрушение смягчить существующую в душе твоей грубость и, исповедовав свои беззакония Господу, получить от него прощение.

6. Пользуйся слезами для получения всякого прошения. Ибо весьма радуется о тебе Владыка, когда ты молишься со слезами.

7. Если ты изливаешь потоки слез в молитве своей, нисколько не превозносись этим, считая себя выше многих. Ибо молитва твоя приняла помощь свыше, дабы мог ты ревностно исповедовать грехи свои и слезами умилостивить Владыку. Поэтому не превращай в страсть защиту от страстей, дабы не прогневать Даровавшего тебе благодать.

8. Многие плачущие о грехах своих забыли о цели слез и, впав в безумие, отвратились от пути истинного.

9. Стой на молитве прилежно и молись усердно, отвращаясь от попечений и рассуждений, овладевающих тобой. Ибо они приводят в замешательство и смущают тебя, чтобы ослабить силу твою.

10. Когда бесы видят твою ревность к истинной молитве, тогда они подкладывают мысли о неких вещах, якобы необходимых. Спустя некоторое время они возбуждают память о них, подвигая ум на поиски этих вещей, а поскольку он не находит их, то вскоре падает духом и скорбит. Во время стояния на молитве бесы еще раз напоминают уму об искомых вещах, заставляя вспомнить о них, дабы он, побуждаемый к ведению их, утратил плодотворную молитву.

11. Стремись к тому, чтобы во время молитвы ум твой стал глухим и немым, и тогда сможешь молиться.

12. Когда случится с тобой искушение, либо вступишь в спор и, раздраженный противоречием, проронишь непочтительное слово, тогда вспомни о молитве и суде, который влечет она, - и сразу успокоится в тебе беспорядочное движение.

13. То, что ты сделаешь в отмщение брату, обидевшему тебя, станет преткновением для тебя во время молитвы.

14. Молитва есть побег от древа кротости и незлобивости.

15. Молитва есть плод радости и благодарения.

16. Молитва есть защита от печали и уныния.

17. Уходя от мира, *продай имение твое и раздай нищим* (Мф. 19,21) и, взяв крест, *отвергнись себя* (Мф. 16,24), дабы ты смог молиться нерассеянно.

18. Если желаешь достохвально молиться, отвергай себя каждый час и, претерпевая многочисленные и суровые испытания, любомудрствуй о молитве.

19. Какие бы тяготы ты ни претерпел, подвизаясь в любомудрии, плод его обнаружишь во время молитвы.

20. Если желаешь молиться как должно, не ввергай в печаль душу. Иначе – всуе подвизаешься.

21. Писание гласит: *Оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди, прежде примирись с братом твоим* (Мф. 5,24); тогда, прийдя, будешь молиться невозмутимо. Ибо памятозлобие затемняет владычествующее начало души молящегося и омрачает молитвы его.

22. Накапливающие в себе огорчения и памятозлобие подобны тем людям, которые черпают воду и льют её в продырявленную бочку.

23. Если ты терпелив, то всегда будешь молиться с радостью.

24. Когда молишься как должно, тогда могут возникнуть перед тобой такие вещи, с которыми ты сочтешь справедливым обойтись, пользуясь гневом. Однако вообще нет праведного гнева на ближнего. Ибо если ты приложишь старание, то найдешь, что возможно уладить дело и без гнева. Поэтому употребляй все средства, чтобы не разразиться гневом.

25. Смотри, как бы под предлогом врачевания другого, не стать тебе самому неисцеленным и не поставить преграды молитве твоей.

26. Воздерживаясь от гнева, ты и сам обретешь прощение от других и покажешь себя разумным, войдя в число молитвенников.

27. Вооружаясь против гнева, никогда не допускай к себе похоть. Ибо она поставляет вещество для гнева, который замутняет умное око, расстраивая молитвенное состояние.

28. Молись не только внешними телодвижениями, но побуждай ум свой обращаться с великим страхом к чувству духовной молитвы.

29. Иногда, лишь только станешь на молитву, сразу начинаешь хорошо молиться, а иногда, и много потрудившись, не можешь достичь цели. Это случается для того, чтобы ты с ещё большим усердием взыскивал духовного совершенства и, обретя его, сохранил бы его нерасхищенным.

30. Когда к нам приближается Ангел, то отступают докучающие нам бесы и ум обретает великую отраду, молясь с бодрой полнотой здоровья. Однако иногда обычная брань поглощает нас, и ум сражается, не имея возможности возвести очи горе. И это потому, что прежде он был заражен многоразличными страстями. Тем не менее, если он будет больше искать, то найдет; если же будет сильнее стучать, то ему отворят.

31. Не молись об исполнении желаний своих, ибо они не всегда созвучны воле Божией. Лучше молись, как тебя научили, говоря: *да будет воля Твоя* на мне (Мф. 6,10). И во всяком деле так проси Бога, чтобы была Его воля. Ибо Он желает доброго и полезного душе твоей, а ты не всегда ищешь этого.

32. Часто, молясь, просил я, чтобы исполнилось то, что казалось мне благом, и, неразумно упорствуя в прошении, силой понуждал волю Божию, а не предавал себя Богу, чтобы Он домостроительно устроил все, поскольку Он лучше меня ведает, что мне полезно. Однако, получив просимое, я затем сильно мучился из-за того, что не уповал на волю Божию, ибо обретенная вещь обманывала мои ожидания.

33. Что является благом, кроме Бога? Поэтому предадим Ему все, касающееся нас, и нам будет хорошо. Ибо Благой, конечно, есть и Податель благих даров.

34. Не печалься, не получая от Бога сразу то, о чем просишь. Ибо Он желает полнее облагодетельствовать тебя, постоянно и напряженно молящегося к Нему. Ведь что может быть возвышенней устремленности к собеседованию с Богом и к общению с Ним?

35. Нерассеянная молитва есть высшее мышление ума.

36. Молитва есть восхождение ума к Богу.

37. Если с пылом жаждешь молиться, отрекись от всего, чтобы наследовать все.

38. Молись, во-первых, об очищении от страстей; во-вторых, об избавлении от неведения и забвения; в-третьих, об освобождении от искушения и богооставленности.

39. В молитве своей ищи только правды и Царства Божия, то есть добродетели и ведения, а остальное приложится тебе.

40. Праведно молиться – значит молиться не только о собственном очищении, но и о всяком единоплеменнике своем, дабы подражать ангельскому образу жизни.

41. Смотри, действительно ли Богу предстоишь в молитве своей, или поддаешься соблазну человеческой похвалы и за ней охотишься под благовидным предлогом продолжительной молитвы.

42. Молишься ли ты с братией или наедине, подвизайся молиться не по привычке только, но с чувством.

43. Чувством молитвы является глубокое раздумие, сопровождающееся благоволением, сокрушением и мукой душевной при исповедании прегрешений с беззвучными стенаниями.

44. Если во время молитвы ум твой отвлекается, то он осознает, что это молится не монах и что он является пока мирским, украшающим внешнюю скинию.

45. Молясь, будь предельно бдительным в отношении к памяти своей, дабы не предложила она тебе свои греховные воспоминания. Наоборот, подвигай себя к ведению служения своего. Ибо ум во время молитвы может быть похищен памятью.

46. Когда ты молишься, то память вызывает в тебе либо мечтания о прошлых делах, либо новые заботы, либо представляет тебе лицо обидчика.

47. Бес весьма завидует молящемуся человеку и использует все средства, чтобы сбить его с цели. Поэтому он не перестает с помощью памяти вызывать мысли о вещах, а с помощью плоти опрокидывает на землю страстями, дабы только помешать его шествию благим путем подвижничества и вознесению к Богу.

48. Если наилукавейший бес, многие употребив хитрости, не может помешать молитве праведника, то он немного отступает, но затем, когда молитва закончена, мстит ему. Ибо этот бес либо возжигает гнев в нем, разрушающий наилучшее состояние души, возникшее в результате молитвы, либо понуждает к неразумному наслаждению и глумится над умом.

49. Помолившись как должно, ожидай недолжного, однако стой мужественно, охраняя плод свой. Ибо для этого ты и предназначен изначала: *делати и хранити* (Быт. 2,15). А поэтому, возделав, не оставляй без охраны добытое трудом, иначе не будет тебе никакой пользы от молитвы.

50. Всякая брань, возникающая между нами и нечистыми бесами, ведется только из-за духовной молитвы и ничего другого. Ведь для них она чрезвычайно неприятна и тягостна, а для нас – спасительна и благотворна.

51. Что угодно бесам возбуждать в нас? – Чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, памятозлобие и прочие страсти, дабы ум, одебелившись ими, не мог молиться, как должно. Ибо страсти неразумной части души, начиная властвовать над умом, не позволяют ему двигаться разумно.

52. Мы домогаемся добродетелей ради логосов тварных вещей; к ним стремимся ради Слова, дающего бытие этим логосам, а это Слово обычно открывается нам в состоянии молитвы.

53. Состояние молитвы есть навык бесстрастия, который с помощью наивысшей любви восхищает любомудренный ум на духовную высоту.

54. Желающему истинно молиться должно владычествовать не только над яростной и желательной частями души, но и быть вне всякой страстной мысли.

55. Любящий Бога всегда собеседует с Ним, как с Отцом, отвращаясь от всякой страстной мысли.

56. Достигший бесстрастия не обязательно сразу сподобляется истинной молитвы. Ибо он может еще заниматься простыми мыслями и развлекаться рассмотрением их, а поэтому быть весьма далеким от Бога.

57. Но и когда ум не задерживается на простых мыслях о вещах, это еще не означает, что он уже достиг места молитвы. Ибо возможно всегда пребывать в созерцании вещей и постоянно размышлять о логосах их, которые, хотя и являются простыми высказываниями, но, как представ-

ления о вещах, запечатлевают и оформляют ум, а поэтому и уводят его далеко от Бога.

58. Даже если ум оказывается превыше созерцания телесного естества, это не означает, что он узрел совершенное место Божие. Ибо он может все время пребывать в ведении умопостигаемых вещей и рассеивать свое внимание на них.

59. Если желаешь молиться, то тебе нужен Бог, дарующий молитву молящемуся. Поэтому призывай Его, говоря: *Да святится имя Твое; да придет Царствие Твое* (Мф. 6,9-10), то есть Святой Дух и Единородный Сын Твой. Ибо так научил нас Господь, говоря: Отцу должно *поклоняться в духе и истине* (Ин. 4, 24).

60. Молящийся в духе и истине чтит благоговейно Творца, не исходя от тварей, но исходя от Него Самого воспевает Его.

61. Если ты богослов, то будешь молиться истинно, а если истинно молишься, то ты – богослов.

62. Когда ум твой, возжигаемый пылкой любовью к Богу, постепенно отрешается от плоти и отвращается от всех мыслей, исходящих от чувства, памяти и темперамента, и в то же время становится преисполненным благоговения и радости, тогда считай, что ты приблизился к пределам молитвы.

63. Святой Дух, сочувствуя нашей немощи, посещает нас, даже если мы нечисты; и если Он находит, что с любовью к истине молится ему только ум, то нисходит на него и разгоняет всю фалангу обступивших его помыслов и греховных мыслей, обращая его к пылкому желанию духовной молитвы.

64. Тогда как прочие производят в душе помыслы, мысли и представления, пользуясь изменениями тела, Господь делает противоположное: Он входит в сам ум и влагает в него ведение о тех вещах, какие Ему угодны; посредством же ума Он унимает и невоздержанность тела.

65. Никто не может избежать упрека, когда при любви к истинной молитве человек впадает в гнев или памятозлобие. Ибо такой человек уподобляется тому, кто желает быть зорким и повреждает собственные очи.

66. Если желаешь молиться, не делай ничего противоположного молитве, дабы Бог, приблизившись к тебе, сопутешествовал с тобой.

67. Молясь, не облекай в самом себе Божество в зримые формы и не позволяй, чтобы ум твой запечатлевался каким-либо чувственным образом, но приступай к Нематериальному нематериально, и тогда постигнешь Его.

68. Остерегайся ловушек супротивных сил. Ибо бывает, что когда ты молишься чисто и безмятежно, то вдруг предстанет пред тобой некий чуждый и инородный образ, дабы ввести тебя в самомнение и внушить мысль, будто Божество находится в неком определенном месте и будто

сразу Оно открывается тебе, как нечто количественное, тогда как это Божество лишено формы и величины.

69. Когда завистливый бес не может возбудить память во время молитвы, тогда он принуждает телесный темперамент произвести некое чуждое представление в уме и придать ему форму. А поскольку ум обладает обыкновением пребывать в умозрениях, то он легко уступает и, устремляясь к нематериальному и безвидному ведению, обманывается и наполняется дымом вместо света.

70. Стой на страже своей, охраняя ум свой от мыслей во время молитвы, дабы исполнить прошение и быть незыблемым в собственном покое, а также чтобы Сочувствующий неведующим и тебя посетил, - тогда и получишь преславнейший дар молитвы.

71. Ты не сможешь чисто молиться, если поглощен материальными вещами и взбудоражен постоянными заботами. Ибо молитва есть отрешение ума от всяких помыслов.

72. Не может связанный бежать; и ум, рабски служащий страсти, не может зрить место духовной молитвы, ибо он влачится и кружится страстной мыслью и не в силах обрести неподвижное постоянство.

73. Когда, наконец, ум начинает чисто и бесстрастно молиться, тогда бесы нападают на него уже не слева, а справа. (*Бесы, будучи обычно «левыми», меняют свою тактику и при успехе молитвенного подвига предстают уже как «правые», являясь часто в образе Ангелов света. По Максиму Исповеднику: бесы нападают на нас спереди, когда прельщают материальными явлениями; сзади, когда возбуждают память предвосхищением порочных помыслов; слева, когда насилуют душу плотскими и распутными страстями; справа, когда нападают на душу посредством тщеславия и гордыни*). Они образно представляют ему славу Божию и принимают вид чего-либо угодного чувству, так что ему кажется, будто он уже совершенно достиг цели молитвы. Это, как сказал преизобилующий ведением муж, происходит от страсти тщеславия и беса, прикасающегося к определенному месту мозга.

74. Я думаю, что бес, прикасающийся к названному месту мозга, отвращает свет, окружающий ум. И таким образом страсть тщеславия проникает в разумную часть души, настраивая её на легкомысленный лад для того, чтобы стало ощупываемым божественное и сущностное ведение. Поскольку же уму не докучают плотские и нечистые страсти, но в чистоте предстоит он в молитве, то ему кажется, что в нем отсутствует всякое вражеское действие. Поэтому он принимает явление, произведенное в нем бесом, за явление божественное. А бес, проявив чрезвычайное искусство, действует на сопряженный с умом свет, изменяет его и, как мы уже сказали, формирует тем самым ум.

75. Ангел Божий, представ перед нами, одним только словом отгоняет от нас всякое вражеское действие и позволяет свету ума действовать неуклонно.

76. Когда в «Апокалипсисе» говорится об Ангеле, который приносит фимиам, чтобы дать его в помощь молитвам святых, то я думаю, что здесь подразумевается благодать, приводимая в действие Ангелом. Эта благодать созидает ведение истинной молитвы, так что ум, наконец, твердо пребывает вне всякого смятения, уныния и нерадения.

77. *Чаши, полные фимиама,* которые, как говорится, *суть молитвы святых* и которые принесли двадцать четыре старца, нужно понимать так: «чаша» есть привязанность к Богу, или совершенная и духовная любовь, в которой и осуществляется молитва в духе и истине.

78. Когда кажется тебе, что если ты молишься, то не нуждаешься в плаче о грехах, сразу обращай внимание на то, сколь далек ты от Бога, хотя обязан всегда пребывать в Нем, - тогда прольешь более горячие слезы.

79. Поистине, познав пределы свои, ты станешь охотно сокрушаться, сетуя на самого себя подобно Исаии: как, будучи нечистым и находясь среди народа такого, то есть среди супротивников, ты дерзаешь предстоять Господу Саваофу.

80. Если истинно молишься, то обретешь полноту удостоверенности и Ангелы соберутся к тебе, как к Даниилу, и просветят тебя относительно логосов тварных вещей.

81. Знай, что святые Ангелы побуждают нас к молитве и стоят рядом с нами, радуясь и молясь о нас. Но если мы нерадивы и восприимчивы к супротивным помыслам, то весьма сердим их, потому что в то время, как они столь подвизаются ради нас, мы не желаем молить Бога о самих себе, но пренебрегаем своим служением и оставляем Владыку и Бога их, идя на встречу с нечистыми бесами.

82. Молись кротко и невозмутимо, пой псалмы разумно и благозвучно – тогда будешь, как молодой орел, взмывающий в высоту.

83. Псалмопение усыпляет страсти и успокаивает невоздержанность тела; а молитва приготавливает ум осуществлять то действие, которое ему свойственно.

84. Молитва есть действие, подобающее достоинству ума, или наилучшее и подлинное его употребление.

85. Псалмопение относится к многоразличной премудрости, молитва же есть введение в нематериальное и немногоразличное ведение.

86. Прекраснейшее дело – ведение, ибо оно содействует молитве, побуждая мыслящую силу ума к созерцанию Божественного ведения.

87. Если ты не получил еще благодатного дара молитвы и псалмопения, будь настойчив и получишь.

88. *Сказал также им притчу о том, что должно всегда молиться и не унывать* (Лк.18,1). Поэтому не унывай и не падай духом от того, что до сих пор не получил. Получишь позднее. А к притче Господь добавил также слова: *Хотя я и Бога не боюсь и людей не стыжусь, но, как женщина не дает покоя, сотворю суд ей* (Лк. 18,4-5). Так и Бог *защитит* вскоре *вопиющих к Нему день и ночь* (Лк. 18,7). Поэтому радуйся, с трудолюбием и терпением пребывая в святой молитве.

89. Не желай того, что тебе кажется правильным, но желай того, что угодно Богу, - и будешь безмятежным и благодарным в молитве своей.

90. Даже если тебе кажется, что ты уже пребываешь с Богом, остерегайся беса блуда, ибо он весьма обманчив и завистлив. Этот бес желает быть более проворным, чем движение и трезвение ума твоего, чтобы отвлечь его от Бога, - даже тогда, когда он предстоит перед Ним с благоговением и страхом.

91. Если ты усердно занимаешься молитвой, то приготовься к нападкам бесов и терпеливо переноси удары бичей их. Ибо как дикие звери нападут они на тебя и изъязвят все тело твое.

92. Приготовься, как опытный борец, не колебаться, если вдруг увидишь некое видение; не страшиться, если узришь меч, вытащенный против тебя, или факел, направленный прямо в очи тебе; не падать духом, если предстанет перед тобой некий лик, безобразный и кровавый. Наоборот, стой непоколебимо, исповедуя доброе исповедание, и с легким сердцем взирай на врагов своих.

93. Достойно переносящий печали обретет и радости, а мужественный в тягостях не лишится и духовной сладости.

94. Смотри, чтобы лукавые бесы не обольстили тебя каким-либо видением, но будь внимателен, обращаясь к молитве, и призывай Бога, чтобы, если мысль исходит от Него, Он Сам просветил тебя, а если нет, чтобы Он поскорее отогнал от тебя искусителя. И дерзай, ведь псы не устоят, если ты прибегнешь к горячему призыванию Бога в молитве. Тогда бесы, незримо и неявно бичуемые Божией силой, далеко убегут от тебя.

95. Надлежит не быть тебе в неведении относительно и следующего коварства бесов: временами они разделяются между собой, и, если ты кажешься ищущим помощи против одних, то другие приходят в ангельских видах и как бы изгоняют первых для того, чтобы ты обманулся их умыслом, приняв их за подлинных ангелов.

96. Радей о многом смиренномудрии и мужестве, и тогда нападки бесов не коснутся души твоей, а удары бичей их не приблизятся к телесной храмине твоей, потому что *Ангелом Своим заповесть о тебе, сохранити тя* (Пс. 90,11). И Ангелы незримо отразят от тебя всякое вражеское действие.

97. Радеющий о чистой молитве слышит исходящие от бесов шумы, топот и голоса, но не падет ниц от них и не потеряет голову, а, обращаясь к Богу, скажет: *Не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Пс. 22,4) и тому подобное.

98. Во время таковых искушений пользуйся краткой и напряженной молитвой.

99. Если бесы будут угрожать тебе, внезапно появляясь из воздуха, чтобы поразить тебя и похитить ум твой, не бойся их и не обращай внимание на стращание их. Ибо они пугают тебя, испытывая, принимаешь ли ты их всерьез, или уже полностью презрел их.

100. Если Богу Вседержителю, Творцу и Промыслителю всего предстоишь в молитве, почему предстоишь Ему так неразумно и пренебрегаешь неодолимым страхом Его, пугаясь комаров и тараканов? Или не слышишь глаголющего: *Господа Бога твоего да убоишися* (Втор. 10,20) и *Его же вся боятся и трепещут от лица силы* Его (2 Пар. 36, молитва Манассии) и далее.

101. Как хлеб есть пища для тела, а добродетель – пища для души, так и духовная молитва является пищей для ума.

102. В священном месте молитвы молись не как фарисей, но как мытарь (Лк. 18, 10-14), дабы и тебе быть оправданным Господом.

103. В своей молитве старайся не призывать проклятий на голову какого-либо человека, дабы не разрушить того, что строишь, и не сделать мерзкой молитву свою.

104. Задолжавший десять тысяч талантов пусть служит уроком тебе: если ты не простишь должнику своему, то и сам не получишь прощения долга. Ибо Писание гласит: *Отдал его истязателям* (Мф. 18,34).

105. Предстоя в молитве, не обращай внимания на нужды тела, дабы, будучи укушенным блохой, вошью, комаром или мухой, не лишиться тебе великой выгоды от молитвы.

106. Дошло до нас, что одному из святых, когда он молился, лукавый противоборствовал настолько, что стоило ему простереть руки, как лукавый преображался в льва и, встав прямо на задние лапы, поднимал передние, вонзая когти в бока подвижника и не отступая, в ожидании, что тот опустит руки. Но святой никогда не ослаблял рук, не завершив обычной молитвы своей.

107. Таковым же был, как мы знаем, и Иоанн Малый, а лучше сказать, наивеличайший монах, безмолвствовавший в яме. Вследствие своего постоянного сопребывания с Богом он оставался неподвижным, когда бес, в виде дракона, обвивался вокруг него, кусал плоть его и рыгал в лицо его.

108. Ты, конечно, читал жития тавеннисиотских монахов, где говорится, что когда авва Феодор держал слово к братиям, две ехидны подползли под ноги его, а он невозмутимо накрыл их ступнями, словно сво-

дом, и держал их там до тех пор, пока не закончил речь. Лишь после этого он показал их братиям, объяснив, в чем дело.

109. О другом духовном брате мы также читали, что когда он молился, ехидна подползла и вцепилась в ногу его. Но он опустил руки только тогда, когда завершил обычную молитву свою. И сей возлюбивший Бога паче себя не потерпел никакого вреда.

110. Во время молитвы держи потупленными очи свои и, отрекшись от плоти и души, живи соответственно уму.

111. Еще на одного святого, безмолвствовавшего в пустыне и усердно молившегося, бесы в течении двух недель наступали таким образом: они играли им как мячиком, бросая в воздух и ловя на подставленную тростниковую циновку. Однако так и не смогли низвести ум его долу от пламенной молитвы.

112. Другому боголюбивому подвижнику, шедшему по пустыне и творившему молитву, предстали два Ангела и, встав по бокам, стали свершать путь с ним. Но он совсем не обратил внимания на них, дабы не потерпеть ущерба в лучшем. Ведь он помнил слова Апостола: *Ни Ангелы, ни Начала, ни Силы… не могут отлучить нас от любви* Христовой (Рим. 8, 38-39).

113. Монах становится равным Ангелам, когда желает видеть *лице Отца Небесного* (Мф. 18,10).

114. Во время молитвы не взыскуй никогда лицезрения какого-либо лика или вида.

115. Не желай видеть чувственным образом ни Ангелов, ни Силы, ни Христа, дабы не стать полным безумцем, принимая волка за пастыря и поклоняясь вместо Бога супротивникам бесам.

116. Начало прельщения ума – тщеславие; побуждаемый им, ум пытается описать Божество в каком-либо лике или виде.

117. Я буду говорить свое – то, что говорил и новоначальный: блажен ум, который во время молитвы стяжал совершенную свободу от материальных образов.

118. Блажен ум, который, предаваясь молитве без развлечения, всегда приобретает все большую любовь к Богу.

119. Блажен ум, который во время молитвы становится нематериальным и отрешенным от всего вещественного.

120. Блажен ум, который во время молитвы стяжал совершенное нечувствие.

121. Блажен монах, который всякого человека считает за бога после Бога.

122. Блажен монах, который смотрит на спасение и преуспеяние всех с великой радостью, как на свои собственные.

123. Блажен монах, который считает себя прахом, попираемым всеми.

124. Монах есть тот, кто, удалившись от всех, со всеми соединен. (*В этой краткой сентенции авва Евагрий как бы резюмирует суть монашеского отречения от мира. Авва Фаласий: Тот любит безмолвие, кто не питает страсти к мирским вещам. И тот любит людей, кто не любит ничего из человеческого. Максим Исповедник: Монахом является тот, кто удалил ум свой от материальных вещей и пребывает в Боге через воздержание, любовь, псалмопение и молитву. Характерно и образное сравнение у аввы Дорофея мира с кругом, а Бога с центром этого круга. Радиусы же, соединяющие окружность с центром, - пути человеческой жизни. Приближение к центру, т.е. уход или отречение от мира, соединяет людей друг с другом и с Богом. Ср. также учение прп. Силуана Афонского о цели монашеской жизни, как молитвы за всех.*)

125. Монах есть тот, кто считает себя единым со всеми, поскольку он желает видеть в каждом без исключения самого себя.

126. Тот успешно свершает молитву, кто всю первую мысль свою плодоносит Богу.

127. Если желаешь молиться как монах, избегай всякой лжи и всякой клятвы, иначе напрасно принимаешь несвойственный тебе вид.

128. Если желаешь молиться в духе, не тащи вверх ничего плотского, и тогда не будет облака, затмевающего очи твои во время молитвы.

129. Вверь Богу все телесные потребности свои, и ясно будет, что ты доверяешь ему и потребности духа.

130. Если достигнешь обетований, будешь царствовать. Поэтому, устремляя взор свой на них, ты должен охотно переносить скудость здешней жизни.

131. Не отказывайся от бедности и скорби, которые суть вещество невесомой молитвы.

132. Пусть телесные добродетели в тебе будут залогом душевных, а духовные – залогом нематериального и сущностного ведения.

133. Молясь, наблюдай за помыслом: если он легко успокоился, проследи, откуда это произошло, дабы не попасть тебе в засаду и, впав в обман, не предать самого себя.

134. Бывает, что бесы внушают тебе помыслы, а затем побуждают противостоять этим помыслам в молитве и внутренне спорить с ними. Тогда бесы добровольно отступают, дабы ты, впав в прелесть, возомнил о себе, будто начал уже побеждать помыслы и устрашать бесов. (*Наглядный пример к чему приводит пренебрежение этим и подобными ему правилами – современное движение неопятидесятников*).

135. Если в молитве противоборствуешь какой-либо страсти или бесу, докучающим тебе, вспомни слова псалмопевца: *Пожену враги моя, и постигну я, и не возвращуся, дондеже скончаются. Оскорблю их, и не возмогут стати, падут под ногама моима* (Пс. 17,38-39) и так да-

лее. Их говори вовремя, облачаясь в броню смиренномудрия против противников своих.

136. Не думай, что уже стяжал добродетель, если прежде не сражался за неё вплоть до крови. Ибо должно до крови сражаться, безукоризненно *подвизаясь против греха,* согласно божественному Апостолу (Евр. 12,4).

137. Может случиться, что, оказав помощь какому либо человеку, ты потерпишь ущерб от другого, а поэтому, обиженный, скажешь или сделаешь что-нибудь неприличное в отношении к ближнему. Тем самым ты дурно растратишь то, что хорошо собрал. А это и является целью лукавых бесов. Поэтому следует быть разумно бдительным.

138. Подвергаясь нападкам бесов, принимай их, но имей попечение о том, чтобы избежать рабства их.

139. Ночью лукавые бесы просят Бога, чтобы Он отдал им духовного учителя и они могли бы сами устрашать его; днем же они нападают на него через людей, опутывая его сетью несчастий, клевет и опасностей.

140. Не проси пощады у сукновалов. Ибо если они бьют, топчут ногами, растягивают и лощат, то от этого одеяние твое становится более светлым.

141. Поскольку ты не отрекся от страстей и ум твой сопротивляется добродетели и истине, ты не обретешь благовонного фимиама в недре своем.

142. Жаждешь молиться? – Тогда переселись отсюда и всегда имей *жительство на небесах* (Флп. 3,20). И имей не только на словах, но ангельским деланием и божественным ведением.

143. Если только в несчастиях ты вспоминаешь о Судии и о том, сколь грозен и неподкупен Он, то ты еще не научился работать *Господеви со страхом* и радоваться *Ему с трепетом* (Пс. 2,11). Знай, что в духовных отрадах и праздниках Ему должно служить с большим благоговением и трепетом.

144. Тот муж обладает духовным разумением, который до совершенного покаяния не перестает со скорбью вспоминать о грехах своих и о праведном за них взыскании в вечном огне.

145. Одержимый грехами и гневом, но бесстыдно дерзающий простираться к ведению божественных вещей и приступать к нематериальной молитве, пусть услышит Апостольское запрещение, гласящее, что небезопасно ему молиться с обнаженной и непокрытой головой. Ибо таковая душа, говорит Апостол, *должна иметь на голове своей знак власти над нею, для Ангелов* (1 Кор. 11, 10), облачившись в стыд и подобающее смиренномудрие.

146. Как страдающему болезнью глаз не принесет пользы напряженное смотрение на палящее солнце в самый полдень, когда взгляд не

прикрывается ничем, так и уму страстному и нечистому совсем не принесет пользы мысленное представление о внушающей трепет и сверхъестественной молитве в духе и истине. Наоборот, подобная дерзость навлечет на ум негодование Божества.

147. Если Самодостаточный и Нелицеприятный не принимал пришедшего с даром к алтарю до тех пор, пока он не примирился с ближним, огорчающимся на него, то заметь, сколь великой должна быть внутренняя бдительность и различение, чтобы мы могли кадить благоприятным Богу фимиамом на духовном жертвеннике.

148. Не будь словолюбивым и славолюбивым, иначе не только на «хребте» твоем, но и на «лице» твоем будут делать грешницы. И будешь ты во время молитвы посмешищем для них, увлекаемый и обольщаемый ими на чудовищные помыслы.

149. Внимание, взыскующее молитву, её и обретет, ибо как раз молитва, а не иное что, следует за вниманием, и именно ею и следует ревностно заниматься.

150. Как зрение лучше всех чувств, так и молитва божественнее всех добродетелей.

151. Похвала молитве – не одно количество, но и качество. Это показывают вошедшие в храм помолиться и слова: *А молясь, не говорите лишнего* (Лк. 18,10) и последующее.

152. До тех пор, пока ты обращаешь внимание на соответствующее молитве положение тела, а ум твой печется об удобствах телесной скинии, ты еще не узрел места молитвы и далеко отстоишь от блаженного пути сего.

153. Когда, предстоя в молитве, ты окажешься превыше всякой другой радости, тогда обретешь, наконец, молитву.

Слово постническое (подвижническое) [85]

Многие из эллинов и немалое число иудеев предначинали любомудрствовать, но одни ученики Христовы возревновали об истинном любомудрии, потому что они одни имели учителем самую Премудрость, показующую на деле, какой образ жизни приличен такому предначинанию. Ибо первые, как бы представляясь действующими на позорище, украшали себя чужою личиною, нося на себе одно имя и будучи лишены[86] истинного любомудрия. Ветхим плащом, бородою и жезлом выказывали они свое любомудрие, но заботились о теле, служили похотям, как госпожам, были рабами чрева, допускали грубые удовольствия как дело естественное, покорствовали гневу, любили славу, с жадностию, подобно псам, кидались на роскошные трапезы, не зная того, что любомудрому прежде всего должно быть свободным и паче всего избегать того, чтобы быть рабом страстей или наемником и слугою невольников. Ибо, кто жил как должно, тому нимало не повредило, что был он рабом у людей, а у кого госпожами страсти, тот, служа удовольствиям, подвергается стыду и возбуждает великий смех.

2. Иные из них вовсе не радят о деятельной жизни, занимаются же, как думают, любомудрием умозрительным, вдаются в исследования трудные, толкуют о том, чего и доказать нельзя, хвалятся, что знают величину неба, меру солнца и действенность звезд. А иные покушались иногда и богословствовать, хотя в этом и истина неисследима, и догадка опасна; жили же бесчестнее во грязи валяющихся свиней. Если же некоторые вели и деятельную жизнь, то стали хуже первых, подъяв труды для славы и похвалы, ибо не из чего иного, как из желания показать себя и из славолюбия, предначинали многое сии жалкие, дешевую и ничтожную награду прияв за таковое злострадание: потому что всегда молчать, питаться травою, прикрывать тело худыми рубищами и жить, заключившись в бочке, не ожидая за сие никакого воздаяния по смерти, хуже

[85] Текст приводится по изданию: Нил Синайский преп. Слово подвижническое // Его же. Творения. – М., 2000, с. 242-292. – Переизд. текста 1858 г. с переводом в современную орфографию.

[86] По рукописи читается: ἑστερημένοι.

всякого безумия. Это значило настоящею жизнию ограничивать награды за добродетель, налагать на себя подвиги, за которые нет и времени получить венцы, вести непрестанную борьбу без всяких за нее воздаяний, быть в состязаниях, ничего не доставляющих, кроме пролития пота.

3. Из иудеев же чтителями этого образа жизни оказываются потомки Ионадавовы, которые, принимая всякого желающего так жить, подчиняют тому же уставу, сами живя всегда в кущах, воздерживаясь от вина и от всякой роскоши, довольствуясь бедною трапезою, соразмерною с телесною потребностию. Поэтому они как весьма заботятся о нравственном образовании, так и проводят много времени в умозрениях, почему и называются ессеями, так что самое имя дает видеть в них людей мудрых.

Одним словом, по их мнению, цель любомудрия вполне достигается, когда дела нимало не противоречат обету. Но что пользы от подвигов и многотрудного борения для них, отринувших Законоположника Христа? И у них гибнет также мзда за труды, потому что отреклись от Раздаятеля наград истинной жизни, и потому далеки от любомудрия. Ибо любомудрие есть исправление нравов, при истинном вЕдении Сущего. И далеки от него те и другие, и иудеи, и эллины, отвергнувшие Премудрость, снисшедшую с Небес, и покусившиеся любомудрствовать без Христа, Который один и делом и словом указал истинное любомудрие.

4. Он первый жизнию Своею проложил путь к сему любомудрию, показав образ чистого жития, возносясь всегда душою выше телесных страстей, а напоследок, когда домостроительствуемое Им спасение людей потребовало смерти, не пощадив и души; и тем научая, что вознамерившемуся право любомудрствовать должно отречься от всего приятного в жизни, трудиться же, пренебрегая телом, господствовать над страстями и не высоко ценить самую душу, но, когда и ее должно положить для показания добродетели, охотно предавать ее. И сей-то заимствовав образ жизни, святые Апостолы подражали оному. Как скоро были призваны, отрешились они от жизни мирской, в ничто вменили отечество, род, имение, немедленно вступили в жизнь суровую и многотрудную, преодолевали все неудобства, *скорбяще, озлоблени* (Евр. 11, 37), подвергаясь гонениям, наготуя, терпя недостаток в самом необходимом, а впоследствии отваживаясь и на смерть. Во всем прекрасно подражали они Учителю и в жизни своей оставили образец наилучшего жития.

Но поелику все христиане, будучи обязаны по сему образцу начертывать жизнь свою, или не восхотели, или не имели сил к подражанию, немногие же возмогли стать выше мирских мятежей, избежать бурной городской жизни и, таким образом поставив себя вне волнений, возлюбить иноческую жизнь, то одни последние соделали жизнь свою отпечатком апостольской добродетели, стяжанию предпочтя нестяжательность, чтобы ничем не развлекаться, пред пищею изысканною отдавая

преимущество наскоро уготованной, чтобы, телесной потребности удовлетворяя снедию, какая случилась, предотвратить тем восстание страстей; возгнушавшись же одеждами пышными и сверх потребности сделанными, как примышлением человеческой роскоши, по нужде тела употребляли они ризу простую и нехитрую, презрев наслаждения, признав нелюбомудренным делом оставить попечение о Небесном, а занимать ум тем, что лежит на земле и само собою достается зверям, не знали они мира, став вне человеческих страстей: не было между ними ни преимуществующего, ни уступающего преимущество, ни судящего, ни судящегося.

5. Ибо у каждого неподкупным судиею была своя совесть, и не случалось, чтобы один богател, а другой обнищевал, один истаивал голодом, а другой расседался от пресыщения, потому что скудость недостаточных восполнялась щедростию избыточествующих. Были у них равенство и одинаковость прав, а неравность изгонялась добровольным соединением преимуществующих с низшими. Лучше же сказать, не было тогда равенства, потому что и тогда производило неравности усердие старающихся более смириться, как ныне производит их неистовое стремление усиливающихся более прославиться.

Изгнана была у них зависть, не имела места ненависть, бежало от них тщеславие, уничтожена была гордость, истреблено все, что могло стать причиною возмущения, – для сильнейших страстей были они какими-то мертвецами и бесчувственными, даже и во сне не мечтавшими о них, потому что вначале ежедневными подвигами и терпением прекрасно отклонили от себя и памятование о страстях. Одним словом, утвердившись в таком состоянии, стали они как бы светильниками, сияющими во тьме, неблуждающими звездами, озаряющими мрачную ночь жизни, окружающею их неволненностию указуя всем, как удобно укрыться в пристань, безвредно избежав нападения страстей.

6. Но и это строгое житие, этот Небесный устав жизни, подобно изображению, которое от нерадения по временам списывающих делается постепенно менее похожим, напоследок дошли до несходства и стали совершенно далекими от первообраза. Распявшиеся миру, отрешившиеся от жизни мирской, отрекшиеся от того, чтобы жить, как прочие люди, подвизавшиеся же неизменностию бесстрастия преложиться в естество бесплотных Сил, снова обратились назад к житейским занятиям, к постыдным промыслам, помрачая строгое житие проводивших оное прежде прекрасно и своею невнимательностию делая, что хулят тех, которые могли быть восхваляемы и прославляемы за их добродетель. Держимся еще за рукоять рала, храня честную наружность, но стали уже непригодными для Небесного Царствия, потому что возвратились вспять и с великим тщанием держимся того, что обязаны были забыть, стараемся уже не о жизни, не требующей издержек и хлопот: безмолвие не признается

у нас потребным к избавлению себя от застаревших нечистот, уважается же множество дел, требующее заботы, бесполезной для истинной цели, и соревнование о вещественном препобедило спасительные советы.

Господь вовсе освободил нас от попечения о земном и повелел искать одного Небесного Царствия, а мы, как бы стараясь идти противным путем, не обратили на сие внимания, отрекшись от Владычных заповедей и от Господнего о нас попечения, возложили надежду на собственные свои руки. Ибо Господь говорит: *Воззрите на птицы небесныя, яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их* (Мф. 6, 26); и еще: *Смотрите крин селных, како растут: не труждаются, ни прядут* (Мф. 6, 28). Он запретил даже иметь суму, мешок и жезл (см.: Лк. 9, 3; 10, 4), повелел же довольствоваться одним нелживым обетованием, которое, посылая учеников Своих благодетельствовать прочим людям, изрек так: *Достоин бо есть делатель мзды своея* (Мф. 10, 10). Ибо знал, что обетование сие в промышлении о потребном для нас тверже нашей действенности.

7. А мы не отказываемся приобретать, сколько можем, земли, закупаем стада овец, рабочих волов, отличных по виду и по величине, откормленных ослов, чтобы овцы в обилии доставляли нам шерсть для изделий, а волы, служа произведениям земледелия, давали и пищу нам, и корм себе и другим животным; подъяремные же вьючные животные, недостающее в одной стране восполняя привозимым из других стран, снабжали приправами необходимую пищу, увеличивая тем приятность жизни. Да и из искусств те, которые выгоднее и вовсе не оставляют нам времени вспомнить о Боге, похищают же у нас весь наш досуг, предпочитаем мы, осудив, как видно, или Попечителя в немощи, или себя самих за прежнее исповедание; и хотя не признаем сего словом, но обличаем себя в этом делами, восхищаясь жизнию мирян, когда занимаемся тем же, чем и они, и даже, может быть, больше их проводим времени в телесных упражнениях.

Почему многие и благочестие почитают уже средством к приобретению и думают, что сия безмятежная и блаженная древле жизнь занимается не иным чем, как тем, чтобы, под видом притворного богочестия, избежать трудных служений и, приобретши же свободу наслаждаться беспрепятственно, простирать свои стремления к чему угодно, с великим бесстыдством величаясь пред низшими, а иногда и пред теми, которые имеют преимущество, как будто бы добродетельная жизнь почитается поводом к самовластию, а не к смирению и скромности.

Посему и те, которые должны уважать нас, смотрят на нас как на бездельную толпу: люди чиновные и разночинцы смеются над нами больше, чем над толкущимися на рынках, потому что не имеем, как следовало бы, никакого отличия пред прочими, хотим быть известными не по жизни, но по одежде, от трудов для добродетели отказываемся, а сла-

вы за оные желаем с неистовством, показывая в себе одну тень прежней истины.

8. И ныне иной, приняв на себя этот почтенный образ, но не омыв еще душевных нечистот, не изгладив в сердце своем отпечатлевшиеся следы прежних грехов, даже, может быть, еще бесчинно любуясь их представлением и нрава своего не обучив сообразоваться с данным обещанием, не зная, какая цель любомудрия по Богу, подъемлет брови пофарисейски, высоко думая об одном внешнем образе как о преуспеянии в добродетели, и всюду ходит, нося с собою снаряды, которыми действовать не научился, видимою внешностию показывает в себе знание, которого не отведывал и краями уст, оказываясь вместо пристани подводною скалою, вместо храма повапленным гробом (см.: Мф. 23, 27), вместо овцы волком – на гибель уловляемых видимостию. Ибо, когда таковые, бежав из монастырей, потому что не перенесли строгости жизни, дают себе свободу в городах, тогда, уже тревожимые потребностями чрева, к обольщению многих приемлют на себя образ благочестия как приманку, будучи готовы делать все, к чему принуждает телесная нужда, потому что всего сильнее понуждения естественной необходимости, которая в затруднительных обстоятельствах искусно измышляет из оных исход.

Особливо же когда присоединяется и умышленная праздность, тогда с большею хитростию находит себе место всякий предлог. Поэтому они так же неотступно, как тунеядцы, стоят при дверях богачей, подобно невольникам, бегают пред ними на площадях, расталкивая подходящих к ним близко, разгоняя встречных, стараются доставить им удобнейший проход и делают это по нужде в трапезе, не научившись удерживать сластолюбия при лакомых яствах и не восхотев, по Моисеевой заповеди, носить за поясом лопатку, чтобы ею при нужде ископать яму (см.: Втор. 23, 13). Ибо употреблявшие оную знали, что пределом всякого наслаждения снедями бывает гортань и что случайно восполняющее телесную скудость прикрывает неприличие безвременного пожелания.

9. Посему-то и имя Божие хулится, и жизнь вожделенная соделалась предметом омерзения, и приобретение[87] людей, живущих истинно добродетельно, почитается обольщением, и города обременяются ходящими туда и сюда без дела, и владетели домов терпят беспокойство, чувствуют неприятность при самом взгляде, видя, как они просят подаяния с бесстыдством, стоя при дверях, а многие, получив себе пристанище в доме, прикрывшись ненадолго притворною набожностию и личиною лицемерия оградившись от подозрения в злонамеренности, впоследствии же ограбив домовладетеля, уходят и тем делают, что вообще о монашеской жизни рассевается худая слава.

[87] Вместо: κτησις по рукописи читается: κρισις.

Так наконец бывшие некогда наставниками целомудрия изгоняются из городов как губители оного; и не находят себе доступа, как нечистые, наравне с одержимыми проказою. Иной скорее вверится разбойникам и подкапывающим стены, нежели проходящим монашескую жизнь, рассуждая, что удобнее остеречься от злоумышляющего явно, нежели от внушающего доверие с умыслом заманить в сети. И сии-то, не положившие и начала богочестивой жизни, не познавшие, в чем заключается польза безмолвия, и, может быть, какою-нибудь необходимостию побужденные без рассуждения приступить к монашескому житию, и почитающие монашество случаем к купле для приобретения необходимого, вели бы себя, как думаю, благочестнее, если бы не ходили по дверям всякого, но предлогом к стыду – собирать обильные подаяния – имели бы и свою одежду, и желающих в дань телу приносить[88] не одно необходимое, а чтО обрела роскошь прихотливых по неумеренности пожеланий. Но трудно врачевать страждущих такою неизлечимою болезнию.

10. Может ли кто истолковать пользу здоровья тем, которые никогда не вкушали здоровья, но с самых пелен росли вместе с изнурительною болезнию и по привычке о порче своего естества думают, что в этом нет никакого недостатка против естественного состояния? Всякое слово будет напрасно и не исправит, когда старательность слушающих, уклонясь к худшему, имеет противное расположение к тому, что предлагается как совет, а наипаче, когда надежда выгод питается пожеланием и страсть заграждает слух для всякого совета, так что советы об уцеломудрении не находят никакого доступа, когда сердце устремлено к корыстолюбию, как оно ни гнусно.

Но мы, возлюбленные, которые по любви к добродетели, как думаем, отрешились от мирской жизни, отреклись от мирских похотей и обещались идти вслед за Христом, для чего снова вдаемся в житейскую рассеянность и назло себе созидаем то, что прежде так прекрасно разорили? Для чего принимаем участие в худом умышлении проходящих дело свое, не как было им должно, своим старанием о суетном воспламеняя пожелания немощных, для простодушных соделываемся путем к любостяжанию?

11. От Господа повелено нам врачевать, а не раздражать поползновенных и прежде нравящегося нам – иметь в виду полезное ближнему, чтобы, следуя безрассудным своим пожеланиям, не довести до преткновения многих из людей простых, став для них поводом к соревнованию о земном. Для чего вещество, которое научены мы пренебрегать, ставим в великое, имея привязанность к деньгам и имуществу, деля ум на многие и бесполезные заботы? Старание о сем как нас отклоняет от тщательного попечения о необходимейшем и приводит к тому, что не раде-

[88] По рукописи читается: βουλομένους είσφέρειν.

ем о благах душевных, так в глубокую ведет пропасть тех, которые увлекаются житейскою пышностию и наслаждение, доставляемое богатством, почитают высочайшим благополучием, когда видят, что обещавшиеся любомудрствовать и хвалившиеся, что они выше удовольствий, стараются об оных больше их самих. Ничто не ведет так к неизбежному наказанию, как это – многих делать ревнителями худых своих дел: потому что погибель подражателей делается приращением наказания научившему и тем, которые не отказываются от подражания, как дела гнусного, угрожает немалое осуждение, когда бывает у них и учитель худых дел, которых избежали водящиеся целомудренным помыслом, признав учение предосудительным.

Поэтому никто да не оскорбится сказанным, но или да исправит, что погрешительно по равнодушию многих делается к стыду имени, или да откажется и от имени. Ибо если предлежит нам любомудрствовать, то обладать имуществом излишнее дело для любомудрия, которое дает обет для душевной чистоты быть чуждым самого тела. А если для кого вожделенно приобретать имение и наслаждаться житейскими приятностями, то для чего чествуют они любомудрие словом, чуждаясь оного на деле, и, украшая себя досточестными именованиями, совершают дела, противные тому, что обещают.

12. Потом не будем почитать для себя постыдным, что те, которых признаем низшими и называем мирянами, укоряют нас в нарушении Законов Спасителя и те, которые должны у нас учиться, учат нас пренебреженным нами заповедям Господним. Ибо, когда ссоримся и скажут они нам: *Рабу же Господню не подобает сваритися, но тиху быти ко всем* (2 Тим. 2, 24) и еще когда спросим о деньгах и имуществе и заметят они нам: *Хотящему ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу* (Мф. 5, 40), тогда иное ли что сделают, как, издеваясь над нами, осмеют и пристыдят нас за противоречие дел данному обету? Ибо нет необходимости ссориться с оспаривающим у нас имение и делать все то, к чему принуждает заботливость о нем.

Один перенес межу виноградника и часть присоединил к своему, иной на поле твое пустил скот, другой отвел воду, текущую в сад: ужели должно за это бесноваться, стать хуже неистового, всем таковым готовить мщение, к судилищам пригвоздить ум, который обязан заниматься созерцанием Сущего, и созерцательную силу обратить на делопроизводственную хитрость, чтобы с успехом изобиловать тем, что для нас нимало не полезно? Для чего оспариваем чужое как свое, уготовляя себе тяжкие оковы вещества, и не слушаем того, кто называет таковых злосчастными? Пророк говорит: *Горе умножающему себе не сущая его, и отягчающему узу свою тяжце,* (Авв. 2, 6). Ибо если преследующие нас легки, по слову сказавшего: *Скорейшии* (χουφοι) *быша гонящии ны паче орлов небесных* (Плач. 4, 19), а мы обременяем себя мирскими делами,

то явно, что, медленнее двигаясь в течении своем, легко будем уловлены врагами, от которых спасаться бегством научил Павел, говоря: «*Бегайте блудодеяния* (1 Кор. 6, 18) и лихоимства». Иногда и со всею готовностию текущие к почести, если несутся не с напряженным усилием, остаются далеко позади, не получив желаемого потому, может быть, что более ускорены шаги преследующих врагов.

13. Поспешающим к добродетели великим служит препятствием пристрастие к делам мирским, часто причиняющее гибель и душе и телу. Ибо что погубило израильтянина Навуфея? Не завидный ли виноградник соделался причиною его смерти, возбудив к нему зависть[89] в соседе Ахаве? Что два с половиною колена заставило остаться вне земли обетования? Не множество ли скота? Что и Лота разлучило с Авраамом? Не великое ли число овец, возбудив непрестанные ссоры между пастухами, и самих наконец разделило друг с другом?

Посему если имения завистливых возбуждают к убийству владеющих ими, самих владельцев отклоняют от занятия важнейшим, расторгают узы родства, друзей доводят до вражды, не имеют ничего общего с Жизнию Будущею да и телу не приносят никакой великой пользы, то для чего же, оставляя служение Богу, всецело предаемся суете? Ибо не мы сами промышляем о том, что нужно для нашей жизни. Все домостроительствует Бог: человеческое старание, если нет Божией помощи, по необходимости не достигает конца, Божие же Домостроительство и без человеческого старания доставляет совершенные блага. Какую пользу принес собственный труд тем, которым Бог сказал: «*Сеясте много, и взясте мало: отдунух я* (Агг. 1, 6, 9) от домов ваших»?

Живущим же добродетельно разве недоставало чего необходимого? Не совершенно ли не заботились они об этом? Разве израильтяне, сорок лет не пользуясь ничем от земледелия, не питались, не имея недостатка в пище? Но и море творит вновь необычайную пищу, подав от себя перепелов, и непричастный влажности камень, распавшись, доставляет в обилии воду, и небо низводит манну, этот необычайный и небывалый дождь, и одежды и обувь, не ветшая, служат все время. Какую землю возделывая на потоке, питался Илия? Не вОроны ли приносили ему пищу? А когда пришел в Сарепту, вдова, нуждающаяся в необходимом, не доставляла ли ему хлеб, похищая его из уст детей своих, чтобы соделалось явным, что добродетель предпочтительнее естества.

14. Хотя сие и необычайно, однако же справедливо, потому что можно прожить и без пищи, когда угодно то Богу. Ибо как Илия совершил сорокадневный путь *в крепости* единой *яди* (3 Цар. 19, 8)? Как Моисей, восемьдесят дней беседуя на горе с Богом, пребыл не вкусившим человеческой пищи? Ибо, сошедши по прошествии сорока дней,

[89] Вместо: φόνον по рукописи читается: φθόνον.

когда, раздраженный слиянием тельца, разбил скрижали, немедленно снова взошел на гору и, еще столько же дней проведя на горе и потом прияв вторые скрижали, снисшел к народу. Какое же человеческое рассуждение возможет представить достаточное объяснение такого чуда? Как достало текучего естества человеческого, истощаемого столько времени, между тем как ничто не восполняло ежедневно утрачиваемой силы? Но недоумение сие решает Божие слово, когда говорит: *Не о хлебе единем жив будет человек, но о всяком словеси исходящем из уст Божиих* (Втор. 8, 3).

И посему для чего Небесное жительство совлекаем на землю, обременяя вещественными бедствованиями? Для чего *питаемии* некогда *на багряницах,* одеваемся *в гной*, как в Плаче сказал о некоторых Иеремия (см.: Плач. 4, 5)? Ибо, когда упокоеваемся на помышлениях светлых и пламенеющих, тогда питаемся *на багряницах*, а когда, вышедши из такового состояния, вмешиваемся в дела земные, тогда одеваемся *в гной.* Почему же, оставив надежду на Бога, мышцу свою делаем опорою плоти, Промышление Владыки приписывая рукам своим? И что, как испытал Иов, вменено ему в великий грех, то есть, положив на уста руку, лобызать ее (см.: Иов. 31, 27), то не боимся мы делать ныне. Ибо у многих в обычае целовать руки и говорить, что от рук у них изобилие.

Их-то давая разуметь под образами, говорит Закон: «Кто ходит на руках, тот не чист, у кого много ног, также не чист и, кто ходит всегда на четырех, не чист» (см.: Лев. 11, 27, 42). Ходит же на руках, кто на них опирается и на них возлагает всю надежду; ходит на четырех, кто, предавшись делам чувственным, ими занимает непрестанно владычественный ум, а многоножен, кто отовсюду окружен телесным. Поэтому премудрый Приточник хочет, чтобы совершенный имел даже не две ноги, но одну и та редко двигалась для дел телесных. *Не учащай,* – говорит он, – *вносити ногу твою ко другу твоему, да не когда насыщься тебе, возненавидит тя* (Притч. 25, 17). Если кто редко приступает ко Христу с прошением о потребности телесной, то возлюблен Им будет, ибо сие служит целию таковых друзей, как говорит Спаситель ученикам Своим: *Вы друзи Мои есте* (Ин. 15, 14). Если же будет делать это часто, то соделается ненавистным Ему.

15. Кому же внушит доверенность и не будет мерзок всегда тревожимый сими потребностями и никогда не восставляемый к правой жизни, потому что не имеет голеней выше ног, чтобы на них воспрянуть от земли? Как голени, сгибаясь сначала, принимают на себя всю тяжесть тела, а приблизившись несколько к земле, делают, что немедленно подъемлется оно вверх, так помысел, различающий дела естественные, вслед за тем, как унизится до потребности тела, быстро подъемлет горЕ легкую мысль, не вознося с собою ни одной из порочных нечистот.

Иметь прямые голени свойственно и тем, которые весьма преданы удовольствиям и всегда остаются долу, но свойственно также и Небесным Силам, потому что вовсе не имеют они нужды в телесном[90] и не требуют для сего сгибать голени. Это подразумевая, как думаю, сказал великий Иезекииль, что *голени их правы, и пернаты ноги их* (Иез. 1, 7), чем изображается непреклонность воли и скородвижность оного естества в помышлениях. А человеку достаточно иметь сгибающиеся голени, и употреблять для восхождений, иногда телесных, а иногда духовных, возводящих горЕ, и, по сродству души с Горними Силами, часто вместе с ними созерцать Небесное, а по усилию тела, столько озабочиваться землею, сколько принуждает к тому потребность.

Всегда же пресмыкаться в служащем к наслаждению – подлинно нечистое дело и не приличное человеку, получившему в удел разумное вЕдение. Ибо Закон ходящего на четырех назвал нечистым с ограничением, и не просто, но если ходит *на четырех всегда* (Лев. 11, 42), потому что сущим в теле дал время нисходить до потребности тела. И Ионафан, воюя с аммонитянином Наасом, *ползущь* (1 Цар. 14, 13) на четырех, одержал победу, потому что послужил одной только нужде естества. И сражающемуся с ползающим на персях змием (так толкуется имя *Наас*) должно было преобразиться несколько до сходства с ним в том, чтобы так же ходить на четырех, и потом, встав и приняв свойственное себе положение, с бОльшим удобством преодолеть его.

16. Чему научает нас и история Иевосфея? Не тому ли, что не должно крепко заниматься телесным и охранение себя вверять чувству? Иевосфей, царь, почивал в ложнице, а при вратах у себя, как сказано, дозволил стоять женщине[91]. Пришедшие с Рихавом, нашедши, что привратница, очищая пшеницу, вздремала, тайно вошли и умертвили Иевосфея, которого нашли также спящим. Ибо все погружается в сон – и ум, и душа, и сердце, и чувство, когда превозмогает телесное.

То, что привратница очищала пшеницу, показывает, что мысль прилежно занималась телесным и не слегка, но с каким-то тщанием заботилась о чистоте сего. Ибо, что не в виде только истории пересказывает о сем Писание, явствует из следующего. Почему женщина была привратницею у царя, которого должно было окружать множество воинов и оказывать всю честь[92], подобающую его сану? Или почему царь был столько скуден, что привратница очищала пшеницу? Но к истории нередко примешивается и несообразное по той причине, что означаемое тем истинно. Ибо ум у каждого, как царь, пребывает где-то внутри, придверником чувств имея сердце, и, когда оно вверяет себя телесному (ибо те-

---

[90] По рукописи читается: διά τό μηδόλως προσδέεσθαι των σωματικων.

[91] По славянскому переводу (2 Цар. 4, 6) читается *вратник,* а у Семидесяти: ἡ θυρωρός.

[92] Вместо: σκηνήν по рукописи читается: τιμήν.

лесное дело очищать пшеницу), тогда злокозненные без труда тайно умерщвляют ум. Поэтому-то великий Авраам не вверяет женщине охранение двери, ибо знает обманчивость чувства: как оно, услаждаясь видением чувственного, разъединяет ум и убеждает вместе с ним приобщиться приятного, а это приобщение очевидно бывает опасно. Напротив того, сам он находится при двери, делая открытым доступ Божественным помышлениям и заключая дверь мирским заботам. Ибо что доставляется нам в жизни суетною попечительностию о сем? Не *весь ли труд человечь,* по слову Екклезиаста, *во уста его* (Еккл. 6, 7)?

Пищи же и одеяния, по словам Апостола, достаточно к поддержанию этой жалкой плоти (см.: 1 Тим. 6, 8). Посему для чего же без конца и, как говорит Соломон, *трудимся на ветер* (ср.: Еккл. 5, 15), тщательностию о земном препятствуя душе наслаждаться Божественными благами, любя плоть и покоя ее более чем нужно? Из соседей воспитываем ее во врага[93] и противника, так что не только борьба между ними делается сомнительною, но, с великим приращением в силах подвизаясь против души, радуется[94] она, что не попускает душе достигнуть почестей и венцов.

В чем состоит потребность тела, под предлогом которой простирает оно пожелание до бесполезного затруднения? Без сомнения, в хлебе и воде. И разве источники не доставляют в обилии воду? Разве хлеб не приобретается удобно всяким, у кого есть руки? Можем добывать его и другими работами, которыми и потребность телесная удовлетворяется, и мы мало или не вовсе развлекаемся. Но не требует ли великой заботы одежда? Нимало, если будем иметь в виду одну потребность, а не обычную нашу изнеженность. Ибо первый человек носил ли какие как бы из паутинной ткани одежды, или какой виссон, или порфиру, или шелковую ризу? Не из кож ли уготовал ему одеяния Создатель? И не злаками ли повелел питаться? Сии пределы положил Он телесной потребности. Такой дал устав и далеко отстранил распространяющееся ныне неблагоприличие человека.

Не говорю же о том, что живущих хорошо, без сомнения, и ныне препитает Питающий птиц небесных и оденет такою славою Облекающий полевые лилии, не говорю, потому что никак невозможно убедить так много отступивших от сей веры. Но живущему добродетельно кто даже с прошением не предложит потребного ему?

17. Если вавилоняне, люди-варвары, по праву войны взяв Иерусалим, уважили добродетель Иеремии и щедро оказали ему всякое телесное пособие, дав не только нужное для пропитания, но и сосуды, употребляемые обыкновенно при столе, то не уважат ли добродетельной жизни с детства паче варваров очистившие ум для уразумения прекрас-

[93] Вместо: ἐχθρων по рукописи читается: ἐχθρόν.
[94] Вместо: ἀνιαν по рукописи читается: στρηνιαν.

ного и ревнители добродетели? Ибо если сами по немощи естества не могут соделаться подвижниками оной, то чтут добродетель и удивляются ее подвижникам. Кто убедил сонамитянку устроить Елисею горницу, поставить там *трапезу, престол, одр и свещник* (ср.: 4 Цар. 4, 10)? Не добродетель ли сего мужа? Что склонило оную вдовицу, когда всю землю истощил голод, служение Пророку предпочесть собственной нужде? Без сомнения, если бы не изумляло ее любомудрие Илии, то не предложила бы ему и малого утешения в жизни, взяв оное у себя и у детей и из щедрости к пришельцу преждевременно избрав смерть, которую незадолго пред тем живо себе представляла.

18. Соделали же их таковыми мужество, неутомимость в трудах и небрежение о делах житейских. Ибо, возлюбив умеренность и в том, чтобы не оскудевать, преуспев, так сказать, тем, чтобы иметь мало нужд, приблизились они к бесплотным Силам. Почему, будучи невидны по телу и незнатны, соделались могущественнее заведующих всем, с таким дерзновением беседовали с облеченными в диадему, с каким те не говорят с подданными. Ибо, на какое надеясь оружие или какую имея силу, сказал Илия Ахаву: *Не развращаю аз Израиля, но разве ты и дом отца твоего* (3 Цар. 18, 18)? Как и Моисей с ревностию противостоит фараону, не имея иного напутствия к отважности, кроме добродетели? Как Елисей, когда войско двух царей, израильского и иудейского, соединилось на брань, сказал Ахавову сыну[95]: *Жив Господь сил, Емуже предстою пред Ним* в день сей, *яко аще бых не лице Иосафата царя Иудина аз приял, то воззрел ли бых на тя, и видел ли бых тя* (4 Цар. 3, 14)?

Не устрашился он подвигшегося воинства, не убоялся раздражительности царя, который, вероятно, по случаю войны управлялся неразумным стремлением и у которого помысел был возмущен борьбою. Власть царя земного в состоянии ли сделать что подобное добродетели? Какая порфира разделяла реку, как милоть Илиина? Какая диадема прекращала болезни, как апостольские главотяжи? Пророк один обличил беззаконного царя, окруженного всем воинством, и поелику обличение возбудило гнев, царь, простерши на Пророка руку, и его не коснулся, и иссохшую руку не мог пригнуть к себе. Произошла пря между добродетелию и царским могуществом, и победа добродетели оказалась сильнейшею: Пророк не боролся и добродетель обратила в бегство противника, подвижник оставался в бездействии, но действовала вера, споборники царя соделались судиями борьбы и рука стала свидетельницею победы добродетели.

19. Совершали же они это потому, что рассудили жить единою душою, презирая тело и телесные нужды, и то, что не имели ни в чем по-

[95] По рукописи читается: τω Αχααβ.

требности, делало их выше всего. Ибо скорее решились бы оставить тело и освободиться от жизни во плоти, нежели изменить добродетели и для телесной потребности польстить кому-либо из живущих в изобилии. А мы, когда имеем в чем надобность, подобно молодым псам, которые, весело махая хвостом, ласкаются к бросающим голую, может быть, кость или крошки, сбегаемся к богатым, называя их благодетелями и попечителями христиан, и, одним словом, приписываем им всякую добродетель, хотя они до крайности порочны, только бы успеть нам в желаемом; не любопытствуем узнать, как жили святые, соревновать добродетели которых, конечно, и мы предполагали.

Пришел некогда к Елисею Нееман, сирийский военачальник, принесши с собою многие дары. Что же Пророк? Оказал ли ему услугу? Поспешил ли к нему навстречу? Не чрез отрока ли одного объяснил ему потребность его, за которою пришел, не приняв его даже и на глаза к себе, чтобы не подумал, будто бы ради принесенного дано ему уврачевание? Не для того сие сказано, чтобы научились мы высокомерию, но чтобы ради телесной потребности не льстили заботящимся о том, что дали мы обет пренебрегать.

Посему для чего же мы, оставив цель любомудрия, занимаемся земледелием и торговлею? Что великого привносим Богу своею заботою?[96] Чтобы явствовало, что попечение о земледелии есть общее дело, человеческое старание рассекает землю, влагает семена, а Бог повременными дождями орошает землю, способствуя посеянному распростирать корни в размягченных недрах земли, изводит солнце, согревающее землю, и, теплотою вызывая растения вверх, посылает веяния ветров, соразмерные возрасту воспитываемых плодов. Вначале нежными дыханиями провевает покрывающуюся зеленью равнину, чтобы горячими ветрами не пожечь согреваемых солнцем посевов, а сильными порывами ветров приводит в зрелость во влагалищах млековидный сок плода, во время молотьбы дает потребный жар, а во время веяния – пригодные ветры. Если не будет доставать чего-либо этого, то суетным окажется человеческий труд и ни во что обратится наше старание, незапечатленное Божиими дарами.

Но нередко ни в чем этом не бывает недостатка, чтобы все пришло в совершенство, и сильный дождь, случившийся не вовремя, уносит или требующий еще молотьбы колос, или благовременно собранную пшеницу. А иногда в самой житнице губят ее червь и тля, похищая, так сказать, из самых уст готовую трапезу.

20. Посему в чем и на что нам полезно наше старание, когда Бог правит кормилом и все движет и ведет, как Ему угодно? Скажем ли, что тело в немощах имеет нужду в утешении? Но сколько лучше умереть,

[96] Вместо: ἐπί τη по рукописи читается: εἰς τήν.

нежели сделать что-либо не приличное нашему обету! Конечно же, если угодно Богу, чтобы мы еще жили, то или телу даст крепость, равносильную немощи, чтобы перенести нам трудность недуга и за мужество принять венцы, или примыслит средство к утешению страждущего, и не окажется недостаточным к спасению это примышление в Источнике спасения и премудрости. Посему прекрасное, подлинно прекрасное, возлюбленные, дело – снова войти в первобытное блаженство и взяться за житие древних, потому что, как думаю, удобно это всякому желающему. А если и потребуется какой труд, то не будет он бесплоден, достаточное имея для сего облегчение в славе предшествовавших и в исправлении тех, которые будут последовать. Ибо для начавших таковой образ жизни и оставляющих по себе другим образец совершенного жития немалую составит выгоду восприятие оставленного.

Будем избегать пребывания в городах и весях, чтобы живущие в городах и весях притекали к нам; устремимся в пустыню, чтобы привлечь к себе, если кому вполне приятно это, бегущих теперь от нас. Ибо в похвальной песни о некоторых написано, что оставили города, поселились на камнях и стали *яко голубицы скорбяще* (Иез. 7, 16). И Иоанн Креститель пребывал в пустыне, и все города со всеми жителями приходили к нему, чтобы увидеть кожаный пояс, стекались облеченные в шелковые одежды, соглашались беседовать под открытым небом имеющие у себя с позлащенными крышами дома, и упокоения на убранных драгоценными камнями ложах славнее стало возлежание на песке, и все было для них сносно, хотя делалось против обычая, потому что любовь к добродетели мужа отнимала у них ощущение скорбного, а удивление тому, что видели, закрывало трудность суровой жизни.

21. Столько-то добродетель досточестнее богатства и жизнь безмолвная славнее множества денег! Сколько было в то время богачей, высоко думавших о своей славе? И о них молчат, их предали забвению, а муж неславный доныне воспевается с удивлением, и память пустынножителя для всех вожделенна, потому что добродетели свойственно быть славною и слух о себе посылать вестником доброт своих. Откажемся от скотопитания, чтобы восприять на себя пастырское звание. Оставим постыдную куплю, чтобы приобрести *многоценный бисер* (ср.: Мф. 13, 46). Бежим от возделывания земли, произращающей терния и волчцы, чтобы соделаться делателями и хранителями рая. Бросим все и изберем жизнь безмолвную, чтобы пристыдить тех, которые укоряют нас ныне за пристрастие к любостяжательности.

Ибо ничто не посрамляет так нападающих, как сопровождаемое скромностию исправление укоряемых, потому что происшедшая в укоряемых перемена обращается в посрамление укоряющим. Гнусным же почитаю, и действительно гнусно то, за что все справедливо над нами посмеваются. Иной, едва приступив к иноческой жизни, узнав только

первые правила подвижничества, немедленно вызывается быть учителем в том, чему и не учился: как молиться, когда и какой наблюдать устав в пище; влечет за собою ряд учеников, когда сам имеет нужду в обучении, и тем в большей мере, чем более удобным почел для себя это дело, не зная, что из всего трудного самое труднейшее – иметь попечение о душах, которые прежде всего нужно очистить от застаревших нечистот, а потом с великою внимательностию довести до того, чтобы напечатлелись в них уроки добродетели.

А кто не представляет себе ничего более, кроме телесного подвижничества, тому как исправить нравы подчиненных? Как переделать тех, над которыми возобладала худая привычка? Как помочь боримым страстями, не зная вовсе, что такое мысленная брань? Или как уврачевать приятые на брани язвы, когда сам еще лежит в язвах и имеет нужду в повязках.

22. Всякое искусство для успеха в оном требует времени и многого учения. За одно искусство искусств берутся не учась. И за земледелие не отважится приняться неопытный; не посвященный во врачебное искусство не берется также за сие дело. Ибо они изобличат себя: один тем, что не окажет пользы больным, но даже болезнь их сделает больше тяжкою, а другой тем, что и хорошую землю обратит в бесплодную и негодную. На одно только богочестие, как дело удобнейшее, отваживаются необучившиеся, и многими это неудобоисполнимое дело почитается легким. Чего и Павел признает себя не *достигшим* (ср.: Флп. 3, 13), о том, будто бы в точности познали сие, утверждают не ведущие того самого, что не знают сего. Посему-то монашеская жизнь и соделалась презренною и проходящие ее у всех в посмеянии. Да и кто не посмеется, видя, что вчера носившего воду в корчме сегодня как учителя добродетели с подобострастием окружают ученики или утром удалившийся от общественных дел, по неудаче в них, вечером со множеством учеников, величаясь, ходит по всей площади? Если бы вполне были они убеждены, что великий труд – привести кого-либо к богочестию, и в точности знали, какою опасностию сопровождается дело, то, конечно, отказались бы от оного как превышающего их силы. Но пока не знают этого и начальствовать над кем-нибудь почитают славою, бросаются в такую пропасть и почитают легким ввергнуться в горящую печь, а сим возбуждают смех в знавших их вчерашнюю жизнь и прогневляют Бога такою опрометчивостию.

23. Если ни почтенная старость, ни давнее дерзновение, ни священнический сан не отвратили Божия гнева от Илии, вознерадевшего об исправлении детей, то избавятся ли ныне от сего гнева не приобретшие доверия Божия прежними делами, не знающие или свойства греха, или способа к исправлению, но из любви к славе неискусно берущиеся за страшное дело? Посему-то Господь хотя, по видимому осуждая фарисе-

ев, сказал: *Горе вам, книжницы и фарисее, лицемери, яко преходите море и сушу, сотворити единаго пришелца: и егда* находите, *творите его сына геенны сугубейша вас* (Мф. 23, 15), однако же в действительности укоризною им вразумляет тех, которые впоследствии впадут в те же прегрешения, чтобы, слыша сие: *Горе*, удержались от безвременного пожелания, признав, что угрожающее им бедствие страшнее людской славы.

Да убедит их и Иов или подобно ему заботиться о подчиненных, или отказаться от такового начальства, как не умеющих поступать так же, как и он, даже не хотящих прилагать такое же старание о находящихся под их попечением. Ибо если он, желая, чтобы дети его были чисты от мысленных скверн, ежедневно приносил за них жертвы, говоря: *Негли когда сынове мои в мысли своей злая помыслиша против Бога* (Иов. 1, 5), то как же сии, не умея различить и явных грехов, потому что рассудок их помрачает пыль, возметаемая в борьбе со страстями, приступают к начальству над другими и принимают на себя врачевание других, не уврачевав еще своих страстей и не имея сил, вследствие своей победы, и иных так же вести к победе?

24. Ибо прежде должно побороться со страстями, и со многим трезвением предать памяти, что было во время брани, и потом по испытанному на себе сообщить и другим правила борьбы, и соделать для них победу удобнейшею, сказав наперед способы, как вести брань. Ибо иные и преодолели в себе страсти, может быть, долговременным строгим житием, но не знают способа победы, потому что, как в ночном сражении, не следовали они за ходом всего дела и ум их не познал в точности вражеских злоумышлений. Сие-то, изображая в образах, учинил Иисус Навин, когда войско ночью переходило Иордан, приказав из среды реки взять камни и вне реки сложить из них столп и написать, как перешли Иордан, означая сим, что глубокие помышления страстного жития должно делать явными и во всей ясности предавать их позору, а не утаивать по зависти сего знания от других, чтобы не один перешедший знал способ перехождения, но и намеревающиеся сделать то же удобно совершили сей переход по данному им уроку и опыт одних соделался наставлением для других.

Но не видят сего наши учители, не слушают, когда говорят другие, смотрят же только на одно свое убеждение, и братиям, как наемникам, предписывают рабские службы, в том поставляя всю славу, чтобы начальствовать над бОльшим числом, и соревнуют в том, чтобы не меньше прочих, во время шествий своих, водить за собою невольников, показывая из себя более торгашей, нежели учителей.

25. Ибо, когда почитают легким делом приказывать словом, хотя приказываемое и тяжело, а учить делом не соглашаются, тогда ясною для всех делают цель свою, что принимают на себя начальство сие, по-

тому что стараются не пользу доставить приходящим, но исполнить свое удовольствие. Пусть же, если угодно, поучатся у Авимелеха и Гедеона, что не слово, а дело приводит подначальных к подражанию. Авимелех, нарубив беремя дров, понес и сказал: *Еже видесте мя творяща, сотворите и вы* (ср.: Суд. 9, 48), а Гедеон, ведя на общее дело, идет сам впереди и говорит: *Мене смотрите, и такожде творите* (Суд. 7, 17). И Апостол, который говорит: *Требованию моему и сущым со мною послужисте руце мои сии* (Деян. 20, 34), и Сам Спаситель, Который делает, а потом учит, кого не убедят учение делом почитать убедительнейшим учения словом?

Но они смежают глаза для сих образцов, с высокомерием же предписывают, что должно делать. А когда, по-видимому, и знают нечто такое по слуху, тогда, подобно осуждаемым у Пророка за неопытность пастырям, носят *мечь на мышце*, почему, кроме мышцы, у них и *око десное слеппет* (ср.: Зах. 11, 17), потому что десная деятельность, по неразумию оставляемая в нерадении, вместе с собою угашает и светлость созерцания. Сему подвергаются те, которые строго и бесчеловечно наказывают, как скоро получают в руки власть налагать наказания: в них созерцательные помышления, принадлежащие к числу десных, вскоре угасают, а также деяния, будучи лишены созерцания, увядают, потому что не могут ни делать, ни видеть что-либо те, у кого не по бедре опоясан меч, а *на мышце*. При бедре же прикрепляют меч, которые Божиим словом пользуются против страстей своих. И носят его *на мышце*, у которых в руках власть наказывать чужие грехи.

26. Так и аммонитянин Наас (что толкуется *змий*) угрожает прозорливому Израилю выколоть у всякого десное око его (см.: 1 Цар. 11, 2), чтобы никакое правое помышление возобладавшего им не руководило к правой деятельности, ибо знал, что сие бывает причиною великого успеха в поступающих от созерцания к деятельности, потому что у таковых содеянное делается невинным, будучи предусмотрено прозорливыми очами вЕдения.

А что принимать начальство над другими свойственно людям легким, для которых у себя дома нет никакой выгоды, – это явствует из опыта, потому что вкусивший безмолвия, начавший сколько-нибудь упражняться в созерцании не согласится связать ум заботами о телесном и, отвлекши его от вЕдения, когда он большею частью парит превыспренно, обращать к делам земным. Но еще более явствует это из пресловутой оной притчи, которую Иоафам[97] предложил сихемлянам, говоря: *Идуще идоша древа* лесные *помазати себе царя и рекоша к лозе виноградней: приими, буди нам царь. И рече им лоза виноградная: еда* оставлю

[97] Так по рукописи и в славянском переводе.

плод мой благий, его же *прослави Бог и человецы,* и *пойду владети древами* (Суд. 9, 8–9, 11–13)?

Когда, подобно сему, отказались и смоковница по своей сладости, и маслина по своей тучности, терн, дерево бесплодное и колючее, принял на себя начальство над ними, не имея тучности ни в себе самом, ни в деревах подчиненных, потому что дерева, требующие над ними настоятельства, притча назвала не садовыми, но лесными. А как виноградная лоза, смоковница и маслина отказались начальствовать над деревами лесными, увеселяясь более плодом своим, нежели начальническим саном, так усматривающие в себе какой-либо плод добродетели и ощущающие от сего пользу, хотя бы многие принуждали[98] к таковому начальству, отклоняют от себя честь, воздаваемую многими, предпочитая тому пользу свою.

27. Что покушался терн в притче сделать с деревами, то случается и с людьми, составившими подобные договоры. Ибо или *изыдет,* как сказано, *огнь из терния и пояст* (Суд. 9, 15) дерева лесные, или изыдет огнь из дерев и пояст терние. Когда составляются бесполезные договоры, тогда необходимо последовать опасности как для подчинивших себя неопытному учителю, так и для самих принявших на себя начальство по невнимательности учащихся. Ибо и неопытность учителя губит учащихся, и нерадение учеников вводит в опасность учителя, особливо когда ученики ленятся по недостатку сведений у учителя. Ибо и от учителя не должно быть скрыто что-либо, способствующее исправлению подчиненных, и учащиеся обязаны не оставлять в небрежении ни одного из повелений учителя. И им ослушаться, и ему не обратить внимания на погрешающих – опасно и гибельно.

Да не почитают дела сего предлогом к покою и наслаждению. Всего многотруднее начальствовать над душами. Надзирающие над бессловесными и скотами не встречают в стадах ни в чем противоречия, и потому нередко надзор над ними бывает благоуспешен. А настоятелям над людьми различие нравов и хитрость разума делают настоятельство весьма трудным, и приступающим к оному должно умастить себя как на многотрудный подвиг, чтобы и недостатки всех переносить со всяким терпением, и великодушно научать их тому, что сокрыто от них по неведению.

28. Поэтому умывальницу во храме держат на себе волы, а свещник устроен был весь плотно вылитый и выточенный. И как свещник означал, что поставленный просвещать других должен быть во всех частях тверд, не иметь ничего легкого или пустого и что в нем должно быть сглажено все излишнее, что для взирающих не было бы полезно видеть в образце неукоризненного жития, так волы под умывальницею означали,

[98] Вместо: τιμωρίας по рукописи читается τιμης.

что приступающий к делу подобного рода не должен отказываться от всего, что ни приблизится к нему, но носить и тяготы, и нечистоту низших, пока носить это безопасно. Ибо если будет соделывать чистыми деяния приходящих, то, конечно, необходимо и самому ему стать причастным некоторой нечистоты. Так и умывальница, очищая руки умывающего их, сама принимает в себя нечистоту его. И тому, кто рассуждает о страстях и в других истребляет подобные скверны, невозможно миновать того, чтобы не осквернриться, потому что самое памятование обыкновенно оскверняет мысль говорящего. И хотя не живыми красками напечатлевает образы срамного, однако же надолго сквернит ум, возмущая потоки слова нечистыми именованиями[99].

Да и настоятелю должно быть столько сведущим, чтобы ни один из замыслов врага не оставался ему неизвестным, и мог он порученным ему до подробности указать тайные ухищрения в борьбе, и, предсказывая злоумышления противника, без труда провозгласить им победу, и увенчанными извести с подвига. Но редко и нелегко сыскивается такой настоятель.

29. Сие самое свидетельствует великий Павел, говоря: *Не не разумеваем бо умышлений его* (2 Кор. 2, 11). А чудный Иов, недоумевая о подобном сему, говорит: *Кто открыет лице облечения его, в согбение же персей его кто внидет? Двери лица его кто отверзет?* (Иов. 41, 4–5). И сие значит: не видно лица у него, потому что закрывает лукавство многими одеждами, уловляет обманчивою видимостию, а втайне коварно устрояет гибель. И чтобы не сопричислить и себя к не знающим свойств врага, Иов сказывает признаки его, как ясно знающий все его странности, и говорит: *Очи же его видение денницы* (Иов. 41, 9); *утроба его щиты медяны* (Иов. 41, 6). И сие говорит, обличая его злотворность, потому что, преобразуясь в образ денницы, ухищряется привлекать к себе взирающих на него, а щитами, которые внутри его, уготовляет смерть приближающимся. Да и притча дает уразуметь опасность дела, говоря: *Разсецаяй дрова беду приимет в них: аще спадет сечиво* (Еккл. 10, 9–10). Кто разбирает вещь в слове своем, и в том, что почитается соединенным, расторгает связь, и разделяет, что одно другому было совершенно чуждо, с намерением показать действительно доброе в почитаемом таковым, тот, если не оградит отовсюду слова, *беду приемлет* в слушающих, как скоро спадает сие ограждение со слова, подавая учащимся повод к соблазну.

30. Так один из учеников Елисея, рубя дерева при Иордане, когда секира упала в реку, видя беду, воззвал к учителю: *О, господине, и сие заемное* (4 Цар. 6, 5). Сему подвергаются те, которые предпринимают учить понаслышке и не в состоянии бывают достичь цели, потому что

[99] По рукописи читается: τάς του λόγου διεξόδους όνόμασιν ού καθαροις έπιθολουσα.

говорят не по собственному уразумению. Когда в продолжение беседы уличаются, что сказали нечто противоречащее предположенному, тогда признаются в незнании, подвергаясь беде от употребленного слова. Потому и великий Елисей, ввергнув в глубину древо, сделал, что выплыло железо; и тем мысль, которую утратил ученик и которая почиталась сокрытою во глубине, Пророк уяснил и представил взору слушающих. Вот Иордан означает слово покаяния, ибо там совершалось Иоанном Крещение покаяния.

Но кто слово о покаянии изрек неточно, обнаружением же сокровенной доброты заставил слушателей прийти в небрежение, тот поверг секиру в Иордан. Явно же, что явившееся древо вынесет секиру из глубины и заставит всплыть. Ибо прежде Креста слово о покаянии было сокрыто, потому и намеревавшийся сказать о нем что-либо был обличен, как отважившийся преждевременно, но после Креста оно для всех стало явным, как в свое время показанное древом.

31. Говорю же сие, не то внушая, чтобы ни для кого не быть путеуказателем, и не возбраняя кого-либо из юных путеводить к богочестию, но советуя приобрести сперва навык к добродетели, соответственный величию дела, и не поспешно предаваться достижению цели, помышляя только о приятном – об услугах учеников и о доброй славе у внешних, опуская же из виду последующую за сим опасность, и прежде установления мира бранных оружий не переделывать в земледельческие орудия. Когда покорены все страсти, ниоткуда не беспокоят уже враги и оборонительных оружий не нужно употреблять в дело, тогда хорошо возделывать души других. А пока самовластвуют еще страсти, продолжается еще брань с мудрованием плоти, не должно отымать рук от оружия, но непрестанно надлежит иметь их под руками, чтобы злокозненные нашего упокоения не обратили в случай к нападению, не пленили нас без пролития крови.

Ибо как доблестно подвизавшимся за добродетель и по великому смиренномудрию думающим, что еще не одержана победа, слово Писания подает такой совет: *Раскуйте мечы своя на орала и копия своя на серпы* (ср.: Ис. 2, 4), внушая им не нападать уже понапрасну на побежденных врагов, но для пользы многих душевные силы от бранного навыка обратить к возделанию тех, которые обилуют еще плодами порочных дел, так тем, которые, не пришедши в такое состояние, по неопытности или по неразумию принялись за дело, превышающее их силы, советует противное, говоря: *Разсецыте рала ваша на мечи и серпы вашя на копия* (Иоил. 3, 10).

32. Ибо что нам пользы в земледелии, когда страна объята войною, которая препятствует воспользоваться произведениями земледелия, и оно доставит обилие скорее неприятелям, нежели трудившимся? Посему-то, может быть, и израильтянам, боровшимся еще в пустыне с раз-

ными народами, не дозволяет Бог иметь попечение о земледелии, чтобы не воспрепятствовало сие воинским упражнениям, а после покорения неприятелей советует заняться оным, говоря: «*Егда же внидете в землю* обетования, *насадите* в ней *всяко древо* (Лев. 19, 23) плодовитое, но прежде, нежели внидете, не насаждайте». Ибо в первом повелении подразумевалось и последнее; и сие справедливо, ибо насаждаемое прежде совершенства не бывает прочно, особливо когда желающие насаждать носятся еще непостоянным нравом. А порядок и последовательность, если в ином чем, то и в делах богочестия, имеют место и должны быть вводимы в постановления с самого начала. Ибо утратившие из виду то, что составляет начатки, и уловленные обольстительным после по необходимости убеждаются сообразоваться с последовательностию порядка. И как Иаков, увлекшись красотою Рахили, презирал немощь очей Лиины, однако же не бежал от труда по приобретении таковой добродетели, но *исполни седмины сея* (Быт. 29, 28), так и желающему законно устроиться в образе жизни должно не от конца возводиться к началу, но от начала с успехом простираться к совершенству.

33. Ибо таким образом и сам достигнет желаемого, и подчиненных неукоризненно приведет к концу добродетели. Но многие, не приложив никакого труда, не совершив ни малого, ни большего дела богочестия, без рассуждения гонятся за именем, выказывая страшное омрачение ума, не признавая в этом опасности, и не только не отказываются, когда другие призывают их к делу, но, обходя закоулки, насильно влекут встречающихся, обещая всякую услугу, как составляющие договоры с наемниками о пище и одежде.

А при такой любви к делу, когда хотят с толпою показываться на распутиях, покоиться, опираясь на руки сопроводников, и вполне выдержать лицо учителя, – как принявшие на себя такое лицедейство, чтобы не оставили их оказывающие им эту услугу, необходимо им и в удовольствие служащих сделать многое, и дать свободу их пожеланиям, подобно вознице, опустившему бразды и дозволившему коням бежать свободно, нестись по стремнинам и пропастям и ударяться обо все, что под ногами, потому что некому остановить и удержать беспорядочных стремлений.

34. Но таковые да слышат, как блаженный Иезекииль оплакивает сожалеющего о доставляющих пищу наслаждению других и уступчивостию желаниям каждого сокровиществующих себе горе, ибо говорят: *Горе сшивающым возглавийцы под всякий лакоть руки и сотворяющым покрывала над всякую главу всякаго возраста, еже развратити душы: горсти ради ячмене и ради укруха хлеба* (Иез. 13, 18–19). Так и они, из подаяний собирая себе потребное для тела и довольствуясь как бы из лоскутьев собранными припасами, обязанных молиться или пророчествовать с открытою головою пристыжают покрывалами, мужест-

венное состояние возложением покрывал обращая в женственное и губя души, которым не должно умирать. Им наипаче, покорившись Истинному Учителю Христу, надлежало из всех сил отказываться от попечения о других. Ибо ученикам Своим говорит Он: *Вы же не нарицайтеся учителие* (Мф. 23, 8). Если и Петру, и Иоанну, и всему лику Апостолов советует оставаться вдали от такого дела и почитать себя малыми для сего достоинства, то после сего кто же вообразит о себе, что он выше Апостолов, и себе присудит достоинство, которое возбранено было им? Или, может быть, Сказавший: *Не нарицайтеся учителие* – возбраняет не быть, а называться только учителями?

35. Если же кто непроизвольно, потому что принял одного или двоих, принужден бывает начальствовать и над многими, то прежде всего пусть тщательно испытает себя, делом ли, паче нежели словом, способен он научить тому, что делать, представив жизнь свою в образец добродетели учащимся, так что списывающие с сего образца не умалят красоту добродетели безобразием погрешности против подлинника. Потом пусть знает, что о подчиненных не меньше он должен беспокоиться, чем и о себе, потому что как за себя, так и за них даст отчет, как скоро принял на себя спасение их. И для святых особым попечением было – учеников своих оставить не меньшими себя в добродетели и из прежнего состояния привести в состояние лучшее.

Так апостол Павел Онисима из бежавшего раба соделал мучеником; Илия из землепашца приуготовил пророка Елисея; Моисей Иисуса паче всех украсил совершенствами; Илий достиг, что Самуил оказался даже выше его. Ибо если и старательность самих учеников содействовала им к приобретению добродетели, то главною виною их преуспеяния послужило то, что они встретили учителей, которые так прекрасно возмогли затлевшую искру усердия возжечь в большей силе, и она соделала их светоносными, отчего стали они устами Божиими, послужили людям сообщением им воли Божией, потому что слышали Сказавшего: *Аще изведеши честное от недостойнаго, яко уста Моя будеши* (Иер. 15, 19).

36. А к чему способен учитель, внушает Бог Иезекиилю, научая, какими и из каких должен он уготовлять учеников, ибо говорит: *Сыне человечь, возми себе плинфу и положи ю пред лицем твоим, и да напишеши на ней град Иерусалим* (Иез. 4, 1), означая сим, что учитель делает ученика из брения святым храмом. Прекрасно сказано и сие: *Положи ю пред лицем твоим.* Ибо усовершение в ученике произойдет скорее, если будет он всегда в виду у учителя: частые напоминания о прекрасных образцах начертывают сходные подобия в душах не очень жестоких и упорных. Гиезий и Иуда оттого впали, один в хищение, а другой в предательство, что удалялись от очей учителя, а если бы каждый из них пребывал при уцеломудрившем его, то не согрешили бы они.

А что учителю угрожает опасность от нерадения учеников, сие изобразил Бог в следующих за тем словах, сказав: *И положиши сковраду железну между тобою и между градом, и будет стеною между тобою и между ним* (Иез. 4, 3). Кто не хочет сам разделять наказания с предающимся нерадению, после того как сделал его из плинфы городом, тот должен напоминать ему о наказаниях, забываемых возвращающимися вспять из такового состояния, чтобы наказания сии, став стеною, отделяли невинного от виновного. Сие-то повелевая, Бог Иезекиилю говорит: *Сыне человечь, во стража дах тя дому Израилеву* и, если увидишь *мечь грядущь,* и не засвидетельствуешь им, и *возмет от них* чью-либо *душу, от руки твоея взыщу* (Иез. 33, 7, 3, 6, 8).

37. Такую стену полагает для себя Моисей, говоря израильтянам: «*Внемли себе, да не взыщеши последовати им, по потреблении их* (Втор. 12, 30) от тебя». Бывает же сие с теми, которые не обращают тщательного внимания на свое сердце: по отсечении страстей, как некие отпрыски начинают возникать в них образы давних представлений, и если даст им кто свободу часто западать во владычественный ум и не возбранит входа, то снова откроет в себе приют страстям, после победы делая жизнь опять небезопасною от борений. Ибо страстям, когда они даже укрощены и, подобно волам, приобучены есть сено, свойственно, по нерадению укротителя, снова делаться дикими и приходить в зверскую свирепость. Посему-то, чтобы не произошло сего, сказано: «*Да не взыщеши последовати им, по потреблении их* (Втор. 12, 30) от тебя», чтобы душа, при взыскании восприяв навык услаждаться такими представлениями, не возвратилась к прежней порочной жизни. Великий Иаков, зная, что бывает это и что подобные вещи, если часто их видеть и часто о них думать, всего более вредят сердцу, самые ясные и открытые образы срамных представлений – богов чуждых – запечатав, сокрывает *в Сикимех* (Быт. 35, 4), потому что сей труд в борьбе со страстями сокрывает и губит их не на краткое какое-либо время, но даже *до днешняго дне* (Быт. 35, 4), то есть на все время, ибо слово *днесь* спротяженно всему веку, означая всегда настоящее время.

А слово *Сикимы* толкуется: возложение на плечи[100], что означает труд в борьбе со страстями. Посему Иаков и Иосифу, боровшемуся со страстями, за труд в этой борьбе дает преимущественное достояние – Сикимы.

38. Ибо и сам Иаков, говоря, что взял Сикимы *мечем и луком* (Быт. 48, 22), показывает, что борьбою и трудом возобладал над страстями, скрыв их в земле сикимской. По видимому же, противное нечто представляется в том, чтобы скрыть богов в Сикиме, и в том, чтобы положить идола в сокровении, ибо первое – скрыть в Сикимех – похвально, а

[100] По рукописи читается: Σίκημα δέ ὠμίασις ἑρμηνεύεται.

последнее – положить идола в сокровении – укоризненно. Так с клятвою постановил сие Закон, сказав: *Проклят, иже положит* идола *в сокровении* (Втор. 27, 15), потому что не одно и то же навсегда скрыть в земле и положить в сокровении: сокрытое в земле и не являющееся уже чувству со временем изглаживается и из памяти, а положенное в сокровении, хотя утаивается, может быть, от посторонних, но, часто видимое самим положившим, обновляет воспоминание, втайне носящее в себе кумир.

Ибо всякий срамной помысел, образуемый в мысли, есть сокровенное изваяние. Так, постыдное дело – таковые мысленные представления обнародовать, опасно и полагать изваяние в сокровении, еще же опаснее идти вслед и отыскивать уничтожившиеся уже образы, тогда как сердце удобно склоняется снова к изринутой страсти и на сторону идолов до земли перетягивает чашу весов. Ибо таково свойство добродетели: она весьма чувствительна и, если вознерадим, очень удобно перетягивается на противную сторону.

39. Сие-то изображает, кажется, Писание под образом, когда говорит: *Земля, на нюже вы входите* предвижна есть в предвижении[101] *людий языческих* (1 Езд. 9, 11). Ибо, как скоро имеющий навык к добродетели подвигся к противному, вместе с сим подвиглась и добродетель, потому что земля предвижна есть[102]. А потому надобно вначале не давать доступа к сердцу представлениям, обыкновенно повреждающим помысел, и не позволять ему удаляться в Египет, потому что оттуда насильно отводится к ассириянам. Если сердце ввергается в омрачение нечистых помыслов (ибо так толкуется Египет), то уже насильно и поневоле увлекается к страстному деланию. Посему и Законоположник, заграждая вход сластолюбию и выражая сие в образе, повелел блюсти главу змия, потому что и он блюдет пяту (см.: Быт. 3, 15). У него целию такое действование, за которое если не возьмется, то нелегко ему будет влить яд при угрызении, а нам предлежит попечение сокрушать самое нападение сластолюбия, потому что, по сокрушении оного, действование змия слабо.

Может быть, и Самсон не пожег бы нивы иноплеменников, если бы, отвратив головы у лисиц, не связал их хвостами. Ибо, по предварительным действиям в состоянии быв угадать козни ухищренных помыслов, невзирая на начала (потому что помыслы ухищряются сделать их видимо досточестными, чтобы достигнуть конца) по взаимном сличении крайностей мог он обличить несообразность помыслов, связав хвост с хвостом и между ними поставив свечою обличение.

40. И чтобы утверждаемое сделать более ясным, раскрою сказанное в приложении к двум помыслам, ибо будет это истинным удостоверением и в рассуждении прочих помыслов. Нередко от тщеславия происхо-

---

[101] По славянскому переводу: *Нечиста есть, по нечистоте.*

[102] Вместо: κατελογίσθη по рукописи читается: μεταβληθή.

дит помысел блуда и, хотя досточтимыми показывает преддверия путей, ведущих в ад, однако же скрывает те гибельные способы, которыми неразумно последующих ему вводит в таибницы ада. Ибо выставляет на вид иногда священство, а иногда совершенную монашескую жизнь, представляет, что многие приходят ради пользы, доводит до мечтания о прославлении за слово и дело и, когда, достаточно упитав его такими мыслями, отведет от естественной трезвенности, тогда, живо изобразив ему встречу с женщиною, конечно, честною, влечет к совершению срамного дела, свободу совести низведя до крайнего стыда. Посему намеревающийся связать хвосты пусть возьмет концы двух помыслов: конец тщеславия – честь и конец блуда – бесчестие – и, когда ясно увидит, что они противоположны, тогда пусть думает, что поступил, как Самсон. И еще помысел чревоугодия концом имеет помысел блуда, а помысел блуда концом имеет помысел печали, потому что печаль и уныние немедленно следуют в побежденном таковыми помыслами, по отрезвлении его.

Поэтому подвизающийся пусть размышляет не о наслаждении снедями и не о приятности удовольствия, но о конце того и другого и, когда найдет, что за обоими помыслами следует печаль, тогда да знает, что связал он хвост с хвостом и нивы филистимлян уничтожил обличением.

41. Посему если брань со страстями имеет нужду в таком сведении и в такой опытности, то восприемлющие на себя предстоятельство над другими да знают, сколько потребно им вЕдения, чтобы и подчиненным благоразумно указать путь *к почести вышняго звания* (Флп. 3, 14), с ясностию научить всему, что нужно в борьбе[103], и самому не представлять только образ победы, ударяя руками по воздуху, но вести действительную борьбу с сопротивником, наносить ему смертельные удары и не понапрасну разводить в воздухе руками, но сокрушать самого противоборца. Ибо борьба сия гораздо труднее борьбы телесной: там сгибаются у борцов тела, которые без труда можно выпрямить, а здесь падают души, которые, если однажды ниспровергнуты, едва уже могут быть восставлены.

Если же кто, борясь еще со страстною жизнию и будучи обагрен кровию, предпримет из разумных душ созидать Божий храм, то он, без сомнения, услышит: *Не ты созиждеши Мне* (2 Цар. 7, 5) храм, *яко муж кровей ты* (2 Цар. 16, 8); чтобы построить храм Богу, нужно мирное состояние. И Моисей, который приемлет скинию и ставит ее вне стана, дает сим видеть, что учителю должно быть как можно далее от бранного шума и, решившись вести жизнь мирную и невоинственную, поселиться вдали от обагренного кровию воинства. Когда найдутся такие учители, им нужны ученики столько отрекшиеся от самих себя и своей воли, что

[103] Вместо: της άπάτης по рукописи читается: της πάλης.

ничем не отличают себя от неодушевленного тела или от вещества, данного в руки художнику, чтобы как душа в теле производит, что хочет, и тело нимало ей не противодействует и как художник показывает на веществе искусство свое и вещество не препятствует намерению его, так учитель в учениках производил познания добродетели и они были ему послушны и ни в чем не прекословили.

42. Пожелать с пытливостию изведывать распоряжения учителя и оценивать его приказания значит препятствовать собственному своему преуспеянию. Ибо, конечно, не то в действительности основательно, что кажется основательным и вероятным неопытному. О касающемся до искусства иначе судит художник и иначе не знающий искусства. Одному правилом служит его сведение, а другому – вероятность: вероятное же редко попадает на истину, а чаще уклоняется от правильности, вводясь в обольщение сродностию. По видимому что кажется неразумнее сего, если кормчий, когда корабль несется косвенно к плаванию, называемому у мореходцев прямым, велит, оставив край корабля, поднятый над водою, садиться на край, погруженный в воду, между тем как ветер сильнее давит и погружает тот край, который велел он обременить! И хотя вероятность советует обременить край, поднятый вверх, и не переходить на край, которому угрожает опасность, однако же пловцы слушаются более кормчего, нежели своих примышлений. Необходимость убеждает их поработиться искусству того, кому поручено их спасение, хотя видимое не удостоверяет их в том, что происходит на деле.

Посему вверившие другим собственное свое спасение, оставив вероятное, да уступят искусству сведущего, его сведение признав достовернейшим своих рассуждений. И во-первых, отрекшись от себя, ничего, даже и самой малости, да не оставляют вне, убоявшись примера Анании, который, думая утаить от людей собственность[104], свыше приял осуждение за татьбу.

43. Но да предадут как самих себя, так и все свое, вполне зная, что оставленное, непрестанно привлекая к себе мысль, сильно будет отвлекать от лучшего, а напоследок и вовсе отторгнет от братства. Посему-то Дух Святый написал жития святых, чтобы каждый из проходящих какой-либо образ жития возводился к истине подобными примерами. Посему для чего Елисей, подчинившись учителю, отрекся от мира? Сказано: *Оряше* волами *двеманадесятьма супругома волов пред ним, и закла* волы, *и испече я в сосудех воловных* (3 Цар. 19, 19, 21), а сие дает разуметь горячность усердия; не сказал: «Продам супруги волов и распоряжусь как должно», не стал рассуждать, что проданные волы принесут больше пользы, но, всецело предавшись пожеланию, влекущему его к сопребыванию с учителем, пренебрег видимое и постарался паче осво-

[104] По рукописи читается: τά ίδια νοσφίζασθαι.

бодиться от сего, потому что отвлекало оно от правого преднамерения; знал же он, что замедление часто бывает причиною перемены в намерении.

Посему и Господь, предлагая богатому совершенство жития по Богу, повелел ли бы продать имение и отдать нищим, а себе ничего не оставлять, если бы не знал, что оставляемое, равно как и все имение, делается причиною развлечения? Думаю же, что и Моисей, когда намеревающимся очиститься в великой молитве повелевает обрить все тело (см.: Лев. 14, 9), предписывает сим совершенное отречение от имущества. А во-вторых, так да забудут сродство и свойство, чтобы вовсе никогда не утруждать себя и напоминанием о них.

44. Если ковчег сделал, что коровы, впряженные в колесницу его, забыли свое естество и, когда тельцы их заперты были дома и коров никто не понуждал, безошибочно совершили путь, не уклонившись *на десно, ниже на шуе* (1 Цар. 6, 12), даже обращением выи не показав привязанности к детям и мычанием не выразив болезнования о разлуке с рожденными, но, и обремененные тяжестию ковчега, и влекомые назад полновластною силою естества, идя как бы по правИлу, никуда не совратились с прямого пути, благоговением к возложенному на них ковчегу препобедив естественную сострадательность, то почему же не делать того же самого намеревающимся подъять мысленный ковчег? И должно сделать даже большее, чтобы в делах необходимых над природою разумною не оказалось превосходства[105] в естестве бессловесных, когда разумный не делает по рассудку того, что бессловесные делают по необходимости.

А может быть, и Иосиф заблудился в пустыне потому, что в сродстве имен искал предела совершенства. Почему человек, с желанием познать истину спросивший у него о причине скитания, когда узнал, что причиною – пристрастие к своим (Иосиф, если бы не имел ошибочного суждения об искусстве, спросил бы не о том, где братья пасут, но где кормят стада), говорит ему: *Отидоша отсюду: слышах бо их глаголющих: пойдем в Дофаим* (Быт. 37, 17) (а *Дофаим* толкуется: достаточное оставление), научая сим, что заблуждается привязанный еще к телесному и что невозможно иначе достигнуть совершенства, как достаточно оставив пристрастие к плотскому сродству.

45. Ибо если кто оставит Харан, что означает чувства (ибо *Харан* толкуется: пещеры), и выйдет из юдоли Хеврон, то есть низких дел, и из пустыни, по которой скитается ищущий совершенства, но не переселится в достаточное оставление, то не будет ему никакой пользы от долговременного бедствования, как уклонившемуся от совершенства по привязанности к сродству. Да и Господь, исправляя мысль Богородицы Ма-

[105] Вместо: παρασκευή μετρουμένη по рукописи читается: παρευημερουμένη.

рии, искавшей Его между сродниками (см.: Лк. 2, 49), и признавая недостойным Себя, кто любит отца или матерь паче Его, выразительно внушает сим оставление родственных уз. По преуспеянии же в этом недавно еще освободившимся от мятежей советовать должно пребывать в безмолвии, и частыми выходами не растравлять ран, наносимых сердцу посредством чувств, и к старым кумирам грехов не привносить новых изображений, но отклонять нападение новых представлений, употреблять же все старание об изглаживании старых.

Трудно безмолвие для отрекшихся недавно от мира, ибо тогда память, воспользовавшись временем, приводит в движение всю хранящуюся в ней нечистоту, не имев досуга делать это прежде по множеству неистощимых дел. Но после трудности доставляет безмолвие и пользу, освобождая со временем ум от смущения сквернымы помыслами. Ибо если предлежит кому омывать и очищать[106] душу от всего оскверняющего, то обязаны они удаляться от всех дел, от которых умножается нечистота, давать рассудку большую тишину, устраняться от раздражающего, избегать сожительства со сродниками, возлюбив уединение – сию матерь любомудрия.

46. Но легко им снова впасть в сети, от которых почитали себя освободившимися, когда небоязненно стараются быть в сообществе с толпами людей всякого рода. Ибо перешедшему на сторону добродетели нет пользы увеселяться теми же делами, от которых, сам осудив их, бежал. Привычка – сильный поток, почему должно бояться, чтобы в достигнутом с великим тщанием безмолвии не возобновить опять гнусных предначинаний и не привести на память забытых худых дел. Ибо ум едва только уклонившихся от порока подобен телу, начавшему восстановляться в силах после долговременного недуга, для которого, как неукрепившегося еще совершенно, и маловажный предлог бывает причиною возвращения болезни. И в этих людях колеблются, слабеют разумные силы, почему должно бояться, чтобы не возвратилась страсть, обыкновенно раздражаемая, когда кружимся в народной толпе. Посему-то и Моисей не хотевшим что-либо потерпеть от погубляющего повелел пребывать внутри затворенных дверей, сказав: «*Да не изыдете кийждо из дверий дому своего* (Исх. 12, 22), да не коснется вас погубляющий». То же, кажется, повелевает и Иеремия, когда говорит: *Не исходите на нивы и на пути не ходите, понеже мечь вражий обитает окрест* (Иер. 6, 25).

Мужественным подвижникам свойственно и смело вступать в брань с неприятелями, и невредимо избегать их злоумышления. А если кто не в состоянии еще бороться, то безукоризненно пусть останется дома, в безмолвии находя себе безбедную безопасность. Таков был Иисус На-

[106] Вместо: θεραπευσαι по рукописи читается: καθαρευσαι.

вин, о котором написано: *Слуга же Иисус, юноша не исхождаше из скинии* (Исх. 33, 11). Ибо, наученный сказанием об Авеле, знал, что выходящие в поле по давнему соперничеству убиваются телесными братьями и друзьями по плоти.

47. Но не меньше сего и из сказания о Дине в точности можно дознать, что подлинно девическому и женоподобному разуму свойственно приниматься за то, что выше нашего состояния, и обольщаться мыслию, что и для сего достанет моих сил. Если бы Дина не предалась поспешно обозрению того, что у туземцев, конечно предположив, что имеет достаточные к тому силы, и нимало не увлеклась приятностию видимого там, то не растлила бы безвременно душевной рассудительности, уловленной представлением чувств прежде, нежели законно вступила в собеседование с мужеским разумом. Бог, зная, что страсть сия (разумею самомнение) водворилась у людей, и желая с корнем исторгнуть оную из нашего навыка, говорит законодателю Моисею: *Благоговейны сотворите сыны Израилевы* (Лев. 15, 31), ибо знал, что чуждо благоговению – поспешно приступать к подвигам не по силам. Поэтому не усовершившись не должно вмешиваться в общественные мятежи, но бежать от них как можно далее, поставив мысль вдали от раздающегося шума.

Ибо немного пользы устранившимся от житейских дел оглашаться молвою о них и, оставившим город, подобно Лоту, сидеть при вратах действований, исполняясь тамошнего смятения. Но, по примеру великого Моисея, должно удалиться вне, чтобы не стало не только дел, но и гласа о них, как говорит он: *Егда изыду из града, простру руце мои на небо, и громи престанут* (Исх. 9, 29).

48. Ибо тогда бывает истинная тишина, когда не только действия, но и памятования о них, утихнув, дают душе время прийти в состояние увидеть впечатленные образы, вступить в борьбу с каждым из них и исторгнуть его из сердца. Когда же образы привходят одни за другими, тогда невозможно изгладить прежних отпечатков, потому что рассудок занят новыми образами и труд отсечь с ними страсти по необходимости делается тягостнейшим оттого, что, постепенно возрастая, приобретают они силу и, подобно рекам, при непрестанном течении вновь вливающимися представлениями помрачают душевное зрение.

Как желающие ложе реки увидеть сухим (может быть, ради чего-либо лежащего там и достойного исследования) никакой не получат пользы, исчерпывая воду на том самом месте, на котором, по их мнению, лежит искомое ими, потому что опустевшее место тотчас вновь наполняется притекающею водою (а когда преградят течение вверху, без труда откроется дно, так как оставшаяся вода стечет сама собою и сухою оставит им землю для желаемого исследования), так удобно бывает истощить деятельные образы страстей, когда чувства ничего уже не доставляют извне; когда же, подобно потоку, дают они новые и новые

ощущения, тогда не только трудно, но и невозможно совершенно очистить ум от такого прилива. Ибо страсти хотя и не беспокоят, не находя случая к возбуждению в частых свиданиях с людьми, однако же, неприметно возвращаясь, более и более укрепляются, со временем приобретая новые силы.

49. Как часто попираемая земля, ежели и есть на ней терния, не производит их вновь, потому что попирание ногами препятствует росту (но эти терния, в недрах ее распростирая глубокие, сильные и весьма сочные корни, как скоро дозволит время взойти, дают ростки), так страсти, которым частые свидания с людьми препятствуют выказываться наружу, воспользовавшись безмолвием, делаются более сильными и нападают с великою лютостию, тяжкою и опасною делая брань для тех, которые вначале не радели о борьбе с ними. Посему-то и Пророк повелевает: *Потребите семя от Вавилона* (Иер. 50, 16), советуя истреблять образы, пока они еще во влагалищах чувств, чтобы, пав на землю сердца, не дали ростков и, напоенные обильными и бесполезными дождями последовательного ими занятия, не принесли стократных плодов порока. А другой Пророк и ублажает тех, которые не дожидаются зрелости страстей, но истребляют при самых сосцах, говоря: *Блажен, иже имет и разбиет младенцы твоя о камень* (Пс. 136, 9). А может быть, и великий Иов, любомудрствуя сам с собою, дает разуметь кого-либо подобного, говоря, что в воде растут *рогоз* и *ситник,* а лишившись напоения, *всякое былие изсыхает* (ср.: Иов. 8, 11–12). И сказанное: *Мраволев погибе, занеже не имеяше брашна* (Иов. 4, 11), кажется, означает нечто подобное.

Ибо великий Иов, желая показать злокозненность страсти, изобрел для нее сложное наименование, составив из имен самого отважного льва и ничтожнейшего всех тварей муравья, потому что нападения страстей начинаются маловажными представлениями, неприметно вкрадываясь наподобие муравьев, а последствия делаются весьма важными для подвергшегося сим нападениям и не меньше опасны, как и нападение льва. Почему подвижнику надлежит тогда бороться со страстями, когда приступают они, как муравей, приманкою предлагая свою ничтожность. Ибо, если успеют достигнуть крепости льва, делаются непреоборимыми и сильно угнетают, если не давать им пищи; пищею же их, как говорено уже было неоднократно, служат посредством чувств входящие образы страстей, потому что образы сии питают страсти, каждый кумир преемственно водружая в душу.

50. Поэтому и в храме Законодатель устроил *окна решетчатая* (Иез. 41, 16), означая сим, что вознамерившимся сохранить сердце свое чистым, как храм (подобно тому как там решетчатыми окнами сделано, что не могло входить ничто нечистое), должно оградить чувства забралами помыслов – страхом будущего Суда, забралами, которые бы пре-

граждали вход вновь рождающимся и вторгающимся нечистым образам. И посему-то, может быть, *разболеся Охозия*, так как *паде из окна* решетчатого (ср.: 4 Цар. 1, 2), ибо, во время искушений предавшись удовольствиям, оставить без внимания учение о воздаянии значит упасть из окна решетчатого. Что же тяжелее этого недуга?

Ибо болезнь телесная есть противоестественное состояние, когда равновесие стихий преобладанием одной выведено из естественного состояния. Болезнь же душевная есть уклонение от правого помысла, когда душа препобеждена болезнетворными страстями. Таковою решетчатою преградою зрение способного слышать оградил Соломон, говоря: *Очи твои егда узрят чуждую, уста твоя тогда возглаголют стропотная* (Притч. 23, 33), называя *стропотным,* что после греха встретит душу во время воздаяния. Размышление о сем и приведение себя в надлежащее состояние отклоняет всякое опасное зрение очей. Соломон сказал и о том состоянии помысла, какое должно быть в это время: *Возляжеши яко в сердцы моря и якоже кормчий во мнозе волнении* (Притч. 23, 34).

51. Ибо если кто во время борьбы с раздражающим его зрением в состоянии будет угрожающими наказаниями привести себя в такое противоборство, в каком бывает человек, обуреваемый в море, то он без труда одолеет поборающих его, не чувствуя наносимых ударов, так что скажет: *Биша мя, и не поболех, и поругашася ми, аз же не разумех* (Притч. 23, 35), то есть: «Они били меня, думая надругаться, а я не чувствовал ударов, потому что *стрелы младенец быша язвы их* (Пс. 63, 8), не обратил внимания и на обольщение их, не показав и вида, что замечаю присутствие их». Так и Давид, презирая таковых сопротивников, сказал: *Уклоняющагося от мене лукаваго не познах* (Пс. 100, 4), то есть не чувствовал, когда пришли и когда удалились.

А кто не знает даже и того самого, что у чувств есть великое общение с чувственным и что от сего общения легко впадаем в обольщение, тот, не подозревая, какой бывает вред от чувств, и неосторожно увлекаясь ими, как и во время обольщения узнает злокозненность, не научившись наперед различать сего? А что у чувств бывает борьба с чувственным и чувственное налагает дани на побежденные чувства, сие явствует из войны ассириян с содомлянами. Писание исторически излагает сие предприятие четырех царей ассирийского народа против пяти царей содомских, описывая сначала совещание, союз и мирные жертвы при море Соленом, потом рабство пяти царей в продолжение двенадцати лет, после сего отпадение их в тринадцатый год, а в четырнадцатый войну, в которой четыре царя нападают на пятерых царей и берут их в плен (см.: Быт. 14, 1–11).

52. И сказание оканчивается этим, а мы из сего сказания научаемся тому, что касается нас самих, и познаем борьбу чувств с чувственным,

ибо каждый из нас до двенадцати лет от рождения, не имея еще чистого рассудка, бессознательно подвергается рабству (и чувства выполняют приказания вещей чувственных, как их владык: зрение – вещей видимых, слух – звуков, вкус – соков, обоняние – запахов, осязание – всех чувственных вещей, какими в движение приводится чувство сие) и человек по младенчеству не в состоянии бывает различать и разрешать своих ощущений. А как скоро рассудок станет приходить в зрелость и начнет чувствовать вред, немедленно замышляет отступничество и бегство из такого рабства. И если человек, укрепившись рассудком, утвердится в этом решении, то навсегда останется свободным, спасшись бегством от жестоких владык. Если же решимость его в сем предприятии слаба, то человек чувства свои, побежденные владычеством чувственного, снова предает в плен, и остаются уже они в мучительном рабстве без всякой благой надежды.

Посему-то пять царей, по сказанию, побежденные четырьмя царями, бегут к *кладязем смоляным* (ср.: Быт. 14, 10), научая тем нас, что побежденные чувственным, как бы в пропасти или кладези, в каждое чувство низвергают все чувственное, а именно что ощутимо для каждого из них, не помышляя уже более ни о чем видимом, потому что погрузились пожеланием в земное и наслаждение здешним возлюбили паче наслаждения мысленным.

53. Так и раб, возлюбивший господина своего, жену и детей, по сродству с телесным отрекаясь от истинной свободы, делается вечным рабом, провертев ухо шилом (см.: Исх. 21, 5–6), чтобы не восприять когда-либо слова о свободе, услышав естественным отверстием слуха, но, возлюбив настоящее, навсегда пребывать рабом. Посему-то и руку жены, взявшей *за ятра*, когда бьются между собою два мужа, Закон повелел отсечь (см.: Втор. 25, 11–12), потому что во время борьбы помыслов о выборе мирских и Небесных благ, оставив сей выбор, взялась она за служащее к рождению и растлению (Законодатель родотворными членами означил дело рождения). Посему отрекаться от мирских дел нет пользы для тех, которые не остаются при своей решимости, но снова увлекаются и уступают помыслу, а потому часто возвращаются к оставленному и объявляют тем о пристрастии своем к этому, как и жена Лотова, оглянувшись назад, доныне стала примером для непокорных, превратившись в соляной столп (см.: Быт. 19, 26). Такова и привычка, изображением которой была жена Лотова и которая вознамерившихся удалиться невозвратно возвращает к себе.

Что же говорит и Закон, который повелевает вошедшему в храм, по совершении молитвы, не возвращаться теми же вратами, которыми вошел, но выходить в противоположные врата, совершая путь по прямому направлению и не обращаясь назад (см.: Иез. 46, 9)? Не то ли, что усилия в прямом шествии к добродетели не надобно расслаблять сомнения-

ми? Ибо частые склонения к тому, от чего мы удалились, без сомнения, повлекут вспять от навыка, и, ослабляя стремление вперед, всецело привлекут к себе, и заставят возвратиться к прежним худым делам.

54. Ибо привычка сильна на то, чтобы удержать при себе и не позволить снова возвратиться к прежнему навыку добродетели, потому что от привычки происходит навык, а навык обращается в природу; превратить же и изменить природу трудно. Если и поколебать ее несколько насилием, то скоро возвращается сама в себя, но, исторгнутая из своих пределов, не достигает совершенства, если великий труд не даст ей возможности снова возвратиться назад тем же путем, чтобы от приобретенной привычки опять перейти к оставленному навыку. Посмотри на душу, следующую своим привычкам, как она восседает на идолах, пригвоздив себя к не имеющим образа веществам, и отрекается[107] от восхождения к учению, которое готово руководить ее к высшему, и говорит: *Не могу востати пред тобою, яко обычная женская ми суть* (Быт. 31, 35).

И душа, с давнего времени упокоевающаяся делами житейскими, восседает на идолах, которые сами по себе не имеют образа, но приемлют образ от человеческого искусства. Ибо богатство, слава и прочее житейское – не что-либо, не имеющее образа, но не имеют они в себе ничего определенного и членораздельного, привлекательным подобием подделываются под истину, ежеминутно превращаясь из одного вида в другой, образ же даем им мы сами, когда о том, что не пригодно ни к чему полезному, человеческим помыслом составляем полезное представление.

55. Ибо, когда удовлетворение необходимым потребностям тела простираем до огромных издержек, приправляя пищу тысячами сладостей, богато испещряя одежду до роскоши и пышности, а потом, обвиняемые в той суетности, что по-пустому и напрасно величались роскошными издержками на такую потребность, которой можно удовлетворить малым, придумываем оправдание, что поступаем как должно, тогда что иное делаем, как не усиливаемся придать образ не имеющим образа веществам? Справедливо же такую душу назвали мы и восседающею на них, ибо душа, утвердившая в себе таковые суждения о сказанном, пригвождается к здешнему, служа уже идолам, а не истине и не имея сил возвратиться к ней, но привычками, как месячною нечистотою, оскверняя природу всего здешнего. Под словом же *седе* (Быт. 31, 34) Писание разумеет здесь леность к деланию доброго и сластолюбие, – леность, когда говорит: *Седящыя во тме и сени смертней, окованныя нищетою и железом* (Пс. 106, 10), потому что тьма и оковы служат препятствием к деланию, – сластолюбие же, когда говорит об обратившихся сердцем во

[107] Вместо: *οὐ προσιζομένη* по рукописи читается: *ἁρνειται*.

Египет и рассуждающих друг с другом: «Вспомнили мы, *егда седяхом над котлы мясными и ядохом* мясо *до сытости* (Исх. 16, 3)». Ибо подлинно сидят над котлами те, которые изнеженною и непрекращающеюся горячностию разжигают в себе пожелания. Матерь же сластолюбия – чревоугодие, ибо оно порождает сластолюбие, а может быть, и многие другие страсти; от него, как от корня – отпрыски, возникают прочие страсти и, в скором времени став деревами, на породившей вырастают в достигающие до небес пороки, потому что сребролюбие, гнев, печаль суть порождения и отростки чревоугодия.

Чревоугоднику прежде всего нужны деньги на удовлетворение пламенеющего всегда вожделения, хотя оно никогда не удовлетворяется, а на препятствующих приобретению денег необходимо возбуждаться гневу; по необходимости также следует печаль, когда гнев по бессилию не перешел в дело. Ибо и ходящий *на персех и чреве* (ср.: Быт. 3, 14), когда есть у него вещества, производящие удовольствие, ходит на чреве, а когда недостает сего, пресмыкается на персях, где кроется гнев, потому что сластолюбцы, лишаясь удовольствий, гневаются и огорчаются.

56. Посему великий Моисей на перси иерею возлагает слово, знаменательно сим означая, что стремления страсти гнева должно обуздывать помыслом, потому что слово судное есть разумная сила. И иерей сдерживает страсти разумом, потому что несовершен; совершенный же Моисей всецело отлучает от себя все гневное, потому что не слово носит, но отлучает самую грудь, ибо сказано: *Вземъ Моисей грудь, отлучи ю возложение пред Господем* (Лев. 8, 29). Иные же как не отсекают всецело гнева, так и разумом не сдерживают страсти, но препобеждают ее трудом; и это суть те, которые отъемлют грудь вместе с *рамом* (ср.: Лев. 9, 21), потому что *рамо* (плечо) есть знак труда и делания.

А подобным образом и сие: *Ходить на чреве* (ср.: Быт. 3, 14) – по самой истине означает удовольствие, потому что чрево есть ближайшая причина удовольствий. Когда оно наполнено, тогда сильны пожелания и других удовольствий, а когда оно в оскудении, пожелания сии остаются более покойными и невозбужденными. И здесь есть разность между преуспевающим и совершенным, ибо Моисей, совершенно отринувший наслаждение снедями, *и утробу и ноги измы водою* (Лев. 8, 20), под утробою давая разуметь удовольствие, а под ногами восхождения и преуспеяния. Преуспевающий же измывает то, что в утробе, а не целую утробу. Великая также разность в словах *измы* и *исперут* (Чис. 8, 7), ибо первое добровольно, а последнее делается по приказанию.

57. Как совершенному должно с самопроизвольным усердием возбуждаться к добродетельным поступкам, так преуспевающему надлежит покоряться наставлению настоятеля и с крайнею заботливостию всю грудь отлучать, а утробу не отлучать, а измывать. Ибо мудрый в силах всецело отринуть и искоренить гнев, но не может отсечь утробы, потому

что природа принуждает и самого воздержного употреблять необходимые снеди. Когда же душа не водится правым и твердым законом, но растлена прелюбодейными[108] удовольствиями, тогда сожигается за сие утроба, так как вожделение остается ненасыщенным, хотя и переполнены телесные приемники, последует же расторжение утробы, по причине опадения лона (см.: Чис. 5, 22), ибо бессильным делается сердце к рождению доброго.

С воспламенением утробы от многоценности снедей расслабевают и духовные силы, ибо их слово Закона подразумевало под словом *лоно*. Посему сластолюбец ходит на чреве, излившись весь в усладительных удовольствиях. А начинающий добродетельную жизнь отъемлет тук от утробы, отказываясь от снедей, утучняющих тело. И преуспевающий измывает то, что в утробе, а совершенный измывает всю утробу, совершенно отвергая излишнее для необходимой потребности.

58. Весьма же кстати к словам *на персех твоих и чреве* приложено: *Ходити будеши* (Быт. 3, 14), потому что удовольствие возможно не неподвижным и покоящимся, но движущимся и исполненным смятения страстей. Чревоугодию же паче сего сродственно сладострастное движение. И сама природа, желая показать сродство их, орудиям сожития назначила место под чревом, сею близостию означая тесную связь. Ибо если ослабевает сия страсть, то ослабевает от оскудения того, что выше, – чрева, а если усиливается и приходит в движение, то оттуда подается ей сила. Но не сей только страсти питателем и воздоителем бывает чревоугодие: оно истребляет в человеке все доброе. Ибо, как скоро возобладает и возьмет верх, обыкновенно упадают и истребляются добрые качества: воздержание, целомудрие, мужество, терпение и все прочие добродетели. Сие-то приточно изобразил Иеремия, сказав: «*Стену Иерусалимлю окрест разори* (Иер. 52, 14) архимагир (начальник телохранителей) вавилонский», назвав архимагиром страсть чревоугодия. Ибо как архимагир прилагает все старание услужить чреву и придумывает тысячи искусственных способов доставить удовольствие, так и чревоугодие все приводит в движение, служа удовольствию гортани: и разнообразие снедей низлагает, и истребляет твердость добродетелей.

59. Ибо сладости и приправы и для хорошо уже утвердившейся добродетели делаются осадными и стенобитными орудиями, колеблющими и ниспровергающими ее твердыню и укрепление. Но как роскошь губительна для добродетели, так умеренность обыкновенно разрушает так же укрепления порока. Как стену Иерусалима, то есть души умиренной, разорил архимагир вавилонский, поваренным искусством вринув ее в плотские удовольствия, так *валяющееся тесто* израильского *хлеба ячна* ниспровергло *кущи Мадиамли* (ср.: Суд. 7, 13).

---

[108] Вместо: ψυχικαις по рукописи читается: μοιχικαις.

Ибо умеренный образ жизни, катясь и преуспевая, по большей части уничтожает блудные страсти. Мадианитяне служат образом блудных страстей, потому что они приводят к Израилю блудниц и обольщают великое множество юных. Весьма же прилично сказано в Писании, что мадианитяне имеют кущи, а Иерусалим стену, потому что объемлющее добродетель укреплено и твердо, а содержащее в себе порок есть одна видимость, куща, ничем не отличается от призрака.

60. Посему-то святые убегали городов и отвращались многолюдных встреч, зная, что обращение с людьми развратными гораздо тлетворнее заразительной болезни. Посему, ничего не взяв с собою, оставили имущества свои в добычу другим, отказавшись от развлечения ими. Посему-то Илия, оставив Иудею, обитал на пустынной и наполненной зверями горе Кармильской, кроме дерев, ничего не имея к утешению себя пищею, потому что довольствовался древесными плодами, ими удовлетворяя необходимой потребности. Подобно и Елисей вел такую же жизнь, заимствовав у учителя с другими добрыми качествами и любовь к пустынножитию. И Иоанн, живя в пустыне иорданской, вкушал акриды и дикий мед, показывая многим, как не трудно удовлетворять потребности телесной жизни, и укоряя за обременительное наслаждение. А может быть, что и Моисей, вообще предвозвещая что-либо подобное, дает израильтянам закон о манне – собирать ее изо дня в день, прикровенно повелевая сим, чтобы содержание человеческое было только однодневное, а не вперед заготовленное, ибо почитал приличным разумной природе довольствоваться тем, что есть, а раздаятелем прочего признавать Христа. Заботящийся же о том, что впереди, показывает тем, что не верит Божией милости, как будто она не всегда источает людям неистощимые дары.

61. И кратко сказать: посему-то все святые, *ихже не бе достоин* мир, оставили обитаемую вселенную, *в пустынех скитающеся и в горах и в вертепах и в пропастех земных,* и *проидоша в милотех (и) в козиих кожах, лишени, скорбяще, озлоблени* (Евр. 11, 38, 37), бегая человеческих благовидных пороков и странных дел, наполняющих города, чтобы силою их стремления, как потоком, не быть насильно увлеченными в безразличное смешение толпы, радуясь же пребыванию со зверьми и вред от них почитая меньшим вреда от людей, лучше же сказать, бегая от людей, как от злокозненных, и доверяясь зверям как друзьям, потому что они не учат пороку, но дивятся добродетели и чтут ее. Так Даниила погубили, как им думалось, люди, а львы спасли; и они, сохранив осужденного по ненависти несправедливо, дали тем знать, что нет справедливости у людей, провозгласив правдивый суд над осужденным несправедливо; и добродетель мужа соделалась для людей предлогом к зависти и раздору, а для зверей поводом к уважению и чести.

62. Посему, в ком всеяна любовь к улучшению, поревнуем добродетели святых и, отказавшись от служения повелениям плоти, поищем свободы, пойдем вслед *осла дивияго,* отпущенного Создателем в пустыню, не слушающего *стужания данническаго* и смеющегося *многу народу града* (ср.: Иов. 39, 5, 7).

И если доныне готовили мы его к ношению бремени, наложив на него ярмо греховных страстей, то разрешим, по крайней мере, от уз. Если и будут прекословить сему не урожденные господа, но приобретшие владычество по навыку, то, конечно, слыша, если только услышат, что не одним языком и не просто голосом, но внутренним расположением говорим им: *Господь* его *требует* (Мф. 21, 3), немедленно отпустят его, чтобы, украшенный апостольскими ризами, соделался колесницею Слова или, отпущенный на древнюю пажить Слова, *вслед всякаго злака искал* (ср.: Иов. 39, 8), то есть, последуя исполненным силы изречениям Божественного Писания, путеводился ими в жизнь неукоризненную, приобретая вместе и обильную пищу, и великое наслаждение. Но должно при сем доискаться, как пущенный Богом в пустыню дикий осел *вслед всякаго злака* ищет, имея *жилищем пустыню и селением сланость* (ср.: Иов. 39, 8, 6), когда солончак и пустыня большею частию не очень способны к произращению травы. Разве скажет кто, что для того, в ком не было страстей, при истреблении в себе питающего страсти достаточно взыскать поучения Божественным словесам.

63. Оставим дела житейские и обратимся к душевным благам. Долго ли будем оставаться при детских игрищах, нимало не восприемля мужественного образа мыслей? Долго ли будем в поступках немощнее самых малых младенцев, и их примером не руководствуясь к преуспеянию в важнейшем? Они с изменением возраста изменяют и расположение к играм и легко оставляют пристрастие к служившему забавою. В детстве служат им забавой, может быть, орехи, кости, шары, и к ним бывают пристрастны, пока не придут в совершенный разум, и почитают для себя достаточным заготовлять это. Но как скоро, преуспев, делается кто мужем, бросает сие и с великим тщанием принимается за дела.

А мы остаемся в младенчестве, дивясь тому, что свойственно детству и достойно осмеяния, не хотим позаботиться о лучшем и подумать о том, что прилично мужам, но, оставив это, забавляемся делами земными, доставляя повод к смеху тем, которые судят о делах сообразно с естественным порядком возрастов. Как срамно глядеть, когда совершенный муж сидит на куче золы и чертит на пепле детские забавы, так срамно, и гораздо срамнее, видеть, что имеющие в виду наслаждение вечными благами роются в прахе земных вещей и несообразностию поступков срамят совершенство обета. А причиною сего у нас, как кажется, то, что не представляем себе ничего важнее видимого, из сравнения малоценности настоящих благ не познаем превосходства благ тамошних, и, оза-

ряемые блеском благ, почитаемых здесь досточестными, останавливаемся на них, и к ним прилепляемся пожеланием. Ибо при отсутствии лучшего всегда высоко ценится худшее, заступая место лучшего. А если бы имели мы более высокое понятие о благах будущих, то не останавливались бы с удивлением на благах здешних.

64. Поэтому начнем устраняться настоящих благ, пренебрежем и имущество, и деньги, и все, что погружает в себя и потопляет помысел, выбросим груз, чтобы ладия сколько-нибудь поднялась из воды; обуреваемые, выкинем и многие снаряды, чтобы мог спастись кормчий – ум и с плавателями – помыслами. Если плывущие морем во время бури небрегут о своих товарах и своими руками бросают груз в море, имущество ставя ниже жизни, чтобы корабль, обременяемый тяжестию груза, не подвергся опасности, зачерпнув в себя воды, облегчают его, бросая в глубину, может быть, и дорогие редкости, то почему же мы для лучшей жизни не пренебрегаем того, что душу влечет в бездну? Почему не столько силен страх Божий, сколько силен страх моря? Те из любви к временной жизни невысоко ценят утрату того, что везут, а мы, говоря о себе, что вожделеваем Вечной Жизни, не пренебрегаем и малости, но решаемся лучше погибнуть вместе с грузом, нежели спастись, лишившись его.

Посему, умоляю, совлечемся всего – противник стоит обнаженный, потому что борцы не вступают в борьбу одетыми: закон борьбы изводит их на поприще обнаженными. В жар ли, в холод ли так они выходят, вне поприща оставляя одежды. Если же кто из них откажется обнажить себя, то должен отказаться и от борьбы. А мы, дав обет подвизаться, когда у нас борьба с сопротивниками, которые гораздо деятельнее борющихся чувственно, не только не совлекаемся одежды, но, тысячи бремен неся на плечах, вступаем в подвиг, доставляя тем противникам множество удобств захватить нас.

65. Как сражаться с духами злобы домогающемуся имуществ, когда отовсюду удобно наносятся ему удары? Как бороться с духом сребролюбия осыпанному деньгами? Как обогнать обнаженных от всякого попечения демонов облекшемуся в тысячи забот? Божественное Писание говорит: *Наг побегнет в той день* (Ам. 2, 16).

Наг, кто не облечен в многочисленные рубища заботы о делах житейских, наг, кому многосложные помыслы о деньгах и имуществе не препятствуют в скорости бега, потому что нагого трудно и даже невозможно уловить злоумышляющим. Если бы великий Иосиф был наг, то египтянка не нашла бы, за что ухватить его, ибо говорит Божественное слово: *Ухвати его за ризы, глаголющи: лязи со мною* (Быт. 39, 12). Ризы же суть дела телесные, за которые влечет преобладающее сластолюбие; и кто заботится о них, тому необходимо увлекаться, борясь с совлекающими. Так, подвижник целомудрия, как скоро увидел, что и необхо-

димою потребностию тела насильно увлекается к удовольствию общения и единения, познав, что должно было нагим жить при госпоже, которая могла удержать и принудить его, *оставль ризы своя, бежа и изыде вон* (Быт. 39, 13), как в раю, ходя в добродетели нагим в подражание первозданному, который, в преимущественный дар прияв от Бога наготу, хранил ее, пока преслушанием не доведен до потребности одежд. Ибо, пока боролся с сопротивниками, внушавшими нарушить Божию заповедь, как борец на поприще, стоял нагим; побежденный же и оставивший борьбу, как и следовало, был облечен в ризу, с прекращением подвижнического состояния оставив и наготу.

66. Посему-то Приточник, обращая речь к умащающему, говорит: *Отими ризу его, прейде бо* (Притч. 27, 13). Пока был вне поприща, хорошо пользовался и одеждами неборющихся, облечением в одежды скрывая в себе мужество борца. Но поелику вступил в подвиг, *отими ризу его*, потому что бороться должно нагому, и не только нагому, но даже и умащенному. Обнажение делает, что борца не за что ухватить противнику, а умащение елеем, если и будет схвачен[109], дает возможность ускользнуть из рук схватившего.

Почему противники стараются друг друга осыпать землею, чтобы, пылью придав шероховатость гладкости елея, сделать противника удобоудержимым, когда будет схвачен. Но что там – пыль, то в нашем подвиге дела земные, и что там – елей, то здесь неимение попечений; и как там умащенный удобно разрешает так называемые у них прицепки, а если падет на него пыль, с трудом избегает руки противоборца, так и здесь не пекущийся ни о чем неудоболовим для диавола, а кто заботится и попечениями, как бы пылью какою, придает шероховатость гладкости непопечительного ума, тот с трудом избавляется из руки диавольской.

67. Не иметь попечений свойственно душе совершенной, а сокрушать себя заботами – душе нечестивой, ибо о совершенной душе сказано, что она *якоже крин в терниих* (Песн. 2, 2), а сие означает душу, которая среди заботящихся о многом живет без попечений. Крин и в Евангелии означает душу, не имеющую попечений, ибо сказано: *Не труждается, ни прядет*, а паче Соломона облекается *славою* (ср.: Мф. 6, 28–29). О тех же, которые имеют много забот о телесном, говорится: *Все житие нечестиваго в попечении* (Иов. 15, 20). И подлинно нечестиво на целую жизнь распростирать попечение о телесном и не оказывать никакого старания о будущем; для тела, хотя оно и не требует большего о нем тщания, тратить все время, а для души, у которой такой длинный путь к преуспеянию, что не достанет и целой жизни для довершения оного, не уделить и сколько-нибудь времени. Ибо если и уделяем по видимому несколько, то делаем это лениво и нерадиво, уловляемые бли-

[109] По рукописи не читаются слова: τό δέ έλαιον.

стательностию видимого, подвергаясь тому же самому, что терпят обольщаемые гнусными распутными женщинами, которые, по недостатку красоты природной, примышляют поддельную для обмана зрителей, примышлением притираний поправляя свое безобразие. Ибо, однажды будучи препобеждены суетностию настоящего, не в состоянии мы видеть гнусность вещества, обманываемые пристрастием.

68. И потому-то не останавливаемся на необходимой потребности, но, поставив для себя целию неумеренное пресыщение жизнию, домогаемся всякого рода приобретений, не примечая того, что мерою приобретения служит телесная потребность и преступающее меру сию есть уже бесчиние, а не потребность. Как соразмерная с телом рубаха составляет и потребность, и украшение, со всех же сторон обвислая, опутывающая ноги и влекущаяся по земле при безобразии делается препятствием во всякой работе, так и имение, превышающее телесную потребность, и для добродетели служит препятствием, и подвергается великому порицанию тех, которые в состоянии исследовать природу вещей.

Посему не должно обращать внимания на тех, которые обольщены чувственным, и безрассудно следовать тем, которые, по невнимательности к мысленному, пристрастились к земному. Это значило бы то же, что для цветов сделать судьями слепых или для мусикийских звуков – глухих, лишенных способностей судить о том, что оценивается, и им поверить, как по разуму избравшим наслаждение настоящими благами. Ибо слепы те, у кого самых необходимых способностей судить лишен рассудок, которому обычно произносить суд о достойном уважения и о безразличном.

69. Одним из них был Ахар, сын Хармии, признавшийся Иисусу, что в куще жизни скрыл украденное под землею и под этим зарыл серебро. Ибо, кто пестрые и блестящие вещества ценит выше, а разум зарывает под ними, тот естественно обманывается, падая подобно бессловесному и предаваясь представлению понравившегося, потому что рассудок низвел он с правительственного престола и поставил наряду с подчиненными, вернее же сказать, наряду с подсудимыми. Ибо если бы он пребывал в собственном своем достоинстве и ему вверен был суд над видимым, то произнес бы правдивый и верный приговор, не дав воли стремлению к тому, что обманчиво. Посему прекрасно оставаться в пределах потребности и стараться всеми силами не преступать оных. Ибо если кто хотя несколько увлечен пожеланием к приятностям жизни, то никакой разум не остановит уже стремления вперед: тому, что сверх потребности, нет уже предела, но ничем не ограничивающиеся старания и нескончаемая суетность непрестанно будут увеличивать труд над этим, питая пожелание, подобно пламени, которое питается подкладыванием дров.

70. Когда преступившие однажды пределы естественной необходимости начинают преуспевать в вещественной жизни, тогда желают они, чтобы к хлебу прилагалась приятная снедь, а к воде – сперва обыкновенно употребляемое, а потом и более дорогое вино, одеждами же обыкновенно употребляемыми не соглашаются довольствоваться, но сперва покупают одеяния из шерсти, и притом более блистательные, подбирая и самый цвет шерсти, потом от сих одежд переходят к приготовляемым вместе из льна и шерсти, после сего делают одежды шелковые, и те сперва простые, а потом испещренные изображениями сражений, зверей и всяких историй; приобретают и сосуды серебряные и позолоченные, не только служащие для пиршеств, но и в излишестве поставляемые для животных и при ложах.

И должно ли больше сего говорить о сей излишней расточительности, когда простирают ее и на самые бесчестные потребности, и сосуды для извержений не почитая приличным делать из иного вещества, если на такое служение не будет употреблено серебро? Так сластолюбие простирается до крайности и самые бесчестные дела чтит драгоценностию вещества. Но это значит вести себя неестественно.

71. Естественный образ жизни один и тот же определен Создателем и нам, и животным. *Се, дах вам*, – говорит Бог человеку, – *всякую траву* в поле, *вам и зверем* будет *в снедь* (Быт. 1, 29–30). Посему, получив общее с бессловесными пропитание и своими примышлениями превратив оное в более роскошное, не по справедливости ли должны мы быть признаны неразумнейшими бессловесных, если звери остаются в пределах естества, не нарушая постановленного Богом, а мы – люди, одаренные рассудком, совершенно отступили от древнего законоположения? Ибо какие лакомства у бессловесных? Какие хлебники и повара тысячью искусств уготовляют услаждение бедному чреву? Не любят ли они древней скудости, питаясь травой, довольствуясь тем, что случилось, и в питие употребляя воду, и ту иногда редко? Потому и плотским удовольствиям предаются они реже, не воспламеняя пожеланий никакою утучняющею пищею и не всегда зная различие мужеского и женского пола.

Ибо чувство это дает им одно время в году, в которое естественный закон средством к продолжению рода изобрел собирать их для посеяния подобных себе: в другое же время до того они чуждаются друг друга, что совершенно забывают о сем пожелании. А в людях от дорогих яств ненасытимая похоть любодейства всеяла неистовые пожелания, ни в какое время не дозволяя утихнуть страсти.

72. Посему, так как приобретение имущества сопровождается великим вредом и, как нечто болезнетворное, служит поводом ко всем страстям, устраним самую причину, если только промышляем о благосостоянии души. Страсть сребролюбия уврачуем нестяжательностию. Возлюбив уединение, будем бегать сборищ людей бесполезных, потому что

пагубно и тлетворно для мирного состояния пребывание с людьми легкомысленными. Как бывшие в заразительном воздухе непременно делаются больными, так и проводящие время с людьми всякого рода приобщаются их пороков. Ибо что общего с миром у отрекшихся от мира? *Никтоже (бо) воин бывая обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет* (2 Тим. 2, 4). Занятие куплями препятствует воинским упражнениям. А не упражнявшись, как устоим в борьбе с искусившимися в брани? Лучше же сказать, если уже говорить правду, так лениво и нерадиво боремся, что не можем противиться и поверженному уже врагу, и мы, стоящие, подвергаемся злоумышлениям падшего.

Что терпят во время войны по сребролюбию обирающие мертвых, часто после победы убиваемые лежащими и ради гнусной корысти жалко гибнущие после приобретенных трофеев, то же терпим ныне и мы, приближаясь к низложенному и издыхающему врагу. Как те, по страсти к деньгам, обыскивая мертвых, нередко, подошедши к иному полумертвому и раздевая его, неприметно получали смертный удар и падали, неразумно посрамив славу, приобретенную победой, так и мы, когда целомудрием или воздержанием низлагаем или почитаем себя низложившими варвара, тогда, обольстившись его одеждами, которые у людей признаются дорогими, богатством, властию, здравием, честию, приближаемся к нему, желая что-либо взять у него, и таким образом умираем, сами себя предавая на убиение.

73. Так погибли пять дев, чистотою и воздержанием умертвившие, а жестокосердием, какое порождается сребролюбием, сами себя повергшие на меч, когда враг, как низложенный, не мог умертвить их, твердо стоявших. Посему не пожелаем ничего вражеского, чтобы с принадлежащим ему не погубить и душу. Ибо и ныне приглашает и побуждает к этому всех, особенно если найдет послушных ему. Если и Самого Господа призывал он, говоря: *Сия вся Тебе дам, аще пад поклонишимися* (Мф. 4, 9), и тем, что почитается блистательным в свете, покушался обольстить Того, Кто не имеет в сем нужды, то ужели не помыслит обольстить удобоуловимых людей, склонных к наслаждению вещами чувственными? Будем же обучать себя благочестию, если имеет успех и обучение телесное: *телесное бо обучение вмале есть полезно*, уподобляясь урокам, какие преподают детям, *а благочестие на все полезно есть* (1 Тим. 4, 8), уготовляя в душе здравие желающим победы над противоборными страстями.

74. Как борцам, обучающимся еще на детских играх, прилично упражнять тело, часто приводить в движение члены, а возмужавшим в искусстве борьбы должно заботиться о подвижнической крепости и умащать себя на священные подвиги, так начинающим учиться богочестию надлежит тщательно сдерживать деятельные силы: для них важно, если возобладают над страстями, будучи раздражаемы удовольствиями, в ко-

торых выросли, и почти невольно вовлекаемы в привычные худые дела, а пришедшие уже в состояние деятельной добродетели и заботящиеся о том, что разумно, обязаны со всем тщанием охранять рассудок, чтобы при беспорядочном движении не увлечься к чему-либо несовершенному, и притом необдуманно.

Одни должны стараться о том, как управлять телесными движениями, а другие о том, как обучать стремления рассудка, стройно направляться к единому любомудренному поведению так, чтобы ни одно мирское представление не отвлекало рассудка от Божественных помышлений. Ибо вожделение богочестивого должно быть всецело устремлено к вожделеваемому, чтобы вовсе не оставалось времени приводить в действие свои страсти по человеконенавистным помыслам. Если каждая страсть, когда приходит в движение, в обладаемом ею держит рассудок связанным, то почему же и ревности к добродетели не удержать мысль свободною от прочих страстей? Ибо приемлет ли извне какое ощущение раздраженный, борясь мысленно с представлением оскорбившего? А также жадный до денег, когда, увлеченный мечтанием, пригвождает взор к тому, что доставляет прибыль? Нередко развратный, сидя в обществе с другими, смежает свои чувства и, занявшись любимым лицом, с ним беседует, забывая присутствующих, сидит безгласным столпом, не зная ничего, что делается или говорится на глазах его, но, углубившись внутрь себя, весь занят своим представлением.

Такую, может быть, душу слово Божие именует сидящею, когда она, став вдали[110] от чувств, останавливает собственную свою деятельность, вовсе не приемля в себя ничего внешнего, по причине занимающего ее скверного представления.

75. Если же и сие, по причине пристрастия, столько овладевает помыслом и чувства приводит в бездействие, то кольми паче любовь к любомудрию, восхитив ум в превыспреннее и заняв созерцанием мысленного, заставит его отречься от чувственного и от чувств? Как у человека, которого режут или жгут, помысел не пойдет далее ощущаемого страдания по причине преобладающей боли, так и тому, кто помышляет о чем бы то ни было со страстию, невозможно не устремлять всего внимания на ту страсть, которая занимает его сердце и помысел всецело соделала однокачественным с собою, потому что удовольствие не дает места скорби, радость – печали, веселие – унынию, а обратно, преобладающая скорбь не допускает удовольствия, овладевшая печаль не сопрягается с радостию, уныние не срастворяется веселием. Противоположные страсти несоединимы между собою, никогда не сходятся вместе, не вступают в дружеское общение по естественно непримиримой вражде и отчуждению.

[110] Вместо: μικράν по рукописи читается: μακράν.

Поэтому чистота добродетели да не возмущается мыслями о делах мирских, ясность созерцания да не приводится в смущение телесными заботами, чтобы и образ истинного любомудрия, сияя свойственною ему красотою, не был порицаем дерзновенными устами и по неопытности пишущих оный не соделался предметом осмеяния, но восхваляли его если не люди, то, по крайней мере, Горние Силы или Сам Владыка Христос, от Которого и святые взыскуют похвалы, как великий Давид, поправ человеческую славу и испрашивая похвалы у Бога, говорит: *От Тебе похвала моя* (Пс. 21, 26); и еще: *О Господе похвалится душа моя* (Пс. 33, 3). Люди часто по ненависти чернят и хорошее, а зрелище горнее нелицеприятно судит дела и приговор о сделанном произносит по самой истине. Поэтому сие зрелище, которому необходимо услаждаться усладительностию дел, да будет услаждено. А что касается до людей, которые не могут ни воздать награды жившим хорошо, ни наказать живших иначе, то не великая важность, если, или по зависти, или по пристрастию дела добродетели омрачая именами порока, жизнь, признанную Богом и людьми, чернят вымышленными хулами. Ибо во время воздаяния жившим хорошо, без сомнения не по людскому мнению, но по самой действительности совершенного в жизни, последует воздаяние вечных благ, которые да сподобимся получить и все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым слава Отцу вместе со Святым Духом, ныне и присно и в беспредельные и нескончаемые веки веков! Аминь.